
ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО
И
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.
1840.

II-9
12-69
ОП

# ПАНТЕОНЪ

## РУССКАГО

### И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

## ТЕАТРОВЪ.

7932. 6974



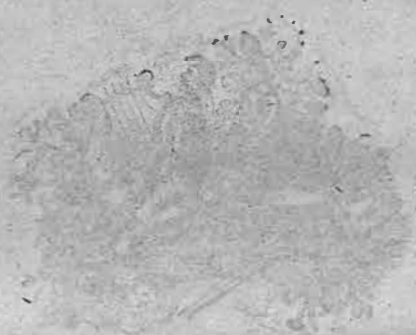
**ЧАСТЬ II,**

Редакторъ: *Ѳ. А. Кони.*

Изданіе: книгопродавца *В. П. Полякова.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. Плюшара.
1840.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
Б[illegible]ЕКА
имени [illegible]СКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ



**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,**

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, Санктпетербургъ. Мая 12-го дня 1840.

*Цензоръ* П. Корсаковъ.

# КАРЛЪ VII,

# КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ,

сочиненіе

АЛЕКСАНДРА ДЮМА,

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. МИЖВИЧА.

## ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Карлъ VII, король французскій.

Карлъ Савуази, графъ Сенъёле.

Якубъ, молодой Арабъ.

Беранжера, супруга графа Савуази.

Агнеса Сорель.

Графъ Дюнуа.

Изабелла де Гравиль.

Раймондъ, Андрей, Жанъ } стрѣлки.

Капелланъ.

Бальтазаръ, сокольничій.

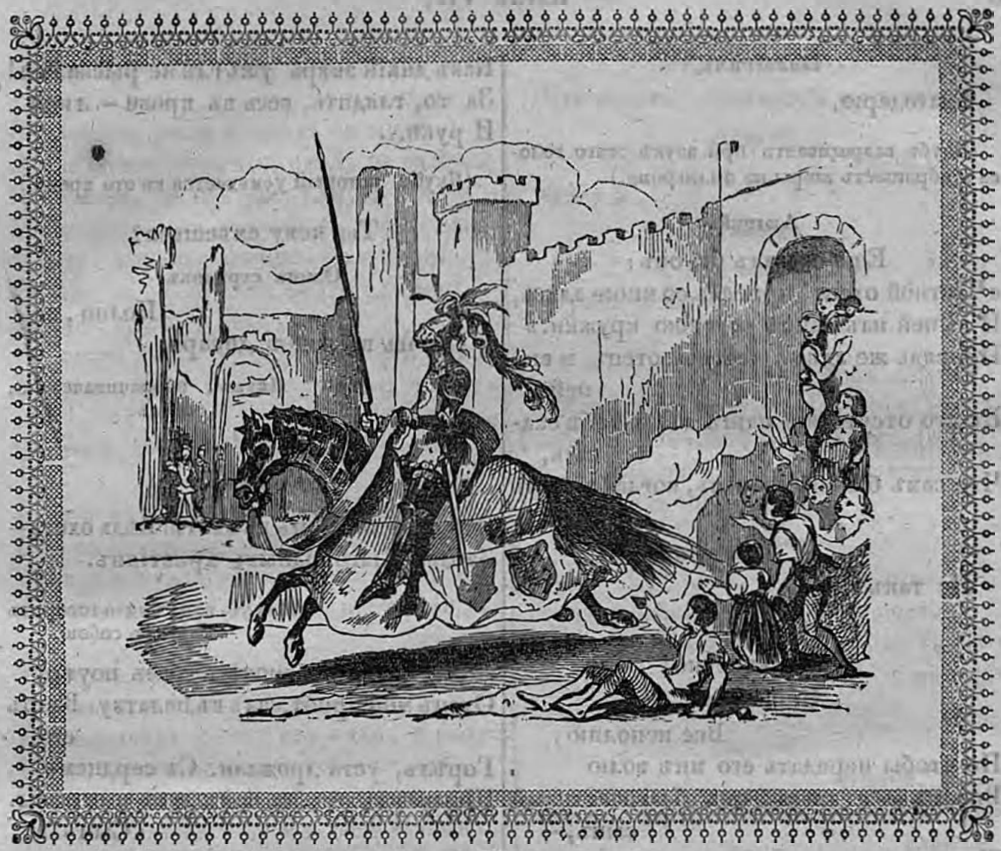
Королевскій казначей.

Оруженосецъ.

Крестьянинъ.

Пажъ.

*Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ Сенъёле, въ Берри.*



Дѣйствіе IV, сцена IV.

# КАРЛЪ VII.

## ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

### ЯКУБЪ.

Театръ представляетъ готическую залу. Въ глубинѣ дверь, ведущая на дворъ; по сторонамъ ея два окна съ цвѣтными стеклами.—Направо отъ зрителя дверь, занавѣшенная ковромъ.—Налѣво большой каминъ; еще другая дверь, также занавѣшенная ковромъ и ведущая въ пріемную комнату.—По каждую сторону окна и между дверями висятъ на стѣнахъ полное вооруженіе, въ натуральномъ видѣ.—Подлѣ камина молельня.

#### ЯВЛЕНІЕ I.

Нѣсколько стрѣляковъ сидятъ вокругъ огня. Якубъ, на противоположной сторонѣ, лежитъ на тигровой кожѣ; въ задней двери показываются въ одно время пилигримъ и стрѣлокъ; послѣдній несетъ на плечахъ только-что убитаго имъ оленя.

**Пилигримъ**, на порогѣ двери.

Миръ дому вашему!

**Андрей**, проходя впереди его.

Войди, честной отецъ!
Когда бы графъ нашъ, Карлъ Савуази,
Тебя увидѣлъ самъ передъ своимъ порогомъ,
Онъ также бы сказалъ: «войди, честной отецъ!»

Пилигримъ.

Благодарю.

(Якубъ вздрагиваетъ при звукѣ этаго голоса и обращаетъ взоры на пилигрима.)

Андрей.

Еще сказалъ бы онъ:
«Честной отецъ! присядь со мною здѣсь,
И выпей изъ одной со мною кружки.»
Присядь же здѣсь, честной отецъ, и выпей,
Въ его отсутствіи нашъ долгъ тебѣ сказать,
Что самъ бы онъ сказалъ, когда бъ былъ дома.
(Къ стрѣлкамъ.)
Не такъ ли?

Стрѣлки.

Такъ, конечно!

Пилигримъ.

Все исполню;
Но чтобы передать его мнѣ волю
Вполнѣ — я знаю, онъ благочестивый сынъ, —
Такъ проводите вы меня сначала
На гробы его предковъ: тамъ я помолюсь
За упокой души ихъ.

Андрей, подавая ключъ Жану.

Жанъ! вотъ ключъ;
Ступай и проводи честнаго старца.

(Пилигримъ и Жанъ уходятъ.)

Ну, братцы, полюбуйтесь-ка добычей!
Кто молодецъ изъ васъ стрѣлять оленей!
Скажите-ка, случалось ли кому
Такъ мѣтко бить въ ста двадцати шагахъ?
(Бросаетъ оленя на полъ.)
Каковъ?

(Стрѣлки составляютъ кружокъ около оленя.)

Одинъ стрѣлокъ.

Да, нечего сказать, звѣрь чудный!

Андрей.

Вѣдь съ самой зорюшки за нимъ гонялся —
Ползкомъ, между кустами, по болотамъ,
Какъ дикій звѣрь ужъ гдѣ не рыскалъ я!
За то, глядите, весь въ крови — лицо
И руки...

(Якубу, который усмѣхается въ это время.)

Ты чему смѣешься?

Одинъ стрѣлокъ.

Полно,
Оставь въ покоѣ дикаря.

Якубъ, оборачиваясь къ нимъ.

Гмъ!..

Стрѣлокъ.

Что смыслитъ онъ въ охотѣ? Вѣдь охота —
Забава благородныхъ христіянъ.

Якубъ, какъ будто говоритъ самъ съ собою.

Я былъ еще ребенокъ... разъ поутру
Отецъ мой прибѣжалъ въ палатку. Взоръ его
Горѣлъ, уста дрожали. Съ сердцемъ
Швырнулъ онъ на полъ лукъ и стрѣлы.
«Сынъ!»
Сказалъ онъ мнѣ: «клянуся Магометомъ:
Проклятіе надъ нашей стороной!
Что ночь, то у меня бараномъ меньше.
И нынче львица приходила вновь:
Я на пескѣ слѣды ея замѣтилъ.
Знать, гдѣ нибудь тутъ дѣти есть у ней.»
Я не сказалъ ни слова; но когда
Отецъ мой вышелъ, я схватилъ и лукъ
И стрѣлы... тихо, осторожно
Я по слѣдамъ за львицей погнался...
Вдругъ у рѣки, я вижу, слѣдъ пропалъ...
Я черезъ рѣку вплавь — красавица моя
Въ пустыню вздумала бѣжать: за нею,
Какъ пламенный любовникъ, я погнался.
Былъ полдень, солнце жгло, отъ зноя
Она было укрылась подъ гранитъ;
(Есть тамъ у насъ въ пустынѣ сфинксъ гранитный,
Стражъ вѣковой пустыни вѣковой!)
Усталъ и я, и также, какъ она,
Прилегъ подъ этимъ сфинксомъ... какъ она,

Опять пустился въ путь—и до глубокой ночи,
За шагомъ шагъ слѣдилъ ея шаги.
Но наконецъ стемнѣло, слѣдъ не видѣнъ;
И я одинъ, въ пустынѣ; глухо все —
Ни шороха... въ песчаномъ морѣ степи
Плыву, дыханье затаивъ—все тихо...
Но иногда вдали какъ будто слышно
Рыканіе глухое... какъ змѣя,
На этотъ звукъ я въ сумракѣ поползъ...
Вдругъ, вижу, темная пещера; въ глубинѣ—
Смотрю, горятъ два глаза, словно звѣзды,
И на меня какъ-разъ устремлены...
Взыграло сердце! — А, подумалъ я,
Теперь не нужно мнѣ ни звука, ни слѣда:
Лицомъ къ лицу столлъ я передъ львицей...
У! битва чудная была—на смерть!
И человѣкъ и звѣрь ревѣли оба...
Но замолчалъ одинъ изъ нихъ, и скоро
Кровь одного песокъ сухой смочила...
Взошла заря, и солнце освѣтило
Ребенка, спящаго на мертвой львицѣ...
Ребёнокъ этотъ—не примѣръ другимъ;
Охотиться за львами—низкая забава, —
Невѣрнымъ предоставлена она!..

Андрей.

Молчи ты, Саррацинъ! Мы, христіяне,
Когда гонялемся въ пустыняхъ вашихъ,
Мы тѣшимся, въ надеждѣ знатной ловли:

(Указывая на Якуба.)

И вотъ какихъ звѣрей себѣ привозимъ!

(Снимаетъ стрѣлы, которыми увѣшанъ его поясъ и кладетъ лукъ свой въ уголъ.)

Уфъ! Какъ я пить хочу!.. Скорѣй вина,
Ребята!.. Ну, что слышно о Бургундцахъ,
Объ Англичанахъ? Естьли что новаго
Послѣ вчерашнихъ новостей?

(Пьетъ.)

О, чудный край,
Благословенный край, Бургундія!
Упорно ты воюешь съ нами, но —
Я ссориться могу съ дѣтьми твоими,
А ужъ съ виномъ навѣрно не поссорюсь!..

Одинъ стрѣлокъ,

Что новаго?—Раймондъ пріѣхалъ.

Андрей.

Вотъ!
Откуда?

Стрѣлокъ,

Я чай, изъ лагеря
Французскаго.

Андрей.

Дай Богъ, чтобъ добрыя
Привезъ онъ вѣсти намъ: что Англичане
Разбиты, иль нашъ Король рѣшился
На добрый путь хоть мало обратиться!..
Не говорилъ онъ ничего?

Стрѣлокъ.

Графиня
Тотчасъ позвать его къ себѣ велѣла,
Какъ-скоро онъ пріѣхалъ: онъ сказалъ намъ,
Чтобъ здѣсь его мы подождали.

Андрей.

Вѣрно,
Онъ съ порученіемъ сюда отъ Графа посланъ?

Стрѣлокъ.

Да, вѣрно.

Андрей.

Съ вами здѣсь и я его
Дождусь... три года скоро, какъ уѣхалъ онъ:
Чай много есть о чемъ поразсказать!

=

## ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе.—Раймондъ выходитъ отъ Графини.

Раймондъ.

Ну, вотъ и я! Здорово!

Стрѣлки.

Здравствуй, Раймондъ!

Раймондъ, Андрею.

Здорово, красный носъ! Ну, что, все тотъ же? —
Лихой стрѣлокъ и пьяница лихой?

(Андрей показываетъ убитаго оленя и бутылку.)

Да, молодецъ! Одни глупцы не знаютъ
Цѣны дарамъ Господнимъ на землѣ..

(Подходитъ къ Якубу.)

Ну, ты, мой тигръ!

Якубъ.

Гмъ!..

Раймондъ.

Вишь, какъ зарычалъ?
Да знаешь ли ты, африканскій звѣрь,
Что безъ меня еще бъ ты и теперь,
Все рыскалъ по своимъ степямъ проклятымъ?
Что безъ меня ошейника такого
Ты бъ не носилъ?..Каковъ? Весь золотой!
И всякій, кто читать умѣетъ, можетъ
Прочесть, какая надпись есть на немъ:
*Якубъ, Сарацинъ, принадлежитъ Мессиру Карлу Савуази, Графу Сенъёле.*»
Вѣдь это всѣ даетъ тебѣ, братъ, здѣсь,
Между слугами! Помнишь ли, какъ я
Нашелъ тебя на солнцѣ? Гадъ презрѣнный!
Кому ты всѣмъ обязанъ? Кровъ, одежду,
Кусокъ насущный я тебѣ доставилъ...
Забылъ ты — я напомнилъ...

Якубъ.

Помню я,
О, очень помню...

Андрей.

Другъ Раймондъ! Оставь его!
Скажи-ка намъ, что новаго у насъ?
И какъ дѣла?

Раймондъ.

Я чай, извѣстно вамъ,
Что Карлъ Шестой скончался, и наслѣдникъ
Вѣнецъ принялъ немедля въ Поатье?

Андрей.

Ну, чортъ возьми! А мы въ своемъ гнѣздѣ
Знать ничего не знаемъ... А однако жъ
Намъ знать бы интересно было:
Мы Арманьяки, мы Французы, да!
Унасъ на платьѣ бѣлый крестъ нашитъ.

Раймондъ.

О добрыя овечки! Ваше стадо,
Мнѣ кажется, идетъ-себѣ, не зная,
Куда и кто его ведетъ? Такъ знайте жь,
Господа Беррійцы, врагъ нашъ въ Мёнѣ
Дерется съ нами... Хороши ребята!
Они не знаютъ ни про что!—Постойте,
Кто любопытенъ, тотъ, пожалуй, скоро,
Не выходя изъ этихъ мѣстъ, здѣсь, дома,
Съ вершины стѣнъ своихъ, коли захочетъ
Глаза открыть и ухо приложить —
Увидитъ и услышитъ чудеса.

Стрѣлокъ.

Что жъ онъ увидитъ? Что услышитъ?

Раймондъ.

Увидитъ онъ, какъ тридцать тысячь войска,
Словно стѣна желѣзная, придутъ...
Услышитъ онъ проклятые ихъ крики;
Одни кричатъ: «Бургундія!» Другіе —
«Святой Георгій!»

Андрей.

Какъ, отъ насъ такъ близко.
И Англичане и Бургундцы? Шутишь!
Ихъ тридцать тысячь, говоришь ты?

Раймондъ.

Да,
Какъ-разъ, братъ, тридцать тысячь. Да къ тому жъ
Имъ въ помощь вся Бретань, любезный; да!

Стрѣлокъ.

Такъ съ трехъ сторонъ? Ну, а Парижъ?

Раймондъ

Парижъ?
Давно ужъ отданъ.

Андрей.

Какъ? А графъ Бернаръ?

Раймондъ.

Повѣшенъ... Генрихъ англійскій объявленъ
Французскимъ Королемъ, Бедфордъ — Регентомъ.

Стрѣлокъ.

Вотъ штука, чортъ возьми!..

Раймондъ.

Да къ счастію —
Кларенсъ, Суффолькъ и милордъ Грей убиты
Въ сраженьи подъ Анжеромъ, и солдаты
Увидѣли здѣсь ясно, что врагу,
Хоть сталью англійской его прикрыта грудь,
Не устоять противъ копья французовъ.
Бедфордъ съ Іоанномъ и Филиппомъ заключилъ
Трактатъ,—и если онъ исполненъ будетъ
И Герцоги бургундскій и бретанскій
Соединятся съ Англіей, тогда
Намъ остается лишь сказать—спасибо!..
И развѣ только Карлъ Седьмой—когда бы
Сердечный голосъ мой услышать могъ онъ! —
Своею царственной рукой подниметъ знамя
Своихъ барономъ соберетъ — и самъ
Воскликнетъ передъ ратью: «Монъ-Жуа
И Сенъ-Дени!..» И горе, если кто
На этотъ кликъ душой не отзовется
Не полетитъ съ оружіемъ на бой!..

Андрей.

Что до меня, я знаю молодца,
Который будетъ выжидать спокойно,
Чѣмъ быть судьба ему велитъ—Французомъ
Или Англичаниномъ.

Раймондъ.

Кто жъ это?

Андрей, указываетъ на Якуба.

Вотъ!

Раймондъ,

Якубь, ты слышишь?

Якубъ.

Да, онъ въ этомъ правъ.
Скажи ты самъ: въ моей презрѣнной долѣ
Не все ль равно—крестъ бѣлый Арманьяка,
Иль красный крестъ Бургундца. Для меня —
Одинъ, другой ли сильный — все равно!
Ни Карлъ, ни Генрихъ, надъ моей душою
Правъ никакихъ имѣть не могутъ — да!
Придетъ пора — Французы, Англичане,
Клочокъ земли дадутъ мнѣ для могилы...
Карлъ, Генрихъ — короли при жизни—
Какъ ни были бъ велики ихъ желанья —
Умрутъ:—все тотъ же имъ клочекъ земли ничтожный,
Аршина въ три, не больше, отведутъ,
Какъ мнѣ, ничтожному изъ всѣхъ людей
Ничтожныхъ!...

Раймондъ.

Да, конечно, если только
На вѣчное владѣніе тебѣ
Не отведетъ палачъ послѣдняго жилища,
И твой скелетъ на полпути отъ неба
Не станетъ, какъ гробница Магомета...
Богъ дастъ, когда нибудь увидимъ это!

Андрей.

Давно ли ты оставилъ Графа?

Раймондъ.

Вотъ ужъ,
Чей, скоро мѣсяцъ будетъ, какъ мы оба
Изъ лагеря съ нимъ выѣхали: онъ
Отправился въ Бретань, а я поѣхалъ
Совсѣмъ въ другую сторону: вотъ видишь —
Я долженъ былъ исполнить порученье...
Хоть и не по сердцу оно, да знаешь,
Отпѣкиваться намъ неловко; надо
Мнѣ было въ Авиньонъ пробраться къ Папѣ,
И признаюсь,—довольно трудный путь.
Я долженъ былъ то волкомъ, то лисицей
Межъ двухъ огней прокладывать дорогу:
То Англичане, то Бургундцы!... Впрочемъ
Я порученіе, какъ слѣдуетъ, исполнилъ.
Дай Богъ, чтобъ Графъ успѣлъ бы точно также
Свое обдѣлать дѣло. А признаться,
Не худо бъ было это: я надѣюсь,
Что грамоту Его Святѣйшества

Исправно я привезъ сюда. Смотрите —
Вотъ папская печать, вотъ крестъ, ключи,
Жезлъ, — тьяра все какъ надо... Преклоните
Главы свои...

(Всѣ наклоняются; взоромъ онъ приказываетъ Якубу сдѣлать тоже.)

И ты!...

Якубъ,

И я? — Пожалуй:
И папа вашъ — и Магометъ великъ!

(Складываетъ крестомъ руки и преклоняетъ голову.)

Раймондъ,

Ты видишь ли кинжалъ? Клянусь, Якубъ,
Когда изъ устъ твоихъ еще услышу
Хулу такую, если ты дерзнешь
Священное соединять съ нечистымъ,
Проклятымъ именемъ — клянусь, Якубъ,
Я пригвозжу языкъ твой богохульный!

Всѣ подходятъ къ Якубу.

Нѣкоторые.

Поганое отродье!...

Якубъ, вскакиваетъ и хватается за ятаганъ.

Тише вы,
Проклятые! Назадъ! Клянусь Аллахомъ!
Назадъ, когда вамъ жизнь не надоѣла.

=

## ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе, — Беранжера приподнимаетъ коверъ. При видѣ ея всѣ останавливаются. — Якубъ складываетъ крестомъ руки и принимаетъ самое почтительное положеніе.

Беранжера.

Друзья! Опять межъ вами шумъ и ссора!
Опять вражда! Кому вы такъ грозите?

Андрей.

Да вотъ проклятый Саррацинъ: на Папу
Хулу онъ смѣетъ изрыгать.

Беранжера.

Оставьте;
Онъ самъ не вѣдаетъ, что говоритъ,
Безумецъ... Развѣ мало, что Господь
Его отвергнулъ? Ты, Раймондъ, зачѣмъ
Кинжалъ свой обнажилъ?

Раймондъ.

Графиня...

Бросаетъ кинжалъ къ ногамъ Якуба.

Его отдать хотѣлъ Якубу я,
Чтобъ наточилъ онъ... Слышишь, Саррацинъ?

Беранжера.

Ну, хорошо. — Подите же отсюда,
А ввечеру молиться приходите.

Они уходятъ.

Якубъ, теперь съ тобою мы одни:
Скажи мнѣ, что здѣсь было?

Якубъ

Ничего.

Беранжера.

Что сдѣлалъ онъ тебѣ, Якубъ?

Якубъ.

Мнѣ? Ничего.

Беранжера.

Ты видишь, я не знаю,
Что было здѣсь, а между тѣмъ вину
Слагаю я на нихъ, не на тебя.

Якубъ.

Благодарю.

Беранжера.

И болѣе ни слова?

Якубъ.

Одно: что Магометъ вмѣстъ право
Клеймить проклятьемъ человѣка — и клеймитъ...

Беранжера.

Якубъ!...

Якубъ.

Не знаю я, за что, но знаю,
Что на челѣ моемъ лежитъ проклятье,
Что на душѣ моей, сильнѣе съ каждымъ днемъ,
Кипитъ и ненависть и злоба, — знаю,
Что мать моя, родивъ меня на свѣтъ,
Въ страданьяхъ умерла...

Берангера.

Несчастный!...

Якубъ.

Я
Несчастный? — Да, несчастный въ самомъ дѣлѣ.
Скажи, за что я такъ страдаю? Что я сдѣлалъ?
Моя ль вина, что твой супругъ, въ безумной
Горячности преслѣдуя вассала,
Вбѣжалъ во храмъ, и не смотря на крики
Служителя святаго алтаря,
Нанесъ обидчику ударъ смертельный?
И если кровью обагрился храмъ —
Моя ль вина? И если Графъ, въ пылу
Негодованья, позабылъ, что храмъ
Убѣжище святое человѣку —
Моя ль вина? И если на соборѣ
Святѣйшій Папа, съ общаго согласья,
Рѣшилъ, что Графъ, чтобы омыть свой грѣхъ,
Вооружить галеру долженъ, и съ мечемъ въ рукахъ
На берегъ нашъ внести опустошенье,
И какъ рабовъ насъ привести въ цѣпяхъ —
Моя ль вина? — И почему же я,
Въ своихъ степяхъ, быть долженъ искупленьемъ
Его вины? О, еслибъ, напримѣръ,
Какой нибудь отважный предводитель
Суровыхъ нашихъ ордъ, съ такой же цѣлью,
И изъ такихъ же побужденій, вдругъ
Нахлынулъ къ вамъ съ воинственной толпой,
И въ нѣдра мирныя отчизны вашей,
Гдѣ было все спокойно, безмятежно,
Онъ внесъ бы мечъ и пламя, — если бъ онъ
О, женщина! въ твоей семьѣ счастливой
Похитилъ бы отца, похитилъ сына,
Увелъ его въ далекій край, и тамъ
Съ нимъ обходился бы, какъ здѣсь со мною вы,
Ошейникъ на него надѣлъ бы этотъ...
Ты бъ поняла тогда, что ненависти страшной,
Не скроешь такъ, какъ лезвея кинжала
Въ ножнахъ!...

Берангера.

Ахъ, да, Якубъ! Я вижу, ты Несчастливъ!

Якубъ, задумчиво.

Гмъ! А какъ я счастливъ былъ!
Какъ сладостно младенческіе годы
Въ моихъ степяхъ родимыхъ протекали...
Нерѣдко я, склонивъ свой главу,
На мигъ забывъ и горе и печали,
Прошедшее на память призову,
И мысленно душой своей летаю
Въ родныхъ поляхъ, въ своей отчизнѣ дикой...
Забыто все, что на душѣ теперь,
Чѣмъ впереди мнѣ доля угрожаетъ...
О, какъ тогда роскошно и свѣтло
Весна моя для мысли воскресаетъ!
Свободенъ я, ошейникъ позабытъ —
И солнце для меня на свѣтломъ небѣ
Какъ будто бы тогда теплѣе грѣетъ,
И, мнятся мнѣ, предъ взорами моими
Въ печальномъ, знойномъ мракѣ, караванъ,
Какъ пестрая змѣя, лѣниво вьется...
Заранѣе мы мѣсто избираемъ
Для отдыха, для скромнаго обѣда —
Мы знаемъ всѣ оазисы пустыни...
Живѣй, бодрѣй, погонщики верблюдовъ!
Завѣтную ударьте дружно пѣснь,
И призовите имя Магомета:
Какъ вы, скитался въ пустынѣ знойной,
И пилигримъ, и воинъ безпокойный,
Свершалъ онъ путь въ священную страну...
Иль нѣтъ, не вспомните ль изъ пѣсней вы одну,
Которую въ вечерній часъ, бывало,
Передъ шатромъ, на нильскихъ берегахъ,
При нашихъ дружескихъ пирахъ,
Намъ черноокая красавица пѣвала?
Вы помните ея воздушный станъ,

Взоръ огненный, плѣнительныя рѣчи,
И локонъ смоляной, и мраморныя плечи,
И пѣсни дивныя — отраду мусульманъ!
Вы помните восторги огневые,
Какъ подъ прозрачной пеленой,
Кружась, она взоръ манитъ за собой,
И мой отецъ цехины золотые
Ей сыплетъ щедрою рукой!
О, мой отецъ, — онъ воинъ не простой:
Четыре племени ему подвластны!
Когда во всѣ четыре края онъ
Пошлетъ стрѣлу изъ лука — каждый край
Тотчасъ ему по сотнѣ выставляетъ
Отборныхъ воиновъ, и такъ поспѣшно,
Что ихъ орелъ не перегонитъ въ небѣ!...

Снова впадая въ отчаяніе.

О, Магометъ!.. Какъ сладокъ этотъ сонъ!
И послѣ сна какъ горько пробужденье!
Я помню часъ, тотъ страшный часъ, когда
Проснулся я отъ сладкаго видѣнья —
Кинжалъ въ груди, оковы на ногахъ...
Я сталъ рабомъ раба другаго: онъ
Нашелъ меня въ пустынѣ спящимъ, и...
Ты знаешь — этотъ рабъ — Раймондъ...
Кинжалъ —

(Поднимая кинжалъ, который Раймондъ кинулъ ему.)

Вотъ онъ!... Его увидѣлъ я опять,
И въ этотъ мигъ надъ головой моею
Всѣ десять лѣтъ невзоли пронеслись,
Какъ бурная гроза!... О, твой кинжалъ...
Гмъ! Да — я наточу его, Раймондъ,
Я наточу, какъ хочешь ты — и послѣ
Я у себя держать его не стану!...

Беранжера.

Однако же я слышала, Якубъ,
Что нанесенную тебѣ Раймондомъ рану
Графъ скоро залечилъ своимъ стараньемъ.

Якубъ,

Да,
Графъ былъ ко мнѣ великодушенъ: онъ
Простеръ мнѣ руку помощи въ то время,
Когда я безпомощный умиралъ:
Онъ освѣжилъ уста мои водою,
Послѣднія мнѣ капли удѣлилъ...
А капля каждая въ пустынѣ знойной
Цѣной своей равнялся алмазу.
Вотъ чѣмъ меня обезоружилъ онъ;
Вотъ что въ душѣ моей храню я свято,
Когда, во время длинной ночи, адъ
Зоветъ меня къ отмщенью — запятить
Мечомъ за мечъ, слезою за слезу.

Беранжера.

Съ тѣхъ поръ, однако же, какъ ты у Графа,
Ты можешь ли сказать, чтобъ былъ въ неволѣ?
Чуть утро лишь настало — ты свободенъ...

Якубъ.

Конечно — Графъ... за то его вся челядь,
Какъ пса негоднаго, меня ругаетъ;
Нѣтъ мнѣ житья, прохода отъ ней!
Графъ для меня смягчилъ законы рабства; —
Но край суровый вашъ смягчился ль для меня?
Мнѣ тяжко здѣсь за толстыми стѣнами;
Вашъ воздухъ для меня и сыръ и душенъ;
Вашъ небосклонъ для взора непривѣтливъ,
И солнце холодно, и блѣденъ свѣтъ...
О, дайте лучше мнѣ *самумъ* пустынный:
Пусть на меня онъ смертію повѣетъ,
За то мой прахъ въ родной землѣ истлѣетъ!..

Беранжера.

Но иногда случалося мнѣ видѣть,
Въ то время, какъ съ тобой я говорила,
Печальный взоръ твой радостью сіялъ...

Якубъ.

О, да! И чей не просіялъ взоръ,
Когда предъ взоромъ ангелъ благодати?
Да, Беранжера, звукъ твоихъ рѣчей,
Когда ты говоришь со мною, глубоко
Мнѣ въ душу западаетъ. Съ каждымъ словомъ,

Съ дыханьемъ каждымъ вѣетъ на меня
Жизнь новая; я сердцемъ воскресаю...
О, какъ бы я былъ счастливъ, если бъ могъ,
Склонивъ свои колѣна предъ тобою,
Мой чистый, свѣтлый ангелъ...

**Беранжера.**

Ангелъ!..
Якубъ! Какъ знать? — Быть можетъ, этотъ ангелъ
Несчастнѣй бѣднаго Якуба. Можетъ быть,
И ночи у меня томительнѣй твоихъ,
И сны мои тяжелые тревожнѣй...
Ты ропщешь на свою судьбу, Якубъ:
Чтобъ о моей сказалъ ты?

**Якубъ.**

Что я проклятъ,
Когда не въ силахъ облегчить страданій
Тебѣ,—тебѣ, которая такъ часто
Другимъ тяжелыя страданья облегчаетъ!
Могу одно: забыть свои несчастья,
Чтобъ думать только о твоихъ... Но впрочемъ...
Послушай, Беранжера, если бъ кто-нибудь
И какъ нибудь — однимъ хоть словомъ, взглядомъ
Тебѣ нанесть посмѣлъ обиду; если бъ
Надъ жизнію твоей — грозой тяжелой
Жизнь чья нибудь посилась; если бъ ты
Не иначе какъ съ смертію его
Могла бы быть счастлива и довольна —
Клянусь тебѣ — будь онъ избранникъ неба —
Не надо называть — ты укажи,
Мигни мнѣ только — и отъ сей минуты
Я тѣнью сдѣлаюсь его; днемъ, ночью,
Куда бъ шаги свои онъ ни направилъ — я
Вездѣ найду и мѣсто и минуту,
Чтобъ нанести рѣшительный ударъ!
Онъ отъ меня главы своей не скроетъ,
Хотя бъ самъ Эль-Боракъ, конь Магомета,
Его носилъ бы на хребтѣ своемъ!

**Беранжера.**

Якубъ, что ты сказалъ?

**Якубъ.**

Ахъ, виноватъ!
Я позабылъ, что здѣсь другой защитникъ...

**Беранжера.**

Защитникъ?.. Кто?

**Якубъ.**

Самъ Графъ.

**Беранжера.**

Какъ здѣсь?

**Якубъ.**

Да, здѣсь.

**Беранжера, испугавшись.**

И мнѣ никто не явится сказать,
Что мой супругъ домой пріѣхалъ.

**Якубъ.**

Графъ,
Не знаю по какимъ причинамъ, хочетъ,
Чтобы пріѣздъ его остался тайной.
Въ одеждѣ пилигрима, подпоясанъ
Веревкою, босой, какъ странникъ, онъ
Пришелъ просить гостепріимства тамъ,
Гдѣ могъ, какъ властелинъ, явиться прямо.

**Беранжера.**

Но ты увѣренъ ли? Почемъ ты знаешь?

**Якубъ.**

Ужъ мнѣ ли не узнать его?

**Беранжера.**

Узнать?

**Якубъ.**

Да, я по голосу узналъ: Арабы,
Въ своихъ степяхъ блуждая одинокихъ,
Умѣютъ различать всѣ звуки — и для насъ
Нѣтъ тайныхъ звуковъ въ голосѣ природы:
Мы издали умѣемъ отличить —
Волна ль шумитъ, дробимая о берегъ,
Иль шелеститъ въ древесныхъ листьяхъ вѣтеръ,
Шакала крикъ, иль голосъ человѣка —
Привычный слухъ неошибется въ нихъ...

И каждый звукъ, какъ ни былъ бы онъ тонокъ,
Намъ остается памятенъ навѣкъ.
И могъ ли не узнать я этотъ голосъ,
Который на меня такъ часто трепетъ,
Бывало, наводилъ?..

БЕРАНЖЕРА.

А, понимаю!..
Графъ, вѣроятно, видѣться хотѣлъ
Съ Раймондомъ прежде... О, какой позоръ!..
Переодѣвшись... да... Я понимаю...
Ему письмо отъ Папы нужно было...
Какъ для меня теперь все стало ясно!
Заранѣе предвидѣла я это...
Теперь словамъ моимъ повѣришь ли, Якубъ?
Я болѣе тебя несчастна!.. Да?

ЯКУБЪ.

Слова твои загадочны. Скажи,
Что̀ такъ тебя тревожитъ?

БЕРАНЖЕРА.

Тише!.. Вотъ
Нашъ Капелланъ идетъ читать молитву.
Молись, Якубъ! Какую бы ты вѣру
Ни исповѣдывалъ предъ Господомъ своимъ,
Молись, Якубъ, молись за Беранжеру!..

## ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ. КАПЕЛЛАНЪ, РАЙМОНДЪ, АНДРЕЙ; всѣ стрѣлки, слуги, оруженосцы.

КАПЕЛЛАНЪ.

Всѣ ли вы здѣсь собрались, чада мои?

БЕРАНЖЕРА.

Всѣ, отецъ Капелланъ.

КАПЕЛЛАНЪ.

Сегодня въ утреннихъ молитвахъ своихъ возсылали ли вы изъ глубины души, подобно мнѣ, теплыя молитвы о благоденствіи Дофина Карла Седьмаго, Владыки и Короля нашего?

(Всѣ наклоняютъ головы, кромѣ Якуба.)

БЕРАНЖЕРА.

Да, отецъ Капелланъ.

КАПЕЛЛАНЪ.

Молились ли вы объ успокоеніи душъ усопшихъ рабовъ, которыхъ тлѣнные останки покоются въ сихъ мѣстахъ?

БЕРАНЖЕРА.

Молились, отецъ Капелланъ.

КАПЕЛЛАНЪ.

Молились ли вы о томъ, чтобы Господь осѣнилъ благодатію Своею нашего Владыку Графа и даровалъ ему сына — да не пресѣчется съ его кончиною славный и доблестный родъ его?

БЕРАНЖЕРА, со слезами на глазахъ.

Молилась, изъ глубины души молилась, отецъ Капелланъ.

КАПЕЛЛАНЪ.

Да осѣнитъ же васъ Господь Своею благодатію!

РАЙМОНДЪ, подходя къ Якубу, который въ это время точитъ кинжалъ.

Нѣтъ, погоди, отецъ святой! Я вижу
Одинъ изъ насъ, какъ будто бы не слышитъ.
(Къ Якубу.)
Ты!—на колѣна! Слышишь, Саррацынъ!
Тебѣ я говорю—стань на колѣна!..

ЯКУБЪ, смотря на него.

Слыхалъ я, будто Карлъ, вашъ государь,
Приказы отдаетъ своимъ баронамъ:
Власть Короля бароны исполняютъ.
Слыхалъ я, что бароны, въ свой чередъ,
По праву, имъ врученному закономъ,
Оруженосцамъ могутъ приказать —
И тѣ спѣшатъ велѣнья ихъ исполнить.
Оруженосцы, въ свой черед, опять
Передаютъ стрѣлкамъ свои приказы...
Но чтобъ стрѣлокъ; ничтожнѣйшая тварь,
Могъ приказать кому нибудь другому,
Кромѣ своей собаки—признаюсь,
Мнѣ слышать этого еще не доводилось...

Раймондъ.

Цыцъ, саррацинское отродье! Замолчи!
Кто скажетъ—Саррацинъ, тотъ скажетъ все равно—
Собака...

Якубъ, поражая его кинжаломъ.

Да!.. Да зубы каковы
Собаки этой?.. Ха, ха, ха! *(Злобно смѣется.)*

Раймондъ, падая.

Проклятіе!..

(Всѣ стрѣлки подходятъ и кричатъ:)

Раймондъ!

Беранжера.

Якубъ!

Якубъ, становясь одной ногой на грудь убитаго Раймонда.

Назадъ!

(Выхватывая кинжалъ, и обводя имъ вокругъ себя.)

Вы знаете ль, что смерть его по праву
Давно ужъ мнѣ принадлежитъ? И кто
Осмѣлится изъ васъ отнять хоть каплю
Его нечистой крови, тотъ заплатитъ
Своею кровью мнѣ!... Вы слышете—назадъ!
Или я голову сорву съ любаго!...

(Однимъ колѣномъ становится на полъ, и съ трепетною радостію смотритъ на терзанія Раймонда.

Ну, что, Реймондъ! Теперь ужъ въ свой чередъ
У ногъ моихъ ты издыхаешь, песъ
Негодный! А!... Что жъ не придетъ никто
Твои уста, засохшія отъ жажды,
Хоть каплею одною освѣжить?
Ты мучишься, томишься жаждой?—Пей,
Пей кровь свою!... Зачѣмъ свои глаза
Отъ взора моего ты отвращаешь?
О, какъ, злодѣй, ты скоро умираешь!!
Жаль мнѣ съ тобой разстаться!...

Раймондъ, вынимая письмо.

Графу.....
Отдайте!

Якубъ, отталкивая трупъ его ногою.

Рабъ—до самой смерти рабъ!
Теперь его взять можете себѣ:
Левъ, утолилъ свой голодъ...

=

## ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе. — Карлъ Савуази показывается въ дверяхъ. Свита, стража.

Карлъ Савуази.

Что за шумъ?
Что это значитъ? Развѣ вы забыли,
Кто я, кто вы? Забыли—слова не должны
Вы произнесть въ то время, когда Я здѣсь—
Вашъ властелинъ, ничтожные рабы!...

(Сбрасывая одежду пилигрима, является въ полномъ вооруженіи. Подходитъ впередъ.

Что это за письмо?

(Поднимаетъ письмо.)

Ба! Это кто?
Раймондъ!... Онъ умеръ!... О, клянуся небомъ,
Виновники Раймондова убійства
Отъ собственной моей руки падутъ!...
И это вѣрно такъ, какъ то, что я—
Графъ Сенъёлѣ Карлъ де Савуази.
Скорѣй скажите мнѣ—кто виноватъ въ убійствѣ?
Дверь запереть, чтобы никто отсюда
Не могъ уйдти...

Якубъ, подходитъ къ Графу.

Виновникъ здѣсь!—Рази!
Раймонда я убилъ.

Графъ, до половины обнажая мечъ.

Какъ? Повтори еще!
Слова твои—твой приговоръ.

Якубъ.

Ты помнишь,
Какъ, десять лѣтъ тому назадъ, меня,
Полуживаго, на рукахъ принесъ онъ?
Я раненъ былъ... (Открывая грудь) и
вотъ слѣды удара!

(Открывая грудь Раймонда и показывая его раны.)

Теперь смотри—мой вѣрнъ ли ударъ?
Такія ль раны я нанесъ ему?
На томъ ли самомъ мѣстѣ?—Посмотри!
Рука моя ловчей была немного,
И мой ударъ былъ ближе къ сердцу,
Графъ!...

Карлъ.

О, если такъ, я смѣшивать не стану
Отмщенія съ простымъ убійствомъ.
Мечь мой
Войдетъ въ ножны, не обагренный кровью:
У палача работы отнимать
Я не хочу. Однако жъ я не думалъ,
Что по пріѣздѣ тотчасъ долженъ буду
Творить здѣсь судъ.....
Возьмите тѣло!
Его какъ слѣдуетъ предайте погребенью.
Прощай, слуга мой вѣрный!.. Нѣтъ—
мой другъ,
А не слуга!... Глаза твои сомкнулись
Могильнымъ сномъ не во время... что жъ
дѣлать!
Мы родились въ одинъ съ тобою годъ,—
Я думалъ, что и смерть мы встрѣтимъ
вмѣстѣ,
Какъ воины, на полѣ жаркой битвы!...
Мои отрадныя надежды не сбылись—
Не такъ судилъ Всевышній... Власть
Его
Святая! (Утираетъ слезы; потомъ обращаясь
къ пажу.)
Пажъ! Скорѣе на конь.
Скачи ты въ Буржъ, гдѣ нашъ Король
теперь,
И доложи Его Величеству, что я
Явлюсь къ стопамъ его монаршимъ завтра,
И дамъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ.

(Обращаясь къ двумъ стрѣлкамъ.)

Убійцу взять подъ стражу.

(Къ Капеллану, не обращая вниманія на Беранжеру, которая простираетъ къ нему руки.)

Мой отецъ!
Прошу тебя, ступай за мной!

(Уходитъ.)

Беранжера.

А мнѣ
Онъ ни полслова!... (Къ Якубу) Намъ,
Якубъ, съ тобою
Онъ произнесъ послѣдній приговоръ!

---

# ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

## КАРЛЪ САВУАЗИ.

(Декорація та же.)

### ЯВЛЕНІЕ I.

Беранжера. Входитъ Пажъ.

Беранжера.

Что жъ? Говорилъ ли Капеллану,—
Я дожидаюсь здѣсь его?

Пажъ.

Онъ будетъ,
Графиня, тотчасъ.

Беранжера.

Онъ у Графа былъ?

Пажъ.

Нѣтъ, выходилъ отъ Графа.

Беранжера.

Хорошо.
Оставь меня, мнѣ ничего не нужно.

Пажъ уходитъ.

Мнѣ ничего ненужно, Боже мой!
Нужна Твоя святая милость, только.
И почему жь инымъ въ удѣлъ даны
Всѣ блага, и всѣ радости земныя,—
Другимъ одни страданья суждены?
Есть тяжкія, ужасныя мгновенья,
Когда душа, убитая тоской,
Возноситъ къ небесамъ горячія моленья,
И—безотвѣтная подъ страшною грозой,
Лишенная святаго упованья,
Не вѣритъ болѣе спасительнымъ мольбамъ
И возсылаетъ къ небесамъ
Одни лишь дерзкія роптанья!...

## ЯВЛЕНІЕ II.

Беранжера. Капелланъ.

Капелланъ., въ дверяхъ.

Къ тебѣ пришелъ я, дочь моя...

Беранжера.

Вотъ онъ—
И взоръ его суровѣе, чѣмъ прежде.
Какъ рѣчь къ нему начать?.. Отецъ мой! Я—
Въ своей тяжелой скорби—облегченья
Хочу искать въ твоей святой бесѣдѣ!
Не знаю я, что за причина: Графъ,
Сегодня возвратясь домой, ни слова
Мнѣ не сказалъ, и никакимъ привѣтомъ
Больной души моей не успокоилъ.
Честной отецъ! Мое ты сердце знаешь:
Не разъ его ты облегчалъ страданья!
Оно болитъ, оно тревожится всегда,
Какъ будто бы предчувствуя въ грядущемъ
Своей судьбы жестокій приговоръ.
Ужасна мысль!... Быть можетъ, мой супругъ,
Безплодною любовью утомленный,
Захочетъ вдругъ расторгнуть нашъ союзъ...
О, мой отецъ, утѣшь меня, спаси!...

Капелланъ, подходя къ ней.

Кто мыслію къ земнымъ дѣламъ стремится,
Кто дальній путь свершаетъ налегкѣ,
Безъ посоха надежнаго въ рукѣ—
Тотъ въ вѣрную всегда погибель мчится.

(помолчавъ съ минуту)

Есть высшій міръ для счастья человѣка,
Туда стремись, безсмертный человѣкъ!
Таковъ законъ Всевышній намъ изрекъ.—
И святъ законъ, поставленный отъ вѣка.
Юдоль земли есть только переходъ
Въ тотъ горній міръ, гдѣ насъ блаженство ждетъ!..

Беранжера.

О, мой отецъ!—Я слабая жена:
Не наводи мнѣ на душу сомнѣнья,
Пролей бальзамъ святаго утѣшенья...

Капелланъ.

А если мнѣ власть эта не дана?—
Смирись, жена! И повтори за мною:
Счастливъ тотъ домъ, гдѣ самъ Господь Всевышній
Десницею Своею изберетъ
Межъ юныхъ дѣвъ, сердцами непорочныхъ,
Одну жену, которая вдали
Отъ сусты мірской и отъ волненья,
Шлетъ къ небесамъ горячія моленья
За прегрѣшенія земли!

Беранжера.

Но, мой отецъ! Святыя узы церкви
Вдовицы лишь и дѣвы могутъ несть....
Я замужемъ.

Капелланъ.

Была, но не теперь:
Твой бракъ—Господь расторгнулъ, Беранжера.

Беранжера.

Но самъ Господь предъ алтаремъ Своимъ
Благословилъ его святыя узы.

Капелланъ, показывая ей письмо, привезенное Раймондомъ.

А нынѣ Онъ разрушилъ ихъ—



ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ.
Ленинградская театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Беранжера.

Что вижу я? — Разводная? — Признаться,
Не смѣла я подумать, чтобы Графъ
Могъ наконецъ дойти до этой мѣры!
Но почему жь, скажи, отецъ честной,
Затѣмъ, что человѣкъ — ужъ что ни говори
А папа всё такой же человѣкъ, —
Что въ Римѣ онъ живетъ иль въ Авиньонѣ,
Онъ можетъ расторгать союзъ священный?

Капелланъ.

Ты вѣрно позабыла, дочь моя,
Что Богъ изрекъ ему въ Своемъ законѣ:
»И созидай и разрушай.» Господь
Уничиженіе тебѣ ниспосылаетъ —
Покорна будь предъ волею святой.
Смирись предъ ней, какъ трость въ долинѣ злачной,
Не возносись какъ гордый дубъ лѣсовъ,
Зане Господь грозой небесной грянетъ,
И дубъ падетъ отъ простыхъ громовъ,
И никогда изъ праха не возстанетъ....

Беранжера.

А слѣпъ я, покорствуя судьбѣ,
Безъ ропота рѣшилася исполнить
Желанье Графа, то скажи, когда
Я выѣхать должна отсюда?

Капелланъ.

Завтра
Поутру.
(молчаніе).

Беранжера.

И въ послѣдній разъ, могу ли
Увидѣться съ своимъ супругомъ я?

Капелланъ.

Свиданье это, дочь моя, опасно:
Оно тебя, пожалуй, снова можетъ
На долго приковать къ мірскимъ заботамъ;
Притомъ же, Графъ....

Беранжера.

Не хочетъ? Понимаю.

Капелланъ.

Я только власть его передаю...
(Молчаніе).

Беранжера.

Чего еще Графъ требуетъ, скажи?

Капелланъ.

Уединеніе тому необходимо,
Кто сердце хочетъ Богу посвятить.

Беранжера.

Я удалюсь въ свои покои; — такъ?
Не правда ли, я стала понимать,
Всё съ разу?

Капелланъ.

Графъ здѣсь долженъ произнесть
Свой приговоръ.

Беранжера.

Надъ кѣмъ?

Капелланъ.

Преступникъ есть.

Беранжера.

Ахъ, да!
Забыла я — Якубъ.... (Молчаніе.) Не правда ли, старикъ,
Когда Господь насъ сотворилъ обоихъ,
Меня на берегахъ Лоары, а его
На берегахъ далекихъ Нила, — ты
Какъ думаешь, мнѣ что-то это темно —
Господь читалъ ли въ временахъ грядущихъ,
Что участь намъ готовится одна,
Что человѣкъ одинъ и тотъ же — общій
Нашъ властелинъ — разрушитъ это счастье,
Которое Господь намъ уготовалъ,
Что онъ своею волей — не покорной
Его на смерть позорную, меня
На жизнь позорную осудитъ?

Капелланъ.

Да,
Конечно такъ.

Беранжера.

А если бы Господь,

Вдругъ захотѣлъ перемѣнить намъ участь,—
Имѣлъ ли бы Онъ власть исполнить это?

КАПЕЛЛАНЪ.

Все Господу возможно, дочь моя.

БЕРАНЖЕРА.

Счастливъ Якубъ невѣрный; мнѣ завидно:
Не христіянинъ онъ и можетъ жизнь свою
Онъ проклинать, какъ хочетъ.

КАПЕЛЛАНЪ.

Дочь моя.....

БЕРАНЖЕРА.

Нѣтъ, погоди, старикъ, и, въ свой чередъ, меня
Ты выслушай, и отвѣчай мнѣ прямо:
Скажи, ты помнишь ли тотъ день, какъ мать моя,
Съ восторгомъ, и слезами на глазахъ,
Меня, новорожденнаго младенца,
Родителю вручила въ колыбели.
«Вотъ дочь твоя» ему она сказала?

КАПЕЛЛАНЪ.

О, очень помню! Этотъ свѣтлый день,
Веселымъ днемъ, торжественнымъ былъ днемъ!

БЕРАНЖЕРА.

И помнишь ты, какъ эта дочь росла,
И выросла, и силами окрѣпла;
Въ ея душѣ читалъ ты все, какъ въ книгѣ,
Всегда ты видѣть могъ ея всѣ чувства,
Желанья, мысли всѣ, надежды, думы.....
Скажи жъ, въ душѣ ея была ли мысль, хоть разъ,
Которая бъ не къ матери стремилась?

КАПЕЛЛАНЪ.

Ни разу.

БЕРАНЖЕРА.

И съ тѣхъ поръ, когда предъ алтаремъ
Я Графа назвала своимъ супругомъ,
Въ жилищѣ нашемъ поселился ты,
И какъ отецъ, хранилъ меня повсюду:
Былъ въ замкѣ Графъ, или уѣзжалъ отсюда,
Въ веселыя или грустныя минуты,
Съ печальнымъ ли, или радостнымъ лицемъ,
Скажи, въ душѣ моей, ты знаешь это,
Была ли мысль, хоть разъ такая,
Которая бъ стремилась не къ супругу?

КАПЕЛЛАНЪ.

Нѣтъ, никогда.

БЕРАНЖЕРА.

И если бъ Графъ не вздумалъ
Расторгнуть нашъ союзъ и на любовь мою
Онъ отвѣчалъ бы мнѣ своей любовью,
Какъ думаешь, могла бы я спокойно
Предстать на судъ передъ престоломъ Бога,
Какъ дочь и какъ супруга?

КАПЕЛЛАНЪ.

Безъ сомнѣнья;
Я въ чистотѣ души твоей увѣренъ.
Но для чего вопросъ такой?

БЕРАНЖЕРА.

Отецъ мой,
И для меня увѣренность такая
Была нужна затѣмъ, что, можетъ быть,
Въ несчастіи меня оставятъ силы:
Я въ преступленье впасть могу,— тогда
Вина моя не будетъ тяжела,
И я могу спокойно ждать могилы.

КАПЕЛЛАНЪ.

Рѣчь для меня загадочна твоя?....

БЕРАНЖЕРА.

Я говорю, что въ страшныя минуты,
Когда надежда оставляетъ насъ,
Не рѣдко страшное на умъ приходитъ,
Что демонъ злобы стережетъ добычу,
И что за мигъ одинъ самозабвенья,—

Я на вѣсы предъ Богомъ возложу
Жизнь долгую — безъ прегрѣшенья!
(Уходитъ.)

=

## ЯВЛЕНІЕ III.

Капелланъ. Потомъ Графъ.

Капелланъ, провожая Графиню взоромъ.

О, да хранитъ тебя Господь всевышній!
Несчастная! Ты права: жизнь твоя
Всегда была чиста и безпорочна,
Душа твоя—младенчески-свѣтла!
(Графъ входитъ.)

Графъ.

Отецъ мой!

Капелланъ.

А, вотъ Графъ.

Графъ.

Ну, что, скажи мнѣ,
Ты видѣлъ ли, ты говорилъ ли съ нею?
Я думаю, слезъ было много?

Капелланъ.

Нѣтъ,
Не думалъ я, чтобъ кончилось такъ дѣло.
Она заранѣе ждала своей судьбы:
Съ тѣхъ поръ, какъ презрѣнная вамп....

Графъ.

Нѣтъ,
Непрезрѣнная,—ты не такъ сказалъ.
Когда бъ она мнѣ сына даровала,
Чтобъ имя опъ наслѣдовалъ мое;
Когда бы Франція несчастная была
Не въ этомъ бѣдственномъ и жалкомъ положеньи;
Когда бъ была не нужна ей опора,
Людей, извѣстныхъ именемъ своимъ;
Короче, если бы другое время,
Другія обстоятельства насъ окружали,
Не сталъ бы я заботиться о томъ,
Чтобъ моему былъ имени наслѣдникъ,
И лучше бы готовъ я согласиться,
Чтобъ родъ мой навсегда со мной пресѣкся,
Чѣмъ оскорбить ее хоть словомъ, но—
Ты знаешь—Франція теперь въ такомъ безсиліи,
И безначаліе свирѣпствуетъ въ ней такъ,
Что съ каждымъ днемъ монархія слабѣетъ,
Какъ будто бы насталъ ея конецъ.
Придетъ пора, къ намъ воззоветъ отчизна,
Потребуетъ отъ насъ своихъ дѣтей:
Не вѣчны люди,—къ предкамъ отойдутъ!....
Желѣза мало показалось людямъ,
Смерть не могла насытиться вполнѣ,
И вотъ на битвы наши Сализбури,
Къ намъ артиллерію громовую привезъ:—
Что значатъ храбрость, сила, передъ нею!
Кто кинется съ копьемъ, или съ мечемъ,
Когда враги на дальнемъ разстояньи,
Какъ градомъ ядрами насъ осыпаютъ!...
Плохія времена настали нынче!...
Ужъ наши предки не могли идти
Съ своими предками въ сравненье, хоть они
Воинственны и храбры были;—мы же
Не можемъ стать и съ нашими отцами...
Плохія времена! Война, тревога,
Междоусобія, раздоры и убійства!...
Когда солдатъ свое окончитъ дѣло
И мечъ въ ножны окровавленный вложитъ
Палачъ является на смѣну съ топоромъ...
Но.. ужъ пора! дверь отпереть для всѣхъ.

Капелланъ.

Какъ, Графъ, для всѣхъ?

Графъ.

Ну, да!

Капелланъ.

Но....

Графъ.

Я хочу,
Чтобъ въ часъ суда имѣлъ къ намъ доступъ всякой.

И въ свой чередъ, судить бы могъ судью,
Какъ Богъ судить его по смерти станетъ.

=

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе. Якубъ, подъ охраненіемъ двухъ стрѣлковъ и всѣ люди Графа.

**Пажъ** (входитъ).

Графъ.....

**Графъ.**

Тише!

Узнавъ пажа, котораго онъ посылалъ въ Буржъ.

А, ты это, Годфруа!
Ну, послѣ всё разкажешь мнѣ....

**Пажъ.**

Нѣтъ, Графъ,
Я долженъ предувѣдомить васъ тотчасъ:
Его Величество, король нашъ, Карлъ Седьмой
Сюда идетъ поспѣшно въ слѣдъ за мною.

**Графъ.**

Какъ! въ замкѣ у меня самъ Государь!..
Скорѣе.... нѣтъ, ни съ мѣста! Не мѣшаетъ,
Чтобъ иногда король могъ видѣть самъ,
Какъ судъ творятъ законный надъ виновнымъ,
Чтобъ въ свой чередъ онъ самъ бы могъ правдиво
Произносить законный приговоръ.
(Пажу) Принять его безъ почестей и шума;
Пусть онъ войдетъ, какъ всякій входитъ къ намъ.

Пажъ уходитъ.

=

## ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе. — Король, и королевская свита.

Король отдаетъ сокольничему сокола, котораго онъ держалъ на рукѣ у себя. Во все время, пока идетъ судъ, онъ стоитъ съ Агнесой, окруженный своей свитой.

**Графъ.**

Внимайте мнѣ, — да будетъ всѣмъ извѣстно,
Зачѣмъ стоитъ тамъ плаха на дворѣ,
И для чего толпою многолюдной
Вкругъ одного здѣсь собрался всѣ.
Вчера, на этомъ самомъ мѣстѣ, на полу,
Передъ толпой, такой же многолюдной,
Лежалъ облитый кровью человѣкъ;
Кинжалъ въ груди его дымился; горько
Молилъ онъ о пощадѣ.... и злодѣй,
Его ударомъ смерти поразившій,
Не побѣдитель былъ — убійца просто.
Я захотѣлъ узнать его, и громко
Съ вопросомъ къ предстолвшимъ обратился:
Молчали всѣ — одинъ лишь человѣкъ
Вдругъ изъ толпы впередъ спокойно вышелъ,
И указавъ рукою на себя,
Сказалъ мнѣ: «это я.» И нынче,
Я, въ день суда, къ вамъ обращаюсь снова:
Онъ правду ли сказалъ мнѣ?—Отвѣчайте!

**стрѣлки,** (всѣ вмѣстѣ).

Да, правду! Онъ убилъ—Якубъ убійца—
Раймонда онъ убилъ...

**Графъ.**

Тсъ, тише—замолчите!

**стрѣлки.**

Потомъ онъ началъ намъ еще грозить....

**Якубъ,** обращаясь къ нимъ

Вамъ сказано молчать—такъ замолчите!

(Всѣ умолкаютъ.)

**Графъ,**

Что было поводомъ къ внезапной ссорѣ?

**Якубъ.**

Не ссора, Графъ, то ненависть была....
Ты знаешь ли, что ненависть такое?
О, это адъ—ножъ острый въ сердцѣ нашемъ.
Ты думаешь уснуть—а голосъ тайный
Нашептывать тебѣ надъ ухомъ станетъ:
«Не спи—твой врагъ не спитъ;—рази теперь —
«Онъ завтра поразитъ тебя; смотри,
«Онъ съ этой стороны пойдетъ—ступай на встрѣчу.»

Графъ, иногда бываетъ въ вашихъ замкахъ,
Что, сгоряча ударивши врага,
Вы капель нѣсколько прольете крови,—
Но вслѣдъ за вами, слуги ваши тотчасъ
Омоютъ кровь — и слѣдъ ея исчезъ.
Не такъ у насъ, въ степяхъ песчаныхъ нашихъ;
Ужъ если разъ, рукой неосторожной,
Былъ нанесенъ врагу ударъ, и кровью
Вы напоили землю, и песокъ
Запечатлѣлся этой кровью,—годы,
Десятки лѣтъ спокойно протекутъ,
Но пролитая кровь войдетъ глубоко въ землю-
И на пескѣ оставитъ вѣчный слѣдъ!
Есть мѣсто тамъ одно въ пустынѣ нашей....
Назадъ тому лѣтъ десять, это мѣсто
Моею кровью обагрилось, — нынче,
Хоть десять лѣтъ прошло отъ той поры, —
Въ душѣ моей проснулась жажда мести!...
Раймондъ — мой врагъ смертельный! Десять лѣтъ
Съ нимъ не дѣлилъ я хлѣба соли,
Затѣмъ, что если бъ я хоть разъ забылся
И отъ трапезы съ нимъ вкусилъ — съ тѣхъ поръ
Онъ долженъ былъ, по нашему закону,
Мнѣ другомъ быть и братомъ!—Слава Богу!
Я избѣжалъ такого братства, Графъ!

Графъ.

Ну слушай же, Якубъ: когда бы я,
Рѣшился такъ оставить это дѣло,
Не сталъ бы мстить тебѣ за кровь Раймонда,
И преступленіе твое сложилъ бы, просто,
На дикій нравъ, обычаи страны,
Короче, сжалившись, простилъ бы я тебя, —
Скажи мнѣ откровенно, мой поступокъ
Смирилъ ли бы твой дикій нравъ, и ты
На злодѣяніе не сталъ бы покушаться?
Раймондъ унесъ ли бы съ собой въ могилу
И ненависть твою и злобу?

Якубъ.

Графъ!
Ты поступилъ бы въ этомъ слишкомъ смѣло:
Я одному врагу теперь отмстилъ,
А у меня ихъ двое.

Графъ.

Кто жъ другой?
Я долженъ знать его, чтобъ можно было
Заранѣе бѣду предупредить?

Якубъ.

Другой — ты самъ!

Графъ.

Какъ! Цѣлыхъ десять лѣтъ,
Я ласкою и кротостью своею
Не могъ тебя съ собою примирить?...
Конечно, ты въ неволѣ былъ,—но развѣ
Неволя для тебя была замѣтна?
И Франція, не все ль равно была
Что для тебя, что для другихъ отчизной?

Якубъ.

Послушай, Графъ: когда Аллахъ всевышній
Между дѣтьми своими раздѣлилъ
На равныя двѣ части землю, онъ сказалъ,
Съ улыбкой свѣтлой обратясь къ Арабамъ:
«Вы старшіе сыны мои, и вамъ
«Я отдаю Востокъ прекрасный; вы
«Земнымъ его эдемомъ назовите.»
Потомъ съ угрозою взглянувъ на вашихъ предковъ,
Онъ имъ сказалъ:» На вашу долю — западъ!»

Графъ.

Такъ, стало быть, готовится и мнѣ
Такая жъ участь, какъ Раймонду?

Якубъ, съ глубокимъ чувствомъ.

Графъ!
Ты помнишь ли, когда облитый кровью

У ногъ твоихъ лежалъ я на пескѣ?
Я жаждою смертельною томился...
Ты могъ пройти мимо меня спокойно,—
Однако же ты этого не сдѣлалъ;
Ты напоилъ меня своей водою,
Послѣднія мнѣ капли отдалъ ты...
Я помню зло,—добро я больше помню!...
Вотъ отъ чего у ногъ моихъ теперь
Ты не лежишь, поверженный ударомъ!

Графъ.

А если бъ я сказалъ тебѣ: «Якубъ:
«Я точно былъ не правъ передъ тобой,
«И сознаю вину свою теперь,
«Даю тебѣ свободу, и отнынѣ,
«На родину ты можешь возвратиться;
«Вотъ золото тебѣ — ступай!

Якубъ.

Я бъ не поѣхалъ.

Графъ.

Но что жъ тебя удерживаетъ здѣсь,
Когда страну ты нашу проклинаешь?

Якубъ.

Графъ! Это тайна... собственно моя...
Я не скажу тебѣ ея, по видишь:
Я немогу ни ѣхать, ни быть здѣсь...
Останусь ли, уѣду ли отсюда,
Ты, можетъ быть, раскаешься потомъ...
Такъ приговоръ произнеси скорѣе...
Вотъ мой совѣтъ, повѣрь мнѣ, самый
лучшій!...
И если ты прикажешь палачу,
Чтобъ онъ его исполнилъ поскорѣе
Ты совершишь мое послѣднее желанье!

Графъ, вставая,

О, если такъ!—Исполнить приговоръ!

Якубъ.

Благодарю... Въ могуществѣ своемъ
Когда Аллахъ воззвалъ меня для жизни
И въ бренный прахъ вдохнулъ мнѣ душу,
Онъ
Изрекъ тогда, по благости Своей:
«Я съ жизнію даю тебѣ свободу!...»
Ты рано отнялъ у меня свободу,—
Теперь и жизнь мою ты отнимаешь...
Благодарю, стократъ благодарю!...
Ты, въ злобѣ, сдѣлалъ для меня все тоже—
Что сдѣлалъ въ благости Своей Аллахъ!...

Графъ.

Что надо времени тебѣ, чтобы про-
ститься,
Послѣдній разъ, съ свѣтиломъ дня?

Якубъ.

Многовенье—
Не болѣе, чтобы закрыть глаза.
И для чегожъ стоять напрасно плахѣ,
Когда готовы—голова и тѣло?

Графъ.

Скажи же мнѣ, Якубъ, по крайней мѣрѣ,
Чего желаешь ты въ часъ смерти?

Якубъ.

Ничего!
Ты прикажи только, чтобы палачъ,
Получше наточилъ топоръ свой.

Графъ, Капеллану.

Капелланъ!
Обязанность исполнить, твой чередъ.
Вотъ лѣтопись семейная, гдѣ предки,
Въ тѣхъ случаяхъ, когда они, бывало,
Произносили важный приговоръ,
Немедленно записывали дѣло,
И отмѣчали, какъ оно рѣшилось.
Они имѣли право судъ творить,
И право это исполняли свято.
Мы точно такъ-же, какъ они, поступимъ,
Затѣмъ, что, намъ дано такое жъ право.
Такъ запиши, отецъ честной, ты въ
книгѣ:
*(Диктуетъ:)*
Сего 20 Августа, въ присутствіи Его Величества Короля Карла VII, мы, безъ боязни, и по чистой совѣсти, произнесли смертный приговоръ Якубу Бенъ-Гассану, и предали тѣло его въ руки палача. Да отпуститъ ему Господь его тяжкія прегрѣшенія.
Подай сюда!— (Подписываетъ.) Ведите
прочь его!

Карлъ VII, идетъ на мѣсто, которое занималъ Графъ.

Постойте! Капелланъ! Подъ этимъ приговоромъ
Внизу прибавишь ты, что Карлъ VII, по праву,
Какимъ его всѣ пользовались предки,
Приговоренному даруетъ жизнь
И милостью своей его прощаетъ!

Графъ движеніемъ показываетъ удивленіе.

Дерзнешь ли ты оспорить это право?

Графъ, наклонял голову.

Нѣтъ, государь, нисколько!

Агнеса, съ любовію склонялась на плечо Короля.

О, мой Карлъ! —
Какъ ты великъ и милостивъ!

Графъ.

Однако жъ,
Вы, Государь...

Карлъ VII.

Ну, да, я понимаю,
Хозяинъ добрый мой: сказать ты хочешь,
Что правомъ я своимъ, быть можетъ, вашимъ
Правамъ немного повредилъ... что жъ дѣлать!
Простименя! Тызнаешь, мнѣ такъ-рѣдко
Быть Королемъ желаніе приходитъ...
Сегодня, что-то вздумалось..... но впрочемъ,
Такъ какъ невольникъ этотъ у тебя
Надѣлалъ въ домѣ много безпокойства—
Я предлагаю средство все уладить,
И отъ него избавиться. Согласенъ?
Я взять его хочу къ себѣ; мой шутъ
Надоѣдать мнѣ начинаетъ, ты же
Въ замѣну можешь взять любую лошадь,
Пожалуй, сокола ученаго,—что хочешь.
Якубъ! Согласенъ ты на это?

(Якубъ схватываетъ со стѣны кинжалъ, и хочетъ поразить себя.)

Якубъ.

Да,
Но дорого вы платите за трупъ!

*Общее восклицаніе ужаса.*

Беранжера, подымая занавѣсъ, никѣмъ невидимая,

Живи, Якубъ!

Снова опускаетъ занавѣсъ.

Графъ.

Стрѣлки! — Кинжалъ, кинжалъ!
Скорѣе отнимите у него!

Якубъ.

Я самъ его отдамъ.—Небойся ничего!
Говоритъ самъ себѣ,
Мнѣ жить *она* велѣла.

Король.

Господа!
Прошу не забывать, (указывая на Якуба.)
Онъ мой (Дѣлая знакъ рукою.)
Подите!
И да хранитъ васъ Богъ!

Агнеса, (придворнымъ.)

Вы Короля храните!

Двѣ женщины приближаются къ Агнесѣ, чтобъ вести ее въ ея комнаты.

Король, подходя къ Агнесѣ.

Агнеса! ты идешь!...

Агнеса

Да, Государь!—Вѣдь Графъ,
Какъ помнится, отдать отчетъ вамъ долженъ
Въ дѣлахъ и путешествіи своемъ.
Увѣрена, что государь не станетъ
Агнесу здѣсь удерживать напрасно
Въ такомъ совѣтѣ важномъ и серьёзномъ;
Два добрыхъ дѣла сдѣлаетъ онъ разомъ.

Король.

Да, понимаю, милая Агнеса.
Смутилась ты, и въ тяжкую минуту
Предательски бѣжишь отъ Короля!

Провожаетъ ее до двери.

=

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Король и Графъ.

Король, обращаясь къ Графу.

Ну, мы одни. — Признаться, милый Графъ,
Ты высоконько замокъ свой построилъ.
Словно орелъ, ты свилъ себѣ гнѣздо,
На высотѣ, почти что недоступной.—
Когда тебя захочетъ навѣстить
Какой нибудь старинный твой пріятель,
Пока къ тебѣ онъ доберется, право,
Разъ десять голову сломить онъ можетъ.
Я говорю тебѣ безъ шутокъ!—Если ты,
Какъ Іоаннъ Шестой, захочешь измѣнить—
Войскамъ моимъ хлопотъ довольно будетъ,
Чтобъ до тебя добраться, милый мой!

Графъ.

Вы правы, государь; но эта цитадель,
Какъ ни тверда, а вѣрность наша тверже.

Король, съ грустною задумчивостію.

Мой добрый Графъ!—Всѣ такъ мнѣ говорили,
Которые потомъ мнѣ измѣнили.
Когда въ войнѣ свои и чужеземцы—,
На слово полагаться не надежно!
Отчизна гибнетъ, а въ сердцахъ коварныхъ
Честолюбивыя роятся думы!.. (Садится,

Графъ, подходя къ нему.

Здѣсь, государь, вотъ въ этомъ самомъ замкѣ,
Покоются моихъ двѣнадцать предковъ.
Сойдите внизъ,—у каждаго на латахъ
Найдете вы слѣды такихъ ударовъ,
Которые ихъ низвели въ могилу;
Потомъ мы справимся, когда кто умеръ,
И вы увидите, въ какомъ кто палъ сраженьи....
Тогда вы сами можете узнать,—
Что всѣ они за вашихъ предковъ пали!
И горе вамъ, когда вы, государь,
Въ послѣднемъ ихъ потомкѣ усомнитесь!
За вашего родителя сражался,
И мой отецъ жизнь положилъ свою!
Я, сынъ его, за васъ надѣюсь, умереть!
И далѣе, порядкомъ тѣмъ же самымъ,
За вашего, мой сынъ умретъ, Богъ дастъ!

Король, вставая.

Взглянп въ лицо мнѣ прямо, Графъ: и я
Послѣдній въ родѣ, такъ-же, какъ и ты.
Надежда дома—старшіе два брата—
Скончались... Темные носились слухи,
Что будто умерли они отъ яда.....
Филиппъ Бургундскій, Іоаннъ Бретанскій,
Мои зятья противъ меня возстали,
И мать моя, которая должна бы
Сильнѣйшею защитой быть моей,
Готова кровь мою купить своею кровью!
И съ каждымъ днемъ, одинъ вслѣдъ за другимъ,
Меня покинули мои вассалы!....
Теперь, ты видишь, Графъ, я усомнился ль
Жизнь поручить тебѣ свою?—О, конечно,
Когда бъ нужда потребовала, я
Защиту при себѣ имѣю.... Да!
Пристрашная защита—два пажа,
Шутъ, женщина, три ловчихъ... Еслибъ даже,
Въ сію минуту Графъ Савуази,
Питая замыселъ какой нибудь коварный,
Вдругъ захотѣлъ напасть здѣсь на меня—
Бой завязался бъ между нами чудный:
Одинъ—весь въ бархатѣ, другой— окованъ сталью!...
Опершись ему на плечо.

Графъ.

Государь, когда бы
Мы свой нарядъ перемѣнили оба,—
Повѣрьте мнѣ, дѣла пошли бы лучше:
Кирасы эти, правда, тяжеленьки,
Но къ королевскому лицу онѣ
Пристанутъ лучше во сто разъ, чѣмъ бархатъ.

Король.

Мой добрый Графъ, я поспѣшилъ къ тебѣ
Безъ всякой свиты, какъ бѣглецъ, тайкомъ.....
Я прячусь отъ врага, который при дворѣ
Особенно преслѣдуетъ меня ...
Его мы вмѣстѣ лучше одолѣемъ,
И я увѣренъ—ты поможешь мнѣ?

Графъ.

Вы, государь, въ надеждѣ не ошиблись.
Моя рука, мой мечъ—къ услугамъ вашимъ;
Одно лишь только слово—и мы смѣло,
Пойдемъ къ нему на встрѣчу!

Король.

Нѣтъ, мой милый графъ,
Нельзя ли отъ него назадъ, подальше...

Графъ (съ удивленіемъ.)

Но, государь.... врагъ этотъ—кто жъ онъ?

Король, (на ухо Графу).

Скука!

Графъ, холодно.

Я думалъ, государь, не безъ причины
Сюда вы поспѣшили, а за тѣмъ,
Чтобы узнать, принялъ ли Іоаннъ
Условія, которыя ему,
Черезъ меня, вы предлагали?

Король.

Да....
Но, признаюсь, посланникъ добрый мой,
Что, къ моему стыду, когда мнѣ донесли
О возвращеніи твоемъ, я позабылъ,
Куда ты ѣздилъ.

Графъ.

Но, однакожъ, государь,
Вы все жъ таки, зачѣмъ нибудь, недаромъ
Сюда спѣшить изволили?

Король.

О, да!

Графъ.

Позвольте жъ мнѣ надѣяться, что вы
Намѣренья свои мнѣ сообщите?

Король, съ таинственностію.

Графъ, я къ тебѣ пріѣхалъ для того,
Чтобъ потравить въ твоихъ лѣсахъ оленей,
Мои лѣса.. Увы!-ихъ нѣтъ ужъ больше!..

Графъ, про себя.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!

Король, съ досадой.

Графъ! Я привыкъ, когда мнѣ говорятъ,
Чтобъ говорили громко!—Вы сказали?...

Графъ.

Что терять престолъ, такъ весело, какъ вы—
Ей Богу, невозможно!... Но, по крайней мѣрѣ
Позвольте мнѣ напомнить...

Агнеса, показываясь въ дверяхъ.

Государь!
Вы скоро?

Король, смѣясь.

Графъ, съ умоляющимъ видомъ. (Меня зоветъ Агнесса...)
Видишь ли?—
Но на одну минуту...

Король.

Графъ! Послушай—
Вѣдь я твой гость? а у гостей свободы
Хозяинъ отнимать не долженъ.—Доброй ночи!
Уходитъ.

## ЯВЛЕНІЕ VII.

Графъ одинъ.

Сиди тихимъ сномъ съ прелестницей своей!...
Быть можетъ, что въ тиши дремоты сладкой,
Когда къ тебѣ до слуха долетятъ
Твоей страдающей отчизны крики—
Гласъ совѣсти пробудится сильнѣй!...

Тебя искусно цѣпью оковали,
И, очарованный, не видишь ты цѣпей!...
Не смѣешь ты ослушаться,—что дѣлать!
Лань слабая!... Ты могъ быть сильнымъ львомъ!

Въ это время Андрей проходитъ черезъ сцену съ стрѣлками, которыхъ онъ разставляетъ на дворѣ на часы.

Твой мирный сонъ я стану охранять!
Въ тебѣ одномъ горитъ надежда наша;
Господь бы не вручилъ тебѣ короны,
Когда бы ты не могъ быть тайнымъ средствомъ,
Орудіемъ святыхъ Его путей!...
Быть можетъ, завтра я тебѣ представлю,
Передъ лицо твое, вотъ этотъ мечъ:
На лезвіе его увидишь ты
Свое изображенье и отъ страха,
Быть можетъ, содрогнешься ты не разъ...
Ты не повѣришь, если я скажу,
Что образъ Короля здѣсь отразился!...
Пока въ свѣтильникѣ есть искра — онъ горитъ!—
Рука моя поддержитъ этотъ пламень, —
Я отдалю зловредное дыханье —
И на алтарь свѣтильникъ возложу!
Придетъ пора, свѣтильникъ мой завѣтный,
Быть можетъ, новымъ свѣтомъ возсіяетъ

Бьютъ часы; онъ прислушивается.

Бьетъ полночь! — Спи спокойно, государь!...
Твой тихій сонъ оберегать мы станемъ!...

Выходитъ въ дверь и говоритъ:

Слушай!

Часовой отвѣчаетъ тѣмъ же самымъ: Слушай!— этотъ окликъ повторяется нѣсколько разъ, теряясь вдали.

---

## ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

# КАРЛЪ VII.

Декорація та же.

(На сценѣ разсвѣтаетъ.)

### ЯВЛЕНІЕ I.

Графъ стоитъ у дверей Короля; Андрей у другихъ дверей; при поднятіи занавѣсы слышенъ звукъ рога.

**Графъ.**

Андрей!—Что тамъ за шумъ?

**Андрей.**

Звукъ рога, Графъ.

**Графъ.**

Кто жъ это?

**Андрей.**

Я не знаю.

**Графъ.**

Посмотри!

**Андрей, (подходя къ окну.)**

Не видно ничего; знать то не въ замкѣ.

**Графъ.**

А на мосту подъемномъ никого?

**Андрей.**

Нѣтъ, Графъ, двухъ часовыхъ я тамъ поставилъ;
А!—Вотъ ворота отворяютъ: это,
Должно быть, кто нибудь изъ нашихъ.
У меня
Не прозѣваютъ, Графъ, небось! Вотъ онъ!
А, а! Оруженосецъ, гербъ Нарбона!
Да какъ онъ вспарился, пріятель!

Графъ.

Прикажи,
Чтобы его сейчасъ ввели сюда.

Андрей.

Вотъ онъ.—Пожалуйте сюда.

=

## ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же (Оруженосецъ и стрѣлки.)

Оруженосецъ. ищя глазами

Графъ!....

Графъ.

Я.
Что надобно?

Оруженосецъ, (подаетъ ему письмо.)

Графъ, вотъ письмо; отвѣта
Я буду ждать,—но поскорѣй, прошу.
Такой приказъ мнѣ данъ былъ при отъѣздѣ.

Графъ, (читаетъ письмо.)

Да, хорошо. Изъ лагеря ты прибылъ?

Оруженосецъ.

Да, Графъ.

Графъ.

Ну, что Нарбонъ?—Здоровъ ли онъ?

Оруженосецъ.

Онъ, слава Богу, Графъ.

Графъ.

А ты когда
Его оставилъ?

Оруженосецъ.

Нынче ночью, Графъ.

Графъ.

Ну, братъ, лихо—молодецъ, ей Богу!—
Начальникъ вашъ меня торопитъ очень;
По прежде завтрашняго дня я не могу
Никакъ соединиться съ ними.

Оруженосецъ.

Онъ ждетъ,
Чтобъ съ Англичанами начать сраженье.
Его затрогивать примѣтно стали;
Но онъ колеблется, однако жъ. Если бъ вы
Съ стрѣлками вашими намъ помогли, такъ дѣло
Мы лихо обработали бы съ вами.

Графъ.

Нѣтъ не могу; здѣсь у меня дѣла,
И очень важныя. Дня черезъ два,
Пожалуй. Можно подождать: два дня
Не важность—дѣла не испортятъ, а поспѣшность
Вамъ можетъ повредить, и очень.

Оруженосецъ.

Графъ,
Мнѣ велѣно немедля отправляться,
Какъ скоро получу я вашъ отвѣтъ.

Графъ.

Не бойся, я не задержу.—Ступай!
Ты черезъ часъ отвѣтъ получишь мой.
(Обращаясь къ стрѣ.
Вы, братцы, позаботитесь объ немъ;
А ты, Андрей, останься здѣсь....
(Оруженосецъ и стрѣлки уходятъ.)
(Обращаясь къ Андрею.)
Послушай,
Андрей, я до тебя имѣю нужду.

Андрей.

Что вамъ угодно, Графъ?

Графъ.

Гравильскій замокъ знаешь?

Андрей.

О, какъ не знать! —Когда покойникъ Графъ,
Царство ему небесное!—былъ живъ,
Я вашей милости разъ двадцать ѣздилъ,
Частенько посылали вы меня.
А Графъ-то? Ахъ, душа была какая!
А ужъ храбрецъ какой! Головушку свою
Онъ на Креванской битвѣ положилъ.
Вѣдь и о смерти то его извѣстье
Привезъ я первый въ замокъ; какъ-теперь
Я вижу, дочь его, Графиня.... .

Графъ.

Хорошо.—
Такъ Изабеллу, стало быть, ты знаешь?

Андрей.

Да какъ же. Я видалъ ее не разъ.
Ужъ подлинно, что знатная Графиня,
Красавица такая, ахъ-ти мнѣ!

Графъ.

Быть можетъ,—я ее не знаю. Ну,
Вотъ видишь ли въ чемъ дѣло: поѣзжай
И отвези ей этотъ перстень.

Андрей.

Перстень!
Ну, а потомъ — что жъ этакъ — то
есть, ей—
Сказать прикажете?

Графъ.

Ты скажешь, что за нею
Пріѣхалъ ты, и чтобъ она сейчасъ
Съ тобою ѣхала ко мнѣ. Я жду
Ее сегодня непремѣнно. Слышишь?
Сегодня, а не завтра. Завтра ввечеру
Меня ужъ здѣсь не будетъ.

Андрей.

Понимаю.

Графъ.

Ты съ нею обходись какъ можно лучше,
Какъ съ госпожей своей, и если говорить
Съ ней станешь—называй ее Графиней.

Андрей.

Такъ-съ, слушаю-съ.

Графъ.

Ступай!

Андрей.

А больше ничего-съ?

Графъ.

Нѣтъ, ничего. Да, позови Якуба.
Постой,—мнѣ показалось...
(Смотритъ въ ту сторону, гдѣ комната Безаржеры.)
Нѣтъ, пустое.....
Должно быть, кто нибудь вздохнулъ.—
Ступай!

Андрей.

Якубъ, должно быть, здѣсь провелъ всю
ночь,—
Въ своей кануркѣ.

Графъ.

Позови его.

Андрей, (зоветъ.)

Эй, ты! Чего ты разлѣвался тамъ?
Графини оконъ не видалъ ты, что ль?
Стоитъ, да смотритъ! Графъ тебя зоветъ!

(Андрей уходитъ.)

Якубъ на порогѣ.

Я здѣсь, Графъ, что угодно?

Графъ.

Подойди
Ко мнѣ. Вчера я осудилъ тебя
На казнь, Якубъ,—ее ты заслужилъ...

Якубъ.

Да, Графъ.

Графъ.

И слово Короля, одно
Спасло тебя. Ты хочешь ли теперь
Стать на часы и двери охранять,
Того, кто сохранилъ тебя отъ казни?

Якубъ.

Мнѣ все равно, куда бы я ни шелъ,
Откуда бы ни шелъ, гдѣ бъ ни былъ.

Графъ.

Такъ, стало быть, надѣяться могу,
Что на часахъ стоять ты будешь вѣрно?

Якубъ.

Да, Графъ.

Графъ.

Я ворочусь немедленно къ тебѣ,
И тотчасъ же смѣню тебя со стражи.
Уходитъ.

Якубъ, одинъ, задумчиво.

Какъ, и она?—Но отчего жъ она
Всю ночь отрадным сномъ не позабылась?
Я думалъ, что одинъ на голомъ камнѣ
Не знаю сна... И вотъ еще она!
Я видѣлъ слезы на глазахъ ея...
Гмъ! Слезы Беранжеры!... Магометъ!...
Всю кровь мою за всѣ ея страданья!
Такъ, сталобыть, не я одинъ страдаю?...
Не одному Якубу жизнь тяжка?—
Страдаютъ и другіе?... О!...

=

## ЯВЛЕНІЕ III.

Якубъ. Беранжера поднимаетъ коверъ и удостовѣряется, что Якубъ одинъ.

Беранжера.

Якубъ!

Якубъ, содрогается и приподнимаетъ голову.

Какъ ты блѣдна!...

Беранжера.

Да!... Это ничего!...
Такъ... Я страдаю...

Якубъ.

Ты страдаешь?

Беранжера.

Да!
И почему жъ не такъ?—Здѣсь на землѣ
У всякаго свои страданья есть.

Якубъ.

Ты не спала?...

Беранжера,

Нѣтъ, добрый мой Якубъ!
И ты не спалъ?—Я видѣла тебя,
Хоть ночь была темна; но ты, какъ тѣнь,
Все у окна стоялъ?—Что дѣлалъ ты?

Якубъ.

Все то же, что вчера и прежде; но...
Ты прежде видѣть не могла меня:
Ты ночь спала. О, сколько разъ, бывало,
Какъ вѣрный песъ, я съ мѣста не сходилъ,
Все на окно твое смотрѣлъ и горько,
И жалобно стоналъ и вылъ... Мой голосъ,
Мои рыданья въ пустотѣ терялись...
Сквозь окна я все тѣнь твою слѣдилъ;
Мнѣ было тяжко,—сердце ныло,—я
Произносилъ съ рыданьемъ—«Беранжера!»

Беранжера.

Но для чего жъ ты тѣнь мою слѣдилъ,
И для чего съ рыданіемъ, и стономъ,
Произносилъ мое ты имя?

Якубъ.

Для чего?
Спроси странника пустыни, для чего,
Въ ночь свѣтлую, безоблачную,—онъ
Съ своей звѣзды любимой глазъ не сводитъ?
. . . . . .
Спроси за чѣмъ онъ произноситъ имя,
Которое твердилъ ужъ столько разъ?—
Затѣмъ, что даже безъ надежды — намъ
Стенанія и жалобы отрадны;
Онъ знаетъ—небо далеко, достигнуть
Онъ до него не можетъ; но отрадно,
Но сладостно, съ надеждой умирая,
Послѣдній взоръ свой устремить туда,
Гдѣ свѣтлая горитъ его звѣзда!

Беранжера.

Да... понимаю... Въ глубинѣ души
Скрываешь ты таинственную страсть.
Быть можетъ, на берегахъ родного Нила,
Въ дни юности безоблачной твоей,
Тебя любовію красавица плѣнила,
Ты пламенную страсть питая къ ней,
Въ душѣ своей хранишь тотъ свѣтлый образъ
И сладкій звукъ плѣнительныхъ рѣчей,
И можетъ быть, что въ тишинѣ ночей,
Тебѣ является она въ воображеньи;
Быть можетъ, голосъ мой—хоть эта рѣчь,
Хоть мой языкъ и не ея языкъ—
Тебѣ знакомые напоминаетъ звуки?

Якубъ, съ горькой улыбкой.

Да, Беранжера, да—ты угадала!

Беранжера.

Но въ свой чередъ и ты, Якубъ, навѣрно
Ей обѣщалъ...

Якубъ.

О, нѣтъ, я ничего,
Я ничего не обѣщалъ ей, нѣтъ!.., (Пристально смотря на Беранжеру).
Но могъ бы обѣщать все,—если бъ только
Кто попросилъ меня о чемъ нибудь,
Ея отраднымъ голосомъ!

Беранжера.

Быть можетъ,
Что просьба эта слишкомъ велика,
И ты, Якубъ...

Якубъ.

Послушай, Беранжера,
Когда бы этотъ голосъ мнѣ сказалъ:
Ступай туда, останься здѣсь, будь веселъ,
Печаленъ будь, убей или... прости, —
Сказалъ бы мнѣ онъ ласково иль грозно...
Я всѣ бъ велѣнія его исполнилъ! —
Такъ точно, какъ вчера, одно лишь слово,
Мнѣ сказанное имъ: *живи!*

Беранжера.

Но ты,
Якубъ, за это послушанье,
Чего бъ потребовалъ?

Якубъ.

Чего бы я
Потребовалъ?—О, можно ли чего
Потребовать отъ той могучей власти,
Которая къ себѣ насъ приковала!
Я требовать не смѣлъ бы ничего!
Я передъ нею палъ бы на колѣна
И ждалъ, пока она произнесетъ:
«Довольно, встань, Якубъ!»

Беранжера.

Но если бы она
Въ признательность за преданность такую
Оставила бъ въ рукахъ твоихъ залогъ
Любви и благодарности?

Якубъ.

Какъ!... Мнѣ?—
Залогъ любви!—Ты шутишь, Беранжера,
Ты насмѣхаешься!.. О, ради Бога! Нѣтъ..
Не смѣйся надо мною...

Беранжера, роняя перчатку.

Подыми,
Перчатку эту!

Пока Якубъ нагибается, Беранжера опускаетъ коверъ и запираетъ дверь своей комнаты. Въ то же время Король и Агнеса показываются въ противуположныхъ дверяхъ.

Якубъ, вставая.

Вотъ она! (Осматриваясь и не находя болѣе Беранжеры.
О, небо!...
Ея ужъ нѣтъ! Она была сейчасъ...
О, Беранжера, Беранжера!... Какъ,
Она оставила перчатку эту,
Въ рукахъ моихъ нарочно!... (Съ восторгомъ цалуетъ перчатку. Увидѣвъ Короля и Агнесу.)
О, безумецъ!....
Она ихъ испугалась—вотъ и все!....

=

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Якубъ, Король и Агнеса.

Король

Что смотришь ты въ окно, моя Агнеса,
Что улыбаешься?....

Агнеса.

О, государь!
Взгляните вы, какъ въ небѣ голубомъ
Горитъ оно, роскошное свѣтило;
А давича зашло оно въ туманъ,
И пряталось межъ темныхъ облаковъ!—
Все на землѣ тогда печально было,—
И цѣлый міръ, казалось, неохотно
Отъ сладостной дремоты пробуждался,
Все было такъ безжизненно, безцвѣтно,
Какъ будто все страдало, и съ тоской,
Казалось, вся природа ожидала
Лучей его живительныхъ!—Теперь,

Взгляните, все какъ жизнью заиграло!
Мой, добрый государь! я думала: и вы
Подобны солнцу этому! Когда бы
Дней вашихъ утро было также мрачно
И также бы туманно, какъ его—
Повѣрьте мнѣ, придетъ пора, когда
Вашъ свѣтлый взоръ, какъ солнце возсіяетъ..
И безъ того одно явленье ваше
Несчастнымъ возвращаетъ жизнь! (Указывая на Якуба)

**Король.**

Я узнаю невольника, который
На смерть вчера былъ осужденъ.

**Агнеса.**

Хотите,
Поговоримъ съ нимъ что нибудь?

**Король,** (дѣлаетъ знакъ Якубу.)

Скажи мнѣ,
Гдѣ родина твоя?

**Якубъ.**

Далеко.

**Король.**

Но,
Какъ называется она?

**Якубъ.**

Пустыней.

**Агнеса.**

Пустыней?

**Король.**

Да,—въ странахъ сирійскихъ: мнѣ
Алланъ Шартье разсказывалъ нерѣдко,
Что на востокѣ есть страна,—далеко,
Гдѣ Людовикъ Святой съ врагами бился.
Слыхалъ ли ты, невольникъ, былъ Король...
Который съ вами воевалъ.... отважный,
Благочестивый былъ Король?

**Якубъ.**

Да, помню,
Дѣдъ моему отцу разсказывалъ: когда то,
Одинъ изъ вашихъ предводителей приплылъ къ намъ;
Съ нимъ войска и галеръ, что звѣздъ на небѣ,
И говорилъ онъ, будто бы пришелъ
Завоевать у насъ святую землю....
Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ
Его пророкъ!... по Голосу пророка,
Возстала буря, и самумъ свирѣпый,
Губительнымъ дыханіемъ повѣялъ—
Непроходимая, огромная пустыня
Въ своихъ пескахъ ихъ кости погребла;
Самъ предводитель ихъ погибъ безъ славы...
Въ преданьяхъ нашихъ имени его
Не сохранилося.

**Король.**

И вотъ она,
Вотъ эта слава.... что, не правда ли, Агнеса,
Есть позавидовать чему? Ты видишь,
Вотъ въ памяти его осталось что!...
Быть можетъ, какъ мой предокъ, я бы могъ
Отправиться за смертію въ пустыню,
Какъ онъ, съ собой взять тридцать тысячь войска....
Онобъ легло вокругъ моей могилы;—
И здѣсь, пожалуй, сталибъ говорить,
Что подвигъ мой великій, славный подвигъ...
Но знаешь ли, прекрасная Агнеса,
Не эта смерть завидна для меня;
Нѣтъ!... лучше бъ я желалъ сойти въ могилу
Въ тотъ тихій часъ, когда на ясномъ небѣ
Свѣтило дня спокойно догараетъ:
Прощальный взоръ къ нему бъ я устремилъ;
Не саваномъ во гробъ я одѣлся бъ:
Ты бъ отдала свое мнѣ покрывало,
И добрый другъ на камнѣ бы моемъ
Со вздохомъ начерталъ простую надпись:
«Здѣсь Карла прахъ—любимаго Агнесой!»

**Агнеса.**

О, государь!...

Король (Якубу.)

Якубъ, оставь насъ. (Якубъ уходитъ.)
Жизнь...
Не правда ли, Анеса, эта жизнь,
Которая такъ-медленно идетъ,
И быстро-такъ уходитъ, эта радость,
Улыбка Божія, благодѣянье неба,
Дана для счастья человѣку, да?
Мы не должны ея благіе дни
Растрачивать на вѣтеръ, словно дымъ,
И, сожигая, превращать ихъ въ дымъ,
Который люди называютъ славой!!...
А счастье.... что такое наше счастье?
Не этотъ ли случайный блескъ рожденья,
Не это ли, для жизни пробужденье,—
Когда, еще ребенкомъ, человѣкъ
Восходитъ на ступени трона; послѣ
Надѣнетъ онъ тяжелую корону;
Вокругъ его послушные рабы—
Придворные, толпятся боязливо....
Нѣтъ для него сердечнаго привѣта!
Смыслъ всѣхъ его рѣчей, одно—хочу...
Нѣтъ, милая Агнеса, счастье—радость,
Возможность быть съ тобою цѣлый день,
Тонуть въ лазури глазъ твоихъ небесныхъ,
Усталую главу склонять къ твоей груди,
И смѣшивать съ твоимъ свое дыханье,
И въ сладостномъ восторгѣ трепетать,
И заглушать роскошнымъ поцалуемъ
Твоей любви стыдливой легкій шопотъ!....

Агнеса.

Пока меня вы будете любить,
Вы будете такъ думать, государь!...

Король.

А это отъ тебя зависитъ, другъ мой!
Зачѣмъ я не могу съ тобою вмѣстѣ,
Далеко отъ людей, въ безвѣстности глухой,
Укрыться отъ заботъ тревожной жизни!..
Бываютъ у меня минуты иногда,—
Я съ мыслью не могу собраться,—умъ мой,
Какъ будто бы помѣшанъ... Признаюсь,
Безъ трепета я вспомнить не могу
Покойнаго родителя... Чего
Хотятъ они съ своимъ воинскимъ крикомъ?
Зачѣмъ они хотятъ меня заставить,
Чтобъ мечъ свой обнажилъ я?... Для меня
Ужъ слишкомъ много и Монтроской крови!...

Агнеса.

Вотъ кресло, государь: здѣсь на груди
Вы успокойтесь у меня...

Король.

Агнеса!
Какъ думаешь, гроза сегодня будетъ?—
На горизонтѣ туча...

Агнеса.

Нѣтъ.

Король.

Однако
Такъ душно въ воздухѣ—не слышишь ли
Глухой какой-то шумъ... Чу! слышишь?
(Слышенъ пушечный выстрѣлъ.)

Агнеса.

Пускай шумитъ гроза!—Чего бояться?
Я не боюсь, когда главой своею
Ты на груди покоишься моей!...
Громъ упадетъ на насъ обоихъ разомъ —
И жизнь свою окончимъ вмѣстѣ мы!...
(Оба погружаются въ забытье.)

=

## ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Графъ, (быстро отворяя дверь.)

Графъ.

Проснитесь, государь!....

Агнеса.

Ахъ!

Король.

Кто здѣсь смѣетъ
Безъ позволенія входить къ намъ?...
Графъ,
Ты это?... Слуги у тебя не знаютъ,
Что безъ доклада къ Королю не входятъ?

Графъ.

Вы слышите ли этотъ шумъ?
(Слышенъ пушечный выстрѣлъ.)
Какъ я,
Онъ смѣло говоритъ вамъ, государь:
Проснитесь!

Король.

Это громъ.

Графъ.

Нѣтъ, государь.

Король.

Нѣтъ?.. Что же?

Графъ.

Вслушайтесь.
(Еще пищечный выстрѣлъ.)

Король.

Ну!...

Графъ.

Это выстрѣлъ.

Король.

Такъ что же?

Графъ.

Что же!—Я хочу сказать,
Что этотъ голосъ въ сердцѣ Карла долженъ
Такой же отголосокъ пробудить,
Что долго сномъ бездѣйственнымъ томится
Нашъ государь,—что если хочетъ онъ
Проснуться наконецъ—пора настала!

Король.

Графъ!

Графъ.

Я хочу сказать, что каждый воинъ,
Израненный, сбираясь лечь въ могилу,
Бросаетъ взоръ послѣдній вкругъ себя:
«Гдѣ жъ мой Король—тотъ, за кого я палъ? —
Онъ говоритъ; что ваши предки, государь,
Насъ пріучили — видѣть королей
Среди опасностей, на полѣ битвы,
Тамъ, гдѣ кипитъ горячій самый бой;
Они какъ воины простые, смѣло
Мечомъ о мечъ сшибались со врагомъ!
О, вы не знаете, какъ тяжко умирать,
И видѣть, что Король тебя отвергнулъ!
Кто въ этотъ безначальный вѣкъ, скажите,
Соединить вокругъ престола можетъ
Вассаловъ сильныхъ и вельможъ могучихъ,
Которые завидуютъ другъ другу?
Кто, какъ не вы, сильнѣйшій изо всѣхъ?
Не можетъ ли изъ насъ подумать всякій,
Что Богъ ему проститъ—покинуть короля,
Который самъ покинулъ всѣхъ насъ....

Король.

Графъ!
Ты позабылъ....

Графъ.

Я вамъ хочу сказать,—
Вы не расчетливы въ своихъ поступкахъ:

Вы тратите казну—на что же?—На любовницъ,
На соколовъ, собакъ, да на пиры....
Народъ кровавымъ потомъ это добылъ,—
Намъ не на что купить желѣза—вы
На пустяки сорите наши деньги!
При всякомъ королѣ, я сколько помню,
Отчизна наша возрастала въ силѣ:
Къ наслѣдственнымъ своимъ владѣньямъ каждый
Изъ нихъ прибавилъ что нибудь—возьмите:
Филиппъ-де-Валуа завоевалъ Шампань,
Филиппъ другой—Нормандію, Анжу,
А Людовикъ Девятый—Лангедокъ.
И сами вы имѣли бы права,
Какъ зять Лудовика Анжуйскаго, владѣть
Провансомъ.....

Король.

Чортъ возьми!... Графъ, вы забыли,
Что Францію я получилъ отъ Бога,
И никому отчетомъ не обязанъ,
Кромѣ Его.....и если бъ захотѣлъ
Я совершенно позабыть объ ней,
Никто судить меня не въ правѣ, кромѣ Бога.

Графъ.

Такъ я хочу сказать — отъ Франціи у васъ,
Отъ той, что предки ваши вамъ вручили,
Осталося три области — не больше.
Со всѣхъ сторонъ враги тѣснятъ васъ дружно:
Вездѣ насъ побѣждаютъ Англичане,
Въ союзѣ съ ними Іоаннъ Шестой
Предательски вамъ измѣняетъ; зять вашъ,
Филиппъ Бургундскій, грабитъ безъ пощады
Владѣнья ваши: Арманьякъ, Бигорръ,
Фуа....а развѣ вы не видите, какъ онъ
За шагомъ шагъ со всѣхъ сторонъ, тихонько
Васъ хочетъ окружить? А ваши воиска,
Со всѣхъ сторонъ запутанныя въ сѣти,
Не могутъ выдержать трехъ арміи нападенья.
Напрасно Дюнуа, Нарбонъ, Ксентраль,
Неутомимо бьются со врагами:
Безъ плана, безъ соединенья силъ,
Что мѣсяцъ цѣлый кровью добывали—
Они теряютъ это днемъ однимъ.
Въ нихъ сердце есть, и есть у нихъ рука,
Да головы нѣтъ, нѣтъ души одной,
Которая могла бъ всѣмъ этимъ двигать.
Вамъ будетъ стыдно, государь, когда вы
Здѣсь станете безъ пользы медлить.....

Король.

Графъ!
А мой Оксерскій лѣсъ—онъ цѣлъ еще?

Графъ.

Цѣлъ, государь.

Король.

Прекрасно! Такъ скорѣе
Сбирайся на охоту. Гдѣ твой соколъ?
Я тотчасъ буду.—Ты со мной, Агнеса?
(Поспѣшно уходитъ.)

=

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ. Агнеса.

Графъ, (останавливая Агнесу.)

Нѣтъ, не пойдете вы отсюда, нѣтъ?
Теперь къ вамъ обращаюсь: вы прекрасны,
Очаровательны... О, да! Я понимаю,
Какъ обольстителенъ вашъ чудный взоръ,
Какъ упоителенъ вашъ сладкій голосъ...
Немудрено вамъ съ средствами такими

Надъ слабымъ королемъ торжествовать!
Но честію клянусь, для васъ бы лучше,
Чтобъ этотъ чудный взоръ и сладкій голосъ
Желѣзомъ раскаленнымъ уничтожить....

Агнесл.

Что это значитъ все,—не понимаю?

Графъ.

То значитъ, что вашъ голосъ и вашъ взоръ
Виною бѣдствій всѣхъ отчизны нашей:
Влюбленный Карлъ ихъ прихотливой власти,
Какъ грозному закону, покорился.
Любовница, владѣя королемъ,
Иль геніемъ хранителемъ быть можетъ,
Иль демономъ ужаснымъ для народа:
И вы бъ могли быть геніемъ отчизны,
Но предпочли быть демономъ ея!
Да, вашей соблазнительной любви
Обязанъ Западъ тѣмъ, что у него
Явился нынче свой Сарданапалъ.
Въ послѣднія минуты горькой жизни,
Несчастная отчизна наша бьётся,
Не въ силахъ будучи разнять объятій,
Которыми вы душите ее.
Придетъ пора, подъ вашею рукою
Она падетъ, и врагъ въ веселой злобѣ
Придетъ дѣлить развалины ея.
Тогда-то вопль ея возстанетъ грозно:
Ты побѣжишь, преступная жена!
Но знай, что государства смертный часъ—не то,
Что смертный часъ простаго человѣка:
Оно страдаетъ долго и жестоко...
Пожары нашихъ городовъ и селъ
Путь станутъ освѣщать тебѣ, и ты
Стопами станешь попирать могилы....
Твой дологъ путь, и нѣтъ ему предѣла,
За тѣмъ, что для главы своей преступной
Ты не найдешь нигдѣ себѣ пріюта....

Агнесл.

О, пощади!... Ужасно.....пощади.....

Графъ.

И паши дѣти, сколько будетъ ихъ,
Позорной бѣгъ твой станутъ провожать
Насмѣшками, проклятіемъ, слезами....
И умирающій—въ послѣднія минуты—
Сберетъ остатокъ силъ—откроетъ очи,
И на тебя взглянувъ, со скрежетомъ зубовъ,
Произнесетъ тебѣ послѣднее проклятье....
И въ сердцѣ у тебя проснется совѣсть,
И ты сама, преступная жена,
Произнесешь тогда себѣ проклятье.....

Агнесл, (на колѣняхъ.)

Графъ, есть раскаянье: оно меня спасетъ....
О, пощади, не продолжай—ужасно!—
Еще не поздно время не ушло.....
И развѣ та рука, что нанесла ударъ,
Не можетъ исцѣлить его?..

Графъ.

Посмотримъ!

# ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

## АГНЕСА СОРЕЛЬ.

Всѣ принадлежности охоты. — У дверей пажи держатъ на сворахъ собакъ.

### ЯВЛЕНІЕ I.

Бальтазаръ, Годфруа, (держитъ на рукѣ сокола.) Въ глубинѣ видны Крестьяне. Потомъ Якубъ.

Бальтазаръ, (въ дверяхъ).

Эй! ловчіе, готовьте лошадей!
Вы, господа, собакъ прошу не трогать;
Имъ безъ того работы будетъ много! —
Избаловать, пожалуй, ихъ не долго;
А, тамъ чуть съ своры ихъ долой—глядишь,
Словно шальныя, путаться начнутъ!
А соколовъ что жъ не несутъ — пора!
Да шапки нахлобучьте имъ.
(Обращаясь къ Годфруа, беретъ у него сокола, котораго Годфруа дразнитъ въ это время).
Подай
Сюда его, Годфруа! Когда —
Чортъ побери!—проклятымъ этимъ людямъ
Собака попадется, или соколъ,
Они испортятъ до того, что послѣ,
Ни къ чорту будутъ негодиться!
(Обращается къ другому)
Я чай, вѣдь корму на день будетъ мало,—
Поди возьми еще, да поскорѣй!
(Говоритъ соколу)
Гафъ! Гафъ! Ну, поцалуй меня красотка!
Что, закапризилась, любимка короля?
Не бось, ужо не будешь такъ спѣсива,
Какъ ужинать тебѣ я принесу.

Крестьянинъ.

Эй, господинъ сокольничій!

Бальтазаръ.

Что надо?

Крестьянинъ.

Сего дня утромъ шелъ я мимо лѣса
И видѣлъ на дорогѣ кабана.

Бальтазаръ.

Великъ?

Крестьянинъ.

Порядочный, двугодовалый;
Клыки большущіе!

Бальтазаръ.

Э, въ самомъ дѣлѣ?
А какъ ты думаешь, его найдемъ мы?

Крестьянинъ.

Да ужъ вѣстимо.

Бальтазаръ.

Ну, спасибо, братъ.
Эхъ, чертъ возьми, когдабъ была жива
Моя каналья *англичанка*.....
(Якубу, который въ это время входитъ и садится на свое мѣсто, на тигровой кожѣ.)
Ба!
Ты съ нами, что ль, арабская порода?

Якубъ.

Нѣтъ.

Бальтазаръ.

Такъ! тебѣ-бы нѣжиться все дома...
(Оборачивается и видитъ, что мальчишка шалитъ лукомъ.)
Ты, поросенокъ! Я-те дамъ лукъ трогать ...
Смотри, братъ, я вѣдь за вихоръ, какъ разъ!

=

## ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Король.

Король.

Какъ думаешь, любезный Бальтазаръ,
Удачна-ли охота наша будетъ?

Бальтазаръ.

Гмъ! Богъ вѣсть! Какъ случится, государь...
Я помню разъ....

Король (дразнитъ сокола.)

Ты здѣсь моя красотка ...

Бальтазаръ, (продолжая.)

Мы собрались, чуть свѣтъ....

Король, (не слушая его.)

Однако ужъ пора ...

Бальтазаръ, (продолжая.)

Въ лѣсу Вернёльскомъ это было... Мы
Отправились...

Король.

А Графа нѣтъ?

Бальтазаръ.

Его
Мы не видали.

Король

Да куда жъ онъ дѣлся?

Бальтазаръ, (продолжая.)

Я сокола спустилъ....

Король.

Агнесы также нѣтъ.

Бальтазаръ, (продолжая).

Взвился мой соколъ....

Король.

Бальтазаръ!—Труби-ка!—
Пора ужъ ѣхать!
(Бальтазаръ трубитъ).
Хорошо!

Бальтазаръ.

Такъ я
Не досказалъ... Спустилъ я сокола,—вотъ вижу,
Взвился мой соколъ — лихо! Сдѣлалъ кругъ....

Король.

Возьми *красотку*.

Бальтазаръ.

А, мамзель, прошу,—
Пожалуйте сюда безъ церемоній.
Король, (идетъ въ двери).
Твоя труба исправна. Вотъ и Графъ.
(Смотритъ, стараясь различить, съ кѣмъ онъ идетъ))
А съ нимъ.... съ нимъ.....

=

## ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Графъ и Дюнуа.

Дюнуа, (входя).

Дюпуа!

Король.

А! Дюнуа!
Любезный Дюнуа!—Вотъ странно, право!

Чего бы я ни вздумалъ—глядь, какъ разъ,
Желаніе мое исполнилось.

(Треплетъ его по плечу).

Дюнуа.

Усердно
Благодарю васъ, добрый государь,
За ласковый пріемъ; но ради Бога,
Потише...

(Снимаетъ шлемъ; на головѣ его видна рана, изъ которой еще течетъ кровь.)

Король, (отступая).

Какъ! Ты раненъ?..

Дюнуа.

Такъ, немного...
Царапина простая... Слава Богу,
Что голова моя крѣпка: другой бы,
Пожалуй, съ головой простился бъ!...

Король.

Какъ!—
Такъ ты сейчасъ лишь только съ битвы?...

Дюнуа.

Да,
И съ битвы препорядочной.

Король.

Ну, что жъ?
Тебѣ бы, послѣ битвы, тотчасъ надо
Ксентраля привести сюда; мы съ нимъ
Пошли бы на охоту.

Дюнуа.

Государь!
Ксентраль въ плѣну.

Король.

Въ плѣну?...

Дюнуа.

Да; за него
Назначенъ выкупъ.

Король.

Казначей!.. Что, многоль
Въ казнѣ, у насъ есть денегъ?

Казначей.

Государь!
Червонцевъ 1000 всего, не больше.

Король., (къ Дюнуа).

Тебѣ довольно этой суммы будетъ?—
Возьми ее.

Дюнуа.

Нѣтъ, государь—увы!
Еще по крайней мѣрѣ надо столько жъ.

(Король обращается къ казначею).

Казначей.

Когда Ваше Величество найдете
Однимъ червонцемъ больше этой суммы,
Я голову даю на отсѣченье.

Король, (снимаетъ съ головы токъ, на которомъ сдѣлана брилліантовая корона. Обращаясь къ Казначею).

Который изъ брилльантовъ всѣхъ дороже?

Казначей.

Вотъ этотъ всѣхъ дороже, государь!

Король, (отламывая брилліантъ, и бросая въ шлемъ Дюнуа).

За лучшаго изъ воиновъ моихъ
Я отдаю мой самый лучшій камень.

Графъ, (про себя).

О, сердце у него, я въ томъ увѣренъ,
Достойно Короля!...

Король, (Дюнуа.)

Уладить выкупъ
Поручишь ты Нарбонну. Послѣ онъ
Отдастъ отчетъ мнѣ въ этомъ.

Дюнуа.

Государь!
Онъ Богу отдаетъ теперь отчетъ.

Король.

Какъ, неужли онъ умеръ?

Дюнуа.

Умеръ, государь.
Не слушаясь Дугласа и Ксентрайля,
Поутру онъ въ сраженіе вступилъ,
И за свою ошибку заплатилъ
Своею смертію.

Король.

По крайней мѣрѣ
Дугласъ, надѣюсь, живъ?

Дюнуа.

Нѣтъ, государь,
И онъ скончался...

Король.

Боже мой великій!....
О, бѣдный мой Дугласъ, союзникъ вѣрный!
Онъ изъ Шотландіи спѣшилъ сюда,
Чтобъ мнѣ помочь оружіемъ своимъ,
И умеръ за меня!... Какъ я несчастливъ!...
Ну, что Омаль? что Рамбулье? что Вантадуръ?...

Дюнуа.

И ихъ на свѣтѣ нѣтъ!...

Король.

А Лифаетъ?
Гокуръ?

Дюнуа.

Въ плѣну.

Король.

А воиско?

Дюнуа.

Увы!...

Король.

Разбито.

Дюнуа.

Нѣтъ — разсѣяно. И каждый
Кто уцѣлѣлъ изъ полководцевъ, долженъ
Бѣжать невольно отъ Бедфорда. Вы
Одни могли-бъ соединить всѣ силы...

=

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Агнеса. (Подходитъ къ Королю.)

Агнеса.

Прощайте, Государь.

Король, (про себя.)

Мой другъ, куда ты?

Агнеса.

Я ѣду.

Король.

Ты?
Да, государь, я ѣду....
Въ младенчествѣ мнѣ было предсказанье....
Одна цыганка предрекла — и я,
Повѣривъ ей, надѣялась до сихъ поръ,
Что Франціи король – мой будетъ повелитель,
И буду я владѣть его любовью.
Послушная призыву сердца, я
Считала васъ до сихъ поръ королемъ:
Но вы безъ бою уступить хотите
Бедфорду свой престолъ и санъ, такъ стало

Не вы король во Франціи – Бедфордъ, –
И я иду къ Бедфорду.

**Король.**

А, такъ вотъ что!...
Скорѣе, графъ, сюда!... Скажи мнѣ, есть ли
Въ твоихъ конюшняхъ конь для короля,
*Для короля* — ты понимаешь?

**Графъ.**

Есть—
Конь моего покойнаго отца.

**Король.**

Велижъ тотчасъ его привесть.

**Графъ,** (обращаясь къ своему конюшему.)

Конюшій,
Приказъ исполнить Короля!

**Король.**

Спасибо.
А латы есть ли у тебя такія,
Чтобъ были мнѣ по росту, и притомъ,
Чтобъ можно ихъ надѣть въ день жаркой битвы?

**Графъ,** (показывая ему вооруженія, развѣшанныя по стѣнамъ.)

Извольте выбрать, государь.

**Король.**

Прекрасно!
Которыя покрѣпче, тѣ мои.

**Графъ,** (обращаясь къ стоящимъ пажамъ.)

Снимите эти латы со стѣны, —
Его Величество надѣнетъ ихъ.
(Графскіе люди вооружаютъ Короля.)

**Король**

Графъ, я хочу теперь, не медля, знать,
Какія слѣдствія твоей поѣздки.

**Графъ.**

Я видѣлъ Іоанна.

**Король.**

Ну, что онъ?

**Графъ.**

Онъ обѣщалъ мнѣ разорвать союзъ
Съ врагами вашими; соединиться съ вами
На миръ и на войну; прислать къ вамъ брата,
Съ нимъ тысячу копейщиковъ.

**Король.**

Прекрасно!
А что за это хочетъ онъ въ награду?

**Графъ.**

Для брата своего Ричмонда проситъ онъ
Ту шпагу конетабля, что въ Кревантѣ
Отъ рукъ Букента ускользнула.

**Король.**

Только?...
Надѣнь мнѣ шпоры, Дюнуа.
(Дюнуа надѣваетъ шпоры.)

**Графъ.**

Не больше,
Государь.

**Король.**

Такъ онъ, изъ рукъ твоихъ
Ее получитъ. Завтра ты поѣдешь,
И отвезешь ему мое честное слово –
Со стороны моей, по крайней мѣрѣ, я
Такое предложенье принимаю.
Пусть явится онъ въ Пуатье, и тамъ
Мы съ нимъ соединимся.

**Графъ.**

Повинуюсь.

**Король.**

Графъ, мечъ!
(Графъ подаетъ ему мечъ, Король его разсматриваетъ.)

Для Короля, Графъ, нуженъ мечъ,
Покрѣпче этого немного; этотъ,
Того гляди, что переломится—смотри!
(Ломаетъ его.)

Одинъ ударъ — и онъ....
(Графъ подастъ ему другой.)
Вотъ этотъ, такъ!
(Король обращаясь къ оруженосцу который держитъ копье.)
Оруженосецъ у меня—Якубъ.
Отдай ему копье... Подайте шлемъ мнѣ.
(Ему подаютъ шлемъ, онъ надѣваетъ.)
Теперь внимайте мнѣ: я думалъ до сихъ
поръ,
Что, вслѣдствіе переговоровъ тайныхъ,
Бедфордъ на міръ со мною согласится,
На выгодныхъ для насъ условіяхъ; но вы
Считаете такое средство низкимъ,
Обыкновеннымъ, медленнымъ—хотите
Войны!...

Всѣ (хватаясь за мечи.)
Да, государь, войны, войны!..

Король.

И такъ, я помощи отъ васъ хочу послѣдней.
Война вамъ будетъ—но война на смерть!—
Я послѣ всѣхъ мечъ вынулъ изъ ноженъ,
За то въ ножны его вложу я послѣ всѣхъ!..
Вы избираете меня главою?—
Такъ вотъ условія мои, внимайте:
Та Франція, что мнѣ досталася отъ предковъ—
Филиппа, Августа и Валуа—
Та Франція не для меня: мнѣ надо,
Ту Францію, которой Карлъ Великій—
Сей исполинъ въ исторіи народовъ—
Мечемъ своимъ предѣлы начерталъ:
Отъ берега въ пространныхъ Океана
До Рейна предѣлъ ея лежитъ:
Да будетъ воля вамъ моя закономъ:
Я Франціи такой хочу, — другой
Я Франціи не знаю!

Дюнуа.

Государь,—
Съ благоговѣніемъ тебѣ внимаемъ мы...

Король.

Отнынѣ кличъ одинъ для всѣхъ насъ будетъ —
Имъ станемъ оглашать мы поле битвы:
Монжуа и Сен-Дени... за мной!...

Всѣ.

Монжуа и Сен-Дени!— Впередъ!..

Король.

Теперь скажи, Агнеса, кто Король?
Ну, други, на охоту — всѣ за мной!..
(Уходитъ и всѣ за нимъ.)

Графъ (обращаясь къ Дюнуа.

Не оставляйте вы его: порывы
Немного надобно умѣрить.
(Обращаясь къ Агнесѣ.)
Вамъ хвала,
Прекрасная Агнеса!

Агнеса.

Графъ, не мнѣ:
Хвала Всевышнему,—Онъ указалъ дорогу —
Въ Его святой десницѣ сердце Короля.
(Уходятъ вмѣстѣ.)

Бальтазаръ, (одинъ).

Охота наша, знать, не состоялась:
Король другую дичь пошелъ стрѣлять.
Ну, что жъ, красотка? Маршъ— домой,
въ свой уголъ!
Авось черезъ дойдетъ до насъ опять!..
(Хочетъ идти.)

## ЯВЛЕНІЕ V.

Бальтазаръ, Беранжера (приподнимая коверъ.)

Беранжера.

Послушай, Бальтазаръ.

Бальтазаръ.

Что вамъ угодно?

Беранжера.

Графъ
Поѣдетъ съ Королемъ. Я не могла раз-
слушать
Изъ комнаты своей, — мнѣ надо знать
Немедленно: онъ ѣдетъ, или нѣтъ?

Бальтазаръ.

Они, Графиня, громко говорили.

Беранжера.

Ахъ, Боже мой!.. Онъ ѣдетъ, или нѣтъ?
Сейчасъ онъ ѣдетъ?.. дай ты мнѣ от-
вѣтъ.

Бальтазаръ.

Онъ остается на ночь здѣсь, а завтра
Поѣдетъ онъ поутру рано.

Беранжера (подавая ему кошелекъ.)

На,
Возьми себѣ.

Бальтазаръ (уходя.)

О, дай вамъ Богъ здоровья!

Беранжера (одна.)

Я чувствую, вся кровь во мнѣ кипитъ!..
Мнѣ душно здѣсь — въ могилѣ словно я!..
(Падаетъ въ кресла.)
Я думала, что онъ поѣдетъ нынче...
О, какъ страдаю я!.. Какъ будто двѣ
Желѣзныя руки меня сжимаютъ!..
(Мгновенно вставая.)
О Боже мой!—Спаси меня—вотъ онъ!..

=

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Беранжера и Графъ.

Графъ, (съ удивленіемъ.)

Какъ!— Беранжера!..

Беранжера.

Графъ, ужли для васъ
Я нынче стала такъ чужда, что вы,
Здѣсь встрѣтившись со мною, изуми-
лись?..
О, если такъ, простите, Графъ; но я....
Быть можетъ, я ошиблась... мнѣ каза-
лось...
(Графъ показываетъ нетерпѣніе.)
Позвольте мнѣ спросить у васъ, могу ли
Я продолжать, или....

Графъ.

Извольте.

Беранжера.

Мнѣ казалось,
Что прежде, нежели рѣшитесь вы
Меня, живую, схоронить въ могилу,
Рѣшитесь разорвать союзъ священный,
Главу мою навѣки опозорить,
Вы мнѣ позволите придти къ вамъ и
спросить:
За что вы, пользуясь своею силой,
Клеймите честь мою позоромъ?..Графъ!
Преступника на казнь не осуждаютъ,
Не объявивъ ему его вины!
Вы мой судья—вы мнѣ сказать должны,
Въ чемъ провинилась я предъ вами?

Графъ.

Беранжера!
Когдабы кто осмѣлился тебя
Хоть подозрѣніемъ малѣйшимъ обезсла-
вить —
У ногъ своихъ онъ тотчасъ бы увѣ-
дѣлъ
Мою перчатку!..Нѣтъ! Ты Беранжера—
Могу сказать я передъ цѣлымъ свѣ-
томъ—
Примѣромъ можешь быть для самой чи-
стой,
Для самой вѣрной изъ всѣхъ женъ!.. Я
знаю,
Никто съ такою любовію, какъ ты,
Привязанъ не былъ къ своему супругу!..
Господь, средь непорочныхъ ангеловъ,
тебѣ

На небѣ мѣсто уготовилъ—да!..
Но человѣкъ, окованный тѣмъ самомъ,
Какимъ окованъ я, избавиться не можетъ
Отъ государственныхъ обязанностей тяжкихъ;
И хоть они мучительны для сердца,
Но радъ не радъ, а исполнять ихъ должно!..
Крѣпимся долго, дорожа покоемъ,
Но слово: честь—всему даетъ рѣшенье!..
И такъ честь Франціи, честь дома моего
Повелѣваетъ мнѣ пещись о томъ,
Чтобы со мной мой родъ не прекратился,
Чтобъ у меня былъ имени наслѣдникъ,
Который могъ отчизну бъ защищать,
И имя славное въ потомство передать!
Вотъ я о чемъ забочусь, Беранжера.

Беранжера.

Я это знаю, Карлъ; но ты не думай,
Чтобъ языкомъ моимъ водила только гордость,
О! нѣтъ!—не гордость ты мою обидѣлъ,
Ты оскорбилъ любовь мою жестоко!
Любовь моя къ тебѣ сильна все такъ же,
Какъ въ тотъ счастливый день, когда на твой вопросъ:
Согласна ль я имѣть тебя супругомъ—
Я отвѣчала: да!.. О, это правда:
Мужчина множество имѣетъ дѣлъ,
Обязанностей разныхъ, это — все
Въ его душѣ для пламенной любви
Немного мѣста оставляетъ,—такъ!..
И это все понятно!—Но для насъ,
Для женщинъ!.. Мы, которымъ на землѣ
Другаго счастья нѣтъ, кромѣ любви
Супруга нашего и властелина...
Мы, клятву давшія, предъ алтаремъ священнымъ,
Всегда любить его любовью вѣрной,—
Храним и помним свято эту клятву!..
И вдругъ, когда онъ явится къ супругѣ
И по тому, что самъ ея не любитъ,
Ей угасить въ душѣ велитъ любовь,—
То бѣдной женщинѣ простительно, увы,
Когда она въ душѣ не можетъ угасить,
Того огня, который десять лѣтъ
Она такъ чисто, свято сохраняла!..
Прости мнѣ, Карлъ, что смѣю я еще
Любить тебя!..

Графъ.

Цѣною преступленья
Желалъ бы я наслѣдника купить!—
Каковъ бы ни былъ онъ — но только бъ имя,
Мой родъ, не прекратился бъ съ нимъ.
О, вѣрь!—
Его рожденье я готовъ очистить
Затворнической жизнью, покаяньемъ,
Въ монастырѣ готовъ я затвориться,
Но только бъ сына, сына!..

Беранжера.

Карлъ! Послушай:
Нерѣдко намъ Господь ниспосылаетъ
На сердце искушенье; если мы
Перенесемъ его душею твердой,
То гнѣвъ Его смягчается, и Онъ
Намъ милосердіе тогда ниспосылаетъ!
Въ чемъ долго Онъ отказывалъ, то вдругъ
Даруетъ намъ Своею благодатью!..
О, подожди, не удаляй меня!..
Господь, быть можетъ, сжалится надъ нами!..

Графъ.

Мнѣ ждать—среди войны ожесточенной?..
Мнѣ ждать?... А смерть ждать станетъ-ли меня?

Беранжера.

Смерть!.. О, мой Карлъ, я стану такъ молиться,
Что Небо сжалится надъ нами—и Господь
На землю ангела тебѣ пошлетъ, что бъ онъ

Хранилъ тебя во время жаркой битвы!..
О! есть ли гдѣ страна, куда бы я
Съ усердьемъ не пошла на богомолье!
И какъ бы ни былъ труденъ путь, кля-
нусь,
Я совершу его! Въ безвѣстныя страны,
На край ли міра—я пойду:..

Графъ, (прерывая ее.)

Ребенокъ!..

Беранжера.

Пойду босая—зной ли, буря—я
Убѣжища себѣ искать не стану,
Не преклоню главы своей подъ кровъ,
Пойду съ рыданіемъ, съ молитвой, буду
спать
Въ открытомъ полѣ, середи дороги!..

Графъ.

О, ради Бога, призови разсудокъ!..

Беранжера.

Скажите, Графъ, согласны вы на это?

Графъ.

Нѣтъ, невозможно!..

Беранжера.

Почему жъ?

Графъ.

Нельзя!

Беранжера.

Такой поступокъ, Графъ, подумайте
объ этомъ,—
Вѣдь это приговоръ мой!.. Нѣтъ, не при-
говоръ—
Вѣдь это мнѣ проклятіе!.. Я знаю,
Вы для того сослать меня хотите,
Чтобъ новую себѣ супругу взять!..
Не такъ ли?А! не такъ-ли?.. Но вѣдь, я
Ревнива, Графъ!—О! да!.. Представьте
вы себѣ,
Въ тотъ мигъ, когда я стану совершать
молитву,
Ужасный слухъ до храма долетитъ,
Что есть у васъ жена другая—о!
Я трепещу, боюсь, чтобы молитва
Въ устахъ моихъ съ проклятьемъ не сме-
палась!
И я въ отчаяньи гнѣвъ Божій призову
И на себя, и на нее—и даже,
Быть можетъ, и на васъ!..

Графъ.

Въ твоей печали
Господь тебѣ дастъ силу и терпѣнье!

Беранжера.

Власть Господа надъ будущимъ простер-
та—
Прошедшее свершилось! Стало быть,
Когда оно еще не приходило,
Господь тому велѣлъ свершиться такъ!..
Прошедшаго Господь не перемѣнитъ!..
Предъ алтаремъ ты мнѣ сказалъ: лю-
блю!—
Не измѣнить того, чего ужъ нѣтъ,—
Не умертвить въ живой моей душѣ—
Тѣхъ словъ, которыя запали въ ней на
вѣкъ!..
Конечно, чтобъ меня заставить поза-
быть
И этотъ звукъ, и это слово—Онъ
Своею волею святою можетъ
Отнять разсудокъ у меня и память;
Но ужъ не можетъ совершить того,
Чтобы произнесенное тобою слово
Опять вошло въ твои уста и сердце!..
Карлъ!.. Приведи на память это слово!..
Смотри, у ногъ твоихъ я плачу!.. О!
Не отвращай свой взоръ, не отвращай!..
Карлъ! пощади! Молю тебя!

Графъ, (приподнимая ее.)

Встань! Поздно!
(Молчаніе.)

Беранжера.

Чтобъ жалость пробудить въ твоей ду-
шѣ,
Сначала я къ моленью прибѣгала;
Потомъ, ты видѣлъ, горесть взяла

Въ слезахъ, рыданьяхъ тяжкихъ; наконецъ,
У ногъ твоихъ я ползала съ тоской,
Съ рыданіемъ колѣна цаловала...
Что жъ надобно еще? Скажи мнѣ, есть-ли средство?
Да говори жъ!.. О, говори, когда
Въ душѣ твоей есть искра состраданья!
Нельзя же бѣдной женщины оставить
Съ убитою душой... Хоть слово утѣшенья —
Хоть взглядъ, — слезу участія — привѣтъ, —
Одинъ привѣтъ, одинъ... О, будь же проклятъ!..

Графъ, (звонитъ; входитъ слуга.)

Позвать мнѣ Капеллана. (Слуга уходитъ.)

Беранжера, (уходя къ себѣ въ комнату.)

Графъ, прощайте!..
Руками вашими могила мнѣ изрыта—
Молитеся,—чтобъ пала я одна!..
(Уходитъ.)

=

## ЯВЛЕНІЕ VII.

Графъ (одинъ) потомъ Якубъ и Капелланъ.

Графъ.

Все это хорошо; а между тѣмъ прошу
Готовиться къ отъѣзду: Капелланъ
Васъ извѣститъ когда вамъ надо ѣхать.
Противъ любви я устоялъ отважно,
Такъ ненависть меня не устрашитъ!
Ты это, Капелланъ?
(Оборачивается и видитъ Якуба.)
Якубъ, ты здѣсь зачѣмъ?

Якубъ.

Меня ты отдалъ, словно пса какого:
Какъ песъ, сорвался съ цѣпи я—и воръ
Опять пришелъ къ хозяину... Но только
Песъ нынѣче для хозяина примѣръ;
Хозяинъ сдѣлался неблагодарнымъ, — песъ
Остался вѣренъ.
(Садится на свое обыкновенное мѣсто).

Графъ.

Если такъ, пожалуй,
Останься здѣсь.
(Къ входящему Капеллану).
А, Капелланъ, насилу!
Теперь настало время—Беранжера
Должна прокинуть замокъ непремѣнно.

(Якубъ въ это время начинаетъ показывать глубокое вниманіе).

Пусть монастырь она себѣ любой
Для жизни изберетъ; но только ты
Проводишь самъ ее, отецъ честной!
Отъ моего ты имени предложишь
Монастырю богатый вкладъ; потомъ
Воротишься назадъ: я въ этотъ вечеръ
Жду Изабеллу, завтра поутру,
Чуть свѣтъ, я ѣду; время для меня,
Ты видишь самъ, разсчитано прескупо.
И потому, прошу тебя, скорѣй...
(Обращаясь къ слугѣ).
Чтобъ лошадь дожидалась у крыльца!
Да посмирнѣе выбрать!—Мой отецъ,
Ты здѣсь дождешься Беранжеру. Я
Уйду отсюда, чтобъ ея не встрѣтить.

Якубъ

О Магометъ!... (встаетъ.)
Графъ!

Графъ.

Что еще?

Якубъ.

Вчера
Ты предлагалъ мнѣ возвратить свободу,—
Отдай ты мнѣ ее теперь: вчера
Я не подумалъ хорошо объ этомъ
И отказался, самъ не знаю почему...

Графъ.

Пожалуй, я готовъ: что предложилъ,
Такъ отъ того назадъ не отопрусь.
(Беретъ на столѣ пергаментъ, пишетъ на немъ

нѣсколько словъ, и приложивъ свою печать, отдастъ Якубу.)
Что̀ сказано, то̀ свято. На, — прощай?

Якубъ.

Благодарю.

(Графъ уходитъ. — Капелланъ стучится въ дверь Беранжеры, дверь отворяется и выходитъ женщина, окутанная покрываломъ, и одѣтая точь-въ-точь какъ Беранжера.)

Капелланъ.

На Бога, дочь моя,
Ты возложить должна все упованье
Да ниспошлетъ тебѣ отраду онъ.

(Удаляется вмѣстѣ съ нею.)

Якубъ, (глазами слѣдитъ за этой женщиной.)

Прости, о ангелъ, съ небеси нисшедшій,
Чтобъ оживить меня своимъ дыханьемъ...
Въ блаженныя селенья ты идешь. —
Тебя зоветъ Аллахъ...

Беранжера, (на порогѣ своей комнаты.)

Якубъ!

Якубъ, (смотря то на удаляющуюся женщину, то на Беранжеру)

Ихъ двѣ?

Беранжера.

Якубъ, или ты не узналъ мой голосъ?

Якубъ.

Тыль это, Беранжера?

Беранжера.

Я сама.

Якубъ.

Такъ, стало быть, ты здѣсь осталась?

Беранжера.

Да!

Якубъ.

А съ Капелланомъ кто жъ пошелъ?

Беранжера.

Моя
Служанка.

Якубъ.

Вѣрно ты не знаешь...

Беранжера.

Знаю...

Якубъ.

Что Графъ..

Беранжера.

Тебѣ я говорю, невольникъ,
Что свой позоръ я знаю...

Якубъ.

Какъ, и то̀
Ты знаешь, что сейчасъ другая
Сюда пріѣдетъ?

Беранжера.

Что̀ ты говоришь?

Якубъ.

Графъ дожидается ее...

Беранжера.

Ты лжешь!

Якубъ.

И къ вечеру ужъ церковь убираютъ...

Беранжера.

Ты лжешь!

Якубъ.

Она сюда съ Андреемъ будетъ;
Ужъ онъ заранее зоветъ ее графиней...

Беранжера.

Я говорю тебѣ, ты лжешь!

(Въ это время Изабелла въѣзжаетъ на лошади въ ворота, которыя сквозь окна задней декораціи видны на дворъ. Андрей подлѣ нея. Графъ идетъ къ ней на встрѣчу и подаетъ руку, на которую она опирается и сходитъ).

Якубъ.

Положимъ.

(Указывая на Изабеллу и Графа.)

Такъ посмотримъ... Ну, что̀ теперь ты

(Беранжера убитая горестію.)

Что... Ничего...

Якубъ.

Такъ посмотри еще:
Онъ обнимаетъ!

Беранжера.

О, проклятіе!...

Якубъ.

И ты,
Ты ничего не скажешь?...

Беранжера, (въ ярости).

Я скажу,
Что я люблю тебя!...
(Хочетъ уйти),

Якубъ. (Удерживаетъ ее).

Останься, о,
Останься здѣсь, постой!...

Беранжера.

Графъ можетъ увидать.

Якубъ,

Но гдѣ же я увижуся съ тобой?

Беранжера.

Здѣсь, ввечеру сегодня.
(Уходитъ).

Якубъ.

Ввечеру!...

## ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

## БЕРАНЖЕРА.

Декорація та же.

### ЯВЛЕНІЕ I.

Стрѣлки за столомъ Якубъ, стоитъ подлѣ дверей Беранжеры.

Стрѣлокъ Жанъ.

Что за дичина, чортъ возьми!

Андрей.

Признаться!
Не думалъ я, чтобъ мой олень вчерашній
Такъ во-время попался въ руки мнѣ.
Якубъ, ну, безъ сердцовъ кусочекъ съѣшь!

Якубъ.

Я сытъ.

Жанъ стрѣлокъ (Андрею).

А что, Андрей, вѣдь не шутя,
Ты въ милости у Графа! Что жъ, когда
Замолвишь этакъ и за насъ словечко?

Андрей.

Да, смѣйтесь, а вѣдь что-нибудь да значитъ,
Коли самъ графъ меня изволилъ выбрать
Чтобъ я жену его сюда привезъ.

Авось теперь Господь ему дастъ сына,
И ужъ впередъ не доводется мнѣ
Еще Графини привозить... Ну, братцы!
За молодую барыню вина!

Всѣ.

Давай, давай!

Якубъ.

Подлецъ!

Андрей.

Гмъ! Что ты тамъ?

Якубъ.

Такъ, ничего. .. Вчера здѣсь за столомъ
И ты жъ крпчалъ здоровье пить, да только
Вчера другое было имя, нынче....

Андрей.

Ну пей, коли ты хочешь, какъ вчера,
А мы какъ нынче выпьемъ.

Якубъ.

Я не пью.

Андрей.

Не пьешь, такъ намъ пить не мѣшай; не то,
Когда тебѣ здѣсь скучно, выйди вонъ.

Якубъ.

Я здѣсь хочу быть.

Андрей.

Будь, да — чортъ возьми!—
Молчи!...

Якубъ.

Еще не все сказалъ.

Андрей.

Такъ говори!

Якубъ.

Когда изъ васъ посмѣетъ кто нибудь
Проклятое здоровье это выпить,
Клянусь Аллахомъ, что тому въ другой разъ
Пить ничьего здоровья не придется!...
Теперь я все сказалъ!

(Андрей встаетъ, грозя Якубу).

Жанъ стрѣлокъ, тихо Андрею.)

Не горячись,
А вспомни о Раймондѣ.

(Слышенъ звонъ колокола).

Чу! Звонятъ....
Андрей, пора намъ въ церковь...,

(Выходятъ).

## ЯВЛЕНІЕ II.

Якубъ, Беранжера; потомъ Графъ и Изабелла.

Якубъ,

Какъ вы долго
Сидѣли здѣсь, проклятые гяуры!
Чтобы у васъ изъ жизни столько дней
Отнялъ Аллахъ, сколько отняли вы
Минутъ счастливыхъ у меня!....

(Поднимаетъ коверъ).

Приди,
О Беранжера! Ихъ ужъ нѣтъ—приди!
Какъ бьется сердце у меня въ груди!
Какъ сильно грудь волнуется!...

Беранжера (показываясь).

Тсъ!...

Якубъ.

Ты ль это?..

Беранжера.

Мы здѣсь одни?

Якубъ.

О, да, одни...

Беранжера.

Послушай —
Огонь горитъ— зачѣмъ?...,

Якубъ.

Не слышно ничего....
Они теперь ужъ оба въ церкви; тамъ
Священникъ ихъ соединяетъ.

Беранжера.

О,
Довольно!... Да, Якубъ, довольно!—Мы
Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.
Случалось ли когда нибудь съ тобой,
Что ты, бродя въ тоскѣ глубокой долго,

Вкругъ замка нашего, душой и взоромъ
Стремясь туда, на свой Востокъ родимый,
Садился наконецъ, съ поникшей головой,
И погружался въ сладкое забвенье,—
Въ то время, снился сонъ тебѣ такой:
Ты былъ въ пустынѣ, у себя въ палаткѣ;
Ужъ надъ тобой спускался тихій вечеръ;
Безпойное свѣтило дня топуло
Въ багровыхъ облакахъ; вдали передъ тобою
Паслись верблюды; тамъ табунъ коней—
Они, на голосъ твой знакомый, отвѣчали
Веселымъ ржаніемъ, а здѣсь, подлѣ тебя,
Сидѣла женщина, изъ чуждыхъ странъ:
Ее на Западѣ всѣ звали Беранжерой.
Обнявъ тебя съ любовію, она
Покоила главу твою, и тихо
Тебѣ шептала: «Счастливъ ли, Якубъ?»

Якубъ.

Не мучь меня!—Могу ль я это слушать!...

Беранжера.

Видалъ ли ты подобный сонъ, скажи?

Якубъ.

Сто разъ видалъ, сто разъ!....

Беранжера.

И въ это время
Вдругъ пробуждался ты отъ сна; твое
Очарованье исчезало; все
Вокругъ тебя показывало ясно,
Что ты обманутъ ложнымъ сновидѣньемъ,
Что ты опять невольникъ — нагъ и бѣденъ!...
Еслибъ вдругъ тогда, передъ тобой
Явился кто нибудь, и—демонъ, или геній—
На дѣлѣ бы осуществилъ твой сонъ;
Взамѣну отъ тебя потребовалъ бы онъ
Повиновенія—хоть на день, даже
На часъ одинъ,—но только ужъ за то,
Повиновенія безъ всякихъ прекословій..
Скажи, рѣшился бъ ты, за этотъ часъ одинъ
Купить себѣ на цѣлый вѣкъ блаженство?...

Якубъ.

Одинъ, во всей вселенной, человѣкъ
Меня бы могъ заставить согласиться:
Та женщина, которая всегда
Является мнѣ въ сладкомъ сновидѣньи!
Не надо говорить, что это ты!

Беранжера.

Ну, такъ послушай: хочешь ли, Якубъ,
Чтобъ этотъ сонъ дѣйствительно сбылся?—
Желаешь ли увидѣть на яву
Родимыя пустыни, караваны,
Вечерній отдыхъ подъ широкой пальмой,
Твоихъ коней игривыхъ табуны,
Твоихъ верблюдовъ, наконецъ—ее,
Ту женщину, которая была бы,
Твоею спутницей всегдашней?

Якубъ.

Беранжера!
Ты хочешь отъ меня потребовать чего-то
Ужаснаго: не такъ ли, говори?

Беранжера

Ты словъ своихъ на вѣтеръ не бросаешь,
Якубъ? Ты говорилъ, когда-то мнѣ:
«Послушай Беранжера, если бъ кто нибудь,
«И какъ нибудь, однимъ лишь словомъ, взглядомъ,
«Тебѣ нанесъ бы оскорбленье, если бъ
«Надъ жизнію твоей грозой тяжелой
«Жизнь чья нибудь носилась; если бъ ты
«Не иначе, какъ съ смертію его
«Могла бы быть счастлива и довольна—
«Кляпусь тебѣ, будь онъ избранникъ неба,
«Непадо называть — ты укажи,
«Мигни мнѣ только...» Помнишь ли, Якубъ?

Якубъ.

Я это говорилъ...и трепещу!...
Однако же я сдѣлалъ исключенье...

Беранжера.

Ни для кого!

Якубъ.

Есть человѣкъ одинъ,
Которому я мстить не долженъ, не могу!

Беранжера.

А если бъ именно его я указала?
И если бъ мщенія потребовала тотчасъ?

Якубъ.

А имя?

Графъ!

Якубъ.

Нѣтъ, я не думалъ!...

Графъ! —
Графъ — слышишь ли ты? — Графъ! Ну что-же?

Якубъ.

Нѣтъ,
Нельзя!

Беранжера.

Ну, такъ прощай навѣкъ!

Якубъ.

Постой!
Я не отстану отъ тебя!

Беранжера.

До сихъ поръ
Я думала—какая глупость, право!—
Что только мы одни не держимъ слова....
Я ошибалась!

Якубъ.

Беранжера!

Беранжера.

Прочь—
Оставь меня!
(Съ упрекомъ обращаясь къ нему).
Ты обманулъ меня!...

Якубъ.

Ты это знала и сама: ему
Не могъ я мстить — какъ ты: онъ спасъ мнѣ жизнь!
Но назови другаго?...

Беранжера.

Ктожь другой
Якубъ, тебѣ могъ сдѣлать столько зла,—
Ты вспомни, да, ты вспомни!

Якубъ.

Я все помню.

Беранжера.

Онъ душу погубилъ твою— не самъ ли
Ты это говорилъ? Онъ навсегда
Похитилъ у тебя свободу, край отцовъ,
Родныхъ, всѣ радости!...

Якубъ.

А эта капля,
Которой онъ уста мнѣ освѣжилъ?...

Беранжера.

Не для того ль онъ жизнь тебѣ сберегъ,
Чтобъ умерщвлять потомъ тебя всечасно!
Тебя рабомъ онъ сдѣлалъ—и довольно!
За рабство мстить ему ты можешь.

Якубъ, (показывая пергаментъ).

Я
Свободенъ!

Беранжера.

Хорошо! — Съ свободой этой,
Мою любовь тебѣ онъ отдаетъ ли?
Любовь, которую онъ цѣлыхъ десять лѣтъ
Владѣлъ на зло тебѣ?

Якубъ.

Послушай, Беранжера...
Одну минуту...

Беранжера.

Говори скорѣй.

Якубъ.

Я думалъ — вѣрно я ошибся въ этомъ —

Но мнѣ казалось, что на этомъ мѣстѣ,
Ты мнѣ сказала....

Беранжера.

Что?

Якубъ.

Меня ты любишь.

Беранжера.

Да, я сказала это.

Якубъ.

Если такъ,
Когда одна судьба, одна любовь,
Соединяетъ насъ съ тобою, Беранжера,
Сегодняжъ ввечеру....

Беранжера.

Что?....

Якубъ.

Убѣжимъ,
Уйдемъ отсуда....

Беранжера.

Какъ !... А Графъ? Онъ живъ
Останется?....

Якубъ.

А совѣсть? Развѣ мало
Она ему мстить будетъ за тебя?...

Беранжера.

Рабъ!... За кого же ты меня считаешь?
Ужель ты думаешь,—я такъ низка душой,
Что быть могу любовницей твоею,
Когда тотъ живъ, кого любила прежде
Кто наругался надо мной потомъ,
Когда вы оба живы — и за оскорбленье
Ты не нанесъ ему кроваваго отмщенья?
Ужель ты думаешь, что въ это сердце
Проникнуть можетъ новая любовь,
Не истребивъ, не уничтоживъ прежней?
Когда на это ты надѣялся, Якубъ,
Твоя надежда оскорбительна.

Якубъ.

О Беранжера!

Беранжера.

Прочь! Все кончено
Межъ-нами....

Якубъ.

Пощади!...

Беранжера.

Повѣрь мнѣ,
Съумѣю я найти такихъ людей,
Которые не такъ, какъ ты, трусливы,
Не такъ подлы, какъ ты: они за деньги
То сдѣлаютъ, чего не могъ ты сдѣлать
За всю мою любовь!.. А если бъ и не то,
Такъ у меня самой достанетъ средства
Пробраться къ новобрачнымъ въ этотъ вечеръ,
И тамъ въ толпѣ, смѣшавшися съ другими,
Которые безстыдно разсыпаютъ
Желанья новыя и поздравленья,
Я въ чашу брачную волью вотъ этотъ ядъ!

Якубъ.

Какъ, ядъ!...

Беранжера.

Да, ядъ! Но только ужъ потомъ
Не приходи ко мнѣ, невольникъ низкій,
Не говори мнѣ о любви своей!...
Ты не рѣшаешься?... Мнѣ полчаса осталось:
Чтобъ умереть ему — еще довольно...
Да, полчаса.... Умретъ онъ? — Отвѣчай!
Готовъ ли ты? Скажи... Иль я сама...

Якубъ.

О Беранжера!... Завтра...

Беранжера.

Завтра!... Какъ!
А въ эту ночь, на этомъ самомъ мѣстѣ
Онъ скажетъ ей, какъ мнѣ: люблю!...
Гмъ!... Завтра!...
А что жъ до тѣхъ-то поръ я стану дѣлать?
Ты, стало, хочешь, чтобы я всю ночь
Терзалась, волосы рвала, и головой
Объ стѣну билась бы?... Га!... Завтра!...
Чтобъ я разсудокъ потеряла?.... Завтра!!
Нѣтъ, ты смѣешься надо мной!.. А если

День этотъ ужъ для насъ послѣдій?
Если
Проклятая ночь эта будетъ вѣчна?
Вѣдь мало ли, что можетъ! Богъ захо-
четъ, —
И можетъ быть!... Гмъ! Завтра!!...Ну,
а если
Отъ ревности умру я въ эту ночь?
Ты, стало, не ревнивъ, ты не ревнивъ,
Якубъ?

Якубъ.

О!....

Беранжера.

Если бъ я тебѣ сказала:
Вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, сколько
разъ
Графъ заключалъ меня въ свои объятья,
Ласкалъ меня съ любовью страстной!..А,
Ты могъ бы слушать это равнодушно,
Ты не ломалъ бы рукъ, не проклиналъ
бы,
И волосы на головѣ твоей
Отъ словъ моихъ не становились ды-
бомъ? !...
О, нѣтъ, ты не ревнивъ... такъ слушай...

Якубъ.

Что?

Беранжера.

Послушай! Графа я любила такъ,
Что душу за него отдать готова!...
Бывало, самъ ты видѣлъ, если онъ
Послѣ отсутствія домой пріѣдетъ, —
Какой восторгъ! Какая радость! Слезы,
Объятія, крикъ, смѣхъ — и цѣлый день,
И ночь всю.... Нѣтъ, меня ты не пой-
мешь, —
Ты не ревнивъ!...

Якубъ, вынимая кинжалъ.

О, сжалься!... Вотъ кинжалъ —
Убей меня, или молчи!....

Беранжера.

Да, радость,
Какую знаютъ ваши Джины, Перп...
Любви восторги, нѣга, упоенье, —
Что только страсть могла внушить...

Якубъ.

А я?
Я въ это время!... О!...

Беранжера.

Да, это было здѣсь,
Вотъ въ самой этой комнатѣ.... ты ви-
дишь?...

Якубъ.

О Магометъ?... И такъ ты хочешь?

Беранжера.

Тебѣ сказала, что люблю его,
Что не смотря на оскорбленье Графа,
Одно лишь слово, взглядъ одинъ любви —
И я опять къ ногамъ его паду,
Я обниму опять его колѣна...
Пока онъ живъ — подумай — это сердце
Еще забиться можетъ для него...
Да, я люблю его, люблю — ты слышишь?

Якубъ.

Когда я долженъ нанести ударъ?

Беранжера.

Пока онъ живъ — еще надежда есть
Когда нибудь опять сойтиться съ нимъ;
Когда жъ умретъ — я всю мою любовь
Отдамъ тебѣ... Не такъ-ли? и теперь
Ты видишь — смерть его необходима,
Притомъ немедленно: почемъ я знаю,
Что черезъ часъ заговоритъ мнѣ сердце?
Быть можетъ, я скажу: «Остановись!»

Якубъ.

Повелѣвай мнѣ, Беранжера! Я
Готовъ.

Беранжера.

Вотъ видишь ли, онъ долженъ
На этомъ самомъ мѣстѣ умереть,
Передъ своей постелей брачной: онъ
Пойдетъ съ супругой молодой, здѣсь —
Чрезъ эту комнату...

Якубъ, (съ содроганіемъ.)

Вотъ онъ идетъ!

(Вдали показывается Графъ подъ-руку съ своей молодой супругой. — Впереди ихъ два

пажа, съ факелами. — Вокругъ вассалы и слуги, громко восклицаютъ:)

Да здраствуетъ Графиня молодая!

Беранжера.

Да здравствуетъ!!.

Всѣ.

Да здраствуетъ нашъ Графъ!

Беранжера.

Отмстишь ли ты достойно за позоръ?
Не будешъ медлить?

Якубъ.

Нѣтъ.

Беранжера.

Скорѣй!... скорѣй!
Войди ты прежде.... онъ увидѣть можетъ,
Да, ну-жъ, скорѣй!... Чего ты медлишь?.... О!
Или я въ свой чередъ должна что̀ дѣлать? Я
На все готова..... Говори.... Якубъ!
Не хочешь ли ты обмануть меня? —
Скорѣй, скорѣй—не то ужъ будетъ поздно!...

(Толкаетъ его. — Якубъ входитъ въ комнату).

Ну, наконецъ!....

(Прячется за молельню. — Графъ проходитъ черезъ залу. Пажи впереди его входятъ въ комнату, ставятъ два факела и уходятъ. Въ это время вассалы кричатъ).

Да здравствуетъ нашъ Графъ!

Графъ (бросаетъ горсть золота.)

Вотъ вамъ!....

всѣ.

Да здравствуетъ Графиня!...

Графъ.

Вы
Отъ щедрости своей имъ удѣлите —
Васъ станутъ поминать они въ молитвахъ!

(Молодая бросаетъ свой кошелекъ.)

всѣ.

Да здравствуетъ нашъ Графъ!...

Графъ,

Спасибо, братцы!

(Всѣ уходятъ въ заднюю дверь. — Графъ съ супругой входятъ въ комнату. — По мѣрѣ того, какъ факелы удаляются, на сценѣ становится темнѣе и темнѣе; Беранжера медленно встаетъ.)

Беранжера, (одна).

Въ молитвахъ
Они васъ станутъ поминать, сказалъ онъ....
Молитесь о его душѣ, молитесь:
Ужъ ангелъ смерти носится надъ нимъ!..
И если вспомнитъ кто изъ васъ случайно
О Беранжерѣ, — о ея душѣ
Да молится передъ престоломъ Бога!..

(Съ трепетомъ).

Но что̀ это?... Нѣтъ — ничего... Все тихо....
Что̀ если у него не станетъ духу?
Вѣдь это можетъ быть? Какая глупость!
Не лучше ли мнѣ было этотъ ядъ

(Вынимая ядъ)

Употребить для Карла, а себѣ
Кинжалъ оставить!... Что̀ жъ онъ медлитъ, трусъ!...

Графъ (за кулисами испускаетъ стонъ).

О!...

Беранжера.

Боже?...
Свершилось!...

(Выпиваетъ ядъ).

Карлъ!... Оставь въ гробу мнѣ мѣсто!...

Молодая Графиня, (за кулисами).

О помогите! Помогите!....

Якубъ (страшно выбѣгая съ кинжаломъ въ рукѣ.)

Онъ
Ползетъ за мной!... Скорѣе, убѣжимъ!..

(Графъ ползетъ и черезъ силу приподнимаетъ коверъ).

Графъ.

Такъ это ты, Якубъ, меня убилъ!...

Беранжера, (кладетъ обѣ руки на плеча Якуба, который скрываетъ ее отъ Графа, и заставилъ стать его на

колѣна, такъ чтобъ Графъ могъ видѣть ее, говоритъ):

Нѣтъ, то не онъ — а я!...

Графъ.

Ты, Беранжера!...

(Молодая Графиня перебѣгаетъ сцену).

Графиня.

О помогите! Помогите!....

Графъ, умираетъ.

О!....

Якубъ.

Ну, женщина, дай мнѣ забыть все это!...
Я низко поступилъ!.. Скорѣй за мной!...
Ты слово мнѣ дала бѣжать со мною! —
Я жду!

Беранжера, (устремивъ глаза на Графа).

Постой... одно мгновенье...
А тамъ-ужъ я навѣкъ твоя!...

(Шумъ.)

Якубъ.

Смотри,
Они бѣгутъ!... тревога!... шумъ!...
скорѣй!...
Не то мы опоздаемъ, намъ бѣда!—

Беранжера, (не спуская глазъ съ Графа.)

Постой!... Постой!...

(Шумъ увеличивается).

Якубъ.

Что медлишь, Беранжера!
Смотри, они бѣгутъ! Пропали мы!
Народъ, тревога—о, скорѣй, скорѣй!...
(Бьютъ въ набатъ; Беранжера падаетъ на колѣна).
Что съ нею?... Беранжера! Беранжера!...
Ты слово мнѣ дала! а? Слышишь? Помнишь?
(Толкаетъ ее).

Беранжера, (умирая.)

Твоя—возьми меня!....
(Подползываетъ къ Графу и припадаетъ къ устамъ его.)

Якубъ, (береть ее за волосы и приподымаетъ голову.)

О Магометъ!...
Что стало съ нею?.. Сердце у нея
(Кладетъ на сердце руку.)
Не бьется.... рука....
(Беретъ у ней изъ рукъ стклянку).
Что я вижу!... Какъ!—Пуста!...

Молодая Графиня, (вбѣгаетъ, окруженная служителями.)

О, помогите! Здѣсь? Сюда! Скорѣе!...

Андрей.

Какъ, Графъ! Графиня также!...—

Якубъ.

Оба!

Андрей.

Боже мой!...—

Всѣ, наклоняются надъ ними.

О добрый господинъ нашъ!... Умеръ!...
Умеръ!...

Якубъ, (вынимая пергаментъ и показывая его).

Вы, псы негодные! — вы рвитесь, войте
Надъ свѣжею могилой, а Якубъ—
Свободенъ онъ—смотрите! И отнынѣ
Отъ васъ онъ прочь — въ родимыя пустыни!!...

# ЖОЗЕФЪ,

# ПАРИЖСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

*(Le gamin de Paris)*

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ

## ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СОЧИНЕНІЕ

**БАЯРА И ВАНДЕРБУРХА,**

ПЕРЕВЕДЕНА СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

**П. ѲЕДОРОВЫМЪ.**

# ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Генералъ Морень.

Амедей, его сынъ.

Г-жа де Морень, свояченица Генерала.

Г-жа Менье.

Жозефъ } ея внучата.
Элиза }

Г. Бизо, старый коммиссіонеръ.

Илеръ, камердинеръ Генерала.

Двое слугъ.

---

*Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ: въ первомъ актѣ у Г-жи Менье, во второмъ у Генерала.*

# ЖОЗЕФЪ,

## ПАРИЖСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

### ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просто убранная комната. Г. главный входъ въ глубинѣ театра, ближе къ лѣвой сторонѣ; не вдалекѣ отъ нея другая дверь въ кабинетъ. У стѣны, направо, комодъ.

#### ЯВЛЕНІЕ I.

Амедей, Г-жа Менье, Элиза.

При поднятіи занавѣса, г-жа Менье сидитъ и вяжетъ чулокъ, не глядя на свою работу;— взглядъ ея неподвиженъ и улыбка оживляетъ лице. Амедей сидитъ подлѣ нея направо и рисуетъ карандашемъ ея портретъ. Элиза сидитъ на лѣвой сторонѣ за столомъ и списываетъ ноты.

*Амедей*. Вотъ и носъ готовъ... только я имъ не очень доволенъ.... надобно его передѣлать...

*Менье*. Да этакъ вы никогда не кончите моего портрета, г. Амедей... Вотъ ужъ три часа, какъ вы дѣлаете одинъ носъ...

*Элиза*. Потерпите, бабушка... нельзя же такъ скоро...

*Амедей* Еще два, или три сеанса—

*Менье* Еще два или три сеанса... Помилуйте... вы думаете весело сидѣть.... Улыбайся, гляди на васъ и не говори ни слова!.. Нѣтъ, если бъ не дѣти, я ни за что бы не согласилась.

Пусть память сиротамъ моимъ
Останется въ моемъ портретѣ:
Портретъ мой нуженъ будетъ имъ,
Когда меня не станетъ въ свѣтѣ.
Не долго видѣть имъ меня,
Не долго имъ меня забавить:
Ужъ скоро, скоро съ горемъ я
Должна сиротъ своихъ оставить!

*Элиза*. Бабушка!.. А гдѣже ваша улыбка?..

*Менье*. Виновата...

*Улыбаясь, смотритъ на Амедея.*

*Элиза*. Намъ надобно пользоваться сосѣдствомъ г. Амедея... Онъ переѣхалъ въ нашъ домъ... теперь ему недалеко къ намъ ходить...

*Менье*. Да, славу Богу!.. Г. Амедей добрый человѣкъ... пріятный сосѣдъ...

*Амедей*. Помилуйте, много чести...

*Менье* А какой прилежный!.. вѣчно гдѣ нибудь работаетъ... По утрамъ никогда не увидишь его дома.

*Элиза*. Правда, бабушка.

*Амедей (со вздохомъ взглядываетъ на Элизу, потомъ говоритъ громко.)*

Что жъ дѣлать, надобно трудиться... Я въ это время работаю въ мастерской...

*Менье*. Какая разница между вами и моимъ Жозефомъ... Ахъ, г. Амедей, этотъ мальчикъ рѣшительно мучитъ меня: лѣнивецъ, шалунъ...не даромъ г. Бизо называетъ его повѣсой!..

*Элиза*. Г. Бизо всегда нападаетъ на Жозефа.. и за что же? .. Что онъ иногда надъ нимъ пошутитъ.

*Амедей*. Ха, ха, ха!..

*Менье*. Вотъ вы смѣетесь... но въ его лѣта должно трудиться, а не повѣсничать. У него только и дѣла, что бѣгать по улицамъ, да драться... Я боюсь, что онъ вляжется въ какую

нибудь ссору, да попадетъ... (*Смѣется*). Ужъ онъ накличетъ на свою голову бѣду. О, вы не знаете, какъ тягостно...

*Элиза*, Бабушка! Гдѣ же ваша улыбка?...

*Менье (улыбаясь)*. Виновата...

*Амедей*. Конечно, онъ вѣтренъ, любитъ пошалить, но у него добре сердце и славный характеръ... Знаете ли, я даже замѣтилъ въ немъ способности...

*Элиза*. О, у него большія способности!.. Намъ не разъ говорилъ факторъ типографіи, что Жозефъ могъ бы у нихъ быть первымъ наборщикомъ если бы только захотѣлъ...

*Менье*. Да, если бъ захотѣлъ; но ужъ этого не дождешься; а у него еще предъ глазами такой прекрасный примѣръ... сестра его Элиза... вѣчно за работою: шьетъ, вяжетъ, переписываетъ ноты...

*Амедей, (встаетъ и становится позади Г-жи Менье)*. Это ангелъ!...

*Менье*. И какъ прекрасно воспитана, какъ умна, какого примѣрнаго поведенія!..

*Элиза смущается и роняетъ листокъ нотъ, который держала въ рукѣ.*

*Амедей*, (*быстро подбѣгаетъ къ Элизѣ, поднимаетъ листокъ и говоритъ ей тихо*).

О, прошу тебя...

*Менье*. А мой Жозефъ...

=

## ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же, Бизо.

*Амедей садится на прежнее мѣсто и начинаетъ рисовать.*

*Бизо*. Вашъ Жозефъ, просто, повѣса!..

*Менье*. А! Г. Бизо.

*Бизо*. Здравствуйте, дорогія мои сосѣди... Кажется, здѣсь все мои сосѣди?.. Какъ вы поживаете?.. Здоровы ли?.. Кажется, здоровы?... И я такъ же здоровъ... Покорнѣйше васъ благодарю...

*Амедей*. За что это онъ благодаритъ?..

*Менье*. Вы не пойдете сегодня въ вашу контору?..

*Бизо*. Нѣтъ, не пойду... нынче не мой день... сегодня не будетъ никакой продажи... (*Смотря на Амедея.*) Ба, ба, ба! Портретъ!... (*Подходя къ Амедею*). Позвольте посмотрѣть... (*Разсматривая портретъ*). А! Очень хорошо!.. Право, очень хорошо!...

Съ умѣньемъ сдѣлано, со вкусомъ...
Но только слишкомъ длиненъ носъ,
Щека одна страдаетъ флюсомъ
И правый глазъ, какъ будто косъ...
Окладъ лица ужасно полонъ...
А впрочемъ весь портретъ хорошъ:
И чрезвычайно нарисованъ
И чрезвычайно какъ похожъ!...

*Менье*. О, да этакъ я должна быть очень хороша... покорнѣйше благодарю...

*Амедей, (вставая.)* Ужъ и видно, что г. Бизо большой знатокъ...

*Бизо*. Мнѣ удивительно, какъ это г. Амедей находитъ время заниматься вашимъ портретомъ? Онъ такъ мало бываетъ дома... право, понапрасну только нанимаетъ квартиру...

*Амедей, (подходя къ Элизѣ)*. Какой вздоръ...

*Менье*. Да... по утрамъ онъ точно не бываетъ дома...

*Бизо*. Да и по ночамъ такъ-же!..

*Элиза*. Ну, можетъ ли быть?..

*Амедей*. Оставьте его: онъ самъ не знаетъ, что говоритъ....

*Бизо*. Какъ! Я не знаю, что говорю?.. Извините, я никогда не лгу... я никогда ничего не выдумываю...

*Амедей*. Ужъ конечно вамъ пороху не выдумать.

*Бизо.* Мнѣ разсказала объ этомъ г-жа Фромаже, наша привратница... Она утромъ убирала мою комнату и говорила мнѣ, что вы всякій день въ полночь выходите изъ дому а возвращаетесь ужъ никакъ не раньше утра.

*Амедей.* Да... иногда... случается, я ухожу рисовать декораціи... потому что при огнѣ замѣтнѣе эффектъ... *(въ сторону).* Несносный болтунъ!...

*Элиза (въ сторону)* Онъ смутился!...

*Менье.* Это странно!...

*Бизо.* Вотъ видите... стало быть я правъ... впрочемъ мнѣ все равно... я не за тѣмъ пришелъ сюда....

*Элиза, (въ сторону).* О, несносный человѣкъ!...

*Бизо.* Если я и пришелъ сюда, такъ только за тѣмъ, чтобъ сообщить нѣчто очень интересное г-жѣ Менье.

*Амедей, стараясь быть веселымъ.* Вѣрно опять какая нибудь жалоба на бѣднаго Жозефа?... *(Г-жа Менье садится въ кресла.)*

*Бизо.* Не правда... ничего нѣтъ и похожаго на это... однако жъ съ четверть часа тому назадъ...

*Менье.* Онъ теперь въ типографіи...

*Бизо.* Какъ же бы не такъ....

*Менье.* Ахъ, Боже мой... что онъ еще сдѣлалъ?..

*Бизо, (становясь между г-жею Менье и Элизой).*

Что сдѣлалъ?.. Совѣстно даже говорить... Посмотрите, я до сихъ поръ еще хромаю по его милости... Вы знаете, что я очень люблю въ хорошую погоду прогуливаться... и въ особенности по набережной канала Сен-Мартина... *(Г-жа Менье встаетъ и слушаетъ Г. Бизо.)*. Презанимательная прогулка... любуешься на воду, смотришь, какъ идутъ лодки... какъ поднимаютъ и опускаютъ шлюзы... чрезвычайно весело!... И вотъ, такимъ образомъ гулялъ я и сегодня, минутъ двадцать тому назадъ... мнѣ безпрестанно встрѣчались то работники, то мальчишки... я и не обращалъ на нихъ вниманія... шелъ себѣ преспокойно, ничего не думалъ... какъ вдругъ... пафъ!... чувствую, мнѣ попадаетъ въ ногу... вотъ въ это самое мѣсто... огромной величины мѣдная монета, сплющенная по краямъ... я увѣренъ, что у меня есть еще знакъ... и въ то же время кто-то насмѣшливымъ голосомъ говоритъ мнѣ: береги свои кегли!.. я не успѣлъ даже понюхать табаку, который былъ у меня въ пальцахъ, и отъ боли закричалъ изо всѣхъ силъ... оборачиваюсь съ гнѣвомъ назадъ... и кого же вижу?.. Жозефа!.. Да, вашего Жозефа!... Онъ изволитъ забавляться съ мальчиками, вмѣсто того, чтобъ итти въ свою типографію, и только что узналъ меня, сталъ хохотать во все горло... Я разгорячаюсь... подхожу къ нему ближе... но въ то же время толпа повѣсъ окружаетъ меня, начинаетъ вмѣстѣ съ нимъ хохотать и провожаетъ меня до самаго бульвара и во всю дорогу безпрестанно толкали меня и кричали на всѣ тоны: умная голова!.. *(Амедей смѣется. Г. Бизо на минуту останавливается и смотритъ на него сердито; потомъ обращается къ г-жѣ Менье).* Вы видите, сударыня, что вашъ Жозефъ самый негодный мальчишка.... ужъ отъ него не ожидайте добраго...

*Менье.* О... я боюсь...

*Амедей.* Но вы уже слишкомъ нападаете на Жозефа... и за что же? За вздоръ... за какую-то монету!....

*Элиза.* Какъ будто бы Богъ знаетъ какая бѣда случилась...

*Бизо.* И конечно бѣда.. *(Элизѣ).* Полноте сердиться, прекрасная моя Элиза... онъ большой повѣса... но это не мѣшаетъ мнѣ любить васъ — и уважать ваше семейство. Я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобъ доносить на Жозефа, мнѣ нужно поговорить съ бабушкой о васъ... дѣло секретное....

*Элиза.* Секретное дѣло... и обо мнѣ?

*Амедей.* По этому я здѣсь лишній.... (*Слышенъ за сценой голосъ Жозефа, который кричитъ:* «*Бабушка! бабушка!*»

*Менье.* Что я слышу?...

*Бизо.* Онъ!... Этотъ негодяй вовсе не кстати пожаловалъ!...

=

## ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Жозефъ.

*Онъ вбѣгаетъ, безъ шапки, весь измоченный.*

*Жозефъ, (дрожа).* О... о... го... о... хо... дайте мнѣ блузу, бабушка... дайте мнѣ блузу... я весь дрожу...

*Элиза.* Ахъ, Боже мой!..

*Менье.* Ты мокрехонекъ!

*Бизо.* Хорошъ, голубчикъ!...

*Жозефъ, (подходя къ Бизо.)* Душечка Бизо... не хотите ли со мной побороться?.. О... о... го...

*Амедей.* Откуда это онъ явился!...

*Элиза.* У тебя будетъ насморкъ...

*Жозефъ.* Нужды нѣтъ, Лиза... ничего... дайте мнѣ поскорѣе блу... блу... блузу...

*Менье.* Но откуда ты, несчастный?. Откуда?..

*Жозефъ.* Изъ канала Сен-Мартина, бабушка... прехолодная вода...

*Бизо.* Вѣрно онъ поссорился, и его бросили въ воду.

*Жозефъ.* Извините, душечка... я самъ бросился... (*Вынимаетъ изъ кармана мокрый платокъ и выжимаетъ изъ него воду на Бизо*).

*Бизо.* Ай... ай!.. Что ты!..

*Жозефъ.* Ба!... Это вы, г. Медей...

*Менье.* Но какимъ образомъ попалъ ты въ воду?...

*Жозефъ.* Не безпокойтесь, бабушка!

Безпокоиться не должно
Въ этомъ нѣтъ бѣды...
Да сухимъ и невозможно
Выйти изъ воды!...

*Бизо.*

Ужъ навѣрное случится
Что нибудь надъ нимъ,
Если онъ не могъ явиться
Изъ воды сухимъ!...

*Жозефъ.* Полно-те, бабушка, не сердитесь... вѣдь если бъ я былъ подъ дождемъ.. такъ вѣрно бы такъ измокъ... дайте-ка мнѣ лучше сухое платье... синюю блузу... праздничную манишку.. чулки... платокъ...

*Менье. (Элиза подбѣгаетъ къ комоду и вынимаетъ все нужное для Жозефа.)* Но я хочу знать, сударь, всю правду...

*Бизо.* Да, да... извольте-ка сказать бабушкѣ...

*Жозефъ.* А если я не хочу говорить при васъ?.. Вы что такое?.. Развѣ мой бабушка?.. Развѣ я облизанъ.. *(Къ Амедею.)* У меня вѣрно покраснѣлъ носъ?..

*Амедей.* Да подите, снимите съ себя скорѣе это платье...

*Жозефъ.* О, да вы, кажется, г. Амедей, не всегда бываете такъ горды, какъ вчера?...

*Амедей.* Какъ вчера?..

*Элиза, (подходя скоро.)* Кто это?.. Г. Амедей?...

*Менье, (шаря въ карманѣ Жозефа.)* Что это у него въ карманахъ?.. Ахъ, Боже мой!...

Вынимаетъ волчекъ.

*Бизо.* Волчекъ!...

*Жозефъ.* Да, волчекъ, душечка Бизо... пожалуте-ка, это мой собственность...

*Элиза, (Жозефу, отдавая ему платье.)* Поди... Переодѣнься скорѣе...

*Менье, (вынимая изъ кармана Жозефа мѣдную монету.)* И еще какая-то монета...

*Бизо, (разсматривая ее.)* Это она!... Я ее узнаю... Моя нога!... Позвольте-ка спросить: гдѣ вы ее взяли?...

*Амедей.* Помилуйте... Что за распросы?

*Жозефъ.* Отдайте... Она не ваша!... Иду, бабушка... *(Элизѣ.)* Я тебѣ все

разскажу послѣ... *(Амедею.)* Небось, какъ вы ѣздите въ тильбюри, такъ не узнаете своихъ знакомыхъ... о... о... вотъ негодяи-то... о... ло... ло... иду, иду!..

Съ прыжками убѣгаетъ въ комнату налѣво.

=

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Бизо, Г-жа Менье, Амедей, Элиза.

*Амедей, (въ сторону.)* Вотъ и другой пустомеля явился.. Къ счастію, они ничего не слыхали...

*Менье.* Ахъ, Боже мой, Боже мой... Какъ это онъ попалъ въ воду?...

*Элиза.* Онъ вамъ скажетъ, бабушка...

*Менье.* Этотъ мальчикъ уморитъ меня отъ горести...

*Бизо.* Не мудрено... Однако жъ позвольте попросить васъ, г-жа Менье... мнѣ должно съ вами поговорить... дѣло важное...

*Менье.* Боже мой!... Вы меня пугаете... Что за важное дѣло?...

*Амедей, (взявъ свой рисунокъ.)* Позвольте же мнѣ съ вами проститься... Завтра вашъ портретъ будетъ совсѣмъ оконченъ...

*Менье.* Прощайте, г. Амедей... *(Къ г. Бизо.)* Пойдемте...

(Г-жа Менье уходитъ направо съ г. Бизо. До ухода ихъ Амедей удаляется въ глубину театра; но потомъ поспѣшно возвращается на авант-сцену.

=

## ЯВЛЕНІЕ V.

Элиза, Амедей.

*Элиза.* Уйдите скорѣе, уйдите!

*Амедей.* Не бойся ничего, Элиза... никто не увидитъ.

*Элиза.* Уйдите... Я страшусь...

*Амедей.* О, перестань!.. Я хочу тебя побранить... ты какъ будто вовсе потеряла ко мнѣ довѣренность... это не хорошо...

*Элиза.* Я имѣю на это причины... ваша скрытность... ваша странная жизнь...

*Амедей.* Перестань... Ты знаешь, какъ я занятъ работой...

*Элиза.* Вы совсѣмъ перемѣнились. Прежде вы всегда бывали дома... у васъ не было никакихъ причинъ уходить отъ насъ... вы тогда меня любили... а теперь...

*Амедей.* О, теперь я люблю тебя еще болѣе.

*Элиза.* Я очень несчастна!.. Я васъ люблю... я вамъ ввѣрилась... и если вы меня обманете...

*Амедей.* Элиза!.. Могу ли я тебя обманывать?.. Я никогда не перестану тебя любить... никогда не забуду того, чѣмъ ты для меня пожертвовала...

Я вѣкъ съ тобой не разлучуся,
Въ тебѣ блаженство все мое;
Тебя люблю я — и клянуся
Составить счастіе твое!

Элиза.

Нѣтъ, съ страстью чистою, сердечной,
Какъ я люблю, — вамъ не любить!..
А безъ любви взаимной, вѣчной
Я не могу счастливой быть!...

*Амедей.* О, клянусь тебѣ...

(Цѣлуетъ у нея руку).

*Жозефъ, (входя въ это время.)* Ай!.. Извините... что это вы дѣлаете?..

*Элиза.* Боже мой!... братъ!..

*Амедей.* Прощай, Жозефъ!..

(Уходитъ.)

=

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Элиза, Жозефъ.

*Жозефъ.* Онъ у тебя поцѣловалъ руку... какъ будто-бы какой знатный баринъ... и ты позволяешь?.. Какъ это глупо... цѣловать руку...

*Элиза.* Ну вотъ ты и переодѣлся!.. Что?.. Тебѣ еще холодно?..

*Жозефъ.* Нѣтъ... теперь тепло!... Ну, каковъ я въ этомъ нарядѣ?..

*Элиза.* Очень милъ!..

*Жозефъ.* О, если бъ у меня было такое платье, какъ у Амедея... тогда бы всѣ считали меня за какого нибудь знатнаго барина... А если бъ еще у меня было въ карманѣ пятьдесятъ или шестьдесятъ франковъ... тогда бы... тогда бы я былъ настоящій нотаріусъ!..

Право, если поразсудишь,
Такъ за деньги все найдешь:
Будь богатъ, такъ вѣрно будешь
И хорошъ ты и пригожъ.
Захотѣлъ повеселиться —
Все запляшетъ предъ тобой;
Захотѣлъ ли погордиться —
Все согнулося дугой;
Хочешь славы — будетъ слава,
Чести хочешь — будетъ честь;
Хорошо жить въ свѣтѣ, право,
Какъ въ карманѣ деньги есть!

Однако жъ я и безъ денегъ бываю иногда очень недуренъ... особенно когда надѣну мой капитановый рединготъ, который прошлымъ годомъ выворотила мнѣ бабушка, и голубой жилетъ, который ты перешила мнѣ изъ своего платья... а все таки и въ этомъ нарядѣ я не бываю такъ гордъ, какъ Амедей...

*Элиза.* Но почему ты считаешь его гордецомъ?..

*Жозефъ.* Есть причина, Лиза... Вчера я носилъ корректуру романа къ г. Поль-де-Коку, и такъ зачитался дорогою, что чуть было не попалъ подъ лошадь... я едва успѣлъ отстороннться... гляжу... и что же вижу?.. Г. Амедей изволитъ сидѣть въ чудесномъ тильбюри и управляетъ преотличною лошадью... Я сталъ было кричать: г. Амедей! Г. Амедей!.. Куда тебѣ!.. Онъ пролетѣлъ, какъ молнія, и не взглянулъ на меня... однако жъ успѣлъ таки препорядочно стегнуть меня своимъ хлыстомъ... По всему видно, что онъ большой негодяй!..

*Элиза.* Нѣтъ... ты ошибся... это вѣрно былъ не онъ!.. Откуда ему взять тильбюри?..

*Жозефъ.* Онъ... точно онъ... за нимъ сидѣлъ лаксй... и съ такой замѣтной рожей, что я даже теперь узнаю его за милю...

*Элиза.* Полно... ты вѣрно ошибся... Скажи мнѣ лучше, что съ тобою сегодня случилось?.. Какимъ образомъ попалъ ты въ воду?

*Жозефъ.* О, это престранное происшествіе... Я объ немъ никому не намѣренъ разсказывать, кромѣ тебя... Ты такая добрая, ты никогда меня не браниць... ты рѣдкая сестра, Лиза... я тебя люблю... люблю больше жизни моей... ты такъ всегда заботишься о бабушкѣ!.. Бѣдная бабушка!.. Она все сердится... Конечно... въ ея лѣта и нельзя не сердиться... но вѣдь и она такая добрая!.. Когда она плачетъ... и плачетъ отъ того, что я шалю, повѣсничаю... о, я самъ тогда плачу, какъ дитя!.. Я люблю бабушку... очень люблю... и когда она меня обнимаетъ... я готовъ ее съѣсть... за нее пойду я и въ огонь и въ воду!..

*Элиза.* Но что же съ тобой случилось?..

*Жозефъ.* Да... надобно тебѣ сказать, что уличныя происшествія, да друзья и пріятели, всегда меня задерживаютъ на дорогѣ... булевары и каналы — это моя погибель. Если бъ не было у насъ булеваровъ и каналовъ, такъ я былъ бы совершенно другимъ человѣкомъ... На примѣръ, идешь... глядишь... наши играютъ... по неволѣ соблазнишься... остановишься, самъ позабавишься съ ними... и четверть часа мигомъ пролетитъ.... а въ типографіи, между тѣмъ, ждутъ корректуры... Однакожъ въ среду я выиградъ одиннадцать копѣекъ... вѣдь это не дурно?.. *(Въ сторону).* Правда, я потерялъ за то въ типографіи восемнадцать копѣекъ...

*Элиза.* Прекрасно... но твое происшествіе?..

*Жозефъ.* Сейчасъ... сейчасъ!... Вотъ я шелъ по набережной канала и напалъ на цѣлую ватагу друзей... Мегре, сынъ

токаря... Бенуа, сынъ скульптора... Лебюро, сынъ столяра... ихъ было человѣкъ семь или восемь... и Гамбень... Гамбень... вотъ молодецъ-то!.. Вотъ ужъ работникъ-то!.. Вѣчно безъ дѣла, вѣчно на улицѣ, только-что не ночуетъ... Какъ онъ насъ забавляетъ, какъ смѣшитъ!.. Какія у него ноги, какой языкъ!...

Ноги — просто удивленье,
Перескачетъ рысака!
А языкъ... безъ затрудненья
Срѣжетъ имъ хоть остряка!
Вѣдь ужъ многіе межъ нами
Вышли въ люди не трудомъ:
Не руками, — а ногами,
Не умомъ, — а языкомъ;
Тожъ случится съ нашимъ хватомъ,
Счастье вѣчное при немъ:
Онъ иль будетъ адвокатомъ,
Иль паркетнымъ скакуномъ.

*Элиза.* Но что жъ далѣе?

*Жозефъ.* Далѣе?.. Да... я встрѣтился съ пріятелями... они играли... Постой, видѣла ли ты мой экипажъ?.. *(Вынимаетъ изъ кармана волчекъ и веревочку).* Посмотри, и удивительный экипажъ!.. И какъ славно ходитъ!.. *(Во время разговора спускаетъ волчекъ.).* Вотъ я остановился съ ними... посмотрѣлъ, у нихъ на кону восемнадцать су... Какъ утерпѣть!... Какъ не поиграть!.. Я вынулъ изъ кармана все богатство и принялся такъ-же за работу... Насъ обступила цѣлая толпа любопытныхъ: зѣваки, няньки, дѣти... Только что было я сталъ выигрывать... вдругъ слышу ужасный крикъ... мы перепугались!.. Вообрази, что случилось!.. Одна нянька такъ разговорилась съ кѣмъ-то, что даже забыла о своемъ мальчишкѣ, а между тѣмъ мальчикъ подошелъ къ каналу... да и бухъ въ воду... и мальчишка-то такой крошечный, лѣтъ четырехъ, не больше... всѣ начали кричать: ахъ... ахъ... помогите!. спасите!.. тонетъ!.. тонетъ!.. Я только что услышалъ, да скорѣй самъ въ воду... другіе также было бросились спасать... кто сѣлъ въ лодку... кто куда, иные остались смотрѣть... по помедли я немножко... тогда пропай!.. *(спускаетъ волчекъ и беретъ его въ руки.)* Дура нянька все время была въ обморокѣ... я ей говорю: да на, возьми своего Пикара... Можетъ быть, его звали и не Пикаромъ; но все равно.. На возьми его... да будь впередъ осторожнѣе... И въ самомъ дѣлѣ... какъ можно такъ смотрѣть за дѣтьми! А все виноваты родители... Они должны выбирать исправныхъ нянекъ. Если у меня будутъ дѣти, я буду самъ съ ними прогуливаться! Меня окружила цѣлая толпа народа... кто бралъ меня за руки, кто обнималъ... не смотря на то, что я былъ мокрехонекъ... мнѣ даже сдѣлалось стыдно... я бросился бѣжать... и прибѣжалъ домой.. Вотъ моя исторія... не правда ли, пресмѣшная!..

*(Спускаетъ волчекъ.)*

*Элиза.* Добрый Жозефъ!.. Такъ милъ, такъ скроменъ... а его всегда бранятъ.

*Жозефъ.* Кто жъ это бранитъ? Вѣрно г. Амедей!...

*Элиза.* О, нѣтъ... онъ тебя всегда защищаетъ... Послушай... мы теперь одни... я хочу тебя попросить... будь къ нему поласковѣе... хоть изъ дружбы ко мнѣ; не говори объ немъ худаго при бабушкѣ... мнѣ это такъ непріятно...

*Жезефъ.* Не безпокойся, я готовъ для тебя на все....

*Элиза.* Я и безъ того должна его оправдывать... на него нападаетъ всегда г. Бизо...

*Жозефъ.* Бизо!.. Да онъ-то самъ что такое?.. Живая небылица въ лицахъ!..

*Элиза.* Ты его, однако жъ, сегодня обидѣлъ... Ушибъ ему ногу...

*Жозефъ.* А зачѣмъ онъ мѣшаетъ намъ?.. Я его и не думалъ обижать..

напротивъ, я еще хотѣлъ ему польстить, заставивъ всѣхъ нашихъ ребятъ называть его: умной головой!...

*Снова спускаетъ волчекъ, который попадаетъ въ ноги г. Бизо, въ ту минуту, какъ онъ выходитъ съ г-жею Менье.*

=

## ЯВЛЕНІЕ VII.

**Тѣ же, Г-жа Менье, Г. Бизо**

*Г. Бизо (выходя)* Такъ то, сударыня... *(Попадая на волчекъ)* Ай.. ай... Боже мой! *(Хромая, идетъ къ столу и садится.)*

*Жозефъ.* А!... душечка Бизо!..

*Менье.* Что ты еще напроказилъ?...

*Жозефъ, не слушая ея, садится въ кресла и начинаетъ навертывать веревочку на палку.*

Ничего, бабушка... ничего...

*Бизо, (вставая, подходитъ къ Жозефу).*

Кончишь ли ты когда нибудь свои проказы?.... Оставишь ли ты меня въ покоѣ?...

*Менье.* Но что ты еще напроказилъ?...

*Жозефъ.* Да я почемъ знаю... Я ничего худаго не сдѣлалъ... Виноватъ ли я, что онъ самъ навертывается на бѣду... Ужъ лучше бы вы, душечка Бизо, никогда со мной не сталкивались... Берегитесь... будетъ худо!.....

*Переходитъ на другую сторону театра къ столу.*

*Бизо.* я не хочу съ тобою говорить.. Досвиданія, г-жа Менье... Я скоро приду къ вамъ за отвѣтомъ... Прощайте, милая Элиза... Ахъ, Боже мой! Я весь избитъ!...

*Жозефъ.* Погодите.. нето еще будетъ.

*Бизо, приближается къ Жозефу, но тотчасъ же отходитъ отъ него.*

Молчи!... Революціонеръ!.... Да!... *(Уходитъ.)*

*Жозефъ, удерживался дотого отъ смѣха, начинаетъ вдругъ хохотать.*

Ха.., ха... ха!...

=

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

**Элиза, Г-жа Менье, Жозефъ.**

*Менье.* Онъ еще изволитъ смѣяться!... Негодяй!... Онъ сведетъ меня съ ума... онъ уморитъ меня!...

*Жозефъ.* Ну, бабушка расплакалась... Теперь, того и гляди, что я самъ заплачу.

*Менье.* Поди вонъ!... Ступай въ свою типографію, негодяй!...

*Жозефъ* Нѣтъ, бабушка... непойду!... Вы на меня сердитесь... Если я теперь уйду... такъ навѣрное цѣлый день буду боленъ!...

*Элиза.* Успокойтесь, бабушка...

*Менье.* Нѣтъ... нѣтъ!... поди вонъ!... я нехочу тебя видѣть... Повѣса... лѣнивецъ...

*Жозефъ.* Бабушка... что хотите дѣлайте, а я не пойду... Браните меня... бейте меня... да... на те, бейте меня... если это облегчитъ васъ... я очень радъ... *(Въ сторону.)* Она иногда хоть и бьетъ меня... да не больно... смѣхъ да и только!..

*Менье.* Да... тебя бы стоило побить... вѣтренный мальчишка!... Вѣчно оборванъ.... Хоть бы пожалѣлъ сестру..... бѣдняжка, должна все одна дѣлать... и еще чини тебѣ платье...

*Элиза.* О, бабушка... какой въ этомъ трудъ!...

*Жозефъ.* Добрая Лиза!...

*Менье.* А гдѣ, сударь, твоя шапка?... А?... гдѣ она?...

*Жозефъ.* Шапка, бабушка?... осталась въ каналѣ...

*Менье.* Въ каналѣ!... Скажите, пожалуйста.... Шапка заплачена пятьдесятъ пять су, — а онъ оставилъ ее въ каналѣ... Пошелъ отъ меня... пошелъ... негодяй.... ужъ быть тебѣ на висѣлицѣ!...

*Садится въ кресла.*

*Жозефъ.* Какъ, за шапку?...

*Элиза, садясь на стулъ подлѣ Г-жи Менье.*

Она ужъ была слишкомъ стара, бабушка.

*Жозефъ.* Ну, стоитъ ли, бабушка, отъ такого вздора тревожиться... Вѣдь ужъ шапкѣ моей было мѣсяцевъ восемнадцать отъ роду!... Да хотите ли я сейчасъ вамъ сдѣлаю двадцать четыре шапки?... Мы въ типографіи научились.. намъ не нуженъ и мастеръ.. (*Подходитъ къ столу, беретъ большой листъ бумаги и дѣлаетъ колпакъ.*) Какого фасона вамъ угодно?... Хотите, артиллерійскій колпакъ?... или Наполеоновскую шляпу?.. Или, пожалуй, кардинальскую шапку?... Только скажите...

*Надѣваетъ бумажные колпакъ, становится на стулъ и, приявъ важную позицію, поетъ.*

Я шляпный фабрикантъ,
Я шляпный...

*Менье.* На этого повѣсу нельзя, право, и сердиться...

*Жозефъ.* А!... Она смѣется...

*Менье.* Но, скажи, какъ ты попалъ въ воду?... Изволь говорить скорѣе!...

*Элиза.* О, бабушка... не браните его... онъ спасъ дитя ..

*Менье.* Право?... Конечно, это доброе дѣло... за это я хвалю... но зачѣмъ портить свое платье?...

*Жозефъ.* Ахъ, Боже мой... да какъ же вы хотите, чтобъ я, бывши въ водѣ, не замочилъ платья... Полноте, бабушка... Ну, помиритесь... (*Подходитъ къ ней и ласкается*). Вѣдь я знаю, вы только по виду сердиты... а въ сердцѣ у васъ не то.. Конечно, вы правы, я негодяй... я повѣса... но ей Богу, добрый малый и люблю васъ всей душей... (*Обнимаетъ ее.*)

*Менье.* Знаю, знаю... Но за чѣмъ же ты все шалишь?

Зачѣмъ меня ты огорчаешь?...
Ну, какъ проводишь ты свой вѣкъ?
Безъ дѣла цѣлый день гуляешь,
Какъ будто знатный человѣкъ!..
Пора дружокъ, остепениться,
Пора, о праздности забыть...
Ты долженъ для семьи трудиться
И человѣкомъ дѣльнымъ быть!
Бѣднякъ затѣмъ на свѣтъ родится,
Чтобъ съ пользою свой вѣкъ прожить.

*Жозефъ,* (*становясь предъ ней на колѣна*). Да, пора! я теперь дѣйствительно большой лѣнтяй... Но успокойтесь, я скоро перемѣнюсь... еще одинъ годъ—и все будетъ кончено... я буду работать. я перещеголяю всѣхъ въ типографіи... я сдѣлаюсь самъ хозяиномъ... право, сдѣлаюсь... Да когда нашъ хозяинъ, бабушка, пришелъ въ Парижъ, такъ у него кромѣ камзола и башмаковъ ничего не было: онъ былъ бѣднѣе меня, а теперь у него типографія, работники, огромный доходъ; онъ проѣдаетъ всякій день по тысячи экю... Въ послѣднюю выставку дали ему орденъ Почетнаго Легіона!.. Кто знаетъ, можетъ быть, и я со временемъ до того-же достигну?.. Какъ бы я тогда чудесно зажилъ! Ужъ вы бы ни въ чемъ не нуждались, бабушка... всякій бы день вамъ подавали горячій кофе, съ густыми сливками, съ сахарными булочками... у васъ бы былъ экипажъ... по воскресеньямъ я нанималъ бы вамъ ложу въ театрѣ... Ужъ какъ бы я васъ нѣжилъ... какъ бы утѣшалъ!... (*Обнимая ее.*) Ну, бабушка, улыбнитесь!

*Элиза.* Не сердитесь на него

*Жозефъ.* А ужъ для Лизы... о, я сдѣлалъ бы ей удивительное приданое!...

*Менье.* Да, если бъ ты велъ себя хорошо, ты бы могъ всего надѣяться. Я день и ночь молю Бога, чтобъ Онъ навелъ тебя на путь истинный!.. Вамъ надобно трудиться, дѣтимои; отецъ вамъ ничего не оставилъ, онъ былъ солдатъ, честный человѣкъ... вотъ и все! За то его всѣ любили... Бѣдный Этьенъ!.. Его уже нѣтъ на свѣтѣ!... Онъ былъ моимъ

утѣшителемъ!.. Слѣдуйте и вы его примѣру; тогда, умирая, я могу сказать: они бѣдны, но честны, какъ ихъ отецъ.

*Элиза, (въ сторону).* О, Боже!...

*Менье, (плачетъ).* Бѣдняжки!

*Жозефъ.* Полноте плакать, бабушка... вы будете нездоровы... (*Беретъ у нея платокъ и вытираетъ ей глаза.*) Посмотрите, вотъ и Лиза заплакала....

*Элиза, (скоро).* Я?... Нѣтъ... не правда... я и не думала плакать...

*Жозефъ.* Улыбнитесь же, бабушка... улыбнитесь... ну, хоть немножко...

*Менье, (улыбаясь).* Ну... ну ступай же въ типографію... (*Жозефъ ее обнимаетъ; она встаетъ.*) Только не ходи у меня на каналъ, да не изволь забавляться съ пріятелями...

*Жозефъ.* Нѣтъ ужъ, бабушка, этого обѣщать вамъ не могу.

Повѣса!...

*Жозефъ.* Вы, бабушка, незнаете, что это за удовольствіе!.. Оно же вѣдь ничего и не стоитъ... Вотъ, если бъ я, напримѣръ, игралъ на биллiардѣ... это дѣло другое....

Биллiарды
Или карты
Любятъ деньги обирать,
Въ эти шутки
Можно въ сутки
Милліоны проиграть.
Я боюся,
Признаюся,
Дорогихъ такихъ затѣй;
А забава
Наша, право,
И сходнѣй и веселѣй!
Мы гуляемъ,
Мы играемъ
Безъ убытковъ дорогихъ,
Посмѣемся,
Подеремся
И миримся въ тотъ же мигъ.
Люди съ вѣсомъ,
Намъ повѣсамъ
Не кивнутъ и головой.
Но предъ свѣтомъ.
И при этомъ,
Почестнѣй изъ насъ иной.
Я удалый,
Рѣзвый малый,
Но не франтъ, не аферистъ,
Не безбожникъ,
Не картежникъ,
Не педантъ, не процентистъ.
Погодите,
Потерпите,
Дайте малостямъ пройти;
Я, клянуся,
Доберуся
Самъ до дальняго пути.

*Убѣгаетъ съ припрыжками, напѣвая: я удалый, рѣзвый малый и пр.*

---

## ЯВЛЕНІЕ IX,

Элиза и Г-жа Менье.

*Элиза.* У него предобрая душа!...

*Менье.* Но скажи, пожалуста, за что онъ обижаетъ всегда г. Бизо?.. Кажется, такой добрый сосѣдъ... всѣхъ насъ такъ любитъ...

*Элиза.* Всѣхъ?.. Нѣтъ, онъ не любитъ Жозефа.

*Менье.* Ба!.. да ты сама, кажется, противъ него? А онъ еще такъ о тебѣ заботится... и даже сегодня сказалъ мнѣ нѣчно очень пріятное для тебя...

*Элиза.* Для меня, бабушка?...

*Менье.* Онъ тебѣ нашелъ жениха!..

*Элиза.* Мнѣ жениха?...

*Менье.* Да.... Знаешь этого толстаго лавочника...что живетъ на углу?..

*Элиза.* Дюранъ...

*Менье.* Да, Дюранъ!... Онъ объяснялся съ г. Бизо. — Вы знаете Элизу Менье? спросилъ онъ его.—Знаю, отвѣчалъ г. Бизо.—Она не богата? Да, не богата!—А хорошо воспитана?—Превосходно! Она, какъ дочь заслуженнаго воина, три года ходила въ пансіонъ Сен-Дени.... и притомъ, прибавилъ г. Бизо, мила, добра, трудолюбива, и будетъ рѣдкою женою.—Она будетъ моей, сказалъ г. Дюранъ и если согласится выйти за меня замужъ такъ я буду

заботиться о всемъ ея семействѣ!..Но что съ тобою?..

*Элиза.* Ничего, бабушка... ничего...

*Менье.* Г. Бизо тотчасъ же прибѣжалъ къ намъ съ этой радостной вѣстью и я дала ему слово...

*Элиза.* Что вы сдѣлали, бабушка!

*Менье.* Что?

*Элиза.* Я хотѣла сказать...я не хочу выходить замужъ, я не пойду за г. Дюрана....

*Менье.* Элиза!.. Что это значитъ?.. Ты отказываешься отъ такой прекрасной партіи! Подумай: ты бѣдна... гдѣ ты найдешь такого жениха?..

*Элиза.* Я его не люблю...

*Менье.* Нужды нѣтъ, ты его послѣ полюбишь... Порядочныхъ мужей всѣ жены любятъ... Онъ человѣкъ честный, онъ можетъ помогать твоему брату, при томъ же... не могу я вѣчно жить съ вами... тебѣ нужна подпора... а умри я.. не плачь, мой другъ.. полно..

*Элиза, (бросаясь въ ея объятія.)* Нѣтъ.. бабушка.. нѣтъ, я не буду его никогда любить...

*Менье.* Никогда!... Элиза!... Ты любишь другаго?

*Элиза, (закрываетъ лицо руками.)* Бабушка!.. Не спрашивайте меня!..

*Менье.* Что это значитъ?.. Неужели ты не можешь довѣриться второй твоей матери....

Зачѣмъ же отъ меня таиться,
И страсть свою въ душѣ скрывать?..
Ты мнѣ должна во всемъ открыться.

Элиза.

Нѣтъ, я не въ силахъ вамъ сказать...

Менье.

Элиза мнѣ твоей судьбою
Далъ власть Господь располагать..
Скажи мнѣ: кто любимъ тобою!

Элиза.

Его не смѣю я назвать!

*Менье.* Какъ!.. Ты не смѣешь назвать того, кто любимъ тобою?... Ты закрываешь лицо!.. Неужели... Амедей?..

*Элиза.* Я этаго не говорила... я не говорила.

*Менье.* Такъ... я угадываю! Его частыя посѣщенія... его странная жизнь...

*Элиза.* Бабушка, вы обманываетесь.

*Менье.* Нѣтъ, надобно кончить.. Замѣчанія г. Бизо... разговоры сосѣдей.. Нѣтъ, надобно сегодня же все кончить!.. Онъ долженъ объясниться... Полно!.. Не печалься, мой другъ!...

*Элиза.* Не вѣрьте Г. Бизо... Ужъ если Жозефъ...

---

## ЯВЛЕНІЕ X

Тѣ же, Г. Бизо.

*Г. Бизо, (входя).* Друзья мои! Онъ взятъ подъ стражу!...

*Элиза.* Что такое?...

*Менье.* Что такое?.. Кто взятъ подъ стражу?

*Г. Бизо.* Извѣстно кто: вашъ негодяй Жозефъ!..

*Элиза.* Жозефъ!..

*Менье.* Жозефъ!.. Ахъ, г. Бизо!

*Г. Бизо, (поддерживая ее.)* Успокойтесь!.. успокойтесь!.. не бойтесь ничего...всеокончится, какъ нельзя лучше... я надѣюсь... Ну, вотъ, не угадалъ ли я... съ такимъ поведеніемъ...

*Элиза.* Но скажите, гдѣ онъ... гдѣ онъ?..

*Г. Бизо.* Взятъ подъ стражу!

*Менье.* Да гдѣ же онъ теперь?

*Г. Бизо.* Его повели солдаты...

*Элиза.* Боже мой! Отъ него ничего не узнаешь!..

*Г. Бизо.* Да не бойтесь... если нѣтъ ничего важнаго,—такъ ему ничего не сдѣлаютъ!

*Менье.* Но скажите, ради Бога, за что его взяли!..

*Г. Бизо.* За руки, г-жа Менье!..

*Элиза.* Боже мой! въ чемъ его вина?..

*Г. Бизо.* Да... вина!... Если вы хотите знать все подробно.

*Менье и Элиза.* Все!.. все!..

*Г. Бизо.* Вотъ видите, я возвращался отъ Дюрана, я ходилъ сообщить ему вашъ отвѣтъ...

*Менье.* Объ этомъ послѣ... что жъ далѣе?..

*Г. Бизо.* Только что я повернулъ за уголъ, — гляжу. . . ужасная толпа народа... какихъ то двухъ молодыхъ людей ведетъ стража, то есть... одинъ изъ нихъ молодой, а другой старый...

*Элиза.* Далѣе!

*Г. Бизо.* И вотъ... я гляжу и вижу, что одинъ изъ этихъ несчастныхъ людей...судите о моемъ удивленіи...одинъ изъ нихъ...вашъ Жозефъ!..

*Менье.* О, Боже!

*Элиза.* Вы ошиблись...

*Г. Бизо.* Нѣтъ... Я его видѣлъ, какъ вижу теперь васъ...я подошелъ къ одной препочтенной дамѣ и спросилъ, что онъ такое сдѣлалъ!..

*Элиза.* Что жъ она отвѣчала ?. . .

*Г. Бизо.* Она сама ничего не знала... Я долженъ былъ обратиться съ тѣмъ же вопросомъ къ куппу, торгующему пряными кореньями... онъ стоялъ у своей лавки... и, когда я подошелъ къ нему, преучтиво спросилъ меня: что прикажете?..

*Менье.* Вы меня рѣшились измучить!..

*Г. Бизо.* Купецъ сказалъ мнѣ, что дѣло тутъ идетъ о какомъ-то кускѣ матеріи... который украденъ въ магазинѣ напротивъ его...

*Менье.* Украденъ!...

*Элиза.* О, нѣтъ... не можетъ быть, чтобъ Жозефъ...

*Г. Бизо.* Такъ мнѣ сказали.

*Элиза.* Нѣтъ...я побѣгу...я буду просить... я скажу... нѣтъ, это невозможно..

*Менье.* Какъ! Жозефъ, рѣшился на такой низкій поступокъ... О, я умру... *Падаетъ на стулъ подлѣ стола).*

## ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Жозефъ.

*Жозефъ, (входя при послѣднихъ словахъ).* Что такое?..

*Элиза.* Это онъ!..

*Г. Бизо.* Жозефъ!

*Менье.* Онъ освобожденъ!..

*Жозефъ.* Ну, да... вотъ я на лицо!..

*Менье.* Другъ мой, Жозефъ, скажи, вѣдь это не правда:.. ты ничего не укралъ?..

*Элиза.* О, нѣтъ, нѣтъ.

*Жозефъ, (съ изумленіемъ).* Укралъ!.. И вы могли подумать?.. Меня подозрѣвать въ воровствѣ... въ воровствѣ!.. О, это жестоко?

*Менье.* Успокойся...

*Жозефъ (въ себя).* Но кто могъ вамъ это сказать?..

*Элиза.* Намъ говорилъ г. Бизо...

*Г. Бизо, ( отступая ).* Конечно я говорилъ...

*Жозефъ, (хочетъ къ нему приблизиться, но г-жа Менье и Элиза его удерживаютъ ).* Бизо!.. Бизо!.. Такъ вездѣ онъ... всегда противъ меня... И меня обвинять... говорить, что я... А! ты хочешь, чтобъ я тебя убилъ... ты хочешь старый негодяй... Пустите меня!..

*Менье.* Жозефъ!.. Я тебѣ запрещаю...

*Элиза, (удерживая его за блузу.)* Братъ!..

*Жозефъ.* Поди прочь... пусти меня... *(Къ Бизо.)* Я не знаю, чего бы я теперь не сдѣлалъ, не смотря на твои лѣта!..

*Г. Бизо.* Вы должны имѣть почтеніе къ моимъ лѣтамъ.

*Жозефъ.*

Не по лѣтамъ, сударь, преклонимъ,
И не по виду сѣдины —
По чувствамъ чистымъ, благороднымъ
Мы уважать людей должны!
Но можно ль къ вамъ имѣть почтенье,
Когда и въ дряхлыя лѣта
У васъ въ душѣ, въ замѣнъ смиренья,
Гнѣздится злая клевета!

*Менье.* Но полно . . . Полно . . .

Вѣдь ты былъ взятъ подъ стражу... Немудрено ему было подумать.

*Жозефъ.* Да... по этому, что я былъ взятъ?

*Элиза.* И вѣрно за какую нибудь шалость...

*Жозефъ.* Еще менѣе того... спросите только у вашего Амедея...

*Элиза.* У Амедея!...

*Менье.* Развѣ онъ былъ съ тобою?...

*Г. Бизо,* (*тихо*). И Амедей!... Гм!..

*Жозефъ.* Онъ проходилъ мимо, и все видѣлъ... (*Тихо Элизѣ.*) Я узналъ знаменитый секретъ!..

*Менье.* Но за что же тебя взяли?.. Скажешь ли ты?..

*Жозефъ.* Вотъ видите, бабушка... я только вышелъ изъ типографіи съ этой корректурой, чтобъ отнести ее къ г. Поль-де-Коку... ужъ онъ ждетъ ее цѣлыхъ три дня... вдругъ услышалъ я страшный шумъ... короче вамъ сказать, я увидѣлъ полицію, солдатъ, народъ бѣжалъ, кричалъ, собаки лаяли, я не могъ себѣ представить, что бы это такое было, и потому, на всякій случай, взялъ въ руку камень...

*Менье.* Ну, такъ, нельзя безъ этого...

*Жозефъ.* Да нельзя... если бъ мнѣ пришлось защищаться... Но слушайте... только что я такимъ образомъ распорядился, какъ въ туже минуту кто-то бухъ камнемъ въ фонарь, но не я, клянусь честью, не я... вдругъ одинъ изъ полицейскихъ, который стоялъ подлѣ меня, обернулся ко мнѣ и сталъ увѣрять, что я бросилъ камень... (*Перемѣнилъ голоса.*) Вы обманываетесь, г. полицейскій, сказалъ я ему.—Нѣтъ, это ты, отвѣчалъ онъ. — Увѣряю васъ, милостивый государь, вы ошибаетесь: я несу корректуру къ г. Поль-де-Коку, я торопился.—Убирайся къ чорту и съ своимъ Поль-де-Кокомъ, я видѣлъ, ты бросилъ камень.—Разсудите, пожалуста: ну, могъ ли онъ видѣть: онъ стоялъ ко мнѣ спиною? Какъ будто у полицейскихъ есть на затылкѣ глаза— Г. полицейскій!.. да вотъ мой камень!..А!..вотъ видишь ли!.. И съ этимъ словомъ выхватилъ у меня камень, да такъ озлился, что я со страха бросился предъ нимъ на колѣна; онъ оттолкнулъ меня, я упалъ, всѣ стали хохотать, я было вздумалъ спастись бѣгствомъ, но меня схватили за руки три солдата и повели съ другимъ какимъ-то высокимъ человѣкомъ, котораго поймали въ воровствѣ.

*Г. Бизо.* Ну, вотъ слышите, солгалъ ли я?..

*Жозефъ,* Что онъ говоритъ?

*Менье.* Далѣе... что жъ далѣе?..

*Жозефъ,* (*посматривая на Элизу*). Наконецъ, только что повели насъ, какъ подошелъ къ коммиссару... (*ударяя на слѣдующія слова*) какой-то господинъ... молодой человѣкъ... и сказалъ что-то очень тихо.

*Элиза.* Молодой человѣкъ!...

*Менье.* И сказалъ коммиссару.

*Жозефъ.* Да... вы знаете этого коммиссара, такой толстякъ, у него еще одинъ глазъ кривой; конечно, онъ очень дуренъ, но добрый малый.

*Элиза.* Что жъ коммиссаръ?...

*Жозефъ.* Онъ увидѣлъ, что я вовсе невиноватъ и отпустилъ меня.

*Менье.* Тѣмъ и кончилось?

*Жозефъ.* Да, тѣмъ и кончилось... Только эти солдаты разодрали мнѣ блузу... (*Показываетъ разодранное мѣсто.*)

*Менье.* Боже мой, другую блузу сегодня портитъ...

*Жозефъ.* Эта дыра вовсе незамѣтна...

*Элиза.* (*Г. Бизо*). Ну, вотъ видите, онъ совсѣмъ не виноватъ.

*Г. Бизо.* А все таки виноватый шелъ съ нимъ рядомъ.

*Жозефъ.* Что вы говорите?.. А?...

*Менье.* Замолчи?... Если бъ ты зналъ, какъ мы перепугались...

*Жозефъ.* Вольно же вамъ пугаться!. Тутъ ничего не было страшнаго...

*Менье.* Молчи!... Теперь я тебя не прошу ни за что... Пойдемте, г. Бизо, мнѣ съ вами нужно поговорить, только не передъ этимъ негодяемъ.

*Г. Бизо.* Тѣмъ лучше....

*Жозефъ.* Но, бабушка....

*Менье.* Я не хочу тебя и слушать.

*Жозефъ, (слѣдуя за г. Бизо, лаетъ по сабачьи и хватаетъ его за ноги).* Гамъ!... гамъ!... гамъ!...

*Г. Бизо, (испугавшись).* Ай!...

*Менье.* Что еще?... *(Жозефу).* Поди прочь... *(Уходитъ направо съ г. Бизо).*

---

## ЯВЛЕНІЕ XII.

Жозефъ, Элиза

*Жозефъ.* Сердится, и Богъ знаетъ за что, за пустяки....

*Элиза.* Теперь мы одни: скажи, что значатъ твои непонятныя слова, твои взгляды?...

*Жозефъ.* Да... твой Амедей....

*Элиза.* Тише!...

*Жозефъ.* Я нарочно не говорилъ при бабушкѣ, ты меня просила...

*Элиза.* Хорошо!... хорошо!... Но говори...

*Жозефъ.* Твой Амедей... *(въ полголоса)* полицейскій шпіонъ!..

*Элиза, (вскрикиваетъ).* Ахъ!..

*(Падаетъ на стулъ).*

*Жозефъ.* Да, я увѣренъ...

*Элиза.* О, нѣтъ, нѣтъ... замолчи!..

*Жозефъ.* Боже мой! Какъ ты вспыхнула за одно слово!.. Да знаешь ли, такихъ людей не должно впускать въ домъ....

*Элиза.* Почему ты думаешь что онъ.. Кто тебѣ сказалъ?...

*Жозефъ.* Вотъ видишь ли, какъ меня повели къ коммиссару... вотъ къ этому, у котораго кривой глазъ... такъ около него все вертѣлся молодой человѣкъ и какъ будто меня не замѣчалъ...

*Элиза.* И это былъ онъ?

*Жозефъ.* Да, Амедей На немъ было черное платье и въ петлицѣ ленточка.

*Элиза.* Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю...

*Жозефъ.* Пожалуй не вѣрь!..

*Элиза.* Ты лжешь, ты обманулся, это былъ не онъ!...

*Жозефъ.* Вотъ прекрасно! Развѣ у меня не было глазъ!... Да и по всему видно, что онъ насъ обманывалъ: онъ всегда мнѣ обѣщалъ билетъ въ театръ, гдѣ будто бы онъ рисуетъ какія-то декораціи. а между тѣмъ, я до сихъ поръ еще не былъ въ театрѣ. Амедей живописецъ!.. Да можетъ ли быть у театральнаго живописца одноколка и орденъ! Онъ столько же похожъ на живописца, какъ я на кардинала.

*Элиза, (въ сторону).* О, Боже мой!..

*Жозефъ, (садясь въ кресла).* Однако жъ ты не говори ничего бабушкѣ; если она узнаетъ, что у насъ въ домѣ былъ... да сохрани Боже!.. она такъ дорожитъ честью: это ее рѣшительно убьетъ!..

*Элиза.* Да, точно, я переговорю съ нимъ сама.

*Жозефъ.* Пожалуй, говори, если хочешь, а то и я бы готовъ...

*Элиза.* Нѣтъ, нѣтъ... Ахъ! Вотъ онъ!... Оставь насъ на минуту!

---

## ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, Амедей.

*Амедей.* Наконецъ я свободенъ, Элиза!.. А!.. это ты, Жозефъ!..

*Жозефъ.* Да-съ, я, г. Амедей!... *(Элизѣ тихо).* Посмотри, ленточки-то ужъ нѣтъ!..

*Элиза, (тихо).* Уйди отсюда!...

*Амедей.* Ну, что, ты ужъ возвратился изъ типографіи!...

*Жозефъ.* Нѣтъ-съ, я теперь не изъ типографіи, вы знаете откуда... Позвольте васъ поблагодарить...

*Амедей.* Я тебя не понимаю : за что ты благодаришь?

*Жозефъ.* Какъ!.. Развѣ вы тамъ не были?..

*Амедей.* Я былъ въ мастерской...

*Жозефъ, (подходя къ нему).* Да... въ театрѣ!... *(Тихо Элизѣ)* Вретъ!... (*Громко*). У васъ должны быть чудесныя декораціи... Покажите-ка ихъ намъ... хоть одну... красненькую...

*Амедей, (въ сторону.)* Онъ меня узналъ!...

*Элиза* Но ступай, Жозефъ, снеси корректуру, вѣдь тебя ждутъ!...

*Жозефъ.* Иду, иду!...(*Тихо.*) Хитеръ, голубчикъ!... (*Вслухъ.*) Покажите же свою декорацію-то?...

*(Уходитъ).*

—

## ЯВЛЕНІЕ XIV.

**Элиза и Амедей.**

*Элиза.* Г. Амедей!...

*Амедей.* Элиза, ты въ такомъ смущеніи, что съ тобой?

*Элиза.* Что со мной?... И вы не догадываетесь?.. Ахъ, г. Амедей, если вы меня обманули... это ужасно!...

*Амедей.* Помилуй; съ чего ты взяла?...Перестань, ради Бога....

*Элиза.* Нѣтъ, нѣтъ! вы должны признаться... Вы не то, чѣмъ себя называли, вы вовсе не бѣдный художникъ.

*Амедей.* Могу тебя увѣрить...

*Элиза.* Нѣтъ, это не правда ; вы хотите обмануть меня даже и теперь... одноколка, въ которой встрѣтилъ васъ братъ...

*Амедей.* Кто? Жозефъ встрѣтилъ меня?.. Гдѣ?.. Когда?...

*Элиза.* Вы знаете, но не хотите признаться... А вашъ орденъ?... Гдѣ вашъ орденъ?.. Онъ сейчасъ былъ на васъ... Вы освободили брата...

*Амедей, (съ замѣшательствомъ).* Элиза!... Если ты все уже знаешь, я не хочу запираться: братъ твой былъ задержанъ за самую малость, почти за пустяки, я шелъ мимо, попросилъ, и его освободили ; мнѣ даже не надо было называть себя.

*Элиза.* Называть себя!... Признайся же, что ты обманывалъ меня. Скажи, я тебя прошу , только скажи мнѣ правду... О, прошу тебя!

*Амедей.* Если ужъ нѣтъ болѣе средства отъ тебя скрывать , я скажу тебѣ правду... да... я тебя обманывалъ!...

*Элиза.* О, Боже!

*Амедей.* Я любилъ тебя , я искалъ любви твоей!... Я хотѣлъ, чтобъ ты любила меня, собственно меня; я сдѣлался художникомъ, безъ состоянія, безъ родныхъ , замѣнилъ свою квартиру чердакомъ...

*Элиза.* Ради Бога... Но кто же вы?

*Амедей.* Твой другъ!.. Я люблю тебя, ты это знаешь ; люблю одну только тебя и готовъ пожертвовать для тебя жизнію.

*Элиза.* Такъ пойдемте же къ бабушкѣ ; скажите ей, что вы меня любите, просите у нее руки моей... сдержите ваши обѣщанія, пойдемте!...

*Амедей.* Элиза!... Ради Бога, успокойся, выслушай меня....

*Элиза.* Вы нейдете... такъ вы хотѣли только обмануть, погубить меня?

*Амедей.* Я не могу располагать собою, у меня есть отецъ, строгій отецъ!

*Элиза.* У васъ есть отецъ!... А вы говорили...

*Амедей.* Ради Бога, Элиза...

*Элиза.* О я несчастная!...

(*Бросается на стулъ и плачетъ.*)

*Амедей.* Да у меня есть отецъ, родные ; они, можетъ быть, захотятъ для меня участи болѣе блистательной, но, спустя нѣсколько времени... *(Элиза дѣлаетъ движеніе.)* Успокойся, любовь моя составитъ твое счастіе...

Не плачь, Элиза, и тоскою,
Своихъ надеждъ не убивай;

Тебя ждетъ счастіе со мною,
Меня съ тобой ждетъ свѣтлый рай!

Элиза.

Оставьте ложное участье!
Мнѣ счастьемъ въ жизни не владѣть!
Теперь одно мнѣ въ мірѣ счастье,
Одна отрада—умереть!

*Амедей.* Элиза!... Неужели нужны тебѣ новыя клятвы, новыя увѣренія? Но они не могутъ быть сильнѣе тѣхъ, которыя освящены уже твоею любовью?.. Люби во мнѣ того, кого ты до сихъ поръ знала, люби меня тайно... Дай мнѣ упрочить для тебя судьбу, которой ты достойна и раздѣлить съ тобою состояніе...

*Элиза*, (*поспѣшно вставая*). О, нѣтъ, нѣтъ....

*Амедей.* Неотвергай моей просьбы... Ты для меня все... моя жена... и...

—

## ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, Бизо и потомъ Жозефъ.

*Бизо*, (*за кулисами*). Да, я берусь за это... я ..

(*Увидя Амедея останавливается.*)

*Амедей*, (*перемѣнивъ тонъ*). Да если г-жа Менье хочетъ....

*Элиза*, (*тихо*). Ради Бога, скройте отъ нихъ мои слезы!..

*Бизо.* Это онъ!.. Тѣмъ лучше... А! Г. Амедей! Очень радъ... вы весьма кстати пожаловали....

*Амедей.* Я... я было пришелъ кончить портретъ г-жи Менье....

*Бизо.* А!... да... прекрасно. А между тѣмъ она просила меня потолковать съ вами объ одномъ дѣлѣ.

*Амедей.* Со мной? (*въ сторону*). Чего они хотятъ отъ меня?...

*Элиза.* Съ Амедеемъ?... Въ такомъ случаѣ я здѣсь лишняя...

*Бизо.* Нѣтъ, нѣтъ, остановитесь. Если г. Амедей позволитъ, такъ я провожу его до бульвара.

*Амедей.* Помилуйте, съ удовольствіемъ!... (*Въ сторону*). Чтобъ тебя чортъ побралъ!

*Бизо*, (*тихо Элизѣ*). Вы очень дурно сдѣлали, Г. Дюранъ былъ бы прекраснымъ мужемъ!...

*Амедей*, (*Бизо*). Я готовъ!

*Бизо.* Такъ пойдемте!...

(*Идетъ къ двери*).

*Амедей*, (*подходитъ къ Элизѣ*). Я сейчасъ вернусь!

*Бизо хочетъ уже отпереть дверь, въ это время Жозефъ съ шумомъ отворяетъ ее, и такъ толкаетъ Бизо, что онъ летитъ отъ него къ стѣнѣ.*

*Жозефъ*, (*Вбѣгая, кричитъ*). Наконецъ узналъ, узналъ!..

*Бизо.* Чортъ бы тебя взялъ!... Да это настоящій дьяволенокъ!... (*Амедею.*) Пойдемте!...

*Амедей.* Пойдемте!...

## ЯВЛЕНІЕ XVI.

Жозефъ и Элиза.

*Элиза*, (*въ сторону*). О чемъ онъ хочетъ говорить съ нимъ?..

*Жозефъ.* Ну, я узналъ все....

*Элиза.* Что?

*Жозефъ.* Все, что касается до Амедея.

*Элиза.* А, ты узналъ?

*Жозефъ.* Все... все... его имя, его отца, номеръ квартиры... Признаюсь, сестрица, я ошибся, онъ вовсе не...

*Элиза.* Отъ кого жъ ты узналъ?

*Жозефъ.* А!... видишь ли, иногда не худо быть уличнымъ мальчишкой. Какъ я понесъ корректуру... пренесчастная корректура!.. вѣрно и сего дня не дойдетъ до хозяина!

*Элиза.* Да говори, ради Бога.

*Жозефъ.* Вдругъ, на поворотѣ къ бульвару, я вижу одноколку, ту самую, въ которой я его видѣлъ... Какая лошадь.. чудо!

Я ужасно люблю лошадей!... Гляжу... и лакей тутъ... знаешь, тотъ лакей, о которомъ я говорилъ, на шляпѣ золотой галунъ и зеленый воротникъ на ливреѣ.

*Элиза.* И ты думаешь, что Г. Амедей...

*Жозефъ.* Постой, не перебивай!.. я его тотчасъ узналъ... Мнѣ показалось, что онъ ждетъ своего барина... Хорошо, думаю я себѣ, ужъ я отъ тебя вывѣдаю все, что нужно!.. Подхожу къ нему и предупредительно говорю: это ваша лошадь, сударь?.. Я сказалъ ему: сударь нарочно, чтобъ подольститься, да и подхватилъ его на удочку... Мы разговорились о его лошади, объ немъ... А у него между тѣмъ сорвалось съ языка имя его господина... слово за слово... и онъ разсказалъ мнѣ, что Амедей очень знатный и очень богатый человѣкъ, что онъ сынъ какого-то генерала или адмирала, что у этого адмирала тьма орденовъ, тьма ранъ и ужасный ревматизмъ, однимъ словомъ, что онъ Перъ Франціи!

*Элиза.* Перъ Франціи.

*Жозефъ*, (*весело*). Да-съ... Перъ Франціи!.. У Амедея есть тетка... пресумасшедшая женщина!.. Она ему ни въ чемъ не отказываетъ... Амедей-то самъ ужасно мотаетъ, наслаждается полнымъ удовольствіемъ, задаетъ обѣды!.. Молодецъ да и только!.. У него теперь завелась какая то любовная интрижка... гдѣ-то по близости насъ... Лакей говоритъ, что ужъ это тринадцатая! .

*Элиза.* Что!.. Что такое?..

*Жозефъ*, (*смѣлсь*). Ну, обыкновенно что!.. Амедей влюбленъ теперь въ какую-то молоденькую дѣвушку, онъ ее просто обманываетъ, также какъ обманывалъ прежде другихъ, потому что... (*Элиза не можетъ держаться на ногахъ*). Что съ тобой?.. Что съ тобой? *Поддерживаетъ ее*).

*Элиза.* Ахъ! Мнѣ душно... свѣтъ померкъ въ моихъ глазахъ... братъ!.. Братъ!..

*Жозефъ.* Элиза!.. Что съ тобой?..

*Элиза*, (*рыдая*). Я обманута!.. Онъ погубилъ меня!..

*Жозефъ.* Что ты говоришь?

*Элиза*, (*бросаясь къ нему на шею*). Убѣжимъ отсюда!.. Спаси меня!.. Убѣжимъ, чтобъ они ничего не узнали, ничего не видали... (*приходя въ себя*). Жозефъ!.. Несчастная!.. что я сказала!...

*Жозефъ*, (*блѣдный, неподвижный.*) Ты... ты обманута?.. Ты, сестра?..

*Элиза.* Жозефъ!.. Ради бога, не говори никому... Онъ обманулъ меня... онъ обѣщалъ... онъ клялся...

*Жозефъ*, (*зажимая ей ротъ*). Замолчи, замолчи.. Если бабушка услышитъ... Это убьетъ ее... (*Увидя г-жу Менье.*) Вотъ она!

---

## ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣже, Г-жа Менье и Бизо.

*Менье*, (*выходя съ правой стороны, идетъ въ глубину театра.*)

Вотъ и вы Г. Бизо, я ждала васъ у окошка.

*Жозефъ*, (*старался казаться веселымъ*). А!... г. Бизо!.. (*Тихо Элизѣ*). Смѣйся, пожалуйста, смѣйся, не вздыхай такъ.... (*плачетъ*).

*Менье.* Ну что?

*Бизо.* Онъ уже больше не придетъ сюда!

*Элиза, живо.* Кто?

*Жозефъ, сжимая ей руку.* Тс...

*Г-жа Менье.* Вотъ видишь, его попросили объясниться, а онъ...

*Бизо.* Я былъ въ этомъ увѣренъ.

*Жозефъ*, (*весело*). Что вы говорите бабушка?..

*Менье.* То, что ты лѣнивецъ, что ты негодяй!.. Вмѣсто того, чтобъ имѣть попеченіе о своемъ семействѣ, чтобъ заботиться о добромъ имени своей сестры и исполнять послѣднюю волю отца, ты что теперь... что?

*Бизо.* Славный опекунъ!...

*Жозефъ,* (*более и более разстрогивался*). Ваша правда, бабушка... ваша правда.... я помню бѣднаго батюшку.... я помню послѣднія минуты его жизни... вы насъ подвели къ его кровати... Элизу и меня.... двухъ бѣдныхъ сиротъ... онъ плакалъ, глядя на насъ... мы также плакали... и вы тоже, бабушка.... онъ сказалъ мнѣ.... слова его глубоко врѣзались въ моей памяти.... мнѣ кажется, это было вчера... онъ сказалъ »мнѣ: Жозефъ!.. ты любишь сестру »свою, не правда ли?.., Со временемъ, »дитя мое, когда ты подростешь, я пре»доставляю тебѣ заботится о ней.... за»щищать ее!... Вмѣсто наслѣдства я ос»тавляю тебѣ доброе, незапятненное »имя... и ея честь,-съ которой сопря»женаи твоя собственная.... береги ее... »береги себя! ..» Онъ обнялъ насъ... благословилъ.... и скончался!... Выполнилъ ли я его волю?... Что я до сихъ поръ для пея сдѣлалъ?... О, какъ я виноватъ!..

Прости меня, о, мой отецъ!
Я виноватъ передъ тобою...
Теперь безпечности конецъ!
Теперь я прахъ твой успокою!
Завѣтъ исполненъ будетъ твой
Друзья, не плачьте, не грустите—
И сироту на долгъ святой,
На новый путь благословите!

*Элиза,* (*сжимая его руку*). Жозефъ!.. Жозефъ!.. О, Боже!...

*Г-жа Менье,* (*вытирая слезы*). Онъ заставилъ насъ расплакаться...

*Бизо,* (*тоже*). Да, онъ изъ насъ все можетъ сдѣлать....

*Г-жа Менье,* (*Елизѣ*). Полно!... это тебя разстрогало! Перестань!... Теперь мы не увидимъ больше Амедея... Надобно его забыть, онъ не прійдетъ къ намъ больше и ты будешь спокойнѣе... все пройдетъ!..

*Элиза,* (*задыхающимся голосомъ*). Нѣтъ, уже поздно!

*Жозефъ.* Что она сказала!

*Г-жа Менье.* Ну, перестань же... А ты, Жозефъ, настоящій ребенокъ...

*Жозефъ.* Я ребенокъ?... Нѣтъ, бабушка, нѣтъ! Теперь я не ребенокъ!

*Элиза.* Я умираю!

*Г-жа Менье.* Дочь моя!

*Бизо.* Что это? Ей дурно....

*Элиза падаетъ на стулъ; Г-жа Менье и Бизо хлопочутъ около нея.*

*Жозефъ,* (*одинъ на правой сторонѣ аванъ-сцены*). Элиза... сестра!.. Помогите... спасите ее!... Нѣтъ я не ребенокъ... я докажу, что я не ребенокъ.... и если я когда нибудь отыщу этого Амедея.... если отыщу.... о, я долженъ отыскать его!... Прощайте!. (*поспѣшно уходитъ.*)

## ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

*Залъ въ домѣ Генерала Морена. Главная дверь въ срединѣ, и двѣ двери по бокамъ: съ правой стороны въ комнату Генерала, съ лѣвой для другаго входа; на аванъ-сценѣ, съ лѣвой стороны, диванъ, съ правой, столъ.*

### ЯВЛЕНІЕ I.

*Генералъ и Г-жа Морень входятъ въ среднюю дверь, потомъ Илеръ.*

*Генералъ.* Нѣтъ, я вамъ говорю нѣтъ!

*Г-жа Морень.* А я вамъ говорю, да!

*Генералъ.* Вы, сударыня, сумасшедшая женщина!..

*Г-жа Морень.* А вы грубіянъ!...

*Генералъ, садится на диванъ и ставитъ на скамейку ногу, въ которой у него подагра.*

Я говорю вамъ правду...

*Г-жа Морель*, (*садясь у стола*). Вы вѣчно со мной спорите, это ваше удовольствіе!...

*Генералъ*. Да у меня другого нѣтъ... развѣ еще моя подагра... Не хотите ли я съ вами подѣлюсь?...

*Г-жа Морель*. Покорнѣйше благодарю; но ужъ какъ вы не спорьте, а я пошлю за докторомъ, пускай онъ его посмотритъ.

*Генералъ*. Очень нужно!... Тревожить доктора для какого нибудь насморка....

*Г-жа Морель*. Да и насморкъ можетъ имѣть дурныя послѣдствія.

(*пишетъ*).

*Генералъ*. Впрочемъ, пожалуй, пишите... только меня оставьте въ покоѣ. У васъ пренесносный характеръ; покойный братъ мой много терпѣлъ отъ васъ.

*Морель*. Вашъ братецъ былъ также любезенъ, какъ вы.

*Генералъ*. Замолчите, пожалуйста!.. Братъ мой, сударыня, былъ рѣдкій человѣкъ, ужъ вамъ не нажить такого мужа... Бѣдняжка! Лучше бы онъ умеръ въ сраженіи....

Онъ не одинъ походъ свершилъ,
Терпѣлъ и нужду и недуги,
Но на войнѣ спокойнѣй былъ,
Чѣмъ дома, близъ своей супруги.
Враги жестокіе его
Отъ пуль и ядеръ сохранили;—
А вы, вы мужа своего
Своимъ характеромъ убили!..

По крайней мѣрѣ онъ теперь совершенно спокоенъ.

*Г-жа Морель*, (*смѣясь*). Какъ вы милы!...

*Илеръ*, (*входя*) Ваше превосходительство....

*Генералъ*, Что тебѣ?...

*Илеръ*. Я пришелъ спросить: изволите ли вы завтракать дома?...

*Генералъ*. Дуракъ!... Развѣ я могу выѣзжать?.. Развѣ ты забылъ мою подагру?.. Я съ трудомъ перехожу изъ комнаты въ комнату.

*Гжа Морель*. Я думаю, вамъ предосадно?...

*Генералъ*. Ну, нѣтъ!... Мнѣ, напротивъ, очень пріятно....

*Илеръ*. Что прикажете подать къ завтраку, Ваше Превосходительство?..

*Генералъ*. Что?... Разумѣется, шоколадъ; вотъ ужъ шесть недѣль какъ мнѣ запрещено все... А говорятъ еще, что медицина у насъ дѣлаетъ удивительные успѣхи!.. Поздравляю съ этими успѣхами!... Какая-то гомеопатія!... Удивительное открытіе!... Съ тѣхъ поръ, какъ она замѣшалась въ моемъ леченіи, я совсѣмъ лишился сна... Кстати, Илеръ, что это былъ за шумъ вчера, когда я ложился спать?...

*Г-жа Морель*. У меня отъ него разболѣлась голова!...

*Илеръ*. Не знаю, право, ваше превосходительство, какъ объяснить вамъ; мы-сами не могли понять, какой то мальчикъ, должно быть мастеровой, хотѣлъ непремѣнно войти; онъ былъ ужасно разстроенъ и требовалъ, чтобъ его впустили къ вашему превосходительству.

*Генералъ*. Ко мнѣ?...

*Илеръ*. Ему сказали, что вы ужъ изволили лечь въ постель, но онъ нехотѣлъ и слышать... силою было вздумалъ ворваться къ вамъ; сущій чортъ: сталъ бороться съ привратникомъ, разбилъ три или четыре стекла въ низу, и еслибъ патруль не заставила его убѣжать, я не знаю, чѣмъ бы это кончилось.

*Генералъ*, (*улыбаясь*). Перебилъ стекла?..

*Г-жа Морель*. Надобно его отыскать....

*Генералъ.* Нѣтъ, надобно вставить разбитыя стекла.

## ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Амедей.

*Амедей, входя въ среднюю дверь.* Здравствуйте, батюшка. Какъ вы почивали нынѣшнюю ночь?...

*Генералъ.* Худо. А ты ложился ли сегодня?

*Амедей,* Батюшка!

*Г-жа Морель, (вставая).* Амедей, ты не хочешь и поцѣловать меня?

*Амедей.* Тетушка! Вы ужъ здѣсь? *(цѣлуетъ ее)*

*Г-жа Морель.* Тебя удивляетъ, что я такъ рано встала; я и сама удивляюсь; мой Октавъ нездоровъ я посылаю за докторомъ. Ты вѣрно зайдешь сегодня ко мнѣ? Мнѣ съ тобой надобно поговорить о важномъ дѣлѣ.... знаешь?...

*Амедей.* Знаю!

*Генералъ.* А, понимаю!... *(Гж-а Морель подходитъ къ Генералу).* Кончите же это сватовство; я вижу, въ немъ еще мало успѣха, они такъ напыщены знатностью своего рода...

*Г-жа Морель.* Не безпокойтесь, я ужъ устрою это дѣло!

*Генералъ.* Да вы ужъ вѣрно устроите!

*Г-жа Морель.* Я отвѣчаю за успѣхъ, если вы только не будете вмѣшиваться.

*Генералъ.* Гм!...

*Г-жа Морель.* Пропайте. *(Амедею).* я пойду въ свои комнаты, отошлю письмо и буду ждать тебя. *(Проходя мимо Генерала).* Какъ вы милы!

*(уходитъ въ дверь налѣво).*

## ЯВЛЕНІЕ III.

Амедей, Генералъ, *сидитъ на диванѣ,* и Илеръ.

*Генералъ.* Превеселая компаніонка для подагрика!

*Илеръ.* Г. Амедей, прикажете ли подать завтракъ?

*Амедей.* Нѣтъ, благодарю, развѣ съ батюшкой.

*Генералъ.* О! я тебя не удерживаю... я буду пить шоколадъ... это слишкомъ скромный завтракъ. *(Илеръ уходитъ).* Тебѣ вѣдь необходимы при завтракѣ друзья: съ ними ты можешь говорить о лошадяхъ, о женщинахъ, это весьма натурально, въ твои лѣта о чемъ же и разсуждать? Я за это не сержусь; жаль только, что ты не занимаешься ничѣмъ порядочнымъ.

*Амедей.* Я, батюшка?... Напротивъ, я занимаюсь.... занимаюсь такъ, какъ требуетъ мое положеніе и состояніе...

*Генералъ.* То есть, ты занимаешься бездѣльемъ... Ты богатъ, и потому всякій полезный трудъ для тебя дѣло постороннее.... Спектакли... Италіанскія оперы... балы, Булонскій лѣсъ... вотъ всѣ твои занятія. *(Амедей беретъ стулъ и садится съ правой стороны отца.* Я съ удовольствіемъ всегда гляжу на твои каруселныя побѣды... Однакожъ мой другъ... я не на каруселяхъ нажилъ себѣ подагру и ревматизмы.

*Амедей.* Признаюсь вамъ, батюшка, въ этихъ двухъ пріобрѣтеніяхъ я не завидую вамъ.

*Генералъ.* И хорошо дѣлаешь, другъ мой... не дай Богъ тебѣ ихъ знать... бываютъ минуты, когда готовъ отдать все, что выслужилъ, за четверть того, что я потерялъ на службѣ... но это въ сторону... послушай, рѣшился ли ты жениться?..

*Амедей.* Тетушка этого очень желаетъ...

*Генералъ.* Тетушка твоя сумасшедшая, капризная, нестерпимая женщи-

на.. но все таки тебѣ надобно ее уважать... она тебя любитъ... это самое сватовство доказываетъ тебѣ ея любовь... партія отличная... всего довольно: и знатности и богатства...

*Амедей.* Мнѣ казалось, однако, что вы не одобрили этотъ выборъ?

*Генералъ, (живо).* Отъ чего ты такъ думаешь?.. Я гордъ не менѣе другихъ... можетъ быть, еще и болѣе; мнѣ нужно родство значительное...

*Амедей.* Но, батюшка, я еще какъ молодъ... Признаться вамъ, я имѣю о супружествѣ особое понятіе!...

*Генералъ.* Особое понятіе!.. А какое же?.. Любопытно бы было знать.

*Амедей.* Я не вѣрю счастію супружеской жизни.

*Генералъ.* Не вѣришь, потому что малѣйшая обязанность для тебя уже отяготительна, потому что званіе мужа походитъ уже на занятіе...

*Амедей.* О, нѣтъ, совсѣмъ не потому!

Я признаюсь, что свадьба эта
Не радость вовсе для меня:
Она-одно приличье свѣта,
Въ ней счастья не предвижу я!...
Гдѣ не беретъ любовь участья,
Тамъ всѣ мужья осуждены
Не знать супружескаго счастья
И вѣкъ не знать своей жены!

*Генералъ.* Это вздоръ!.. Любовь можетъ притти и послѣ свадьбы... Бракъ этотъ мнѣ нравится, и если онъ только можетъ устроиться, то онъ устроится; однако жъ я самъ не хочу мѣшаться въ это дѣло; не хочу вести переговоровъ съ этими старинными пельможами: это предоставляется тебѣ и твоей теткѣ.

*Амедей.* Если вы того требуете, батюшка....

*Генералъ.* Да, я хочу при жизни своей видѣть тебя порядочнымъ человѣкомъ. Когда ты попадешь въ кругъ знатныхъ людей, то по неволѣ оставишь свой образъ мыслей, свои знакомства, особливо знакомства: они у тебя не совсѣмъ хороши...

*Амедей.* Что вы этимъ хотите сказать?

*Генералъ.* Ничего... я повторяю только чужія рѣчи... Въ послѣдній разъ, на вечерѣ у маршала, я безпрестанно слышалъ твое имя: друзья твои говорили о тебѣ... одинъ изъ нихъ, проигравъ въ одинъ туръ все свое годовое содержаніе, увѣрялъ другаго, что ты предобрый малой, но что совсѣмъ забылъ своихъ пріятелей, не пьешь съ ними, не играешь, пустился въ сантиментальности и, къ довершенію глупости, влюбленъ, да хоть бы въ какую нибудь знатную дѣвушку, а то въ гризетку!...

*Амедей.* Но кто осмѣлился такъ говорить обо мнѣ?.. И вы могли повѣрить, батюшка?...

*Генералъ.* Почему же не повѣрить?.. Я посмѣялся надъ этимъ также, какъ они... Я самъ замѣчаю, что ты съ нѣкотораго времени ужасно перемѣнился... Бывало, ты не оставлялъ меня ни на минуту, рисовалъ, занимался музыкой... впрочемъ тебѣ ужъ 23 года.... (*беретъ его за руку*). Ты добрый малый!... Я увѣренъ, что ты не собьешься съ своей дороги... (*разгорячась*). Но если бы случилось иначе... тогда... берегись!... (*Съ кротостію*). Совѣтую тебѣ однакожъ проститься съ магазинною любовью, мнѣ нужна невѣстка, внуки, на которыхъ я могъ бы иногда поворчать...

Теперь сижу я вѣчно дома
Съ подагрой, скукой и тоской,
Со мной и радость не знакома
И сынъ мой для меня чужой!...
Не долго жизнь моя продлится...
Утѣшь мой жизненный закатъ:
Дай съ сыномъ снова мнѣ сродниться
И умереть среди внучатъ.
Когда ты будешь семьянином,
Увидишь самъ въ быту своемъ,
Какъ тяжко жить въ разлукѣ съ сыномъ
И быть отверженнымъ отцомъ.

(*встаетъ*).

*Амедей*, (*почтительно*). Батюшка!

*Генералъ*, (*провожая его до дверей*). Ступай же теперь къ баронессѣ... кончи съ ней, пожалуйста, а я пойду пить свой шоколадъ.

*Илеръ*. Завтракъ готовъ! Прикажете подать?..

*Генералъ*. Давай, да поскорѣе!.. (*Уходитъ на право*).

## ЯВЛЕНІЕ IV.

*Амедей*, (*одинъ*). Да, я увижусь съ тетушкой... Мое положеніе ужасно! Я долженъ рѣшиться на что нибудь!.. Бѣдная Элиза!.. (*Илеру, который несетъ шоколадъ.*) Баронесса у себя!

*Илеръ*. У себя, сударь! (*Амедей уходитъ на лѣво, Илеръ хочетъ итти къ Генералу; за кулисами слышенъ шумъ.*) Что это за шумъ опять? (*средняя дверь отворяется*).

## ЯВЛЕНІЕ V.

**Илеръ, два лакея, Жозефъ и Генералъ.**

*Жозефъ, въ сюртукѣ и фуражкѣ.* *1-й Лакей*. Г. Илеръ! Вчерашній шумила опять здѣсь.

*Илеръ*, (*ставя на столъ шоколадъ.*) Сбросьте этого чорта съ лѣстницы!..

*2-й Лакей*, (*удерживая Жозефа въ дверяхъ*). Я вамъ говорю, что вы не войдете.

*1-й Лакей*, (*подходя къ нему*). Разумѣется не войдетъ!..

*Жозефъ*, (*отбиваясь отъ нихъ*). А я вамъ говорю, что войду... Негодяи, лакеишки, невѣжи!..

*Илеръ*. Сведите его въ полицію!

*Жозефъ*, (*входя*). Въ полицію?.. Подите вы!.. Я и то только что оттуда.

*Илеръ*, (*подходя къ нему.*) Убирайся вонъ сію же минуту!

*Жозефъ*. Ого! Да ты, дружокъ, что-то много на себя берешь!.. Ты вѣдь еще не важнаго калибра....слишкомъ зазнался!. (*Илеръ хочетъ схватить его, но Жозефъ его подшибаетъ.*) Вотъ тебѣ!.. (*Илеръ падаетъ.*) Убирайся лучше, гдѣ тебя не спрашиваютъ!

*Оба лакея хохочутъ*. Ха, ха, ха, ха..

*Илеръ*, (*сидя на полу въ недоумѣніи.*) Что это... что это значитъ?..

*1-й Лакей*, (*хочетъ схватить Жозефа.*) Да какъ ты смѣешь!...

*Жозефъ*. Не тронь меня!.. а не то вѣдь смотри!.. и съ тобой тоже будетъ!..

*Генералъ*, (*показываясь въ дверяхъ.*) Что здѣсь такое?.. что за шумъ?..

*Илеръ*, (*поднимаясь*). Ваше превосходительство... опять вчерашній буянъ!...

*Жозефъ*. Генералъ!.. (*снимаетъ фуражку.*)

*Генералъ*. Ахъ ты негодяй!... да какъ ты смѣешь шумѣть въ моемъ домѣ?..

*Жозефъ*, (*дрожащимъ голосомъ.*) Простите, генералъ, мою дерзость... но согласитесь, если кто приходитъ просить правосудія, защиты, такъ того нельзя выталкивать изъ дома.

*Илеръ*. Ему сказали...

*Генералъ людямъ*. Молчите! *Жозефу*. Ты пришелъ просить правосудія и защиты?.. Но какого-же ты просишь?..

*Жозефъ*. На г. Амедея де Морсиль!..

*Илеръ*. Такъ вѣдь тебя...

*Жозефъ*, (*тономъ Генерала.*) Молчите!.. Вѣдь вамъ сказалъ генералъ!..

(*Генералу.*) Онъ сынъ вашъ...

*Генералъ*. Да, сынъ... (*Людямъ*) подите отсюда!..

*Илеръ*. Шоколадъ.-.

*Генералъ*. Хорошо, оставь его...

*Жозефъ*, (*въ сторону*). Я что-то робѣю!.. Я все не ожидалъ этаго. (*Лакеи уходятъ.*)

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Генералъ и Жозефъ.

*Генералъ*, (*вглядывался въ Жозефа.*) Ну, какого жъ тебѣ надо правосудія? какой защиты?.. Говори!

*Жозефъ*, (*вертя фуражку*). Мнѣ, право, хотѣлось видѣть не васъ... а г. Амедея!

*Генералъ*. Чортъ возьми!.. Не все ли равно: я его отецъ.

*Жозефъ*. Знаю, Генералъ, да тѣмъ хуже...

*Генералъ*. Что такое?..

*Жозефъ*. Ахъ, Боже мой! Я право, не знаю... я думалъ, что я въ состояніи... а теперь не смѣю вымолвить слова. Я хотѣлъ бы видѣть Медея...(*оправясь*) Г. Амедея.

*Генералъ*, (*съ нетерпѣніемъ*) Ты меня выводишь изъ терпѣнія... Ну, успокойся же, не робѣй.

*Жозефъ*. Я не робѣю, Генералъ.

*Генералъ*. Ну, подойди же ко мнѣ...

*Жозефъ*, (*въ сторону*). Онъ, кажется, добрый баринъ!

*Генералъ*. Ну, что ты отъ меня пятишься назадъ?

*Жозефъ*. Я, право не знаю-съ... я васъ не боюсь, но странно... меня такъ и бьетъ лихорадка... вы какъ будто такіе странные...

*Генералъ*. Вотъ чудакъ!.. Кажется, я вовсе не похожъ на звѣря!..

Жозефъ.

Вы, правда, вовсе не похожи...
Однако жъ, люди говорятъ,
Что будто знатные вельможи
Волками все на насъ глядятъ!

Генералъ.

Конечно, братецъ, между нами
Найдется много страшныхъ лицъ:
Они на васъ глядятъ волками
А мы такъ видимъ въ нихъ лисицъ!

Ну, говори же, или ступай вонъ отсюда

*Жозефъ*. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшусь!.. Вотъ видите-съ... Я вѣдь откровенецъ, я все вамъ разскажу...

*Генералъ*. Слава Богу!.. Подойди же и говори... (*Садится и пьетъ шоколадъ.*

*Жозефъ*. Вотъ въ чемъ дѣло, Генералъ... Я живу дома... съ бабушкой... предобрая старушка... и съ сестрой... сестра моя совершенный ангелъ... мы всѣ очень добрые люди... то есть и я... Вчера я былъ еще очень глупъ... но сегодня...

*Генералъ*. Да, вчера ты перебилъ у меня стекла, а сегодня городишь ужасную чепуху...

*Жозефъ*. Ну, первое то стекольщикъ исправитъ.

*Генералъ*. Полно болтать... Какія же отношенія у тебя съ моимъ сыномъ?.. Не занималъ ли онъ у тебя денегъ?

*Жозефъ*. Если бъ только это... такъ куда бы ни шло... но вашъ сынъ... Видете ли—о, это низко, безчестно!.. Онъ нанялъ квартиру подлѣ насъ... назвался бѣднымъ человѣкомъ... ремесленникомъ, художникомъ, ходилъ въ изношенномъ сюртукѣ, съ пріятнымъ лицомъ... (*Генералъ оставляетъ свой шоколадъ.*) Вотъ мы, какъ сосѣди, проходя одинъ мимо другаго, начали говорить другъ-другу: здравствуйте .. потомъ слово за слово... начали пожимать другъ другу руки... наконецъ, онъ вызвался снять портретъ бабушки... а самъ... бѣдная старушка! Кто бы могъ думать?.. Да и я дуракъ!.. Я любилъ г. Амедея... любилъ, какъ брата; онъ мнѣ говорилъ: ты... (*Генералъ подвигается къ нему и слушаетъ съ большимъ вниманіемъ.*) И кто бы думалъ?.. сестра моя... добрая, умная... скромная... сынъ вашъ... сынъ вашъ... (*съ трудомъ переводитъ духъ.*)

*Генералъ*, (*встаетъ.*) Садись... садись... продолжай... ободрись, мой другъ... Бѣдняжка!.. у него, кажется, доброе сердце!

*Жозефъ*. Мнѣ душно... я умру... а бабушка... Ахъ, Генералъ!..

*Генералъ.* Продолжай, другъ мой... я со страхомъ догадываюсь, что ты хочешь сказать...

*Жозефъ,* (*вне себя*). Вашъ сынъ обманщикъ, негодяй... подлецъ! (*Генералъ дѣлаетъ движеніе.*) Да, да подлецъ! Онъ обманулъ всѣхъ насъ... Вчера, когда ему сказалъ: «иди просить руки ея... женись на ней, сдержи свое слово...» онъ отвѣчалъ: нѣтъ... ушелъ... оставилъ насъ... а бѣдная сестра моя, заливаясь слезами, бросилась ко мнѣ на шею и сказала мнѣ, что онъ погубилъ ее... Ну, разсудите, Генералъ, хорошо ли это?...

*Генералъ,* (*сложивъ руки крестомъ, смотритъ на него неподвижно.*)

Да... да... онъ погубилъ ее.... чего же ты хочешь?..

*Жозефъ.* Да развѣ вы не слышите: онъ ее погубилъ?...

Генералъ, (*ходя по сценѣ.*)

А, чортъ возьми! Вотъ слѣдствія его праздности!... Обмануть бѣдную дѣвушку!... Вотъ нынѣшнія забавы, нынѣшнія шалости... Хорошо! Пусть онъ покажется мнѣ!... Онъ узнаетъ меня.... Вонъ изъ Парижа.... онъ не останется здѣсь!...

*Жозефъ.* А сестра-то моя, сударь... что же съ нею будетъ?..

*Генералъ.* Твоя сестра.... сестра; безъ сомнѣнія, мой другъ, это большое несчастіе... я очень понимаю... но все таки, она сама виновата... зачѣмъ она позволяла?..

(*Садится.*)

*Жозефъ.* Зачѣмъ?... О, да я ошибся; вы показались мнѣ такимъ добрымъ... вы такъ внимательно слушали... я ужъ было сталъ уважать, любить васъ... но теперь я вижу, что вы нечувствительный человѣкъ.... у васъ каменное сердце, я васъ болѣе не люблю.... Зачѣмъ она позволяла? Затѣмъ, что сынъ вашъ лгалъ.... и лгалъ подло! Зачѣмъ же онъ не сказалъ намъ: я Амедей, сынъ генерала, Пера Франціи, графа?... Зачѣмъ же онъ не сказалъ, что онъ дворянинъ, что онъ богатъ, знатенъ?.. Тогда видно бы было между нами разстояніе, мы могли бы остеречься... но бѣдный художникъ... это совсѣмъ не то... онъ клялся въ любви... хотѣлъ жениться, притворялся такимъ несчастнымъ.... чортъ его возьми!... Мы всѣ его любили, всѣ.... а сестра-то ужъ какъ любила!... Да и врядъ ли бы кто другой устоялъ на ея мѣстѣ... онъ скрывалъ отъ насъ все... свое имя, свое званіе... даже крестъ свой.... этотъ почетный крестъ, который онъ носитъ на груди своей..... а между тѣмъ, что въ этой груди!...

*Генералъ,* (*живо.*) Несчастный!... (*Превозмогая себя*). Да.... да, переодѣванье, обманъ... все это подло... низко...

*Жозефъ.* А вы отецъ его, храбрый Генералъ, и спрашиваете еще, что должны дѣлать?...

*Генералъ.* Ну, скажи мнѣ, чтобы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ?

*Жозефъ.* Это трудно.

*Генералъ.* Я бы хотѣлъ, чтобы ты былъ на моемъ мѣстѣ!

*Жозефъ.* Я и самъ бы этого хотѣлъ...

*Генералъ.* Что жъ бы ты сдѣлалъ?...

*Жозефъ.* Если вы не знаете... такъ пожалуй, я васъ научу... Вотъ видите... я бы, на вашемъ мѣстѣ, позвалъ сына и сказалъ бы ему: г. графъ, вы негодяй!... Ты обманывалъ честныхъ людей.... ты погубилъ бѣдную дѣвушку... ты назвался ремесленникомъ, художникомъ.. такъ и будь же ты ремесленникомъ... добывай себѣ пропитаніе!

*Генералъ.* Потомъ....

*Жозефъ.* Изволь жениться на этой несчастной дѣвушкѣ, ты ее обманулъ...

(*Генералъ, улыбаясь.*)

О, да ты славно бы распорядился!...

*Жозефъ.* Я не требую вашего богатства, вашего золота.... я не хочу, чтобъ сестра моя сдѣлалась графиней!...

Нѣтъ, золотомъ вашъ сынъ презрѣнный
Не можетъ счастья намъ купить!
Нѣтъ, чтобъ исполнить долгъ священный,
Онъ долженъ честь ей возвратить!
Безъ чести золото ничтожно,
Безъ чести титла блескъ пустой!..
Сестрѣ графиней быть не должно,
Не честной должно быть женой!

*Генералъ.* Все это прекрасно... но жениться... (*Въ сторону*) У этого мальчика рѣдкія чувства!... Какое чистосердечіе, безкорыстіе!

(*Встаетъ.*)

*Жозефъ.* А почему же ему не жениться!....

*Генералъ,* (*съ добродушіемъ*). Это невозможная вещь другъ мой!...

*Жозефъ.* Невозможная вещь!.. Но гдѣ онъ? Я не васъ хотѣлъ видѣть... я хотѣлъ видѣть Амедея... Невозможная вещь! Послѣ этого вы сами не стоите имени честнаго человѣка.

*Генералъ.* Убирайся отсюда!.. Ты выводишь меня изъ терпѣнія!... Съ этимъ чудакомъ не сговоришь! (*Садится.*)

*Жозефъ,* (*съ возрастающимъ ожесточеніемъ*). Невозможная вещь!.. Я посмотрю, что онъ самъ мнѣ скажетъ... и если... о, тогда.. тогда... или онъ убьетъ меня, или я убью его... да я убью его... но какъ?.. Все равно... шпаги, пистолеты... хоть я съ ними и незнакомъ... но все равно, я найду возможность... Да, да, я найду средства!.. Не правда ли, Генералъ, я найду средства?

*Генералъ.* Ты съ ума сошелъ!.. Вотъ прекрасно!.. Онъ же еще у меня спрашиваетъ...

## ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Морель.

*Морель,* (*входя*). Я дождусь здѣсь Амедея.

*Жозефъ,* (*содрагаясь*). Амедея! (*Хочетъ бѣжать къ двери.*)

*Генералъ* (*удерживая его*). Останься!

*Морель.* Это что?.. Кого ему надо?.. Ну, что, Генералъ, вы все говорили ничего, да ничего, а наконецъ я узнала правду... Ниника мнѣ во всемъ призналась... Знаете ли, что случилось съ Октавомъ? Вчера онъ упалъ въ каналъ!..

*Жозефъ,* (*слушая*). Гм?

*Генералъ.* Можетъ ли быть?..

*Морель.* И если бы не мальчикъ какой то... такъ онъ бы вѣрно утонулъ... (*Жозефъ дѣлаетъ движеніе.*)

*Генералъ.* Вотъ вамъ наука: не поручайте дитя первой встрѣчной дѣвчонкѣ... Слава Богу, что еще такъ кончилось... Но теперь дѣло не въ томъ... вы очень кстати пришли сюда... Послушайте-ка какъ превозноситъ здѣсь вашего любезнаго племянника!

*Жозефъ,* (*въ сторону*). А, это тетка его!.. Знаю...

*Морель.* Тѣмъ лучше! Я принесла вамъ прекрасное извѣстіе...

*Генералъ.* Прекрасное извѣстіе!.. Чортъ съ нимъ!.. (*Встаетъ.*) Знаете ли, сударыня, что сдѣлалъ вашъ воспитанникъ, вашъ воспитанникъ, баронесса?.. Вы его избаловали, испортили, выучили всевозможнымъ глупостямъ!.. Онъ переряжается, таскается по улицамъ, вноситъ несчастіе въ честныя семейства...

*Морель.* Можетъ ли быть?

*Генералъ.* Спросите у этого мальчика... Обольстилъ бѣдную дѣвочку...

*Морель.* Амедей!.. Возможно ли?.. Ахъ, плутишка!.. И онъ скрывалъ отъ меня эту шалость... (*Смѣется.*) Ха, ха, ха...

*Жозефъ.* Чему жъ смѣется эта барыня?

*Генералъ.* Перестаньте!.. Этотъ мальчикъ все слышитъ.

*Морель.* Но чего жъ онъ ждетъ, чего онъ хочетъ?

*Генералъ.* Чтобъ Амедей загладилъ это безчестіе... женидьбой...

*Морель.* Женидьбой?.. Какъ, чтобъ Амедей, вашъ сынъ, женился на этой

скромной дѣвушкѣ, которая изъ жалости... *Смѣется.* Ха, ха, ха, жениться!..

*Генералъ, (сжимая ей руку).* Замолчите ли вы... это ея братъ!...

*Жозефъ.* Сударыня, вы ужъ слишкомъ изволите надо мной забавляться?... Не забудьте... вы говорите о моей сестрѣ!

*Г-жа Морель.* Что ему надо отъ меня?

*Жозефъ.* Вы уже черезъ чуръ что-то важничаете!

*Г-жа Морель.* Грубіянъ!

*Жозефъ.* Какъ!... Я.... ,

*Генералъ, (Жозефу.)* Ну, полно... полно... (*Г-жѣ Морель.*) Стоитъ ли обращать вниманіе?

*Г-жа Морель.* И вы не велите выгнать его?

*Жозефъ.* Я не въ вашемъ домѣ... я у г. Генерала!... Онъ честный человѣкъ... а вы и вашъ племянникъ... вашъ племянникъ и вы....

*Генералъ.* Замолчи же... перестань!

*Г-жа Морель, (старалась улыбнуться.)* И вы его слушаете... и у васъ достаетъ еще терпѣнія?...

*Жозефъ.* Это вамъ кажется смѣшно, сударыня, не правда ли?... Молодой человѣкъ хорошей фамиліи забавляется... чтожъ за бѣда!... ему больше нечего и дѣлать!... Для своей забавы онъ лишаетъ спокойствія и чести порядочное семейство! Это пресмѣшно... не правда ли?... Это ужасно смѣшно, потому что по законамъ не положено смертной казни тому, кто похищаетъ счастіе нашей жизни, кто убиваетъ бѣдную старую мать, кто убиваетъ цѣлое семейство... надъ этимъ смѣются, и говорятъ еще: хорошо... прекрасно!... гладятъ по головкѣ... такихъ людей не наказываютъ, имъ даютъ почетныя мѣста, разсыпаютъ на нихъ всевозможныя милости.... О, сударыня, вы правы... надъ этимъ можно смѣяться!... это въ самомъ дѣлѣ смѣшно!

*Генералъ.* Этотъ мальчишка меня приводитъ въ жалость....

*Г-жа Морель.* Но все таки это не даетъ ему права быть здѣсь... говорить мнѣ грубости... Его сестра!... Развѣ это ваша или моя вина? Мы тутъ ничего не можемъ сдѣлать!...

*Жозефъ.* Хотѣлъ бы я, сударыня, посмотрѣть, чтобы вы теперь дѣлали, если бъ я-думалъ вчера по вашему и не бросился въ каналъ....

*Г-жа Морель.* Что онъ говоритъ?

*Генералъ.* Бросился въ каналъ?

*Жозефъ.* Да, г-жа баронесса, всѣ ваши несправедливости вѣрно были сказаны мнѣ въ благодарность за вчерашній мой поступокъ... Да, я вчера бросился въ воду... я вовсе не хотѣлъ говорить объ этомъ... но вы меня принудили... можетъ быть, признаніе мое пристыдитъ, усовѣститъ васъ, не смотря на то, что вы баронесса... Желалъ бы я поглядѣть, что бы съ вами было, если бъ я вчера смотрѣлъ равнодушно на погибель вашего сына и говорилъ: мнѣ что за дѣло... вѣдь это какой-то барончикъ... пусть тонетъ.

Нѣтъ, вы не такъ бы разсуждали,
Да и смѣяться не могли бъ,
Когда бъ вчерашній день узнали,
Что вашъ любезный сынъ погибъ!...
Похвально это?.. Разсудите!..
Ну есть ли стыдъ и жалость въ васъ?..
Вы надъ сестрой того трупите,
Кто сына вамъ отъ смерти спасъ!..

*Г-жа Морель, (подходя къ нему.)* Возможно ли?... Это былъ ты?... Это былъ ли вы?

*Генералъ.* Вотъ вамъ и еще урокъ!....

*Гжа Морель.* Онъ спасъ моего сына!... О, если бъ я это знала... Вы прекрасный мальчикъ.... будьте увѣрены въ моей благодарности... я позабочусь о васъ, о вашей сестрѣ... Мы поправимъ эту бѣду... не правда ли, Генералъ?

*Генералъ.* Разумѣется. Поди, другъ мой, положись на насъ, слышишь ли?

*Г-жа Морель, (подходя къ нему, отдаетъ ему кошелекъ)* Вотъ, другъ мой, вотъ покуда тебѣ и твоей сестрѣ... а если она будетъ вести себя хорошо.. если не станетъ больше видѣться съ Амедеемъ, тогда получитъ отъ насъ вдвое, втрое больше этого...

*Жозефъ.* Какъ, сударыня, вы хотите заплатить золотомъ за безчестье... за... *Бросаетъ кошелекъ.)* Благодарю васъ, сударыня... Вотъ все, что я могу сдѣлать съ вашимъ золотомъ... я презираю его, также, какъ и...

*Генералъ.* Золото!... (*Ударя себя въ сердце.*) У тебя вѣрно тутъ ничего нѣтъ?..

*Г-жа Морель.* Помилуйте, мнѣ кажется...

*Генералъ, (подходя къ Жозефу).* Она ошиблась, мой другъ, тебѣ нужно совсѣмъ не то.. Баронесса придетъ къ твоей сестрѣ, слышишь?

*Жозефъ.* А! Баронесса...

*Г-жа Морель.* Да, да, я приду къ ней.

*Жозефъ.* Но развѣ вы, Генералъ, не можете притти сами?

*Генералъ.* Я бы очень желалъ... но не могу выходить: мнѣ трудно подыматься и спускаться по лѣстницамъ... эта нога мнѣ отказалась служить.

*Жозефъ.* Ну, а если бъ вы могли выходить?..

*Генералъ.* Тогда бы я сейчасъ съ тобой же пошелъ къ твоей сестрѣ... и если она добрая дѣвушка, если у нея такая же душа, какъ у тебя....

*Жозефъ.* О, лучше, въ тысячу разъ лучше...! но что жъ бы вы сдѣлали?...

*Генералъ.* Что? Я ничего не говорю... Можетъ быть, есть еще средство... (*Въ сторону*). Только не женидьба.

*Г-жа Морель, (въ полголоса Генералу).* Нѣтъ, я пойду—сама.. узнаю.. (*Пока они говорятъ, Жозефу какъ будто пришла какая-то мысль, онъ ударяетъ себя въ голову, улыбается и убѣгаетъ.*)

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

Генералъ и Г-жа Морель.

*Г-жа Морель.* Право, этотъ мальчикъ съ ума сошелъ!...

*Генералъ.* Куда онъ убѣжалъ?... Онъ не сказалъ мнѣ даже своего имени, свей квартиры.

*Г-жа Морель.* Какъ горды эти простые люди!... Отказываются отъ благодѣяній, отъ золота!

*Генералъ.* Можно ли винить его? Неужели вы думаете, что все сдѣлали, если сказали: вотъ тебѣ золото!.. Нѣтъ, сударыня, все покупается не золотомъ!.. Надобно умѣть дѣлать благодѣянія.. особливо человѣку съ такимъ сердцемъ, какъ у этого мальчика... Признаюсь, онъ меня сильно разстроилъ. Замѣтили ли вы, какое въ немъ благородство, какая смѣлость?...

*Г-жа Морель.* Я замѣтила только, что онъ безъ малѣйшаго воспитанія.

*Генералъ.* А между тѣмъ онъ далъ вамъ порядочный урокъ... Признаюсь, вы это заслужили.

*Г-жа Морель.* Такъ... только этого не доставало... Я удивляюсь, какъ вы еще до сихъ поръ не согласились, чтобъ вашъ сынъ женился на его сестрѣ... вы такъ любите простой народъ!...

*Генералъ.* Смѣйтесь, сударыня.... однако жъ я никогда не соглашусь на такой бракъ... Я не намѣренъ страдать за проступки вашего племянника!

*Г-жа Морель.* Слава Богу!

*Генералъ.* Я еще не сошелъ съ ума!... Но все-таки я долженъ сказать правду: сынъ мой не стоитъ этого мальчика....

*Г-жа Морель.* Ахъ, перестаньте, пожалуйста.

*Генералъ.* Да, онъ не стоитъ его.

*Г-жа Морель.* Потому что вамъ простой народъ...

*Генералъ.* Простой народъ, простой народъ!... Да что я то такое?... Откуда я вышелъ въ люди?... Да и вашъ мужъ...

*Г-жа Морель.* Генералъ!...

*Генералъ.* Да, да... и вашъ мужъ... мы были то же самое, что этотъ мальчикъ, мы были не болѣе, какъ дѣти каретника, но имѣли чувства..... умѣли проложить себѣ дорогу..... служили, трудились и достигли до того, что мужъ вашъ сдѣлался барономъ, а я графомъ Имперіи... вотъ наше дворянство, сударыня... Новое дворянство... и все-таки это не мѣшаетъ намъ иногда гордиться, также какъ гордятся своимъ родомъ древнія дворянскія фамиліи..... мы надъ ними подчасъ смѣемся... и забывасмъ, откуда мы сами вышли въ люди... Господи! Да когда я надѣну ленту, ордена, обшитый золотомъ мундиръ, и усядусь рядомъ съ какой нибудь надутой особой изъ старинной знатной фамиліи... когда начнутъ еще придавать къ моему честолюбію титулъ графскаго сіятельства.... о, я тогда бываю самъ себѣ смѣшенъ, такъ смѣшенъ, какъ вы... Ужъ какъ вы мнѣ смѣшны!... Прибавили къ своей фамиліи частичку де, г-жа де-Морень... да никого и знать не хотите... прегордо разгуливаете по заламъ какого нибудь герцога или во дворцѣ... А что вы были прежде? Просто, дочь Вашеро... шерстянаго торгаша... ужъ вѣрно вашъ отецъ, производя васъ на свѣтъ, вовсе не думалъ сдѣлать изъ васъ герцогини...

*Г-жа Морень.* Генералъ... вспомните, что мужъ мой...

*Генералъ.* Вышелъ изъ простаго же народа...

*Г-жа Морень.* Неправда!

*Генералъ.* Онъ началъ службу, также какъ и я, съ солдата!... Этимъ то мы и должны гордиться!... Что можетъ быть пріятнѣе достигнуть высокихъ степеней въ государствѣ и вспоминать, какъ низко мы начали свое поприще!... Но за то, что сынъ мой забылъ...

*Г-жа Морень.* Вашъ сынъ .. благородный молодой человѣкъ...

*Генералъ (садясь направо).* Низкій, подлый мальчишка!... И если бъ онъ попался теперь мнѣ...

*Махаетъ палкой.*

## ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Амедей, (*потомъ*) Илеръ.

*Амедей, входя поспѣшно въ лѣвую дверь.*

Тетушка, говоришь ты?...

*Генералъ.* Вотъ онъ!...

*Г-жа Морень. (спѣшитъ къ нему на встрѣчу.)*

Амедей! Не входи сюда!...

*Амедей.* Почему?

*Генералъ.* Останьтесь, сударь!... Подойдите ко мнѣ.

*Бросаетъ палку.*

*Морень, (тихо Амедею.)* Ради Бога... не раздражай его. *(Переходитъ направую сторону Генерала.)*

*Амедей.* Что такое случилось, батюшка?... Вы такъ встревожены...

*Генералъ.* Вы покрыли себя безчестіемъ, сударь...

*Амедей.* Батюшка!...

*Генералъ.* Вы познакомились нѣсколько времени тому назадъ съ однимъ бѣднымъ, честнымъ семействомъ.

*Амедей.* Батюшка. . вы знаете?...

*Генералъ.* Вы обезславили это семейство, обезчестили... вы обманули беззащитную дѣвушку.

*Г-жа Морень.* Простительная шалость молодыхъ лѣтъ.

*Генералъ, (грубо г-жѣ Морень.)* Не съ вами говорятъ!... *(Сыну).* Вы обманули бѣдную дѣвушку, погубили ее...

*Амедей.* Вамъ все извѣстно, батюшка... да, я любилъ эту дѣвушку, сердце влекло меня къ ней, противъ моей воли... Я готовъ своею кровью загладить этотъ проступокъ.

*Г-жа Морень, (дѣлая ему знаки головой.)* Хорошо, хорошо!

*Генералъ.* Есть преступленія, сударь, которыя могутъ быть извинительны въ ваши лѣта... пылкость страстей

можетъ оправдывать нѣкоторые проступки... но въ вашемъ поступкѣ видѣнъ гнусный обманъ... низость.

*Амедей.* Батюшка!.. Я виноватъ... я чувствую вину свою... Богъ свидѣтель, тысячу разъ я готовъ былъ упасть къ ногамъ вашимъ... признаться въ моей любви... испросить ваше согласіе... но я боялся вашего гнѣва...

*Генералъ.* И не ошибся... имя твое налагаетъ на тебя обязанности....

*Г-жа Морель.* Разумѣется... ему невозможно.

*Генералъ,* (*грубо г-жѣ Морель.*) Не съ вами говорятъ!... (*Сыну.*) Вы должны были прежде подумать о своихъ обязанностяхъ... Честь этой бѣдной дѣвушки... честь ея брата... ея бѣдной бабушки... была игрушкой молодаго фрайта!.. Ты хотѣлъ убить только время....

*Амедей.* Батюшка, мнѣ кажется, поведеніе мое....

*Генералъ.* Поведеніе ваше похоже на поведеніе всѣхъ обольстителей... на поведеніе низкихъ, развратныхъ обманщиковъ.

*Амедей.* Генералъ!..

*Г-жа Морель.* Графъ!... Вспомните...

*Генералъ,* (*г-жѣ Морель съ гнѣвомъ.*) Не съ вами говорятъ!... Слышите ли? (*Амедею.*) Да, сударь... вы низкій обманщикъ. Когда вы вошли въ этотъ домъ, что вы сказали этимъ бѣднымъ людямъ? «Я молодой человѣкъ хорошаго тона, знатной фамиліи... провожу время въ праздности, а можетъ быть, и хуже... мой отецъ покрылъ себя ранами, чтобъ доставить мнѣ имя, званіе и состояніе?» Это ли вы сказали имъ?.. Нѣтъ, вы боялись... вамъ захлопнули бы дверь передъ носомъ... вамъ сказали бы, что вы не туда зашли... нѣтъ... вы прибѣгнули ко лжи... выдавали себя за художника?.. за такого-то же бѣдняка, какъ они... обѣщали жениться....

*Амедей.* О, сжальтесь, умоляю васъ, сжальтесь надо мною!

*Генералъ.* Вы вошли въ этотъ домъ, затѣмъ, чтобъ обмануть бѣдную дѣвушку, бросить ее на произволъ судьбы... вы скрыли свое имя... званіе... даже спрятали свой орденъ... Но за что вамъ дали этотъ орденъ?... Выхлопотала его тетка... такъ, для моды... васъ наградили имъ противъ моей воли... думали угодить мнѣ, подѣлаться ко мнѣ.. А что вы такое? Ничтожное существо!

(*Движеніе Амедея.*)

Васъ знакомъ чести обязали
На службу истинѣ святой,
А вы ничѣмъ не оправдали
Награды доблестной такой.
Когда бъ вы истину хранили
Въ границахъ сердца своего,
Тогда бъ вы ордена не скрыли
И не безчестили его!
Но если честь вы помрачили
Такъ не достойны вы его!...

(*Вырываетъ ленточку изъ его петлички.*)

*Амедей,* (*вив себя*). Генералъ!...

*Г-жа Морель.* Боже мой! Что вы дѣлаете?

*Генералъ,* (*съ гордостію*). Что прикажете, сударь?

*Амедей.* Генералъ!... Вы мой отецъ... я долженъ вамъ повиноваться... но... я отомщу!... (*Поспѣшно уходитъ налѣво.*)

*Г-жа Морель,* (*желая остановить Амедея.*) Амедей, другъ мой!... (*Генералу*) Вы, сударь звѣрь, а не человѣкъ...

*Генералъ.* Не съ вами говорятъ!... Оставьте меня въ покоѣ...

(*Бросается въ кресла направо.*)

*Г-жа Морель.* Я увѣрена, что вы простите вашего сына...

*Генералъ.* Никогда, если вы станете мѣшаться въ это дѣло!

*Г-жа Морель.* Я беру на свое попеченіе эту дѣвушку .. я распрошу объ ней вашего сына... я не оставлю его...

(*Уходитъ за Амедеемъ.*)

*Генералъ,* (*встаетъ и переходитъ сцену*). Убирайтесь вы къ чорту и съ нимъ и со всѣми парижскими дѣвчонками... онѣ уморятъ меня... (*Бросается*

*на диванъ. Илеръ показывается въ глубинѣ театра.*) Что тебѣ?

*Илеръ.* Я пришелъ узнать, изволи ли вы выпить шоколадъ?

*Генералъ.* Да, убери... и оставь меня.. я никого не хочу видѣть... слышишь ли?... никого.

*(Илеръ уходитъ въ комнату Генерала.)*

## ЯВЛЕНІЕ X.

Генералъ, Жозефъ и Элиза.

*Жозефъ, (въ половину отворивъ среднюю дверь.)*

Генералъ!...

*Генералъ*, ( *оборачивался* ). А?... Опять! что тебѣ еще надо?

*Жозефъ.* Мнѣ... ничего—съ, а вотъ моя сестра...

*Генералъ.* Сестра?...

*Жозефъ.* Вы хотѣли узнать се... мнѣ этого самому хотѣлось... а какъ ваша нога можетъ быть еще долго пролержитъ васъ дома, такъ я и вздумалъ привести къ вамъ сестру... Намъ хочется, чтобъ бабушка ничего не знала...

*Генералъ.* Да гдѣ жъ твоя сестра?

*(Жозефъ, показывая на заднюю дверь.)*

Она тамъ... я позову ее. *Хочетъ итти туда, но ворочается.* Послушайте, она до сихъ поръ не знаетъ, что я привелъ ея въ вашъ домъ... а то бы она ни за что не рѣшилась... я сказалъ ей, что ей даютъ работу... списывать ноты.

*Генералъ.* Она этимъ занимается?

*Жозефъ.* Да... Поговорите съ ней объ этомъ, но не подавайте и виду, что знаете...

*Генералъ.* Хорошо, хорошо, другъ мой..... *(Жозефъ идетъ въ среднюю дверь.)* Добрый мальчикъ!

*Жозефъ*, (*входитъ съ Элизою.*) Войди, Элиза... вытерла ли ты ноги?.. Не бойся... поклонись г. Генералу... (*Тихо Элизѣ*). Это генералъ... старый Генералъ...

*Генералъ.* Подойди, душенька, подойди. *Элиза.* Что прикажете, сударь?

*Тихо Жозефу.* Какъ же ты мнѣ говорилъ, что это женщина?...

*Жозефъ.* Женщина... или генералъ... не все ли равно?

*Генералъ.* Я хотѣлъ тебя видѣть, потолковать съ тобой... садись!

*Элиза.* Генералъ...

*Генералъ.* Садись, садись...

*Жозефъ.* Садись, когда говорятъ... да не бойся... *(Сажаетъ ее справа подлѣ Генерала, и говоритъ ей тихо.)* Онъ только съ вида такой сердитый.... а впрочемъ предобрый человѣкъ: старые солдаты... всѣ такіе...

*Генералъ, (серьезнымъ тономъ).* Такъ это ты?...

*(Элиза встаетъ.)*

*Жозефъ (тихо Генералу).* Вотъ.... вотъ.... и перепугали ее... она вѣдь не привыкла еще къ вашей толстой фигурѣ... къ вашему грубому голосу.... вѣдь вы хоть кого испугаете, если кто васъ не знаетъ.... вотъ я васъ знаю, такъ мнѣ все равно.

*Генералъ, (ласково)* Молчи!... *Элизѣ*). Ну, садись же, душенька.... *(Съ добротою).* Прошу тебя....

*Смотритъ на Жозефа; тотъ даетъ ему знакъ, что этакъ хорошо.*

*Жозефъ, (позади кресла Элизы).* Ну, слава Богу, давно бы такъ.

*Генералъ.* Успокойся, душенька... я огорченъ, но, право, не тобой... ты, кажется, добрая дѣвушка....

*Элиза.* Братъ говорилъ мнѣ, сударь, что вамъ угодно было....

*Жозефъ.* Молчи же, дай говорить барину....

*Генералъ.* Ты меня не знаешь?... Я Генералъ Морень, отецъ Амедея.

*Элиза, (встаетъ и хочетъ итти.)* Ахъ.... сударь....

*Жозефъ.* Какъ это ловко!

*Генералъ, (удерживая ее).* Останься... Я не виню тебя... не серди же меня....

*Элиза.* Жозефъ, ты обманулъ меня.... *Жозефъ.* Для тебя же, добрая Элиза... Не правда ли, Генералъ?... Ну, неплачь же, ради Бога; не то, вѣдь и я расплачусь.

(*Принуждаетъ ее сѣсть.*)

*Генералъ.* Оставь же насъ однихъ....

*Элиза, (удерживая его).* Братъ!...

*Жозефъ.* Не бойся.... я здѣсь....

(*Уходитъ въ глубину театра и садится на ручку кресла.*

*Генералъ.* Да, я отецъ его.... онъ обманулъ тебя, не правда ли?

*Элиза.* Ахъ, если бъ вы знали, какъ онъ дурно поступилъ!...

Онъ погубилъ меня, но я не виновата!
Онъ такъ умѣлъ скрывать и измѣнять себя!
Онъ всѣхъ къ себѣ привлекъ, и бабушку, и брата,
А мнѣ твердилъ всегда: люблю, люблю тебя!...
Дни счастія прошли! Сонъ сладкій миновался!..
Но, слушая его, могла ли думать я,
Чтобъ гнусный, злой обманъ въ душѣ того скрывался,
Кто нѣжно такъ твердилъ: люблю, люблю тебя!...

*Генералъ.* А ваша бабушка....

*Элиза.* Вчера только родилось въ ней подозрѣніе... но если бъ она когда нибудь узнала истину!... Ахъ, сударь, вы не знаете... вы не можете понимать, до какой степени я несчастна!...

*Жозефъ, вытираетъ платкомъ глаза.*

*Генералъ.* Полно, полно, малая... ободрись, успокойся.... *Въ сторону, вытирая глаза.* Ну, ну.... и я тоже!.. (*Громко, примѣчая за ней.*) Такъ вы и не подозрѣвали, что онъ былъ знатный, богатый человѣкъ?..

*Элиза.* Нѣтъ, сударь, мы считали его за театральнаго живописца....

*Жозефъ, (подходя поспѣшно).* Да, Генералъ, онъ все обѣщалъ мнѣ билеты въ театръ....

*Генералъ, (живо).* Вѣдь я сказалъ тебѣ....

*Жозефъ.* Да, Генералъ да,... (*Уходитъ, садится на прежнее мѣсто и говоритъ Элизѣ.*) Продолжай... продолжай....

*Элиза.* Онъ приходилъ всегда къ намъ поздно... какъ будто послѣ своей работы.... когда бабушка засыпала.... а я переписывала ноты... онъ такъ-же давалъ мнѣ переписывать.... для себя или для своихъ друзей... я не знала...

*Генералъ.* И онъ много платилъ тебѣ за твои труды?...

*Элиза.* Онъ было хотѣлъ платить больше, чѣмъ должно... но я никогда не брала. (*Генералъ подвигается къ ней.*) И слава Богу!..

*Генералъ.* Онъ говорилъ, что женится на тебѣ?..

*Элиза.* Да, господинъ Генералъ... но онъ все откладывалъ... я часто упрекала его... а онъ всегда находилъ отговорки... Мой отецъ очень строгъ, очень «сердитъ!..»

*Генералъ.* А?.. Онъ говорилъ это?...

*Элиза.* »Онъ не позволитъ мнѣ же»ниться прежде, чѣмъ я не устроюсвое«го состоянія... но ты скоро, очень ско»ро будешь моей женой!..» Потомъ онъ началъ скучать... пересталъ работать... хотѣлъ умереть... я... бѣдная, неопытная дѣвочка!.. Довѣріе мое къ нему, любовь моя, не знали границъ... (*Упадая на колѣна.*) О, простите, простите меня, Генералъ!..

*Жозефъ, (подходя).* Сестра!...

*Элиза.* Я ужъ больше не люблю его.... я стану убѣгать его.... буду стараться не видать его.... я только вчера узнала мое несчастіе... только вчера узнала, что онъ меня обманулъ... бабушка умираетъ съ горести... я теперь его ненавижу столько же, сколько любила.... О, какъ бы я была счастлива, если бъ могла умереть!

*Генералъ, (чрезвычайно растроганъ.)* Успокойся... я его прогналъ... у меня нѣтъ болѣе сына!..

*Элиза, (вставая).* Боже!.. выгнать

сына... за меня!.. Нѣтъ, ради Бога.... позвольте мнѣ одной страдать, не сердитесь на него.... на колѣняхъ заклинаю васъ... вы сдѣлаете его несчастнымъ.... онъ сынъ вашъ... простите его, Генералъ... изъ состраданія ко мнѣ, простите его!..

*Жозефъ (подходитъ къ дивану и становится съ лѣвой стороны Генерала.)*

*Генералъ, (растроганный, въ сторону).* И она говоритъ, что ужъ болѣе его не любитъ!

*Жозефъ, (вытирая слезы.)* Генералъ прекрасно поступилъ.

*Элиза, (съ большимъ жаромъ).* Отецъ не хочетъ видѣть своего сына?.. Развѣ это возможно?... Нѣтъ, вы будете сами страдать.... ваша старость пройдетъ въ скукѣ... въ горѣ...

*Генералъ, превозмогая свое волненіе.)* Успокойся.... я не останусь одинъ... нѣтъ... ты.... *Послѣ нѣкотораго размышленія.)* Ты умѣешь читать?

*Элиза, (съ удивленіемъ).* Умѣю.... Генералъ....

*Жозефъ.* Вотъ милый вопросъ!.. Да сестра моя обучалась въ Сенъ-Денн, въ институтѣ ордена Почетнаго Легіона... Она получила прекрасное воспитаніе ..

*Генералъ.* А!.. Вашъ отецъ военный человѣкъ?..

*Элиза.* Да, Генералъ....

*Генералъ* Его имя?

*Жозефъ.* Менье.

*Генералъ.* Менье!.. Это имя мнѣ знакомо... Не сержантъ ли?..

*Жозефъ.* Поручикъ!...

*Генералъ.* Боже мой! Я его зналъ!... Храбрый воинъ... Я далъ ему крестъ... подъ Ваграмомъ...

*Жозефъ.* Да, подъ Ваграмомъ. точно.

*Генералъ, (съ нетерпѣливостію.)* А гдѣ... онъ... теперь?

*Элиза.* Умеръ!

*Генералъ.* Умеръ еще одинъ!

*Жозефъ, (разгорячась.)* Если бъ онъ былъ живъ.., Насъ не смѣли бы обижать... *(Элиза и Генералъ встаютъ.)*

*Элиза.* О, мой отецъ!..

*Генералъ.* Но кто же... кто тебя обижаетъ?..

## ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, и Г-жа Морель.

*Морель.* А?.. Братецъ, вы здѣсь еще...

*Жозефъ.* Опять эта злая...

*Морель, (не видя Элизы, которая за Генераломъ.)* И ты опять здѣсь... я тебѣ скажу хорошую новость, и вамъ, Генералъ, также... Эта дѣвушка, знаете... я очень рада, что могу для нихъ что нибудь сдѣлать... Согласитесь, что мнѣ невозможно взять ее къ себѣ ..

*Генералъ.* Что вы еще выдумали?..

*Морель.* Я помѣщу ее къ своей сестрѣ компаніонкой...

*Генералъ.* Да...то есть, горничной...

*Жозефъ.* Что?..

*Элиза.* Меня?..

*Морель, (увидя ее.)* А это она!.. Мила... Очень мила!.. Пять-сотъ франковъ... да я еще прибавлю...

*Жозефъ.* Горничной?..

*Морель.* Компаніонкой!..

*Элиза.* Ни за что!...

*Жозефъ.* Благодарю васъ, сударыня!.. Видите ли, что: сестра моя занимается рукодѣльями, она не рождена быть служанкой... Отецъ нашъ воспиталъ насъ не такъ... Для этого надобно имѣть особенныя чувства...

*Морель.* Какая гордость!.. Отказываются отъ денегъ... отъ мѣстъ...

*Жозефъ.* У всякаго барона своя фантазія...

*Морель.* Ты слишкомъ глупъ...

*Элиза.* Сударыня...

*Морель.* Что изъ васъ будетъ?

*Генералъ.* Это ужъ не ваша забота... Чтобъ поправить ваши глупости... я ей такъ же предлагаю мѣсто... мѣсто, отъ котораго она вѣрно не откажется,

она будетъ при мнѣ... въ моемъ домѣ, на дачѣ, смотрѣть за хозяйствомъ.... читать мнѣ книги... она ужъ болѣе меня не оставитъ... они дѣти храбрѣйшаго человѣка.... сироты... Я беру ихъ на свое попеченіе... если они только согласятся....

*Элиза*, Г. Генералъ....

*Жозефъ*. И бабушку такъ-же вы возьмете?...

*Г-жа Морель*, Помилуйте, братецъ... гдѣ же приличія?... Вмѣсто того, чтобъ заняться свадьбой племянника....

*Генералъ*. Ахъ, убирайтесь съ вашимъ племянникомъ.... Я не хочу его болѣе видѣть... Я не хочу слышать о немъ!... *(Показывая на Элизу, которая плачетъ.)* Посмотрите на нее....

*Элиза, (увидя входящаго Амедея)*. Ахъ!... Это онъ!...

*Жозефъ*. Амедей! *(Бросается къ нему; Г-жа Морель его удерживаетъ.)*

*Генералъ*. Опять.... Опять!... Чего ты хочешь, безумный?...

## ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Амедей.

*Амедей*. Батюшка, дайте мнѣ вашу руку... Не отвергайте меня... *(Увидя Элизу.)* О Небо. Элиза!...

*Генералъ, (сердито)*. Что вамъ здѣсь нужно, сударь?....

*Амедей*. Я пришелъ объявить, что я разорвалъ всѣ связи съ большимъ свѣтомъ, я не хочу оставаться долѣе безполезнымъ человѣкомъ... Я долженъ загладить свою вину!

*Г-жа Морель*. Возможно ли?

*Амедей*. Я былъ у Военнаго Министра... Въ уваженіе заслугъ вашихъ, онъ согласился на то, чего я просилъ... Я вступаю въ службу... И клянусь вамъ, батюшка, если не убьютъ меня... я вернусь достойнымъ васъ... достойнымъ Элизы... которую я люблю еще болѣе, чѣмъ прежде....

*Элиза*. Онъ уѣзжаетъ!

*Жозефъ*. Но, сударь... прежде этого..

*Г-жа Морель*. Нѣтъ.. я не позволю...

*Генералъ*. Я согласенъ!... Поѣзжайте, отличайтесь... Ваша рѣшительность мнѣ нравится.... Она доказываетъ, что у васъ еще есть чувства... Я очень радъ... *(Подавая ему свою ленточку.)* Вотъ возьмите это опять....

*Амедей, (цѣлуетъ ему въ это время руку)*. О, благодарю, благодарю васъ, батюшка!...

Беру вашъ даръ, беру съ восторгомъ!
Онъ исцѣлитъ души недугъ,
И будетъ вамъ теперь залогомъ
И чести и моихъ заслугъ!
Теперь я съ нимъ ужъ безъ печали
Достичь надѣюсь до того,
Чтобъ этотъ орденъ украшали
Заслуги сердца моего,
Чтобъ вы, обнявъ меня, сказали:
Теперь достоинъ ты его....

*Элиза, (задыхаясь отъ слезъ, умоляющимъ голосомъ.)*

Какъ, Генералъ! вы останетесь одни?..

*Амедей*. Элиза!...

*Генералъ*. Нѣтъ... Если ты со мною останешься, дочь моя...

*Элиза*. Это все не то...

*Генералъ, (Амедею съ чувствомъ.)* Когда вы будете имѣть свое собственное званіе... имя... когда вы будете достойны ея... достойны дочери храбраго офицера ... тогда... возвратясь, можете просить руки ея. . Тогда... можетъ быть, я соглашусь ее отдать вамъ.

*Амедей*. Возможно ли, батюшка!...

*Жозефъ, (растроганный.)* Прекрасно... прекрасно!...

*Элиза, (едва держась на ногахъ.)* Боже!... Что я слышу!...

*Г-жа Морель*. Прекрасно!... Нѣтъ, ужъ этого не будетъ...

*Генералъ*. Я бы хотѣлъ знать, кто мнѣ можетъ помѣшать?...

*Г-жа Морель*. Эта свадьба... будетъ верхъ глупости...

*Генералъ.* Если я хочу, то она состоится.

*Г-жа Морель.* Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете.

*Генералъ.* Сдѣлаю, сударыня, сдѣлаю!

*Г-жа Морель.* Никогда не бывать этой свадьбѣ!... Никогда!...

*Генералъ.* Вы мнѣ не вѣрите?...

*Г-жа Морель.* Разумѣется... нѣтъ...

*Генералъ, (внѣ себя.)* Ну такъ извольте посмотрѣть... *(Амедею.)* Возьми ее теперь же... Я хочу доказать этой безумной....

*Подводитъ Амедея къ Элизѣ.*

*Амедей.* Батюшка!... Возможно ли?..

*Элиза.* Амедей!... Генералъ, не сонъ ли это?...

*Жозефъ, (скачетъ отъ радости.)* Прекрасно!.. Отлично!.. Безподобно!...

*Г-жа Морель.* Какое безразсудство!

*Генералъ.* Вы можете женить вашего сына на комъ вамъ угодно... Я женю своего сына такъ, какъ мнѣ угодно... *(Элизѣ и Амедею, которые берутъ у него руки.)* Благодарствуйте!.. Благодарствуйте... Главное дѣло, надобно быть честнымъ человѣкомъ...

*Жозефъ, (вытирая слезы.)* Добрый, благородный человѣкъ!.. Да здравствуетъ старая гвардія и моя старая бабушка!... О, какъ я радъ, какъ я доволенъ!... *(Заливается слезами.)* Мнѣ такъ и хочется смѣяться, а не могу....

*Генералъ.* Ну, ты что тамъ плачешь!.. Повѣса!... Вѣдь это все ты сдѣлалъ... Чѣмъ же ты хочешь быть?...

*Жозефъ.* Я, Генералъ... я хочу остаться по прежнему, хочу продолжать мою работу, итти своею дорогою, какъ мой хозяинъ!... Онъ богатъ... Однимъ словомъ, у него все есть!... И я со временемъ буду тѣмъ же... Только надобно терпѣніе!...

*Музыка до конца.*

*Генералъ.* Оно хорошо.... Но я хотѣлъ бы самъ сдѣлать что нибудь для тебя, пока еще могу.... Чего бы ты желалъ?.. А?... Говори...

*Жозефъ.* Я бы хотѣлъ одну вещь, которая была бы мнѣ очень пріятна... Но, можетъ быть, вы не согласитесь?

*Генералъ.* Посмотримъ, что такое? Говори...

*Жозефъ.* Видите ли, что... мнѣ ужасно хочется васъ поцѣловать....

*Генералъ, (простирая къ нему объятія.)* О, поди ко мнѣ, мой другъ!...

*Жозефъ бросается къ нему. Занавѣсъ опускается.*

# СТИХОТВОРЕНІЯ

## И

# КУПЛЕТЫ.

### СОНЪ СТРАДАЛЬЦА. (*)

Я крѣпко помню тяжкій день:
Когда злодѣи, торжествуя,
Рѣшили: съ голоду умру я,
Что я исчезну, словно тѣнь.
О, какъ они меня чернили!
И ядомъ злаго языка,
Лишивъ насущнаго куска,
Меня къ скитанью осудили...
Не кровь тогда во мнѣ кипѣла,
А желчь и черная смола
По жиламъ бьющимся текла.
Отъ исполненья злаго дѣла
Я отстоялъ тогда на шагъ...
Я видѣлъ, какъ блѣднѣлъ мой врагъ
Предъ гранью свѣтлаго кинжала;
Но, въ буйствѣ мстительныхъ тревогъ,
Я вспомнилъ, есть надъ нами Богъ
И вѣра руку удержала:
Я силу гнѣва превозмогъ.

Какъ гнусенъ міръ разоблаченный!..
Въ немъ торжествуетъ лишь злодѣй.
Стыду и горю обреченный,
Отверженникъ среди людей,
Искалъ я мѣстъ, гдѣ воздухъ чище;
И тихой пристанью своей
Избралъ Смоленское кладбище.
Я день на взморьѣ проводилъ;
Глядѣлъ, безъ цѣли, на ветрила,
А ночью, призракомъ бродилъ
Среди крестовъ; и мнѣ могила
Страдальца, брата, сироты
Была пріютомъ, и кресты,
Свидѣтели сторожевые
Загробной, сладкой тишины,
Священной тьмой освѣжены,
Въ рядахъ стояли, какъ живые.
Я лѣто цѣлое провелъ
Въ святомъ убѣжищѣ отъ свѣта
Гробовъ съ жильцами безъ отвѣта;
По страхъ незванный разъ нашелъ
На душу сильную тревогу...
Не привидѣнье;... слава Богу,
Отъ предразсудковъ я далекъ;
Но сонъ меня въ тотъ страхъ вовлекъ.
О, нажды, въ полночь, буря выла—
И мѣсяцъ, скрытъ въ громаду тучъ,
Порой бросалъ туманный лучъ
На грудь могилъ; порой топила
Окрестность всю сырая мгла;
И вѣтеръ, съ плачущимъ отзывомъ,
Качалъ кресты своимъ порывомъ
И ударялъ въ колокола...
Подъ хохотомъ ненастной ночи
Меня сѣдой туманъ скрывалъ,
И сонъ невольный оковалъ
Древней измученныя очи.
Уснулъ, и вижу: будто я,
Покинувъ цѣпи бытія,
Въ одеждѣ новой, свѣтлой, чистой,
Легокъ и воленъ, какъ эѳиръ,
Лечу на тучѣ серебристой
Въ раздолье неба, въ свѣтлый міръ.
Я позабылъ земное горе;
Меня ничто не тяготитъ...
Моя душа летитъ, летитъ...
И тонетъ въ свѣтозарномъ морѣ.
И по безбрежью, какъ орелъ
Въ привольи міровомъ отъ вѣка
Со мной летѣлъ... Кому престолъ:
Цѣпь солнцъ и сердце человѣка.
И вотъ, отъ свѣтоносныхъ крылъ
На звѣзды холодъ смерти вѣетъ;
И звѣзды гаснутъ.... все мертвѣетъ...

(*) Отрывокъ изъ повѣсти: *Гонимый*, молодаго автора, который обладаетъ прекраснымъ поэтическимъ талантомъ. Поэма его исполнена превосходныхъ, сильныхъ стиховъ и живо напоминаетъ первыя вдохновенія незабвеннаго пѣвца нашего И. И. Козлова; въ нихъ столько же мысли, чувства, силы, сжатости и благозвучія.

*Редак.*

Все дышетъ вѣчнымъ сномъ могилъ...
Облекшись въ гробовые звуки,
Изъ свѣтлыхъ устъ святой глаголъ,
Какъ громъ глухой гремитъ: *пришелъ*
*Судить я міръ*!.. И вотъ, Онъ руки
Надъ мертвой бездною простеръ...
И бездна, какъ сухой костеръ,
Вспыласть .. вдругъ тлѣворный пламень
На грудь земную полетѣлъ...
Я на нее взглянуть хотѣлъ...
И вижу: таютъ горы . камень
Ударомъ молній разработанъ,
Какъ уголь красный раскаленъ
Разсѣлся... и съ церквями грады;
Стѣснясь въ нестройныя громады,
Съ ужаснымъ хохотомъ легли
На пепелъ стонущей земли.
«*Пришелъ мой часъ... Не правой власти*
«*Я положу святой предѣлъ*...
Въ огнь судъ Бога прогремѣлъ:
Земля распалася на части;
Дымясь, шатнулся небосводъ
И въ бездну кануль *мореллотъ*. (*)
И отъ востока до заката,
Въ святомъ сіяніи рука
На красный черепъ, изъ агата —
Какъ волны стелясь облака.
Вотъ, изъ задымленаго тумана,
Какъ глазъ потухшій великана,
Какъ потускнѣвшее пятно,
Выходитъ солнце; вотъ, оно,
Катясь по черепу, скользнулось
Къ волнистымъ свѣтлымъ облакамъ
И снова небо прояснилось...
«*На судъ народамъ и вѣкамъ,*
*Явись ты зеркаломъ свѣтило*!...
*Скажи имъ все, что съ нами было*...
*И отрази, для нихъ, свѣтло* —
*Грѣхомъ клейменое чело*!»
Раздался снова въ безднѣ голосъ,
Гремящій глухо въ промежтяхъ.—
И сжался мозгъ въ моихъ костяхъ
И холодъ подлилъ дыбомъ волосъ...
Умолкъ ангелъ затрубилъ:
Разсѣлась тѣнія утроба;
Изъ дымныхъ челюстей могилъ
Возстали мертвые изъ гроба ..
И дико, дикобхоръ завылъ:
Вы горы, съ пламенемъ падите!
Обрушьтесь, раздавите насъ...
Отъ солнца правды заслоните...
Вы бездны поглотите насъ!...
Но вопль, какъ бури завыванье,
Въ пустыняхъ огненныхъ исчезъ...
Ихъ визгъ и скрежетъ и стенанье
Святыхъ не тронули небесъ..

**Алексѣевъ.**

(*) Слово новое, которымъ авторъ хотѣлъ замѣнить *Оксанъ*.

# БЕЗУМНАЯ МАТЬ.

Двѣ отрывка изъ новой драмы: *Стешнева*.

## I.

## КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Солнце за лѣсъ перешло,
Веселехошко свѣтло.
Не шелехнется нигдѣ,
Развѣ рыбка на водѣ,
Развѣ бабочка въ цвѣтахъ,
Да кузнечикъ на листкахъ,
Иль прокликнется въ кустахъ
«Ау»
Гулю о, гулю и!
Дѣти милыя, ау!

*

Люлька подъ дубомъ виситъ,
Мать надъ люлькою сидитъ;
Вѣтеръ и гнется и встаетъ,
Мать надъ люлькою поетъ,
Косу темную крутя,
Слезы по лицу катя:
«Баю-батюшки, дитя,
Баю!»

*

Гулю о, гулю и!
Дѣти милыя, баю!
Почивай, мой милый сынъ!
У меня вѣдь ты одинъ.
Я мой поясъ отдала,
Розу въ косыньку вплела;
Онъ сорвалъ съ нея листы,
Онъ забросилъ ихъ въ кусты;
Но въ него родился ты!
«Агу!»

Гулю о, гулю и!
Дѣти милыя, агу!

*

И задумалася мать,
И задумала гадать,
И завидѣла она
Вдругъ лѣснаго вѣщуна,
И промолвила: «Мой свѣтъ!
«Проживетъ онъ сколько лѣтъ?»
А кукушка ей въ отвѣтъ:
«Куку!»
Гулю о, гулю и!
Дѣти милыя, куку!

## II.

## ПЛАЧЪ НАДЪ МОГИЛОЙ.

Лугъ близъ большой дороги. Въ правой отъ зрителей сторонѣ Шарголово, влѣво проселочная между лѣсомъ дорога. Вдали, на возвышеніи, церковь; вокругъ нея кладбище. Близъ авансцены покрытая ягодами рябина. Подъ нею можжевеловый кустъ, за которымъ видна свѣже-разры-

тая земля. Не вдалекѣ отброшенный заступъ. У подножія горы поставлены столы и всѣ принадлежности деревенской пирушки.

При поднятіи занавѣса, Степнева стоитъ на колѣнахъ у куста и плачетъ. Ея вопль сливается съ голосами женщинъ и дѣвушекъ пляшущихъ въ хороводѣ. Мужчины пируютъ за столами. По горѣ бѣгаютъ и рѣзвятся мальчики.

Крошечка моя ты, радость
Ты моя! Не захотѣлъ ты
Жить со мною! Покинулъ
Горемышную на жертву
Людямъ, какъ волкамъ.
Терзаютъ бѣдную,
Мучаютъ, все — не домучаютъ.
Хороводомъ ходятъ ангелы
Вокругъ престола Божьяго.
Знать, они увидѣли тебя?
Доложили, видно, Господу,
Подвязали другу крылушки,
Увели отъ сердца матери
Душку Божью херувимчика!
На каждый камешекъ-то на земли
Богъ посылаетъ по лучу,
На каждый глазъ-то нашъ
Есть у него по звѣздочкѣ.
Вѣдь отрываются-жъ, да падаютъ?
Чай все на небѣ играютъ
Это маленькія душки?
Это чай ихъ вызываютъ
Все несчастныя же матери?
Сорвала бъ мою я звѣздочку!
Приложилась бы, прижалась бы,
И опять пустила бъ на небо.
Крошечка моя ты, радость
Ты моя!... Земляное мое
Зернышко!
Что же ты не выростешь?
Что же ты не выглянешь?
Не поманишь меня ручками?
Не вымолишь, развратной, мнѣ,
Великой Божьей милости?
Въ праздникъ Божій, въ церковь Божью,
Идутъ матери, все съ дѣтками,
Веселыми, нарядными;
Не налюбуются на нихъ
И не насмотрятся....
А одна то только бѣдная,
Примѣшалась къ нимъ бездѣтная,
Въ черномъ рубищѣ, со крестикомъ,
Со слезами, съ поминаніемъ.
*Молится про себя, изрѣдка произнося:*
Господи... Владычица...
Упокой... младенца...

При послѣднемъ словѣ разбираетъ кустъ, чтобы приложиться къ землѣ, но вдругъ, увидѣвъ ее вбросанную, съ отчаяніемъ на нее кидается и ростъ....

**В. ИВЕЛЬЕВЪ.**

---

## ЛУЧЬ НАДЕЖДЫ.

(Романсъ.) *

Мѣсяцъ свѣтелъ; серебрится....
Тише добрый другъ плыви!
Сердце жаждетъ перелиться
Въ звуки грусти и любви.

Мой свидѣтель одинокой!
Не отринь мольбы моей,
И на сердце свѣтлоокой
Мои слезы перелей!

Я увяну, я изною,
Жизнь поблекнетъ, опадетъ
Пусть скорѣе надо мною
Звѣтлый взоръ ея взойдетъ?

Что лучи сребристой ночи,
Что лучи златаго дня,
Когда бросятъ ея очи
Лучь надежды на меня!

**А. ВЕЛЬТМАНЪ.**

---

## СЧАСТЬЕ.

Счастье не прочно въ суетномъ мірѣ,
Радости наши — сердца — покой.
*(Отецъ и дочь; — Опера.)*

Людское счастье цѣпь химеры,
Надеждъ, желаній и отрадъ,
Мотивъ, играемый безъ мѣры
Всѣмъ свѣтомъ на различный ладъ.
Изъ насъ конечно всякой знаетъ,
Что счастье прочное мечта;
А въ свѣтѣ, между тѣмъ бываетъ
Изъ счастья вся и суета!
Вѣднякъ для счастія желаетъ
Весь вѣкъ богатства одного;
Богачь всю жизнь свою вздыхаетъ
И видитъ въ бѣдности его.
Влюбленному лишь бы жениться,
Предвидитъ счастье онъ съ женой;
А честолюбцу счастье снится
Въ превосходительствѣ съ звѣздой.
Для счастья — дѣдушка хлопочетъ,
Чтобъ жилъ скромнѣе внучекъ-мотъ,
А внучекъ-мотъ наслѣдства хочетъ
И смерти дѣдушкиной ждетъ.
Больнаго счастіе — въ аптекѣ,
А лекаря — въ числѣ больныхъ,
Ученаго — въ библіотекѣ
Педанта — въ глупостяхъ своихъ.
Родное счастье афериста —
Надуть собрата плутовствомъ;
А критика и журналиста —
Убить противника перомъ.
Въ чужихъ бѣдахъ и униженьи
Находитъ счастье эгоистъ;
Старушки счастье — быть въ почтеньѣ
А старика сражаться въ вистъ.

---

* При послѣдующихъ книжкахъ *Пантеона* мы дадимъ на него музыку. *Ред.*

Верхъ счастья шулеровъ — въ обманѣ,
Обжоръ-въ обѣденныхъ столахъ,
Отцвѣтшихъ дѣвушекъ — въ романѣ,
А молодыхъ дѣвицъ — въ балахъ.
Помѣщикъ одного ждетъ счастья,
Чтобъ уродился хлѣбъ самъ-семъ,
Крестьянка, къ счастью, ждетъ ненастья,
Что бъ по грибы итти вдвоемъ.
Крестьянинъ счастіе находитъ
Во снѣ, въ привольи, въ силѣ рукъ;
А франтъ къ счастію приводитъ
Изящный фракъ или сюртукъ.
Ну, словомъ, всякій смертный хочетъ
Добиться счастья своего,
Потѣетъ для него, хлопочетъ
И даже въ смерти ждетъ его.
И кто его поймаетъ въ руки,
Онъ поиграетъ имъ дня два,
Да и зевнетъ уже отъ скуки,
И вновь кружится голова!
Найдетъ къ намъ счатье — мы скучаемъ,
Придетъ оно — начнетъ скучать,
Пройдетъ — со'скуки умираетъ,
Желаемъ новаго опять!
Людское счастье цѣпь химеры,
Надеждъ, желаній и отрадъ,
Мотивъ, играемый безъ мѣры,
Всѣмъ свѣтомъ на различный ладъ!...

**П. ФЕДОРОВЪ.**

## ЗАБУДЬ, ЗАБУДЬ.

Кн. Н. У. ***

Ты улетаешь Ангелъ свѣта
И свѣтъ души уносишь ты,
Но не зальетъ годами Лета
Тобой зажженныя мечты.

А я бы жаждалъ въ тьмѣ забвенья,
Въ холодной безднѣ утонуть.
О сердце! милое видѣнье
Ты навсегда забудь, забудь!

Запомни сладость первой встрѣчи,
И нѣгой думы полный взоръ,
И умъ чарующія рѣчи,
И голосъ — ключь пѣвучій горъ!

Нѣтъ, не падетъ росой цѣлебной
Слеза прощальная на грудь;
Забудь, о сердце! сонъ волшебный —
И навсегда забудь, забудь!.

**А. МАРЛИНСКІЙ.**

28 Августа
1835 года
Пятигорскъ. —

## ТУДА.

Есть пышный, дальній край, край славы и чудесъ,
Гдѣ небо ясное, какъ очи юной дѣвы,
Гдѣ гордо высится лавровый, стройный лѣсъ,
Гдѣ дышутъ нѣгою Торкватовы напѣвы;
Туда, туда другъ добрый мой,
Лететь хотѣлъ бы я съ тобой.

Гдѣ море вольное въ порфиру голубую
Царицу южныхъ водъ раскошно облекло,
Гдѣ время грозное свою скрижаль живую,
Вѣнчанный славой Римъ, на память сберегло;
Туда, туда другъ добрый мой,
Лететь хотѣлъ бы я съ тобой.

Гдѣ грознымъ геніемъ Везувій воспаленный,
Кипящій жизнію Неаполь сторожитъ,
Гдѣ дивный Байронъ пѣлъ отъ міра отчужденный,
Гдѣ страсть къ прекрасному сильней въ душѣ горитъ;
Туда, туда, другъ добрый мой,
Лететь хотѣлъ бы я съ тобой.

**КН. Д. КРОПОТКИНЪ.**

# ОБОРОТЕНЬ,

## РАЗСКАЗЪ ШЕСТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ГУСАРА.

*(Могущій быть и драмой и водевилемъ.*)*

Великое дѣло необходимость, господа; я помню изъ временъ юности моей одно происшествіе очень странное: дѣло въ томъ, что необходимость заставила дѣвицу, до ужаса безобразную, сдѣлаться красавицей. — «А ей не хотѣлось! ее принудили! ха, ха, ха, бѣднижка! Разскажите Полковникъ! это любопытно.» —

Въ Гродиѣ, пограничномъ городѣ Бѣлоруссіи, въ нашей незабвенной, милой, веселой, грязной, пыльной, а всего болѣе суматошной въ то время Гродиѣ, на самомъ берегу Нѣмана, стоялъ красный, кирпичный домъ въ три этажа, архитектуры не затѣйливой; домъ этотъ первый бросался въ глаза тѣмъ, кто приходилъ къ парому съ противоположной стороны берега. Я уже не знаю почему это было такъ? выдался ли онъ болѣе другихъ домовъ къ берегу, или слишкомъ яркій цвѣтъ его кирпичей былъ такъ замѣтенъ, но только онъ всегда былъ первый предметъ, на который обращали вниманіе. Также и я, сбѣгая съ горы къ парому (тогда переѣзжали еще на немъ, хотя и былъ уже Ноябрь въ исходѣ), остановилъ на красномъ зданіи взоръ свой; смотрѣлъ на него во весь переѣздъ и вышедъ на берегъ, самъ не знаю для чего, прямо пошелъ къ нему. Но доступъ не такъ былъ удобенъ, какъ издали казалось; домъ отдѣлялся отъ берега огородами, складомъ бревенъ, анбарами, какими-то сараями..... однимъ словомъ, отъ берега къ дому нельзя подойти да вѣдь и незачѣмъ. —

Я воротился, отыскалъ удобную жидовскую корчму и поселился въ ней на все время редутовъ, въ которыхъ я, мимоходомъ сказать, будучи застенчивъ до крайности, не игралъ никакой роли и къ концу всегда засыпалъ на шубахъ

* Помѣщая въ *Пантеонѣ* только *повѣсти* и *разсказы*, могущіе служить сюжетомъ для драмы или комедіи, мы рѣшились, чтобъ не разрушать интереса читателя предварительнымъ увѣдомленіемъ, къ какому роду они принадлежать, къ печальному или веселому, впредь не выставлять такихъ надписей, предоставляя ихъ разумѣнію каждаго читателя. *Редак.*

гостей; а итти туда все таки надо; слушать музыку, смотрѣть на толпу. Я обыкновенно становился у печки или у стѣны и слѣдилъ глазами польскихъ Сильфидъ, которыхъ красота, легкость, пріятности, плѣнительный нарядъ, выраженіе глазъ и душа, говорящая въ чертахъ, поглощали все мое вниманіе, я былъ неподвиженъ, какъ статуя. Молодость мол и кавалерійскій мундиръ дѣлали очень страннымъ такую неподвижность; я слышалъ какъ дамы, проскользая мимо меня, говорили въ полголоса: «вѣрно вы ждете, чтобъ васъ ангажировали!»

Послѣ трехъ или четырехъ баловъ, на которыхъ я отличался молчаніемъ и неподвижностію, меня стали замѣчать и я также, какъ красный домъ на берегу Нѣмана, былъ первымъ предметомъ, на который устремлялся взоръ посѣтителей. —

Въ одинъ изъ самыхъ блистательныхъ редутовъ, который былъ данъ въ домѣ К***, я по обыкновенію, продежуря у печки до перваго часа, отправился въ прихожую, спать на шубахъ; но только что я легъ и готовъ былъ погрузиться въ забвеніе; — вышло изъ залы нѣсколько молодыхъ людей — фраконосцевъ; вѣрно имъ было жарко и они хотѣли немного прохладится въ нетопленой прихожей, (нужнымъ нахожу замѣтить, что это была такая комната, гдѣ складывались шубы посѣтителей, а прихожая для лакеевъ была далѣе и топлена, какъ водится)...

„Скажите пожалуйста, началъ одинъ изъ молодыхъ Поляковъ, что это за гусарское привиденіе, безъ словъ и безъ движенія? я всякой разъ боюсь задохнуться отъ усилія удержать смѣхъ, когда только посмотрю на него! Какъ неподвижно подпираетъ онъ печку и какъ внимательно глядитъ на танцующихъ! Одни только глаза его показываютъ что онъ можетъ двигать своими членами; потому что слѣдитъ изъ конца въ конецъ нашихъ красавицъ!»

«Дѣвицы Аллигурскія сказали, что онъ примѣчателенъ, какъ ихъ красный домъ и такъже не по достоинству, а только по странности.» — «Вотъ какъ! Которая же изъ нихъ изволила произнести такую сентенцію? это не совсемъ дурно.» «Людовика!» «Какъ! Людовика? вотъ новость! да она кажется двухъ словъ путныхъ не скажетъ къ ряду; впрочемъ и въ этомъ изреченіи не много путнаго.» — «Э! полно, ты нападаешь на нее.» — «Ну ужь есть на кого!...» чортъ возьми однакожь какъ ты любишь всему давать другой толкъ!» — «Полно, полно господа! пойдемте въ залъ.» «Да пойдемте; я ангажировалъ даму на катильонъ и вотъ кажется его играютъ.» — «А кого ты ангажировалъ?» — «Да эту прелестную дуру, Аллигурскую, Эмилію» — «Это дивная картина, а не женщина!» «Да ужъ и дивная Ѳедора, любезный! я отъ подобной жены ушелъ бы на край свѣта.» — «Ты что-то слишкомъ полюбилъ край свѣта; отъ всего туда уходишь и притомъ такъ часто, что ужъ я начинаю боятся.... «Чтобъ меня не прозвали самаго краемъ свѣта? очень радъ! я первый буду смѣяться.»

Молодые люди ушли, а я тотчасъ всталъ. Насмѣшки на мой счетъ я забылъ въ тужь минуту; но слова о красномъ домѣ разбудили все мое вниманіе. Не могу

дать себѣ отчета, почему мнѣ хотѣлось быть знакомымъ, быть принятымъ въ этомъ домѣ. —

Въ одну секунду я сдѣлался похожъ нравственно на эту птичку, которая порхаетъ передъ грему чею змѣею, все ближе и ближе и наконецъ вспархиваетъ къ ней въ пасть. — Я пошелъ опять въ залу съ твердымъ намѣреніемъ познакомиться со всѣми Аллигурскими, сколько ихъ тутъ есть и познакомиться такъ, чтобъ они пригласили меня въ домъ. Предпріятіе видимо трудное. Чтобы познакомиться съ кѣмъ, надобно вѣдь говорить, надобно также и ходить, я думаю, а не оставаться статуею у печки, ну и говорить, какъ должно, а не краснѣя при всякомъ словѣ, отъ одного уха до другаго. Такими признаками, какого то рода нелѣпой пугливости, мудрено было бы выиграть въ хорошемъ мнѣніе людей, къ которымъ хочешь сдѣлаться вхожимъ въ домъ. Я все это обдумалъ на пути изъ прихожей въ залу и такова сила воли; преодолѣлъ всѣ камни петрковенія.

Я началъ тѣмъ, что вошелъ въ залу смѣло, свободно, развязно; прошелъ мимо любимой печки, не останавливаясь. Правда приходило мнѣ на мысль, что развязность моя слишкомъ что то жива; и какъ она внезапна; то чтобъ не приняли ее за припадокъ болѣзни, я въ самомъ дѣлѣ старался побороть врожденную несмѣлость, дѣйствовалъ, такъ сказать, лихорадочно; напримѣръ безъ всякой нужды перескочилъ черезъ ногу офицера, который сидѣлъ нѣсколько протянувши ее, хотя было такъ много мѣста, что я очень могъ обойти ее просто. Послѣ этаго подвига, продолжая играть роль развязнаго, я фамиліярно сѣлъ на диванъ, между двумя разговаривающими дамами и сдѣлалъ это такъ поспѣшно, что онѣ обѣ вздрогнули и замолчали. Минуты двѣ дамы глядѣли на меня съ изумленіемъ, потомъ взглянули другъ надруга и отодвинулись къ угламъ дивана. —

Я уже замѣтилъ, что офицеръ, чрезъ ногу котораго я перепрыгнулъ, пожалъ плечами, а дама близъ него сидѣвшая сильно вздрогнула, потому что я промелкнулъ почти у ея лица, и что сосѣдство мое, такъ неожиданно осчастливившее двухъ старыхъ дамъ, сдѣлало ихъ безмолвными... все это какъ то неклеилось.... но Аллигурскіе! но красный домъ! Неужели редутъ кончится, а я не сдѣлаю знакомства, которое отворило бы мнѣ дверь въ ихъ домъ? Вдругъ я оборотился къ одной изъ старухъ и такъ быстро, что-та хотѣла вскрикнуть; вѣрно она думала получить отъ меня пощочину, въ доказательство моей развязности. Къ щастію мои семнадцать лѣтъ, свѣжій цвѣтъ юности и блестящій гусарскій мундиръ напоминали старой дамѣ ея внука, правнука, или давняго друга и чрезъ то ослабили впечатлѣніе испуга, она удержалась отъ восклицанія.

«Позвольте спросить, кто такая эта дѣвица въ розовомъ, газовомъ платьи, волосы перевиты жемчугомъ?» — «Аллигурская.» Старыя дамы обѣ вдругъ подвинулись ко мнѣ; онѣ примѣтно обрадовались возможности говорить, да еще и съ молодымъ гусаромъ. Не успѣла еще та, къ которой я отнесся съ вопросомъ, сказать: «Аллигурская» какъ другая тотчасъ спросила меня

*

усмѣхаясь: «А вы, молодой человѣкъ, почемужъ такъ положительно назвали ее дѣвицею? развѣ она не могла быть молодая дама? —. Вотъ прекрасный случай покраснѣть отъ одного уха до другаго и отъ лба до подбородка! я чувствовалъ, что воспользуюсь имъ вполнѣ и чтобъ упредить нашествіе на лицо мое цвѣта, столь несообразнаго. съ развязностью, я началъ утираться платкомъ; но досадная краска сдѣлала таки свое и разлилась заревомъ по всему лицу. Я продолжалъ закрываться и утираться минутъ пять. Богъ знаетъ, что подумали объ этомъ мои старыя дамы, но когда я отнялъ платокъ отъ лица, одна изъ нихъ качала головою, а другая погрозила пальцемъ, та, которая спрашивала почему я назвалъ Аллигурскую дѣвицею? — Вотъ каковы нынче молодые люди, говорила она, вѣрь имъ! А мы право щитали васъ самихъ только что не дѣвицею, теперь видимъ, что ошибались!» — По этимъ словамъ я отгадалъ, что онѣ полагали, что я смѣюсь въ то время, какъ я закрылся платкомъ; тѣмъ лучше! я былъ очень радъ, что дѣло взяло такой оборотъ; пусть думаютъ, что я злой насмѣшникъ, это сноснѣе нежели бы думали, что я глупо застѣнчивъ. —

«Но развѣ вы ни съ кѣмъ не знакомы здѣсь, что не знали, какъ называется первая красавица въ городѣ?» — «Не знакомъ. Я нигдѣ не бываю.» — «Что за отшельничество такое въ ваши лѣта? смѣшно слышать!»....

— И ma chère, развѣ не замѣчаешь, что шалунъ опять смѣется! Какъ же онъ нигдѣ не бываетъ, когда мы и всякомъ редутѣ его видимъ! хорошъ отшельникъ!» — — О! подумалъ я, какъ мы успѣшно идемъ впередъ; ужъ я и шалунъ! въ добрый часъ! если только это подведетъ къ красному дому. — Между тѣмъ заиграли краковякъ, я вскочилъ и, не сказавъ ни полслова своимъ сосѣдкамъ, побѣжалъ такъ сказать, черезъ всю залу на другой конецъ, гдѣ видѣлъ, что сидѣла розовая Аллигурская; подошелъ почти къ самымъ колѣнкамъ дѣвицы Эмиліи и ангажировалъ ее. Она извинилась; съ испугомъ, удивленіемъ и замѣшательствомъ, извинилась тѣмъ, что устала. «Когда отдохнете, тогда сдѣлайте мнѣ честь протанцовать со мною, сказалъ я и, не дожидаясь отвѣта, сѣлъ подлѣ нея.

Извѣстно, что Польки отличаются самою милою вѣжливостію. Дѣвица Аллигурская, не смотря на странность моей судорожной развязности, нехотѣла оскорбить меня, перемѣнивъ свое мѣсто Она сама начала говорить со мною и вотъ разговоръ нашъ мало по малу завязывался,. завязывался и наконецъ одушевился до того, что мы не замѣтили, какъ окончился одинъ танецъ и начался другой — мазурка. Вдругъ подошли къ намъ въ одно время: офицеръ егерской и сестра Эмиліи; первой для того, чтобъ взять ее на мазурку, а другая, чтобъ спросить тихонько о чемъ-то. Я думаю о томъ, какъ удалось ей разшевелить статую, столько дней служившую украшеніемъ печей во всѣхъ домахъ, гдѣ давались редуты! При первыхъ словахъ офицера, застенчивость и неловкость моя исчезла, какъ-будто ихъ никогда не бывало. Эмилія, не могла танцовать съ нимъ, не должна была; я былъ ея кавалеромъ; когда я просилъ ее на буду-

щій танецъ, она не отказалась, и такъ..... -«Разговоръ вашъ такъ пріятно занялъ меня, что я совсѣмъ забыла о своемъ обѣщаніи господину офицеру, танцовать съ нимъ мазурку! мнѣ бы надобно было сказать вамъ объ этомъ прежде. Извините! Съ окончаніемъ послѣдняго слова, Аллигурская скользила уже и порхала по паркету, улыбаясь очаровательно своему темно-зеленому товарищу. —

Все это сдѣлалось такъ быстро, что я не успѣлъ и образумиться, какъ уже остался, какъ ракъ на мели. — И ее называютъ глупою! думалъ я, этого не видно. Она очень обязательно отдѣлалась отъ меня. Глупая не позаботилась бы объ этомъ. Сказала бъ просто, что забыла и только. Посмотрю что будетъ далѣе. Я остался въ своихъ креслахъ въ ожиданіи, что Эмилія по окончаніи танца придетъ занять свое прежнее мѣсто. Черезъ пять минутъ я услышалъ, что кресла, въ которыхъ сидѣла прежде Аллигурская, затрещали подъ тяжестію чего-то огромнаго, на нихъ опустившагося, и въ ту же секунду раздался глухой басъ подлѣ моего уха: «Что вы не танцуете, молодой гусаръ? Слыханное ли дѣло быть такимъ капуциномъ, съ вашею фигурою, лѣтами и мундиромъ!» — Я смотрѣлъ съ удивленіемъ, кто мнѣ высказывалъ такія лестныя истины. Это былъ пожилой Польской Панъ, съ подбритомъ чубомъ, богато одѣтый въ свое національное платье. Онъ былъ очень толстъ и имѣлъ добродушную физіономію Видя, что я только смотрю на него и ничего не отвѣчаю и опасаясь не безъ причины, чтобъ за этою тишиною не послѣдовалъ шквалъ, то есть, чтобъ смѣшное молчаніе не прервалось еще болѣе смѣшною выходкою отчаянной развязности, взялъ меня дружелюбно за руку, говоря: «Я желалъ бы имѣть удовольствіе видѣть васъ у себя въ домѣ, познакомить съ моимъ семействомъ. Полкъ вашъ болѣе мѣсяца уже квартируетъ въ окрестностяхъ Гродны; почти всѣ ваши офицеры завели здѣсь знакомства, по крайности, балныя; вы одни только, какъ будто чуждались всѣхъ до сего времени, а особливо дамъ; но давича вы разговаривали здѣсь съ моею старшею дочерью и я буду очень радъ, если вамъ понравится быть у меня въ домѣ и въ компаніи моихъ дѣтей. —

«По этому я имѣю честь видѣть пана Аллигурскаго?»

«Да я Аллигурскій. Домъ мой на берегу Нѣмана. Познакомтесь со мною молодой человѣкъ, мнѣ будетъ это очень пріятно, да надѣюсь и для васъ такъже. Я старикъ веселый, радушный, семья у меня большая: шесть дочерей, жена, двѣ сестры; да еще сколько-то компаньёнокъ, въ это послѣднее я не вхожу, этимъ распоряжаютъ мои двѣ старухи сестры, — вы съ ними тоже разговаливали.» Услыша это, я чуть было опять не надѣлалъ глупостей *развязныхъ*, и не смотря на замираніе сердца, совсѣмъ было собрался, что бъ начать съ хохотомъ, громко и свободнымъ тономъ разсказывать все, что происходило на диванѣ, но къ счастію неуспѣлъ; мазурка кончилась — Эмилія подбѣжала къ отцу, сѣла подлѣ него въ кресла, съ которыхъ я всталъ, когда она подошла, и тотчасъ спросила: «Папа! пригласили вы господина гусара пріѣхать къ намъ послѣ завтра?» — «Это уже сдѣлаешь

ты, мой другъ! вы какъ то лучше умѣете ладить съ этими упрямыми головами.» — Какое тутъ упрямство, думалъ я, мнѣ только этаго и нужно было. — Старый Полякъ уступилъ мнѣ свое мѣсто подлѣ дочери и сказавъ, что не хочетъ мѣшать ей убѣждать пустынника сообщиться съ свѣтомъ и поразвернуться въ немъ, пошелъ въ другой залъ, гдѣ играли въ карты.

«— Вы слышали какое дано мнѣ порученіе? сказала Эмилія, боюсьне многаго ли батюшка требуетъ отъ меня, вы кажется расположены постоять за себя. Скажите пожалуйста, неужли таки въ самомъ дѣлѣ васъ нисколько незанимаютъ тѣ увеселенія, которыми, какъ мнѣ кажется, красится наша молодость? Отъ чего вы всегда такъ молчаливы? ни съ кѣмъ кажется не дружны; и хотя пріѣзжаете въ собраніе, но не танцуете, стоите все на одномъ мѣстѣ и въ половинѣ бала, говорятъ, уходите спать на шубахъ, въ прихожей; неужели это правда? Вѣдь это Богъ знаетъ какъ странно! Эмилія, невольно усмѣхалась; а я между тѣмъ думалъ: «Но для чегожъ эти дураки называли ее глупою?... Она умна.»

Эмилія, маневрировала со мною, какъ съ дикаремъ, котораго надо исподоволь, не пугая, пріучить къ людямъ, и она такъ хорошо вела свою тактику, что къ концу бала я былъ уже знакомъ съ ея четырьмя сестрами, которыя всѣ были тутъ же, говорилъ съ ними, танцовалъ котильонъ и порывы моей, какимъ то вдохновеніемъ внушенной развязности, сдѣлались не такъ уже смѣшны и неумѣстны; я такъ же сошелся опять съ двумя старыми дѣвицами Аллигурскими, сестрами отца Эмиліи и тоже разговаривалъ съ ними. — Балъ кончился въ шестомъ часу утра и мнѣ ни разу не пришло на мысль пойти спать на шубахъ. — «Послѣ завтра ожидаемъ васъ!» говорили мнѣ басомъ, дискантомъ, альтомъ, и хриповатымъ сопрано, изъ двухъ каретъ Аллигурскаго; къ счастію я удержался отъ послѣдняго доказательства развязности и не прикнулъ во весь голосъ въ слѣдъ отъѣзжающимъ каретамъ: «буду непремѣнно!» но отвѣчалъ одинимъ только поклономъ Эмиліи, которая еще разъ взглянула на меня, когда карета уже двинулась.

Теперь я у цѣли! послѣ завтра буду въ красномъ домѣ.... Однакожъ Эмилія умна и мила! глупцы, сами не знали, что говорили, или этому есть какая-нибудь причина.... говорятъ что Польки столько же и хитры, сколько привлекательны..... Какая красавица Эмилія! сестры ея уступаютъ ей — когда при ней, но безъ нея, думаю, что и ихъ можно назвать тоже красавицами! ... Но гдѣ же шестая сестра? Старый Аллигурскій сказалъ, что у него шесть дочерей; развѣ она еще маленькая, что ее не вывозятъ вмѣстѣ съ другими! послѣ завтра все узнаю. Что однакожъ у нихъ послѣ завтра? имянины, сговоръ, крестины, или просто балъ? я и не спросилъ... ну да чтобъ ни было, что мнѣ до этого? дѣло въ томъ, чтобъ быть въ красномъ домѣ и я буду въ немъ! Сонъ прекратилъ мои размышленія. Утромъ я проснулся очень довольный вчерашнимъ вечеромъ, баломъ, разговоромъ и всѣми Аллигурскими. День этотъ прошелъ, какъ проходятъ обыкновенно дни,

Вечеромъ я долго думалъ, что завтра буду среди всей семьи Аллигурскихъ, что они всѣ очень милы, красивы, умны, ласковы, что старикъ очень добръ, что домъ ихъ стоитъ на берегу, что онъ слишкомъ красенъ, что на него перваго смотрятъ и, — что я не видалъ шестой дочери. Размышляя такъ разумно, а особливо, связно: я заснулъ.

Случайно я былъ встрѣченъ прежде всѣхъ Эмиліею: «Упреждаю васъ, сказала она смѣясь, что я и сестры будемъ на часахъ у печекъ, а въ прихожей не будетъ ни одной шубы, посмотримъ куда вы дѣнетесь отъ такихъ преслѣдованій, а къ довершенію вашего бѣдствія, я избираю васъ своимъ кавалеромъ ровно на восемь танцовъ, изъ которыхъ половина будутъ мазурки. Попались вы намъ теперь, господинъ дикарь, будете помнить во всю жизнь, что такое красной домъ! Идите же, идите! зачѣмъ остановились; вонъ папа идетъ вамъ встрѣчу.» Эмилія упорхнула отъ меня и, въ то время старый Аллигурскій протягивалъ ко мнѣ свою геркулесовскую руку: «Милости прошу, милости прошу! я очень радъ милой, молодой гусаръ! Панны Аллигурскія!! Эмилія! Людовика! Анелю! Теодора!» По мѣрѣ, какъ онъ называлъ имена ихъ, молодыя дѣвицы сходились къ старику и окружали его.

«Вотъ, поручаю его строжайшему надзору вашему! вы отвѣчаете мнѣ за него вашими цвѣтами, жемчугами, ожерельями! Смотрите, чтобъ ни разу не задумался, ни разу не покраснѣлъ и — ни разу не заснулъ!» Старикъ толкнулъ меня легонько въ группу дѣвицъ и пошелъ къ прочимъ гостямъ. «Папинька счастливъ, что ему семьдесять лѣтъ, а то за послѣднее предостереженіе, ему пришлось бы отвѣчать вамъ. Какъ думаете?» — «Не преслѣдуйте меня вдругъ; я теперь ничего не думаю, кромѣ того что я у васъ въ домѣ.» «Да объ этомъ кажется нечего думать. Однакожъ вотъ играютъ экоссезъ, пойдемте, становитесь во фронтъ. Все это говорила Эмилія.... а изъ сестеръ ея одна только сказала другой тихонько, однакожъ я услышалъ: «Не совсѣмъ же легкое порученіе далъ намъ папинька; какова острота; онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ того, что онъ у насъ въ домѣ!» «Ну полно, отвѣчала другая сестра, почему знать, что онъ разумѣлъ подъ этими словами?»

По окончаніи мазурки, я хотѣлъ было пойти въ другой залъ, смотрѣть картины и сказалъ это Эмиліи; но она отвѣчала, что картины разсматриваютъ, когда нѣтъ другаго занятія пріятнѣе, но на балѣ смотрѣть картины!... это я думаю отъ сотворенія міра, вамъ первому пришло въ голову. Нѣтъ, не позволю! я завладѣла вами самовластно, вы мой кавалеръ, и вотъ опять играютъ Краковьякъ, отправляйтесь къ вашему кругу. Послѣ третьяго или четвертаго танца, Эмилія сама повела меня въ длинную, узкую комнату, которая была и картинною галлереею и столовою; она позвала съ собою одну сестру и двухъ кузинъ. «Съ людьми веселѣе, а еслибъ я пустила васъ сюда одного, вы бъ непремѣнно задумались, замѣтались и ушли бы, пожалуй, домой! А вѣдь у меня за васъ въ закладѣ весь жемчугъ, цвѣты и каменья, такъ вашъ побѣгъ обошелся бы мнѣ дорого!

Между фамильными портретами, десяти дюжинъ тетушекъ, бабу-

шекъ, прабабушекъ и еще нѣсколько разъ пра — прабабушекъ, дѣдовъ, прадѣдовъ и тоже безконечное множество пра — прадѣдовъ, въ нарядахъ и любопытныхъ, и смѣшныхъ, и прекрасныхъ, и неуклюжихъ, былъ одинъ, замѣчательнаго безобразія. Онъ изображалъ молодую женщину, которой одѣяніе и украшенія показывали богатство и высокій санъ; но лице ея было столь дурно, такого отвратительнаго цвѣта, что объ немъ, какъ о заколдованномъ яицѣ въ одной русской сказкѣ, можно было сказать: «красно-зелено-синее багровое. Я думаю изобразить подобный цвѣтъ для живописца было гораздо труднѣе, нежели потрафить смѣшеніе розъ и лилей на красивомъ лицѣ; по крайней мѣрѣ и на его мѣстѣ взялъ бы вдвое дороже за такой пестровидный портретъ. Пока мы еще не доходили до этаго изображенія, компанія наша увеличилась, всѣ кому хотѣлось прохладиться немного, послѣ танцевъ, пришли къ намъ; вся эта толпа вѣжливо прошла мимо безобразнаго существа, ни разу не взглянувъ и не обратя на него ни малѣйшаго вниманія, какъ-будто его вовсе тутъ не было. Но я, дикое чадо природы, могъ скрыть своего удивленія, и удержаться отъ вопроса, не умѣстнѣйшаго, какой когда либо выходилъ изъ устъ — гусара — молокососа. — Остановясь, какъ вкопаный, передъ страннымъ портретомъ я воскликнулъ: «Боже мой!... вотъ... Чей это портретъ? но одному только видимому заступленію моего генія-покровителя я не сказалъ за словомъ: «вотъ!» «чудовище!» Все однакожъ вопросъ мой заставилъ толпу нашу покраснѣть, какъ по флигельману, они вдругъ сдѣлались алы, какъ заря, исключая Эмиліи. Несмѣшавшись нисколько, она на вопросъ сдѣланный мною такъ трагически и съ такою сомнительною вставкою, слова: «вотъ»... чей это портретъ? отвѣчала: «мой.»

Было три часа за полночь, когда я расквитался наконецъ съ восьмью танцами, назначенными мнѣ Эмиліею; она просила меня не употребить во зло своей свободы и не спастись бѣгствомъ отъ ужина. «А чтобъ это искушеніе не привязалось къ вамъ неотступно, такъ протанцуйте по разу съ моими сестрами, вѣдь я не дала вамъ времени исполнить эту обязанность. До ужина мы назначили: двѣ кадрили, одну мазурку и одинъ краковякъ, четыре танца. Вотъ и начните: одну кадриль съ Леокадіей, другую съ Ангеликой, мазурку съ Теодорой, а краковякъ съ Людовикой. —

Я молчалъ. Мысль: гдѣ жъ у нихъ шестая сестра? безпокоила меня съ самаго начала бала и не давала нигдѣ мѣста, какъ зубная боль; я когда не танцовалъ, то все слонялся изъ комнаты въ комнату, присматривался и прислушивался, не назоветъ ли кто нашною Аллигурскою — кого нибудь кромѣ тѣхъ дѣвицъ, которыхъ я уже зналъ? — Но нѣтъ! вездѣ говорили: Людовика, Теодора, Леокадія, Ангелика, Эмилія! шестаго имени не слышно! — И такъ я молчалъ и думалъ: Эмилія, сама сосчитала четырехъ сестеръ, — но гдѣ жъ еще одна? Вѣдь самъ Аллигурскій сказалъ, что у него шесть дочерей!

«О чемъ вы опять задумались? что съ вами?»

— Ничего. Я думаю почему вы для пятой вашей сестрицы не назначили мнѣ никакого танца? Я старался сказать это шуточно и усмѣхался; но удивительно, какъ не шло ко мнѣ притворство. Неискренная усмѣшка дала лицу моему такой странный видъ, что Эмилія захохотала. «Такъ вотъ что васъ озабочивало цѣлый вечеръ! а я право думала, что для васъ слишкомъ нова и печальна роль, которую мы заставили васъ играть и что вы обдумываете планъ, какъ бы избавиться отъ нея часами тремя ранѣе. Такъ это вы во весь вечеръ не могли собраться съ духомъ, сдѣлать простой вопросъ о томъ, гдѣ наша шестая сестра?» — Мнѣ казалось это неумѣстнымъ.

Всѣ шутки и насмѣшки Эмиліи были такъ милы, съ такою ласкою и добродушіемъ высказывались, что я не только не досадовалъ; но еще очень былъ доволенъ, что онѣ не истощались и что относились именно ко мнѣ, все улаживалось, какъ то само собою. — Впрочемъ я въ этотъ вечеръ сдѣлалъ большой шагъ впередъ; благодаря неусыпному вниманію Эмиліи, ея веселости, добротѣ, безвреднымъ шуткамъ, невиннымъ насмѣшкамъ. — Я не считалъ уже отчаянною рѣшимостію, перейти черезъ всю залу и выдержать въ продолженіе этого перехода пятьдесятъ взглядовъ; не походилъ на пылающее зарево при каждомъ словѣ, которое долетало до меня въ похвалу моей таліи, мудира, цвѣта сукна, румянца моихъ щекъ, черноты глазъ; и наконецъ удивленію моей неловкости, странной застѣнчивости, вѣчному испугу, внезапной сумазбродной развязности, однимъ словомъ, безчисленнымъ странностямъ. Отъ всего этого я горѣлъ, какъ пожаръ — три дня тому назадъ, а сегодня слегка только краснѣлъ; а надобно признаться, что сегодня я долженъ быть замѣтнѣе, страннѣе: потому что застѣнчивый человѣкъ, неподвижный не такъ смѣшонъ, какъ дѣйствующій. Тогда у него все не въ попадъ и всё на бѣду.

«Сегодня о сестрѣ моей я скажу вамъ только то, говорила Эмилія, переставъ смѣяться, что мы съ нею близнецы, живой портретъ мой; пять лѣтъ тому назадъ не было никакой возможности различить насъ, и наконецъ то, что она никуда невыѣзжаетъ и когда у насъ гости, какъ сегодня, она не выходитъ. Вотъ вамъ докладъ объ ней, покуда вкратцѣ: но когда вы не перепуганы на смерть успѣхами сегоднишняго вечера и найдете въ себѣ довольно мужества продолжать съ нами знакомство, то я, съ согласія папиньки, прошу васъ къ намъ завтра обѣдать запросто. Тогда вы увидите шестую сестру, познакомитесь съ нею, и будете имѣть случай удивляться необычайному сходству нашему; я прибавила бы къ этому, что вы уже видѣли ее, познакомились съ нею, но какъ объяснить: «какъ? когда?» Я не имѣю ни воли, ни времени, такъ оставимъ все до завтра» —

«Эта женщина поклялась свести меня съ ума, и — успѣетъ!.... не доставало только таинственности, ко всѣмъ ея очарованіямъ! Уже она заставила меня говорить, ходить, танцовать, не пугаясь того, что на меня смотрятъ; уже по ея

милости, я не то, что былъ три дня тому назадъ, когда не смѣлъ перейти отъ печи къ дверямъ другой комнаты, потому только, что на ту пору всѣ сидѣли покойно и имѣли досугъ замѣтить мое перехожденіе, какъ будто какой планеты. Сегодня я перешелъ всѣ залы по нѣсколько разъ. — И такъ завтра я обѣдаю здѣсь! завтра увижу шестую сестру — вторую Эмилію! Какъ то ее зовутъ? неужели тоже Эмиліей? Размышленія эти убаюкали меня на тѣхъ креслахъ, на которыхъ оставила меня Эмилія. Я началъ дремать.

«Ахъ, дитя! Ахъ, какое дитя!.... раздалось у самаго моего уха. Такъ восклицала Эмилія; подлѣ нея стоялъ отецъ. — Я взглянулъ на нихъ и опять закрылъ глаза. —

«Ну видитель папинька, до ужина ль ему? Дитя разоспалось!»

— «Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ еще дитя, ему кажется не болѣе семнадцати лѣтъ.» — «А Леокадіи, развѣ болѣе? — Ангелика, Теодора, гораздо еще моложе, да вѣдь не спятъ же на балѣ. Нѣтъ! все это, отъ его смѣшной застѣнчивости »

«Сонъ отъ застѣнчивости! вотъ новость! однако, что же съ нимъ дѣлать?» — «Велѣть заложить карету, разбудить его, спросить гдѣ онъ квартируетъ, и отвезти домой.» — Чѣмъ столько хлопотать, пусть онъ ночуетъ здѣсь. Вели приготовить ему комнату.

— «Какую прикажите папинька!» — Ну хоть ту, что подлѣ спални Розетты. Онѣ кажется раздѣляются капитальною стѣною и дверь заколочена на глухо. Приготовить тамъ постель. —

Я слышалъ, что Эмилія пошла. Старикъ взялъ меня тихонька за руку и потрясъ. «Гусаръ! гусаръ! проснись, тревогу играютъ! — Я всталъ. До слуха моего доходили громкіе звуки экоссеза, изъ котораго былъ сдѣланъ маршъ. Это оживило было мои усыпленныя чувства; но вдругъ кто-то затворилъ плотно обѣ половинки двери: звуки ослабѣли и тихая гармонія ихъ, призвала обратно на веки мои снотворную тяжесть. Болѣе я ничего не помнилъ въ этотъ вечеръ.

По утру, еще не открывая глазъ, я очень удивился; что сдѣлалось съ моей постелью? она такъ мягка, тепла, нѣжна, точно пухъ, атласъ и бархатъ! а вѣдь у меня простой кожанный матрасъ, набитый шерстью. Чтожъ съ нимъ сдѣлалось? отъ чего онъ сталъ такъ хорошъ? — Я водилъ рукою по постели, все еще сквозь сонъ. — «И чѣмъ то я одѣтъ другимъ! Кажется я всегда одѣваюсь или буркою или походною шинелью на ватѣ! Это ни то, ни другое! Что то нѣжное; шелковистое; пуховое!.... Наконецъ я проснулся совсѣмъ, — Сѣрое, ноябрьское утро, тускло освѣщало мою комнату. Видъ ея заставилъ меня проворно и съ изумленіемъ подняться съ постели. Со сна я не вспомнилъ вдругъ вчерашняго бала, такъ что, открывъ глаза, ожидалъ увидѣть то, что видѣлъ каждой день: свою корчму, ея голыя стѣны; закоптелый каминъ, около стѣнъ лавки, нечистыя стекла въ окнахъ, маленькое зеркало, запачканное мухами; таковы были убранства моей квартиры, и я ожидалъ ихъ же встрѣтить и теперь. Однакожъ я скоро вспомнилъ весь прошедшій день. И такъ я вѣрно у радушнаго пана Аллигурскаго! Взглядъ въ окно утвердилъ меня

въ моей догадкѣ. «Вотъ Нѣманъ, вотъ переѣзжаетъ паромъ!.. Такъ точно! я въ красномъ домѣ; какъ я радъ, что такъ скоро и удобно исполнилось мое желаніе, теперь остается увидѣть шестую дочь Аллигурскаго.» — Было еще очень рано, когда я проснулся. Часы на каминѣ показывали шесть. Въ домѣ вѣрно не прежде девяти начнется движеніе; спать мнѣ не хотѣлось; я хотѣлъ бы встать съ постели, но въ комнатѣ было очень холодно, а шинели моей, которая въ этомъ случаѣ замѣнила бы мнѣ шлафрокъ, близь меня не было; ни моего мундира тоже, ни сапоговъ, видно надѣялись, что я буду спать долго. Мнѣ казалось несноснымъ лежать все время въ постелѣ, и вотъ я завернувшись въ пуховое одѣяло, отправился рекогносцировать свою комнату. Она была довольно велика и имѣла три двери изъ которыхъ одна была заколочена: я, смутно припоминалъ себѣ, что то говоренное о заколоченной двери, о Розеттѣ, о капитальной стѣнѣ; стараясь связать все это въ своей памяти, я все таки продолжалъ свой осмотръ, и отворя одну изъ двухъ дверей, противоположныхъ одна другой, вошелъ въ прекрасной маленькій кабинетъ, съ хорошо вытопленнымъ каминомъ и гдѣ было приготовлено все мое гусарское одѣяніе и сверхъ того шлафрокъ богатой матеріи и казанскіе сапоги, великолѣпно вышитые золотомъ. Разумѣется я все это надѣлъ и уже въ новомъ костюмѣ пошелъ осмотрѣть чего еще не видалъ; напримѣръ: куда ведетъ другая дверь; но она была заперта. Любопытство заставило меня посмотрѣть сквозь замочную щелку; но я съ испугомъ отскочилъ прочь; убѣжалъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь.

Что за ужасъ!.... вотъ безпримѣрное несчастіе!... Комната, которую я увидѣлъ сквозь замочное отверстіе, была точно такой же маленькой и красивой кабинетъ, какой занималъ я. У столика, прямо противъ двери, на небольшой кушеткѣ, сидѣла дѣвица, подлинникъ ужаснаго портрета, который Эмилія назвала своимъ. — Я не сомнѣвался что это шестая дочь Аллигурскаго. Невольная грусть овладѣла мною при мысли, что нѣтъ уже и тѣни радости для творенія столь еще юнаго — она двойнишная сестра Эмиліи, стало быть ей только семнадцать лѣтъ; пора щастія — для Розетты верьхъ бѣдствія! —

Когда собрались къ завтраку, я счелъ должнымъ извиниться предъ Аллигурскимъ, что заснулъ на его балѣ. Эмилія, свѣжая какъ роза и веселая какъ жаворонокъ, прервала въ самомъ началѣ мои извиненія. «Не передъ папинькою виноваты вы, господинъ гусаръ, а предо мною, и у меня должны просить прощенія; папинькѣ что до вашей дремоты? а вотъ мнѣ каково было видѣть, что гусаръ-офицеръ, котораго я выбрала себѣ кавалеромъ, заснулъ!.... до этаго времени, я много о себѣ думала. Но вчера, по милости вашей, разочаровалась!»

Полно тебѣ, шалунья, сказалъ старикъ, потрепавъ ее по розовой щекѣ. Да что-жъ нѣтъ Розетты! проснулась она?» — «Давно папинька, но она просила прислать ей чашку шоколада въ ея комнату. Непримѣтный вздохъ, очень понятный мнѣ, поколебалъ широкую грудь стараго отца. Бѣдная

дѣвица стыдилась показаться молодому человѣку постороннему.— Однакожъ я посмотрѣлъ на Эмилію, какъ будто спрашивая: «а какъ же я познакомлюсь съ вашею сестрицею, если она не хочетъ показаться?» — «Вы обѣдаете у насъ, надѣюсь? вчера вы обѣщали.» — Напоминаніе это было отвѣтомъ на мой мысленный вопросъ. Я понялъ, что Розетта выдетъ къ обѣду. —

Завтракъ окончился, старикъ ушелъ въ свой кабинетъ заниматься дѣлами, сказавъ однакожъ мнѣ шутя, что онъ считаетъ меня завоеваніемъ своей Эмиліи, и въ этомъ качествѣ проситъ быть въ его домѣ, какъ въсвоемъ собственномъ. —

«Ну вотъ теперь пойдемте въ галлерею, сказала мнѣ Эмилія, вчера вы не хорошо разсмотрѣли моихъ прабабушекъ. Мы пошли туда двое только, сестры Эмиліи отказались, говоря что и безъ того видятъ ихъ всякой день. Теперь я не останавливался уже предъ ужаснымъ портретомъ нещастной Розетты, но Эмилія сама удержала меня за руку: «Что жъ вы не хотите посмотрѣть, какова я была нѣкогда? Это мое изображеніе; мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ. Эмилія говорила это совсѣмъ не шутя, по видя что я принимаю слова ея за нелѣпую шутку и, во все не слушая, хочу итти далѣе; проворно стала на стулъ, сняла со стѣны портретъ, оборотила его ко мнѣ другою стороною и показала, написанныя на холстѣ слова: «Эмилія Аллигурская, четырнадцати лѣтъ отъ роду,» далѣе, годъ въ которомъ списанъ портретъ. При этомъ свидѣтельствѣ я онѣмѣлъ отъ удивленія и смотрѣлъ безмолвно то на Эмилію, живую,— прелестную какъ весенній цвѣтъ, то на Эмилію писанную, — странную, какъ демонъ — Дѣвица Аллигурская въ торжествѣ отъ моего изумленія, повѣсила портретъ на прежнее мѣсто и предложила мнѣ итти далѣе. Она разсказывала много любопытныхъ подробностей о своихъ предкахъ; о доблести мужчинъ, красотѣ женщинъ, и показывая мнѣ рукою на всѣ женскія лица, говорила: «Посмотрите внимательно на всѣхъ, есть ли хоть одно дурное лицо здѣсь? хоть одно посредственное? Не правда ли, что всѣ до однаго прекрасны? Красотою женщинъ отличался родъ Аллигурскихъ съ давнихъ временъ.» — Я не имѣлъ духа отвѣчать. — Надпись позади портрета совсѣмъ сбила меня съ толку; безпрестанно думая объ этой странности я шелъ молча и машинально подлѣ Эмиліи, которая продолжала весело разсказывать мнѣ анекдоты то объ той бабушкѣ, то объ другой. — «Какъ обойдемъ всю галлерею, я поведу васъ въ библіотеку, она же у насъ и музыкальная зала; тамъ въ это время занимается музыкою Розетта; это та шестая сестра, которую вы такъ хотѣли видѣть. Я познакомлю васъ, но только утверждаю, что она живой портретъ мой.» —

Я вышелъ изъ терпѣнія: «Перестаньте ради Бога! вы меня совсѣмъ сведете съ ума; къ чему эта вѣчная мистификація.... Сестрица не похожа на васъ!» —

»То есть вы видѣли ее сквозь замочную щелку, господинъ гусаръ? Ну вотъ теперь позволяется краснѣть..., да, да! и совѣтую

побольше и подольше, пока придѐмъ въ библіотеку. Не худо съ такимъ прекраснымъ румянцомъ во все лицо, полвиться предъ Розеттою; это удивительно, какъ идетъ для перваго знакомства!«—

Насмѣшница постучала въ дверь библіотеки, не отворяя ее и сказала громко:

»Розетта! я веду къ тебѣ нашего плѣнника, гусара. Можно войти?«.—

Мелодическій голосъ отвѣчалъ: »Очень рада. Приму.« —

— Bon jour mon aimable soeur!... Прелестное существо и гадкій уродъ обнялись съ нѣжностію. —

— Рекомендую тебѣ, милая Розетта, господина поручика Астреева. Жаль, что ты не могла вчера видѣть подъ какимъ неусыпнымъ надзоромъ держали мы лихаго гусара.« —

— До того даже, что усыпили?« —

— „А ты какъ знаешь?“ —

— „Мы были сосѣди по спальнямъ!—

„Да, да, вѣдь я забыла, что мой кавалеръ ночевалъ въ твоей лѣтней-резиденціи.“ —

— „Отъ того то она такъ холодна зимою,“ сказалъ я и тотчасъ испугался, не глупость ли это какая; а какъ у меня ни какое внутреннее чувство неизъявлялось иначе, какъ отчаянною краскою въ лицѣ, то Эмилія тотчасъ указала на меня Розеттѣ.“

— „Вотъ посмотри! и это двѣ тысячи разъ въ день! Папинька говоритъ, что очень бы не худо довести это число только до пяти сотъ.“ —

„Полно тебѣ вѣтренница! я думаю вы ничего болѣе и неслыхали отъ нея во весь вечеръ, кромѣ шутокъ и насмѣшекъ? А впрочемъ, не смотря на это странное расположеніе ума, моя Эмилія ангелъ доброты. —

— »Въ этомъ я похожа на тебя такъ же, какъ и во всемъ другомъ, ты какъ и я игрива, весела, шутлива, не много насмѣшлива; наклонности у насъ одинакія; станъ, ростъ, даже голосъ твой отъ моего отличить нельзя.... Розетта улыбалась.. А я! холодѣлъ и пылалъ попеременно, призывая помощь свыше, чтобъ она заградила безумныя уста, пока они не произнесли словъ роковыхъ для меня. Нѣтъ! туча нашла и разразилась надо мною: —

— «Ну, неправду ли я говорю, Пане Астреевъ? неправдаль, что Розетта, какъ двѣ капли воды похожа на меня?»

Я блѣднѣлъ, краснѣлъ, желтѣлъ, зеленѣлъ, багровѣлъ, голубѣлъ; однимъ словомъ, казалось, что бѣдное лице мое, какъ хамелеонъ отражаетъ всѣ цвѣты турецкой шали Эмиліи. Я отъ всего сердца желалъ быть или на версту подъ землею или на тысячу отъ обѣихъ сестеръ! возможноль сдѣлать такой адской вопросъ, въ глаза! при ней! Это уже переходитъ предѣлы шутки, это обида! злость! и Эмилія, этотъ Ангелъ доброты, какъ назвала ее бѣдная Розетта, рѣшилась такъ оскорбить несчастную? и какъ дерзка эта глупая шутка въ отношеніи ко мнѣ? Какъ безсовѣстно ставить меня въ такое затруднительное положеніе! Мысли эти какъ молнія пролетѣли въ умѣ моемъ и я могъ бы не задерживая разговора отвѣчать на вопросъ Эмиліи, еслибъ на подобный вопросъ могъ существовать отвѣтъ; но какъ его не могло быть то я молчалъ, не смѣя под-

нять глазъ, и какъ сказано, мѣнялся безпрестанно въ лицѣ.

— «Да взгляните же на насъ, хоть для того, чтобъ видѣть, какъ неодобрительно Розетта, качаетъ головою на меня.» —

— «Сестра какъ разшутится, такъ иногда переходитъ мѣру. Ничего нѣтъ натуральнѣе, что вопросъ ея привелъ васъ въ замѣшательство; однакожъ она была права. Мы точно похожи съ нею, какъ нельзя болѣе — были. Сходство это осталось и теперь но у меня оно таится подъ безобразіемъ. — Видѣли вы портретъ въ галлереи? Теперь онъ изображаетъ меня, но рисованъ былъ съ Эмиліи.»

Я думалъ, что объ сестры въ заговорѣ; что онѣ добиваются до моего мозга, что имъ захотѣлось довесть меня до сумасшествія Но я тотчасъ оставилъ свои смѣшныя заключенія, когда добродушная Розетта, взяла меня за руку и посадивъ подлѣ себя на диванѣ, сказала кроткимъ и пріятнѣйшимъ голосомъ:

— «Исторія сходства моего съ Эмиліею и послѣ совершенной розницы, очень грустна; но чтобъ объяснить вамъ возможность этаго случая, я расскажу ее.

Мать наша, произведя насъ на свѣтъ, сама въ тотъ же день отошла къ лучшему міру. Рожденіе наше было причиною ея смерти Мы остались сиротами! покрайности, я такъ думаю: дѣвочка безъ матери всегда сирота. Черезъ годъ отецъ женился на дѣвицѣ прекрасной, богатой, злой до нестерпимости, гордой и капризной! Разумѣется три послѣднія достоинства выказались послѣ замужества, въ дѣвицахъ она была образецъ кротости и доброты. Къ концу года она родила дочь; намъ обѣимъ минуло уже по два; прекрасная мачиха поработила себѣ волю отца нашего, онъ отдалъ ей въ полное управленіе домъ, людей и насъ. Нельзя сказать, чтобъ батюшка не любилъ насъ, нѣтъ, онъ былъ всегда очень нѣженъ съ нами, но какъ все его время поглощали дѣла по его мѣсту и заботы по хозяйству въ имѣніи, то онъ и положился въ разсужденіи нашего воспитанія и присмотра на доброе сердце своей милой Лiонетты. —

Овладѣвъ волею мужа, мачиха не полагала уже никакихъ границъ власти своей въ домѣ. Насъ, какъ дѣвчонокъ рѣзвыхъ, крикливыхъ, безпокойныхъ, отослали въ отдаленный флигель, занимаемый служителями, и отдали подъ надзоръ одной изъ женщинъ, назначенныхъ для грубыхъ работъ на заднемъ дворѣ... Въ этомъ мѣстѣ разсказа, веселая Эмилія положила голову на плечо сестры своей и крупныя слезы закрутились въ прекрасныхъ глазахъ ея. Вся моя робость и застѣнчивость изчезли при этомъ видѣ. Я посмотрѣлъ на Роззетту съ искреннимъ участіемъ и безобразіе ея показалось мнѣ сноснымъ. —

«Въ этомъ флигилѣ протекли годы нашего дѣтства. Злая и грубая нянька обходилась съ нами сурово и нисколько не заботилась, чтобъ мы имѣли покойную постель, теплую комнату, чистое бѣлье! Намъ обыкновенно присылали обѣдъ въ нашу комнату, нянька съѣдала его весь, а намъ давала свой; изрѣдка водили насъ къ отцу, но мы привыкли къ грубому товариществу дѣтей нашихъ слугъ и запуганные жестокосердою нянькою, были дики, пасмур-

ны, имѣли странныя ухватки; мачиха при насъ говорила отцу, что у насъ оказываются чрезвычайно дурныя наклонности, что мы упрямы до неимовѣрности, что ласка нисколько на насъ не дѣйствуетъ! «Вотъ, слышите, говорилъ намъ отецъ, не стыдно это вамъ? Если будете упрямится я не буду любить васъ.» — Насъ уводили обратно въ нашу конуру, иначе нельзя назвать комнаты, которую лѣность и несмотреніе нашей няньки сдѣлали похожею на клевъ.

Отъ дурной пищи, нечистоты, холода мучительнаго зимою, невыносимой духоты лѣтомъ, и наконецъ отъ игранья съ больными лакейскими дѣвчонками, на лицѣ у насъ появилась какая-то странная сыпь. Еслибъ взяли мѣры перевесть насъ въ другое мѣсто, отдалить отъ негоднаго товарищества и наблюдать болѣе чистоты, то конечно это неважное зло скоро бы уничтожилось, но этаго ничего не сдѣлали. Папинька спросилъ раза два: «Что это у нихъ на лицѣ?» — Мачиха отвѣчала, что это извѣстная сыпь, которую называютъ: летучій огонь, что она всегда проходитъ сама собою или вылечивается самымъ простымъ средствомъ, — её присыпаютъ горячею золою.

Сыпь съ каждымъ днемъ дѣлалась больше, краснѣе, отъ благоразумнаго простонароднаго средства, которое мачиха приказала нашей нянькѣ употреблять для согнанія сыпи, она превратилась во все, во что можетъ превратится испорченная подкожная кровь, прижигаемая каждый день гадкою, нечистою, горячею золою. Мы сдѣлались чудовищами! а надобно вамъ сказать, что пока мы не попались подъ власть скотницы и жили въ большомъ домѣ съ нянькою, приставленною къ намъ, насъ цитали очень красивыми дѣтьми и часто называли двумя амурчиками. Разительное сходство наше также служило предметомъ удивленія; но кажется сама природа заботилась, чтобъ насъ можно было распознать одну отъ другой, потому что каждой изъ насъ дала по родимому пятну за ухомъ. У Эмиліи за правымъ, у меня за лѣвымъ. Послѣ уже не было надобности въ нихъ, мы были два маленькія олицетворенныя безобразія. Къ шести лѣтамъ нашего возраста накожная болѣзнь, сперва столь маловажная, мало по малу превратилась въ бугры и наросты всякаго вида и цвѣта. Отецъ пришелъ въ ужасъ и отчаяніе; до сего времени мачиха обнадеживала его, что насъ лечатъ.

— «Это не можетъ быть такъ скоро, говорила она, но вотъ настанетъ весна, онѣ будутъ пить соки, купаться, дѣлать больше движенія и постепенно пройдетъ, если не въ одну весну, такъ въ другую все непремѣнно кончится.» —

Говоря, что насъ лечатъ, мачиха говорила правду, она сама испугалась нашего вида, и намъ точно давали лекарства, велѣли пить очистительную воду и гулять болѣе въ саду; но какъ за всѣмъ этимъ присмотръ имѣла все таже скотница, которую мачиха пожаловала въ няньки, то леченье оставалось безъ успѣха. Соки выливались за окно, потому что они казались намъ противными, ванны для насъ не дѣлались никогда, и

даже въ жары намъ не давала купаться наша лѣнивая надзирательница, говоря: «Ну куда вы побѣжите въ такой жаръ! не надобно!» —А рѣка однакожъ протекала чрезъ нашъ садъ и до нея было не болѣе версты. Слѣдствіемъ всего этаго было, что зло укоренилось прочно и никакія уже средства не могли пособить. Мы наводили ужасъ на всякаго, кто только видѣлъ насъ. —

Такъ достигли мы четырнадцати лѣтъ. Отецъ нашъ, разочаровался наконецъ и увидѣлъ мачиху такою, какъ она была въ самомъ дѣлѣ, женщиною дурнаго сердца и недальнаго ума. Горькое сожалѣніе, что ввѣрилъ ей бѣдныхъ дѣтей своихъ, примѣшивалось ко всему. Вмѣсто ласковыхъ словъ отъ мужа, Ліонетта слышала одни только упреки. Онъ приказалъ строго, чтобъ для насъ были очищены комнаты нашей матери, и чтобъ для услугъ намъ назначили по двѣ женщины, изъ горничныхъ. И вотъ жизнь наша перемѣнилась; мы были уже не чумички, не дѣвчонки запуганныя, запачканныя! мы были барышни, благородныя дѣвицы — ужасно только безобразныя.

Но всѣ выгоды, которыя во множествѣ доставлялъ намъ опечаленный отецъ нашъ, пришли поздно; не только видъ нашъ оставался одинаковымъ, но еще и наклонности наши требовали неусыпнаго исправленія. На примѣръ обѣ мы были ужасно жадны, я думаю отъ того, что скотница морила насъ голодомъ, и намъ всякой лакомый кусокъ казался такъ соблазнительнымъ, что мы только о томъ и думали, какъбы овладѣть имъ и упрятать въ свой желудокъ. Для подобнаго успѣха не были мы разборчивы въ средствахъ: то есть мы готовы были унесть тихонько, что намъ нравилось; сверхъ того мы всѣхъ боялись трепетали, услыша голосъ мачихи, и прятались, когда входилъ къ намъ отецъ. —

Наконецъ вѣтренная и жестокосердая мачиха наша получила должную награду виновныхъ поступковъ своихъ съ нами. Отецъ, потерявъ надежду возвратить намъ видъ, покрайности хоть человѣческій, возненавидѣлъ ее; кончились угожденія, подарки, праздники, выѣзды въ пышномъ экипажѣ, наряды, балы; все миновалось навсегда! — Блистательная нѣкогда Ліонетта вела теперь затворническую жизнь. Отецъ нашъ строго приказалъ ей жить въ такомъ же точно отчужденіи отъ свѣта, на какое она осудила насъ въ слѣдствіе своего безчеловѣчнаго угнетенія. —

Тогда то отецъ приказалъ снять портретъ съ Эмиліи, заботясь неусыпно, чтобъ онъ былъ совершенно похожъ, чтобъ ни одно изъ страшныхъ безобразій не было смягчено, и отнесъ его самъ въ комнату мачихи, говоря: «что дастъ ей товарища для развлеченія; что видъ этаго портрета будетъ услаждать грустныя воспоминанія о потерѣ утѣхъ и радостей жизни, къ которымъ она была такъ жадна, что даже отняла у другихъ это благо, хотя и безъ пользы для себя.» Послѣ этой утѣшительной рѣчи портретъ былъ повѣшенъ на стѣнѣ, прямо противъ кровати мачихи, чтобъ первый взоръ ея встрѣчалъ бѣдное существо, отъ нея лишенное почти образа человѣческаго!

Въ это время случилось происшествіе, отъ котораго портретъ Эмиліи сдѣлался моимъ портретомъ. Я уже сказала вамъ, что мы обѣ были... какъ бы это выразить... то есть не голодны, а только намъ всегда хотѣлось ѣсть, и все что нибудь очень хорошее, напримѣръ, пирожное съ вареньемъ, плоды! Мы все еще не могли насытиться тѣмъ, на что только смотрѣли въ продолженіи столькихъ лѣтъ, — вы уже знаете что обѣдъ и ужинъ нашъ съѣдала нянька-скотница. И такъ, голодая именно въ томъ возрастѣ, въ которомъ всегда имѣютъ хорошій аппетитъ, мы сдѣлались, когда уже избавились невольнаго поста .. сдѣлались»...

— Сдѣлались обжорливы, сказала Эмилія, видя что сестра ея не знаетъ, какъ выразиться. — «Обжорливы, въ настоящемъ смыслѣ этаго слова. Позволь мнѣ досказать исторію грустнаго дѣтства нашего. Остальное касается уже до одной меня.» Розетта поцѣловала сестру и предоставила ей кончить разсказъ.

«Васъ можетъ быть удивляетъ, что мы были обжорливы тогда какъ намъ давали обѣдать и ужинать, за столомъ отцовскимъ? Но сестра объяснила вамъ, что мы были загнаны, запуганы, всего боялись: мы не смѣли пошевелиться въ присутствіи отца, хоть онъ старался всѣми возможными ласками ободрить насъ; и какъ намъ ни хотѣлось еще какого куска, но мы и подумать не смѣли попросить: разумѣется что намъ накладывались порціи небольшія, какъ дѣвицамъ нѣжнымъ, деликатнымъ, только что выходящимъ изъ дѣтства; отецъ не зналъ что мы до десяти лѣтъ ѣли одинъ хлѣбъ, горохъ, брюкву и что часто кушанье это было заплесневѣлое, воду пили всегда почти тухлую; онъ этаго не зналъ, и потому кормилъ такъ, какъ надобно было кормить дѣтей, смертельно выголодавшихъ — по нѣсколько разъ въ день. — Мы завтракали, обѣдали и ужинали очень умѣренно, остальное время дня хотѣли ѣсть ужасно и когда находили лакомый кусочикъ, для кого нибудь оставленный, тотчасъ его tout bonnement крали и съѣдали. —

Отецъ заботливо старался о нашемъ воспитаніи, а особливо о томъ, чтобъ мы въ совершенствѣ знали тѣ изящныя искусства, которыя даютъ блескъ юности и утѣху старости, сокращаютъ время, услаждаютъ горести, прогоняютъ скуку и приличны всякому возрасту. Мы исключительно занимались музыкою и рисованьемъ. Четыре часа въ сутки посвящались на ученье, остальное время было все наше и мы могли дѣлать, что хотѣли и гулять сколько намъ было угодно. Папинькѣ, какъ мущинѣ, и въ голову не входило велѣть учить насъ какому рукодѣлью. И такъ лѣтомъ, мы все свободное время проводили въ саду и всегда только двое. Надзирательница наша, женщина простая, добрая, считая что мы уже не маленькія дѣти и можемъ безопасно ходить одни въ саду, который при домѣ, оставалась покойно въ своей комнатѣ. Къ саду, въ которомъ обыкновенно прогуливались, примыкалъ другой, фруктовой; онъ отдѣлялся отъ перваго широкимъ и глубокимъ рвомъ и рядомъ терновыхъ кустовъ, посаженныхъ по краямъ его.

Въ тотъ роковый день, въ который я по *необходимости* должна была потерять сходство съ сестрою; уроки наши продолжались полтора часа сверхъ назначеннаго времени и чрезъ то мы не успѣли притти къ завтраку; за обѣдомъ папинька былъ пасмуренъ, мало ѣлъ и поминутно спрашивалъ слугъ, съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ: «Ну что, все уже?» — Мы встали изъ за стола смертельно голодныя. — Отецъ тотчасъ же куда то уѣхалъ, а мы не весело пошли бродить по саду. — Подошедъ къ необоримой преградѣ, отдѣляющей отъ насъ фруктовый садъ; мы остановились на краю рва и не могли отвесть глазъ отъ прекрасныхъ наливныхъ яблокъ; величины необыкновенной. Выдумка о Гесперидахъ осуществилась въ глазахъ нашихъ. Вотъ они! Эти яблоки, дающія столько благъ, и вотъ змѣй, гораздо неумолимѣе баснословнаго, это цѣпь терновыхъ кустовъ! Мы стояли, смотрѣли, думали, выдумывали и наконецъ выдумали — опустится въ ровъ и поискать, не найдемъ ли какой лазейки, при самыхъ корняхъ терновника? Изобрѣтательность ума нашего наградилась успѣхомъ, мы нашли кустъ, начавшій сохнуть; подъ его сплошными вѣтвями было много пустаго мѣста, чрезъ которое мы тотчасъ же, нисколько не раздумывая, пролѣзли и, прыгая отъ радости, какъ лишившіяся разсудка, пустились бѣгомъ къ яблонямъ. — «Которую выбрать? съ которой рвать плоды? мы думали, что только за этимъ и дѣло станетъ, которой изъ нихъ отдать преимущество! Но не такъ было въ сущности: яблони были высоки и снизу подчищены, влѣзть невозможно сколько ни искали мы какой нибудь палки, которою можнобъ было сбивать яблоки, не нашли. Намъ приходилось назвать ихъ, какъ лисицѣ виноградъ — не вкусными.-Мы съ сожалѣніемъ смотрѣли на прелестные краснобокіе плоды и съ безпокойствомъпробѣгали все пространство, отыскивая чего нибудь, чтобы могло сблизить насъ съ предметомъ нашихъ желаній, съ плѣнительными яблоками. — Вдругъ радостный крикъ Розетты, заставилъ меня броситься къ ней съ быстротою стрѣлы: —

— «Эмилія! Эмилія! посмотри, какое счастіе! иди скорѣе! пособи!»

Розетта силилась поднять длинную лѣстницу, положенную у стѣны, чрезвычайно высокой, нарочно выведенной до такой вышины, чтобъ ею защитить деревья отъ суровости сѣверныхъ вѣтровъ; за нею былъ скотный дворъ и службы, гдѣ жили люди для черныхъ работъ. Общими силами стащили мы лѣстницу и принесли ее подъ яблони, выбравъ ту, у которой плоды росли на самыхъ верхнихъ вѣтвяхъ и слѣдовательно были спѣлѣе другихъ. Мы приставили свою лѣстницу и я влѣзла по ней до самой верхушки дерева. Розетта стояла внизу, приготовляя свой фартучекъ къ принятію, яблокъ. — И вотъ я съ радостнымъ біеніемъ сердца протягиваю руку, осязаю гладкое, большое яблоко, тяну его, чтобъ оторвать — въ эту минуту, лѣстница худо приставленная, катится въ сторону, валится; задѣваетъ Розетту по головѣ, сестра вскрикиваетъ пронзительно и безъ чувствъ падаетъ на траву у подошвы дерева, на которомъ я осталась сидящею на самыхъ его верхнихъ вѣтвяхъ! Плача горько, спу-

стилась я по яблонѣ, сколько могла ниже, и звала Розетту. Кричать и призывать на помощь, я не смѣла и думать; сойти на землю не было средства, дерево съ низу подчищено и очень высоко, вѣтьви начинаются только съ половины его и оно одно изъ самыхъ большихъ; скачокъ внизъ такъ былъ опасенъ, и мнѣ казался страшнѣе левкадскаго. Однакожъ *необходимо* надобно сдѣлать его, потому что въ эту часть сада никто неходилъ во все время созрѣванія плодовъ. Даже и садовникъ осматривалъ ихъ только съ наружной стороны рва и то въ недѣлю раза два. Высокая стѣна не допустила бы услышать моего призыва, еслибъ я и осмѣлилась кричать. Сестра была блѣдна, какъ полотно и лежала, не показывая нималѣйшаго признака жизни! что мнѣ оставалось дѣлать! Рыдая ухватилась я за послѣдній сукъ яблони, спустилась; повисла на рукахъ, оборвалась и — упала внизъ лицемъ прямо въ густой кустъ крапивы... видно вопль мой и сестры былъ такъ силенъ, что перешелъ высокую стѣну, потому что къ намъ прибѣжали почти всѣ люди нашего дома. — Насъ отнесли въ комнату. Ушибъ Розетты не имѣлъ важныхъ послѣдствій, и ее вылечили холодными примочками; но не то было со мною. Болѣе шести мѣсяцевъ отецъ мой не зналъ, будуль я имѣть хоть какія нибудь черты, показывающія, что я все таки человѣкъ, а не звѣрь какой неслыханный! я во все это время лежала въ постелѣ; не могла пошевелить головой безъ мучительной боли на лицѣ. Не буду входить въ подробности леченія: самыя веселыя минуты мои отравляются его воспоминаніемъ, муки мои были не выразимы: еще такіе шесть мѣсяцовъ и я съ воплемъ отчаянія умоляла бы о смерти. — Но Богъ сжалился надо мною; въ концѣ седьмаго мѣсяца, толстая кора на лицѣ моемъ, начала отдѣлятся частями; я не могла видѣть себя; все лицо мое было обвязано и облѣплено пластырями; сверхъ того у насъ въ комнатахъ не ставили зеркалъ; окна закрывались плотными занавѣсами, такъ, что и Розетта не могла явственно видѣть, что дѣлается съ моимъ лицемъ. — Кора продолжала отставать медленно, по немногу. Лекарь пріѣзжалъ три раза въ день и прикладывалъ къ лицу моему примочку, отъ которой я чувствовала какую то облегчающую свѣжесть на кожѣ. Къ половинѣ осьмаго мѣсяца, кора сошла совсѣмъ, а къ концу я увидѣла себя въ зеркалѣ такою, какъ вы меня видите теперь. Я сдѣлалась хороша отъ необходимости, она возвратила мнѣ, мой прежній видъ, такимъ средствомъ, на которое никогда не моглобъ быть моей доброй воли.

Послѣ этаго произшествія, мы съ сестрою, какъ то перемѣнились въ свойствахъ. Перестали съ жадностію слѣдить глазами за всѣмъ съѣстнымъ и лакомымъ Прилежнѣе занимались тѣмъ, чему насъ учили и переняли у меньшихъ сестеръ всѣ рукодѣлья женскія.—Моя милая Розетта, превзошла меня далеко во всѣхъ искусствахъ; потому, что отецъ приведенный въ восторгъ чудесною перемѣною лица моего, началъ вывозить меня на балы, въ собранія, концерты, на гулянья, однимъ словомъ всюду; сначала я не охотно разставалась съ Розеттою и даже скучала на балахъ, представляя себѣ одиночество бѣдной сестры моей; но

какъ по возвращенiи я всегда заставала ее веселою, одинаково ласковою, милою, доброю, то привыкнувъ думать, что она нескучаетъ; я отдалась влеченiю молодаго сердца и радостно кружилась въ вихрѣ безпрерывныхъ забавъ. —

Мачиха наша — надобножъ сказать объ ней слова два, чтобъ она не осталась въ мнѣнiи вашемъ въ томъ невыгодномъ свѣтѣ, какой бросила на нее эта исторiя. Мачиха въ невольномъ уединенiи своемъ имѣла время вникнуть во все, что было дурнаго въ ея поступкахъ съ нами. Безмолвный укоръ былъ день и ночь предъ ея глазами. — Отецъ постарался приказать вдѣлать мой портретъ въ стѣну такъ, чтобъ его нельзя было ни снять, ни закрыть. И сверхъ этаго онъ самъ всякой день наблюдалъ за неприкосновенностiю ужаснаго изображенiя.

Въ одинъ день отецъ пришелъ къ Лiонеттѣ въ такое время, когда она немогла его ожидать. Дверь ея отворялась тихо, полъ былъ устланъ коврами Отецъ подошелъ къ дверямъ спальни не слышимо, отворилъ ихъ и зрѣлище, которое встрѣтилъ взоръ его, въ одну секунду примирило его съ женою. Мачиха стояла предъ портретомъ, простирала къ нему руки и слезы ручьями катились по лицу ея. Она говорила плача: «несчастная! какiя жертвы, какое раскаянiе можетъ загладить подобную обиду!...

Отецъ прервалъ эти изъявленiя горести, обнявъ плачущую жену, онъ прижалъ ее къ груди своей и въ тужъ минуту приказалъ отнесть мой потртретъ въ галлерею. Мачиха использовалась возвращенною свободою; она продолжаетъ и теперь вести родъ жизни, съ которымъ свыклась. Большую часть своего времени посвящаетъ чтенiю, остальное проводитъ съ дочерьми, но никогда съ нами, и если батюшка говоритъ ей объ этомъ отчужденiи; она отвѣчаетъ всегда со слезами: » Не требуй отъ меня, чтобъ я ихъ видѣла часто, видъ ихъ убиваетъ меня. Красота одной столькожъ для меня мучительна, какъ и видъ другой. Я думаю тогда: «Вотъ какова была бы и Розетта, еслибъ я для бѣдныхъ сиротъ была чѣмъ должно, а не чудовищемъ въ образѣ человѣческомъ!... нѣтъ! нѣтъ! не могу видѣть ихъ. »

Разсказъ Эмiлiи кончился. Онъ довершилъ мое преобразованiе; я такъ много чувствовалъ въ продолженiи этаго повѣствованiя, такъ много видѣлъ чувства въ самой Эмiлiи, столько замѣчалъ кротости и покорности своему жребiю въ Розеттѣ, что въ одинъ часъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ бы мнѣ должно быть и прежде; то есть: человѣкомъ, способнымъ чувствовать и говорить.

Съ этаго дня я сдѣлался ежедневнымъ гостемъ Аллигурскихъ, а постепенно ловкимъ, веселымъ гусаромъ, лихимъ наѣздникомъ, отличнымъ стрѣлкомъ, танцовалъ, какъ Вестрисъ; былъ образцомъ подражанiя для молодыхъ поляковъ и цѣлью молнiй черныхъ и голубыхъ глазъ, прелестнѣйшихъ полекъ.

Четыре года стояли мы на однихъ квартирахъ. Случалось иногда уходить на мѣсяцъ, два и три, куда нибудь недалеко, для того чтобъ лошади наши съѣли, давно заготовленный овесъ, но кончивъ свое дѣло, мы опять возвращались.

Мнѣ минуло двадцать два года и угадайте господа, чѣмъ кончилась стоянка моя въ Гроднѣ?

— «Я думаю, вашею женитьбою, Полковникъ; на прелестной Эмиліи.» —

— «Вы угадали въ половину. Я женился на Розеттѣ.»

— «Какъ! возможноли! Извините полковникъ... развѣ и она упала въ траву?»

Послѣдній вопросъ сдѣлалъ, недавно опредѣлившійся офицеръ лѣтъ шестнадцати и который, говоря всегда, что думаетъ, спрашивалъ иногда не впопадъ; впрочемъ слухъ носился, что онъ дѣлаетъ это съ умысломъ, а старикъ полковникъ былъ въ этомъ даже и увѣренъ. Онъ взялъ его легонько за ухо: —

— «Съ уваженіемъ шалунъ, съ уваженіемъ! Это моя старушка, твоя добрая полковница, которая снабжаетъ тебя такими огромными, сдобными пирогами всякой разъ, какъ ты отправляешся въ караулъ.» —

«Въ этомъ случаѣ полковникъ и я подставлю вамъ свое ухо, сдѣлайте съ нимъ что вамъ угодно, но только скажите, отъ чего вы предпочли Розетту всѣмъ другимъ ея сестрамъ? а особливо прекрасной Эмиліи?»

«Странный вопросъ! отъ того, что любилъ ее.»

— «Любили! были влюблены! въ такую наружность!»

— «Да кто вамъ говоритъ, что влюбленъ? Это пустое слово. Я любилъ ее!.. сильнѣе этаго выраженія не знаю, но чувствую его и теперь, чувствую въ глубинѣ души своей! Да; я любилъ Розетту, кроткую, невинную, добрую, ангельски-терпѣливою и покорную!... любилъ!... съ каждымъ днемъ узнавая ея прекрасную душу, я привыкъ къ ея лицу и мнѣ иногда казалось, что добродѣтель ея разливается на немъ миловидностію и красотою... подъ ея страшнымъ безобразіемъ я открылъ сходство съ Эмиліею, первою красавицею въ Гроднѣ и даже мнѣ казалось, что еслибъ съ нею случилось несчастіе, по необходимости лишиться гадкой коры на лицѣ, то она была бы милѣе сестры. Столько я усматривалъ прекраснаго въ ея искаженныхъ чертахъ... ну однимъ словомъ Розетта была необходима для моего счастія! Я сдѣлалъ предложеніе, Аллигурскій со слезами прижалъ меня къ сердцу, и называя милымъ, неоцѣненнымъ сыномъ, отвелъ самъ въ комнату Розетты; онъ соединилъ руки наши, неимѣя силъ говорить, отъ избытка чувства. Послѣ Розетта сказала мнѣ, что онъ пошелъ къ своей Ліонеттѣ и тамъ къ ея изумленію они долго плакали.

По прошествіи года я получилъ мою награду. Розетта родила сына и примѣтно стала лучше. Еще черезъ годъ, я имѣлъ случай прожить мѣсяца два на водахъ, гдѣ жена моя опять родила сына и когда оправилась; я привезъ свою Розетту обратно въ Россію, уже красавицею: дѣти и воды произвели одинакое дѣйствіе съ крапивою, только безъ тѣхъ продолжительныхъ мукъ, какія вытерпѣла бѣдная Эмилія. —

*Александровъ-Дурова.*

# СМѢСЬ.

## ТЕНОРЪ КОНТИ.

С. Петербургская, русская опера сдѣлала весьма пріятное пріобрѣтеніе: на дняхъ дебютировалъ новый теноръ Г. *Конти*, въ операхъ Морлакки: *Теобальдъ и Изолина*. Г. *Конти* владѣетъ всѣми нужными качествами для хорошаго тенора: звучнымъ, пріятнымъ голосомъ; онъ хорошо знакомъ съ новою школою пѣнія, умѣетъ располагать своими средствами и употребляетъ ихъ съ эфектомъ. Онъ выполнилъ партію и роль свою съ отчетливостію и ловкостью, какъ пѣвецъ и актеръ, что весьма много значитъ — для перваго дебюта. Мы замѣтили одинъ маленькій недостатокъ въ пѣніи дебютанта: голосъ его показался намъ недовольно гибкимъ — и въ партіяхъ цвѣтистыхъ, въ колоритурахъ, едвали онъ можетъ брызнуть мелкимъ каскадомъ вверьхъ и опуститься внизъ жемчужнымъ ожерельемъ, какъ этого требуетъ чисто италіянское пѣніе. Впрочемъ по роли Теобальда, нельзя судить пѣвца: безцвѣтность оперы Марлакки трудно одушевить даже огромнымъ талантомъ. Мы надѣемся услышать Г. *Конти* въ другихъ операхъ и напередъ увѣрены, что въ партіяхъ *плавныхъ* онъ будетъ превосходенъ. За это ручаются намъ и сила его голоса и хорошая манера выраженія музыкальнаго. Какъ иностранецъ, Г. *Конти*, не довольно чисто произноситъ русскія слава, но за это упрекать артиста нельзя, отъ такаго порока онъ будетъ исправляться съ каждымъ днемъ. Желаемъ ему возможнаго успѣха, ибо въ немъ предвидимъ собственное наслажденіе.

## К. А. КАВОСЪ.

(*Некрологъ.*)

Имя *Кавоса* занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русскаго искусства. Въ продолженіи слишкомъ тридцати лѣтъ К. А. Кавосъ завѣдывалъ музыкальною частью нашего театра, съ самою пламенною страстью къ своему дѣлу. Его усиліямъ и стараніямъ обязаны наша опера и наши оркестры настоящимъ своимъ устройствомъ. Всѣ молодые таланты, занимающіе нынѣ почетныя мѣста на оперной сценѣ развились и образовались

подъ дѣятельнымъ руководствомъ Кавоса. Онъ помогалъ имъ своими знаніями, совѣтомъ, уроками. Терпѣніе Кавоса было неутомимо и надо было видѣть восторгъ старика, когда послѣ долгихъ трудовъ, его питомецъ пожиналъ рукоплесканія, или большая опера, поставленная имъ на сцену, шла стройно, согласно и производила, напередъ расчитанный, эфектъ. За пульпитромъ оркестра, Кавосъ превращался весь въ огонь: Публика наша часто имѣла случай видѣть, какъ его магическій жезлъ плавалъ во всѣ стороны, какъ руки усмиряли и вновь подымали бури оркестра, усиливали или обуздывали порывы хоровъ, а быстрые глаза бросали огненные взоры то на сцену, то на музыкантовъ и, казалось, хотѣли одушевить ихъ своимъ вдохновеніемъ. Кавосъ любилъ музыку больше всего на свѣтѣ. Съ юношескихъ лѣтъ предался онъ ей всею душею и неизмѣнилъ возлюбленной до старости. За то, какъ славно изучилъ онъ глубочайшія тайны всего существа ея, какъ примѣнился онъ къ малѣйшимъ ея капризамъ, какъ ловко умѣлъ онъ пользоваться ея мелодическими вдохновеніями. Онъ много писалъ, и кромѣ мелкихъ музыкальныхъ трудовъ, которые остались тайною, доступною только нашимъ оркестрамъ, онъ оставилъ по себѣ прекрасный памятникъ: первую большую русскую оперу — *Иванъ Сусанинъ*. Теперь, можетъ быть, *Жизнь за Царя* — М. И. Глинки, вытѣснила на время изъ памяти публики прекрасную партитуру *Ивана Сусанина*, но истинные поклонники искусства всегда отдадутъ должную справедливость отчетливой, граціозной, чисто русской музыкѣ оперы Кавоса. Изъ другихъ оперъ его сочиненія отличается своей отчетливостію, пріятнымъ и вмѣстѣ ученымъ расположеніемъ партій, обиліемъ мелодій, опера: *Вавилонскія развалины*. Но почему-же ихъ не даютъ нынѣ? спросятъ многіе. По самой простой причинѣ: онѣ писаны совсѣмъ въ иную музыкальную эпоху. Опера приняла съ тѣхъ поръ совершенно новое направленіе, въ самомъ пѣніи измѣнился методъ, труды Г. Кавоса нынѣ назвали бы *старинною*; но, не не мѣнѣе того красоты его музыки остались неизмѣнными и отдѣльно отъ цѣлаго созданія, еще долго будутъ служить источникомъ истиннаго музыкальнаго наслажденія. Кромѣ оперъ, Кавосъ написалъ много увертюръ, кантатъ, торжественныхъ гимновъ, пѣсенъ, романсовъ, куплетовъ, изъ которыхъ только весьма немногіе носятъ на себѣ имя своего компаниста. Кавосъ оказалъ намъ еще большую заслугу: онъ умѣлъ лелѣять и развивать сѣмена таланта въ театральномъ училищѣ. Его заботами и стараніями выведены на сцену I^а-жи *Петрова-Воробьева и Степанова* и такъ блистательно начали свое музыкальное поприще. Безъ устали и скуки просиживалъ онъ за роялемъ, проходя съ каждымъ артистомъ его партію, до тѣхъ поръ, пока находилъ его твердымъ и тогда только пускалъ въ общій ансамбель. — Въ концѣ прошлаго года внезапная болѣзнь заставила Кавоса на время оставить обычный кругъ своихъ занятій. Г. Келлеръ принялъ пока управленіе оркестрами и дирекцію оперы, въ ожиданіи выздоровленія маэстра. Но болѣзнь Кавоса должна была отозвать его навсегда отъ поприща, которое онъ съ такимъ усердіемъ

и успѣхомъ проходилъ нѣсколько десятилѣтій. К. А. Кавосъ скончался 28го Апрѣля, къ чистосердечному прискорбію его подчиненныхъ, питомцевъ и безчисленныхъ друзей. Честность, благородство и чистое художническое добродушіе были вождями его въ жизни и смерть его, не смотря на преклонныя его лѣта, была горестнымъ ударомъ для всѣхъ. — Торжественное отпѣваніе его тѣла происходило 1го мая, въ католической церкви Св. Екатерины. Превосходный реквіемъ Керубини былъ исполненъ такъ, какъ мы его еще никогда не слыхали. Въ немъ принимали участіе всѣ музыканты нашихъ оркестровъ, всѣ пѣвцы и хоры обѣихъ оперъ, Русской и Нѣмецкой. Контральтовое соло было спѣто Г-жею Петровой съ тѣмъ чувствомъ и выраженіемъ, которыя всегда одушевляютъ ея пѣніе, но тутъ было у нея въ звукахъ еще что-то такое, почему всякій узналъ бы, что душа пѣвицы полна глубокимъ чувствомъ горести и благодарности къ тому, для кого она испрашивила у Господа вѣчнаго мира и покоя. Церковь, паперть и пол-монастыря церковнаго были полны людьми, желавшими воздать послѣдній долгъ покойному. Вотъ лучшая награда и лучшее возмездіе за безпорочный, полезный путь жизни — усопшаго. Сохранимъ память артиста — на долго! — Тѣло Кавоса предано землѣ, при звукахъ полковой музыки, на Волковомъ кладбищѣ.

# НОВОСТИ ТЕАТРАЛЬНЫЯ.

Въ Европѣ существуютъ два стиля для исчисленія времени: *старый*, которому мы слѣдуемъ и *новый*, за которымъ мы не поспѣваемъ цѣлыми двѣнадцатью днями. Но есть у насъ еще одинъ стиль, именно *театральный*. По этому стилю новый годъ начинается съ перваго воскресенья послѣ Свѣтлой недѣли, т. е. съ перваго весенняго спектакля. И такъ нынѣшній театральный годъ начался 21 апрѣля. Не прошло съ тѣхъ поръ еще и мѣсяца, а ужъ новостей гибель. Если мы говоримъ *гибель* новостей, то это не значитъ, что новости нашего театра всѣ погибели; нѣтъ, нѣкоторыя изъ нихъ имѣли успѣхъ и въ особенности *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, русскій сынъ французскаго *отца дебютантки*. Эта піэса извѣстная нашей публикѣ уже по весьма плохому переводу, игранному здѣсь тому года полтора, нынѣ была гораздо счастливѣе въ полурусскихъ нравахъ и въ особенности потому, что покоилась на сильномъ, свѣжемъ, молодомъ талантѣ Г-на *Мартынова*. Здѣсь артистъ нашъ показалъ свои дарованія во всемъ блескѣ: Сколько натуры и непринужденнаго комизма увидѣли мы въ игрѣ его. Многія сцены были ведены имъ превосходно, безъ малѣйшей натяжки, безъ всѣхъ претензій на возбужденіе смѣха, безъ нищенствованія за рукоплесканіемъ. И не смотря на то, всѣ зрители смѣялись отъ души и апплодировали ему поминутно. Мы давно уже говорили, что Г. Мартыновъ изъ новаго поколѣнія нашихъ артистовъ, актеръ талантливѣйшій, теперь мы въ этомъ убѣдились совершенно. Мы видимъ въ Г. Мартыновѣ истинную любовь къ искусству и потому смѣло можемъ высказать ему правдивую похвалу; мы знаемъ, что онъ не приметъ ее за фундаментъ своей славы и не почіетъ на лаврахъ преждевремянно, какъ многіе другіе. Г. Мартыновъ, — какъ художникъ по призванію, пойдетъ впередъ и съ каждымъ днемъ будетъ совершенствоваться. Природа безконечна въ своихъ измѣненіяхъ и потому изученіе ея должно быть безконечно. Всякая слава условна, а совершенство конечное для человѣка невозможно: тотъ только истинно славенъ, кто приближается къ нему по возможности. Въ искусствахъ лучшее правило — есть Аппелесово: *nulla dies sine linea*. Слѣдя три года труды Г. Мартынова на сценѣ, мы ему теперь смѣло пророчествуемъ — *первое мѣсто* на нашемъ театрѣ — по труду и дарованіямъ.

*Капризы влюбленныхъ* или *не суйся въ воду, не спросясь броду*, водe-

виль соч. П. С. Ѳедорова, очень миленькая, круглая, игривая піэска. Она вполнѣ заслуживаетъ успѣхъ, которымъ увѣнчалась. — Еще была дана съ успѣхомъ шутка Г. Кони — *Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ расчета*.... Объ ней судить предоставляемъ другимъ и приговора ей не произносимъ, по извѣстнымъ вамъ причинамъ Авторъ смѣетъ только благодарить публику за слишкомъ лестный пріемъ и вызовъ, чего бездѣлушка его, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась на сценѣ, никакъ не заслуживала.

Французская наша труппа дала намъ прекрасную комедію Скриба: La colombie — *Клевета*. Піеса имѣла огромный успѣхъ, но играна только одинъ разъ, потому, что лучшее ея украшеніе, неподражаемая Г-жа Алланъ, уѣхала въ ту же ночь въ Москву, гдѣ теперь восхищаетъ всѣхъ своей очаровательной игрой. Въ будущемъ номерѣ Пантеона послѣдуетъ подробный разборъ этаго замѣчательнаго сценическаго явленія. А теперь скажемъ только, что комедія Скриба, переведена на русскій языкъ, однимъ изъ хорошихъ нашихъ литераторовъ и будетъ помѣщена въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ *Пантеона*.

Нѣмецкая опера поставила намъ оперу *Вебера*: *Эвріянту*, одно изъ юношескихъ, слабыхъ произведеній автора *Вольнаго* (волшебнаго) *Стрѣлка*. Въ ней много встрѣчается музыкальныхъ мечтаній и предчувствій, осуществившихся въ послѣдствіи въ его Фрейшюцѣ. Не смотря на прекрасное выполненіе, она не имѣла значительнаго успѣха.

Русская опера выполнила стародавнюю оперу *Морлакки*: — *Теобальдъ и Изолина*.... Она стара, очень стара.... но кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Нѣмецкая драматическая труппа такъ же явилась съ старинкой, перефразированной на новый ладъ. Это мелодрама: *Доми*, т. е. прежняя: *Жоко, бразильская обезьяна*, съ знаменитымъ представителемъ обезьянъ въ родѣ человѣческомъ, Г. Шпрингеромъ. Лияней и Бюффонъ увѣряютъ, что порода *Жоко* очень долговѣчна; но мы нашли, что театральный Жоко чрезвычайно постарѣлъ въ десять лѣтъ, въ которые мы его невидали. Кто пожелаетъ знать наше мнѣніе объ этомъ сценическомъ явленіи, найдетъ довольно ясный разборъ — на гравированной *оберткѣ Пантеона*.

---

## НОВЫЙ ПУФЪ!

Въ заключеніе разскажемъ очень забавный случай Намъ попалась нечаянно въ руки прекурьозная афишка московская, которою мы не можемъ не подѣлиться съ нашими читателями. Въ ней сказано: *что въ среду*, 13 *Марта* **8140** (!?!) *года, на большомъ театрѣ Г-жа Кестелотъ-Кайницъ, первая пѣвица театра* Della-Scala *въ Миланѣ* (перваго опернаго театра въ мірѣ) *будетъ имѣть честь дать Концертъ*.

Какъ жаль, что наше поколѣніе не доживетъ до срока, назначеннаго прической афишкой, — а любопытно бы послушать эту знаменитую пѣвицу съ *Миланскаго театра.* Пока мы знаемъ одну весьма посредственную пѣвунью Кестелотъ-Кайницъ, которой Della-Scala не дальше, какъ въ Ревелѣ, но и въ этомъ сѣверномъ Миланѣ она была далеко не *первая* пѣвица. Но вѣдь Московская афишка говоритъ не объ той, а о будущей въ **8140** году! Vive le puff! —

## *Художественное приложеніе*

### КЪ II КНИЖКѢ ПАНТЕОНА.

Во второмъ No. *Пантеона*, мы сообщили читателямъ нашимъ извѣстіе объ новой операѣ *Инеса де Кастро*, недавно данной на Парижской Италіянской сценѣ. Для этой оперы знаменитый декораторъ *Ферри* написалъ для третьяго дѣйствія декорацію, представляющую монастырское кладбище, отъ которой всѣ приходили въ восторгъ. Художественный журналъ *L'artiste* превозносилъ ее, какъ одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній декораціонной живописи. Вся декорація освѣщена луною и смѣшеніе свѣта съ тѣнью, легкія облака на небѣ и прозрачные туманы, застилающіе даль перспективы, такъ живо и вѣрно схвачены съ природы, что обманываютъ совершенно зрителя и нагоняютъ на душу невольное меланхолическое чувство.

Мы думали угодить нашимъ почтеннымъ подписчикомъ, ознакомивъ ихъ съ этимъ замѣчательнымъ явленіемъ сценической живописи. Прилагаемая нами здѣсь копія декораціи, сдѣлана извѣстнымъ Парижскимъ граверомъ и литографомъ Г. *Берту*. По этой гравюрѣ читатели наши уже могутъ судить о томъ, какой огромный эффектъ должна была произвесть самая декорація.

Охотники до картинъ могутъ украсять ею стѣну кабинета; или, приказавъ оклѣить ее кругомъ тонкомъ, картоннымъ бордюромъ, употреблять, какъ транспарантъ на свѣчку, отъ чего она сдѣлается еще эффектнѣе.

---

Мы получили отъ знаменитаго автора *Роберта* и *Гугенотовъ*, Г. *Мейербера*, прекрасную новую музыкальную пьесу, его сочиненія, которою поторопимся подѣлится съ нашими прелестными подписчицами — піанистками и пѣвцами. — При пятомъ *№ Пантеона*, мы дадимъ *Русскую пѣсню*; слова и *мелодію* Барона *Дельвига*, на фортепіяно покоженна *И. А. Рупини*, нашимъ любимымъ и талантливымъ компонистомъ и пѣвцемъ русскихъ пѣсенъ; и Романсъ: *Лучь надежды*, съ словами *А. Ѳ. Вельтмана* и музыкою *Беллини*.

При слѣдующемъ же *№* будетъ раздоваться обертка на Вторую Часть *Пантеона*, начинающуюся съ четвертой книжки.

# ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы должны извиниться передъ нашими читателями въ несвоевременномъ выпускѣ этой книжки *Пантеона*. Причины такого замедленія, совершенно независѣли отъ редактора и отъ издателя. За долгъ почитаемъ такъже извѣстить, что мы перенесли печатаніе нашего изданія въ одну изъ лучшихъ здѣшнихъ типографій, отличающуюся своей *дѣятельностію* и *аккуратностію* и надѣемся, что слѣдующіе нумера публика получитъ въ срокъ. Пятая книжка выдетъ къ половинѣ будущаго мѣсяца, а шестая къ концу.

---

Въ 3 книжкѣ Пантеона при перепискѣ и въ корректурѣ вкрались двѣ весьма важныя ошибки, которыя просимъ читателей поправить.

На страницѣ 89, въ 29 строкѣ лѣваго столбца

| Напечатано: | Читай: |
|---|---|
| — духовныя мистеріи *Св. Димитрія Ростовскаго*, Георгія Конискаго, *Св. Димитрія Тунталы — и проч.* | — духовныя мистеріи *Св. Димитрія Ростовскаго* (*Тунталы*), Георгія Конискаго *и проч.* |

На страницѣ 94, въ строкѣ праваго столбца

| Напечатано: | Читай: |
|---|---|
| — ни одной черты сходной съ игрою *Яковлева*. | — ни одной чертыу сходной съ игрою *Волкова*. |

Печатать позволяется. 20 мая, 1840. Цензоръ П. Корсаковъ.

# ФИНЪ.

## ВОЛШЕБНАЯ ТРИЛОГІЯ,

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

*съ прологомъ и интермедіею,*

Сочиненія

Князя **А. А. ШАХОВСКАГО,**

ЗАИМСТВОВАНА

ИЗЪ

ПОЭМЫ ПУШКИНА:

## „РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА."

## ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Тавальсъ, Финскій пастухъ.

Гандо, братъ его, рыбакъ.

Будунтай, Финскій Хривъ или старшій жрецъ, вѣщунь и чародѣй.

Белзея, внучка его.

Наина, дочь ел.

Алгесъ
Ауско
Валгиносъ
Кернисъ
} Рыбаки.

Вейделотъ, жрецъ.

Модейна, пастушка.

Креморо, пастухъ.

Старшины Финскіе, пастухи и пастушки.

Жрецы и Рыбаки.

# ПРОЛОГЪ,

**ВЪ РАЗНОМѢРНЫХЪ СТИХАХЪ; СЪ ПѢСНЯМИ, ХОРАМИ, ЯЗЫЧЕСКИМИ ОБРЯДАМИ ФИНСКАГО НАРОДА, ХОРОВОДАМИ, ИГРАМИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМИ ПОКЛОНЕНІЕ ВАЙГИНТОСУ (БОГУ КОНОПЛЯ И ЛЬНА) И ПРАЗДНЕСТВО ЛАДЫ (БОГИНИ ЛЮБВИ, КРАСОТЫ И ЦВѢТОВЪ).**

(Дѣйствіе на Финскомъ берегу, въ началѣ X столѣтія.)

*Театръ представляетъ пріятный приморскій видъ; посрединѣ кругъ деревьевъ цвѣтистыхъ, какъ то: сиреней, черемухи, рябины и другихъ.* **НАИНА,** *при поднятіи занавѣса, стоитъ посреди круга, на возвышенной дерновой скамьѣ; подлѣ нея* **ВЕЙДЕЛОТЪ,** *съ корзиною, сплетенною изъ прутьевъ; вокругъ хороводъ пастушекъ.*

---

НАИНА,

*въ цвѣточномъ вѣнкѣ, съ поднятою вверхъ кружкой, стоитъ на одной ногѣ и говоритъ:*

Растящій Богъ! роди на нашемъ полѣ
И конопель, и ленъ такой же высоты,
Какъ я теперь; спаси отъ наготы
Нашъ Финскій край; въ твоей все волѣ,
Все можешь ты.

ХОРЪ.

О Вайгинтосъ! намъ дай растеніе
Такой же высоты,
Такой же высоты,
Ты можешь все, въ твоей все это волѣ.

НАИНА.

О Вайгинтосъ! тебѣ во славу
Я сотъ пчелиный пью.
(*выпиваетъ изъ кружки.*)
Въ хвалу Перкуну и Юмеллѣ
Кормилицу людей пою.
(*льетъ на землю медъ изъ кружки; въ это время Вайделотъ подноситъ ей корзинку; она вынимаетъ изъ нея аладьи, которые бросаетъ подбѣгающимъ къ ней пастушкамъ*).
А въ честь и Лаимѣ, и Деклѣ
Дары земные я подругамъ раздаю.

ХОРЪ ПАСТУШЕКЪ,

*въ то время, когда онѣ принимаютъ въ свои передники дары Наины.*

Хвала и честь красавицѣ Наинѣ!
Благодаримъ боговъ
Подателей даровъ.
И молимъ: насъ всегда питать, какъ нынѣ.

ВЕЙДЕЛОТЪ, *сводя Наину съ возвышенія.*

Наина, Финскихъ дѣвъ краса,
Доволенъ Вайгинтосъ тобою;
Ты къ намъ смягчила небеса,
Держася твердо надъ землею
Твоею легкою ногою.
Такъ, будетъ урожай и конопли и льна,
Мы плодороднаго дождались лѣта;
Такъ, будетъ, въ этотъ годъ, вся наша сторона
Сыта, согрѣта и одѣта!
Наина отдохни и успокойся ты.
(*Сажаетъ ее подлѣ матери на камень*).
Теперь, воздавъ хвалу отцу растенья,
Прославимъ въ пѣсняхъ мать любви и красоты,
Она родитъ для насъ душистые цвѣты,
И радости, и слезъ, и горести забвенье
Вы, избранные мной, невѣста и женихъ,

Въ угодность Ладѣ пѣть начните,
А вы, вѣнки богинѣ въ честь плетите
Подъ пѣсню ихъ.

## ФИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Модейна.

Женихъ! придтилъ къ тебѣ твоей невѣстѣ?

Креморо.

Не приходи, не та теперь пора.
Ахъ! для чего ты не пришла вчера?
Я былъ одинъ, теперь насъ много вмѣстѣ:
Нѣтъ, не кажи ты имъ своей красы
И приходи съ румяною зарею.

Модейна.

Пришла бы я увидѣться съ тобою,
Мой милый другъ, да я боюсь росы.

Хоръ.

Ай Ладо, ай Ладо, ай Ладо моя!

Креморо.

Скачи по ней, пль не мини годины,
Когда еще змѣя не обмерла,
Пчела сота съ цвѣтовъ не собрала,
Пока паукъ не заткалъ паутины.

Модейна.

Къ тебѣ придти мое бы сердце радо,
Да въ поле гнать тогда мнѣ должно стадо;
А мать моя журить меня лиха.

Хоръ.

Ай Ладо, ай Ладо, ай Ладо моя!

Хоръ женщинъ.

Вѣнки цвѣтистые готовы:
Кому я больше всѣхъ мила,
Кто хочетъ отъ меня обновы,
Я для него вѣнокъ плела.
Ай Ладо, ай Ладо, ай Ладо моя!

Хоръ мущинъ.

Красавицы, не уходите;
Постойте, подождите насъ;
Вы Финскихъ молодцовъ любите,
Они всѣмъ сердцемъ любятъ васъ.
Ай Ладо, ай Ладо, ай Ладо моя!

(*Во время сего хора всѣ женщины бѣгаютъ между деревьями, мущины за ними гоняются*).

Хоръ общій.

О свѣтлая богиня Лада!
Цвѣты веселость и любовь,
И все, чему въ насъ сердце радо,
Ты намъ давай и вновь, и вновь.

(*во время этаго хора пастушки становятся кружкомъ, подымаютъ свои вѣнки; пастухи подбѣгаютъ къ нимъ, глядятъ на нихъ сквозь вѣнки; онѣ отворачиваются, смотрятъ на пастуховъ съ застѣнчивостію. Но вдругъ Наина встаетъ, снимаетъ свой вѣнокъ, покавываетъ его пастухамъ; они всѣ къ ней подбѣгаютъ; она отворачивается отъ нихъ; смѣется и бросаетъ вѣнокъ вверхъ; пастухи бѣгутъ за нимъ, разрываютъ его по цвѣтку и втыкаютъ въ свои шапонки*).

Хоръ пастуховъ.

Смотрите, пастухи, смотрите,
Наина свой вѣнокъ сняла.

Хоръ пастушекъ.

Постойте, даромъ не бѣгите,
Она вѣнокъ не вамъ сплела.

(*Съ смѣхомъ нѣсколько разъ повторяютъ*).

Вы бѣдные цвѣты не рвите,
Она вѣнокъ не вамъ сплела.

Хоръ жрецовъ.

Богини въ славу веселитесь,
Скачите въ пляскѣ круговой,
Въ плетень, богинѣ въ честь, сплетитесь,
Бѣгите въ радости домой.

(*Начинаются танцы вокругъ деревьевъ, потомъ всѣ сплетаются въ плетень и бѣгутъ домой. Наина кладетъ руку на послѣдняго изъ пастуховъ, составляющихъ плетень и хочетъ съ нимъ бѣжать*).

## *Часть первая.*

# ПАСТУХЪ.

### ЯВЛЕНІЕ 1ое.

БЕЛЗЕЯ и НАИНА.

БЕЛЗЕЯ.

Постой.

НАИНА.

Стою.

БЕЛЗЕЯ.

Послушай!

НАИНА.

Слушаю!

БЕЛЗЕЯ.

Ахъ! дочь моя!

НАИНА.

Что матушка?

БЕЛЗЕЯ.

Наина,
Тебѣ пора ужь думать....

НАИНА.

Развѣ я
Не думаю?...

БЕЛЗЕЯ.

О чемъ?

НАИНА.

Да кой о чемъ:
О томъ, о сёмъ, о всемъ.

БЕЛЗЕЯ.

О чемъ же болѣ?

НАИНА.

Не знаю.

БЕЛЗЕЯ.

Какъ не знаешь?

НАИНА.

Да.
Ты, можетъ быть, по волѣ,
Что хочешь, то и думаешь; а я
Сама не знаю, какъ и что мнѣ въ умъ
приходитъ,
И голова моя
Кружится ласточкой; въ ней часто
бродитъ
Такой туманъ, такая тьма,
Какъ по утрамъ на нашемъ морѣ;
И я не приложу ума:
Проснуся, отъ чего-то въ горѣ;
Задумаюсь, раздумаюсь, — и тутъ
Вдругъ мысли кучей побѣгутъ,
Какъ облака осенью порою,
И отъ чего крушусь, сама не разберу.
Иль, вставши рано поутру,
Я въ рѣчку погляжусь, любуюся собою,
Довольна, весела,
И мысли безъ числа
Въ умѣ моемъ какъ пчелы зароятся:
И мелькомъ въ слѣдъ одна другой
Такъ быстро мчатся,
Какъ, по морю въ ладьѣ плывя, передо
мной
Деревья, и лѣса, и холмы.
И пажити, и домы
Бѣгутъ назадъ,
Быстрѣй, чѣмъ взглядъ
И различить ихъ успѣваетъ;
А даже иногда бываетъ,
Что, вотъ не дальше какъ съ тобой
Мы стали говорить, ужъ я перелѣтаю
Въ Литву, и на Руси, за моремъ, за луной;
О чемъ же думаю, спроси меня.... не знаю.

Белзея.

Не знаешь?... Да, ты многаго не знаешь.

Наина.

Такъ, матушка; однако знаю я,
Что ты добра.

Белзея.

Добра, и даже слишкомъ.
Мнѣ любо было то, что Вейделотъ,
По красотѣ и разуму, и росту,
Въ молельщицы изъ всѣхъ тебя избралъ;
И въ радости я чуть не позабыла,
Что нынче минуло семнадцать лѣтъ,
Какъ ты на свѣтъ къ нечастію родилась.

Наина.

Къ несчастію? Большаго въ томъ несчастья
Не вижу я; — и рада въ свѣтѣ жить.
Бываетъ скучно мнѣ, да какъ же быть:
Нѣтъ ведра безъ ненастья.
Случалось иногда,
Что я съ досады плачу:
Такъ что же за бѣда!
Юмелла не всегда
Даетъ удачу
Стрѣлкамъ
И рыбакамъ;
Да отъ того они бросаются ли въ море?
Гдѣ радость, — тамъ и горе:
Винить боговъ за жизнь не должно намъ.
Чѣмъ мы сосѣдей нашихъ хуже?
И въ нашей Финской сторонѣ
Чѣмъ людямъ не житье? Хоть, правда,
ты по мужѣ
Грустишь; да я, благодаря боговъ,
Не замужемъ.

Белзея.

И вотъ что худо.

Наина.

Да развѣ лучше мужъ таковъ,
Какъ Айтворосъ — морское чудо,
Который наконецъ
Мнѣ спину проглядѣлъ совиными глазами?
Иль Бобилосъ, изжаленный пчелами,
Семнадцати дѣтей отецъ
И мой женихъ? иль Кауне? — глупецъ?
Иль Гандо — шутъ прескучный?
Иль братъ его Гавальсъ — пастухъ
докучный?

Белзея.

А чѣмъ же дуренъ онъ?

Наина.

Ни чѣмъ,
Да мнѣ не милъ.

Белзея.

А какъ тебя онъ любитъ!

Наина.

Любить меня я позволяю всѣмъ,
Да не люблю сама.

Белзея.

Эй, дочь! Тебя погубитъ
Такая спѣсь; запасъ непрочный — красота,
Имъ чваниться не надо.
Когда придутъ лѣта,
Тогда за пастуха ты выйти будешь рада,
Да не возьметъ.

Наина.

А я, до этихъ лѣтъ,
Навеселюсь по волѣ;
Гавальсъ груститъ, да мнѣ печали нѣтъ;
Чего желать мнѣ болѣ?
Тобой и всѣмъ довольна я;
Безъ горя, безъ заботъ проходитъ жизнь моя.
Придетъ весна, стада погонимъ въ поле,
Разрѣзвятся мои ягнята на травѣ,
Взманятъ меня, — и я по мягкой муравѣ
За шмижъ прядаю, покуда не устану,
Не разгорюсь, какъ майскій день.
Тутъ сяду, отдохну и пѣсни слушать стану
Гавальса и другихъ; когдажъ ночная тѣнь
Застелетъ небо, тутъ подруги
Сбѣгаются ко мнѣ:
И ночи свѣтлыя, и вешніе досуги
Я съ ними просмѣюсь; ты знаешь, что онѣ
Живутъ со мною дружно,
Хоть сами признаются въ томъ,
Что я получше ихъ лицемъ.
Да, правда, и не нужно
Признанье ихъ; я вижу и сама,
Какъ сходятъ всѣ по мнѣ съ ума,
И не сержусь за это.
Но дѣло не о томъ; когда настанетъ лѣто,
Намъ радостнѣй еще: куда ни кинешь взглядъ,
Все наше: пища и нарядъ,
Забавы и обновы,
И въ полѣ, и въ лугахъ,
И въ морѣ, и въ лѣсахъ.
Вездѣ для насъ готовы.
И лучшіе плоды, и лучшіе цвѣты
Ко мнѣ со всѣхъ сторонъ приносятъ,
Какъ будто въ дань богинѣ красоты.
А если гдѣ удачно въ море бросятъ
Иль неводъ иль сѣть,
То на мое ужъ вѣрно счастье;
И молодцы, въ осеннее ненастье,

Стараются нашъ домъ окутать, обогрѣть.
Придетъ зима, не плачемъ мы о лѣтѣ,
По вечерамъ, лучинъ при ясномъ свѣтѣ,
Разсказы, пѣсни, ворожба,
Хвала мущинъ, старухъ завистливыхъ журьба,
Все тѣшитъ насъ, мы всѣмъ довольны
На женихов съ улыбкою глядимъ:
Они объ насъ крушиться вольны,
Да мы попасть въ неволю не хотимъ.

Белзея.

Не вы, а ты. Когда ты въ свѣтъ родилась,
То Будунтай, мой дѣдъ, вѣщунъ и Хривъ,
Сказалъ, смотря всю ночь въ колодезъ:
„Охъ! внучка, охъ! Я вижу по лунѣ,
„Что дочь тебѣ родилась не на радость.
„Во первыхъ, ты простись съ ея отцемъ“...
И вышло такъ (предъ прошлымъ въ третьемъ лѣтѣ,
Мой мужъ Литвинъ ушелъ въ свою Литву)
„А во вторыхъ: сама богиня Декла
„Съ такой красой Наинѣ жизнь дала,
„Что отъ нея на всѣхъ падетъ кручина;
„Зазнается.... Да ты ужъ не плошай;
„Семнадцать ровно лѣтъ минетъ ей только,
„То выбери такого жениха,
„Чтобъ онъ пошелъ въ огонь и въ воду
„За правнучку мою: прощай пока,
„Я ворочусь, когда мнѣ будетъ надо.“
Сказалъ — и былъ таковъ: и съ этихъ поръ
Мнѣ дѣдушка однажды появился,
Въ тотъ самый день, какъ твой отецъ ушелъ.
И дѣдушка сказалъ: „Не плачь о мужѣ;
„А лучше плачь о дочери своей:
„Въ ней съ нашею смѣшалась кровь чужая;
„Въ нее отецъ вселилъ такую спѣсь,
„Что самъ Куратъ не скоро сладитъ съ нею.
„Дай подрости — и замужъ поскорѣй:
„Не то ужъ я.....“ И тутъ болзнь такую
Нагналъ онъ на меня, что я еще дрожу,
Какъ объ его угрозахъ только вспомню;
Такъ вѣщуномъ ты, дочка, не шути.

Наина.

Я не шучу; я замужъ все не выду.
И за кого?

Белзея.

А просто за того,
Кто всѣхъ умнѣй и всѣхъ досужѣй,
Чье стадо всѣхъ и больше и тучнѣй,
Чьи пчельники чуть держатся подъ медомъ,
И лодка чья быстрѣе всѣхъ въ бѣгу;
Кто никогда стрѣлой не промахнется,
Кто удалѣй всѣхъ нашихъ молодцовъ:
А кто же онъ, — и говорить напрасно.

Наина.

Не говори.

Белзея.

Ахъ нѣтъ, на зло скажу....
(*слышна свирѣль Тавальса.*)
Да вотъ онъ самъ свирѣлью намъ сказался.

Наина.

Тавальсъ давно мнѣ уши прожужжалъ
Своей игрой и пѣснью заунывной.

Белзея.

А пѣсня для кого?

Наина.

Ахъ! знаю я,
И для того бѣгу.....

Белзея.

Постой, останься;
А я пока провѣдаю о томъ,
Какія корабли въ заливъ прибило.
О мужѣ тамъ узнаю, можетъ быть,
И ворочусь.... Да будь съ Тавальсомъ,
Наинушка, сокровище мое,
Поласковѣй.

(*Уходитъ.*)

## ЯВЛЕНІЕ Пое.

НАИНА, потомъ ТАВАЛЬСЪ.

Наина.

Пожалуй буду
Съ нимъ ласкова.... пока не надоѣстъ.
Иль мало для него невѣстъ?
У насъ въ селеньи и повсюду
Красавицъ много онъ видалъ;
А неужли жъ меня красивѣй не сыскалъ?
Да, видно не сыскалъ, и стало не напрасно
Я красотой горжусь: нѣтъ, какъ ни увѣряй
Мой прадѣдъ Будунтай,
Что красота моя и мнѣ самой опасна;
Не вѣрю я ему, — и быть дурной
Не соглашусь ни какъ.

Тавальсъ,
*переставъ играть на свирѣли; подходитъ.*

А! наконецъ я встрѣтилъ
Тебя,

НАИНА.

Такъ чтожъ?

ТАВАЛЬСЪ.

А то, что ты со мной
Не хочешь быть.

НАИНА.

И это ты замѣтилъ?

ТАВАЛЬСЪ.

Тебѣ все смѣхъ; а мнѣ не до него:
Ни дня, ни ночи, ни годины,
Ни мига даже одного
Не вижу свѣта.

НАИНА.

Отъ чего?

ТАВАЛЬСЪ.

Ты спрашиваешь!.... Ахъ! причины
Не знаетъ кто моей тоски!
Давно идутъ въ селеньи нашемъ толки:
Что сдѣлалось со мной? Гдѣ мочь моей руки?
Давноль овецъ моихъ уносятъ злые волки?
Мой неводъ отъ чего изтлѣлъ?
За чѣмъ не слышится мой голосъ за дубравой?
Зачѣмъ пчельникъ мой опустѣлъ?
Ладья разсохлася? — И ржавой
Изѣдены желѣзки стрѣлъ?

НАИНА.

Чтожъ отвѣчаешь ты на это?

ТАВАЛЬСЪ.

Ахъ! у меня одинъ отвѣтъ:
Что отъ тебя не вижу свѣта,
Что въ свѣтѣ нѣчего мнѣ нѣтъ,
Ни нужнаго, ни дорогова;
Что брежу я тобой во снѣ и наяву,
Что вовсе умеръ я; когда же слово
Ты скажешь мнѣ, опять я оживу.

НАИНА.

Я десять словъ сказать тебѣ готова
И, если можешь, оживай.

ТАВАЛЬСЪ.

Любить меня одно ты слово дай....
Нѣтъ, этаго бъ ужъ слишкомъ много было,
Не пережить мнѣ радости моей:
Взгляни ты на меня милѣй....

НАИНА.

А развѣ я гляжу не мило?

ТАВАЛЬСЪ.

Да такъ-же ты глядишь на всѣхъ:
Въ твоихъ глазахъ веселость, живость, смѣхъ,
Для всѣхъ блестятъ.

НАИНА.

Ты хочешь, чтобъ уныло
Смотрѣла на тебя? — Изволь.

ТАВАЛЬСЪ.

Не то:
Ахъ! я хочу.... Меня ты очень разумѣешь:
И я увѣренъ, что никто
Не знаетъ такъ, какъ ты умѣешь
Пріятно бросить взглядъ, чтобъ отъ него въ груди
Веселымъ сердце заиграло.
Я помню, какъ бывало
Ты взглянешь.... Нѣтъ, такъ лучше не гляди,
Минутной не давай отрады,
Чтобъ пуще горе я терпѣлъ.
Я испыталъ, что эти взгляды
Опаснѣе каленыхъ стрѣлъ.

НАИНА.

А если такъ они опасны,
На что же бѣгаешь за ними ты?

ТАВАЛЬСЪ.

На то,
Что были всѣ труды напрасны
Отъ нихъ уйти... Повѣрь мнѣ, что никто
Не бѣгалъ такъ, какъ я, по дебрямъ, по вертепамъ,
И по скаламъ, — но все уйти не могъ.
Желѣзнымъ приковалъ заклепомъ
Иль самъ Перкунъ, иль злой Пергола богъ
Меня къ моей кручинѣ.
Ужъ я на дѣдовскомъ клялся мечѣ,
Не думать больше о Наинѣ;
Ужъ помощи искалъ и въ Хривѣ и въ врачѣ,
Въ волшебствахъ, въ заговорахъ;
Молился всѣмъ богамъ;
Обшелъ ихъ рощи; но и тамъ
Въ моихъ потусклыхъ взорахъ
Мерещилась все ты,
И свѣтомъ этой красоты
Меня назадъ къ себѣ манила.
Такъ видишь ли теперь, что сила
Твоихъ опасныхъ глазъ
Всего властнѣй.

НАИНА.

Да, я ужъ много разъ
Объ этомъ отъ тебя слыхала.

ТАВАЛЬСЪ.

И отъ другихъ?

НАИНА.

И это можетъ быть.

ТАВАЛЬСЪ.

А такъ тебя любить
Другіе могутъ ли?

НАИНА.

Когда имъ вѣрить,
То могутъ больше; по любви,
Какъ въ морѣ дна, ни чѣмъ нельзя измѣрить.

ТАВАЛЬСЪ.

Да можно испытать: ты назови
Хоть одного изъ всѣхъ въ тебя влюбленныхъ,
Ктобы пошелъ въ огонь и въ воду за тебя...

НАИНА.

А ты пойдешь?

ТАВАЛЬСЪ.

Пойду; хотя краса твоя,
Какъ иней на соснахъ зеленыхъ,
Отъ солнца искрами блеститъ;
А ледъ сама....

НАИНА.

Такъ стало все знобитъ.

ТАВАЛЬСЪ.

Ахъ, нѣтъ; все сжетъ, — а никогда не таетъ
И все морозомъ убиваетъ.

НАИНА.

За что ты сердишься?... Я нравлюся: такъ чтожъ?
И я ли виновата въ этомъ?

ТАВАЛЬСЪ.

Не виновата ты: а ктожъ,
А кто же всѣхъ манитъ, какъ лѣтомъ
Въ палящій жаромъ день,
Живой потокъ и рощи тѣнь,
Манятъ къ себѣ томимыхъ жаждой?
Ты такъ глядишь на всѣхъ, что каждый,
Не знаю какъ и отъ чего,
Въ лицѣ, въ глазахъ твоихъ находитъ
Такое что-то, что его
Съ ума любовью сводитъ.

НАИНА.

Такъ не ужли же отъ того
Мнѣ должно
Завѣсу на лице надѣть
И вовсе не глядѣть?

ТАВАЛЬСЪ.

Какъ ты слова мои всегда толкуешь ложно!
Я развѣ это говорю:
Прекрасна ты, и будь еще прекраснѣй....
Ахъ, нѣтъ! Тебѣ быть лучше — мнѣ несчастнѣй,
Ни какъ нельзя: ты всѣхъ милѣй!

НАИНА.

Благодарю,
И вѣрить этому желаю.

ТАВАЛЬСЪ.

Ты вѣрь иль нѣтъ; а я навѣрно знаю,
Что лучше ты богинь, и поклянуся въ томъ.

НАИНА.

А видѣлъ ты богинь?

ТАВАЛЬСЪ.

Не видѣлъ; но въ одномъ
Я солнце свѣтъ и ясность
И эту живость нахожу,
Которой міра необъятность
Красуется, цвѣтетъ; я на него гляжу,
И вижу, что ясней и краше
Подъ небомъ ничего
Не можетъ быть его.
Я на тебя взгляну, Наина, солнце наше,
И чувствую, что ты прекраснѣй всѣхъ красотъ
Небесныхъ и земныхъ.

НАИНА.

Какъ пчельный сотъ
Слова твои для сердца сладки....
И даже я теперь тебя боюсь.

ТАВАЛЬСЪ.

Меня боишься?

НАИНА.

Признаюсь.
А отъ чего, пойми.

ТАВАЛЬСЪ.

Нѣтъ, я твоей загадки
Не смѣю, не могу понять.
Будь искренна, какъ я: скажи мнѣ прямо,
Ты можешь ли любить?

НАИНА.

Какъ это мнѣ сказать....

ТАВАЛЬСЪ.

Скажи.... Скажи!....

НАИНА.

Когда настаивать упрямо
Ты станешь, я скажу; но ты не будешь пѣнять,
Что я горда, что я спѣсива....

ТАВАЛЬСЪ.

Ахъ, нѣтъ! совсѣмъ я замолчу.

НАИНА.

Тавальсъ, ты знаешь, я счастлива,
И быть счастливѣй не хочу.

Тавальсъ.

Счастлива ты!... Но счастье, какъ и время,
Прискучится безъ дѣлежа.
Скупой, избыткомъ дорожа,
Въ посѣвъ не дастъ убогимъ семя,
Изтлѣетъ въ закормѣ оно,
Безъ пользы имъ, ему безъ прока;
И въ лучшій вѣтръ одна не уплывешь далеко.
Юмеллой счастье намъ дано
На то, чтобъ мы умѣли имъ дѣлиться.
Наина, разсуди сама:
Теперь ты молода, всѣмъ знаешь веселиться
И рвешь цвѣты весной; а какъ придетъ зима,
Когда краса твоя увянетъ,
Кто, счастья не дѣля съ тобой
Ни въ красномъ лѣтѣ, ни весной,
На снѣжную умильно взглянетъ?
Кто, молодость твою любя,
И старости твоей любить не перестанетъ?

Наина, *съ досадою.*

Пастухъ, я не люблю тебя.

## ЯВЛЕНІЕ IIIое.

Тавальсъ одинъ.

Она бѣжитъ, она меня не любитъ;
Я это зналъ: зачѣмъ же приходилъ?
Зачѣмъ искалъ еще себѣ позора?
Зачѣмъ люблю?.. Тоголь еще мнѣ ждать,
Чтобы другой, въ цвѣтущей рощѣ Лады,
Съ ней плелъ вѣнокъ и мужемъ былъ ея?...
Но, нѣтъ, она любить совсѣмъ не можетъ;
И если я... Ахъ! вотъ мой братъ идетъ.
А я убитъ. — (*садится на камень*).

## ЯВЛЕНІЕ IVое.

ТАВАЛЬСЪ и ГАНДО.

Гандо, *продолжая пить.*

Какъ машетъ рыбъ на уду
Нашъ братъ рыбакъ,
Наина такъ
Влюбленыхъ отовсюду
Къ себѣ манитъ
И всѣхъ крушитъ.
Наинина улыбка
И плутъ глазокъ,
Что нашъ крючокъ,
И съ нею ужъ не рыбка
Нырнетъ въ просакъ
А самъ рыбакъ.
(*увидя Тавальса*).
Вотъ братъ: она глазкомъ
Его давно за сердце зацѣпила....
Ну, что, Тавальсъ?

Тавальсъ

Что Гандо?

Гандо.

Все одно,
Любовь; и я порядочно влюбился
Въ Наину.

Тавальсъ.

Какъ! и ты туда жъ?

Гандо.

Да, братецъ, эта блажъ
Въ умѣ мосмъ, какъ щука заплескала.
Я, видишь ты, сначала
О ней и думать не хотѣлъ,
И на нее взглянуть боялся;
Да какъ-то разъ, забывшись, посмотрѣлъ..
Какъ хороша!..И тутъ же повстрѣчался
Съ моимъ ея умильный взглядъ,
Весь сталъ не свой, и хоть не очень радъ,
А съ этихъ поръ она меня на удѣ водитъ:
Куда она, туда и я,
И голова моя
Какъ молодое пиво, бродитъ.
Ну, словомъ, я изъ рыбака,
По милости ея, самъ очутился рыбкой.
Но я въ любви моей открылся ей слегка.

Тавальсъ.

И чтожъ она?

Гандо.

Она сказала мнѣ съ улыбкой:
Рыбакъ, ты шутишь не смѣшно:
Отъ словъ твоихъ меня беретъ зѣвота...
Ушла, — и тѣмъ все дѣло рѣшено.

Тавальсъ.

Какъ послѣ этаго шутить тебѣ охота!

Гандо.

Нѣтъ, право, не шутя,
Я отъ нея съ досады,
И билъ себя, и плакалъ, какъ дитя,
Да мало было въ томъ отрады.
Но радъ ужъ и тому, что наши смѣльчаки,
Не больше моего нашли въ Наинѣ счастья,
И бѣдные, съ тоски
Пустились, не боясь ненастья,
На самый дальній ловъ,
Чтобъ этимъ доказать свою Наинѣ смѣлость;
Да вѣтеръ восемъ дней иль слишкомъ
быль таковъ,

Что я не поручусь за цѣлость,
Не только что ладей,
Да и самихъ людей....
Ба: это что?..Они!..Хвала Гордоайтису!
Они прямехонько плывутъ сюда,
Такъ побѣжать же мнѣ, товарищу Кернису
Помочь развѣшать невода.

## ЯВЛЕНІЕ V.

**ТАВАЛЬСЪ**, на камнѣ; **ГАНДО, АЛГЕСЪ, АУСКО, ВАЛГИНОСЪ, КЕРНИСЪ** и Рыбаки *развѣшиваютъ неводы на берегѣ.*

ТАВАЛЬСЪ.

Иль надо мной Наина, какъ надъ Гандо,
Шутила? Не ужель и мнѣ она
Названье пастуха дала въ насмѣшку?
Чтожъ тутъ мудренаго: все можетъ быть.
Отецъ ея, Литвинъ, вселилъ презрѣнье
И въ дочь свою къ всему, что не война;
Онъ натвердилъ, что всякой, кто не воинъ,
Любви ея ни мало не достоинъ.
А если такъ, то не гордись она:
Ужъ больше пастухомъ Тавальсъ не будетъ
И мощною рукой, и силою плеча,
И остреемъ отцовскаго меча,
Любовь ея въ чужой землѣ добудетъ.
Иду служить къ Варягамъ, иль въ Литву,
Или въ Порусь, иль въ Новгородъ великой,
Куда нибудь: пусть будетъ ей уликой,
Иль смерть моя за вѣрную любовь,
Или добра, что съ боею я достану,
Что въ пастухѣ не замираетъ кровь
Отъ сѣчи боевой. Терять не стану
Я даромъ времени. Прости мой домъ,
Прости свирѣль, стада мои прощайте!
Тавальсу не до васъ: не онъ копьемъ
Противъ волковъ вамъ будетъ обороной;
Не край родной идетъ онъ защищать:
Идетъ чужимъ противъ чужихъ служить!
Ахъ! было бы и лучше, и честнѣе,
Когда бы могъ....

АЛГЕСЪ, *подходя.*

Здоровъ ли ты Тавальсъ?

АУСКО.

Здоровы ль вы?

КЕРНИСЪ.

Что, какова Наина?...

ГАНДО.

Все таковажъ: отъ ней не жди добра,
Ни намъ, ни мнѣ, ни удалому брату.

ТАВАЛЬСЪ.

Гдѣ были вы?

АЛГЕСЪ.

Умчало бурей насъ.

ТАВАЛЬСЪ.

Далеко ли?

АЛГЕСЪ.

До береговъ Урманскихъ;
И тамъ-то мы наслушались чудесъ.

ТАВАЛЬСЪ.

А что? какихъ?

АЛГЕСЪ.

Урманскіе Варяги,
Наскуча вѣкъ подъ снѣгомъ голодать,
Задумали пуститься вдоль на полдень,
И корабли давай скорѣй снастить.
Готово все: подъ паруса! — и въ море
Помчались, и этимъ удальствомъ
Какъ разъ землей богатой завладѣли,
Съ добычею прислали сто судовъ;
А сами всѣ за моремъ поселились,
И родину тамъ новую нашли!

ТАВАЛЬСЪ.

Вотъ это только мнѣ не любо;
*Нечестно родину мѣнять*;
А удальствомъ и дань и славу добывать
Такое дѣло,
Что отъ него во мнѣ все сердце закипѣло.
Урманскіе Варяги молодцы,
Нѣтъ спора въ томъ: да чѣмъ же вы ихъ хуже?
Иль вы, друзья, родились на лужѣ?
Иль на пуху вскормили васъ отцы? —
Нѣтъ, вы съ ребячества не свыклися съ постелью,
Не красной дѣвицей росли:
Нѣтъ, братцы: наши корабли
Вамъ были дѣтской колыбелью;
Васъ улелѣваяъ завывный вѣтра свистъ,
Укачивала буря.
Когда жъ, съ деревъ срывая листъ,
И небо тучами нахмуря,
Васъ злая осень до костей
Дождемъ и вихремъ пробивала,
И смерть съ грозою налетала,
Вы прятались ли передъ ней?
Да прибыли въ томъ было мало;
А славы меньше и того,

Алгесъ.

Такъ.

Ауско.

Правда.

Всѣ.

Такъ.

Валгиносъ.

Все дѣло.

Ай да Тавальсъ!

Гандо.

Ай братъ!

Алгесъ.

Послушаемъ его.

Ну, говори, Тавальсъ.

Тавальсъ.

Когда въ васъ сердце смѣло,
Такъ стыдно вамъ Варягамъ уступать
Въ досужествѣ, въ удальствѣ.

Альгесъ.

Да стыдно.

Тавальсъ.

А это вы хотитель доказать?

Всѣ.

Изволь!

Тавальсъ.

Такъ пусть, друзья, на дѣлѣ будетъ видно,
Что мы....

Гандо.

Всѣ влюблены въ Наину.

Кернисъ.

Эхъ! молчи,
И выслушай. Ну, чтожъ?

Тавальсъ.

О вѣрный конь нашъ, море!
Ты быстро насъ промчи
Отъ края въ край, отъ дола въ долъ, и вскорѣ
И весла, и мечи
Въ рукахъ у насъ докажутъ
Урманамъ, Свѣямъ и Литвѣ,
Что наши Фины въ удальствѣ
Не уступаютъ имъ; пусть внуки наши скажутъ
Своимъ сынамъ, что ихъ отцовъ отцы
Въ свой вѣкъ морской хребетъ изпѣнили недаромъ
И были прямо молодцы!
Пусть пѣсни дочерей о дѣлѣ нашемъ старомъ,
Переходя изъ устъ въ уста,
Когда ужъ и дѣтей и внучатъ ихъ забудутъ,
Еще о насъ хвалою тѣшить будутъ
Родимыя мѣста.

Всѣ.

Пусть такъ.

Тавальсъ.

Летимъ друзья, за добычей и славой;
Покуда насъ въ концу не извѣла тоска,
Потѣшимся удалою забавой,
Добудемъ, привеземъ съ собой издалека
Для молодцовъ доспѣховъ серебристыхъ,
И мѣдныхъ пѣшаковъ, и бердышей стальныхъ;
А для красавицъ молодыхъ
Коралловъ; жемчуговъ зернистыхъ,
И свѣтлыхъ янтарей,
И черныхъ соболей,
И горностаевъ чистыхъ,
И всѣхъ убранствъ, какихъ на днѣ морей
И на землѣ найти не можно краше.
Пусть не завидуютъ, и тѣ кто милы намъ,
Варяговъ молодымъ женамъ.
Что было ихъ, то будетъ наше,
Лишь были бъ руки и сердца;
А безъ начала нѣтъ конца,
Начнемте же скорѣй.

Всѣ.

Начнемъ.

Алгесъ.

Все это любо,
Все славно; только жаль,
Что наши корабли не сплочены изъ дуба;
А бурей такъ раскачены, что вдаль
Бѣжать на нихъ нельзя безъ передѣлки.

Тавальсъ.

Эхъ! можно какъ нибудь; — подумай....

Алгесъ.

Головы
Не приложу....

Тавальсъ.

Чтожъ дѣлать?

## ЯВЛЕНІЕ VIое.

Тѣже и БУДУНТАЙ является по срединѣ.

Будунтай.

О бездѣлкѣ,
О дѣти милыя, задумались вы.

Всѣ.

Какъ! Будунтай! Вѣщунъ....

Гандо.

Ба! ты взялся откуда?

Будунтай.

Не ваше дѣло: а покуда
Мнѣ время, слушай: — отъ грозы,
Которая, не бось, не сдѣлала вамъ худа,
Съ Нѣмецкаго поморья изъ Ганзы
Три корабля въ заливъ сюда прибило,
И имянно затѣмъ здѣсь эти корабли,
Чтобъ вамъ за славою на чемъ пуститься было:
Ну поняліль? — И такъ, покуда на землѣ
Отъ качки моря чуть живые,
Сушатся Нѣмцы; вы, ребята боевые,
Летите быстро на ладьяхъ
И кораблями завладѣйте;
А тамъ и вдаль — и нагоняйте страхъ
На всѣхъ, вездѣ, и всѣмъ; да сами не робѣйте,
За васъ Гордоайтисъ. А старый Будунтай,
Вашъ прежній другъ, во всемъ вамъ дастъ подспорье.

Тавальсъ.

Къ веслу, друзья! Ганзы богатый край,
Порусь, и Ливы, и Поморье
Мы быстро облетимъ,
И удивимъ,
И нашимъ именемъ наполнимъ.

Будунтай.

Исполнитежъ точь въ точь все то, что я велю.

Тавальсъ.

Вели — и все исполнимъ.

Будунтай.

Увидимъ. (*отведя Тавальса*). Я, Тавальсъ, давно тебя люблю,
Твой дѣдъ мнѣ былъ названнымъ братомъ,
Ты въ правнучку мою влюбленъ,
И за тебя у матери я сватомъ;
А не пойдетъ, то всѣхъ несчастныхъ женъ
Она несчастнѣй будетъ.

Тавальсъ.

Да ежели она....

Будунтай.

Эхъ! дѣло не твое.
Когда она гордиться не забудетъ,
То проучу ее.
(всѣмъ).
Вы слушайтесь его; и всякой поклянися,
Какъ водится, на мечь ступя ногой,
Не бунтовать, жить братски межъ собой;
А тамъ въ хвалу Гордоавтиса
Запойте пѣсню, — и прощай.
(*исчезаетъ*).

Гандо.

Кудажъ онъ дѣлся?.... Будунтай!...
Его какъ не бывало.
Пропалъ.....

Тавальсъ.

А чтобы время не пропало,
Ладьи всѣ на воду мечи,
И на боговъ въ надеждѣ,
Ступай на корабли!

Алгесъ.

Всѣ становитесь на мечи,
Клянитеся начальнику.....

Тавальсъ.

Нѣтъ, прежде
Товарищамъ я клятву дамъ.
(*становится на мечъ*).
Друзья! клянусь богами вамъ:
До самаго на родину возврата,
За каждаго изъ васъ, какъ за роднаго брата,
Радѣть и не жалѣть себя:
Иль пусть чужимъ волкамъ мой трупъ добычей ляжетъ!
Иль мнѣ пускай опять Наина скажетъ:
Пастухъ, я не люблю тебя.

Хоръ.

Ногою наступя на мечь,
Мы всѣ даемъ Тавальсу клятву:
Костями за него такъ лечь,
Какъ жито, срѣзанное въ жатву!
Богъ сильный быстрыхъ кораблей!
Весь полонъ свѣтъ тебѣ хвалами:
Мы полетимъ стрѣлы быстрѣй,
Когда ты будешь передъ нами.

## *Часть вторая.*

# ГЕРОЙ.

## ИНТЕРМЕДІЯ.

*Театръ представляетъ берегъ; Начало весны; пристань сомородная между скалъ.*

Свѣтаетъ; посреди театра догораетъ корабль, вокругъ его жрецы, подалѣ народъ на колѣнахъ.

Хоръ.

Гордоайтисъ, хранитель кораблей,
Намъ возврати и братьевъ и мужей
Живыхъ, здоровыхъ и безвредныхъ!
Утѣшь въ тоскѣ, обрадуй бѣдныхъ
Невѣстъ и матерей
И маленькихъ дѣтей.

Вейделотъ.

Корабль свѣтло горѣлъ, и пламя вверхъ
пылало.
Такъ стало
Бояться нечего: Гороайтисъ за насъ;
И слышалъ я отъ Будунтая Хрива,
Что нашихъ удальцовъ дотянусь въ морѣ
спасъ,
И намъ Келу-Девосъ ихъ возвратитъ
счастливо.
Такъ вы, боговъ благодаря,
Имъ въ честь вокругъ огня пляшите,
Черезъ огонь скачите,
И пусть освѣтитъ васъ въ веселостяхъ заря.

Хоръ.

Пляшите, скачите, веселіемъ полны,
Какъ скачутъ по морю кипящія волны,
Какъ звѣзды на небѣ кружатся кругомъ.
Вы, боги, и неба, и вѣтровъ, и моря
Навѣйте намъ радость, не дайте намъ
горя;
Вамъ въ славу мы пляшемъ и пѣсни
поемъ.

(*Всѣ пляшутъ вокругъ догорающаго корабля, скачутъ черезъ огонь; подруги принуждаютъ плясать Наину; она найдетъ; отворачивается съ преврѣніемъ отъ мущинъ и садится въ задумчивости на камень. Вейделотъ, увидя что солнце начинаетъ восходить, ударяетъ въ бубны; пляски останавливаются и всѣ идутъ за Вейделотомъ*).

## ЯВЛЕНІЕ Іое.

БЕЛЗЕЯ и НАИНА.

БЕЛЗЕЯ.

Чтожъ ты нейдешь?

НАИНА.

Ахъ, матушка, дозволь
Остаться здѣсь?

БЕЛЗЕЯ.

Ты видишь, солнце всходитъ;
Ужъ Вейделотъ повелъ народъ домой,
И помолились мы о возвращеньи
Тавальса къ намъ; такъ, признаюсь, пора
И отдохнуть.

НАИНА.

Да если ты устала,
Поди домой; а здѣсь мнѣ хорошо;
Мнѣ думать здѣсь никто не помѣшаетъ,
И я могу у этихъ сѣрыхъ скалъ,
Подъ шумомъ волнъ и при восходѣ солнца,
О прежнемъ вспоминать.

БЕЛЗЕЯ.

Такъ ты сама
Грустишь теперь объ удаломъ Тавальсѣ?

НАИНА.

Эхъ! матушка!

БЕЛЗЕЯ.

И есть о чемъ грустить.
Вотъ ровно годъ настанетъ въ праздникъ Лады,
Какъ и Тавальсъ и наши рыбаки
На удальство пустились; но ни слуха
Ни духа нѣтъ, гдѣ плаваютъ они;
И твой Тавальсъ.....

НАИНА.

Не мой: и что за дѣло
Мнѣ до него?

БЕЛЗЕЯ.

По комъ же ты грустишь?

НАИНА.

Ахъ! ни по комъ!

БЕЛЗЕЯ.

Однакожъ ты печальна
Почти съ тѣхъ поръ, какъ онъ пошелъ
Съ товарищами на судахъ Ганзейскихъ
И Нѣмцы, здѣсь пробывши до весны,
Изъ дуба нашего суда срубили
И поплыли домой.

НАИНА.

Иль самъ Куратъ
Ихъ корабли занесъ сюда погодой!

БЕЛЗЕЯ.

Да тыль одна объ этомъ говоришь;
И многіе пришельцевъ проклинаютъ.

НАИНА.

За что?

БЕЛЗЕЯ.

За тожъ: во первыхъ, что на ихъ
Проклятыхъ корабляхъ пустилась въ море
Вся наша молодежь; а во вторыхъ,
Что пришлецы разсказами своими
О ихъ житьѣ-бытьѣ, богатствѣ и о всемъ,
Чего здѣсь нѣтъ, такъ головы вскружили,
А пуще дѣвушкамъ: что съ этихъ поръ
Другаго не слыхать, какъ: ай да Нѣмцы!
У Нѣмцевъ то, у Нѣмцевъ сё; у Нѣмцевъ умъ,
У Нѣмцевъ свѣтъ; у насъ же днемъ потемки;
Мы не люди, и вовсе не живемъ.

НАИНА.

Нѣтъ, мы живемъ; да что же за веселье
Такъ жить, какъ мы?
Весной паси стада, зимой за рукодѣлье,
Коптись въ дыму, и слушай: а о чемъ?
О томъ, что всѣ давно мы знаемъ.
Иль пѣсни пой; а будто мы поемъ!
Нѣтъ, мы какъ волки завываемъ,
Какъ козы прыгаемъ: свой вѣкъ проводимъ въ томъ,
Что спимъ, ѣдимъ, глядимъ; а ничего не знаемъ:
И вотъ что жизнью мы зовемъ!

БЕЛЗЕЯ.

Что это? Какъ! И ты неужли огазилась?
Зазналася?...Ахъ! дѣдушка мой правъ:
Какъ онъ сказалъ, такъ точно и слу-

Вотъ отъ чего въ тебѣ пропалъ веселый нравъ,
Что пришлецы тебя заговорили.
А старой дурѣ, мнѣ, какъ любо было то,
Что всѣ они тебя безъ умолка хвалили.
Когда бы знала: ни за что
Заморицкіе не отворила-бъ двери.
Да эти умники такіе звѣри,
Что насъ отъ нихъ Юмелла упаси!

НАИНА.

Нѣтъ, лучше у боговъ проси,
Чтобъ были мы на нихъ похожи.

Белзея.

На тонконогихъ журавлей?
Да чѣмъ они пригожи?
Одеждою богатою своей;
И тѣмъ умнѣй, что носъ поднявши ходятъ,
И васъ болтливымъ языкомъ
Съ послѣдняго умишка сводятъ.
И я съ ума сопіла... Да плачуся о томъ!...
Ахъ! видно на роду тебѣ одна кручина
Назначена сомной:
Обѣихъ насъ сгубилъ языкъ чужой.
Такъ, мы заслушавшись: ты Нѣмцевъ, я Литвина,
Вѣкъ цѣлый горевать должны.
Намъ вѣтеръ супостатъ съ заморской стороны
Несчастія навѣялъ;
Отецъ, Литвинъ, въ тебѣ разсказами посѣялъ
Крапивы жгучей семена,
И самъ ушелъ; а я, когда бъ была умна,
Не приняла бъ чужихъ.... Да ктожъ тебѣ по сердцу
Изъ нихъ пришелъ?

Наина.

Никто.

Белзея.

Но ужли?

Наина.

Да.

Белзея.

Такъ стало не совсѣмъ бѣда;
А я боялася того, чтобъ къ иновѣрцу
Не привязалась ты.

Наина.

Не бойсь, не привяжусь;
Ни къ нашимъ; ни къ чужимъ.

Белзея.

О комъ же ты крушишься?

Наина.

Я только о себѣ крушусь.
Мнѣ скучно, вотъ и все.

Белзея.

А вотъ развеселишься:
Ужъ скоро зеленью подернется земля,
Пойдешь съ подругами въ душистыя поля,
Я знаю, что онѣ тебя всѣмъ сердцемъ любятъ.

Наина.

А ты не знаешь, что онѣ
Любовью надоѣли мнѣ.

Белзея.

Не ужли? А онѣ жъ трубою въ уши трубятъ,
Что ты умнѣй и лучше всѣхъ другихъ.

Наина.

Да мнѣ какая въ этомъ радость?
Я развѣ хороша для нихъ?
На толь цвѣтетъ краса моя и младость,
Чтобъ мнѣ скучали похвалой
Подруги, старики, старухи и уроды,
Которые бояся непогоды,
Остались здѣсь людей пугать собой?
Взгляни на нихъ: тотъ старъ, тотъ кривъ, тотъ хворъ,
Тотъ глупъ.....Ахъ матушка съ тѣхъ поръ,
Какъ нашихъ молодцовъ Дотанусъ въ морѣ носитъ,
А Нѣмцы отплыли въ свой край,
И солнышко у насъ, какъ прежде не сіяло:
Минуту выглянетъ изъ облакъ, и прощай;
А вспомни, какъ бывало,
По ясномъ днѣ, съ румяною зарей
Я возвращалася веселая домой;
И какъ за маткою пчелиной,
За мною роемъ молодымъ,
Кружились женихи. И право ни съ однимъ
Я не встрѣчалася съ хорошенькимъ мущиной,
Который бы въ глаза мнѣ мило не взглянулъ,
И, смотря по тому, какъ мнѣ взглянуть случалось,
Веселость на лицѣ его не разыгралась,
Или онъ горько не вздохнулъ:
Мнѣ было весело, и веселы всѣ были;
Взгруснется мнѣ, — и всѣ унылы.
Да наши ли одни,
И сами Нѣмцы; а они,
Гдѣ не были? Чему не обучались?
Однакожъ громко признавались,
Что ни лица бѣлѣй,
Ни глазъ моихъ чернѣй,
Они родяся не видали.
Что если бъ я жила въ ихъ сторонѣ людской,
То женщины-бъ меня за чудо почитали;
Мущины же передо мной
Стояли-бъ на колѣнахъ.

Бѣлзеб.

А ты и вѣрила? Послушай, дочь,
Ужъ я сама, къ несчастью, испытала,
Что похвалы заморскихъ пришлецовъ,
Ни дать, ни взять, какъ въ рощѣ листъ осенній:
Отъ вѣтра онъ всѣ мысли разшумитъ,
Да съ вѣтромъ же умчится и исчезнетъ;
И шумъ такой оставитъ въ головѣ,
Что отъ него ты ходишь, какъ въ угарѣ.
Ахъ! твой отецъ о сторонѣ своей
Мнѣ уши прожужжалъ; и я къ несчастью,
Повѣрила ему.

Нанна.

Да развѣ то
У нихъ въ Литвѣ, что въ сторонѣ Ганзейской?
Литва, какъ мы, и вѣритъ, и живетъ,
И пьетъ, и ѣстъ; а Нѣмцы все другое:
Они живутъ въ богатыхъ городахъ;
Ѣдятъ и пьютъ изъ серебра; а ходятъ
И въ соболяхъ, и въ тканяхъ золотыхъ.
А женщинамъ у нихъ житье такое,
Что слушать радостно! — У нихъ мужья
Женамъ своимъ, какъ дѣти, угождаютъ;
А дѣвушки у нихъ въ такой чести,
Что ихъ никто не смѣй и словомъ тронуть,
Въ мигъ вступятся, да на коня и въ бой,
У нихъ за красоту на смерть дерутся,
Ручьями льютъ за женщинъ кровь
И мрутъ, какъ мухи, за любовь.
А изъ чего весь бой? изъ дѣвушкина взгляда:
И этотъ взглядъ
Такая для мущинъ награда,
Что всѣ его цѣнятъ
Богатства всякаго дороже.

Бѣлзеб.

Такъ и у насъ тогоже
Тебѣ не хочется ль завесть?

Нанна.

У насъ! да развѣ есть
У насъ такіе люди,
Чтобы за дѣвушку противъ копья
Своей не пожалѣли груди?
Однакожо надѣюсь я,
Когда товарищи Тавальсовы вернутся,
То, по чужимъ краямъ набравшися ума,
И сами, можетъ быть, за умъ возмутся:
Введутъ заморскій бытъ, построятъ въ рядъ дома,
И станутъ насъ любить на образецъ Ганзейскій.

Бѣлзеб.

Да этотъ образецъ злодѣйскій
И вашъ заморскій бытъ — повальная чума.
Ну если вамъ придетъ охота, разглядѣться,
Въ награду за убой, то скоро и глядѣть
Вамъ не на кого будетъ,
И столько женихонъ отъ взглядовъ здѣсь убудетъ,
Что въ дѣвушкахъ придется вамъ вдовѣть.

Нанна, *смѣясь.*

Да благо вѣтеръ къ намъ дорогу
Ганзейцамъ показалъ; они сюда придутъ
И по немногу
Хорошенькихъ къ себѣ переберутъ;
Такъ будетъ нечего бояться,
Чтобъ стали драться
У насъ за красоту.

Бѣлзеб.

Какъ твой языкъ остеръ! Да эту остроту
Притупитъ дѣдушка; и ты моя чечотка
Узнаешь... Это что?... Не онъ ли?... вотъ бѣда!...
Нѣтъ это парусная лодка
Причалила сюда.

Нанна.

Ужъ не Ганзейцы ли?

Бѣлзеб.

Ахъ! эти гости
И дѣдушки страшнѣй! Всѣхъ нашихъ всполошу,
И такъ разскащиковъ отдѣлать упрошу,
Чтобъ здѣсь остались однѣ ихъ кости:
Чтобъ ихъ... и такъ ужъ горьки намъ
Ихъ медовыя рѣчи.

Нанна.

Ахъ! это Гандо.

Бѣлзеб.

Какъ!... Да, точно, вотъ онъ самъ
Бѣжитъ.....

## ЯВЛЕНІЕ IIое.

Тѣже и ГАНДО.

ГАНДО.

Я ждать не ждалъ такой счастливой встрѣчи.
Ну здравствуйте: вотъ я!
Любуйтеся....каковъ?

НАИНА.

Да ты взялся откуда?

ГАНДО.

Изъ далека, красавица моя;
И такъ изъ далека, что не видать отсюда.
И не дойдешь, хоть годъ вкругъ моря колеси.

НАИНА.

Гдѣжъ были вы?

ГАНДО.

Нѣтъ, лучше ты спроси,
Гдѣ не были? Кого мы не встрѣчали?
Съ кѣмъ не дрались? Чего не навезли?
Съ какой чужой земли
Какого мы богатства не собрали?
Что ни задумаешь, — у насъ все есть:
Жемчугъ, и золото, и ткани, и кораллы.
Народу пропасть мы успѣли перевесть:
За то ужъ намъ вездѣ была большая честь;
За то кричатъ Ганзейцы самохвалы:
Ай Фины! молодцы! Вотъ ужъ на все удалы!
Да какъ имъие кричать: корабль лишь взвидитъ глазъ,
Давай его!...Нагрянемъ, — и какъ разъ
Всѣхъ перебьемъ, все наше!
И мы на моряковъ такой нагнали страхъ,
Что море все теперь у насъ въ рукахъ
Какъ медовая чаша;
Никто въ него безъ насъ уса не обмокни;
Ганзейцы жъ не храбрись!...

НАИНА.

Какъ! неужли они
Васъ струсили?

ГАНДО.

А такъ-то, что съ боязни
Еще теперь Ганза за бочками лежитъ.
Да и не ей чета — Поморье все дрожитъ,
И нашей удалой пріязни,
Какъ у боговъ своихъ
Дождя иль вёдра, молитъ;
И такъ-то съ нами хлѣбосолитъ,
Чтобъ только били мы не ихъ.
А мы не прочь отъ дружбы и отъ драки,
Какъ разъ Поморцамъ помогли;
И въ мигъ безъ кораблей, какъ раки,
Ганзейцы сѣли на мели.
Мы съ братомъ у Ганзы пожгли Судовъ
И городовъ,
Что называется, безъ счета.....
Не говори объ нихъ; а то опять охота
Беретъ меня.... я въ море, и прощай.....

НАИНА.

Да я не говорю.....

ГАНДО.

И рта не разѣвай;
А то меня каиатомъ не удержишь.

НАИНА.

Да и удерживать не стану я: ступай.

ГАНДО.

Ну зналъ я напередъ, что срѣжешь
Ты словомъ голову мнѣ съ плечъ.
Да для когожъ, скажи, я бился,
Дрался, увѣчился, топился?

НАИНА.

И знать я не хочу: да не объ этомъ рѣчь:
Ты много говорилъ; а путнаго ни слова
О дѣлѣ не сказалъ.

ГАНДО.

Какъ не сказалъ? Такъ снова
Пожалуй я начну....

НАИНА.

Ахъ, нѣтъ, не начинай;
А коротко и ясно отвѣчай
На всѣ мои вопросы.

ГАНДО.

Ну, спрашивай!

НАИНА.

Какъ вы достали корабли?

ГАНДО.

Пока Нѣмецкіе матросы
Сушились на землѣ,
На корабли мы прыгъ, и отплыли отсюда.

НАИНА.

Тутъ нѣтъ пока большаго чуда:
Кудажъ вы поплыли?

ГАНДО.

Куда глаза глядятъ.

По Будунтаеву наказу,
Завѣдывалъ всѣмъ дѣломъ братъ.
Онъ взвидѣлъ вдругъ корабль, и съ разу
Такъ скоро, что никто и струсить не успѣлъ,
Догналъ его — и завладѣлъ;
Хозяевамъ кой что, изъ милости, оставилъ;
А прочее межъ насъ въ раздѣлъ:
И этимъ такъ намъ храбрости прибавилъ,
Что мы за нимъ на добычу, хоть вплавь
Всѣ броситься готовы въ воду.
Обычай нашъ такой: сначала позабавь,
А тамъ ужъ нашему удалому народу.
Никто не братъ; все вздоръ:
Бери и бей!...

Наина.

Ахъ! дѣло все не въ этомъ:
Гдѣ были вы?

Гандо.

Да въ морѣ были лѣтомъ;
А въ городъ на зиму попались подъ запоръ.

Наина.

А городъ вѣрно былъ прекрасенъ?

Гандо.

Да, не спорю,
Хорошъ; но въ немъ такая тѣснота,
Такая духота,
Что всѣ бъ мы померли съ удушья, еслибъ горю
Не ухитрился хозяева помочь.

Белзея.

А чѣмъ?

Гандо.

Насъ въ городъ зимовать Поморцы съ чѣмъ пустили,
Чтобъ мы за нихъ Ганзейцевъ перебили:
А мы отъ этого не прочь:
И тотчасъ съ ними расплатились
На счетъ скупой Ганзы.
Ужъ тутъ-то мы повеселились!
Ни гуся, ни кунца, ни дѣвки, ни козы
Изъ рукъ не выпустили даромъ.
За все Ганза плати,
Иль серебромъ, или товаромъ:
И все съ Поморцами въ дѣлежъ.
У этихъ Нѣмцевъ, молодежъ
И съ братомъ, и со мной, работала такъ лихо,
Что все къ веснѣ въ Поморьѣ стало тихо,
И заключили вѣчный миръ.
Не знаю долголь онъ продлится;
А задали они такой прощальный пиръ,
Что голова еще съ него кружится.
Да радъ ужъ и тому, что я, хотя шальной,
Но все вернулся съ головой;
А многіе тамъ головы сложили,
И братъ....

Белзея.

Ахъ! Неужли его убили?

Гандо.

Его убить кто смѣетъ? — Онъ герой.

Наина.

Герой! А это что?

Гандо.

Да прозвище такое:
Которое даютъ въ чужихъ краяхъ тому,
Кто никому
Не дастъ пожить въ покоѣ;
Всѣхъ бьетъ,
И все чужое
Себѣ беретъ,
Да не тайкомъ, а съ драки.
Ну, поняли ль?

Белзея.

Какъ не понять!
Герои ихъ, ни дать ни взять,
Что наши забіяки.

Гандо.

А что ты думаешь: почти.
Но это прозвище у нихъ въ такой чести,
Что только имъ Тавальса взвеличали,
То вдругъ изъ за стола всѣ встали,
И началась потѣха! Всѣ кричатъ:
Герой, виватъ!
Объ столъ стучатъ ножами,
Въ трубы трубятъ,
Въ ладоши хлопаютъ руками,
Всѣ разомъ пьютъ,
Посуду бьютъ
И обнимаются по братски съ нами.

Наина.

Вотъ весело! вотъ люди! вотъ земля!

Гандо.

Да, хороша земля, и люди не дурные;
А наши чистыя поля
И берега родные
Гораздо веселѣй.

Наина.

А чѣмъ?

Гандо.

Мы въ городахъ
Томились, какъ ряпушка въ заколѣ;
А здѣсь, какъ птицы въ небесахъ,
Мы дышемъ и живемъ въ просторѣ и по волѣ.

НАИНА.

Да если и Тавальсъ, и всѣ, въ чужихъ землях
Небольше твоего ума набрались,
То лучше бъ сдѣлали, когда бы тамъ остались;
Безъ нихъ довольно здѣсь глупцовъ.

ГАНДО.

Да ты сама
Давноль, и отъ кого набралася ума?

БЕЛЗЕЯ.

Пока на ихъ землѣ Ганзейцовъ вы душили,
Они на нашемъ берегу
Всѣхъ дѣвушекъ уму переучили.

ГАНДО.

Да не останемся жъ за то у нихъ въ долгу.
Мы повстрѣчали ихъ, когда съ удачи
Домой на веслахъ шли;
Они кричали намъ, чтобъ мигомъ корабли
Имъ отдали назадъ; какъ будто для отдачи
Мы море пѣною бѣлимъ.
Тавальсъ тотчасъ пустился къ нимъ
Для дружеской раздѣлки,
А мнѣ впередъ летѣть велѣлъ,
Чтобъ къ празднику заморскія бездѣлки
Поспѣлъ въ нарядъ тебѣ привесть, — и я поспѣлъ.
Гей, вы, друзья, кажи подарки,
Которые герой красавицѣ прислалъ.

НАИНА, *къ Белзеѣ.*

Да лучшебъ этаго и Нѣмецъ не сказалъ.

ГАНДО, *разбирая подарки.*

Вотъ снизокъ янтарей....

НАИНА.

Какъ хороши! какъ ярки!
А это что еще, не янтари ли?

ГАНДО.

Нѣтъ.
(*подавая ей бриллiантовую нитку.*)
А каково?

НАИНА.

Какой прекрасный свѣтъ!
Какія звѣздочки!.... Чтожъ это?

ГАНДО.

Ожерелье.
А блескъ какъ?

НАИНА.

Да съ нимъ и ночью будетъ день.
Ахъ! что за камушки!

БЕЛЗЕЯ.

Ахъ! что за рукодѣлье!

ГАНДО.

Все чудо!... а!... Небойсь, попробуйка, надѣть.
(*надѣваетъ ожерелье на Наину.*)

НАИНА.

Къ лицу ль?

БЕЛЗЕЯ.

Ужъ какъ къ лицу!

НАИНА.

Когдабъ не лѣнь,
То побѣжала бы смотрѣться въ воду.

ГАНДО.

Не бѣгай; а смотрись....
(*показываетъ зеркало*).

НАИНА.

Ахъ!
Да это я!....

ГАНДО.

Да ты.

НАИНА, *Белзеѣ.*

Смотри въ его рукахъ.
Мое лицо... я вся... Нѣтъ, съ роду
Не видывала ты диковинки такой!
Ну, покажи жъ и ей... Что, видишь ли?

БЕЛЗЕЯ.

Ахъ! вижу!...

НАИНА.

Кого?

БЕЛЗЕЯ.

Себя.

НАИНА, *глядя въ зеркало.*

Меня....

БЕЛЗЕЯ.

Вотъ объ мы съ тобой.

НАИНА.

Ужь это не вода-ль?

ГАНДО.

Да развѣ можно жижу
Держать, какъ я держу? — Тотчасъ бы все стекло.

НАИНА.

Чтожъ это?

ГАНДО.

Зеркало.

НАИНА.

А зеркало-то что же?
Что зеркало? — Стекло.

НАИНА.

Стекло!.
Да чтожъ стекло?

Гандо.

А что стекло? — Все тоже,
Что зеркало.

Нанна.

Такъ стало все одно:
Стекло и зеркало?

Гандо.

Нѣтъ, не одно.

Нанна.

Такъ схоже?

Гандо.

Не вовсе схоже.

Нанна.

Какъ?

Гандо.

Въ стеклѣ я пилъ вино,
А въ зеркало смотрюся;
Ну видишь ли?

Нанна.

Да вижу, что съ тобой
Я толка не добьюся.
Подай!....

Гандо.

Возьми.

Нанна, *глядя въ зеркало.*

Вотъ я, вотъ берегъ, вотъ лѣса,
Вотъ небо, вотъ вода, — и что-то надъ водою
Бѣлѣется.... Ахъ! это паруса!

Гандо.

Какъ? Гдѣ?

Нанна.

Вотъ тамъ, смотри, за мною.

Гандо.

Не вижу.

Нанна.

Вотъ смотри.... Ну, что, вглядѣлся ль въ нихъ?

Гандо.

И впрямъ корабль!.... Смотри пожалуй, и спиною
Ты лучше видишь глазъ моихъ.
Корабль Тавальсовъ... такъ... За мной, ребята!
Скорѣе на утесъ, — и брата
Примашемъ мы сюда.

## ЯВЛЕНІЕ IIIе.

Белзея и Нанна.

Нанна.

Тавальсъ такъ близко!

Белзея.

Да, и это не бѣда.

Нанна.

Конечно не бѣда, но я....

Белзея.

Ты рада?

Нанна.

Не то что рада: только вдругъ
Зибилось серде....

Белзея.

Что жъ, мой другъ
Знакъ добрый....

Нанна.

Ахъ! не то....

Белзея.

Да что же?

Нанна.

(*Выбираетъ подарки*). Еще не выбрала....

Белзея.

Вотъ что!
Тавальсу хочешь ты пригожей показаться.

Нанна.

Тавальсу?... Все не то:
И развѣ онъ одинъ. Ахъ! лучше разобраться
Ты помоги скорѣе мнѣ
Покуда мы одне;
А тамъ... Вотъ славно... Да! А какъ надѣть незнаю...
Вотъ такъ... Иль нѣтъ... Ахъ, матушка, взгляни,
Ужъ не причалили ль они?

Белзея.

О, нѣтъ еще.

Нанна, *примѣряя.*

Гляди-жъ: бѣда, какъ опоздаю....
Вотъ этакъ хорошо... Ахъ, матушка!

Белзея.

Вотъ я.

Нанна.

Пристало ль это мнѣ?

Белзея.

И нивѣсть, какъ пристало.

НАИНА.

Поди жъ смотри... (*Вынувъ полсъ.*) Вотъ кстатѣ мнѣ попало,
Я подполышусь имъ.... Да нѣтъ, одной нельзя...
Ахъ, матушка!

БЕЛЗЕЯ.

Я здѣсь.

НАИНА.

Да подойди поближе.
Вотъ это крѣпче завяжи....
Повыше.... такъ.... Ахъ, нѣтъ.... пониже....
Ну, посмотри, какъ мило?

БЕЛЗЕЯ.

Да, мило.

НАИНА.

Ну подиже и смотри.

БЕЛЗЕЯ.

Смотрю.

НАИНА, *нарѣжалсь.*

Ахъ, матушка!

БЕЛЗЕЯ.

Да ты меня затормошила!

НАИНА.

Я и сама какъ на огнѣ горю....
Вотъ этимъ поскорѣй ты оберни мнѣ руку,
Покрѣпче... такъ... Подижъ смотри...

БЕЛЗЕЯ.

Иду.

НАИНА, *взявъ полсъ.*

Но вотъ ужъ этому и мѣста не найду...
Ахъ, матушка!

БЕЛЗЕЯ.

Ну что?... Да мнѣ на муку
Тавальсъ наслалъ весь этотъ вздоръ.

НАИНА.

Ахъ, матушка! обрадуй:
Скажи присталъ ли мнѣ уборъ?

БЕЛЗЕЯ.

Присталъ; да я устала....

НАИНА.

Не досадуй;
Какъ быть: я чай, Тавальсъ въ заморской сторонѣ
Все перенялъ, узналъ,— и стало должно мнѣ
Убраться такъ, чтобъ не было намъ стыдно.
Ты слышала, какъ Гандо мнѣ сказалъ:
Что это все герой красавицѣ прислалъ,
Такъ и по этому ужъ видно,
Что на Ганзейскій образецъ
Тавальсъ и здѣсь все передѣлать хочетъ.

БЕЛЗЕЯ.

Да если онъ и вправдъ о томъ хлопочетъ,
То ждетъ его дурной конецъ
Отъ дѣдушки....

НАИНА.

А если онъ вернется,
Не могши ничего въ заморьѣ перенять,
Тогда отъ правнучки ему придется,
По прежнему, въ лѣса бѣжать.

ГАНДО,

(*съ товарищами перебѣгая черезъ театръ.*)

Причалилъ!

НАИНА.

Ахъ!

БЕЛЗЕЯ.

Что сдѣлалось? Ты, право,
Какъ листъ дрожишь....

НАИНА.

Дрожу: да отъ чего?
Неужли я боюсь его?
Бояться нечего: ему и честь и слава!
Пусть онъ герой; да я, неправдаль, не дурна?
А Нѣмцы сказывали сами,
Что красота у нихъ всему равна,
И воины дрожатъ предъ милыми глазами;
И только красоту гдѣ взвидятъ, то скорѣй
И на колѣна передъ ней.

БЕЛЗЕЯ.

Тавальсъ ужъ выскочилъ на берегъ....

НАИНА, *глядясь въ зеркало.*

Я готова
Принять его и всѣхъ.
Вотъ онъ!

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, ТАВАЛЬСЪ, ГАНДО и товарищи.

ТАВАЛЬСЪ.

Тавальсъ къ тебѣ явился снова:
Во всемъ ему Юмелла далъ успѣхъ:
Онъ воинъ, не пастухъ! Но эта перемѣна
Счастливаль для него?

НАИНА, *въ сторону.*

Да что же на колѣна
Онъ не становится?

Тавальсъ.

Ты не глядишь на насъ!
Когда Тавальсъ не милъ тебѣ, за что же
Скрывать отъ нихъ сіянье свѣтлыхъ глазъ?

Наина, *въ сторону.*

На чужекрайное. (*глядитъ на Тавальса.*)

Тавальсъ.

Наина! этотъ взглядъ
Мнѣ всѣхъ побѣдъ моихъ дороже.

Наина, *въ сторону.*

Ну брядъ
И Нѣмцы этаго умнѣе скажутъ.

Тавальсъ, *Белзеп.*

Она не говоритъ сомной!

Белзея.

Все это стыдъ пустой:
Твои товарищи языкъ ей вяжутъ.
(*Рыбакамъ.*)
Я чай, вамъ хочется скорѣй обнять родныхъ
Они всю ночь за васъ проплакали въ моленьи.
И спятъ еще.... Пойдемъ, разбудимъ ихъ,
И все обрадуемъ селенье.

Тавальсъ.

Подите съ ней, друзья.

Гандо.

Пойдемъ же радовать. — За мной! —
(*всѣ уходятъ*).

Белзея, Наинѣ.

А ты останься,
Къ тебѣ тотчасъ вернуся я.
(*тихо*).
Эй, дочь! не зазнавайся
И дѣдушки побойся.... Ну, прощай.

## ЯВЛЕНІЕ V.

Тавальсъ и Наина.

Тавальсъ.

Наина, мы одни остались...

Наина.

Вижу.

Тавальсъ.

Такъ, не стыдясь, мнѣ прямо отвѣчай:
Ты ненавидишь ли меня?

Наина.

Не ненавижу.

Тавальсъ.

А любишь ли?

Наина.

Что многоль видѣлъ ты
Въ чужихъ краяхъ хорошаго?

Тавальсъ.

Не мало.
Но равной красоты
Съ твоей, нигдѣ и солнце не видало.

Наина, *въ сторону.*

Ахъ! какъ онъ поумнѣлъ въ чужихъ краяхъ!
Ты видѣлъ вѣрно, какъ мущины
Тамъ любятъ.... женъ своихъ?

Тавальсъ.

Ни женъ своихъ они, ни жены ихъ не любятъ,
И всякой самъ въ себя влюбленъ.

Наина.

Однакоже они сражаются за женъ.

Тавальсъ.

За женъ чужихъ они людей безъ пользы губятъ;
А на своихъ и не глядятъ;
И признаюсь, что ихъ обычай и обрядъ
Мнѣ не по сердцу.

Наина.

Какъ?

Тавальсъ.

Да, право.
Заѣла ихъ корысть.

Наина,
*развѣшивая свои уборы, съ досадой.*

А здѣсь другая слава
О нихъ идетъ: и вамъ въ заморской сторонѣ
Не худо бы добыть отъ женщинъ славу туже,
И для чегожъ вамъ быть самимъ Ганзейцевъ хуже?

Тавальсъ.

Ганзейцевъ?

Наина.

Да.

Тавальсъ.

Ты шутишь!

Наина.

Нѣтъ.

ТАВАЛЬСЪ.

А мнѣ
Терпѣть нѣтъ силы,
Чтобъ этихъ пришлецовъ... Не я-ль вездѣ
ихъ билъ.
А здѣсь!... Да неужли такъ милы
Они тебѣ?

НАИНА.

Мнѣ ихъ обычай милъ;
Мнѣ нравится ихъ бытъ, высокія палаты,
Большіе города и умное житье.

ТАВАЛЬСЪ.

Въ нихъ только умнаго, что хвалятъ все
свое.

НАИНА, *глядя на уборы.*

Я вижу и сама, какъ всѣмъ они богаты,
Какъ всѣ у нихъ прикрасы хороши!

ТАВАЛЬСЪ.

Ахъ! передъ ними ихъ богатство:
У нихъ ничто не отъ души;
Нѣтъ дружбы, ни родства, ни братства;
На серебрѣ, на золотѣ, подъ часъ
У нихъ блестятъ несчастныхъ слёзы.
Богатыхъ нѣтъ, за то и нищихъ нѣтъ у
насъ.
Не столько холодны трескучіе морозы
Зимой на нашихъ берегахъ,
Какъ холодецъ морозъ, который въ нихъ
сердцахъ
Не таетъ ни зимой, ни лѣтомъ.
Гаиза счастлива? — Нѣтъ, не соглашусь
въ этомъ!
Гаизейцамъ роскошь ихъ горька;
Завидно ихъ житье, когда издалека
Ты смотришь на него.

НАИНА.

Да не было завидно
И имъ смотрѣть вблизи,
Какъ подъ дождемъ, подъ снѣгомъ, и
въ грязи
Мы здѣсь живемъ. Намъ даже было
стыдно
При нихъ и говорить о сторонѣ своей.

ТАВАЛЬСЪ.

А имъ сто разъ стыднѣй,
Что мы на нихъ нагнали страхъ и тре-
петъ;
Но все не въ прокъ: Ахъ! вижу я! что
здѣсь
Ихъ хвастовство, ихъ спѣсь
И ихъ сорочій лепетъ
Надѣлали проказъ.
Но я клянусь Гаизы пожаромъ,
Что больше здѣсь они ужъ не покажутъ
глазъ;
Что ими же не даромъ
Героемъ названъ я;
Что ихъ обычая, какъ язвы не терпя,
На родинѣ моей не потерплю ихъ духа:
Иль мнѣ конецъ, иль здѣсь объ нихъ не
будетъ слуха.

НАИНА,
*снявъ постепенно всѣ наряды, бро-
саетъ ихъ.*

Герой, я не люблю тебя.

## ЯВЛЕНІЕ VIое.

ТАВАЛЬСЪ, потомъ БУДУНТАЙ.

ТАВАЛЬСЪ, *послѣ молчанія.*

Такъ вотъ къ чему мнѣ послужили
Убійства, битва и грабежъ!
Такъ жизнь мою въ болѣхъ мнѣ боги со-
хранили
На то, чтобъ здѣсь убить? — Огонь, и жаръ
и дождъ
Я чувствую въ костяхъ и жилахъ:
И, столько погубя людей,
Неужли я не въ силахъ
Убить мою тоску и сгибнуть вмѣстѣ съ
ней?
Мой острый мечъ! не откажися
Послѣднюю мнѣ службу сослужить....
(*выхватываетъ мечъ; но птица уно-
ситъ его*).
Что это?

БУДУНТАЙ,
*являясь изъ головней корабля.*

Эй, Тавальсъ, не торопися,
Успѣешь умереть еще; а жить
Двухъ разъ никакъ не можешь.

ТАВАЛЬСЪ.

Ахъ! Будунтай, ты ль это?

БУДУНТАЙ.

Я пока.
Въ чемъ дѣло? въ чемъ бѣда?

Тавальсъ.

А такъ-то велика
Моя бѣда, что ей и самъ ты не поможешь

Будунтай.

Не помогу? — Твое все дѣло вздоръ:
Бѣда не велика, и не большое чудо,
Что дѣвушкѣ съ тѣхъ поръ
Свое все стало худо,
Чужое хорошо, когда въ умѣ ее
Разумье отъ чужихъ разскащиковъ засѣло.
Да за пришельцами вездѣ одно и дѣло,
Чтобы въ чужой землѣ расхваливать свое,
А дома все хвалить чужое,
И женщинъ тѣмъ сводитъ съ ума.
Но въ этомъ дѣлѣ есть другое,
Чего не знаешь ты.

Тавальсъ.

Скажите, что такое?

Будунтай.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма;
Не даромъ въ сторонахъ разумныхъ говорится:
Чтобъ жить не на обумъ,
Такъ нуженъ умъ;
А умъ чтобъ наторѣлъ, такъ надобно учиться.
Побили Нѣмцевъ вы, пожгли ихъ города,
Все такъ: да это все поправная бѣда,
Ихъ дѣти подростутъ, и будетъ рать готова;
А города повыстроятся снова.
Но здѣсь они, уловкою своей
Такую заварили кашу,
Что въ жизнь, не только вашу,
Да вашихъ и дѣтей
Ее не расхлебать: пусть вѣтьви обобьются
У дуба отъ грозы, то не большое зло.
А вотъ какъ въ немъ самомъ да черви заведутся,
То рано, поздно ли, а выточатъ дупло,
И дуба крѣпкаго, какъ не бывало.
Ты храбръ, досужъ, силенъ,
А Нѣмецъ взялъ свое, за тѣмъ что онъ ученъ.
За чѣмъ же дѣло стало?
Чѣмъ ты ушибся, тѣмъ лѣчись.
Тебя наукою заморскою ушибли;
Чтожъ думать: самъ учись,
Пока кудесники не вовсе здѣсь погибли.
Пусть Нѣмцы учены;
Но все еще они не колдуны,
И стоитъ только намъ на днѣ морскомъ порыться,
То можешь до того наукою добиться,
Что самъ же ты,
Не только словомъ, даже взглядомъ
Зажмешь Ганзейцамъ рты;
И стать съ тобою рядомъ
Не будутъ смѣть чужіе мудрецы;
И отъ тебя совсѣмъ съ ума сойдетъ Наина.

Тавальсъ.

Неужли?

Будунтай.

Да; и я иду къ тебѣ въ отцы,
И стану обучать, какъ сына,
Чему у дѣдушки я обучался самъ.
А я, каковъ ни есть, однимъ мизинцемъ
Щелчка такого дамъ
Всѣмъ этимъ дѣвичьимъ любимцамъ,
Что и съ домами ихъ швырну подъ небеса.

Тавальсъ.

Что ты досужъ на чудеса,
Я много ото всѣхъ слыхалъ.

Будунтай.

Слыхалъ ты много,
Увидишь больше самъ. Да, сынъ мой, намъ дорога
Не залегла въ дремучіе лѣса,
Въ непроходимые вертепы,
Въ ущелья поднебесныхъ горъ,
За крѣпкіе кремнистые заклепы,
Гдѣ искони до нашихъ поръ
Нога людская не бывала,
Куда и звѣрь не забѣгалъ,
И птица не летала,
И змѣй не приползалъ,
Туда-то намъ съ тобой пуститься надо.

Тавальсъ.

Куда велишь, съ тобой пуститься сердце радо.

Будунтай.

Такъ пустимся-жъ....

Тавальсъ.

На сколько лѣтъ?

Будунтай.

Тамъ не увидишь ты ни дня ни ночи,
И времяни тамъ вовся счета нѣтъ;
Живи, учись, пока не прояснѣютъ очи,
И не засядетъ въ головѣ
Наука всѣхъ наукъ.

Тавальсъ.

А тамъ увижу
Опять Наину?

Будунтай.

Да.

Тавальсъ.

Когда?

Будунтай.

Я время сближу,
Лишь только ты хоть мало въ колдовствѣ
Понаторѣешь, то.... Да не объ этомъ дѣло;
Ты только не робѣй пуститься въ дальный
путь.

Тавальсъ.

Ходилъ на смерть я для Наины смѣло;
Хоть на морское дно готовъ сей часъ
нырнуть.

Будунтай.

На днѣ морскомъ хоть не дурна дорога,
Да та бѣда,
Что тамъ объѣздовъ слишкомъ много:
По воздуху прямѣй... Поди сюда,
На головню скорѣй садися,

(*летятъ на головнѣ*).

Покрѣпче за меня держися,
Ни слова мнѣ не говори;
Во всемъ моей отдайся волѣ,
И ужъ за все беруся я.

Тавальсъ.

Лети скорѣй, чтобъ здѣсь не слышалось
мнѣ болѣ:
„Герой, я не люблю тебя.“

## *Часть третья.*

# КОЛДУНЪ.

### ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Тавальсъ.

Наина.

Будунтай.

Аилосъ, духъ пѣвецъ.

Перголосъ, духъ вѣстникъ.

Духи въ разныхъ видахъ, поющіе и танцующіе.

*Театръ представляетъ совершенно мрачную пещеру; нѣсколько лампадъ и летучіе огни ее освѣщаютъ; впереди каменный столъ, на которомъ множество свитковъ, египетскихъ фигуръ и жезлъ изъ змѣй.*

### ЯВЛЕНІЕ I.

ТАВАЛЬСЪ *въ черномъ одѣяніи сидитъ и разсматриваетъ свитокъ.*

Конецъ труда, и Будунтаю слава!
Къ наукѣ всѣхъ наукъ я ключь нашелъ:
Египетскій языкъ чертежный
Мнѣ кажется бездѣлкою теперь.
А знаю все: и этотъ древній свитокъ,
Разобранный съ начала до конца,
Мнѣ указалъ науку чародѣйства.
Я сдѣлаю здѣсь первый опытъ мой
Посмотримъ все....огонь, три круга,
Стрѣлокъ и крокодилъ, змія, луна и солнце,
Двѣ линіи, рука, гробница. ..такъ.
Начнемъ же заклинанье.

(встаетъ, беретъ жезлъ, окуриваетъ его на огнѣ, дѣлаетъ три круга, — является змія, несущая во рту три стрѣлы, онъ ихъ беретъ; козелъ выноситъ на рогахъ лукъ, — онъ снимаетъ его, стрѣляетъ въ одну сторону, пещера раскрывается показываетъ лун у

на чистомъ небѣ; онъ становится передъ нею на колѣна, встаетъ, пускаетъ стрѣлу въ другую сторону; показывается солнце, онъ предъ нимъ повергается. Потомъ ударяетъ жезломъ въ землю, изъ нея выходитъ египетская гробница).

О духъ безсмертнаго пѣвца.
Возпѣвшій битвы Сезостриса,
Плѣнявшій гордыя сердца
Красавицъ древняго Мемфиза!
Ужъ болѣе трехъ тысячь лѣтъ
Мертвѣешь ты въ земной утробѣ,
Волхвами заключенный въ гробѣ
За слишкомъ смѣлый твой полетъ:
Разрушу я твою темницу,
Ты будешь воздуха вольнѣй:
Проснись, оставь твою гробницу!

(пускаетъ стрѣлу въ гробницу, она разрушается, духъ вылетаетъ и скрывается въ отверстіе пещеры).

## ЯВЛЕНІЕ IIое.

ТАВАЛЬСЪ и АИЛОСЪ.

Тавальсъ.

Постой, постой, ты залетѣлъ высоко;
Я не на то тебѣ свободу далъ,
Чтобъ ты изъ глазъ моихъ умчался;
Но чтобъ ты мнѣ повиновался.
Спустися внизъ, или опять
Тебѣ свободы не видать!

Аилосъ, *спустясь, поетъ.*

Почувствовавъ себя на волѣ,
Отъ радости я все забылъ;
Но я клянусь, не буду болѣ
Заносчивымъ, какъ прежде былъ;
Такъ долго подъ землей мертвѣя,
И духу позабыть легко.
Что на замлѣ, чтобъ быть цѣлѣе
Летать не надо высоко.

Тавальсъ.

Нѣтъ, я тебѣ не запрещаю:
Летай какъ хочешь высоко;
Но съ тѣмъ, чтобъ изъ моей ты воли
На мигъ не вылеталъ.

Аилосъ *поетъ.*

Такъ, по словамъ твоимъ, я воленъ
Всю волю исполнять твою.
Какъ быть, и этимъ я доволенъ:
Вели — и въ честь тебѣ пою.
Всѣхъ смертныхъ очарую уши,
Почтенье, страхъ къ тебѣ вселю,
Смягчу красотъ надмѣнныхъ души
И цѣлый свѣтъ въ тебя влюблю.

Тавальсъ.

Такъ, имянно затѣмъ, Аилосъ милый,
Ты мной изъ гроба извлеченъ,
Чтобъ былъ твоихъ прельщеній силой
Наины гордый духъ смягченъ.
Пастухъ Тавальсъ въ нее влюбился,
Она смѣялася надъ нимъ;
Тавальсъ пошелъ на смерть, героемъ возвратился;
Но пастуха герой не больше былъ любимъ.
Тавальсъ, не устрашась премудрости пучины,
Здѣсь съ мертвыми живой себя зарылъ;
Отечество, и свѣтъ, и время, все забылъ,
Но прелестей Наины
Ни какъ не могъ забыть.

Аилосъ, *въ сторону.*

А время кажется, давно ихъ позабыло.

Тавальсъ.

Лети же къ ней; но чтобъ тебѣ удобнѣй было
Ее отъ всѣхъ красавицъ отличить,
То знай: что все прелѣстнѣйшее въ свѣтѣ
Найдешь въ одной Наинѣ ты;
Что равной съ нею нѣтъ подъ небомъ красоты;
Что видъ ея....весна во всей красѣ и цвѣтѣ;
Чело, въ тѣни волосъ, — свѣтъ лунный въ мракѣ тучь;
Улыбка — утра первый лучь;
Веселость — солнце въ ясномъ лѣтѣ;
Румянецъ — алая заря;
А бѣлизна и плечь и персей — снѣгъ нагорный,
И какъ въ горнилѣ уголь черный,
Огнемъ сверкающимъ горя,
И свѣтитъ и палитъ: такъ и палятъ и свѣтятъ
Наины черные глаза!
Легка какъ паръ; быстра, какъ дикая коза;
А взглядъ ея когда чьи взоры встрѣтятъ,
Такъ тотъ погибъ на вѣкъ.

Аилосъ поетъ.

Ты описалъ твою Наину живо,
Хотя давно о томъ толкуетъ свѣтъ,
Что зеркало старухъ не столько лживо,
Какъ писанный любовникомъ портретъ;
Но я его догадками исправлю;
Придамъ кой-что поврёмяни къ нему,
Найду, — и такъ тебя любить заставлю,
Что врядъ ли самъ ты будешь радъ тому.
(*улетаетъ*).

## ЯВЛЕНІЕ Шое.

ТАВАЛЬСЪ, пототъ ПЕРГОЛОСЪ.

Тавальсъ.

Кто? я не буду радъ? Нѣтъ это быть не можетъ,
И какъ бы ни былъ я Наиною любимъ,
Но все не такъ, какъ мной она любима.
Я для нея на свѣтѣ только жилъ,
И даже отъ него отрекся,
Живой зарылся въ гробъ....
Но если знаніемъ не больше я успѣю
Какъ и невѣжествомъ, — тогда всему конецъ!...
Ахъ! какъ нетерпѣливо
Я знать хочу.. и какъ несносно ждать!
Вотъ въ первый разъ еще почувствовалъ я скуку,
Съ тѣхъ поръ какъ здѣсь живу...
Займуся чѣмъ нибудь...Нѣтъ, сердце замираетъ,
Кружится го. това...Но надобно узнать
Гдѣ Будунтай, что дѣлается въ свѣтѣ?..
Мой свитокъ мнѣ открылъ,
Что этотъ колоколъ завѣтный
Въ минуту призоветъ
Разскащиковъ всезнающаго духа.
(*ударяетъ въ колоколъ Перголосъ является*).
Вотъ онъ! Что новаго!

Перголосъ.

А гдѣ?

Тавальсъ.

Вездѣ.

Перголосъ.

Вездѣ дурачатся различные народы
На разный ладъ и обычай;
Вездѣ на умъ худые годы,
На умничанье — урожай.
Вездѣ на хитростяхъ съ ума всѣ люди сходятъ,
И всѣ хитрятъ изъ пустяковъ,
Вездѣ разумники ругаютъ дураковъ,
А дураки ихъ за носъ водятъ.
Вездѣ, во все мѣшаются глупцы,
И покровителей находятъ;
Вездѣ холопы и льстецы
Глупятъ съ младенчества богатыхъ.
Вездѣ бранятъ судей;
Вездѣ тѣ въ правыхъ, кто глупѣй:
А тѣхъ кто поумнѣй
Вездѣ винятъ за виноватыхъ.
Вездѣ отъ женщинъ нѣтъ житья:
Хорошія самолюбивы,
Полухорошія ревнивы,
Полудурныя злорѣчивы,
Совсѣмъ дурныя пребранчивы;
И жены всѣ идутъ охотою въ мужья;
Мужья жъ, и не хотя, а поступаютъ въ жены
Къ женамъ своимъ,
А часто и къ чужимъ.
И женщины почти вездѣ даютъ законы.
Вездѣ дѣтей за то журятъ отцы,
За что отъ дѣдушекъ бывали биты сами;
А дѣти — мудрецы
Съ пустобородыми щеками.
И мудрость старая вездѣ отъ старины
На шагъ отстать не хочетъ;
А мудрость новая, изъ новизны
Безъ памяти вездѣ хлопочетъ.
Но мудрецамъ и мудрости на зло:
Что было, что прошло,
Вездѣ одно и тоже, —
И новое вездѣ на старое похоже.

Тавальсъ.

Да новаго и ты ни слова не сказалъ.

Перголосъ.

Я гуртомъ отпустилъ что зналъ;
По мелочи все разскажу, что спросишь.

Тавальсъ.

Чѣмъ занятъ Будунтай?

Перголосъ.

Покуда старостью.
Онъ живъ еще, хоть отжилъ вѣкъ;

А чтобъ совсѣмъ быть мертвымъ,
Недостаетъ ему
Закрыть глаза и лечь въ могилу.

Тавальсъ.

Да отъ чего жъ такъ вдругъ онъ устарѣлъ?

Церголосъ.

Какъ отъ чего? Да онъ старѣлъ, по крайней мѣрѣ,
Лѣтъ семдесятъ.

Тавальсъ.

Вотъ вздоръ какой!
Да я съ нимъ видѣлся недавно.

Перголосъ.

Недавно?

Тавальсъ.

Да: онъ здѣсь сидѣлъ со мной,
Какъ началъ разбирать я самый этотъ свитокъ.

Перголосъ.

Такъ ты его не скоро жъ разобралъ:
Ужъ тридцатъ лѣтъ....

Тавальсъ.

Молчи.....
Я слышу, кажется полета шорохъ..

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Аилосъ.

Тавальсъ.

Такъ, это Аилосъ! Спускайся поскорѣй...
Скажи, ты видѣлъ ли Наину?
Когда? и гдѣ? и какъ?

Аилосъ *поетъ*.

Одна, надъ самою водой
На берегу она сидѣла;
Однакожъ въ воду не глядѣла
И обернулась къ ней спиной.

Тавальсъ

Да отъ чегожъ?

Аилосъ *поетъ*.

Сидѣнья этаго причину
Я, кажется, узналъ тотчасъ:
И ты узналъ бы, еслибъ разъ
Взглянулъ поближе на Наину.

Тавальсъ.

Ахъ! можетъ быть, она не рада
Съ тѣхъ поръ сама своей красѣ,
Какъ Нѣмцы ушли.... Чтожъ далѣ?

Аилосъ *поетъ*.

На берегъ пташкой я порхнулъ,
Къ Наинѣ тихо подокрался,
Къ уйку легонько я прижался
И нѣжно о тебѣ шепнулъ.

Тавальсъ.

Ну чтожъ она?

Аилосъ *поетъ*.

Она смутилась на минуту;
Глаза открыла, — и тотчасъ
Взглянула такъ, что этихъ глазъ
Я испугался не на шутку.

Тавальсъ.

Ахъ! испыталъ я, какъ опасны
Живые взгляды этихъ глазъ:
Не правдаль, ихъ не можно видѣть
Безъ трепета? — Но далѣше что?

Аилосъ.

Она сначала испугалась;
Но страхъ ея не дологъ былъ:
Тотчасъ въ любви къ тебѣ призналась,
И я залога попросилъ:
Тутъ у нея почти румянцемъ
Покрылось блѣдное лицо;
Она, въ восторгѣ, чуть не съ пальцемъ,
Вдругъ сорвала съ руки кольцо.

Тавальсъ.

Подай его!.... Какое счастье!....
Лети, о вѣрный духъ, скорѣй.
Неси ее сюда; но чтобъ ненастье
Въ полетѣ не вредило ей,
Ты жаромъ солнечнымъ нагрѣй
И занавѣсъ и покрывало....
Закрой ее отъ вѣтра... Ну, лети!
(*Перголосу*) А ты духовъ подземныхъ извѣсти,
Что бы вертепа здѣсь не стало:
Чтобъ вѣртоградъ, чтобъ пышный дворъ,
Богатство, праздникъ, все что знаешь,
Наины веселило взоръ.

Персолосъ.

Все будетъ сдѣлано, чего желаешь:

И только въ колоколъ ударь,
То встрѣтимъ такъ твою Наину,
Какъ не встрѣчалъ пословъ и Вавилонскій Царь.
(*проваливается*).

## ЯВЛЕНІЕ V.

ТАВАЛЬСЪ *одинъ*.

Благодарю судьбину
И Будунтая и боговъ!
Проникнувъ мудрости бездонную пучину,
Я счастьемъ возношусь превыше облаковъ.
Къ чему мнѣ прежде послужили
И слава и любовь?
Къ чему я мучился и лилъ рѣками кровь.
Герой какъ и пастухъ равно несчастны были.
Но я теперь надеждой льщу себя,
Что мнѣ жестокая не скажетъ:
*Колдунъ, я не люблю тебя.*
Вотъ цѣпи той кольцо, которой свяжетъ,
Мое ученіе на вѣкъ
Меня съ чудеснѣйшей подъ солнцемъ красотою.
О мудрость! Такъ, тобой одною
На свѣтѣ счастливъ человѣкъ.
Теряясь въ лабиринтѣ знанья,
Мудрецъ, сокрывшись отъ людей,
Не слышитъ наглостей, не видитъ пресмыканья,
И отдѣлясь отъ мѣлочныхъ страстей,
Онъ чувствуетъ одно ума стремленье
Къ высокой цѣли; и забвенье
Ничтожныхъ жизненныхъ суетъ
Такое наслажденье,
Какого выше въ мірѣ нѣтъ!
А если наконецъ ученьемъ онъ добудетъ
Надъ смертными такую власть,
Которая его презрѣвшую принудитъ
Съ расканьемъ къ ногамъ его упасть;
Тогда Юмелла съ нимъ блаженствомъ не сравнится!
Тавальсъ, дождался ты мученіямъ конца,
Спѣши трудовъ своихъ плодами насладиться....
Ахъ! видѣть не могу я этаго кольца,
Чтобъ слезы радости въ глазахъ не засверкали.
Ни раза въ жизни я не плакалъ отъ печали;
Но въ радости лью слезы, какъ дитя;
И, мыслями на встрѣчу ей летя,
Я чувствую, что мнѣ тѣсна земная сфера!...
Изчезни мрачная пещера!
Явися свѣтлый вертоградъ.
Чтобъ все плѣняло здѣсь Наины быстрый взглядъ.
(*ударяетъ въ колоколъ*).

## ЯВЛЕНІЕ VI.

(*Театръ превращается въ великолѣпный садъ, наполненный духами Миволгическими и Азіатскими*).

ТАВАЛЬСЪ, ДУХИ, потомъ НАИНА.

Хоръ Духовъ.

Твоей неодолимой властью
Вознесся здѣсь прекрасный садъ.
Волшебствомъ доведенъ ты къ счастью:
Здѣсь все твое, что видитъ взглядъ.

Тавальсъ.

Здѣсь все принадлежитъ Наинѣ:
Себя и васъ, и все ей отдаю;
Пускай она своей чудесной красотою
Всѣ ваши прелести затмитъ.
Но неужли я ей предстану
Въ одеждѣ мрачной мудрецовъ?
Нѣтъ, долженъ я предъ ней явиться
Ея достойнымъ женихомъ.
(*платье Тавальса перемѣняется въ богатую Азіатскую одежду*).
Но что еще Анлосъ медлитъ?
Какъ мысли, быстръ его полетъ:
Ужъ онъ давно за счастіемъ помчался,
И долго такъ его здѣсь нѣтъ!
Ужли Наина?... Ахъ! я слышу
Несется вѣтромъ дальній гулъ.....
Какіе радостные звуки.....
Она летитъ!... Какъ сердце бьется!
Я весь дрожу, и прежній страхъ
Въ душѣ моей я ощущаю снова!...
Вотъ облако.... Бѣгите всѣ сюда;
Смотрите, вотъ она!... вотъ милая Наина....
Ея любуйтесь красотой!
(*облако спускается*)
Она спускается... О радость!
Откройся пологъ!.. Вотъ она!...
Но ахъ! зачѣмъ же покрывало

Скрываетъ прелести ея?
(*подходитъ къ облаку и сводитъ Наину*).
Наина, ты ли это?

НАИНА
Я.

Тавальсъ, тебя ль еще я вижу?

ТАВАЛЬСЪ.

Такъ, твой женихъ передъ тобой.

НАИНА.

Женихъ....

ТАВАЛЬСЪ.

Но отъ чего дрожитъ твой голосъ?
Иль ты меня боишься?

НАИНА.

Нѣтъ, не то.
Ахъ! какъ онъ постарѣлъ!

ТАВАЛЬСЪ.

Сними же покрывало,
Дай мнѣ опять твою увидѣть красоту,
Откройся... (*увидя Наину*) Ахъ!....
кого ты, духъ негодный,
Привесъ?

АНЛОСЪ.

Наину, вотъ она.

ТАВАЛЬСЪ.

Не правда, нѣтъ!...И эту дряхлую старуху
Не смѣй Наиной звать.

НАИНА.

Тавальсъ, о чемъ ты духу
Такъ долго говоришь?
А на свою Наину не глядишь!

ТАВАЛЬСЪ.

Ахъ! неужли Наина ты?

НАИНА.

А кто же?
Такъ, вотъ мое лице; а вотъ твои дары....
Какъ мы разстались, была я помоложе,
И похудѣла я немножко съ той поры.

ТАВАЛЬСЪ.

Какъ ты перемѣнилась!

НАИНА.

Да, милой мой, повѣрь,
Что я почти переродилась
Совсѣмъ другой я сдѣлалась теперь.

ТАВАЛЬСЪ.

Ахъ! вѣрю!...

НАИНА.

Я была самолюбива,
Заносчива, горда,
Безпечна, вѣтрена, спѣсива,
А хуже что всего, къ тебѣ несправедлива.
Но глупою не должно жъ быть всегда:
Я образумилась, я все иначе вижу:
Не только ужъ сама не чванюсь красотой,
Но чванство это ненавижу
Во всякой дѣвушкѣ другой.
Да ты, Тавальсъ, не отвѣчаешь....
И не глядишь!.. Ахъ! можетъ быть,
Ты все еще меня вертушкою считаешь,
И думаешь, что я не рождена любить?
Такъ, дѣвичью забывъ стыдливость,
Я женское притворство отложу,
И искренно, тебѣ, мой милый другъ, скажу,
Что должную твоей любови справедливость
Давно я въ сердцѣ отдала,
И матушкѣ покойницѣ призналась:
Ты знаешь, что она, бѣдняжка, умерла:
И я осталась
Несчастной сиротой?

ТАВАЛЬСЪ.

Давно ли?

ПЕРГОЛОСЪ.

Двадцать лѣтъ.

НАИНА.

Тебѣ какое дѣло
Считать года?

ТАВАЛЬСЪ.

Ужъ двадцать лѣтъ?

НАИНА.

Почти.

ТАВАЛЬСЪ.

Какъ время пролетѣло!
Ужъ двадцать лѣтъ!..Давно ли же сюда
Я скрылся?

ПЕРГОЛОСЪ.

Сорокъ лѣтъ.

НАИНА.

Не вѣрь ему, до счета
Какая у тебя несносная охота!

ТАВАЛЬСЪ.

Ужъ сорокъ лѣтъ!

НАИНА.

Когда тебѣ я все мила,
Тогда до времяни намъ нужды мало:
Пусть вянетъ красота, пусть буду я дурна,
Лишь только бъ сердце не завяло:
Мы любимъ сердцемъ.

ТАВАЛЬСЪ.

Такъ; но сердцемъ красоту мы любимъ.
Такъ я затѣмъ проникъ науки высоту,
Чтобъ знать: что время губитъ красоту,
А мы напрасно время губимъ?
Вотъ сорокъ лѣтъ прошло,
И сорокъ лѣтъ учился я для гроба!

НАИНА.

Да, мы съ тобой поустарѣли оба:
Но времяни на зло,
Мы вычтемъ сорокъ лѣтъ, пустыхъ какъ не бывало,
И съ дня разлуки жить начнемъ.
Ну, такъ и быть, я признаюся въ томъ,
Что на лицѣ моемъ есть кое-гдѣ морщины,
Что въ бородѣ твоей бѣлѣются сѣдины;
Но я твоихъ сѣдинъ,
А ты моихъ морщинъ
Считать не станемъ;
Сердцами молодость вспомянемъ...
И сорокъ лѣтъ тогда намъ будутъ, какъ вчера.

ТАВАЛЬСЪ.

А я такъ думаю, что вспомнить намъ пора,
Что завтра, можетъ быть, обоихъ насъ схоронятъ;
Такъ ужъ не лучше ли намъ розно умирать?

НАИНА.

Какъ? что? Меня ты хочешь ужъ прогнать?
Но нѣтъ, Тавальсъ свою Наину не прогонитъ,
Измѣною не посрамитъ себя.

ТАВАЛЬСЪ.

Наина, лучше зло предупредить сначала.

НАИНА.

Чего же хочешь ты?

ТАВАЛЬСЪ.

Хочу, чтобъ ты сказала:
Колдунъ, я не люблю тебя.

НАИНА.

Ахъ нѣтъ; люблю, люблю, люблю! ты слышишь?
Люблю, и это докажу:
Покуда ты еще на свѣтѣ дышешь,
Я отъ тебя не отхожу.

ТАВАЛЬСЪ.

Но я прошу.....

НАИНА.

О чемъ ты просишь?

ТАВАЛЬСЪ.

Изъ милости, взгляни ты на свое лицо.

НАИНА.

Взгляни же самъ ты на мое кольцо;
Какъ мой женихъ его ты носишь,
Ты обручился имъ со мной;
И мнѣ во чтобъ ни стало,
А буду я твоей женой.
Что жъ, развѣ даромъ я по воздуху летала?
Да нѣтъ, кольца не скидывай,
Носи его — и твердо знай,
Что, какъ ты ни хитеръ, а все тебя хитрѣе
Мой прадѣдъ Будунтай;
И онъ заступится скорѣе
За правнучку свою, чѣмъ за тебя,
Ему совсѣмъ чужаго.
Такъ ты, любя иль не любя,
А женишься на мнѣ. — И что же въ томъ дурнаго?
Ты устарѣлъ, — ну пусть и я не молода....
Жить въ одиночествѣ и молодому скучно,
А старому совсѣмъ бѣда:
Такъ можешь доживать свой вѣкъ благополучно
Съ твоею вѣрною женой.
Ну, если бъ за тебя я вышла молодой,
То сорокъ лѣтъ проживши вмѣстѣ,
Меня бы ты, за то, что я не молода,
Не бросилъ?.. а?.. Ну, отвѣчай-же...

ТАВАЛЬСЪ.

Да!

НАИНА.

Умно. — Ведите жениха къ невѣстѣ
И начинайте брачный пиръ.

ТАВАЛЬСЪ.

Да, женится она на мнѣ ужъ не на шутку,
Постойте!.. Заключимъ на уговорѣ миръ.

НАИНА.

Какой? и на какомъ?

ТАВАЛЬСЪ.

По здравому разсудку
Поступимъ.

НАИНА.

Какъ?

ТАВАЛЬСЪ.

Не станемъ всѣхъ смѣшить.
Согласенъ я съ тобой, какъ мужъ съ жёною жить;
Да только розно,
Какъ водится вездѣ.

НАИНА.

Нѣтъ, милый, это поздно.
Зачѣмъ ты самъ Ганзу ругалъ?
Зачѣмъ сюда меня по воздуху примчалъ?
И такъ, что духъ чуть-чуть не захватило.
Зачѣмъ просилъ вѣнчальнаго кольца?
Съ разсудкомъ бы тебѣ спроситься прежде было:
И неужли у мудреца
Ума на столько не достало,
Чтобъ знать, что сорокъ лѣтъ, не сорокъ дней?
Что есть всему конецъ, средина и начало?
Что пользы нѣтъ ни мало
Учиться для того, чтобъ сдѣлаться глупѣй?
Но глупость для тебя не будетъ отговоркой:
Мой прадѣдъ Будунтай не изъ простыхъ судей,
Да, онъ имѣетъ взглядъ и не для денегъ зоркой,
И вѣрно сдѣлаетъ...

ТАВАЛЬСЪ.

Пусть прадѣдъ твой,
Коль можетъ, сдѣлаетъ тебя опять такой,
Какъ прежде ты была; и какъ еще остался
Твой образъ, врѣзанный въ душѣ моей:
Тогда бы снова я сто разъ тебѣ поклялся,
Чудесной прелестью твоей.
Ахъ! сдѣлай милость.....

НАИНА.

Что?

ТАВАЛЬСЪ.

Закройся покрываломъ.

НАИНА.

Нѣтъ, не закроюся. Пускай змѣинымъ жаломъ
Измѣнику мой будетъ взглядъ.
Ты радъ или не радъ
А все гляди: вотъ какова Наина,
Которая тебѣ милѣе всѣхъ была!....
Но могъ ли вѣрнымъ быть хотя одинъ
И я давно на нихъ за это зла.
Такъ хочешь ты, чтобъ я, опять похорошѣла?
Ты ищешь красоты; а мнѣ мила душа.

ТАВАЛЬСЪ.

И мнѣ душа мила, да безъ дурнаго тѣла....
Ахъ! будь какъ прежде хороша,
И ты своей душой меня плѣнишь, какъ прежде.

НАИНА.

Не стыдноль мудрецу
Такъ думать, какъ невѣждѣ!
Да, всякому глупцу,
По чемъ же и любить, когда не по лицу?
Когда въ тебѣ ума наука не заѣла
Ты долженъ знать, что люди не лицомъ
Живутъ на свѣтѣ, а умомъ.
Ты слышалъ самъ, что я еще не поглупѣла.

ТАВАЛЬСЪ.

Я слушать радъ тебя; а не могу глядѣть.

НАИНА.

Такъ покрывало мнѣ приходится надѣть.

ТАВАЛЬСЪ.

Ахъ, еслибъ я еще порылся
Въ Халдейскихъ хартіяхъ, то вѣрно бы добился
Да чародѣйнаго ключа воды живой
И сдѣлалъ бы тебя въ минуту молодой.

НАИНА.

Такъ ты училъ вѣкъ, а все не доучился?

ТАВАЛЬСЪ.

Да прадѣдъ твой успѣлъ два вѣка пережить,
А все тебя омолодить
Не можетъ.

БУДУНТАЙ, (вдругъ являясь.)

Лжешь ты, могу: и не тебѣ досталось
Меня судить.... Наина, молодѣй!....
Возьми, смотри на полдень, пей;
Да все, чтобъ жениху ни капли не осталось...
Ну, подойди ко мнѣ; сними фату долой.....
(*Наина показывается молодою*)

ТАВАЛЬСЪ.

Ахъ! какъ ты хороша!

Наина.

Гдѣ зеркало?

Будунтай.

Постой;
Опять ты принялась за дѣвичью уловку:
Но если будешь ты по прежнему дурить,
То эту милую головку,
Клянусь, какъ разъ размолодить.
Теперь скажи: ты хочешь ли сѣдаго
Героя, пастуха и мудреца любить?

Тавальсъ.

Наина, ты сейчасъ дала мнѣ слово....

Наина.

Ты слишкомъ тысячу мнѣ словъ давалъ.

Тавальсъ.

Я ихъ давалъ и исполняю;
А ты исполнишь ли?

Наина.

Не знаю.

Тавальсъ.

Да не сказала ли ты здѣсь сама,
Что красота ничтожна для ума,
Что любишь душу ты?....

Наина.

Да; только не такую,
Которая въ услугахъ у лица
И любитъ душу молодую.

Будунтай.

Да этимъ росказнямъ я не дождусь конца!
Ну! быть за нимъ, ты хочешь, иль не хочешь?

Наина.

Да правлюсь я ему одною красотой...

Будунтай.

Ты правишься, вотъ все: о чемъ же ты хлопочешь?

Наина.

Онъ виноватъ передо мной.

Будунтай.

А правду вамъ сказать, такъ вы неправы оба:
Ты слишкомъ чванилась лицомъ;
А онъ на старости быть вздумалъ молодцомъ,
И васъ бы стоило... Но я стою у гроба.
Такъ время не хочу пускать впередъ:
Хватаю на лету, пока меня не схватитъ,
Пускай богачь добро безъ счета тратитъ,
У бѣдняка-жъ и лыко въ счетъ идетъ.

Наина.

Прощаю я тебя; а ты прости Нашу;
Люби ее....

Тавальсъ.

Клянусь любить тебя всегда.

Наина.

То есть, пока я буду молода;
А я люблю тебя, каковъ ты есть.

Будунтай.

Мущину,
Хотя и съ просѣдью, когда онъ не дуракъ,
Иная женщина полюбитъ кое-какъ;
А ужъ объ этомъ нѣтъ и слуха,
Чтобъ безъ приданаго старуха
Мущинѣ по сердцу пришла.
Да это все сторонніе дѣла;
А наше дѣло,
Еще хоть разъ съ дѣтьми поиграть,
Покуда это тѣло
Не ляжетъ въ крытую кровать.
Подайте жъ руки, обнимитесь!
Безъ благодарности; туда гдѣ повиднѣй,
Не тратя времяни садитесь.
Ты пой; а вы пляшите, да живѣй.

Аилосъ *поетъ къ публикѣ.*

Конечно временъ наукой
Нельзя никакъ остановить;
Оно съ глупцомъ тащится скукой,
Съ ученымъ на мечтахъ летитъ.
Но людямъ, въ хартіяхъ зарытымъ,
Дозволимъ мудрости искать:
Кто самъ не хочетъ быть забытымъ,
Тотъ можетъ время забывать.

(*Дивертисементъ*).

Конецъ.

# МАКАРЪ ОСИПОВИЧЪ СЛУЧАЙНЫЙ.

(Повѣсть.)

## I.

Милостивый Государь! Какъ вы смѣли наступить мнѣ на ногу и неизвиниться?! Вы забываетесь! Изъ этого можетъ выдти исторія!
— А по мнѣ хоть Географія! —

*Разговоръ на балѣ.*

Балъ. Комнаты набиты самымъ пестрымъ народомъ. Много различныхъ пѣхотинцевъ, кавалеристовъ, кажется, ни одного. Это балъ, какъ бы сказать? средняго круга. Именно средняго, хотя вы и встрѣтите тутъ двухъ — трехъ аристократокъ съ мужьями; но онѣ здѣсь какъ доказательство того, что общество тянется непрерывною цѣпью чрезъ всѣ ступени гражданской жизни — онѣ, сказать точнѣе, переходныя звѣнья отъ высшаго круга къ среднему. У подъѣзда три — четыре четверни, а послѣдніе экипажи извощичьи, кареты парами, да дрожки. Эти балы бываютъ довольно скучны, потому что большинство гостей стѣснено аристократіей, которая обращаетъ на себя общее вниманіе, зѣваетъ сама отъ скуки, дуетъ губы и губки, танцуетъ изъ милости. Здѣсь нѣчто въ родѣ Вавилонскаго столпотворенія, гдѣ одни не понимаютъ языка другихъ. Балы этаго рода бываютъ обыкновенно у людей случайныхъ, ставшихъ по заслугамъ, или иначе, на видную степень, и необходимо имѣющихъ, въ слѣдствіе того, частыя сношенія съ знатью, на ряду съ которою помѣстила ихъ табель о рангахъ, а не порода. На такихъ балахъ всегда бываетъ ужасно много суматохи: все что-то не впопадъ и какъ-то ненатурально связано.

Дѣло подходило къ ужину; готовились танцовать мазурку. Молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти выбралъ поудобнѣе мѣсто, въ простѣнкѣ между окнами, и ожидалъ задумавшись начала мазурки. Но музыканты только шумѣли, настраивали скрыпки, перебирали ноты. Струны лопались, натягивались новыя, а между-тѣмъ суетливая молодежъ осаждала музыкантовъ вопросами: играете ли изъ Фенеллы, изъ Цампы, изъ Роберта, изъ Нормы?... а какой-то франтъ, украшенный рѣденькими рыжеватыми усиками и лысиной, въ синемъ фракѣ, съ virtuti militari въ петличкѣ, кричалъ громче всѣхъ, прыгалъ и требовалъ Хлопицкаго. Онъ торжественно объявлялъ всякому за новость, что это прекрасная мазурка.

— Съ кѣмъ ты танцуешь? — спросилъ какой-то офицеръ задумчиваго мо-

лодаго человѣка, не съ этой ли провинціялкой, вотъ, что сидитъ на право?

Зоринъ молчалъ; между-тѣмъ дама, о которой говорилъ офицеръ, скрылась въ амфиладѣ комнаты, съ улыбающимся, свѣтлоликимъ господиномъ, *при звѣздѣ*.

Нашего молодаго человѣка звали Зоринымъ, онъ недавно изъ Москвы; любовь привела его въ Петербургъ; онъ въ чинѣ 9 класса. Родители его милой, люди достаточные, но у нихъ большое семейство и они не могутъ дать ей многаго. Они такъже неболѣе полугода пріѣхали въ Петербургъ. Зоринъ пріѣхалъ неболѣе мѣсяца. Лёленька любитъ его; но онъ не можетъ надѣяться обладать ею скоро: онъ знаетъ старика. Человѣкъ, что называется, положительный, этотъ старикъ въ жизни своей ни начто не рѣшался, не сообразивъ предварительно на счетахъ, выгодно или невыгодно? И вотъ нашъ Зоринъ рѣшился во что бы ни стало, добиться порядочнаго мѣста, которое бы могло обезпечить его семейную жизнь. Онъ имѣетъ рекомендательное письмо къ какому-то Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Случайному, но не знаетъ объ успѣхѣ рекомендаціи, потому что былъ уже нѣсколько разъ и не заставалъ его дома; въ послѣдній разъ онъ оставилъ письмо. Все къ лучшему: на дняхъ онъ узналъ, что у этого Случайнаго открылась ваканція въ Канцеляріи. Вѣроятно онъ не пріискалъ еще никого. — И какъ кстати я теперь явлюсь къ нему, когда онъ уже предупрежденъ письмомъ! — думалъ Зоринъ — потомъ мои убѣжденія подкрѣпятъ письмо и дѣло въ шляпѣ, и Лёленька, ни говоря, какъ принято, Елена Александровна — моя! — Лёленька обѣщала быть на балѣ. Одинъ пріятель его, знакомый въ этомъ домѣ, имѣвшій порученіе привезти четырехъ кавалеровъ, съ радостью вызвался привезти его въ числѣ прочихъ и отрекомендовать. Зоринъ ждалъ бала съ большимъ нетерпѣніемъ; онъ думалъ, что это будетъ рай наслажденія. Лёленька обѣщала танцовать съ нимъ двѣ кадрили и мазурку; но вотъ уже скоро двѣнадцать, а ея нѣтъ! — досадно, нестерпимо. А онъ, въ ожиданіи ея, не танцовалъ ни одной кадрили, тогда, какъ здѣсь есть дамочка, право премиленькая, конечно, — это не она, однакожъ лучше бъ поболтать съ ней, чѣмъ стоять у окна обрубкомъ и увертываться отъ хозяина, бѣгающаго изъ угла въ уголъ, отъ одного гостя къ другому, съ вѣчнымъ вопросомъ: что же вы не танцуете? вотъ возьмите хоть мою дочку, она, кажется, безъ кавалера.

Тутъ еще подбѣжалъ и пріятель его и говоритъ: пожалуйста танцуй! хозяинъ нѣсколько разъ спрашивалъ меня: что вашъ товарищъ не тапцуетъ?

— Да, право, дамъ нѣтъ.

Въ это время подбѣжалъ хозяинъ, и услышавъ его слова, схватилъ его за руку, потащилъ черезъ комнату, къ дамѣ въ голубомъ платьѣ и шепнулъ, поставивъ его передъ нею: просите ея превосходительство па мазурку!

— На мазурку! — сказалъ онъ, почти машинально.

Кажется, дама согласилась, — едва слышно пролепетала она что-то и опустила глазки.

Она довольно мила, подумалъ Зоринъ; поклонился и отошелъ, чтобъ приготовить мѣсто. Дама, которую онъ ангажировалъ, была въ самомъ дѣлѣ не дурна: двадцать съ небольшимъ лѣтъ, русые локоны, голубые глаза черты лица довольно пріятныя, но съ отпечаткомъ деревенской простоты; вообще въ ея движеніяхъ была видна неловкость провинціялки; ей было не ловко на шумномъ балѣ, она мало танцовала, потому что почти не имѣла знакомыхъ

и къ тому жъ старалась держаться въ сторонѣ, чувствуя какое-то неудобство, когда сидѣла на виду, подверженная очкамъ, лорнетамъ и просто глазамъ бальныхъ франтовъ.

Зоринъ ожидалъ начала мазурки, отчаявшись уже увидѣть тутъ Лёленьку. И вотъ смычки ударили, пары размѣстились вкругъ залы и первая пара открыла мазурку. Зоринъ натянулъ перчатку и побѣжалъ отыскивать свою даму.... туда — сюда: нѣтъ! и слѣдъ простылъ.

— Не видали ли вы дамы въ голубомъ платьѣ и токѣ съ перьями? спросилъ онъ какого-то старика въ вицъ-мундирѣ. Тотъ посмотрѣлъ на него и ничего не отвѣчалъ.

Зоринъ побѣжалъ дальше, спрашивалъ о дамѣ съ кавалеромъ со звѣздой: нѣтъ! Онъ воротился и вдругъ въ дверяхъ встрѣтилъ отца Лёленьки и мать, а за ними и самую Лёленьку.

— Что это ты бѣжишь?

Ахъ! я ищу дамы! сказалъ Зоринъ, едва опомнившись, и чрезвычайно обрадованный нежданною встрѣчею.

— Ну, вотъ тебѣ и дама! сказалъ старикъ, указывая на дочь.

Я и то дала имъ слово, — сказала Лёленька и протянула Зорину руку; Зоринъ схватилъ ее и пошелъ съ Лёленькой къ своему мѣсту; но только онъ дошелъ, какъ его дама, съ своимъ свѣтлоликимъ спутникомъ идетъ прямо на него, запыхавшись....

— Извините, пожалуйста, мою жену; она опоздала, она была въ уборной.

Да, извините меня! сказала дама и протянула руку, покраснѣвъ и опустивъ глазки. Но Зоринъ отступилъ и началъ въ свою очередь извиняться: наговорилъ извиненій кучу и кончилъ тѣмъ, что уже ангажировалъ другую. Онъ не могъ отказаться отъ Лёленьки; ну, а это, — думалъ онъ, — какъ-нибудь обойдется.

Но господинъ со звѣздой огорчился; дамочка смѣшалась и не знала, что отвѣчать, такъ, что самому Зорину стало жаль ея. Всѣ смотрѣли на нихъ. Зорину дѣлать было нечего; онъ поклонился и пошелъ къ своему мѣсту.

Дама съ мужемъ уѣхала!

Хозяинъ, проводивъ ихъ, послѣ напрасныхъ упрашиваній остаться, подбѣжалъ къ Зорину съ упреками.

— Ну какъ же это можно, такая разсѣянность; а они уѣхали.... это не вѣжливо.... на что это похоже?... и пошелъ

Зоринъ выдержалъ этотъ залпъ; выдержалъ еще нѣсколько косыхъ взглядовъ и улыбокъ, выдержалъ довольно длинный выговоръ отъ товарища, — дѣлать нечего: это для Лёленьки. — И въ самомъ дѣлѣ она стоила такого пожертвованія; она съ такимъ милымъ участіемъ начала его разспрашивать: въ чемъ дѣло? онъ разсказалъ по порядку, какъ онъ не танцовалъ, ожидая ея, какъ ему навязали эту даму, какъ она скрылась, какъ онъ былъ счастливъ, встрѣтивъ Лёленьку, и какъ потомъ былъ несчастливъ, и какъ теперь опять тысячекратно счастливъ.

— Будто вы меня не знаете, не могли сказать, что имѣете даму, а я не большая охотница до танцевъ, вы знаете, я бы могла и не танцовать; — сказала Лёленька и повернула головку къ дверямъ, гдѣ стоялъ стройный офицеръ съ черными усиками и красными отворотами. Издавна существуетъ, и со временъ Грибоѣдова извѣстно и вѣдомо всякому, сочувствіе Московскихъ барышенъ съ гвардейскимъ мундиромъ; къ тому же офицеръ не танцовалъ и пристально разсматривалъ Лёленьку. Мнѣ показалось, что Лёленька сказала своимъ взглядомъ: вы бы не были безъ дамы. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Впрочемъ я увѣренъ, что она, не смотря на слова свои, разсердилась бы на Зорина и изъ мщенія танцо-

вала бы съ гвардейцемъ.... мщеніе извиняетъ все.

— Но отъ чего вы такъ поздно пріѣхали?

Ахъ, это совсѣмъ нечаянно: сегодня поутру генеральша Лосткуткина прислала папенькѣ билетъ на бенефисъ какого-то молодаго актера, и вотъ мы поѣхали. Семь, или восемъ водевилей было выставлено въ афишкѣ; я просидѣла цѣлый вечеръ и не могла ничего разобрать: весь спектакль казался мнѣ однимъ попури въ 15ти дѣйствіяхъ. Я рѣшительно не могла разобрать, гдѣ оканчивалась одна піеса и начиналась другая; впрочемъ, кажется, многіе были довольны; шумъ былъ ужасный, вызывали актеровъ, хлопали, кричали. Мусье Щипцовъ говорилъ, что кричатъ четырнадцатые классы, прапорщики и студенты, папенька говорилъ, что это не правда — кричитъ раекъ, а мнѣ кажется кричали всѣ... такой шумъ! у меня голова до сихъ поръ кружится.

Такъ вотъ отъ чего вы такъ поздно.

Да, начали разъѣзжаться въ первомъ.

— Ужасно! —

Вамъ танцовать, вамъ танцовать! закричали нѣсколько голосовъ и Зоринъ съ Лёленькой пошли. Лёленька чрезвычайно мило скользила по паркету, выказывая атласный носикъ своей хорошенькой ножки. Зоринъ ловко провелъ ее вкругъ залы; три раза повернулись; по закону фигуры онъ долженъ былъ выбирать даму, она кавалера. Онъ выбралъ первую, попавшуюся подъ руку, она.... она выбрала гвардейца, въ слѣдствіе, извѣстнаго вамъ сочувствія съ мундиромъ. Гвардеецъ, перегибаясь, повелъ Лёленьку, не сводя съ нея глазъ, она опустила глазки и, тихо улыбаясь, полетѣла быстро... они сдѣлали три круга. Гвардеецъ что-то говорилъ, она ничего не отвѣчала, но ея улыбка была умнѣе всякаго отвѣта... ея улыбки имѣли странное свойство говорить чрезвычайно выразительно и еще такъ, что ихъ понималъ только тотъ, къ кому онѣ относились. Зоринъ не понялъ ея улыбки, сдѣланной гвардейцу, хотя подсмотрѣлъ ее, пробѣжавъ съ выбранною дамою полъ-тура въ скороспѣлку.

Когда Лёленька сѣла, она долго не могла ничего говорить отъ волненія.

— Вы устали? спросилъ Зоринъ.

Да... сказала она, тяжко дыша.

Кто этотъ офицеръ?

Она не отвѣчала и только махнула вѣеромъ, въ знакъ усталости.

Балъ продолжался часовъ до шести. Лёленька была чрезвычайно мила, но Зорину не нравилось, что офицеръ безъ престанно втирался между имъ и ею. Все это испортило для него совершенно первый петербургскій балъ. Онъ былъ недоволенъ. Посадивъ въ карету Мирятевыхъ, онъ взялъ извощика и отправился домой. Долго онъ ѣхалъ отъ Шестилавочнаго переулка до Обухова моста, гдѣ занималъ квартиру. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, вы знаете, какъ хороши петербургскія улицы: только по Невскому можно ѣздить и то, если не было заморозковъ.

Зоринъ, избитый трясучей мостовою, недовольный собою и всѣмъ міромъ, пріѣхалъ и легъ. Часовъ въ двѣнадцать онъ всталъ, съ головною болью, и собрался къ Случайному; хорошо, что было не далеко. Случайный принималъ въ два часа. День былъ порядочный, мостовая обсохла и Зоринъ благополучно, безъ приключеній, добрелъ до дому. Позвонилъ. Человѣкъ, во фракѣ, передѣланномъ изъ господскаго вицъ-мундира, встрѣтилъ его и провелъ въ залу. Въ залѣ никого; только попугай кричитъ: барину сала! барину сала! да изъ дальнихъ комнатъ слышится стукъ ножей и смѣшанный говоръ нѣсколькихъ голосовъ; у пробѣжавшаго чрезъ залу лакея онъ спросилъ: скоро ли выдетъ генералъ?

Извольте подождать четверть часа, Е. П. закусываетъ.

Пока онъ ждетъ, я разскажу вамъ, что за человѣкъ генералъ Случайный.

Французы бы сказали, что онъ съѣлъ бѣшеную корову, т. е. по русски, прошелъ огнь и воду. Сынъ бѣднаго священника въ Малороссіи, онъ сначала служилъ въ какомъ-то армейскомъ полку. Тому лѣтъ двадцать, наша армія не слишкомъ была богата грамотными офицерами, были лихіе ребята, славные служаки, молодцы подъ огнемъ непріятельскимъ, молодцы, вездѣ даже въ залихватской мазуркѣ, но не съ перомъ въ рукѣ. А нашъ Случайный, хоть и на мѣдныя деньги выучился, а бойко строчилъ, когда случалась окказія. Справедливо кто-то сказалъ, что прямой талантъ вездѣ найдетъ защитниковъ. И Случайный не засидѣлся. Онъ попалъ въ полковые Адъютанты, оттуда въ бригадные — и такъ далѣе. Лѣтъ черезъ 10 онъ былъ уже гдѣ-то Полицмейстеромъ, въ чинѣ подполковника. Славно распоряжался онъ на пожарахъ и въ особыхъ порученіяхъ. — Теперь онъ, не въ примѣръ прочимъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ и ужъ исключительно состоитъ по особымъ порученіямъ у кого-то. Это его, такъ сказать, послужной списокъ; но и въ домашнихъ дѣлахъ онъ былъ не менѣе счастливъ. Теперь онъ женатъ во второй разъ и, какъ говоритъ самъ, женатъ по любви. Но до этаго его сердечная исторія довольно разнообразна. До густыхъ эполетъ у него были различныя любовишки; онъ открылъ гораздо прежде барона Брамбеуса, что любовь не одна, а много *любвей*. Бывши штабъ-офицеромъ, онъ сдѣлалъ чрезвычайно выгодную спекуляцію женитьбой на купчихѣ; когда онъ женился, у ней было сто тысячъ, черезъ нѣсколько времяни оборотливый умъ Случайнаго сдѣлалъ изъ нихъ огромный домъ и нѣсколько сотъ тысячъ. Злые люди говорили, что это было дѣло не совсѣмъ чистое. Не можетъ быть! Случайный честнѣйшая душа. Впрочемъ

Пусть бранятъ,
Говорятъ
Злые люди, что хотятъ!

А Случайный жилъ себѣ да поживалъ по добру, по здорову. Богатая жена умерла, оставивъ послѣ себя нѣсколько человѣкъ дѣтей; теперь у него, какъ отца, въ рукахъ все имѣнье. Года два съ половиной ему стукнуло 45; онъ поѣхалъ къ себѣ въ Малороссію и женился въ другой разъ, какъ я и упоминалъ, по любви. Говорятъ, что и она вышла за него по любви; ей было 19 лѣтъ. Да! исчисляя качества и принадлежности Случайнаго, я забылъ, что у него есть звѣзда, которая чрезвычайно блеститъ на темномъ вицъ-мундирѣ, и лысина, впрочемъ прикрытая превосходной накладкой. Ей, т. е. женѣ, 19 лѣтъ, впрочемъ я сказалъ уже это, извините за повтореніе. Теперь нѣсколько словъ о его наружности... но слышны шаги изъ другой комнаты. Зоринъ всталъ, обтянулъ фракъ и ожидалъ съ трепетомъ появленія Е. Превосходительства.

Вотъ шаги ближе и ближе, — вотъ за дверью затихли и Зоринъ выслушалъ длинный разговоръ о цѣнахъ на овесъ и сѣно. Между-тѣмъ онъ приготовлялся, какъ начать привѣтствіе; тысячи различныхъ вступленій вертѣлись въ головѣ Зорина и онъ не зналъ, на которомъ остановиться. Между-тѣмъ два голоса слышались за дверью и одинъ казался ему какъ-то знакомымъ; и ему слышалось будто ему тутъ же шепталъ кто-то на ухо: извините мою жену! и Зоринъ опять начиналъ обдумывать свое привѣтствіе. Тутъ вошелъ высокій мущина съ обычной фразой, что вамъ угодно?...

Зоринъ пристально взглянулъ на него и смутился. Передъ нимъ стоялъ тотъ самый генералъ со звѣздой, который съ своей супругой раньше всѣхъ уѣхалъ съ бала Ж**, по извѣстной причинѣ.

Если не ошибаюсь, то я уже имѣлъ счастіе нѣсколько ознакомиться съ В. П. вчера вечеромъ; сказалъ Зоринъ....

Очень помню; помню и то, что тамъ былъ какой-то грубіянъ, который дѣлалъ разныя мѣщанскія выходки и стыдилъ своими поступками тѣхъ, кому приводилось имѣть съ нимъ дѣло.

Зоринъ ясно понялъ къ кому относились эти слова; грубый, рѣщительный тонъ Случайнаго придавалъ имъ еще болѣе выразительности; однакожъ Зоринъ выдержалъ это довольно хладнокровно.

Извините; я не зналъ, что это вы.. ваша супруга... я былъ разсѣянъ.. я почти не зналъ, что дѣлалъ вчера...

Не понимаю, зачѣмъ вы послѣ такого поступка пожаловали въ мой домъ; развѣ за тѣмъ, чтобъ объявить, что были вчера не въ своемъ умѣ?... я это и самъ видѣлъ.

Зоринъ вспыхнулъ, краска покрыла лицо его; онъ готовъ былъ наговорить Случайному колкостей, сдѣлать еще болѣе, но одна мысль удержала его: что же я скажу отцу Леленьки? спросилъ онъ себя — и вмигъ лицо его приняло видъ смиренный, даже, можно сказать, умоляющій.

Онъ напомнилъ о письмѣ и началъ объяснять Случайному свое дѣло...

Въ мою канцеляріею, — грубіяна, человѣка дурныхъ правилъ! — покорно благодарю; промѣнять мою жену на какую-то субретку... шепталъ Случайный.....

Зоринъ слышалъ большую часть этихъ словъ, но не понялъ въ чемъ дѣло.

«Мѣсто занято!» сказалъ Случайный холодно и насмѣшливо....

«Извините мою жену!» зазвенѣло въ ушахъ Зорина и, какъ звукъ страшной трубы, эти слова, проникая до мозга костей, раздирали, говоря à la Марлинскій, тимпанъ его слуха.

Случайный обнаруживалъ нетерпѣніе.

— Еще вчера говорили мнѣ, что вы ищете способнаго человѣка...

Я нашелъ его; я не могу принять васъ.

Но А. М. обнадежилъ меня..

Скажите А. М. что я вполнѣ уважаю его рекомендацію, но не могу исполнить на этотъ разъ его желанія.... Что дѣлать?..... обстоятельства!.... При этихъ словахъ Случайный кивнулъ головой, съ невнимательностью вельможи, и обернулся спиной къ Зорину. В. П — тво! вскричалъ Зоринъ, усиливаясь не обнаружить гнѣва и презрѣнія, которые кипѣли въ душѣ его.. мѣсто не занято.. я въ этомъ увѣренъ.. будьте снисходительны, забудьте эту мелочную обиду самолюбія, которая мѣшаетъ вамъ сдѣлать доброе дѣло; не рѣшайте такъ опрометчиво; въ вашихъ рукахъ моя будущность... я имѣю невѣсту.. отказомъ вы разстроите счастіе цѣлаго семейства.

Случайный, не дослушавъ его, вышелъ изъ комнаты; черезъ минуту карета его проѣхала мимо оконъ.

Опершись одной рукой на столъ, другой поддерживая голову, Зоринъ стоялъ неподвижно и, казалось, забылъ, что ему нужно итти. Самыя мрачныя идеи мелькали въ головѣ его; въ этотъ часъ онъ, въ лицѣ Случайнаго, ненавидѣлъ все человѣчество; Случайный казался ему злымъ геніемъ его жизни, котораго назначеніе состояло въ томъ, чтобъ разрушать малѣйшую надежду, малѣйшую его попытку уловить счастіе. Сначала Зоринъ не могъ ни объ чемъ думать кромѣ Случайнаго: этотъ человѣкъ представлялся ему въ самыхъ отвратительныхъ, ужасныхъ образахъ, ниже, гнуснѣе и коварнѣе всѣхъ подлунныхъ тварей; наконецъ волненіе его нѣсколько утихло; но это былъ новый ударъ для бѣднаго кандидата въ чиновники: ему пришла на мысль Леленька обворожительная, граціозная, легкая, — до того легкая, что ему показалось очень естественнымъ, что она можетъ упорхнуть отъ него, какъ бабочка, перелe-

тѣтъ на другой цвѣтокъ, т. е. по просту, вытти за другаго... Нѣтъ, нѣтъ! это не возможно: она меня любитъ! а гвардеецъ? а улыбка, которой я не понялъ?.. Тутъ онъ опять впадалъ въ неописанное безпокойство; душа его испывала мученія пытки, всѣ неудачи, всѣ послѣдствія ихъ, даже непонятныя улыбки Лёленьки — приписывалъ онъ коварству злаго генія — Случайнаго; жену его онъ обвинялъ еще болѣе.

Дверь скрыпнула. Изъ противуположной комнаты вышла жена Случайнаго. Зоринъ сейчасъ узналъ эту роковую даму, на которой проигралъ мѣсто, а, можетъ быть, и самую невѣсту.

По обдуманному ли предварительно плану, или такъ, просто, безъ всякой причины, онъ придалъ мрачно-печальному лицу своему выраженіе беззаботно веселое и привѣтствовалъ Случайную льстивымъ комплиментомъ.

Случайная изумилась, увидя молодаго незнакомаго человѣка на единѣ съ собою, и ничего не отвѣчала.

Онъ объяснилъ ей, какимъ образомъ попалъ къ ними въ домъ, не сказавъ однакожъ ни слова о грубостяхъ ея мужа и о своей невѣстѣ.

Провинціялка не старалась поддержать разговора, отъ неумѣнья или отъ гордости — Богъ знаетъ, впрочемъ вѣроятнѣе — отъ первой причины. Но Зоринъ не унывалъ, онъ и не думалъ уйти. Послѣ многихъ, тщетныхъ попытокъ, онъ павелъ разговоръ на вчерашній балъ; тутъ наконецъ ему посчастливилось.

Случайная жеманно надула губки, которыя у нея въ самомъ дѣлѣ были прелестны, — и сказала нѣсколько незначительныхъ фразъ.

Зоринъ принялся разсыпаться въ комплиментахъ и проклиналъ, между прочимъ, разсѣянность свою, которая всегда мѣшала ему танцовать съ тѣми, къ кому влекло его сердце; при этомъ онъ безпрестанно озадачивалъ Случайную огненными взглядами, отъ которыхъ неопытную провинціялку бросало въ краску, но которые, какъ казалось, не были ей противны. Впрочемъ, можетъ быть, она въ душѣ негодовала на его дерзость; — но въ такомъ случаѣ, что мѣшало ей одною какой нибудь сухой фразой умѣрить смѣлость Зорина?..

Сердце дѣвы — кладязь мрачный!..

Еще нѣсколько времяни продолжался разговоръ, который Зоринъ искусно обращалъ къ своей тайной цѣли. Небольшаго труда стоило ему понять Случайную; онъ скоро удостовѣрился, что въ сердцѣ ея нѣтъ никакой глубокой привязанности, нѣтъ такъ-же и правилъ жизни, основанныхъ на здравомъ убѣжденіи, что она, такъ сказать, еще ощупью идетъ по пути ея. Изъ всего этаго онъ сдѣлалъ выводъ въ пользу своего плана. Онъ тонко льстилъ ея самолюбію, умѣлъ придать словамъ своимъ живую поэтическую возвышенность и чистоту идеальную, которыя такъ нравятся женщинамъ, не лицемѣрнымъ или не задушившимъ еще въ душѣ своей, піремлемости впечатлѣній.

Большею частію говорилъ Зоринъ; Случайная слушала и, какъ показалось Зорину, не безъ удовольствія; впрочемъ, можетъ быть, она и сердилась, но не находила средства остановить болтовню человѣка, который просто — изъяснялся въ любви.

Уходя, Зоринъ изъявилъ сожалѣніе, что не можетъ видѣться съ ней въ ихъ домѣ и коротко объяснилъ причину.

Случайная примѣтно огорчилась... нѣтъ, позвольте, кажется, обрадовалась.. право, не помню.

Впрочемъ, сказалъ Зоринъ, — гдѣ бъ я ни былъ, всегда съ наслажденіемъ буду вспоминать счастливыя минуты, проведенныя сегодня въ вашемъ миломъ обществѣ... вездѣ, гдѣ только будете вы — и меня приведетъ сердце....

Случайная улыбнулась весел о . . . . не то — вздохнула!...

Часу въ осьмомъ вечера Зоринъ отправился къ Мирятевымъ. Леленка отъ чего то сердилась и такъ мило дула губки, что въ этотъ разъ ему еще сильнѣе захотѣлось расцѣловать ихъ: сердце его сжималось отъ одной мысли недостигнуть такого блаженства. Онъ нѣсколько разъ покушался казаться веселымъ, но злодѣйка грусть, какъ змѣя, выползая на чело его, безпрестанно разливала по немъ ядъ мрачнаго уныпія. Зоринъ не зналъ, какъ приступить къ роковому объясненію своей неудачи; наконецъ, вооружась мужествомъ, въ короткихъ словахъ разсказалъ Мирятевымъ свое настоящее горе и грядущія надежды. Старикъ пожималъ плѣчьми, хмурилъ брови и, то водилъ пальцемъ по головѣ отъ затылка до носа, то понюхивалъ березинскій. Мать хотѣла упасть въ обморокъ, но, вспомнивъ, что послала единственную свою служанку въ магазинъ, сочла это излишнимъ.

Леленька совѣтовала Зорину опредѣлиться въ гвардію.

Разстроенный, не получа утѣшенія, на которое надѣялся, Зоринъ простился съ Мирятевыми Выходя изъ прихожей, столкнулся онъ съ гвардейцемъ, тѣмъ самымъ, которому на вчерашнемъ балѣ Леленька улыбнулась непопятною для него улыбкою. Это обстоятельство еще болѣе встревожило бѣднаго искателя счастія, пробудивъ въ душѣ новую страсть — ревность; оно набросило глубокій трауръ на его безвѣстную будущность. Кто бы взглянувъ на его блѣдное, помертвѣлое лицо, всклоченные волосы, глаза готовые разрѣшиться кровавыми слезами, губы, дрожащія и посинѣлыя, не угадалъ роковой повѣсти его несчастія. Положеніе его было ужасно. Отъ горя онъ даже лишился способности разсмышлять здраво.

Приписывая, какъ я уже сказалъ, причину всѣхъ своихъ бѣдъ Случайному, онъ не переставалъ проклинать его. Случайный казался ему самой замараной, черной корректурой . . . тьфу! ... карикатурой на все человѣчество и онъ, изъ уваженія къ человѣчеству, изыскивалъ въ головѣ своей средство уничтожить эту корректуру,... опять ошибся въ этихъ иностранно-русскихъ словахъ я всегда мѣшаюсь!.. уничтожить эту карикатуру со всѣми ея оттисками. —

---

## II.

Человѣкъ есть усовершенствованная обезьяна.
*Изъ записной книжки Ф.*

Прошло три мѣсяца. Случайный сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, завалепный дѣлами. Онъ бралъ то одно, то другое, то третье дѣло и съ неудовольствіемъ клалъ ихъ опять на мѣсто.

И это нужно! и это не ждетъ! и объ этомъ напоминалъ мнѣ уже нѣсколько разъ Его Сіятельство! проклятая работа! вся моя канцелярія никуда не годится! нѣтъ головы — нѣтъ Силова! кто можетъ занять мѣсто правителя канцеляріи? Когда бъ былъ теперь Силовъ, мигомъ обработали бы мы всѣ дѣла — ревизуй хоть завтра! Чиновники запустили, а я отвѣчай! не разорвешься! дѣлъ пропасть; за которое взяться? говорилъ скороговоркою Случайный.

Въ кабинетъ вошла жена его.

Я не мѣшаю *вамъ*?

— Я ничего не дѣлаю.

Слава Богу! наконецъ вы кончили свои дѣла?

— Кончилъ! охъ, нѣтъ! не кончилъ! дѣла, дѣла! ихъ все прибываетъ и все срочныя!

Не огорчайтесь, другъ мой! что дѣлать! велите попристальнѣй работать своей канцеляріи.

— Канцелярiи! съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Силовъ, у меня нѣтъ канцеляріи, у меня есть только люди, которые умѣютъ писать.

Для чего жъ вы непріищете человѣка, который бы замѣнилъ вамъ Силова?

— Ахъ, душенька! я тебѣ ужъ говорилъ, что такихъ людей нынче нѣтъ.

Что жъ вы думаете теперь дѣлать? право вы меня пугаете.

— Я искалъ три мѣсяца; многіе сами набивались въ правители моей канцелярiи, да что въ этихъ людяхъ.

Отъ чего жъ вы кого нибудь не приняли? можетъ быть, и былъ бы хорошъ.

— Помнишь ли ты того грубіяна, что осрамилъ насъ на балѣ у Ж.

Того, что отказался отъ мазурки со мной; да вѣдь я сама виновата: я ушла, а онъ ангажировалъ другую, такъ нельзя жъ ему было тапцовать въ одно время съ обѣими.

— Я знаю — онъ человѣкъ дурныхъ правилъ. Ну вотъ, напримѣръ, онъ просился ко мнѣ на мѣсто Силова, не ужели я долженъ былъ принять такого певѣжу.

Но можетъ быть онъ хорошо знаетъ свое дѣло.

— Какое дѣло? ты *почемъ* знаешь? Я говорю. можетъ быть, онъ хорошо управлялъ бы канцеляріей.

— Но каково бы было видѣть у насъ въ домѣ человѣка, который на первомъ шагу оскорбилъ тебя!

Для общей нашей пользы я бы забыла это оскорбленіе.

Случайный съ чувствомъ поцѣловалъ жену.

Что же вы, другъ мой, думаете теперь дѣлать? отъ чего вы такъ печалитесь?

— Вотъ видишь, душенька, я жалѣлъ тебя и нехотѣлъ прежде всего разсказывать, но теперь такъ-и-быть все разскажу, потому, что ты еще больше грустишь, видя меня не веселымъ, и не зная тому причины.

Такъ вы не на меня сердитесь?

— На тебя! ха, ха, ха! какая ты мила!.... да развѣ есть за что на тебя сердиться? смотри у меня, плутовочка! Гдѣ видано, чтобъ мужъ такъ долго сердился на такую хорошенькую жену, это накладно.

Тутъ они опять поцѣловались; я бы сказалъ, какъ голубки, если бъ благопристойность не запрещала этаго.

— Видишь, душенька, — началъ опять Случайный — въ чемъ дѣло. Послѣ смерти Силова, дѣла безпрестанно прибывали въ канцелярію, а подвигались плохо: это бы ничего, и прежде такъ случалось, да, на бѣду, у насъ залежалось нѣсколько дѣлъ, о скорѣйшемъ исполненіи которыхъ лично просили графа. Узнавъ, что они еще не исполнены, Его Сіятельство изволилъ разсердиться, призвалъ меня и такъ пугнулъ, такой далъ выговоръ, что у меня такъ и заскребло сердце. Я думалъ, чего добраго, какъ бы въ сердцахъ онъ не отставилъ меня; да, слава Богу! все почти тѣмъ и кончилось.

Ну и прекрасно! значитъ не о чемъ и безпокоиться.

— Оно такъ. Да я еще не сказалъ тебѣ что Его Сіятельство, выговаривая мнѣ за неисправность, изволилъ прибавить, что на дняхъ будетъ самъ ревизовать канцелярію. Ну какъ онъ завтра же нагрянетъ! чтобъ привести дѣла въ порядокъ, нужно покрайнѣй-мѣрѣ мѣсяцъ.

Ну такъ скажите, что вы больны.

— Нельзя. Тогда онъ по неволѣ долженъ будетъ навѣдываться самъ въ канцелярію и все откроетъ. Хорошо кабы онъ забылъ! есть матушка дѣлишки, съ которыми нарочно надо повыждать; пустъ-ка походятъ да попросятъ! Есть теперь у насъ дѣлишко, оно и пустяшное, да лапу въ него можно запустить по глубже.... будетъ и тебѣ на платье и мнѣ на шубу, да и много останется. Удалось бы только поладить съ графомъ, я придумалъ одно средство.

Какое?

— Послѣ узнаешь. Поѣдемъ сегодня въ маскерадъ.

Вотъ вздумали! иногда бывало зову, зову, ни какъ не соглашаетесь — а теперь сами напрашиваетесь.

— Эхъ, душенька! мнѣ тамъ нужно переговорить съ однимъ человѣкомъ объ этомъ именно дѣлѣ; откладывать нельзя.

— Ну такъ поѣзжайте!

— А ты?

Я не ѣду.

— Какъ не ѣдешь? да вѣдь ты еще недавно приставала ко мнѣ: поѣдемъ, да поѣдемъ.

Тогда мнѣ хотѣлось; а теперь у меня голова болитъ.

— И полно, душенька! головная боль — пустое. Ѣдемъ!

Такъ для васъ моя болѣзнь ничего не значитъ.

Ахъ, душенька! ты ужъ и разгнѣвалась! нехочешь ѣхать, такъ оставайся, только я для тебя же хотѣлъ, право будетъ весело: поѣдемъ; теперь только смеркается, можетъ быть къ тому времяни тебѣ будетъ легче. —

---

У подъѣзда большаго театра безпрестанно прибываютъ экипажи; въ залѣ большаго театра безпрестанно прибываютъ люди; непрерывное хожденіе взадъ и впередъ множества народу, пестрота портящая глаза и возмущающая душу, говоръ болѣе или менѣе громкій, болѣе или менѣе приличный мѣсту, болѣе или менѣе . . .

Какъ разнообразна, какъ пестра эта масса! люди большіе и маленькіе во всевозможныхъ значеніяхъ этихъ словъ, люди чиновные и люди неслужащіе, люди вездѣ встрѣчаемые и люди существованія которыхъ и неподозрѣвали, люди старые и молодые — всѣ они тѣснятся, шумятъ, хлопочутъ всякій по своему, и невольно поражаютъ взоръ этимъ, по видимому невозможнымъ, столкновеніемъ . . .

Не одинаковыя причины привели ихъ въ маскерадъ и какъ неодинаково дѣйствуютъ они въ немъ! Посмотрите, напримѣръ, на этаго худощаваго, не высокаго старичка, беззаботно стоящаго у колонны: чѣмъ онъ занятъ? зачѣмъ онъ здѣсь?... Многочисленная толпа, всегда разсѣянная, всегда невнимательная, не щадитъ его отъ разныхъ поклоновъ и привѣтствій: они тревожатъ безпрестанно это безпечное положеніе, этотъ отдыхъ старика. Онъ иногда въ отвѣтъ только улыбается, только протягиваетъ руку, а иногда и совсѣмъ отдѣляется отъ колонны. Блестящая суматоха маскерада, великолѣпное разнообразіе костюмовъ, женская красота — ничто не отвлекаетъ его вниманія отъ одного предмета, отъ особенной забавы. Онъ не вслушивается въ пискливые, искаженные голоса, не ловитъ дивныхъ заманчивыхъ словъ, брошенныхъ на воздухъ, прошептанныхъ на ухо, не разгаданныхъ никѣмъ, но зароненныхъ въ чье нибудъ сердце. Онъ наслаждается по своему. Я беру его теперь въ любопытную минуту вечера и, можетъ быть, въ самую счастливую минуту старости. Разжалованный времянемъ изъ актеровъ въ зрители, безъ

участія въ рѣзвой дѣятельности маскерада, безъ сочувствія къ мелочнымъ восторгамъ, къ мелочному отчаянію, къ множеству взглядовъ и надеждъ, которыя сверкали предъ нимъ въ глазахъ юношей и красавицъ, онъ вѣрно вспомнилъ бы невозвратимые годы, пожалѣлъ бы, что нѣтъ у него болѣе сердца для всѣхъ впечатлѣній и головы для всякаго замысла, если бъ не нашелъ тутъ пищи, необходимой для старческой жизни, утѣшенія единственнаго въ нѣкоторыя лѣта, если бъ не зналъ, куда помѣстить ему усмѣшку разочарованія и язвительное слово опыта. Старикъ долженъ же употребить въ дѣло невольное равнодушіе, благопріобрѣтенную безчувственность, долженъ при случаѣ похвастать своимъ несчастнымъ преимуществомъ и вотъ онъ радъ-радехонекъ, если можетъ кольнуть васъ за ошибку, подшутить надъ опрометчивостію, предсказать неудачу, даже просто смотрѣть на огненныя заблужденія молодости. Кто ничего уже не ждетъ, тотъ любитъ доказывать себѣ, что всякое ожиданіе — суета, вздоръ; нашъ старикъ лелѣетъ эту благосклонную мысль. Ему весело!..

Посмотрите теперь въ другую сторону: вотъ очаровательная семнадцатилѣтняя дѣвушка. Она, драгоцѣнный камень въ роскошной оправѣ фантастическаго наряда, блистаетъ и привлекаетъ всѣхъ. Тутъ центръ маскерадная міра, тутъ вечерній геній, который мечетъ въ толпу цвѣты поэзіи. Около нея тѣснятся маски: то, какъ исторія, надоѣдаютъ правдой, то, какъ повѣсть, смѣшиваютъ быль съ вымысломъ, то, какъ поэзія, стараются лгать обольстительно. Маски разсыпаютъ свое бѣглое краснорѣчіе, силятся перебить, затерѣть перешумѣть другъ друга, но, странно: никому неудается подстрекнуть истиннаго любопытства молодой дѣвушки. Никто не можетъ найти этаго вѣрнаго звука, который манитъ за собою воображеніе женщины, отъ котораго встрепенется она и вдругъ увидитъ только васъ и пойдетъ, мечтая, за вашимъ привлекательнымъ звукомъ; спрячется за колонной, присядетъ на незамѣтный стулъ, отдастъ вамъ свой слухъ, свое зрѣніе, свою душу и спросивъ: кто вы?.. весело потеряется въ лабиринтѣ вашего маскерадная вымысла. И вотъ эта очаровательная дѣвушка не довольна собой, недовольна толпой, ее окружающею. Ей скучно!

Вотъ еще третье лице маскерада. Посмотрите на эту высокую пожилую дѣву, стоящую подлѣ генерала, съ двумя звѣздами. Никто не старается обратить на себя ея вниманія, никого нѣтъ около нея, никто даже не смотритъ на нее; рѣдко, рѣдко, скорѣй изъ милости или изъ уваженія къ ея спутнику, кто нибудь подойдетъ къ ней, скажетъ нѣсколько незначительныхъ фразъ. Ей двадцать седьмой годъ; она давно уже пережила положенный терминъ дѣвичества!... Богъ знаетъ кто положилъ его, вѣроятно мущины — и это дурно рекомендуетъ ихъ; впрочемъ, можетъ быть, таковъ уже законъ природы. Во всякомъ случаѣ, если даже предположить, что это въ самомъ дѣлѣ *зло*, то искоренить его нельзя. Нужно перемѣнить весь порядокъ въ мірѣ. Попробуйте госпожа Дюдевант! вы представляли пропасть примѣровъ невыгоды и несправедливости нынѣшняго порядка вещей. Составьте теперь проэктъ и смѣту на исправленія; я думаю недостанетъ капиталовъ — силъ человѣческихъ, да и самъ архитекторъ, т. е. вы, вѣрно спасуете. Что жъ касается до меня, то я даже отказываюсь порицать это. Какъ бы то ни было, положеніе пожилой дѣвушки было достойно сожалѣнія. Маскерадъ былъ для нея пыткой!

Но — къ дѣлу!

Случайный уже въ осьмнадцатый разъ проходилъ залу большаго театра изъ

конца въ конецъ, подъ руку съ какимъ-то господиномъ въ рыжемъ парикѣ и коричневомъ фракѣ, толкуя съ нимъ очень горячо и серіозно. На девятнадцатомъ поворотѣ онъ остановился: стройная дама, въ испанскомъ костюмѣ, привлекла его вниманіе, онъ пристально смотрѣлъ ей подъ ноги и, казалось, старался узнать ее по походкѣ.

— Если бъ я не зналъ, что жена моя больна и что она никуда не рѣшится выѣхать безъ меня, то готовъ бы побиться объ закладъ, что это она, — сказалъ онъ своему спутнику.

Не имѣю чести знать вашей супруги.

— Ея станъ, ея походка, ея любимый костюмъ... ея голосъ — почти закричалъ Случайный, услыша нѣсколько словъ, которыя проговорила подозрѣваемая имъ дама, проходя мимо его.

Случайный побѣжалъ за дамой. Забѣжавъ впередъ, онъ заглянулъ въ лице идущему съ ней молодому человѣку.

Лицо что-то знакомое; гдѣ бишь я видѣлъ этаго господина? да, да, да! кажется, это тотъ самый, который просился ко мнѣ въ канцелярію. Какъ бишь его? Зу... Со .. Зо... ну, да все равно, это онъ; ну, а эта дама должно быть его жена, помнится онъ говорилъ мнѣ тогда, что имѣетъ невѣсту. Вотъ что! А я ужъ было подумалъ и Богъ знаетъ какое чудо! всѣ женщины похожи одна на другую...

Въ это время дама съ молодымъ человѣкомъ опять прошла мимо Случайнаго и до ушей его долетѣло опять нѣсколько ея словъ.

Что за демонское навожденіе! точно ея голосъ, да и костюмъ то, кажется, тотъ самый, въ которомъ она прошлый годъ почти въ это же время была со мной въ маскерадѣ... нѣтъ ли тутъ шашней! Подумавъ, Случайный пустился догонять даму; онъ безпрестанно втирался между ею и молодымъ человѣкомъ, подслушивалъ ея слова, вымѣривалъ ея ростъ глазами; подозрѣніе его болѣе и болѣе усиливалось. Наконецъ онъ рѣшился что-то сказать ей, но боялся ея спутника. —

Молодой человѣкъ съ дамой и, преслѣдующій ихъ, Случайный, встрѣтились въ это время съ старымъ генераломъ и пожилой его дочерью; молодой человѣкъ поклонился и хотѣлъ итти далѣе, но генералъ заговорилъ съ нимъ и онъ по неволѣ долженъ былъ на минуту оставить свою даму; тутъ наконецъ Случайному представился удобный случай. На цыпочкахъ подкрался онъ къ дамѣ и дрожащимъ голосомъ тихо сказалъ:

Сударыня! ради Бога, скажите мнѣ, кто вы?

Я? Донна Элеонора, сказала дама голосомъ, который на этотъ разъ не показался Случайному похожимъ на голосъ его супруги; это однакожъ ни сколько не уменьшило его подозрѣній. —

— Я, не шутя, васъ спрашиваю, ради Бога, скажите правду.

Дама съ нетерпѣніемъ смотрѣла на прежняго своего спутника и съ неудовольствіемъ видѣла, что онъ и не думалъ еще къ ней возвратиться..

— Немучьте меня, сударыня, скажите!

Я уже сказала, отвѣтила дама и пошла, Случайный послѣдовалъ за ней...

Мнѣ кажется, что вы моя жена — сказалъ съ усиліемъ Случайный, — я вѣдь вотъ почему прошу васъ объ этомъ.

Дама засмѣялась, нѣсколько молодыхъ людей, которымъ удалось подслушать послѣднія слова Случайнаго, перемигнулись межъ собой и пошли слѣдомъ за ними..

Случайный ничего не замѣчалъ. Увлекаясь своимъ подозрѣніемъ, которое въ глазахъ его принимало все болѣе и болѣе вѣроятія, онъ почти забылъ гдѣ находится...

— Танюшка, душенька! полно меня обманывать-то, вѣдь, я вижу что это ты; скажись. Или и ты ужъ научилась этимъ маскерадным *обманамъ*, и не

хочешь узнать своего мужа... Посмотри — это я, твой Макарушка, Макаръ Осиповичь. Въ лицѣ Случайнаго было что-то чрезвычайное, когда онъ роняль съ языка эти слова; мнѣ кажется, что въ другой разъ увидѣть его въ такомъ положеніи можно только тогда, когда бъ ему пришлось отдать всѣ свои деньги.

Смѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ послѣдовалъ за этими словами. Вотъ новый родъ мистификаціи! прекрасно, прекрасно! шептали между собою молодые люди. Дама, къ которой относились слова Случайнаго, ничего не отвѣчала и только удвоила шаги, желая соединиться съ прежнимъ своимъ спутникомъ, который, окончивъ разговоръ съ генераломъ, шелъ къ ней на встрѣчу.

Намѣреваясь сказать еще нѣсколько словъ, Случайный побѣжалъ за этой непостижимой дамой; въ торопяхъ наткнулся онъ на господина въ рыжемъ парикѣ и коричневомъ фракѣ, оба пошатнулись и упали. —

Ничего этого не будетъ, что я давича обѣщалъ вамъ, я нарочно предложу Графу завтра же ревизовать вашу канцелярію! сказалъ оскорбленный господинъ въ коричневомъ фракѣ, поднимаясь съ полу. Рыжіе волосы, прикрывавшіе его голову, были только на волосъ отъ перемѣны своего обыкновеннаго жилища, выраженіе лица было смѣшно и трогательно; послѣ угрожающихъ словъ, понятныхъ только Случайному, и возымѣвшихъ свое дѣйствіе, онъ прежде всего схватился за лѣвый карманъ и съ ужасомъ увидѣлъ часы свои совершенно разбитыми. — Большаго усилія надъ собою стоило ему не обнаружить словесно сожалѣнія и гнѣва. Всѣ, кто былъ въ этой сторонѣ залы, съ наслажденіемъ глядѣли на эту сцену.

Случайный, какъ громомъ пораженный словами господина въ рыжемъ парикѣ, безмолвствовалъ. Онъ поспѣшно удалился отъ мѣста роковаго столкновенія и спрятался въ уединенномъ углу. Приводя въ порядокъ свои мысли, онъ не понималъ, какимъ образомъ могъ надѣлать такихъ глупостей. Какая глупая мысль залѣзла мнѣ въ голову! моя жена! чертъ знаетъ съ чего я взялъ это! ея голосъ? да развѣ въ маскерадѣ говоритъ кто своимъ голосомъ! ея любимый костюмъ? да развѣ не могла и другая дама надѣть такого костюма!.. Вообразилъ ни съ того, ни съ другаго — да и попалъ въ просакъ. Чертъ помогъ мнѣ толкнуть этаго Копона Филатьича — человѣкъ-то нужный! что теперь станешь дѣлать! хоть въ петлю полѣзай.. охъ, мнѣ эта канцелярія!..

Такъ думалъ Случайный и отправился въ буфетъ, рѣшившись съ горя выпить шампанскаго...

Совершивъ это важное предпріятіе съ надлежащей аккуратностію, Случайный сѣлъ въ карету и отправился домой. Ночь была самая ненастная. Она принадлежала къ числу тѣхъ ночей, которыхъ такой большой запасъ у Петербургской природы, которыя посылаются на грѣшныхъ столичныхъ жителей, какъ геніи насморковъ и коклюшей. Вѣтеръ, срывая, какъ хромоногій бѣсъ, крыши старыхъ домовъ или шапки прохожихъ, бѣгалъ по улицамъ и пѣлъ заунывную пѣсню, сопровождаемую стукомъ частаго, мелкаго дождя въ желѣзныя кровли, и прерывчатымъ шумомъ воды въ трубахъ и водостокахъ. Фонари горѣли тускло, какъ будто выливъ половину свѣта на тротуары, которые казались около нихъ покрытыми густымъ слоемъ лака. Иногда дождь утихалъ и вѣтеръ не такъ сильно шумѣлъ, но это для того, чтобъ, притаясь гдѣ нибудь за угломъ, подстеречь запоздалаго прохожаго, броситься на него съ большею яростію, оглушить своимъ воемъ, завертѣть около него одежду, какъ пеленки, опелломить его совершенно и повалить, если можно. Дождь между тѣмъ не милосердо стучалъ въ лице бѣднаго прохо-

жаго, и онъ сгибался унпженно предъ неумолимыми проказниками, хваталъ полы своей одежды и прижималъ ее къ груди. Снося съ стоическою твердостію подобныя оскорбленія, онъ подвигался впередъ, безпрестанно ниже и ниже сгибаясь, чтобъ представлять меньшую плоскость дѣйствію враговъ своихъ, походившихъ на избалованныхъ дѣтей, которымъ мученія бѣднаго животнаго доставляютъ злое удовольствіе, а его сопротивленія только болѣе раздражаютъ шалуновъ. Иногда вѣтеръ забѣгалъ въ тылъ прохожему; тогда не нужно было бороться съ нимъ, онъ самъ помогалъ ему итти, толкалъ его, дулъ въ одежду, какъ въ паруса. Но это состояніе было безотраднѣе всякаго другаго, потому что ходьба по скользкимъ тротуарамъ становилась тогда еще опаснѣе; нужно было много сноровки и ловкости, что бъ не запнуться о тумбу, не поскользнуться на покатостяхъ противъ воротъ, не попасть въ винный погребъ, въ мелочную лавку, съ опасностію сломить шею, вывихнуть ногу или руку, и вообще потерпѣть какое нибудь не пріятное физическое поврежденіе. Въ эту ужасную ночь скучно было даже сидѣть дома: эгоистическое удовольствіе находиться въ теплой сухой комнатѣ, даже передъ затопленнымъ каминомъ, съ трубкою или сигарой въ зубахъ за стаканомъ чаю, когда другіе мокнутъ и мерзнутъ подъ небомъ, закрытымъ тучами, въ темной сферѣ, гдѣ больше воды, чѣмъ воздуха, эгоистическое удовольствіе это не было такъ сильно, чтобъ увернуться отъ вліянія погоды. Самый самоваръ, казалось, шумѣлъ и визжалъ печально, подлаживаясь подъ пѣсню вѣтра, подъ бой капель дождя и подъ шумъ воды, сталкивавшейся въ жолобахъ, и падавшей на мостовую.. Плохо было и подъ потолкомъ, и подъ небомъ; но все таки лучше сидѣть въ сухой комнатѣ, — потому что тутъ еще есть отрада, которая придетъ, если совѣсть у васъ чиста, это сонъ; правда: пѣсня бури напоетъ невольно грустныя думы, а они приведутъ печальныя грезы, но все таки это не тоска, а грусть, которая всегда благороднѣе и сноснѣе...

Погода не обнаруживала на Случайнаго ни малѣйшаго дурнаго вліянія; сидя въ каретѣ, онъ важно размышлялъ о томъ, какъ человѣкъ съ истиннымъ геніемъ всегда можетъ найти себѣ дорогу къ богатству и величію; съ ужасомъ воспоминалъ какъ бывало, въ подобную бурю, таскался пѣшкомъ; потомъ мысленно пробѣгалъ всѣ тѣ ступени, по которымъ вбѣжалъ наконецъ въ дверцы великолѣпной кареты, вспомнилъ какъ гнулся чтобъ попасть въ нихъ, какъ ему наконецъ *повезло* и съ гордостью остановился на томъ, какъ поѣхалъ въ первый разъ въ собственной каретѣ. Выпитое шампанское помогло ему позабыть угрозы Господина въ рыжемъ парикѣ и всѣ неудачи этого несчастнаго дня; мысль о неисправности его канцеляріи и могущихъ послѣдовать отъ того бѣдствіяхъ также не смущала на этотъ разъ его веселья, о дамѣ и о своихъ подозрѣніяхъ онъ забылъ совершенно. Все это помогло ему наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ. Приписывая счастливое устройство своего карьера единственно своему уму и проницательности, онъ былъ очень доволенъ собою; вино болѣе и болѣе горячило его воображеніе и наконецъ онъ утонулъ въ честолюбивыхъ мечтахъ. Вотъ онъ уже Министръ, человѣкъ нужный Государству, извѣстный Европѣ; всѣ тѣ, предъ которыми онъ принужденъ еще смиренно сгибаться, толпятся у него въ прихожей, ожидая съ подобострастіемъ выхода его Высокопревосходительства. Онъ самъ сидитъ въ великолѣпномъ кабинетѣ, обложенный дѣлами и ничего не дѣлаетъ; маленькій сынъ его Коко гримасничаетъ или под-

ходя къ нему восклицаетъ: «какой ты, папа, умный!» Онъ нѣжно цѣлуетъ сына, или даетъ ему щелчекъ по лбу и посылаетъ его въ другую комнату къ матери; между тѣмъ входитъ она, въ утреннемъ неглижѣ; походка ея величественна, движенія граціозны; онъ незнаетъ съ кѣмъ сравнить ее изъ дамъ высшаго круга, ему извѣстныхъ; она всѣхъ превосходитъ своею красотою, любезностью, утонченною непринужденностію въ обращеніи. — Тутъ. воображеніе будущаго Министра разыгралось до nec plus ultra: жена его показалась ему такою очаровательною, какою не казалась и въ первую недѣлю брака; почувствовавъ въ себѣ особенный приливъ нѣжности, онъ дернулъ за шнурокъ и приказалъ ѣхать скорѣе. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у подъѣзда, онъ пробѣжалъ по лѣстницѣ и прямо отправился въ спальню своей супруги.

Какъ только Случайный отворилъ двери и заглянулъ во внутренность спальни, свѣчка выпала изъ рукъ его, лихорадочный огонь пробѣжалъ по жиламъ; судорожное потрясеніе было такъ сильно, что онъ едва не упалъ; эта величественная министерская важность, эта веселая улыбка, это довольство самимъ собою — все вмигъ исчезло; лице его представляло самую смѣшную каррикатуру на его собственную особу; губы посинѣли, глаза *соловьли*, нось, къ величайшему подрыву всѣхъ теорій о цвѣтѣ носа у человѣка въ *пьяномъ видѣ*, побѣлѣлъ, вообще все лице вытянулось до невѣроятности; только парикъ, коварный парикъ, одинъ оставался хладнокровнымъ и совершенно чуждымъ какихъ-либо измѣненій.... Вотъ выгода носить парики!

Причина изумленія, испуга и остолбѣненія Случайнаго была слѣдующая. Войдя въ спальню, онъ увидѣлъ ту самую даму, которую въ маскерадѣ сначала принялъ за свою жену, потомъ за жену Зорина, потомъ опять за свою жену и наконецъ опять за жену Зорина. Она стояла предъ зеркаломъ и снимала съ себя маску; отъ изумленія ли или отъ какой другой причины, руки ея, при входѣ Случайнаго, опустились и маска осталась на спинѣ.

Случайный хотѣлъ что-то сказать, но языкъ плохо повиновался ему; тщетно доискивался онъ въ головѣ своей причины этого, по видимому очень обыкновеннаго. явленія. Суевѣръ никогда не размышлявшій о томъ, во что вѣрить и что отвергать, чуждый собственнаго разумнаго убѣжденія во всемъ, что не касалось чиновъ и денегъ, онъ не на шутку струсилъ. Подумавъ что предъ нимъ привидѣніе, онъ сперва началъ креститься, потомъ схватился обѣими руками за голову и закрылъ глаза.

Незнакомка, въ первыя минуты появленія Случайнаго, была въ большомъ замѣшательствѣ и, казалось, не знала на что рѣшиться. Увидѣвъ что Случайный закрылъ глаза, она быстро подошла къ кровати, тихонько раздвинула, освѣщающій ее, бѣлый занавѣсъ и скрылась за нимъ....

«У меня въ канцеляріи нѣтъ ни одной вакансіи; Богомъ божусь! я бы съ радостію принялъ вашего мужа,» шепталъ Случайный, не много опомнившійся, но все еще дрожащій отъ страха и несмѣющій ни раскрыть глазъ, ни пошевелиться.

Наконецъ, совершенно проснувшись отъ нравственнаго онѣмѣнія, которое мѣшало ему размышлять здраво, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ съ твердой рѣшимостью спросить даму кто она и зачѣмъ пожаловала; но каково было его изумленіе, когда, открывши глаза, онъ не нашелъ никого. Это

повергло его почти въ такое же положеніе, въ какомъ онъ былъ за минуту; онъ снова убѣдился, что имѣетъ дѣло съ нечистою силою. Когда онъ опять получилъ употребленіе разсудка, первымъ движеніемъ его было обыскать комнату; осмотрѣвъ всѣ углы и подозрительныя мѣста, онъ наконецъ отдернулъ занавѣсъ кровати и увидѣлъ жену свою, спящую крѣпкимъ сномъ, небрежно раскинувшись, въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ....

## III.

Прошло еще три мѣсяца.

Войдите въ этотъ двухъ-этажный, когда-то бѣленый домъ, на концѣ улицы. Если вы видѣли его за 20 лѣтъ, то теперь съ трудомъ узнаете, такъ онъ перемѣнился отъ неприсмотра! Щекотурка и лѣпныя украшенія во многихъ мѣстахъ обвалились и нагло обнаружили кирпичныя стѣны. А видите ли на верху еще третій этажъ, или что-то въ родѣ третьяго этажа, эту деревянную надстройку съ большимъ полукруглымъ окномъ? Когда домъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи, эта надстройка была тутъ чрезвычайно не у мѣста. Она производила на проходящихъ такое же впечатлѣніе, какое производитъ большое родимое пятно на лицѣ красавицы. Теперь она какъ-то идетъ къ его неопрятной наружности, даже гармонируетъ съ ней. Такъ на дурномъ лицѣ какая нибудь рѣзкая черта, иногда поправляетъ непріятное впечатлѣніе цѣлаго; чѣмъ больше морщинъ на лицѣ старухи, тѣмъ она почтеннѣе.

Странно — но правда. «Правда всегда странна, страннѣе выдумки,» говоритъ Байронъ.

Но за чѣмъ я веду васъ туда? непремѣнно нужно, иначе мы потеряемъ изъ виду героя повѣсти, безъ котораго и конца повѣсти не будетъ. — И такъ — нѣсколько ступенекъ вверхъ по этой лѣстницѣ и мы на мѣстѣ. Однакожъ берегитесь чтобъ не упасть: лѣстница хуже наружности дома; не даромъ говорится, что внѣшность есть вывѣска внутренности. Да мало ли что говорится не даромъ; вотъ, напримѣръ, я указалъ вамъ надстройку дома тоже не даромъ; тамъ живутъ.... Разъ, два, три.. вотъ и послѣдняя ступенька, вздохните свободнѣе. Мы войдемъ въ эту комнату безъ церемоній.

Комната не велика. Прямо противъ двери единственное окно, на право кровать, на лѣво столъ съ письменнымъ приборомъ, тамъ и сямъ нѣсколько стульевъ; въ углу, подлѣ двери, самоваръ, сальная переломленная свѣча въ изогнутомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, счипцы, сапожная щетка и старые сапоги. Вотъ всѣ ея принадлежности. — Близь письменнаго столика сидитъ пожилой человѣкъ. Лице его разстроено, щеки блѣдны и впалы, лобъ сморщенъ, брови нахмурены. У окна, съ чулкомъ въ рукѣ, сидитъ молодая женщина; она тоже печальна, глаза ея не совсѣмъ еще обсохли отъ слезъ, черные локоны, распущенные въ безпорядкѣ, придаютъ лицу ея, оттѣненному блѣдностью, мрачное выраженіе. Ни онъ, ни она не говорятъ ни слова уже болѣе часа.

Наконецъ пожилой человѣкъ потянулся, зѣвнулъ, положилъ ногу на ногу и сказалъ:

А которое, бишь, сего дня число, душенька?

Кажется, 21 отвѣчала женщина.

Значитъ, скоро срокъ платить за квартиру, душенька.

Да, скоро....

Что за не милость Божія на насъ! сказалъ мущина, помолчавъ нѣсколько минутъ. Какъ пошло, какъ пошло сорить бѣды одну за другою — такъ и не успѣваешь опомниться! такъ и душитъ! Помнится вскорѣ послѣ того проклятаго бала, на который мнѣ такъ не хотѣлось ѣхать, начались наши несчастія. Вотъ не прошло еще пяти мѣсяцевъ, а приходитъ жутко. Не ужели наши несчастія еще продолжатся....

Богъ милостивъ, авось все опять поправится.

Поправится, да не воротится. Охъ! дѣти, дѣти! я васъ воспитывалъ, за вами ухаживалъ, васъ любилъ, да за васъ же мнѣ и досталось. И какъ все вдругъ собралось на мою голову. Не даромъ съ той самой минуты, какъ графъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, сердце у меня было не на мѣстѣ; помнишь ли ты, душенька, когда это было?

Вы мнѣ это разсказывали.

Да, да; въ этотъ же день, кажется, я былъ въ маскерадѣ. Ужасный маскерадъ! ты, точно знала, не поѣхала; ахъ! кабы и я сдѣлалъ тоже! Да нѣтъ! грѣхъ попуталъ, чертъ сунулъ — думалъ лучше будетъ. Тутъ ни съ того, ни съ другаго показалось мнѣ, что и ты въ маскерадѣ.

Какъ! неужели? вы мнѣ прежде не говорили; странно, я не вставала въ тотъ вечеръ съ постели.

Знаю, душенька; видѣлъ. Да вѣдь если чертъ захочетъ кого попутать, такъ на своемъ поставитъ. Ну такъ и шепчетъ: твоя жена! твоя жена! Я ну бѣжать за тобой какъ сумасшедшій.

Какъ за мной?

Да, что я? за той-то дамой, бѣжалъ, бѣжалъ, долго говорилъ съ ней....

Долго говорили? она хороша собой?

Ахъ, душенька, ты ужъ и вотъ что подумала; просто такъ говорилъ, потому что хотѣлъ узнать кто она.

Потомъ что?

Вдругъ, охъ, этотъ несчастный случай! я столкнулся на поворотѣ съ Конономъ Филатычемъ, чуть не уронилъ его, расшибъ у него часы; онъ разсердился, да такъ, что не пришлъ тысячи рублей, которые я послалъ ему на другой день за разбитые часы, да, какъ часы тысячи не стоили, то частичку, знаешь, такъ, авось, думалъ, гнѣвъ-то и поуходится. Какъ узналъ я объ отказѣ, сердце у меня такъ и съежилось; вотъ ужъ тутъ я вправду струсилъ.... да и было чего. Хожу по комнатѣ часовъ въ десять утра, а дрожь меня такъ и пробираетъ; ты еще спишь, я пожалѣлъ будить тебя, ты же наканунѣ была больна, пусть, думаю, еще понѣжится. Одѣлся, поѣхалъ въ канцелярію. Вхожу, а графъ ужъ тамъ вмѣстѣ съ Конономъ Филатьичемъ; я такъ и обмеръ. Господи помилуй, конецъ мой пришелъ! думалъ я.... А Канонъ Филатьичъ злобно поглядываетъ на меня, да посмѣивается. Эка бѣстія! Графъ началъ ревизовать дѣла, разсердился ужасно, не сказалъ со мной ни слова и уѣхалъ.... Я чуть живъ пріѣхалъ домой.

Ахъ, какіе вы пріѣхали тогда блѣдные и сердитые.....

Поблѣднѣешь, матушка, какъ того гляди подъ судъ упекутъ! Уголовная-то не свой братъ! спасибо, что еще велѣли только подать въ отставку — кабы притянули къ суду, да ко взысканію — вотъ тутъ бы такъ, ужъ *хоть матушку рѣпку пой*, не справиться. Потеря мѣста хоть кого озадачитъ, помнишь какъ мы съ тобой плакали. Вдругъ въ тотъ же почти день новое горе.... Эти дрянные купчишки наклеветали на меня, что я растрачиваю имѣніе ихъ покойной сестры, ненавижу дѣтей, прижитыхъ въ бракѣ съ ней; отняли у меня

опеку надъ дѣтьми, отняли дѣтей, отняли ихъ имѣніе, взыскали штрафъ.... о, это всего ужаснѣе! несправедливость явная; я буду протестовать... дай только мнѣ поопериться, опять найти мѣсто!

А что вамъ сказалъ сегодня этотъ Князь, къ которому вы ходили хлопотать о мѣстѣ?

Да, душенька, я и забылъ. Вели-ка Степановнѣ почистить мой фракъ, да сапоги высвѣтлить получше. Мнѣ сегодня нужно на балъ...

Къ кому, по какому случаю?

Къ Князю, я званъ. Давича я у нихъ былъ; самаго Князя не видѣлъ: онъ очень занятъ и поручилъ на время принимать всѣхъ просителей своему родственнику. Прекрасный молодой человѣкъ, такой вѣжливый, принялъ меня очень ласково, сказалъ, что похлопочетъ самъ и просилъ быть ужо у нихъ на балѣ. Только что полтора мѣсяца женился, еще на умѣ все праздники!

А какъ ему фамилія?

Зоринъ.

Дама крѣпко ухватилась за спинку стула, потомъ встала, закрыла лицо платкомъ и пошла въ прихожую отдавать приказанія служанкѣ.

«Вотъ какъ иногда можно ошибаться: сказалъ Случайный, когда она возвратилась; послѣ того, что онъ сдѣлалъ *съ нами* на балѣ, я думалъ, что онъ самый дурной человѣкъ. Увидя его сегодня, я полагалъ, что онъ по крайнѣй мѣрѣ покосится на меня — ничего небывало. Онъ такъ хорошо обошелся со мной, какъ нельзя лучше. Я надѣюсь что мѣсто, о которомъ я его просилъ, останется за *нами*.»

— Ну, дай Богъ.

А вотъ, что ужо будетъ; на балу онъ обѣщать мнѣ что-то рѣшительное. —

---

Балъ. Свѣтъ и благовоніе разлиты въ пріемныхъ комнатахъ Князя Н. Комнаты убраны великолѣпно. Множество восхитительныхъ ножекъ легкихъ и маленькихъ, какъ мизинецъ Амура, мелькаютъ по паркету, который, кажется, горитъ стыдливымъ румянцемъ, блещетъ свѣтлой улыбкой удовольствія, созерцая дивныя формы красавицъ. Ничто не можетъ побѣдить владычества этихъ очаровательницъ; самый стеаринъ меркнетъ и блѣднѣетъ предъ блистательною ихъ красотою. Только пожилыя ихъ спутницы мѣшаютъ вообразить ихъ существами нездѣшняго міра.

Я люблю видѣть на могилѣ розу, но не люблю видѣть старухи подлѣ молодой дѣвушки; это не даетъ мнѣ увлечься ея красотою, пересѣлить ее на седьмое небо, сдѣлать волшебною, вѣчно цвѣтущею феей и унестись за ней далеко, далеко, въ очаровательную область мечты, залетѣть туда, гдѣ *съ безумьемъ граничитъ разумьнье*. Иногда засмотришься на красавицу: душа подъ волшебнымъ смычкомъ мечты настроится къ возвышеннымъ впечатлѣніямъ; воображеніе, возметъ на ней нѣсколько мощныхъ аккордовъ, въ нихъ, кажется, отзывается само небо; вотъ оно раскрыло свои объятія, вотъ мы летимъ въ его дивные чертоги: вдругъ взоръ мой нечаянно падаетъ на ступницу моей феи; очарованіе исчезаетъ, я опять на землѣ, я снова прахъ, мечта моя переноситъ меня въ будущее — я вижу *двухъ* старухъ, двухъ земныхъ женщинъ, и почти готовъ открыть табакерку и понодчивать мою красавицу. —

Балъ Князя Н. былъ такой, какими обыкновенно должны быть балы знатныхъ баръ. Хозяинъ, настоящій русскій вельможа, не жалѣлъ денегъ. Все шло какъ нельзя лучше, видно было, что въ этомъ домѣ балъ — дѣло очень обыкновенное. Лакеи несуетились безъ толку, не роня другъ друга, не обливали гостей чаемъ или оршадомъ, не подходили безпре-

стано къ хозяйкѣ или хозяину для того, чтобъ, съ таинственнымъ видомъ нагнувшись къ ихъ уху, спросить шепотомъ о какомъ-нибудь вздорѣ; самъ хозяинъ не выбѣгалъ ни разу отдавать приказанія. Гостей было множество. Молодые люди танцовали, пожилые играли въ карты или смотрѣли на танцующихъ, между послѣдними былъ и нашъ Случайный.

Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца кадрили въ которой участвовалъ Зоринъ. Ему хотѣлось переговорить съ нимъ о дѣлѣ, узнать что-нибудь *рѣшительное*.

Кадриль кончилась. Зоринъ прошелъ съ своей дамой мимо Случайнаго, отвелъ ее на мѣсто и подошелъ къ нему.

— Весело ли Вашему Превосходительству? сказалъ онъ насмѣшливо.

Случайный не замѣтилъ насмѣшки и былъ восхищенъ вѣжливостью Зорина.

«Я за честь себѣ поставляю быть на такомъ прекрасномъ балѣ.»

Помнится мы только одинъ разъ встрѣтились на балѣ, вы вѣрно баловъ не любите.

«Мнѣ старику, признаться, ужъ и не до баловъ.»

Къ Зорину подошелъ какой-то молодой человѣкъ, въ прическѣ Іоническаго Ордена, и насильно оттащилъ его отъ Случайнаго.

Пойдемъ, mon cher, я покажу тебѣ чудо!

Здравствуйте почтеннѣйшій! Скажите пожалуйста давно ли вы знакомы съ Зоринымъ, сказалъ Случайному маленькій человѣчекъ на высокихъ каблукахъ, подойдя къ нему, и схвативъ его за руку.

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я встрѣтился съ нимъ на одномъ балѣ, потомъ онъ былъ у меня по одному дѣлу, потомъ я былъ у него....»

И такъ вы познакомились? Какъ онъ съ вами ласковъ! вы — счастливецъ; теперь этотъ человѣкъ въ ходу, онъ можетъ многое сдѣлать для нашего брата; онъ правая рука Князя, а Князь вы знаете?.....

«Скажите пожалуйста, какъ онъ *подбился* къ Князю; какъ ему удалось жениться на его родственницѣ? онъ человѣкъ бѣдный, нѣсколько времяни тому назадъ онъ искалъ моей протекціи, проелся въ мою канцелярію когда я служилъ у графа.»

Эхъ, почтеннѣйшій! вы еще всего не знаете, дѣло щекотливое. Между нами будь сказано, родственница-то Князя, говорятъ, его родная дочь, грѣхъ его холостой жизни.... понимаете?.... притомъ же она и не красавица.... а товаръ, пословица говоритъ, лицемъ продаютъ! Зоринъ, говорятъ, пришелъ просить у Князя мѣста; слово за слово — они и посблизились. Ну, а остальное черезъ экзекутора. Понимаете? Зоринъ дворянинъ, кончилъ курсъ въ Университетѣ, былъ уже шесть лѣтъ на службѣ въ Москвѣ, малой нето что бы глупый — чегожъ больше. Не богатъ! да съ такимъ родственникомъ не надо имѣть четырехъ-этажнаго дома въ Петербургѣ. Станетъ служить, пойдутъ чипы, награды, повышенія — для Князя все сдѣлаютъ!....

Маленькій человѣкъ взялъ Случайнаго подъ руку и началъ водить его по компатѣ, толкуя о всемогуществѣ протекціи. «Да, да, протекція вещь важная, я только на нее надѣюсь теперь!» думалъ Случайный.....

---

Съ трудомъ отдѣлившись отъ молодаго человѣка, въ прическѣ Іоническаго Ордена, Зоринъ подошелъ къ одной молодой дамѣ и занялъ подлѣ нея мѣсто.... У нихъ завязался самый пустой разговоръ о погодѣ, о балѣ, о нарядахъ и такъ далѣе.... Они какъ-то странно поглядывали другъ на друга въ промежуткахъ этаго разговора. Какое-то

безпокойство тревожило ихъ. Видно было, что у нихъ много словъ, которыя просятся изъ сердца. Взоры ихъ какъ будто спрашивали одинъ другаго: скоро ли ты начнешь, или мнѣ начать?

Наконецъ Зоринъ преодолѣлъ робость и сказалъ въ полъ голоса.

И такъ вы замужемъ.

«А вы женаты.»

Молчаніе послѣдовало за этими словами. Глаза ихъ встрѣтились. Взоръ его, казалось, укорялъ и вмѣстѣ говорилъ: прости! во взорѣ ея, кромѣ смущенія, ничего не было; желая ли скрыть свое замѣшательство или по другой причинѣ, она вмигъ озарила глаза свои восхитительною улыбкой и навела ихъ прямо на Зорина. Въ эту только минуту Зоринъ разгадалъ ту непонятную улыбку, которую невѣста его нѣкогда сдѣлала гвардейцу.

Вы любите своего мужа, вы счастливы, сказалъ Зоринъ, послѣ долгаго молчанія.

«Ахъ, нѣтъ! мужъ мой еще вчера поссорился со мною. Онъ никакъ не хотѣлъ взять ложи въ бепефисъ Тальони, но наконецъ я на своемъ поставила. Ахъ, какъ она танцуетъ!»

У Зорина навернулись на глаза слезы. Онъ все еще любилъ свою Лёленьку, (вы вѣрно узнали уже кто эта дама). Ему тяжело было видѣть ея вѣтреность. Казалось, это бы должно его утѣшить въ потерѣ ея, но съ нимъ случилось противное. Она еще ребенокъ и это ее оправдываетъ, думалъ онъ. Когда бъ она была моею, моя любовь научила бы ее любить истинно, предпочитать тихую семейную жизнь удовольствіямъ шумнаго свѣта. Во время этихъ размышленій онъ нечаянно увидѣлъ Случайнаго и прежній гнѣвъ на этого злаго генія его жизни снова вспыхнулъ въ душѣ его....

Сюда идетъ вашъ мужъ, вѣрно онъ уже окончилъ свой вистъ, сказалъ Зоринъ, увидя стройнаго гвардейскаго офицера приближающагося къ нимъ. Скрывъ свое замѣшательство, Зоринъ, съ безсмысленнымъ выраженіемъ лица, обратился къ Еленѣ Александровнѣ и заговорилъ о Тальони.

Тальони, Тальони! я не знаю, что можетъ быть лучше ея танцовъ, сказала она.

Не о той ли плясуньѣ въ бѣломъ платьѣ говорите вы, что вчера прыгала какъ козленокъ? сказалъ офицеръ, неслыхавшій начала рѣчи и садясь въ кресло.

Ахъ, другъ мой, какъ можно такъ говорить объ ней, какъ можно ея чудные ножки сравнивать Богъ знаетъ съ чѣмъ! сказала дама.

Право я мало знаю толку въ ногахъ, исключая ножекъ..... офицеръ умильно взглянулъ на свою жену.

Она покраснѣла отъ негодованія и бросила на своего мужа быстрый какъ молнія взглядъ, который невольно выражалъ досаду.

Зоринъ жалѣлъ ее и вмѣстѣ чувствовалъ какую-то радость.

Онъ началъ подбѣгать къ кавалерамъ и просилъ танцовать мазурку. Все пришло въ движеніе, мущины ангажировали дамъ, любопытные опять выстроились около стѣнъ, Случайный такъже шелъ занять удобное мѣсто, откуда бы могъ свободно смотрѣть на танцующихъ. На половинѣ пути къ своей цѣли, встрѣтился онъ съ Зоринымъ и не могъ болѣе удержать нетерпѣнія узнать о послѣдствіяхъ своей прозьбы, касательно мѣста.

— Извините; черезъ часъ я буду свободенъ и тогда мы съ вами потолкуемъ; — сказалъ Зоринъ и побѣжалъ дальше.

Музыканты заиграли, пары выстроились, ноги и ножки пришли въ движеніе.

А вы, Елена Александровна, отъ чего не танцуете? сказалъ Зоринъ, найдя ее одну на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за минуту съ ней разговаривалъ.....

У меня нѣтъ кавалера; не хотите ли вы быть моимъ кавалеромъ?

Нѣтъ, я ужъ давно не танцую. Хотите ли я вамъ найду кавалера?

Пожалуй, но отъ чего же вы сами не танцуете?

Зоринъ не слыхалъ этихъ послѣднихъ словъ. Какъ будто озаренный какой-нибудь геніальной мыслію, онъ спѣшилъ привести ее въ исполненіе. Бѣгомъ добѣжалъ онъ на другой конецъ залы, отыскалъ Случайнаго, схватилъ его за руку и, не говоря ни слова, повелъ черезъ залу.

Куда вы меня ведете?

Вы вѣрно не откажетесь сдѣлать мнѣ не большое одолженіе?

Какое?

Протащовать мазурку.

Помилуйте, я старикъ; я уже 20 лѣтъ не тапцовалъ....

Ну какъ хотите, а мнѣ показалось, что такая мелочная услуга ничто предъ тѣмъ, объ чемъ вы меня просите. Если такъ, то и я....

Ахъ, что вы? могу ли я этого для васъ не сдѣлать... но, видите, въ мои лѣта.... много народу.

Чтожъ! если вамъ не угодно, я принуждать не смѣю....

Извольте, извольте: я только такъ сказалъ.... надѣюсь, что мѣсто....

Хорошо, хорошо! объ этомъ послѣ.... ангажируйте эту даму! сказалъ торжествующій Зоринъ, поставивъ Случайнаго предъ Еленой Александровной.

Но этого мало, онъ долженъ былъ еще подсказать ему, что говорить потому что озадаченный старикъ былъ самъ не свой.

Елена Александровна изумилась, услыша приглашеніе Случайнаго, въ нерѣшительности, съ вопрошающимъ взоромъ обратилась она къ Зорину, но въ это самое время нѣсколько паръ пронеслось мимо; Зоринъ толкнулъ Случайнаго, старикъ безсознательно схватилъ руку своей дамы и поспѣшно присоединился къ танцующимъ. Очередь скоро дошла до нихъ и они пошли. Въ минуту всѣ глаза, очки и лорнетки были наведены на эту интересную пару. И было чѣмъ любоваться! Случайный прыгалъ, аккомпанировалъ плѣчами своими ногамъ, то забѣгалъ впередъ, то отставалъ и тяжкими вздохами какъ бы вымаливался пощады, жалобно озираясь кругомъ. Лицо его было красно, со лба градомъ катился потъ; ничего нельзя вообразить себѣ смѣшнѣе его физіономіи въ эту минуту. Несмотря на это, какая-то веселая улыбка появлялась на лицѣ его, когда глаза его случайно встрѣчали Зорина; они, казалось, говорили тогда: вотъ что я для васъ дѣлаю! вѣрно послѣ этого вы мнѣ не откажете въ мѣстѣ. И одушевлялся этою великою надеждою, онъ собиралъ послѣднія силы ногъ и плѣчъ и превосходилъ самого себя быстрыми движеньями! Безпрестанно мѣнялся въ лицѣ, то блѣднѣя, то краснѣя отъ стыда и негодованія, дама его, казалось, отдала себя на волю судьбы; она машинально двигалась, поминутно сбивалась, сбивала старика, старикъ въ свою очередь, сбивалъ другихъ и не было конца несчастнымъ послѣдствіямъ. Дама теряла послѣднія силы и готова была упасть въ обморокъ. До нея безпрестанно долетали насмѣшливыя слова ея пріятельницъ, которыя, радуясь, что встрѣтили случай надъ ней подсмѣяться, не жалѣли остроть и колкихъ замѣчаній. Онѣ этимъ мстили ей за вредъ, который дѣлала ея красота ихъ собственной. Мщеніе извинительное!....

Зоринъ, съ видимымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на невыгодное положеніе этой пары. Онъ первый не старался скрыть

насмѣшливой улыбки, возбужденной въ немъ странными кривляньями Случайнаго и отчаяннымъ состояніемъ его дамы. Мазурка, мазурка! когда-то и я потерпѣлъ отъ тебя много, пускай же и другіе узнаютъ, какъ иногда ты непріятна! думалъ Зоринъ, не спуская съ глазъ Случайнаго и прежней своей невѣсты.

Наконецъ эта ужасная мазурка, которую по справедливости можно назвать для двухъ ея дѣйствователей пыткою, для остальныхъ самымъ занимательнымъ зрѣлищемъ въ комическомъ родѣ, къ счастію первыхъ и къ сожалѣнію послѣднихъ, кончилась.

Елена Александровна съ укоромъ посмотрѣла на Зорина, отыскала своего мужа и сей часъ же уѣхала, не смотря ни на какія упрашиванія Зорина и супруги его.

Случайный съ радостной улыбкой подбѣжалъ къ Зорину и схватилъ его за руку. — Ну что? не правда ли, что я много сдѣлалъ для васъ? Замѣтили ли вы, какъ я танцовалъ?

Видѣлъ, видѣлъ! благодарю васъ!

Скажите же, ради Бога, могу ли я надѣяться?....

Чего?

Получить мѣсто?

Завтра, завтра! вы у меня будете и тамъ переговоримъ, сказалъ Зоринъ, освободилъ свою руку изъ руки Случайнаго и удалился.....

Балъ продолжался долго. Благовѣстили къ заутрени, когда начали разъѣзжаться. —

# IV.

Eheu me, miserum!

*Sallustius.*

Что такое сонъ? Сонъ уравновѣшиваетъ жребіи людей; люди въ физической жизни составляютъ части огромной машины — человѣчества и отъ того необходимо занимаютъ разностепенныя мѣста. Богачи, бѣдняки, вельможи, простолюдины и всякій совершаетъ свое назначеніе лучше или хуже: было бы несправедливо, если бъ бѣднякъ, трудясь цѣлый вѣкъ, не имѣлъ ни какихъ наслажденій, или богачь, живя въ довольствѣ, не терпѣлъ ни малѣйшихъ неудовольствій. Сонъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть также, по мнѣнію одного умнаго человѣка, нѣчто въ родѣ репетиціи того, что должно случиться въ дѣйствительности. «Иногда (говоритъ онъ) я вхожу въ домъ, вижу людей, говорю съ ними, и все, что я вижу, что говорю, что мнѣ говорятъ, кажется мнѣ вѣрнымъ, до малѣйшей подробности, повтореніемъ минувшаго, кажется, будто я былъ когда-то на репетиціи всего этого.

Случайному видѣлся дурной сонъ. Цѣлую ночь, какъ Нева во время наводненія, онъ мѣтался на своей постелѣ, изъ стороны въ сторону. Какіе-то безсвязные звуки, вылетавшіе изъ устъ его, нерѣдко возмущали тишину ночи и будили жену. Она вслушивалась въ нихъ, старалась что-нибудь понять, но видя безполезность своихъ стараній, крестилась и опять засыпала.

Часу въ одиннадцатомъ утра Случайный повернулся, пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ, и съ словами: «мнѣ танцовать, мнѣ танцовать? помилуйте!» — проснулся.

Жена, которая давно уже вязала чулокъ, съ безпокойствомъ подошла къ нему и начала распрашивать о причинѣ его страннаго бреда.

Не больны ли вы, другъ мой? вы такъ безпокойно почивали....

Ничего, душенька, это такъ.

Вы были такъ страшны во снѣ; говорили про какіе-то танцы, про мѣсто и все это перемѣшивалось у васъ съ словами: помилуйте! я надѣюсь!....

Это потому, что я вчерась *вытанцовалъ* себѣ протекцію и все объ этомъ думалъ; ты еще всего не знаешь. Вотъ каковъ я нынче: танцовалъ, да еще съ какой дамочкой.... чудо! мы протанцовали цѣлую мазурку, она бы и еще пошла со мной — да мнѣ не захотѣлось.

— Хорошо, хорошо! а домъ, жена, дѣла — вы объ этомъ и не подумали. Видно, что эта дама вамъ вскружила голову.

Да, я едва стоялъ на ногахъ, когда мазурка кончилась..... ты не повѣришь, душенька, какъ я усталъ....

По дѣламъ вамъ! пустились въ танцы.... а со мной такъ не хотите пройтись даже по Невскому.... я ужъ старъ, душенька, до гулянья ли мнѣ, на силу ноги таскаю! вотъ какъ вы меня отдѣлываете....

И полно! ты ужъ и ревновать. Ну, велика бѣда, что я танцовалъ съ хорошенькой.... вѣдь танцовать не значитъ....

А вы бы еще больше хотѣли.... Вы не сказали мнѣ, когда меня сватали, что будете такъ поступать.

Но вѣдь я же ничего и не сдѣлалъ. Не сердись, душенька, это въ первый и послѣдній разъ.

Въ первый! Правду вы говорите! Точно я не знаю, что вы разъ какъ-то цѣлый маскерадъ пробѣгали, какъ сумасшедшій, за какой-то дамой..... Не та ли опять?....

Нѣтъ, ты сама знаешь.... я тебѣ говорилъ по какому случаю.... это совсѣмъ другое, вчерась я танцовалъ для протекціи.

Для протекціи! стыдитесь, сами не знаете, что вы говорите....

Опять свое. Я же тебѣ толкомъ говорю, душенька, что ты ошибаешься..... Да хоть бы и поволочился — что дѣлать!. ущипнула за сердце, не вытерпѣлъ.... извини! впередъ не буду.

Вотъ такъ-то! А что вы за минуту говорили. Вѣрь вамъ послѣ этаго. Вы меня забыли, вы влюбились въ другую, а я.... при этихъ словахъ Случайная заплакала.....

Случайный встревожешный началъ цѣловать ея руки. Виноватъ, душенька, прости! чертъ знаетъ съ чего мнѣ эта дурь влѣзла въ голову; клянусь тебѣ, что не буду впередъ танцовать! такъ *поразнежился*, вспомнилъ молодость....

Хороши утѣшенія! стыдились-бы говорить, видно вы хорошо вели себя и прежде.

Случайный никакъ не могъ увѣрить жену въ истинной причинѣ, по которой танцовалъ на вчерашнемъ балѣ. Чтобъ утѣшить ее, онъ принужденъ былъ разсказать вымышленную повѣсть о томъ, какъ мѣсяца четыре тому назадъ влюбился въ одну даму, какъ страдалъ, когда потерялъ ее изъ виду, какъ цѣлый вечеръ гонялся за ней въ маскерадѣ, какъ готовъ былъ изъясниться ей въ любви на вчерашнемъ балѣ, какъ замѣтивъ, танцуя съ ней, что и она неравнодушна къ нему, блаженствовалъ. Послѣ этаго онъ поклялся никогда больше не видаться съ ней и не искать ея взаимности. Тогда только Случайная успокоилась.

Вѣрь не вѣрь, душенька, а я вытанцовалъ себѣ протекцію, сказалъ съ самодовольствіемъ Случайный, когда миръ между супругами возстановился.

Да о чемъ вы толкуете?

О томъ, что Зоринъ обѣщалъ представить меня Князю съ выгодной стороны.

И вы ужъ рѣшили съ нимъ: вы увѣрены?

Ну, не такъ, чтобы очень. Рѣшительнаго онъ мнѣ ничего не сказалъ, а велѣлъ притти сегодня. Да впрочемъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Заживемъ лихо! ты, душенька, опять по прежнему будешь ѣздить въ каретѣ и я иногда; наймемъ хорошую квартиру, станемъ принимать гостей. Жалованья достанетъ; будутъ и доходишки, прибавлялъ Случайный шепотомъ. А тутъ и имѣнье, авось! воротится; подамъ жалобу на деверей, заведу процессъ; перевѣсъ на моей сторонѣ; я буду тогда опять человѣкомъ значительнымъ, для меня скорѣй всякой, что-нибудь сдѣлаетъ, да и правъ-то я. Не кормилъ что ли, не училъ я дѣтей? Вли за однимъ столомъ съ нами, учить ихъ нанималъ *двухъ* семинаристовъ; правда, одинъ всегда ходилъ на уроки *выпивши*, а другаго за лѣность выгнали изъ училища, но за то какъ онъ строчилъ четко, когда мнѣ случалась надобность переписать что-нибудь на скоро, да и бралъ-то за все только два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Они говорятъ, что я растратилъ имѣніе ихъ племянниковъ? А развѣ мало издерживалъ я на ихъ воспитаніе, одежду, игрушки и прочія потребности жизни. Пусть-ка сочтутъ все; дѣло-то, матушка, чистое — мы опять получимъ имѣніе въ наши руки. Тогда ужъ будемъ знать, какъ распорядиться; не такъ ли, душенька?

Въ обаяніи этихъ сладостныхъ надеждъ, Случайный совершенно забылъ сонъ нынѣшней ночи, который предсказывалъ ему несчастіе.

Пробило часъ. Онъ одѣлся, поцѣловалъ жену свою и отправился въ домъ Князя Н.

Было около половины втораго, когда Случайный пришелъ туда. Его ввели въ великолѣпно меблированную комнату и просили подождать немного. Стѣны пріемной были увѣшаны портретами знаменитыхъ лицъ всѣхъ эпохъ и всѣхъ исторій. Нужно было только не быть Случайнымъ, чтобъ засмотрѣться, задуматься надъ этими свидѣтелями земнаго ничтожества; только для его безчувственной души, утонувшей въ расчетахъ, взяткахъ и мечтахъ самолюбія, не было тутъ ничего достойнаго вниманія. Эти лица, полныя или воинственной отваги, или ученаго добродушія, или поэтической задумчивости, не могли, хоть на минуту, не тронуть чувствительной струны въ человѣческомъ сердцѣ.

Я люблю когда въ уединенной комнатѣ, гдѣ я свободно могу предаваться думамъ, висятъ по стѣнамъ портреты, особенно, если это портреты отжившихъ. Когда я вхожу въ такую комнату, мнѣ кажется, что я не одинъ и ихъ серіозныя лица иногда заставляютъ меня остановить улыбку, которая готова вырваться на уста, отъ какой нибудь веселой мысли. Иногда я стою, склоня голову, грусть меня одолѣваетъ, тяжелыя думы приходятъ одна за другою и дружно сжимаютъ сердце, вдругъ въ такую минуту я подымаю голову, встрѣчаю на ихъ лицахъ холодную улыбку и мнѣ становится стыдно своихъ дѣтскихъ печалей. Такъ чудно дѣйствіе этихъ лицъ на душу, то бьющуюся наслажденіемъ, то замирающую отъ холода!

Случайный съ нетерпѣніемъ ждалъ Зорина. Сердце билось въ лѣвой сторонѣ его груди такъ шибко, что знаки отличія кресты и медали, полученные имъ во время долговременной *безпорочной* службы военной и статской, отдѣлялись отъ мундира, сталкивались между собою и производили шумъ. Чуть зашу-

мить что въ другой комнатѣ, онъ вскакивалъ, прислушивался, выпрямлялся, обтягивалъ фракъ и приготовленное привѣтствіе готово было слетѣть съ языка его. Обманувшись нѣсколько разъ въ своихъ ожиданіяхъ, онъ наконецъ сталъ дожидаться хладнокровнѣе. Звонъ ножей и вилокъ, который заслышалъ онъ въ началѣ своего ожиданія, началъ утихать. «Завтракъ конченъ, подумалъ Случайный — теперь онъ вѣрно сейчасъ пожалуетъ.»

При этой мысли, знаки отличія еще сильнѣе заплясали на его груди отъ усиленнаго біенія сердца; душа его сжалась, лице вытянулось въ вопросительной крючекъ(?) и всѣ привѣтствія, всѣ краснорѣчивыя изъявленія благодарности, долженствовавшія послѣдовать въ случаѣ совершенія его желаній, смѣшались въ головѣ его или вовсе исчезли. Въ такомъ положеніи засталъ его Зоринъ.

Случайный чуть было не заговорилъ: всепокорнѣйше благодарю васъ за милостивое содѣйствіе въ доставленіи желаемаго мнѣ мѣста; смѣю питать себя вожделенною мечтою, что Его Сіятельство не будетъ раскаиваться въ принятіи меня на сіе мѣсто. Онъ опомнился на третьемъ словѣ этого хитросплетенія, понялъ какой дѣлаетъ промахъ, закусилъ губы и замолчалъ; наконецъ онъ кой-какъ оправился.

Осмѣлюсь напомнить вамъ о всенижайшей моей просьбѣ и милостивомъ желаніи вашемъ видѣть меня сего числа въ семъ домѣ, для рѣшительныхъ переговоровъ о извѣстномъ вамъ дѣлѣ. Говоря это, Случайный жался, мялся, кланялся безпрестанно, облизывался какъ кошка.

«Понимаю. Вы говорите о мѣстѣ.»

Проницательность вашего высокаго ума предупредила мои слова. Согласны ли Его Сіятельство опредѣлить меня на просимое мною мѣсто?

Мѣсто занято! сказалъ Зоринъ хладнокровно.

Нужно ли говорить что почувствовалъ Случайный, услыша эти роковыя слова? Этотъ человѣкъ, который за часъ мечталъ о счастіи, о каретѣ, о просителяхъ, на которыхъ надѣялся воротить всѣ *пропасти и волокиты*, *проторы и убытки*, понесенные во время жизни безъ должности, снова увидѣлъ себя отдаленнымъ на долго, можетъ быть, навсегда отъ осуществленія вожделенной мечты своей. Его дергало, корчило, ёжило, трясло какъ въ лихорадкѣ; сердце его, или точнѣе кусокъ карельской березы, обточенный на подобіе сердца, готово было выпрыгнуть изъ груди и отравить черной злостью и желчью своей треть человѣчества, корыстолюбивая душа, съёжившись въ гривенникъ, *ушла* какъ говорится, *въ пятки*, физіономія обпажилась въ всемъ своемъ безобразіи. Въ патетическихъ мѣстахъ трагедій талантливый актеръ, забывая себя, усвоиваетъ себѣ характеръ и дѣйствія представляемаго лица: въ минуты душевныхъ потрясеній человѣкъ забываетъ притворство и является такимъ, каковъ въ самомъ дѣлѣ. Потому-то весь запасъ трусости, безхарактерности и душевной низости ясно отразился на лицѣ Случайнаго. Не нужно быть Лафатеромъ, чтобъ, взглянувъ на него, понять въ эту минуту его душевныя качества.

Сначала онъ принялъ за шутку слова Зорина и смѣло посмотрѣлъ ему въ глаза, но когда встратилъ равнодушный, серьёзный взглядъ, смѣлость его оставила. Въ этомъ взглядѣ онъ прочиталъ себѣ приговоръ страшный, неумолимый; онъ многое, многое напомнилъ ему. Ему показалось, что когда-то онъ уже встрѣчалъ подобный взглядъ; нѣсколько минутъ Случайный былъ въ отчаянномъ положеніи, близкомъ къ сумасшествію.

Не дожидаясь ухода Случайнаго, Зоринъ небрежно кивнулъ головой и повернулся къ нему спиною, съ намѣреніемъ удалиться.

Будьте великодушны, заставьте за себя вѣчно Бога молить, не дайте умереть мнѣ и женѣ моей съ голоду! закричалъ Случайный изступленнымъ голосомъ схвативъ Зорина за руку.

Я ничѣмъ не могу быть вамъ полезнымъ.

Еще вчерась вы меня обнадежили; я танцовалъ — я для васъ это дѣлалъ.

Зоринъ улыбнулся. Его Сіятельство сказалъ мнѣ, что хотя ему бы очень пріятно исполнить мою просьбу, но онъ уже отдалъ мѣсто другому, а потому не можетъ сдѣлать на этотъ разъ по моему желанію; что дѣлать! обстоятельства! сказалъ онъ.

Но вы меня обнадежили, я слышалъ, что мѣсто не занято; войдите въ мое положеніе..... При этихъ словахъ Случайный почти до земли поклонился Зорину.

Зоринъ не дослушавъ его словъ, вышелъ изъ комнаты.....

— Батюшки! отпустите душу на покаяніе! — шепталъ Случайный.

Въ эту минуту карета въ которой сидѣлъ Зоринъ проѣхала мимо оконъ. Это напомнило Случайному что-то давно минувшее. Онъ вспомнилъ, какъ когда-то точно также увидѣлъ изъ дверецъ своей кареты въ пріемной своей огорченнаго просителя. Все ему объяснилось!....

P. S. Жена Случайнаго подарила его, чрезъ нѣсколько времяни, прекраснымъ мальчикомъ, который очень похожъ — на отца.....

*П. Перепельскій.*

# СТИХОТВОРЕНІЯ
## И
# КУПЛЕТЫ.

### ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

„Quand une étoile tombe il faut se hâter de lui dire ce qu'on souhaite, et ce souhait sera exaucé sans faute!
(*Supersition populaire.*)

Она катилась..... я смотрѣла
Съ участьемъ тайнымъ ей во слѣдъ,
И дошептать ей не успѣла
Своё желанье, свой обѣтъ.

Она скатилась, и пропала.
„Зачѣмъ падучею звѣздой
Богъ не далъ быть мнѣ? — я мечтала —
Мнѣ не далъ воли съ быстротой?“

Подобно ей, и я ушла-бы,
Покинувъ недойденный путь!....
Подобно ей, и я могла-бы
Летѣть, умчаться, ускользнуть.....

Грф. Е. Рос — на.

### ОФЕЛІЯ.

Въ нарядѣ страшность, безпорядокъ,
Глаза — двѣ молніи во мглѣ,
Неуловимый отпечатокъ
Какой-то тайны на челѣ;
Въ лицѣ то дерзость, то стыдливость,
Полупечальный, дикій взоръ,
Въ движеньяхъ стройность и красивость —
Все чудно въ ней!.... По высямъ горъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ безъ боязни
Она блуждаетъ, но, какъ звѣрь,
Дичится друга, изъ пріязни,
Ей отворяющаго дверь.

Порою любитъ дни и ночи
Бродить на сумрачныхъ гробахъ;
И все груститъ, и плачутъ очи
Покуда слезы есть въ очахъ.
Порой на лодкѣ въ непогоду,
Влетая въ бунтъ морскихъ зыбей,
Обезоруживаетъ воду
Геройской дерзостью своей.
На брегъ выходитъ; какъ Русалка,
Полощетъ волосы въ волнахъ,
То вдругъ смиренно, какъ Весталка,
Предъ небомъ падаетъ во прахъ.
Невольно грустное раздумье
Наводитъ на душу она.
Какъ много отняло безумье!
Какъ доля немощной страшна!
Нѣтъ мысли, рѣчи безразсудны,
Душа въ бездѣйствіи немомъ,
Въ ней сонъ безумья непробудный
Царитъ надъ чувствомъ и умомъ.
Онъ все смѣшалъ въ ней безъ различья,
Лишь дышутъ мыслію черты,
Какъ отблескъ прежняго величья
Ея духовной красоты.....
Такъ иногда покой природы
Смутитъ нежданная гроза:
Кипятъ взволнованныя воды,
Отъ вѣтра ломятся лѣса,
То не естественно блистаетъ,
То въ мракѣ кроется лазурь,
И все, смутивъ, перемѣшаетъ
Въ нестройный хаосъ сила бурь.

Н. Некрасовъ.

## РУССКАЯ ПѢСНЯ.*)

По небу
Тучи громовыя ходятъ;
По полю
Пули турецкія свищутъ.
Молодцу ль
Грома и пули боятьсл?
Что же онъ
Голову клонитъ, да плачетъ?
Бѣдному
Жаль не себя, горемыки;
Жаль ему
Душечьки красной дѣвицы;
Дѣвушку
Грозный отецъ принуждаетъ,
Красную
Жалобно матушка молитъ:
„Дитятко!
Выдь за богатаго замужъ!
Милое!
Съ нимъ позабудешь солдата!“

Баронъ Дельвигъ.

## КУПЛЕТЫ

*на заказной бумажникъ.**)

Бумажникъ, хоть чужой работы,
Отъ васъ пріятно мнѣ принять;
Но прозаическіе счеты
Въ стихахъ не ловко выражать.
Сказать: *спасибо!* Какъ-то чудно;
Не говорить — разсердишь васъ;
А признаюся очень трудно
Быть стихотворцемъ *на заказъ.*

Какъ часто всадниковъ дурачитъ
Пегасъ, любимецъ Аонидъ!
Не тронь его — онъ вихремъ скачетъ;
Пришпорь — какъ вкопаный стоитъ.
Ужъ сколько лѣтъ Бирюлькинъ хочетъ
Проселкомъ взъѣхать на Парнасъ,
Стихи кромсаетъ, риѳмы точитъ,
Но все не взъѣдетъ *на заказъ.*

Ѳемида меньше прихотлива
И съ нею легче сговорить:
Она честныхъ людей, на диво,
Въ плуты умѣетъ посвятить.
Палаты Предсѣдатель Юдинъ
Тому живой примѣръ у насъ:
Онъ *на заказъ* не правосуденъ
И правосуденъ *на заказъ.*

Вы сами вѣрно ужъ слыхали
Разсказы воиновъ иныхъ:
Они Парижъ *руками* взяли,
Наполеонъ бѣжалъ отъ *нихъ*;
И прекудрявые турусы
Вамъ отпускаютъ битый часъ,
Чтобъ доказать, какъ могутъ трусы
Героевъ корчить *на заказъ.*

На свѣтѣ много заказного
Въ поступкахъ, чувствахъ и словахъ;
И совѣсть многихъ вѣкъ готова
Пробыть молчанкою въ паймахъ.
Но многимъ я не подражаю,
Не ссорюсь, не дружусь на часъ,
Съ погодой мыслей не мѣняю
И васъ люблю не *на заказъ.*

А. И. Писаревъ.

(*) Музыка приложена при этомъ No. *Пантеона.*

**) За который подарившая просила стиховъ.

## Я БЫ ХОТѢЛЪ!

Когда въ волнахъ зеленыхъ потонуло
Свѣтило дня, на землю палъ туманъ,
Вдругъ тѣнь вдали передо мной мелькнула,
Я твой узналъ воздушно-стройный станъ.
Мятежный взоръ ревниво устремляю
Во слѣдъ тебѣ, въ душѣ палящій ядъ,
Я весь огнемъ томительнымъ сгараю
И страстныя мечты въ умѣ моемъ кипятъ.
И я бъ хотѣлъ въ туманъ преобразиться,
Чтобъ пеленой тебя своей обвить,
Прильнуть къ тебѣ, съ тобой лобзаньемъ слиться,
Дышать тобой, твое дыханье пить.
И я бъ хотѣлъ, какъ ураганъ лелучій,
Умчать тебя изъ области земной,
Туда, туда, въ эоиръ, къ звѣздамъ, за тучи,
Гдѣ все живетъ безъ суеты людской.
Иль простою могучею волною
Я бы хотѣлъ на землю набѣжать,
Въ зыбучій домъ унесть тебя съ собою
И тамъ съ тобой разгульно вѣковать.
Или столпомъ ревущаго волкана
Я бы хотѣлъ подняться къ небесамъ,
Ты возвела бъ свой взоръ на великана —
И я бъ упалъ во прахъ къ твоимъ ногамъ.
Но грудь мол была бъ тебѣ могилой;

Съ твоимъ бы я свой вздохъ предсмертный слилъ,
Послѣдній взглядъ, послѣдній стонъ твой милый
Въ груди бы я на вѣки схоронилъ.

Н. Ферморъ.

## НОЧЬ ПОЭТА.

(Фантазія.)

Тихъ и теменъ сводъ сапфирный;
Надъ уснувшею землей
Вьется сильфовъ пестрый рой;
Міру геній ночи мирный
Сбросилъ черный пологъ свой.....
Изъ утробы горъ въ долины
Сходятъ гномы; по волнамъ,
Въ нѣгѣ зыблются ундины;
И мелькаютъ тамъ и тамъ,
Какъ летучіе рубины,
Саламандры по полямъ;
Лѣшій изъ дупла выходитъ, —
Къ людямъ злобою водимъ,
Вровень съ чернымъ лѣсомъ бродитъ,
Въ чащу путника заводитъ,
Адски тѣшится надъ нимъ...

Часъ мечтаній, часъ видѣній,
Тайныхъ думъ, душѣ родныхъ,
Сердцу сладкихъ впечатлѣній,
Неразгаданныхъ явленій
И восторговъ изземныхъ!
Въ этотъ тайный часъ поэты,
Недовольные землей,
Жаромъ творчества согрѣты,
Въ тишинѣ, вдали отъ свѣта,
Вдохновенною душой
Улетаютъ въ міръ иной.....

О, какъ строенъ, какъ чудесенъ
Имъ однимъ доступный міръ!
Сладки звуки горнихъ пѣсенъ,
Сладокъ звонъ небесныхъ лиръ!
Міра этаго владыки,
Лучезарны и велики,
Въ немъ господствуютъ они;
Слышутъ травки прозябенье,
Разумѣютъ звѣздъ теченье,
Видятъ будущность земли;
Правосудно, не подкупно
Судятъ мертвыхъ и живыхъ;
Утѣшаютъ чадъ земныхъ;
Все прекрасное доступно
Сердцу пламенному ихъ;
Пѣсни ихъ душѣ отрадны,
Какъ сокъ чистый, виноградный,
Жаждущимъ въ полдневный зной;
Горячи, какъ дня свѣтило;
Сладостны, какъ дѣвы милой
Поцѣлуй любви святой!.....

Но не даромъ жаръ чудесный
Влитъ въ нихъ щедрою судьбой!
Нѣтъ! Избранникъ музъ прямой
Покупаетъ огнь небесный
Дѣтской сердца чистотой!
Грозный бичъ толпы докучной,
Мощный двигатель сердецъ,
Вѣрный рабъ, усердный жрецъ,
Музамъ служитъ неотлучно
Усладительный пѣвецъ.....
Всѣ земныя помышленья,
Грубой жизни суеты,
Къ славѣ, къ почестямъ стремленья,
Всѣ житейскія волненья,
Всѣ корыстныя мечты —
Гонитъ онъ изъ сердца гордо!
Принося роскошный плодъ,
Воздаянія не ждетъ,
Къ отдаленной цѣли твердо
И безъ отдыха идетъ;
Онъ идетъ въ надеждѣ сладкой,
Онъ трудится до поры,
Какъ прервутъ его вѣкъ краткій
Три враждебныя сестры!
Пусть повсюду угрожаетъ
Злоба, зависть и порокъ:
Онъ душой не унываетъ,
Онъ увѣренъ — ожидаетъ
Гробъ его изъ миртъ вѣнокъ!

Если жъ разъ, поэтъ качливый,
Онъ отвергнетъ Зевса даръ,
И въ душѣ нѣголюбивой,
Для забавы прихотливой,
Охладитъ священный жаръ, —
Въ небѣ громы раздадутся,
Въ нихъ проклятья прогремятъ,
Сны и думы разнесутся,
Вдохновенья улетятъ.....
И какъ много мукъ, моленій,
Много нужно горькихъ слезъ,
Чтобы пѣсень чистый геній
Вновь принесъ жаръ вдохновеній,
Рай высокихъ пѣснопѣній,
Блескъ роскошныхъ прежнихъ грезъ!

Ѳ. Менцовъ.

# ИСТОРІЯ ТЕАТРА.

*Вмѣсто предисловія письмо къ редактору Пантеона.*

По пріятному для меня знакомству съ вами, и уваженію къ вамъ, я готовъ служить вашему благонамѣренному предпріятію, какъ и чѣмъ могу. Занимаясь, какъ драматическій писатель, и участникъ въ управленіи по театрамъ, постановкою на сцену разнаго рода драматическихъ зрѣлищъ, я хотѣлъ обратить опытность мою въ пользу театральной словесности и искуства, и началъ писать ихъ Энциклопедію; но обстоятельства оторвали меня отъ начатаго труда. Я собралъ для этаго нѣкоторыя свѣденія о иностранныхъ и нашихъ народныхъ представленіяхъ въ лицахъ, до основанія ново-европейскихъ театровъ. Я постараюсь сообщить вамъ рядъ статей, составляющихъ вмѣстѣ почти полную Исторію Театра, въ видѣ писемъ. Но для поясненія нѣкоторыхъ личныхъ отношеній и связи моихъ писемъ, я долженъ напередъ сообщить вамъ исторію ихъ происхожденія.

Разставаясь съ самымъ близкимъ мосму сердцу семействомъ молодой *П. М. Б.* и восхищенный ея поэтическимъ даромъ, я не хотѣлъ лишить себя на долго удовольствія бесѣдовать съ ней о русскомъ словѣ и поэзіи. Потомъ благодарность моя къ молодой дѣвушкѣ, отрывающейся отъ городскихъ веселостей, чтобы отвѣчать на болтливость старика, заставила меня придумать, какъ бы придать больше занимательности моимъ письмамъ: и я вздумалъ, пуститься въ разсказъ, моего авторскаго житья-бытья и странничества. Я описалъ ей мою поѣздку въ Парижъ (*) по театральнымъ дѣламъ, которыя познакомили меня съ французскими драматургами и артистами, и ввели въ общество лучшихъ тогдашнихъ литераторовъ, вотъ ихъ имена: сочинитель путешествія молодаго Анахарзиса, *Аббатъ Бартелеми*, трагики: *Дюсисъ*, *Легуве* и *Арно*, секретарь и другъ Луціана Бонопарте; комики *Андріё Пикаръ*, *Дюваль*, старикъ *Дефрешере* и молодой *Этьенъ*; драматикъ и актеръ *Монвель*, сочинитель *Морсольс*, легкій стихотворецъ *Виже*, просвѣщенный творецъ музыки *Мегюль* и переводчикъ Горація и историкъ Венеціи Дарю (**). Изъ иностранцевъ, я одинъ былъ, всѣми приглашенъ въ это дружески-литературое общество: въ немъ то перевернулись совершенно мои понятія о театрѣ. Воспитанный въ страхѣ новаго классицизма, закованный въ тяжелыя правила и приличія парижской сцены, очаждешный фиміамомъ, воскуряемымъ тогда преимущественно одному и всему французскому я охрабрился, освободился и очнулся въ обществѣ французскихъ писателей: это можетъ показаться неимовѣрнымъ, однакоже случилось сомною. Новые, но не новѣйшіе парижскіе литераторы перестали

(*) 1801 года.

(**) Андріё и Дарю были тогда народными Трибунами а Бартелеми, и Дюсисъ уѣзжали для поправленья ихъ здоровья въ полуденную Францію.

думать, что внѣ Парижа нѣтъ спасенія. Любознательность и воображеніе ихъ уже не ограничивались стѣнами Парижа; они, сохраняя національную гордость, я излѣчились отъ презрѣнія къ чужому творчеству: вникли въ Грековъ, познакомились съ Шекспиромъ, узнали, что Тассова мишура, какъ говорилъ Боало, стоитъ Виргиніева золота; что Нѣмцы уже пробудились отъ тяжелаго сна, и что Испанцы не даромъ гордятся, своимъ Лопецемъ де Вега, Кальдерономъ и Сервантесомъ; словомъ: Французы, мои собесѣдники, соблаговолили сдѣлаться Европейцами и своими безпристрастными сужденіями о древней и новой поэзіи, разфранцузили и меня. Я по ихъ убѣжденію, захотѣлъ покороче узнать Шекспира, отъ котораго меня отпугало кощунство Вольтера: побѣседуя съ Жёфруа, наслѣдникомъ и ученикомъ Фрерона(*), я принялся за Грековъ, и возвратился изъ Франціи совершенно Русскимъ драматургомъ, страстно желающимъ обрусить все, что найдется хорошаго въ чужихъ театрахъ. Дойдя въ разсказѣ моемъ до этого превращенія моихъ понятій, я захотѣлъ сообщить замѣчанія мои о всѣхъ театрахъ, начавъ съ Аѳинскаго, и сказавъ нѣсколько словъ о Ѳесписовомъ подвижномъ помостѣ, котораго не льзя не почесть основой театра, и началъ съ первоздателя древней сцены, Эсхила. Переписка моя прервалась пріѣздомъ моимъ въ Москву, прежде предположеннаго мною разсказа о новѣйшемъ Театрѣ; я не знаю придется ли мнѣ продолжать ее: въ мои лѣта нельзя полагаться на будущее; но то, что у меня на готовѣ, и чѣмъ могу быть полезнымъ вашему изданію, я почту за особенное удовольствіе доставлять къ вамъ.

*Князь Александръ Шаховской.*

(*) Вѣря насмѣшкамъ Вольтера и проклятьямъ Вольтеріанцевъ, я бранилъ Фрерона, всѣми прозваньями, какія даются злонамѣреннымъ журналистамъ, не читавъ его журнала. Жефруа, познакомясь со мною, сказалъ мнѣ искренно, что онъ въ разборахъ своихъ о Вольтеровыхъ трагедіяхъ, перешисываетъ Фреронову, гораздо снисходительнѣйшія, сужденія. Онъ прислалъ мнѣ двѣ книжки его журнала (les années litteraires) и прочтя ихъ, я съ большимъ трудомъ пріобрелъ 117 томовъ сего изданія, начатаго Фрерономъ, и продолженнаго Жёфруа. Я нахожу что оба эти, въ ихъ вѣкъ, очень строгіе критики, показались бы въ сравненіи съ нынешними, только что не льстецами. Они, разбирая подробно и дѣльно даже и самыя слабыя сочиненія своихъ современниковъ, отдаютъ справедливость хорошему, и доказывая дурное, не скажутъ для потѣхи себя и нѣкоторыхъ читателей своихъ, ни одного браннаго слова о сочинителяхъ: ихъ журналъ, хотя и полезенъ, но вовсе не забавенъ. Я не говорю о фейльетонѣ Жёфруа: онъ гораздо ближе къ торговой словесности нашего времяни, въ немъ и похвала и брань продавались и довольно дорого.

# СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

# ТЕАТРЪ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

(*Посвящено П. М. Б.*)

Въ слѣдъ за Ѳесписомъ, музы Эсхила(*)
Крохи съ роскошныхъ Омирскихъ трапезъ,
Чарой искусства, вновь претворила
Въ свѣжія яства; но вскорѣ исчезъ
Первенецъ юный младой Мельпомены;
Думы Эсхила прекраснѣйшій плодъ
Скрылся безвѣстно съ родительской сцены. —
Силясь постичь, отъ чего же Трилогіи родъ,
Падшій въ забвенье, ни кто не воздвигнулъ?
Въ сущность и средства театра я вникъ,
Понялъ Эсхила и сердцемъ воскликнулъ:
Дивенъ, прекрасенъ, премудръ и великъ
Первый создатель поэзіи зримой,
Зодчій театра и сцены творецъ! —
Горько мнѣ стало: что дивный отецъ
Первенца музы, мой страстно любимой,
Части въ его же созданьи лишенъ!....
Горесть удачно мнѣ даръ замѣнила:
Финъ отреложенъ.... и мной воскрешенъ
Первенецъ музы Эсхила.

Признаюсь, послѣдніе два стиха легко могутъ показаться самохвальствомъ, хотя они оправданы, всѣмъ извѣстными, успѣхами *Фина* и *Керыма Гирея*, вдохновенныхъ мнѣ *геніемъ Пушкина*, и представленныхъ прежде появленія въ Германіи трилогіи *Медея*. Но стихотворцу, пережившему время своихъ торжествъ, какъ старому воину, сошедшему съ поля побѣдоносной брани, простительно вспоминать съ друзьями о своихъ смѣлыхъ подвигахъ. Я не хочу однакожъ скрывать, что Шлегель очень помогъ моей смѣлости. Изучая древнихъ, я всегда чувствовалъ предпочтеніе къ великому творцу театра и отцу трагедіи, *Эсхилу*. Сила вдохновеннаго творчества, орлиный полётъ воображенія, выспренность духа и мыслей, смѣлость ихъ выраженія и самое образованіе, сотвореннаго имъ изящнаго зрѣлища, возвышали его въ моихъ глазахъ, надъ всѣми трагиками въ мірѣ; но мои учители, Французы, ставили выше его Софокла, не столько по его истинному дарованію, какъ по сближенію формы и содержанію его *сплошныхъ* трагедій съ новоевропейскимъ понятіемъ о театрѣ. Я не смѣлъ явно противорѣчить общему мнѣнію моихъ предшественниковъ и современниковъ и это невольное молчаніе меня очень тяготило. Вообразите себѣ мою радость, когда я прочелъ въ Шлегелѣ краснорѣчивое изложеніе моихъ мыслей, подкрѣпленное такими доказательствами, которыя мнѣ не приходили въ голову, или которыхъ я вовсе не зналъ, пока

(*) Это выраженіе скромнаго Эсхила, не очень удачно издателемъ твореній В. А. Озерова, переведено съ Французскаго, (les reliefs des festins d'Homere), *Барельефы пировъ Омира*.

онѣ не открылись трудолюбивой нѣмецкой учености. Я, какъ школьникъ, съ дѣтства запуганный педагогами, вырвавшись на волю, спѣшилъ наслаждаться моей свободой и, опершись на Шлегеля, смѣло любовался *Эсхиломъ*; разсматривалъ, уже съ довѣренностью къ своему сужденію, давно плѣнявшія меня, красоты его трилогій и убѣдился, что въ тресложномъ ея составѣ гораздо больше простора воображенію поэта, правдоподобія зрѣлища и удобства дѣйствія на сценѣ и со сцены, чѣмъ въ сплошныхъ трагедіяхъ новыхъ классиковъ и романтиковъ. Новые классики, считая высочайшею степенью искусства *побѣждать* затрудненія(*), опутали трагедію всклепанными на древнихъ правилами и, придравшись къ изрѣченію Аристотеля: *что, въ его время трагики* (которыхъ имена не уцѣлели), *стараются заключить театральное дѣйствіе въ одномъ оборотѣ солнца*, искажали исторію, уничтожали вѣроятіе, въ перетворенной на новый ладъ трагедіи. Они, вопреки очевидности и разсудка, вдавливаютъ иногда *историческіе* мѣсяцы и годы въ одне *театральные* сутки, которые бываютъ нерѣдко безъ начала и конца и раздѣляются на видимыя дѣйствія и на невидимыя между-дѣйствія, продолжающіяся въ сущности не болѣе двухъ минутъ; но зрители обязаны вѣрить, что въ эти двѣ минуты надѣлалось за кулисами множество дѣлъ; какъ на примѣръ въ *Сидѣ* или въ *Танкредѣ* единоборства, со всѣми рыцарскими обрядами; и самыя кровопролитныя битвы цѣлыхъ войскъ, изъ которыхъ объ одномъ разсказывается: et le combat fini faute de combatans. Для чего бъ, кажется, авторамъ, благо имъ вѣрятъ на слово, не воспользоваться этой вѣрой не на одни, а на многіе сутки? Отъ этого не уменьшилось бы условнаго правдоподобія, а напротивъ прибавилось бы простора соображенію; но дѣло въ томъ, что уменьшилась бы классическая слава побѣждать трудности, (vaincre les difficultés) изъ которой они еще съ большей неимовѣрностію, бьются въ сохраненіи *единства времяни*! объ которомъ Аристотель ни чего не упоминаетъ, а древніе трагики во все не хлопотали, и которое Шлегель очень остроумно называетъ *единствомъ декорацій*, выставленныхъ на театрѣ по авторской прописи, часто не сообразно, ни съ приличіемъ, ни съ вѣроятіемъ, ниже съ здравымъ разсудкомъ. Я васъ спрашиваю: какъ могъ не на сценѣ Американецъ *Заморъ* съ ватагою дикарей кромольнить очень громогласно противъ Испанскаго Вицероя въ его же дворцѣ и въ великолѣпной комнатѣ, служащей, судя по происходящему въ ней, за кабинетъ, за гостиную и пріемную залу? — Или въ *Семирамидѣ*: театръ представляетъ Царскій дворецъ и въ немъ взгроможденъ на многихъ ступеняхъ тронъ, выставлена изъ за кулисъ пирамидальная гробница съ приступками и распашными дверями, и повѣшенъ занавѣсъ съ прорѣзами, сквозь которые видны висячіе сады и великолѣпныя зданія Вавилона, и между всѣми этими несообразностями на нѣсколькихъ саженяхъ затѣсненной сцены, являются, среди бѣла-дня, мертвый царь, въ черномъ саванѣ, и живые

(*) Важность которую Французы придаютъ безполезному побѣжденію затрудненій напоминаетъ мнѣ самодовольствіе моего учителя каллиграфіи, когда онъ уписывалъ на ногтѣ молитву: *Отче нашъ*.

царица, царевичи, царевны, жрецы, воины и народъ, и, не взирая на ужасъ вселяемый мѣстомъ: гдѣ слышатся могильныя завыванія покойниковъ, куда ходитъ тайкомъ сама Семирамида, всё и всѣми говорится, повѣряется, затѣвается, открывается, дѣлается и перемѣняется, кромѣ кулисъ и прорѣзаннаго занавѣса. Вотъ что называется *единствомъ мѣста*, а какого?... не могу знать. Однакоже сіи единства, придуманныя новыми классиками, для ихъ же затрудненія не вовсе были безполезны нашему театру: онѣ грозой Аристотелевой тѣни удерживали не совершенную бездарность авторовъ отъ неугомоннаго самодурья нынѣшнихъ романтиковъ, которые не хотятъ знать ни естественныхъ, театральныхъ единствъ и правилъ — въ одинъ мигъ уничтожаютъ года цѣлыми десятками, однимъ махомъ переносятъ сцену за тридевять земель, иногда даже и не въ междудѣйствія, а вовсе безвремянно. У нихъ, герои скорѣе грибовъ ростутъ и старѣются, но уже вы это видите и слышите не въ два, а въ четыре часа, или въ богатые бенефисы актеровъ, до совершеннаго убійства вниманія и терпѣнія зрителей: до утра. Я не берусь рѣшить, которыя изъ этихъ неправдоподобностей менѣе безтолковы, и что вреднѣе для драматической поэзіи, излишнія стѣсненія полета истиннаго генія, или не ограниченное самовольство полуталантовъ? о совершенной же безталантности и говорить нечего: для нея ничто не пригодно, и она ни къ чему не годится; но хочу вамъ доказать, что одна только форма трилогіи представляетъ средство, сохранить очевидно правдоподобіе театральной поэмы, не стѣсняя дѣйствія на сценѣ и не ослабляя его со сцены. Самое названіе трилогіи, показываетъ уже ея составъ изъ трехъ частей; ихъ именованія, отличая каждую часть, предваряютъ о ихъ отдѣльныхъ содержаніяхъ, а въ совокупномъ представленіи всѣхъ частей въ одной трагедіи необходимо единство — не дѣйствія, о которомъ не очень ясно толкуютъ классики, но единство соучастія возбужденнаго первой частью, и продолжаемаго въ двухъ другихъ, до совершеннаго удовлетворенія возрастающаго любопытства зрителей. Трилогія по частямъ представляетъ цѣлыя происшествія, которыя могутъ естественно произойти, точно въ то время, какъ онѣ начинаются и оканчиваются въ глазахъ зрителей и сохраняетъ вообще необходимое единство соучастія къ полному зрѣлищу, въ пространствѣ времяни и мѣста, ограниченномъ однимъ творчествомъ поэта. Чтобы, какъ случается съ педагогами, отъ излишняго толкованія и перетолкованія не сбиться самому съ толка, я вамъ постараюсь изложить, какъ могу короче и яснѣе, Эсхилову *Орестію*, единственную трилогію сохранившуюся вполнѣ.

Первая часть сей трилогіи (*Агамемнонъ*) представляетъ зрителямъ — грекамъ, безбожное убійство царя ихъ царей и сокрушителя враждебнаго Иліона: жажда мщенія за героя, обоготвореннаго благодарностью всей Эллады, воспламеняетъ ихъ души противъ ненавистной Клитемнестры, но состраданіе къ ея дѣтямъ и сиротамъ злодѣйски умерщвленнаго ею супруга, внушаетъ соучастіе къ ихъ судьбѣ, и нетерпѣливость узнать ее во второй

части. Вотъ какъ и чѣмъ соединяетъ Эсхилъ особенныя и полныя произшествія, раздѣленныя протокомъ времяни и совершившіяся въ различныхъ мѣстахъ. Дѣйствіе заключенное въ первой части могло совершиться почти не дольше того, какъ оно представлялось, предполагая извѣстіе о взятіи Трои-родомъ пролога, или претворя его въ повтореніе предсценнаго разсказа; но жившіе до Аристотеля трагики не помышляли ни о какихъ единствахъ и правилахъ, которыя извлекались, потомъ уже, изъ ихъ самобытныхъ твореній. Вторая часть *Орестіи-Коэфоры, дароносицы,*(*) уже самимъ наименованіемъ приготовляетъ аѳинскихъ зрителей и къ дѣйствію, и къ мѣсту, и избавляетъ ихъ отъ слушанія долгаго разсказа о томъ, что происходило въ пятьнадцать лѣтъ междудѣйствія, Коэфоры. Начинается драма: видна гробница, входитъ женщина съ урной въ рукахъ и вѣрно ни одинъ грекъ не спроснлъ: куда его перенесли, и о чемъ идетъ дѣло? ему не трудно узнать памятникъ Агамемнона, его дочь, предмѣстія его столицы и смиренную тризну его памяти. Онъ ожидаетъ безъ развлеченія любопытства, справедливой казни царе-убійцамъ; но ужасъ сей казни, совершенной по повелѣнію Дельфійскаго оракула Орестомъ, сыномъ Агамемнона и Клитемнестры, обливаетъ кровью сердца зрителей, превращаетъ состраданіе къ сыну Агамемнона въ ярость противъ убійцы родившей его Клитемнестры. Поднятіе язычниковъ о равнострастныхъ имъ богахъ, и ихъ предвѣщалищахъ, утушаетъ ярость, воспламененную ужасомъ, возлагаетъ вину столь сверхъ естественнаго злодѣйства на Апполона и вновь рождаетъ состраданіе къ невольному злодѣю. Вторая часть кончилась, но дѣйствіе ея продолжается уже не на сценѣ, а въ амфитеатрѣ: тамъ сидятъ, въ страхѣ и надеждѣ, соучастники страданій невольнаго злодѣя: имъ уже возвѣщено появленіе ужасныхъ Эвменидъ, — и къ обыкновенному любопытству — чѣмъ кончится судьба Ореста, Эсхилъ, названіемъ третьей части, возжигаетъ неутомимую жажду человѣка къ таинственности, которою жрецы окружали адскихъ богинь. Вдругъ всѣ сердца вздрогнули, всѣ глаза устремились на открывшуюся сцену: тамъ, въ преддверіи Дельфійскаго храма, Эвмениды окружаютъ Ореста, изнуреннаго упреками и угрозами ихъ адскаго хора и воплемъ крови, пролитой имъ изъ персей его питавшихъ. Отчаяніе и стонъ его раздаются въ сердцахъ зрителей, ужасъ и состраданіе доведены до высочайшей степени и дѣйствіе трагедіи вполнѣ совершилось. Зрители, соучастники мучительной судьбы Ореста, требуютъ пощады ему и себѣ; перепеція (переворотъ) необходима; геній Эсхила, властитель невещественнаго міра, изобрелъ ее, и Апполонъ, главный виновникъ нестерпимыхъ страданій, исполнилъ. Богъ махина (Deus ex machina)(*) похищаетъ, слишкомъ послушнаго ему, страдальца изъ среды адскихъ

(*) Дѣвы, по языческому обряду Өиванъ, приносящія на гробъ дары, какъ у насъ бываетъ на могильныхъ памятникахъ, изліянія вина, молока и меда.

(*) Такъ называютъ Латинскіе драматурги боговъ, которыхъ часто трагики спускали на машинахъ, для окончанія ихъ трагедій.

божествъ, переноситъ его и сцену въ Аѳины. Орестъ умоляетъ ихъ покровительницу Минерву — и она предаетъ его дѣло суду Ареопага. Богиня мудрости является богомъ поэзіи предъ Аѳинское судилище и судъ по формѣ говорится Эвменидами, Орестомъ, его стряпчимъ Апполономъ, при свидѣтельствѣ Минервы. Вамъ легко вообразить, какъ взыграло аттическое честолюбіе зрителей, увидя первенствующихъ боговъ своихъ, тяжущихся предъ ихъ согражданами и, съ умиленной покорностью подсудимыхъ, ожидающихъ ихъ верховнаго рѣшенія. Ареопабиты также важно и спокойно, какъ бы въ тяжбѣ о лоскутѣ земли пахарей, судятъ, кладутъ бѣлые и черные камушки въ урну, считаютъ ихъ и произносятъ небеснымъ властителямъ приговоръ, удовлетворительный, покрайней мѣрѣ для зрителей, нетерпѣливо желавшихъ свалить вину Ореста на Аполлона, и посрамить ужасныхъ мучительницъ Эвменидъ. Трилогія напитавшая души Аѳинянъ благозвучіемъ стиховъ, лучезарностью мыслей, ужасомъ, благоговѣніемъ, умиленіемъ, усладой своелюбія и чародѣйствомъ зрѣлища, кончилась, къ славѣ поэта. Эсхилъ процарствовавъ и самовласно, и премудро нѣсколько часовъ надъ сердцами и умами много-люднаго соборища просвѣщеннѣйшихъ Грековъ, отпустилъ изъ театра, послѣ сильныхъ волненій духа замиранія сердца, слезъ и отчаянія, иногородцевъ, утѣщенныхъ и успокоенныхъ, а согражданъ своихъ въ восторгѣ народной гордости. Они всѣ весело спѣшили къ другимъ забавамъ, которыми роскошные Аѳины, угощали своихъ единородныхъ друзей и враговъ; даже оставливая военныя дѣйствія, приглашали непріятеля съ поля битвы на священныя празднества; но, между нами будь сказано, не столько по набожности, какъ по хозяйственнымъ расчетамъ. Торговая республика, расточая богатство свое или не свое(*) на зданія, зрѣлища, празднества и храмовое великолѣпіе, богатѣла своимъ разточеніемъ на счетъ богатыхъ жителей другихъ греческихъ земель, сносившихъ свои доходы на прогулъ въ веселыхъ Аѳинахъ; гостепріемные Аѳиняне переставали, во время празднествъ, лить кровь своихъ непріятелей, чтобы высасывать ихъ золото. Высота и ясность мыслей, поэтическое изобрѣтеніе, сила и красоты слова, орлиный взглядъ, широкій полетъ творческаго духа, неизмѣнная вѣрность истинѣ, не повѣствовательной, а нравственной, и пламенная любовь къ славѣ отечества, которой Эсхилъ воспалялъ души своихъ согражданъ(**), вотъ что безсмертитъ и творца трагедіи, и творца Эпопеи, къ вѣчному сраму неблагодарныхъ современниковъ. Самоуправство Аѳинской черни казнило остракизмомъ честь и красу Аѳинъ: Эсхилъ былъ съ по-

(*) Большія суммы, собранныя со всей Греціи, для продолженія войны съ Персами, и вверенныя Аѳинамъ, по окончаніи войны, были употреблены Периклом на украшеніе Аѳинъ, — и требованіе отчета въ сихъ суммахъ было главнымъ поводомъ Пелопонезской войны.

(**) Ѳукидитъ повѣствуетъ, что молодые Аѳиняне гораздо въ большемъ числѣ и съ большимъ жаромъ стремились записываться въ военную службу послѣ представленій Эсхиловыхъ трагедій, чѣмъ выслушавъ, возбудившія къ брани, рѣчи Демосѳена. И эта апологія древнему театру современника и историка доказываетъ его нынѣшній упадокъ.

зоромъ выгнанъ изъ отечества. За что же?... За тѣхъ самыхъ таинственныхъ Эвменидъ, за которыхъ рукоплескала ему съ восторгомъ вся Греція. Увѣнчанный славой, военачальникъ и поэтъ умеръ скитальцемъ въ чужой землѣ, также какъ и боготворимый имъ Омиръ, котораго мѣсто рожденія, не удостоенное вниманія современниковъ, сдѣлалось предметомъ спора семи городовъ, клепавшихъ каждый на себя славу его сограждапства, и въ то же время срамъ его безпріютнаго скитанія. Противуположная участь твореній съ творцами Эпопеи и театра, горестна и восхитительна. Я увѣренъ, что она, оскорбляя ваше доброе сердце, восторгаетъ вашу прекрасную душу. Я чувствую, что вы, не устрашаясь нищеты и гоненія черни, желали бы сотворить Иліаду, или хотя Одиссею, какъ я хотѣлъ бы, пусть изгнанной изъ отечества, которое люблю болѣе самого себя, создать театръ, переживший и Аѳины, и Грецію, и страстный къ нему Римъ, и долженствующій пережить еще многія поколѣнія народовъ, обязанныхъ ему изящнѣйшей усладой общественной жизни. Причина изгнанія изъ Аѳинъ самого Эсхила всѣмъ извѣстна, но сознаніе его трилогіи съ воздвигнутой имъ сцены не совсѣмъ объяснено. Великая душа Софокла, которая такъ чисто проявляется во всѣхъ его твореніяхъ, не могла быть причастна мелкому *своелюбію* и неблагодарности противъ своего руководителя; однакоже Софоклъ, наслѣдникъ Эсхиловой сцены, замѣнилъ его трилогію, такъ сказать, сплошной трагедіей, заключающей въ себѣ нераздѣльное, цѣлое происшествіе(*). Въ началѣ трагедіи у него всегда находимъ предварительный разсказъ о бывшемъ до начала дѣйствія и обо всѣхъ обстоятельствахъ къ нему относящихся. Такъ напр. въ *Эдипѣ*, открытіе отцеубійства и кровосмѣшенія, потомъ приходъ царя въ аѳинское предмѣстіе и торжественная смерть слѣпаго скитальца; въ *Трахіянкахъ* — умерщвленіе ядовитой одеждой и Апоѳеосъ Геркулеса; въ *Филоктетѣ*, пріобрѣтеніе Улиссомъ и Пирромъ роковыхъ стрѣлъ Алкида и его наслѣдника и друга; а въ другихъ трагедіяхъ, священные для Грековъ, эпизоды исторіи и ихъ героическихъ временъ. Мнѣ кажется достовѣрнѣйшимъ предположеніемъ, что Софоклъ, измѣненіемъ формы желая какъ можно больше управдоподобить свою трагедію, старался заключать въ ней только то, что могло произойти въ продолженіи зрѣлища. Или, убѣдясь, что три отдѣльныя происшествія, требующія больше времяни въ представленіи и вниманія зрителей, чѣмъ одно приключеніе, были слишкомъ утомительны для нетерпѣливыхъ Аѳинянъ, любящихъ не столько слушать, какъ разглагольствовать, онъ сжалъ трагедію и оставилъ полезный, потому уже расчету, примѣръ французскимъ авторамъ, не хотѣвшимъ знать трилогіи; а Шекспиръ не воспользовался ею оттого, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ не

(*) Не греческіе, а римскіе трагики, какъ видно изъ эпистолы Горація, стали дѣлить трагедіи на пять актовъ. Въ аѳинскомъ театрѣ хоры прерывали дѣйствіе, для отдыха зрителей и актеровъ, не дѣля трагедіи на *акты*, придуманные Латинцами и перенятые новоевропейскими драматургами.

могъ ея знать(*). Но какъ бы то ни было, а Софоклъ перемѣною формы не измѣнилъ сущности и цѣли Эсхиловой трилогіи.(**) Отчужденіе Софокла отъ творческаго наслѣдства Эсхила, не мѣшаетъ мнѣ восхищаться его вдохновеніемъ.

Чудесный отблескъ Божества,
Предвѣчныхъ таинствъ возвѣститель,
Пѣвецъ души надъ смертью торжества,
И неба, и земли сблизитель,
Софоклъ, въ ночи провидѣлъ дня,
Все освѣтившаго сіяньемъ;
Лучемъ небеснаго огня
Сердца затѣплилъ состраданьемъ.
Его стихи, — языкъ боговъ,
Творенья — горести услада;
Священный ужасъ — душъ отрада;
Поэзія — къ безсмертью зовъ.

Софоклъ, сколько ему дозволяло народное вѣрованіе, сближалъ небо съ землею, но не униженіемъ боговъ и возвышеніемъ человѣка, въ чемъ онъ не бралъ примѣра ни съ Омира ни съ Эсхила (*). Онъ, кажется, окомъ безсмертной души, прозрѣлъ сквозь мглу многобожія и туманъ философскихъ мудрствованій. Заря истины, разлившаяся надъ вселенною полнымъ сіяніемъ, взошла 406 лѣтъ спустя послѣ его смерти. Софоклъ представлялъ на сценѣ смерть человѣка, а особенно гонимаго судьбой страдальца, не въ ужасѣ, съ какимъ она, еще и въ наше время, воображается малодушными, но небеснымъ воздаяніемъ за земныя страданія, свѣтлымъ преселеніемъ безсмертной души, изъюдоли суетъ и горестей въ безпечальную обитель, и явнымъ торжествомъ безсмертія надъ тлѣномъ. Разсказъ чудесной кончины невольнаго отце-убійцы Эдипа, извлекаетъ изъ очей слушателей слезы не горести и соболѣзнованія, но отраднаго умиленія, исполняющаго душу благоговѣніемъ и упованіемъ на небесное правосудіе. Очень странно что мысль такъ близкая къ нашей святой вѣрѣ, и проявленная языческимъ поэтомъ, утрачена христіанскими перетворителями его трагедій. Но не вините въ томъ превосходнѣйшаго изъ возстановителей Софоклова Эдипа и лучшаго нашего трагика Озерова. Онъ пожертвовалъ внушеніемъ своего и Софоклова генія, ложнымъ понятіямъ его и моихъ учителей. Я знаю навѣрно, что Озеровъ не только хотѣлъ, а уже почти совсѣмъ кончилъ трагедію, какъ въ подлинникѣ, но еще молодой и неопытный трагикъ и

(*) Шекспиръ, какъ увѣряютъ англійскіе писатели, и что можно заключить по его первымъ твореніямъ, не получилъ классическаго воспитанія и уже въ продолженіи своего театральнаго авторства и директорства научился многому и пользовался всѣмъ, что возбуждало дѣятельность его парящаго генія.

(**) Тѣмъ, что Эсхиловы творенія сохранились отдѣльными частями, и подъ особыми названіями, оправдывается предположеніе, будто ихъ представляли какъ цѣлые трагедіи порознь; но вѣрно не при Эсхилѣ, а можетъ быть во время Ѳукидита. Въ началѣ же этого быть не могло, и удѣльная *Орестія* служитъ тому явнымъ доказательствомъ. Эсхилъ при себѣ, не позволилъ бы раздирать, безтолковить и безобразить свое твореніе, какъ иногда случается съ нами и на театрѣ, и въ печати, но не отъ законной цензуры, а отъ торговыхъ и другихъ расчетовъ не вовсе благонамѣренныхъ людей.

(*) Омиръ, подчиняя боговъ своихъ слѣпому року, (Fatum) срамитъ ихъ передъ людьми, а Эсхиловъ *Прометей* позорить громовержца Юпитера, пуще обыкновенныхъ тирановъ Вольтеровыхъ трагедій.

ученикъ лучшаго до него драматическаго стихотворца Княжнина (*), по недовѣрчивости къ своему дару и знанію, просилъ совѣта у знаменитаго актера нашего Дмитревскаго, человѣка очень просвѣщеннаго, знавшаго древнихъ и новыхъ поэтовъ, оглядѣвшаго глазами художника славнѣйшіе въ Европѣ театры, собесѣдника Гаррика и Лекеня, да, къ несчастію, (какъ часто бываетъ съ стариками), угнетаемаго впечатлѣніями его молодости. Онъ держался, замѣченной имъ въ тогдашней парижской публикѣ, слишкомъ раздражительной чувствительности, которая не терпѣла на театрѣ казни, то есть смерти невинныхъ страдальцевъ, и называла ее, не входя ни въ какія разсужденія, *безнравственнымъ окончаніемъ піесы*; также какъ нынѣшняя парижская же публика, находитъ мелодраму или романтическое представленіе *безъэффектнымъ и не интереснымъ*, если въ немъ не перерѣжутъ покрайней мѣрѣ, хоть нѣсколько невинныхъ жертвъ изъ кровожадности. Что дѣлать? каждый вѣкъ подверженъ своимъ дурачествамъ, и слишкомъ жалбстливыя причуды прошлаго, заставили стараго актера, запугать молодаго трагика страхомъ негодованія зрителей, что вовсе не удивительно. Вы, зная мой теперешній образъ мыслей, вѣрно не догадаетесь, что оправданіемъ Озерова я самъ себя извиняю; и признаюсь, что хотя не былъ участникомъ въ совѣтѣ Дмитревскаго, моего перваго руководителя на театральномъ поприщѣ, но не находилъ его такимъ, какъ онъ теперь мнѣ кажется. Этого мало, я видѣлъ представленіе французской оперы, Эдипъ, написанной рѣдко хорошими стихами, въ которой авторъ не только оставляетъ прежде бывшаго царя влачить жизнь свою, исполненную ужасными воспоминаніями, и отправляетъ его въ Ѳивы, гдѣ онъ лишился власти, зрѣнія, любви народной, былъ виновникомъ смерти родившихъ его и отъ него рожденныхъ, но при радости его спасенія отъ смерти, даетъ нещастному слѣпцу, не успѣвшему еще переодѣться изъ рубища, балетъ. Я, любуясь хорошими танцовщицами, вовсе не находилъ нелѣпымъ, что онѣ угощаютъ своими искусными прыжками слѣпаго, чего конечно не видалъ ни одинъ древній грекъ. На Эсхиловомъ театрѣ не давали ни оперъ ни балетовъ (*), хотя Аѳи-

(*) Вл. Алек. Озеровъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ Яковъ Борисовичь Княжнинъ преподавалъ Русскую словесность а Ив. Аѳ. Дмитревскій училъ декламаціи. Они оба были членами Росс. Академіи.

(*) Славный Венеціянскій архитекторъ Палладіо, по описанію Витрувія, угадалъ строеніе и устройство древняго театра. Онъ, за два столѣтія до открытія Помпеи, построилъ на своей родинѣ, (въ Вичецѣ), довольно обширный образцикъ древняго театра со всѣми подробностями, такъ, что угаданныя Палладіемъ, сцена, амфитеатръ, оркестръ, почетныя мѣста и ложи древняго театра, были мнѣ совершенно знакомы прежде чѣмъ я былъ въ Помпеѣ даже на помостѣ помпейской сцены, я нашелъ тѣ же прорѣзы, въ которые Палладій вставлялъ на угадъ трехъгранныя широкія стойки, замѣнявшія нынѣшнія кулисы, необходимыя для вечерняго освѣщенія нашихъ театровъ; тѣ же проходы для раздвиженія Анкикламы, которые ставились ширмами, но невозможно бы повѣсить декорацій, мѣста, въ которыя вкрѣплялись механическіе рычаги или паралели для машинъ и полётовъ, которые всѣ за неимѣніемъ кровли подымались со сцены.

няне любили страстно пляски, и ихъ трагики, пользуясь всѣми художествами для очарованія зрителей, не пренебрегали искусствомъ Терпсихоры; но пляски въ трагедіи, также какъ въ храмовыхъ Эллинскихъ обрядахъ, были торжественнымъ воздаяніемъ чести богамъ и геройямъ; самое трагическое зрѣлище начиналось воскуреніемъ ѳиміама и жертвоприношеніемъ Вакху бѣлаго козла, отъ чего трагедія получила свое наименованіе (*) и въ церковныхъ нашихъ книгахъ переводится *козлогласіемъ*, которое христіанамъ воспрещалось не иначе, какъ зрѣлище сопричастное обрядамъ идолопоклонства, обхватившаго всѣ дѣйствія и понятія греческихъ язычниковъ, и овладѣвшаго всѣми изящными или творческими искусствами до того, что и свѣтъ христіанства не вовсе освободилъ ихъ отъ владычества, давно уже истребленнаго, многобожія. Судите же, какъ оно было глубоко вкоренено въ древнемъ мірѣ, и могло ли искорениться только человѣческой мудростью?

Эсхилъ и Софоклъ оба знаменитые родомъ военачальники аѳинскіе и мужи посвященны въ элевзискія таинства, постигали божество, сколько можетъ человѣческій умъ постигнуть всетворящее безконечное и вездѣ сущее. Нѣтъ сомнѣнія, что они не меньше философовъ оскорблялись нелѣпостью идолопоклонства, однакоже уважали предметъ народнаго суевѣрія. По моему, кажется неошибочному, мнѣнію(**) они провидѣли, въ туманѣ богопочитанія своихъ однородцевъ, чего философія не хотѣла видѣть, потому что одни глядѣли на свое отечество съ безкорыстной любовью къ нему, а другіе съ самодовольствіемъ ихъ гордыни, и, какъ говоритъ Гизо о новыхъ теорикахъ: *они пріобрѣтая сокровища наукъ, утратили познаніе возможнаго*, или по толковой русской пословицѣ: у нихъ умъ за разумъ зашелъ. Великіе живописцы частнаго и общественнаго бытія человѣка, обязаны были внимательно разсматривать сокровенныя пружины его помысловъ и дѣлъ, чтобы ихъ живое изображеніе представить суду современниковъ и потомства. Истинный драматическій поэтъ, творецъ слова, а не только слушатель прельщающій самого себя (*), обязанъ тщательно соображать прошедшее съ настоящимъ, и изъ чужой и своей опытности пріобрѣтать познаніе возможнаго и предузрѣніе будущаго. И такъ Эсхилъ и Софоклъ могли ли не знать простой и повсюду явной истины, что никакое народное общество, составленное изъ людей разностраст-ныхъ, самолюбивыхъ и своекорыстныхъ, не можетъ скрѣпиться однимъ холоднымъ разсудкомъ и единодушествовать безъ высшей связи торжественнаго одновѣрія; и что даже самое пустообрядное идоло-

(*) *Τραγῳδία*, составное слово изъ *Τράγος* козелъ и *ᾠδή* пѣснь.

(**) Это, не только мое мнѣніе, оправдывающее поэтовъ и обвиняющее философовъ, потверждается самымъ дѣломъ: суемудріе или перемудреніе философства, поколебавъ, не замѣненное ни чемъ положительнымъ, народное вѣрованіе, истребило надежду на боговъ-покровителей, ослабило аѳинскую бодрость, и предало Аѳины чуждой власти, а ново-философское богоотступленіе, внушило неистовство, нынѣ обуздываемое возобновленіемъ вѣры, которой явное торжество осіяло вселенную съ площади богоотверженія и цареубійства въ 1814 г.

(*) Библейское изреченіе.

поклонство, богобоязнію, освященіемъ союзовъ, законовъ и властей, соединяетъ людей, крѣпче самой блестящей умозрительности всѣхъ философскихъ школъ, даже и между собой несогласныхъ. Поэтому не удивительно, что Эсхилъ и Софоклъ оставляли идоловъ тамъ гдѣ ихъ нашли, и предавъ благости небеснаго промысла просвѣщеніе народной вѣры, радушно посвятили свой умъ и даръ, для обращенія и самыхъ чувственныхъ наслажденій человѣка въ его нравственную пользу. Творенія первыхъ двухъ трагиковъ, зарожденныя поэтическимъ вымысломъ, образованныя знаніемъ всего, что въ ихъ время самые ученные люди могли знать, и напитанныя сердоболіемъ, овладѣвъ чарою зрѣнія и слуха, всѣми умственными способностями зрителя, возвышали его душу, умягчали сердце, проясняли разсудокъ, внушали благочестіе и, возбуждая соревнованіе къ его знаменитымъ предкамъ, воспламеняли отечественною славою. Любовная страсть, неминуемая самовластница нынѣшнихъ театровъ, при Эсхилѣ и Софоклѣ не смѣла появляться на сценѣ иначе, какъ ужасной виновницей несчастія и злодѣйствъ, губительницей геройскихъ доблестей и щитомъ отъ своихъ же сладкихъ отравъ. Еврипидъ первый началъ нравственное развращеніе Эсхилова высокаго и чистаго творчества: онъ сдѣлалъ противуположное Софоклу: тотъ измѣнилъ форму, но сохранилъ свойство и цѣль драмы своего предмѣстника, а Еврипидъ оставилъ найденную имъ форму, и далъ превратное направленіе трагедіи. Ему, и то не достовѣрно, можно приписать два нововведенія въ аѳинскій театръ. Прологъ(*) придверяющій и сатирскую драму, заключающую трагическое зрѣлище, какъ наши маленькія комедіи и водевили; веселый мудрецъ Аристофанъ нападаетъ на него не за эти придѣлы, а за существенную порчу трагедіи, безнравственностью, любострастіемъ, сказочничествомъ и безвѣріемъ.

Не Еврипидъ ли принудилъ еще величественную, строгую и чистую Мельпомену, а съ нею и зрителей, соучаствовать позорной страсти влюбчивой Федры, которая, влюбясь сперва въ Тезея, жениха своей сестры Аріадны, пожертвовавшей ему и отцемъ и отечествомъ, заставила его бросить сонную невѣсту на пустомъ островѣ, отплыла съ нимъ въ его Аѳины, и тамъ только увидѣла его сына, а своего пасынка, влюбилась въ него, открылась ему и, испугавшись его строгой добродѣтели, оклеветала предъ отцемъ и погубила. И Аѳиняне, Французы, Русскіе, Вѣна сокрушаются объ ней! Эсхилъ и Софоклъ никого не умиляли развратомъ; Клитемнестра, предметъ общей ненависти, вѣрно не разжалобила никого своей беззаконной страстью. Не Еврипидъ ли унизилъ поднебес-

(*) Прологъ, кажется, по нынѣшнему можно сравнить съ живою афишею или предварительною статьею авторова пріятеля журналиста, и назвать предъизвѣщеніемъ (anonce) въ лицахъ, хотя онъ состоялъ изъ одного человѣка, который предъ зрителями называетъ по имени и отечеству самаго себя и всѣхъ дѣйствующихъ, возвѣщенной имъ трагедіи, разсказываетъ свои и ихъ приключенія, до появленія ихъ на сцену и, какъ говорится по театральному, отъанонсировавъ все, что хотѣлъ высказать авторъ зрителямъ, исчезаетъ и трагедія начинается.

ный помостъ Эсхила вровень съ землею, открылъ на него свободный входъ, какъ говорится въ народѣ, небылицамъ въ лицахъ, перевернувшимъ историческія преданія и сотворенія поэзіи въ неимовѣрныя сказки, наполняющія романъ Г-жи Скюдери? Похожа ли Омирова Елена на Еврипидову, будто замѣненную ея призракомъ въ осажденной Троѣ, и перенесенную въ Египетъ, для любовнаго похожденія съ его царемъ, и втораго похищенія ея первымъ мужемъ? А какъ вы находите Електру, выданную насильно замужъ за пахаря, въ наполненной приключеніями Еврипидовой трагедіи, гдѣ онъ еще осмѣливается, вовсе не трагически и не довольно комически, насмѣхаться надъ безсмертнымъ Эсхиломъ? Что вы скажете о перепутанномъ ошибками боговъ и людей романѣ подкидыша Іона, прадѣдушки нынѣшнихъ мелодрамъ и пращурѣ нетерпимыхъ вами, драматическихъ неистовствъ?(*) — я увѣренъ что изступленіе упоенной Вакховымъ даромъ Агавы, бѣгающей съ отрѣзанной ею головою ея же сына, не взирая на суевѣріе Грековъ, произвело въ ихъ сердцахъ то же судорожное содроганіе, которое мало помалу сдѣлалось прелестью нынѣшнихъ театровъ. Я не стану высчитывать несообразностей, встрѣчающихся и въ лучшихъ твореніяхъ Еврипида; какъ напримѣръ: вовсе не благовидной ссоры Менелая съ его братомъ и военачальникомъ Агамемнономъ, за то, что онъ, пользуясь нечаяннымъ спасеніемъ его дочери Ифигеніи, не приноситъ ее на жертву, чтобы выручить Менелаеву же невѣрную жену изъ рукъ ея втораго мужа; или простодушной увѣренности къ той же Ифигеніи соннаго варвара Ѳоаса; и прочихъ подобныхъ драматическихъ несообразностей. Но, вступясь за нравственность первоначальнаго театра, и не желая показаться пристрастнымъ нападчикомъ на Аристофанова непріятеля, я охотно отдаю справедливость Еврипидову, можетъ быть, слишкомъ прелестному дару, овладѣвшему совершенно тайной сердечнаго умиленія, которую у него заимствовалъ Расинъ и угадалъ Шекспиръ. Мое единственное намѣреніе, показать вамъ творческое свойство трехъ первыхъ греческихъ трагиковъ, и пользуясь долговременною опытностью, объяснить, по моему разумѣнію, составъ, сущность и цѣль ихъ твореній.

Софоклъ боговидецъ, восторгомъ духовнымъ,
Въ созданьѣ Эсхила, ту цѣль объяснилъ,
Что, дымомъ софизма и чадомъ любовнымъ,
Злой духъ Еврипида, на долго, затмилъ:
Послѣдній изъ древнихъ и классиковъ новыхъ,
Въ любовныхъ прельщеньяхъ одинъ образецъ,
Вакханокъ, Елены и Федры творецъ,
Участникомъ небылъ излетовъ громовыхъ
Эсхиловой силы, нечистыхъ красотъ,
Твореній Софокла; но тайну внушенья,
Страстямъ-соучастья, и даръ умиленья,
И сладость витійства, развратникъ Эротъ
На зло Мельпоменѣ, вдохнулъ въ Эврипида —
Его ублаженьемъ прельщенный, я самъ
Разврату Вакханки, гордынѣ Атрида,
И Федры порочной преступнымъ слезамъ,
Боговъ обвинялъ, невольно сострадую....
Рыдаю..... хоть знаю, что слезы мнѣ въ стыдъ. —

(*) Расинъ, чувствуя это неприличіе, замѣнилъ Менелая Улиссомъ, который уже хлопочетъ не о женѣ своей, а о чести и пользѣ всей Греціи, ввѣрившейся Агамемнону.

Такъ древній романтикъ софистъ Еврипидъ
Постигъ и въ счастливцахъ сердечную жажду
Сочувствія зримымъ страданьямъ людей
И нужду пробуда, въ тревогѣ страстей
Души усыпленной баюканьемъ счастья;
Но даръ Еврипида, волканъ любострастья,
Источникъ Расина прекрасныхъ стиховъ,
Эсхилову сцену, жилище боговъ,
Объугомилъ лавой, засыпалъ золою,
Вдавилъ поднебесную въ равень землею,
И сдѣлалъ разгуломъ, убійцъ, палачей,
Вертепомъ разврата и бойней людей. —

Но я не хочу, предавшись негодованію на посрамителей Эсхиловой сцены, вдругъ обратить вашъ свѣтлый взглядъ отъ лучезарной высоты древней трагедіи, на кровавую грязь, въ которой потонула нынѣшняя, и пока оставлю Аѳины, гдѣ послѣ Эврипида, разнѣженная имъ Мельпомена, вела не извѣстную намъ жизнь, и откуда дошли только имена нѣкоторыхъ временщиковъ ея, а чтобы однимъ разомъ отдѣлаться отъ древней трагедіи, и заняться комедіей я попрошу васъ взглянуть мелькомъ на Римскій театръ, который, какъ и вся латинская поэзія, бывъ отголоскомъ греческаго, не представляетъ ничего новаго и совершенно назидательнаго для драматическихъ стихотворцевъ. Трагедіи Сенеки неистребленныя нашествіемъ варварства, не что иное, какъ неискусная поддѣлка подъ греческія; раздутая высокопарностью и исполненная не удачно перенятыми у Еврипида изрѣченіями, (*) она можетъ быть полезна новымъ трагикамъ однимъ предостереженіемъ ихъ отъ дурнаго вкуса, не естественности дѣйствія и разговора; но мнѣ очень жаль, что трагедія (Эдипъ) приписываемая Юлію Цесарю, исчезла; я увѣренъ, что высокій духъ и великій умъ, покорившіе римскую вселенную, должны освѣщать блескомъ молніи ихъ поэтическія творенія. Цесарь, хотя бы и вовсе не одаренный театральнымъ творчествомъ, хотя бы взявшійся не за свое дѣло, все таки не можетъ не быть вовсе не Цесаремъ: сила царственной его воли и свѣтъ мудрости должны проявляться въ слабости трагика, чему, я надѣюсь представить очевидное доказательство, если успѣю добраться до нашего театра.

(*) Великій Корнелій говорилъ, что Сенекины герои дрались изрѣченіями (à coups de sentences), что случалось и съ Эвриидовыми, какъ я постараюсь доказать въ изложеніяхъ Аристофановой комедіи.

## ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Эсхилъ родился въ Аѳинахъ, за 340 лѣтъ до Р. Х. ознаменовалъ свое мужество въ Маѳоѳонской побѣдѣ, а въ Саламинской и Платейской раздѣлялъ съ Ѳемистоклемъ честь военачальства; но не взирая на военные подвиги и вдохновенный даръ творца древняго театра, Эсхилъ обвиняемый, за представленіе на немъ таинствъ Эвменидъ, былъ едва спасенъ отъ изступленія суевѣрной черни, братомъ своимъ Аминіемъ, который напомня народу службу Эсхила, смерть ихъ старшаго брата, убитаго въ саламинской битвѣ, показалъ остатокъ руки своей тамъ же отрубленной. Но убѣжденіе Аминія не спасло знаменитаго воина и великаго поэта отъ изгнанія, въ которомъ онъ умеръ. Вотъ вѣ-

роятнѣйшее мнѣніе о жизни и смерти Эсхила, но остались о нихъ еще разныя преданія, одно повѣствуетъ: что побѣжденный въ состязаніи, въ маѳонскомъ сраженіи молодымъ Софокломъ, или Симонидомъ, Эсхилъ съ досады удалился самъ въ Сицилію ко двору царя Гіерона, покровителя ученыхъ Аѳинянъ и тамъ, проживъ три года въ почестяхъ, умеръ естественною смертію 65ти лѣтъ отъ рожденія. Другіе разсказываютъ, будто въ исполненіе предсказанія оракула, предрѣкшаго смерть Эсхила отъ удараєъ небесъ, онъ на горѣ былъ убитъ большой черепахой, упавшей изъ когтей поднебеснаго орла, на его обезволосую голову, но какъ бы то ни было, Эсхилъ умеръ въ Сициліи, что доказывается эпитафіею, вырѣзанной на его надгробномъ памятникѣ; вотъ ея содержаніе: Эсхиловъ отецъ Евфоріи, отечество Аѳины, полѣ славы Маѳонъ, гробница владѣній Гіерона. Аѳеней говоритъ, что Эсхилъ, предпочитая славу воина славѣ поэта, самъ хотѣлъ, чтобы эта эпитафія была врѣзана въ его гробницѣ. Но тотъ же Аѳеней выписываетъ изъ Ѳеофраста, будто Эсхилъ, побѣжденный недостойнымъ состязателемъ, сказалъ, что онъ посвятилъ свои творенія потомству, зная, что оно отдастъ имъ заслуженную справедливость. Плутархъ разсказываетъ, для объясненія Эсхилова природнаго свойства, слѣдующее: Въ Истмитескихъ играхъ одинъ изъ атлетовъ былъ такъ сильно ударенъ своимъ противоборцемъ въ лице, что все собраніе вскрикнуло; а Эсхилъ, смѣяся, сказалъ: вотъ что такое привычка и терпѣливость: глядящіе вскрикнули, а ударенный молчитъ. Добрый отецъ, какъ называлъ Вольтеръ переводчика греческихъ трагедій Іезуита Брюмуа, любя душевно Грековъ и боясь раздразнить гусей Французскаго театра, приписывалъ Эсхилу слишкомъ воинственную жестокость, въ сравненіи съ Французскимъ мягкосердечіемъ; но осмѣливаяся, однакожъ, отдавать справедливость его мужественному генію, удивляется какъ Эсхилъ, въ состязаніи съ Софокломъ и другими трагиками, предоставлялъ судьямъ вдругъ по три трагедіи или еще съ прибавкою маленькой драмы, что называетъ трилогіей; а мнѣ удивительно, какъ трудолюбивый Брюмуа переведя почти весь греческій театръ, и роясь всю жизнь въ древнихъ писаніяхъ о немъ, не добился до того, что очень просто увидѣлъ и объяснилъ Шлегель. Брюмуа простодушно принималъ всякую часть трилогіи, по отличающему ея названію, за особую трагедію, и каждую изъ нихъ по придуманной потомъ формѣ, дѣлилъ на пять дѣйствій, которыя и на мысль не приходили древнимъ Грекамъ. Вотъ почему первый Французскій переводчикъ аѳинскаго театра, а за нимъ и другіе, считаютъ 70 Эсхиловыхъ трагедіи. Приведя части въ полныя трилогіи, этотъ счетъ долженъ уменьшиться двумя третями, изъ которыхъ, по понятію Брюмуа, сохранилось 7 трагедій, а по объясненію Шлегеля, одна полная трагедія и 4 отдѣльныя части другихъ, а имсино: *Орестія*, составленная изъ *Агамемнона Коэфоръ* и *Эвменидъ*; II часть *Промѳея*, I *Данаидъ* (*просительницы*), III *Персовъ* и Ѳиванды (*семь Вождей подъ Ѳивами*). Что же касается до сатирскихъ драмъ, которыхъ Брюмуа насчитываетъ у Эсхила до 30, то невѣроятность этого объяснится далѣе.

2) Софоклъ, сынъ Софокла же, родился за 495 лѣтъ до Р. Х. въ колоніи, аѳинскомъ предмѣстіи, которое онъ обезсмертилъ трагедіей своей Эдипъ въ колоніи. Товарищъ въ военачальствѣ Перикла, и ученикъ въ Драматической поэзіи Эсхила, приглашаемый, съ большими обѣщаніями, греческими царями къ ихъ дворамъ, предпочелъ всемъ свое отечество, пережилъ имъ уважаемый, гораздо младшаго соперника своего, Эврипида и умеръ 96 лѣтъ. На его гробницѣ изображенъ улій пчелъ, чтобы напоминать прозваніе *пчелы*, пріобрѣтенное имъ сладостью его стихотвореній; съ чего, вѣроятно, придумано, будто пчелы садились на его уста, когда онъ еще спалъ въ колыбели. Люди, желая всегда ознаменовать какой-нибудь чудесностью или чрезвычайностью рожденіе и жизнь великаго человѣка, оставили три преданія о кончинѣ Софокла: по одному, онъ умеръ, немогши проглотить виноградиаго зернушка; по другому читая свою Антигону, и не имѣя отъ старости силы перевести духу, онъ ли-

шился вовсе дыханія и палъ мертвъ; а по третьему онъ не могъ перенести радости нечаяннаго вѣнчанія своего, въ театрѣ. Цицеронъ и Плутархъ, повѣствуютъ, что дѣти Софокловы обвиняли его предъ судилищемъ, въ неспособности, подряхлости разслабившей его умъ, управлять имѣніемъ, и что Софоклъ въ оправданіе свое просилъ позволенія прочесть только оконченную имъ трагедію, Эдипъ въ колоніи; ему позволили, онъ прочелъ, и неблагодарные дѣти покрылись вѣчнымъ срамомъ; какой-то неизвѣстный разсказщикъ прибавляетъ къ этому достовѣрному происшествію, что Софоклъ сочинилъ на него маленькую комедію, которой онъ вѣрно не сочинялъ; ибо это не утаилось бы отъ латинскихъ писателей, близкихъ къ Грекамъ и по времени, и по ученію. Изъ Софокловыхъ трагедій дошли до насъ только *два Эдипа*, *Електра*, *Изступленная*, *Аяксъ*, *Антигона*, *Трахінки* и *Филоктетъ*, почти всѣ перетворенныя латинскими и ново-европейскими трагиками, изъ которыхъ нашъ Озеровъ ближе всѣхъ къ Софоклу. Аѳиней обвиняетъ Софокла, какъ гражданина, въ любострастной жизни: но Платонъ упоминаетъ въ своей республикѣ, что на вопросъ: какъ онъ думаетъ о любви, Софоклъ отвѣчалъ, что онъ убѣжалъ отъ нея какъ отъ самаго жестокаго и безжалостнаго господина, и, кажется, должно больше вѣрить мудрому современнику, чѣмъ очень сомнительному компилятору.

3) Евриπидъ родился за 405 лѣтъ до Р. Х. въ Саламинѣ, куда укрылся отецъ его Миссархъ, отъ грозы ксерксова нашествія, онъ предпочелъ Философію военной доблести, и ея мудрованіе въ трагедіи заслужило укоры древнихъ и новыхъ критиковъ; но Евриπидъ, видя, что учитель его, Анаксагоръ, едва спасся бѣгствомъ отъ народнаго преслѣдованія, промѣнялъ школу Философовъ на театръ. Хотя Брюмуа, ссылаясь на Плутарха, хвалитъ безкорыстіе Евриπида: но его укоряли въ полученіи пяти талантовъ отъ Коринѳянъ, чтобы онъ сложилъ съ нихъ вину убійства дѣтей Медеи на нее. Благосклонно принятый Архелаемъ, Царемъ Македонскимъ, онъ сдѣлался его наперстникомъ и былъ имъ обогащенъ. Архелай показалъ желаніе, чтобы Евриπидъ помѣстилъ его въ своихъ трагическихъ сочиненіяхъ; но царедворецъ-поэтъ отвѣчалъ: Сохрани тебя небо отъ случаевъ, представляемыхъ въ трагедіяхъ. Послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ Македоніи, онъ по несчастію какъ-то попалъ въ мѣсто, отдаленное отъ жилья, гдѣ бѣшеныя собаки разорвали его; и такъ Евриπидъ въ страданіяхъ умеръ 75 лѣтъ и похороненъ у воротъ города Ареѳузы. Плутархъ пишетъ, что молнія разшибла его гробницу такъ же какъ Ликургову. Галіенъ утверждаетъ, что въ Александрійской библіотекѣ хранилось 75 трагедій Евриπида, изъ нихъ остались слѣдующія: *Електра*, *Ипполитъ*, или *Федра*, двѣ *Ифигеніи*, *Алкеста*, *Экуба*, *Орестъ*, *Вакханки*, *Ираклиды*, *Елена*, *Іонъ* и *Изступленный Геркулесъ*. Многія изъ сихъ трагедій переносились на Римскую и Новоевропейскую сцену. Чрезвычайный успѣхъ перетворенныхъ Расиномъ Ифигеніи и Федры принадлежитъ равно и древнему и новому трагикамъ. Ираклиды, передѣланные А. Н. Грузинцовымъ, Экуба и Андромаха П. А. Катенинымъ, заслуживаютъ справедливую похвалу. Нѣсколько изъ трагедій Евриπида переродились на новыхъ театрахъ, въ оперы и балеты, въ которыхъ восхитительная музыка, любострастные танцы приносили большое удовольствіе слушателямъ и зрителямъ; но не замѣнили бы для Аѳинянъ прелести Евриπидовыхъ стиховъ.

4) Сатирская драма, которой единственный образецъ остался только въ Евриπидовомъ Киклонѣ, занимала въ древнемъ театрѣ мѣсто нашихъ маленькихъ комедій и водевилей и была, можно сказать, междоумкомъ трагедіи и комедіи; названіе ея происходитъ не отъ сатиры, а отъ сатировъ, которые обыкновенно составляли въ ней хоры; дѣйствующія лица, судя по дошедшему до насъ, брались какъ и трагическія изъ эпопей, представлялись съ важностью и въ то же время въ нѣсколько комическомъ положеніи, что можно видѣть въ изложеніи Евриπидова Киклопа. Евриπидъ, заимствовалъ у Омира изъ Одиссеи одно приключеніе или случай, который представляетъ драматической поэмой въ 700 стихахъ: но и ея

Брюмуа, по своему обыкновенію, умудрился раздѣлить на 5 дѣйствій. Вотъ въ чемъ дѣло: Улиссъ попался въ руки одноокаго людоѣда Полифема; съ помощію шутящаго Силена и подпѣвающихъ ему Сатировъ, онъ ухитряется выколоть пьяному Циклопу единственный глазъ и спастись въ овечьей кожѣ отъ людоѣдства, что ему и удается. Брюмуа дополняетъ, что родъ этой трагикомедіи долженъ быть Эсхиловой выдумки, потому только, что онъ сотворилъ трагедію, которой общая форма въ немъ сохранилась; но сообразно ли шутовство ея съ важностію и даже величіемъ Эсхиловой поэзіи, и съ его мужественнымъ даромъ? Если, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, эти театральныя продѣлки давались для пополненія зрѣлища и для успокоенія зрителей, взволнованныхъ трагическимъ ужасомъ и соучастіемъ: то въ этомъ предположеніи Эсхилъ не имѣлъ въ нихъ надобности.

1-е. Три части его трилогіи достаточны были наполнить сами собою довольно длинное зрѣлище. 2-е. Эсхилъ, какъ мы видимъ въ Орестіи, умѣлъ безъ всякой посторонней помощи, одной своей трагедіей, возбуждать состраданіе и ужасъ и отпускать зрителей изъ театра не только успокоенными, но и обрадованными. Я согласенъ вѣрить, что этотъ родъ, который можно назвать эклогой въ лицахъ по хору Сатировъ, занимавшихъ почетныя мѣста въ эклогахъ, не только не моложе Эсхилова театра, но, можетъ быть, старѣе Ѳесписова подвижнаго помоста. Эклоги и разныя буколическія стихотворенія пѣлись и даже представлялись въ древнихъ сельскихъ праздникахъ какъ Пасторали новыхъ Южноевропейцевъ, которыя превратились въ водевили и маленькія оперы. Почему же не думать, что и эклоги, превращенныя въ сатирскую драму, не взобрались на древнюю сцену; только не при Эсхилѣ, при которомъ въ нихъ не было никакой надобности при комъ же?... Хотя кто то неизвѣстный писатель и клепалъ Софокла сочиненіемъ маленькой комедіи, но никто не обвинялъ его въ сатирской драмѣ. И такъ явная улика падаетъ на Еврипида, въ которомъ видна охота блестѣть легкостью стихотворенія и остроуміемъ, желаніе прислуживаться толпѣ смѣшеніемъ всякихъ приключеній и страсть приноравливаться къ новодумью своихъ современниковъ; такъ что вы можете обличить его усилія, разнообразить зрѣлище. Онъ почти доказываетъ, что сатирская драма, если не выдумана имъ, то придумана, съ сельскихъ праздниковъ и перенесена на трагическую сцену, которую онъ своими драмами для нея приготовилъ. Впрочемъ, удаленность нашихъ обычаевъ и понятій отъ древнихъ Грековъ и одинъ только образцикъ сатирской драмы не позволяютъ ничего основательно сказать о временномъ и мѣстномъ ея достоинствѣ. Такъ потомки наши не будутъ понимать удовольствія, приносимаго нынѣшними водевилями, которые хотя какъ мухи мрутъ въ нашемъ театрѣ, но, благодаря книгопечатанію, могутъ легко пережить человѣческую память.

6) Трагедія Іонъ начинается предлиннымъ прологомъ: Меркурій является предъ Дельфійскимъ храмомъ, разсказываетъ зрителямъ баснословную исторію Аѳинъ, таинственное рожденіе Іона отъ царевны Креузы и обольстителя ея Ѳива; хвалится досужествомъ, съ какимъ онъ подкинулъ новорожденнаго въ колыбель, съ необходимыми признаками, для узнанія его высокаго рода, Дельфійской Жрицѣ, воспитавшей его въ числѣ прислужниковъ храма; объявляетъ о свадьбѣ Креузы съ Ахейцемъ Ксуѳомъ, потомкомъ Эола, и о намѣреніи Ѳива, обмануть, ужъ до свадьбы обманутаго имъ, мужа, и увѣрить его, что сынъ его жены не ея, а его, и все это совершается съ большею путаницей въ продолженіи трагедіи, очень похожей на комедію. Аполлонъ и Меркурій играютъ въ ней роли Криспина и Насквина, потомковъ Эоловъ Жоржа Дандена, а Минерва, нежданаго отца, какъ въ нѣкоторыхъ комедіяхъ новаго театра. Она является только не изъ Индіи, а съ Олимпа, чтобы однимъ махомъ развязать или разрубить запутанную до безконечности интригу, и самъ Еврипидъ, изъ подруки, прислуживая философамъ, кощунствуетъ надъ богами. Эта древняя драма, по запутанному содержанію, неестественности, вынужденнымъ теа-

тральнымъ пораженіямъ и безнравственности, конечно похожа на наши романтическія зрѣлища; но прекрасное и богатое стихотворство и даръ умѣленія зрѣтелей спасаютъ Еврипида отъ совершеннаго сходства съ прозаическимъ подражателемъ. Достойно замѣчанія, что изъ сей трагедіи Расинъ заимствовалъ превосходное явленіе Гофолін съ отрокомъ Іоасомъ, а Виргилій снялъ форму прекраснаго разсказа о Коринѳскомъ храмѣ, который остался вѣрнымъ доказательствомъ, что древняя живопись была наравнѣ съ ваяніемъ и архитектурой, а многосложный и сказочный составъ всего творенія показываетъ, какъ пагубно для искусства, устраненіе большаго дарованія отъ изящной простоты его образцевъ. Микель Анжело усиліемъ постановки (attitude) своихъ статуй, былъ первымъ виновникомъ исковерканья скульптуры, Бернініемъ, и доведенія ея до возобновленнаго нынѣ Рококо, которое почти тоже, въ сравненіи съ произведеніями древнихъ ваятелей, что нынѣшній Французскій романъ, въ сравненіи съ самыми сказочными трагедіями Еврипида.

5) Вотъ содержаніе *Елены*, Еврипидовой трагедіи, взятое не изъ Иліады, а изъ народнаго преданія, разсказаннаго Иродотомъ. Парисъ вмѣсто Елены, похитилъ ея призракъ, отвезъ въ Трою, съ которой вмѣстѣ онъ взятъ Греками и отданъ мужу Елены, Менелаю, который также обманутый, признадъ ее за свою невѣрную супругу, между тѣмъ какъ она и вѣрная, и добродѣтельная, жила въ Египтѣ, на островѣ Фаросѣ, при дворѣ царя Протея, перенесенная туда Меркуріемъ, который велѣлъ ей ожидать возвращенія изъ Иліона супруга ея, Менелая. Протей умираетъ; сынъ его Ѳеоклименъ воцаряется, по дружбѣ къ Троянамъ, умерщвляетъ всѣхъ Грековъ, и влюбляется въ Елену. Менелай возвращается, съ вырученной имъ добычей, въ Спарту, буря разбиваетъ его корабль и бросаетъ супруга Елены съ ея призракомъ и спасенными пловцами на берегъ Фароса, гдѣ они всѣ укрываются въ пещеру. Менелай выходитъ изъ нея, для узнанія гдѣ онъ, и встрѣчаетъ подлѣ гробницы Протея и дворца, обитаемаго Еленою, хоръ ея прислужницъ, Гречанокъ, отъ которыхъ узнаетъ, что онѣ принадлежатъ Еленѣ, дочери Тиндора. Удивленный двуженецъ восклицаетъ: Ужели могутъ быть, два Зевса, два Тиндора, двѣ Спарты и двѣ Елены! и появленіе настоящей Елены доказываетъ ему, что ихъ точно двѣ: одна, которую онъ оставилъ въ пещерѣ, другая, которую видитъ передъ собою, возвращающеюся отъ царской сестры, предсказательницы Ѳеопы. Изумленный супругъ подходитъ къ Еленѣ; она не узнала Спартанскаго царя въ рубищѣ, до которыхъ, по замѣчанію Аристофана, Еврипидъ былъ большой охотникъ: пугается, кричитъ, бѣжитъ и останавливается у гробницы Протея. Дѣло объясняется, но Менелай опять удивленный невинностью своей супруги, остается въ ужасномъ недоумѣніи; да кстатѣ выбѣгаетъ Грекъ, крича: о чудо! и объявляетъ своему царю, что они дрались 10 лѣтъ, перерубили множество народа и сожгли Трою, за призракъ, который сію минуту исчезъ въ его глазахъ какъ паръ. Менелай, или лучше сказать Еврипидъ, не пропускаетъ случая пофилософствовать на счетъ боговъ, и не въ честь имъ, творитъ горестныя поминки по покойникамъ, убитымъ и сожженымъ, удивляя въ свою очередь грека своей добродѣтельной находкой. Брюмуа, восхищаясь умилительнымъ свиданіемъ супруговъ, признаетъ однакожъ его годнымъ и для комической сцены и хвастовство Менелая, вопреки Омиру, его подвигами низложившими Трою; въ чемъ я съ нимъ совершенно согласенъ. Онъ клянется убить тирана, но находитъ, что этого нельзя сдѣлать, безъ позволенія прорицательницы сестры его; готовъ увезти жену, но признается, что безъ корабля не можно уплыть по морю. Елена, хотя невинная и добродѣтельная, но все таки женщина, выдумываетъ хитрость, хочетъ объявить царю, что мужъ ея утонулъ. Ѳеоклименъ возвращается съ охоты. Узнавъ что какой-то Грекъ появился на островѣ, гнѣвается, за чѣмъ его не убили и, не встрѣтя Елены, кричитъ, что ее похитили; но Елена его удивляетъ своимъ появленіемъ, плачетъ, стонетъ, рыдаетъ и объявляетъ, что ея супругъ утонулъ въ бывшую бурю. Царевна Ѳеона помогаетъ обманы-

вать своего брата, и представляетъ ему Менелая, какъ Грека, спасшагося отъ кораблекрушенія и очевиднаго свидѣтеля погибели его соперника. Менелай радуетъ царя разсказомъ о своей смерти. Рыдающая Елена проситъ милостиваго позволенія отправить, по Греческому обряду, тризну по царѣ, ея супругѣ. Ѳеоклименъ, надѣясь воспользоваться его наслѣдствомъ, соглашается. Ему объявляютъ, что Греческое богослуженіе повелѣваетъ дѣлать поминки надъ гробомъ покойника, а гробъ Менелая море, и для того надобно, чтобы имъ данъ былъ корабль. Ѳеоклименъ и на это соглашается; но когда узнаетъ, что этотъ священный обрядъ не можетъ совершиться безъ самой Елены, Ѳеоклименъ упрямится и Елена рыдаетъ пуще прежняго. Ѳеона замолвила за нее слово: тиранъ разнѣжился, и рѣшился, чтобы вдова однимъ разомъ оплакала своего мужа и тотчасъ съ поминокъ шла съ нимъ въ храмъ, подъ вѣнецъ. Дѣло слажено: корабль готовъ, Елена съ спасшимися Греками, продолжая рыдать, входитъ въ него. Корабль отчалилъ, женихъ смотритъ, корабль уже далеко въ морѣ. Женихъ все еще смотритъ, корабль несется въ Грецію, а женихъ остался на берегу, дуракъ дуракомъ, и трагедія кончилась, при плескахъ Греческихъ зрителей.

7) Что двое Сенекъ славились при Неронѣ, это безспорно доказано Марціаловой эпиграммой:

Duosque Senecas, unicumque Lucanum
Facunda laquitur Corduba.

*Двумя Сенеками и однимъ Луканомъ славится Кордуба.*

И вотъ все, что можно признать достовѣрнымъ о существованіи двухъ Сенекъ въ одно время. Извѣстно, что Сенека философъ писалъ стихи, а что 10 трагедій, дошедшихъ къ намъ подъ названіемъ Сенекиныхъ, сочинены однимъ изъ нихъ, или обоими, это недоказано. Гензіусъ и нѣкоторые ученые раздѣляютъ ихъ каждый по своему; но Тацитъ, Марціалъ, Ювеналъ и Квинтиліанъ объ этомъ ничего не говорятъ. Впрочемъ, чьи бы ни были латинскія трагедіи, но они перепорчены изъ греческихъ. Брюмуа сравниваетъ ихъ, какъ архитектуру Іоническую или Коринѳскую съ Готической; но мнѣ кажется, что это сравненіе ихъ возвышаетъ. Въ нихъ все неестественно, вычурно, натянуто, изпещрено кудреватыми оборотами мыслей и словъ и пустозвучными изреченіями. Іустій Липсъ, похваля, по его же сознанію, не какъ цензоръ, а какъ панигирикъ, двѣ трагедіи двухъ Сенекъ, пишетъ о прочихъ: „въ нихъ часто встрѣчаются излишки чувствъ, я хочу сказать, мыслей, недодуманныхъ, ошибочныхъ, мелкихъ, темныхъ и ничтожныхъ: которыя съ перваго взгляда могутъ показаться чѣмъ то, а когда разсмотришь, то не найдешь въ нихъ ничего кромѣ неумѣстнаго или смѣшнаго. Онѣ не отблески свѣта, а мерцанія искорокъ, не сильныя излитія богатаго воображенія, а тщетныя усилія выдумки или грезы. Сверхъ того эти изреченія, безконечно повторяемыя, дѣлаются нестерпимыми. Поэтъ ихъ нахватываетъ отъ всюду и самъ не понимаетъ; однако въ этомъ онъ не столько виноватъ, какъ его вѣкъ, который по словамъ Квинтиліана, считалъ изреченія красотою твореній всякаго рода. Это сужденіе ученаго Латиниста и еще не очень строгаго критика достаточно для подтвержденія нынѣ уже общаго мнѣнія о латинской трагедіи.

**Кн. А. Шаховской.**

# ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ

## ИЗЪ ЖИЗНИ

# ЗНАМЕНИТЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

набросанныя Ѳ. Кони.

## I.

### *Высокій геній изъ низкаго состоянія.*



Въ небольшомъ городкѣ Рорау, на границѣ Венгріи, у самой заставы, въ трактирѣ *Красноносаго петуха* было особенно весело въ одинъ изъ весенних праздниковъ. На лужайкѣ, передъ крыльцемъ герберга плясали нѣсколько паръ молодыхъ ремеслепниковъ и городскихъ швеекъ и служанокъ. По оконченіи каждой пляски всѣ бѣжали на галлерею герберга, женщины съ низкимъ, проворнымъ книксепомъ, мужчины — съ кружкой холоднаго пива — къ толстому, лысому старику, который сидѣлъ за столомъ, съ женой своей

Катеринхенъ и шестилѣтнимъ сыномъ Іосифомъ. Это былъ Гомеръ *краснаго пѣтуха* и патріархъ ремесленнаго цѣха въ Рорау. Онъ слылъ лучшимъ каретникомъ города, и былъ большой мастеръ отпускать турусы на колесахъ. Онъ работалъ прилежно и прочно: экипажи и деньги были у него легки на ходу и самъ онъ, несмотря на свою дюжесть, былъ легокъ на поминѣ, когда дѣлошлось пирушкѣ. Каждое Воскресенье *краснаго пѣтуха* склевывалъ у него по нѣскольку крейцеровъ. Въ молодости, колеся изъ одной мастерской въ другую, онъ выучился какъ-то бренчать на арфѣ и затвердилъ порядочное количество народныхъ пѣсенъ. Веселый старикъ любилъ похвастать своимъ музыкальнымъ талантомъ, и вѣрно самъ Орфей менѣе бывалъ восхищенъ, когда подъ его звуки прыгали горы, лѣса и овцы, чѣмъ Рораускій каретникъ, когда юнггезели, надвинувъ шляпы на бекрень, съ трубками въ зубахъ, пускались въ плясъ съ своими *либхенами*, подъ его вальсы. — Въ тотъ день, о которомъ я говорю, въ гербергѣ было особенно весело. Пальцы каретника такъ и бѣгали по струнамъ арфы, Катеринхенъ пѣла, старики подтягивали, молодежъ и пробки прыгали и кружки съ пивомъ часто, и звонко цѣловались. Словомъ: пиръ горой и разливное море! Причиною такаго раздолья былъ неожиданный пріѣздъ свояка каретника, который занималъ важное мѣсто въ сосѣдственномъ городкѣ Геймбургѣ: онъ былъ школьнымъ учителемъ и церковнымъ запѣвалою. Столь знаменитое лице должно было возбудить всеобщее вниманіе въ *краснаго пѣтухѣ*; каретникъ, гордясь такимъ важнымъ родствомъ, старался еще болѣе выставить своякa въ глазахъ своихъ пріятелей. Между тѣмъ, пиръ, плясъ и честная компанія длились до глубокой ночи. Всѣ были веселы и даже знаменитый гость, снявъ рыжій паричокъ, возгласилъ дрожащимъ голосомъ хвалебный кантъ вину. Всѣ слушали пѣвца съ вниманіемъ и благоговѣніемъ. Одинъ только маленькій Іосифъ, сдѣлавъ себѣ изъ дощечки скрыпку, натянулъ на нее оборвавшуюся съ арфы струну, и, сидя на скамеечкѣ, ударялъ по ней въ тактъ подъ мотивъ музыки. Школьный учитель и церковный запѣвало, съ видомъ знатока, посматривалъ на ребенка мутными глазами, и поджавъ одну руку въ бокъ и прислонясь къ мадамъ Катеринѣ, которая расплачивалась за вино и пиво, пророческимъ голосомъ произнесъ: «Чертъ возьми! мальчишка этотъ обѣщаетъ многое! Подавись я на первомъ высокомъ *фа*, если не сдѣлаю изъ него отличнаго музыканта!» — Право! — Сказалъ иронически каретникъ; ну! это я хотѣлъ бы видѣть. У мальчишки нѣтъ совсѣмъ слуха, а когда онъ разѣваетъ ротъ, я тотчасъ хватаюсь за сало, мнѣ все кажется, что колесо скрыпитъ! «Свояк! прервалъ его запѣвало, со мной не спорь! Когда я затяну ноту, за мной поетъ цѣлой приходъ, такъ ужъ тебѣ не приходится толковать мнѣ о музыкѣ.» На бочку пива! Сапперментъ! я правъ! вскричалъ каретникъ, разгорячившись. — «Идетъ!» возразилъ школьный учитель, утопивъ подбородокъ въ широкое жабо. Я возьму мальчика съ собой, и если я не сдѣлаю»..... — Ладно! по рукамъ! — «По рукамъ!» сказалъ учитель, окинувъ общество значительнымъ взглядомъ. «Іосифъ! Хочешь ѣхать со мною? Хочешь быть славнымъ музыкантомъ?« — предолжалъ онъ обращаясь къ ребенку. — „Ахъ, хочу, хочу, дядюшка! закричалъ мальчикъ, и бросилъ въ сторону свою скрыпку, прыгая по терассѣ и хлопая въ ладоши: «Я буду славный музыкантъ! большой музыкантъ, вотъ какой, больше тебя, папаша; дядя сдѣлаетъ!» — «Сдѣлаю, чертъ меня возьми! сдѣлаю, на зло твоему отцу!» говорилъ школьный учитель и поднялся съ важностію съ мѣста. Народъ разошелся,

На другой день маленькій Іосифъ отправился съ знаменитымъ своимъ ментором въ Геймбургъ. Школьный учитель глядѣлъ на ребенка, какъ на залогъ будущей своей славы и обучалъ его исправно всему, что самъ зналъ. Онъ расточалъ Іосифу обильные уроки и удары ферулой по пяти сложеннымъ пальцамъ. Чрезъ два года мальчикъ перепялъ всю премудрость своего наставника: онъ умѣлъ читать по нѣмецки и по латыни, выводилъ прекудрявыя каракули въ тетрадкѣ, пѣлъ дискантa по нотамъ, игралъ *либеръ Августинъ* на гудкѣ и преисправно колотилъ въ барабанъ и накачивалъ мѣхи церковнаго органа. Воспитаніе его было кончено: великій музыкантъ былъ готовъ и школьный учитель собирался уже ѣхать за своимъ законнымъ достояніемъ: бочкой мартовскаго пива.

Въ это время въ соборѣ Св. Стефана, въ Вѣнѣ, набирали хоръ пѣвчихъ. Придворный капельмейстеръ Рейтеръ, страстный музыкантъ въ душѣ, разѣзжалъ по Германіи и собиралъ голоса, нужные для хора. Онъ заѣхалъ и къ Геймбургскому декану и спрашивалъ, нѣтъ ли въ ихъ городѣ мальчиковъ способныхъ пѣть дискантовыя партіи. Деканъ предложилъ Іосифа. Рейтеръ послалъ за школьнымъ учителемъ и за его питомцемъ.

«Ага! сказалъ учитель, надѣвая рыжій парикъ и поправляя брыжжи манишки, какъ я сказалъ, такъ и вышло! Вотъ оно! Слава моя долетѣла и до Вѣны! Смотри-жъ, Іосифъ, не робѣй! Держи смычекъ, какъ надо, да разѣвай ротъ пошире: это главное. Мутерхенъ! закричалъ онъ женѣ, дай ему бутербродъ; на сытый желудокъ у него дѣло пойдетъ, какъ по маслу! Покажемъ Г. Вѣнскому капельмейстеру, какъ надо учить музыкѣ!» — Покажемъ, покажемъ, бормоталъ Іосифъ, преисправно укладывая за обѣ щеки свой бутербродъ.

«Клапяйся, дѣлай *крацфусъ*!» говорилъ учитель Іосифу, входя съ нимъ къ декану. Рейтеръ и деканъ сидѣли на софѣ, передъ ними на столѣ стояли бутылка рейнвейна и тарелка доверху наполненная свѣжими вишнями. Іосифъ вошелъ, снялъ шляпу и уже готовъ былъ разшаркнуться, какъ вдругъ глаза его встрѣтились съ привѣтливымъ блюдомъ вишень. Это было такое лакомство, о которомъ дѣтское его воображеніе не осмѣливалось даже мечтать, и первая встрѣча съ нимъ, должна была и поразить его и завладѣть всѣмъ его вниманіемъ. — Выслушавъ высокопарное привѣтствіе учителя, Рейтеръ обратился къ мальчику. — «Умѣешь ли ты пѣть?» — Какъ не умѣть; — а въ нашемъ саду, дядя, нѣтъ такихъ вишень! — Рейтеръ улыбнулся, запѣвало подернулъ лѣвой ноздрею и поправилъ парикъ. Такъ начиналъ онъ всегда сердиться. — «Что же ты поешь?» Продолжалъ капельмейстеръ. — Что пою? — Все пою, извѣстно... Дядя, я думаю вишни вредно кушать: онѣ еще не спѣлы? — Запѣвало сунулъ руку въ карманъ и топнулъ ногой — отъ досады. — Я вижу, сказалъ Рейтеръ, смѣясь, что вишни отвлекаютъ тебя отъ музыки. Вотъ, возьми: это прочистить тебѣ голосъ. — Съ этимъ словомъ онъ взялъ со стола пригоршню вишень, Іосифъ добродушно подставилъ кожаную фуражку и тутъ же началъ пробовать гостипецъ. «Ну, теперь скажи мнѣ, дружокъ, продолжалъ Рейтеръ, умѣешь ли ты дѣлать трели?» — Какія трели? спросилъ наивно мальчикъ. — «Трели въ пѣніи.» — Вотъ что! Такъ въ пѣніи бываютъ и трели? Нѣтъ не умѣю... да этого и дядя не умѣетъ. — «Лжешь, негодный!» пробормоталъ запѣвало, кусая губы. — А за чѣмъ же ты меня не выучилъ, коли умѣешь? спросилъ Іосифъ. Всѣ захохотали. Учитель топнулъ ногой отъ бѣшенства. — Ахъ, любезный капельмейстеръ! Ты, я вижу добрый человѣкъ;

покажи мнѣ, какъ дѣлаютъ трели: я тотчасъ перейму! «Изволь!» отвѣчалъ Рейтеръ и сдѣлалъ трель. Съ трехъ разъ Іосифъ началъ ему подражать съ удивительной переимчивостью. — Ахъ! это славно, кричалъ онъ, прыгая отъ радости; теперь я всегда буду дѣлать трели. А дядя не умѣетъ! — Рейтеръ влюбился въ мальчика, онъ не могъ съ нимъ болѣе разстаться и тутъ же участь его была рѣшена. На другой день маленькій Іосифъ уѣхалъ съ нимъ въ Вѣну. — «Негодный мальчишка! говорилъ школьный учитель, благословляя въ путь своего питомца; отецъ твой правъ: въ тебѣ не будетъ прока!« — Добро, добро, дядя, отвѣчалъ Іосифъ, ты это говоришь потому, что не умѣешь дѣлать трели!

Іосифа помѣстили въ хоръ. Новый его благодѣтель давалъ ему уроки въ музыкѣ, водилъ его въ театръ и маленькій пѣвчій съ невыразимымъ наслажденіемъ слушалъ исполненіе многихъ превосходныхъ произведеній музыки церковной и драматической. Страсть его къ музыкѣ усиливалась съ каждымъ днемъ, онъ началъ изучать различные инструменты и въ четырнадцать лѣтъ углубился душей и тѣломъ въ трудную науку контрапункта. Іосифъ изъ рѣзваго, веселаго мальчика, сдѣлался задумчивымъ юношей. Часто вечеромъ, онъ упрашивалъ кистера церкви Св. Стефана пустить его на хоры. Тамъ одинокій, какъ лампада предъ запрестольнымъ образомъ распятаго Спасителя, онъ всей душой возносился къ небу и въ глубокую полночь, когда духи сна убаюкивали окрестность, а святыня храма одѣвалась въ таинственный сумракъ, слышались подъ высокими сводами стройные, торжественные аккорды органа, сочетавшіеся съ слабымъ, но одушевленнымъ голосомъ молодаго импровизатора. Часто заставала его тамъ заря и онъ въ утомленіи оставлялъ инструментъ и задумчиво возвращался въ капеллу. Наконецъ ему удалось слышать превосходное исполненіе величественной ораторіи Перголези:

Stabat mater dolorosa.

Нельзя представить себѣ всѣхъ чувствованій, которыя волновали душу Іосифа въ эту минуту: сердце его таяло въ ощущеніяхъ теплыхъ и сладостныхъ и душа въ первый разъ сознала возможность существованія на землѣ, внѣ земныхъ оковъ. Какъ безумный побѣжалъ онъ домой, сѣлъ за фортепьяно и хотѣлъ воскресить свои впечатлѣнія, но фантазія его увлекала, вдохновеніе овладѣло имъ вполнѣ, всѣ тѣлесныя чувства отказались ему служить, и слухъ и память измѣнили; за то какая-то внутренная сила кипѣла въ немъ лавою звуковъ и мелодій и выливалась могучей импровизаціей. Въ первый разъ постигъ онъ творчество и съ этихъ поръ началъ писать канты на четыре голоса, а наконецъ и маленькія ораторіи на многія голоса и инструменты. Никто не видалъ этихъ первенцевъ вдохновенія: одинъ только Іосифъ любовался ими день, на другой онъ былъ недоволенъ собою, на третій раздиралъ ихъ на мелкіе клочки и, выбросивъ изъ окна, слезящими глазами слѣдилъ каждый лоскутокъ, которымъ игралъ вѣтеръ и который уносилъ часть его сердца. Іосифъ не сознавалъ себя, въ него глубоко запалась мысль о его бездарности, о немощи — къ высокимъ созданіямъ, а между тѣмъ безпокойный геній творчества, поселясь въ груди, тревожилъ его ежеминутно и увлекалъ къ фортепьяно. Жестокая нравственная борьба хладнокровнаго разсудка съ порывами пылкаго сердца — имѣла пагубное слѣдствіе и на здоровье юноши: онъ началъ чахнуть. Ночи безъ сна, усилія творчества, безпрерывная тревога и волненіе душевныя, ослабили его грудь, онъ спалъ съ голоса. Рейтеръ, второй отецъ его, который лучше всѣхъ могъ понять его страданія и болѣе дру-

гихъ помочь молодому человѣку совѣтомъ и утѣшеніемъ, давно уже перешелъ къ лучшему бытію. Беззащитнаго, больнаго Іосифа исключили изъ капеллы, какъ безполезнаго члена. Въ награду за его семилѣтніе труды ему позволили взять съ собою старое, избитое, источенное червями, фортепьяно. Іосифу минуло въ то время 17 лѣтъ. — Въ одномъ изъ предмѣстій, въ самомъ крайнемъ домикѣ, на чердакѣ, Іосифъ нанялъ себѣ квартиру. Маленькая комната, оклѣенная нѣкогда оранжевыми обоями, которые отъ времени приняли какой-то фантастическій цвѣтъ и на которыхъ мухи вывели совсѣмъ другіе узоры, стулъ о трехъ ножкахъ и вѣтхая кровать составляли, съ фортепьяно, полное украшеніе новаго жилища молодаго музыканта. Доходовъ у него совсѣмъ не было, надеждъ и того меньше. Онъ ходилъ играть въ загородные оркестры за самую скудную плату, онъ пѣлъ въ поздравительныхъ хорахъ, у богатыхъ купцевъ, онъ переписывалъ ноты самыхъ немузыкальныхъ дилетантовъ — онъ, бѣдный Іосифъ, у котораго грудь становилась тѣсною для души, полной высокихъ вдохновеній, переписывалъ ноты бездарныхъ композиторовъ — изъ насущнаго куска. Понимаете ли вы всю тягость такаго существованія — въ семнадцать лѣтъ, когда жизнь играетъ передъ глазами яркой радугой, когда искусства манятъ такъ привѣтливо, когда въ сердцѣ начинаютъ лепетать первыя страсти?

---

Смеркалось. Іосифъ сидѣлъ за фортепіано. Руки его спокойно лежали на клавишахъ, голова была опрокинута на высокую спинку рѣзнаго стула, на полу валялось нѣсколько лоскутковъ исписанной, нотной бумаги. По всему видно было, что молодой человѣкъ былъ совершенно истощенъ безсонницей, трудомъ и — ужасно вымолвить — голодомъ. Да, голодомъ: онъ не ѣлъ со вчерашняго вечера. Часто поглядывалъ онъ въ маленькое слуховое окно своей комнаты, на небо: солнце садилось. Иногда взоръ устремлялся на двери, онъ прислушивался... вѣтеръ гулялъ межъ стропилами и трубами чердака.... и онъ грустно произносилъ: «Нѣтъ! она меня забыла!» Кто-же была эта *она*, которую юноша съ такимъ примѣтнымъ безпокойствомъ ожидалъ? Не та ли, для которой впервые забилось сердце художника? — Нѣтъ, другое чувство владѣло имъ; чувство болѣе прозаическое, чувство животной природы человѣка. *Она* — была молодая крестьянка, Анна, жена пастуха изъ ближней деревни. Анна была простая, безискуственная женщина, но подъ грубой корой невѣжества у ней таилось сердце, чистое, какъ хрусталь. Можетъ быть въ цѣломъ, необъятномъ мірѣ, она глубже всѣхъ почувствовала страданія юноши, больше всѣхъ имѣла къ нему состраданія, потому, что искры высокаго его искусства запонились къ ней въ сердце, въ ту минуту, когда оно готово было разступиться отъ восторга и наслажденія. Іосифъ игралъ на свадьбѣ ея на скрыпкѣ и не хотѣлъ взять денегъ. Бѣдный, голодный Іосифъ не хотѣлъ продавать восторга, который послушный его смычекъ доставилъ счастливымъ любовникамъ. Часто простая услуга, оказанная намъ въ блаженную минуту жизни, не такъ скоро забывается, какъ благодѣяніе, сдѣланное въ горѣ и несчастіи. Анна — помнила бѣднаго музыканта и каждый день, являясь въ городъ съ молокомъ и масломъ, она заходила на чердачекъ Іосифа и, поставя крынку молока, прикрытую здобной булкой, на фортепьяно, съ привѣтливымъ книксомъ, говорила: Г. Музыкантъ! кушайте на здоровье: — это отъ бурой, или рыжей, или черной коровы! — и пастушка Анна сдѣлалась для Іосифа вторымъ провидѣніемъ. — Сегодня она не яви-

лась. — Вдругъ послышался шумъ, дряхлыя ступени лѣстницы заскрыпѣли.... Обрадованный Іосифъ вскочилъ и кинулся къ двери. Но онъ отступилъ назадъ и: лице его поблѣднѣло, какъ сванъ, когда дверь распохнулась и, вмѣсто Анны, вошелъ маленькій человѣчекъ, съ горбомъ на лѣвомъ плечѣ, и прищуренными, бѣглыми глазами, въ плоской, дырявой трехуголкѣ и съ толстой, тростниковой палкой въ рукѣ. Онъ суровo взглянулъ на молодаго человѣка и привѣтствовалъ его легкимъ кивкомъ головы. Холодный, безсострадательный эгоизмъ высказывался въ каждой чертѣ пришельца и пріемы его, въ бѣдномъ углу музыканта, болѣе походили на пріемы палача въ темницѣ приговорѣннаго къ смертп, чѣмъ на привѣтливость гостя. Безстрастная улыбка маленькаго человѣка давно была знакома Іосифу и каждый разъ обдавала его холоднымъ потомъ. «Ну; сказалъ онъ, потирая руки, не богаты ли вы денежками?» — Молодой человѣкъ пожалъ плечьми. «Худо! очень худо! Вмѣсто того, чтобъ съ утра до ночи бренчать на клавесинѣ, вы лучше занялись бы какимъ нибудь полезнымъ ремесломъ. А то отъ вашихъ трудовъ у меня болитъ только голова, а въ кошелькѣ заводится сухотка!» — Но я надѣюсь.... «Надѣюсь! Надѣюсь! Такъ-то всѣ говорятъ. *Надѣюсь* — глупое слово! Это все равно, что пѣтухъ прокричитъ: и уху больно, и жди непастья! Стыдно въ ваши годы — питаться пустословіемъ! Стыдно молодой человѣкъ! Знаете ли, что я былъ въ ваши лѣта? Я дѣлалъ ваксу и курительные порошки, и разносилъ письма, и справлялъ коммиссіи, и хоронилъ, и сидѣлъ на аукціонахъ, и наращалъ по двадцати процентовъ на каждый добрый грошъ. Да вотъ и нажилъ домишко, честнымъ, полезнымъ трудомъ, не то чтобы».... Лице Іосифа вспыхнуло. — Стыдно смѣяться надъ бѣдностью, грѣшно не уважать человѣка, который избралъ себѣ поприще по сердцу; сказалъ онъ съ жаромъ. «Та, та, та! Славное поприще, — чертъ меня возьми! — пробормоталъ старикъ съ нетерпѣніемъ. Но я пришелъ къ вамъ не за правоученіемъ, а за деньгами. Прошу покорнѣйше! церемониться намъ нечего, не то..... у меня ужъ торгуютъ вашъ инструментъ.» — Мое фортепьяно! вскричалъ Іосифъ почти отчаяннымъ голосомъ. Но это значитъ отнять у меня послѣднее средство къ жизни, отнять единственную усладу бытія, — лишить всѣхъ надеждъ и наслажденій. Это хуже, чѣмъ лишить самой жизни! — «Небойтесь! Страшно кажется, а въ самомъ дѣлѣ ничего. Вы займетесь чѣмъ нибудь другимъ, и можетъ быть счастіе повезетъ.» — Но чѣмъ же? Прошепталъ едва внятно Іосифъ. — „Все въ мірѣ къ лучшему“... продолжалъ маленькій человѣкъ, взявъ палку подъ мышку и систематически набивая лѣвую поздрю табакомъ, изъ золотой съ финифтью табатьерки. — Но ради Бога, дайте мнѣ сроку, хоть двѣ недѣли! Я обернусь какъ-нибудь .. «То-то вотъ и есть *какъ-нибудь!* Вѣдь это журавль въ небѣ... Но такъ и быть, двѣ недѣли куда ни шли! Только позвольте мнѣ пока обеспечить себя — вотъ..., хоть этой вещицей!» Тутъ снялъ онъ со стѣны небольшой, миніатюрный портретъ, оправленный въ золото, единственный предметъ роскоши въ жилищѣ нищеты и голода. — Какъ! портретъ моего благодѣтеля, втораго отца, моего друга, Рейтера! вскричалъ Іосифъ; по прежде, чѣмъ онъ могъ попрепятствовать, маленькій человѣкъ держалъ уже портретъ въ рукѣ, взвѣшивалъ его, прищуривая глазъ, и поспѣшно опустилъ въ боковой карманъ кафтана. Лице его прояснилось. На глазахъ Іосифа навернулись слезы, уста оцѣпенѣли. Онъ глядѣлъ на похитителя тѣмъ взоромъ безпомощной скорби, какимъ ребенокъ глядитъ на любимаго своего голубя, схва-

ченнаго коршуномъ. «Такъ чрезъ двѣ недѣли? Хорошо! продолжалъ гость; до пріятнаго свиданія, молодой человѣкъ, трудитесь, оборачивайтесь.» Онъ вѣжливо поклонился и пошелъ; въ дверяхъ онъ остановился: «Да!» сказалъ онъ, войдя опять въ комнату, «сочините-ка мнѣ застольную пѣсенку, только повеселей, знаете такую — закатистую,... въ день святаго Мартына я именинникъ, такъ пригодится... Это такъ: вмѣсто процентовъ.» Онъ вышелъ. Юноша стоялъ на томъ же мѣстѣ, въ той же позѣ, безъ движенія. Сердце его было растерзано, и чувства опѣмѣли даже для горести.

Разставались ли вы съ родиной противъ воли? Хоронили вы друга въ юности? Потеряли вы младенца въ то время, какъ онъ началъ вамъ улыбаться? Разувѣрялись-ливы въ первой любви своей? Вотъ были чувства Іосифа. Если вы хоть часть всего этого испытали, вы поймете страданія бѣднаго музыканта.

Долго стоялъ онъ въ томъ же положеніи, потомъ началъ ходить по комнатѣ большими шагами и вдругъ остановился передъ клочками нотной бумаги, валявшимися на полу. Какъ будто счастливая мысль блеснула у него въ головѣ. Онъ подобралъ ихъ, взялъ еще нѣсколько листочковъ съ фортепьяно, потомъ схватился за ночничекъ: въ немъ не было масла. Онъ глубоко вздохнулъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ тяжкой агоніи, которую ночь благодѣтельно скрывала въ своемъ сумракѣ, блеснулъ первый лучь зари въ слуховое окошко — и озарилъ первую улыбку на лицѣ художника. Онъ сѣлъ къ фортепьяно и прилежно началъ писать. Въ двѣнадцать часовъ Іосифъ остановился передъ лавкою одного изъ знаменитѣйшихъ музыкальныхъ торговцевъ въ Вѣнѣ. Въ рукахъ его былъ свитокъ нотъ, тщательно переписанныхъ. Онъ отеръ потъ съ лица и робко переступилъ порогъ. Лице его горѣло тѣмъ румянцемъ стыда, который каждый талантливый человѣкъ испытывалъ, когда, въ первый разъ, плодъ своего вдохновенія, какъ товаръ, приносилъ на оцѣнку барышника, который измѣряетъ трудъ страницами и цѣнитъ творчество кудрявой выкладкой цифръ. Холодное: *Что вамъ угодно?* смутило его совершенно. Онъ молча подалъ торговцу свой свитокъ. Тотъ медленно развернулъ, вымѣрялъ автора съ ногъ до головы, счелъ сколько оборвано пуговицъ на его кафтанѣ, смѣкнулъ сколько лѣтъ прослужила ему шляпа, потомъ сколько издержекъ потребуетъ изданіе его нотъ и произнесъ важнымъ тономъ: А! квартеты! Нынче пейдутъ такія вещи. У меня гніетъ ихъ пудовъ сорокъ. Впрочемъ для васъ, чтобъ поощрить талантъ, пожалуй, можно бы... Только покажите ихъ сперва кому нибудь изъ знаменитыхъ нашихъ компонистовъ, если они одобрятъ... почему же... тогда посмотримъ — можетъ сойдемся. — Трепетной рукой взялъ Іосифъ свое дѣтище и пошелъ къ другому торговцу, потомъ къ третьему, къ четвертому. Но купцы всѣ на одинъ ладъ: отвѣтъ былъ тотъ же, только на разные тоны и съ нѣкоторыми варіяціями. Куда же ему дѣваться. Къ какому знаменитому компонисту итти; какъ и съ чѣмъ показаться? Ему нужепъ насущный хлѣбъ, а не слава. Какъ проникнуть въ волшебный кругъ, который очертили около этихъ любимцевъ счастія, народное одобреніе и слава, съ бѣднымъ порожденіемъ еще юнаго таланта; безъ сознанія, безъ протекціи? Какъ попрать грязными ногами ихъ персидскіе ковры, войти съ худымъ локтемъ въ ихъ дворцы, блистающіе вкусомъ и роскошью! Нѣтъ! это свыше силъ — въ осьмнадцать лѣтъ. Они, пожалуй, скажутъ, милостиво пожимая губами: *да; недурно, но...* Нѣтъ! лучше — умереть съ голода!

Солнце садилось. Въ заставу города Рорау входилъ въ эту минуту усталый путешественникъ. Онъ остановился на минуту. На лицѣ его, въ глазахъ и въ улыбкѣ было какое-то странное смѣшеніе радости, горя и удивленія. Онъ снялъ шляпу, тяжело вздохнулъ и отеръ потъ съ лица. Не подалеку стояла гостинница *краснаго пътуха* и передъ нею четыре каштана, съ змѣеобразными, ползущими по землѣ, корнями. Мѣсто было знакомо путешественнику, но онъ едва узнавалъ его. Терасса трактира развалилась, кровля надвинулась на заколоченныя окна, какъ бумажный колпакъ на глаза уснувшаго старика; по коридорамъ и въ открытыхъ дверяхъ расхаживалъ хозяиномъ сквозной вѣтеръ и трепалъ оборванные обои, сметая съ нихъ пыль. Одинъ только *красноносый*, жестяный *пѣтухъ* стоялъ на высокомъ шестѣ и, повертываясь на одной ножкѣ во всѣ стороны, скрыпѣлъ печальную пѣсню: величавый гребень и хвостъ его повисли на сторону. Путешественникъ пошелъ далѣе въ городъ. — Вы вѣрно его узнали? это былъ бѣдный Іосифъ. Онъ пришелъ въ родимый городъ за наслѣдіемъ, которое оставилъ ему отецъ. Но, увы! отъ наслѣдія ему осталась одна старая рухлядь и долги: въ мастерской его отца работалъ новый хозяинъ; а денежки покойника колесили по свѣту, такъ же, какъ и его кареты! Старая арфа, которая больше всего льстила воображенію молодаго человѣка, была въ чужихъ рукахъ: толстый пивоваръ купилъ ее за безцѣнокъ, вмѣсто игрушки, для восмилѣтняго наслѣдника своего славнаго имяни и еще славнѣйшей пивоварни. Одно утѣшеніе, которое Іосифъ получилъ отъ своего путешествія состояло въ томъ, что онъ могъ выплакать свою сиротствующую душу на могилѣ отца и матери. Еслибъ въ эту минуту былъ у него подъ рукою органъ, Іосифъ написалъ бы паннихиду, которая, можетъ быть, стала бы выше Моцартова реквіема, столько глубокихъ, страдальческихъ чувствъ волновало его душу. Продавъ скудное свое достояніе, съ двадцатью талерами въ карманѣ, Іосифъ пустился въ обратный путь, мечтая о блуждающемъ огонькѣ надежды, который было озарилъ его будущность, но метеоромъ исчезъ при его приближеніи. На другой день по возвращеніи въ Вѣну, онъ былъ такъ же бѣденъ, какъ въ минуту, когда ее оставилъ. Горбатый хозяинъ дома также не былъ вполнѣ удовольствованъ. Спустя нѣсколько дней, онъ опять явился къ музыканту. Тотъ побѣдѣлъ. Но на этотъ разъ въ маленькомъ человѣкѣ была замѣтна какая-то странная перемѣна. Онъ прежде постучалъ три раза въ дверь, потомъ тихо отворилъ ее; войдя въ комнату, онъ снялъ шляпу; подалъ молодому человѣку дружески руку и, даже неоднократно называлъ его *любезнѣйшимъ*. Въ продолженіи всего разговора не было слова ни о деньгахъ, ни о срокахъ, ни о продажѣ. Рѣчь началась съ погоды: маленькій человѣкъ жаловался на осенніе дожди, которые прососали ему кровлю и попортили обои потолка въ спальней; о множествѣ провинціяловъ, которые начинаютъ съѣзжаться со всѣхъ концевъ въ столицу; и кончилась трактатомъ о — музыкѣ. Переходъ довольно быстрый и странный. «А вѣдь чудная-вещь, говорилъ онъ, играть на какомъ нибудь инструментѣ! Особливо я люблю пѣніе... Кто умѣетъ пѣть — это очень хорошо! Вотъ я часто заслушивался васъ подъ окномъ. Славно вы этакъ иногда и вверхъ и внизъ какъ-то голосомъ дѣлаете, какъ это называется?»... Рулады. — «Да, рулады строите вы славно; право хорошо! И если я на васъ жду деньги, такъ только изъ любви къ музыкѣ. Думаешь часто: пусть его живетъ съ Богомъ, вѣдь такого искуснаго жильца не скоро сыщешь; тутъ и соловья держать не надо... того еще корми, все

лишніе расходы, а это совершенно даромъ — слушай, сколько душѣ угодно! ха! ха! ха! Вы же просить себя не заставляете. Не угодно-ли?» — Тутъ протянулъ онъ ему, съ усмѣшкой, открытую табатьерку. Іосифъ поблагодарилъ. «Попробуйте: табачекъ не дуренъ; я купилъ его на аукціонѣ. А что, чай не дешево достается такой талантъ на инструментѣ? Вы вотъ все трудитесь. Какъ это у васъ еще груди выносятъ, право? За то послѣ и самому весело и другимъ потѣшно... Ну, и обучить кого нибудь можно. Кстати: отъ чего вы не-даете уроковъ въ музыкѣ: вѣдь это, я думаю, доходно?» — Я бы радъ подѣлиться моимъ малымъ знаніемъ, отвѣчалъ скромно Іосифъ, но гдѣ взять учениковъ? Я никого не знаю. — «Право! Такъ позвольте вамъ служить, любезнѣйшій! Душевно радъ: я могу вамъ достать ученика, да не ученика, а ученицу — и какую? Красоточку .. Только высмотрите, не слишкомъ ей напѣвайте .: ха! ха! ха!» — О, вы оказали бы мнѣ тѣмъ благодѣяніе! — «Помилуйте, вздоръ, бездѣлица! Это мнѣ ничего не стоитъ... Напротивъ, мы даже можемъ сладить дѣльце. Вы будете ходить каждый день учить, а я каждый мѣсяцъ — брать за васъ денежки, — а ужъ тамъ мы съ вами сочтемся! Да и что за счеты между друзьями. Такъ по рукамъ! Завтра я васъ отрекомендую. Вы приготовьте новый кафтанъ.» — У меня нѣтъ новаго кафтана. — «Нѣтъ! такъ въ старомъ: ничего! Я за вами заверну; а теперь мѣшать не хочу: у васъ, чай, много занятій Мое почтеніе, любезнѣйшій Г. Іосифъ! До завтра! А propos! нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь нотъ? У меня племянница начинаетъ брянчать на фортепьяно, такъ хотѣлось бы ей подарить... Какихъ нибудь! Да вотъ, что это? Сонаты! Ну вотъ и хорошо. Я ихъ захвачу. Такъ прощайте! прощайте! безъ проводовъ — пожалуйста, не безпокойтесь!» И старикъ еще разъ раскланялся за дверью и осторожно поплелся по лѣстницѣ.

Іосифъ прыгалъ отъ радости по комнатѣ, какъ ребенокъ Горбатый человѣчекъ, котораго онъ всегда почиталъ демономъ ада, приходившимъ искушать его въ самыя тяжкія минуты жизни, теперь казался ему добрымъ геніемъ, ангеломъ-хранителемъ Сколько думъ и мечтаній проснулось въ головѣ и сердцѣ юноши отъ его бальзамическихъ словъ! Онъ не постигалъ, что корыстолюбецъ торговалъ его талантомъ, какъ товаромъ, ему грезилось только юное, невинное созданіе, съ свѣтлымъ, ангельскимъ взоромъ, съ усладительнымъ голосомъ, съ душой, полной дѣвственныхъ вдохновеній, въ которую онъ могъ перелить весь пламень, всю энергію своей души. Немногіе постигаютъ наслажденіе — передать себя вполнѣ другому, настроить всѣ органы чужой души въ одинъ ладъ съ своимъ сердцемъ, съ своими мечтами, своимъ увлеченіемъ, создать — иного себя. Іосифъ былъ на седьмомъ небѣ, какъ говорится, т. е. онъ былъ въ той сферѣ, гдѣ ни одна грязная мысль земли, ни одно чувственное побужденіе, ни одинъ помыслъ корысти не оскверняютъ духовнаго существованія человѣка. Голова его горѣла, грудь волновалась, онъ плакалъ и смѣялся, какъ безумный; чему и о чемъ — было извѣстно одному Богу, который заронилъ въ его грудь свѣтлую искру творчества и вдохновенія. Каждый лоскутокъ расчерченной бумаги, каждый безобразный крючекъ нотъ, получили въ его бѣдной каморкѣ голосъ и жизнь, все лилось, звучало и прыгало въ его воображеніи и какой-то геній облекалъ все это въ дивныя формы вещественности, которыми онъ любовался, какъ зритель и слушатель, не какъ актеръ и творецъ. Онъ не могъ заснуть во всю ночь. На другой день онъ былъ представленъ въ домъ Госпо-

жи Мартини. По происхожденію Итальянка, по рожденію Нѣмка, Госпожа Мартини представляла собою странную смѣсь этихъ двухъ народовъ. Кипучая кровь энтузіастки въ жилахъ и домовитость въ жизни, восторженность въ искусствахъ и мелкіе расчеты въ хозяйствѣ, страсть къ музыкѣ и живописи и скупость на лишній огарокъ свѣчи и щепотку соли — вотъ ея характеръ. Она готова была проѣхать сто миль, чтобъ прослушать хорошее выполненіе славной оперы и въ то же время отмѣчала на бутылкѣ, припечатанной пяткою, сколько было отпито пива за столомъ. Дочь ея Эмилія была такъ-же живымъ отпечаткомъ обѣихъ націй и странъ. Правильный римскій профиль, смуглое лице, съ черными электрическими глазами, и при этомъ нѣмецкая скромность и плавность въ движеніяхъ, тихій, мечтательный нравъ и кроткая, легко волнуемая, душа — были главными чертами Эмиліи. Мать желала дать ей блистательное воспитаніе, — но въ воспитаніи соблюдала хозяйственную экономію. Трудно-ли понять, послѣ этого, что тонкій, пронырливый — *маленькій человѣчекъ* — былъ знакомъ въ богатомъ домѣ Мартини и что Іосифъ, самый дешевый учитель музыки въ Вѣнѣ, былъ тотчасъ принятъ и обласканъ. Эмилія ужъ пѣла, но пѣніе ея было мертво, безцвѣтно, не западало въ сердце слушателя, несмотря на прекрасный, чистый и звонкій, какъ струя, сопрано. Въ пѣніи ея не доставало, какъ говорится, — *души*. Она дѣлала смѣлыя рулады и переливы, какъ соловей; всѣ фіоритуры, трели, скачки голоса, трепетанія звуковъ были для нея дѣломъ легкимъ: она въ нихъ упражнялась съ дѣтства, потому что они были въ модѣ, — а она была женщина и молода. Все это изумляло, нравилось, но не увлекало, не восхищало. Іосифъ умѣлъ сдѣлать чудеса изъ своей ученицы. Какъ новый Пигмаліонъ, онъ вдохнулъ душу въ свою Галатею. Онъ научилъ ее пѣть безъ украшеній, просто, но доходно къ душѣ; онъ научилъ ее пѣть такъ, какъ никто не пѣлъ въ тогдашнее время, время *музыкальнаго италіянизма*. Онъ хотѣлъ создать пѣвицу по теоріи, которую самъ изобрѣлъ, надъ которой трудился, въ которую вылилась вся душа его, какъ въ форму. Эмилія была мягка и впечатлительна, какъ воскъ, изъ котораго онъ лѣпилъ дивные, роскошные, фантастическіе образы. Огонь его души, пламень глазъ въ минуты вдохновенія и артистическое увлеченіе наэлектризовали молодую дѣвушку и одна изъ электрическихъ искръ запорхала ей въ сердце. Искусства требуютъ любви и любовь творитъ искусства и создаетъ художниковъ. О, какъ усладительно было видѣть вмѣстѣ эти два юныя существа, жившія одной страстью къ высокому, всепоглащаемому искусству, — къ музыкѣ! Онъ — полный дивныхъ вдохновеній, капризный, какъ творецъ, — она — послушная, какъ инструментъ, мелодически передающій его вдохновеніе и капризы, — вмѣстѣ, обращались въ одно гармоническое цѣлое. Она благоговѣла, утаивала дыханіе, когда могучая сила творчества оживляла его мускулы, одушевляла глаза и голосъ; онъ уносился въ седьмое небо, плакалъ и хохоталъ, какъ безумный, когда сладкій ея голосъ давалъ жизнь и душу его созданіямъ. — Черезъ годъ объ Эмиліи говорили, въ Вѣнѣ, какъ о диковинкѣ. Іосифъ былъ бѣденъ и неизвѣстенъ по прежнему.

---

На вечерѣ у барона Кригъ фонъ Гогфелдена собралось значительное аристократо-дипломатическое общество. Всѣ лица одушевляла какая-то особенная торжественность, какъ это обыкновенно бываетъ у Нѣмцевъ, въ важныхъ случаяхъ. Спины почтенныхъ гостей были забѣлены избыткомъ пудры, кото-

рал въ значительныхъ окказіяхъ тратилась безъ особенной экономіи, шпаги на гостяхъ были самыя парадныя и пряжки на башмакахъ необыкновенной величины. Всѣ говорили въ полголоса, составлялись кружки тамъ и сямъ, но никто не садился. Хозяинъ стоялъ самъ у окна, въ полуоборотъ, искоса поглядывая на широкій дворъ съ пышнымъ подъѣздомъ. Дамы изъ гостиной часто подходили къ дверямъ залы и съ любопытствомъ заглядывали въ пріемную комнату. Казалось, какъ-будто все общество готовилось къ какой-нибудь торжественной встрѣчѣ. Вдругъ хозяинъ воскликнулъ громко: *наконецъ!* и попелъ черезъ залу. Все общество встрепенулось, при этомъ значительномъ словѣ, всѣ головы и головки обернулись къ широкимъ, рѣзнымъ дверямъ съ позолотой, которыя слуга, въ богатой ливреѣ, распахнулъ настежь. Вошелъ человѣкъ, лѣтъ сорока, высокій, худощавый, съ крупными чертами лица, ярко обозначенными рѣзцемъ страстей, съ высокимъ челомъ. Натуральныя кудри черными волнами въ безпорядкѣ вились и ниспадали до плечъ. Въ глазахъ и въ движеніяхъ проблескивалъ тотъ огонь, который зароняетъ въ человѣка одно южное солнце. Онъ былъ весь въ черномъ, безъ шитья на кафтанѣ, безъ золота и каменьевъ, одни только широкія кружева его сорочки и платка показывали, что онъ человѣкъ богатый. Въ этомъ блистательномъ обществѣ всякій принялъ бы его за простолюдина, еслибъ благородная гордость, означавшаяся въ каждомъ движеніи и почтительное вниманіе къ нему присутствующихъ, не показывали ясно, что и онъ принадлежитъ къ аристократіи, — но не породы, а таланта. Незнакомецъ былъ — Порпора, музыкантъ, гремѣвшій славою въ Италіи. Порпора былъ принятъ при дворѣ, и каждый придворный сдѣлался въ отношеніи къ нему любителемъ и покровителемъ искусства. Для него давались праздники, сзывали на вечера, устроивали концерты, каждый хотѣлъ имѣть честь, видѣть Порпору въ своемъ домѣ, а дилетанты за счастье почитали выказать предъ нимъ свои таланты, услышать отъ него обычную вѣжливость, двусмысленную похвалу, притворное восклицаніе и потомъ на нихъ основать свою громкую, артистическую славу. Мелочная спекуляція — всѣмъ пользуется. Словомъ, Порпора былъ въ модѣ, его чуть не носили на рукахъ, онъ былъ до того въ модѣ, что въ новѣйшее время, можетъ быть, добрые Вѣнцы повезли бы его на себѣ, какъ Марію Тальони, въ прошломъ годѣ. — Г-жа Мартини представила знаменитому маэстро Эмилію, какъ дилетантку и какъ полуиталіянку. Ловкій Порпора разсыпался предъ покраснѣвшей дѣвушкой въ комплиментахъ, какъ лисица Крылова предъ вороною. «Если вашъ талантъ, говорилъ онъ ей, хотя сколько-нибудь похожъ на вашу красоту, то вы первая пѣвица въ мірѣ.» Эмилія низко присѣла предъ Порпорой и присѣла къ фортепьяно съ робостью дѣвочки, которая выходитъ читать стихи на публичномъ экзаменѣ. Порпора сгрупировался живописно за ея стуломъ, онъ сформовалъ лицо свое такъ, что можно было прочесть на немъ одобреніе — до начала аріи; но въ каждой чертѣ въ тоже время высказывалось строгое вниманіе судьи и знатока. Это одно изъ тѣхъ трудныхъ положеній для истиннаго артиста, которое ближе всего подходитъ къ актеру, представляющему веселую, шутовскую роль на сценѣ, въ то время, когда мать его дома лежитъ въ предсмертныхъ бореніяхъ, а дѣти плачутъ отъ голода. — Послѣ приличныхъ прелюдій, откашливанія, пробы клавишъ, обтиранія пальчиковъ батистовымъ платкомъ, обращенія взоровъ къ потолку, жалобъ на хрипоту, — Эмилія запѣла. Голосъ ея

сильной, протяжной; бѣлой нотой потрясъ воздухъ въ залѣ, и нѣжно, трепетно замеръ на второй. Послѣдовала краткая пауза. Всѣ переглянулись, всѣ физіономіи обратились въ знаки вопросительные, восклицательные и двоеточія. Порпора сдѣлалъ легкое движеніе, какъ-будто его укусилъ комаръ, и опять принялъ заученую позу. За тѣмъ слѣдовало адажіо усладительное, какъ отдаленный ропотъ водопада, какъ замирающая пѣсня жнецовъ при закатѣ солнца. Тутъ не было подражанія соловью и горлицѣ, не было пышныхъ италіянскихъ украшеній, фейерверковъ голоса, это было простое, плавное пѣніе, гдѣ каждая нота получала значеніе, каждая фраза выражала мысль и каждый звукъ, полный страсти глубокой, истинной — выливался прямо изъ души. Речитативъ ея не кипѣлъ скороговоркой, оканчивающейся сильнымъ аккордомъ, какъ трагическимъ возгласомъ; онъ имѣлъ свои тѣни, свѣтъ и оттѣнки; онъ былъ вѣрнымъ отголоскомъ сердца, которое болѣе или менѣе разширялось при извѣстномъ словѣ и чувствѣ, брошенномъ не на вѣтеръ. За речитативомъ послѣдовало бурное аллегро. Тутъ звуки сыпались, какъ искры, это были искры души, которая кипѣла въ сильнѣйшемъ разгарѣ страсти, они то жгли сердца, какъ одушевленные глаза пѣвицы, то разливали въ нихъ негу умиленія, какъ слезы, которыя навертывались на ея широкихъ ресницахъ. Она кончила, — но всѣ еще слушали, никто не апплодировалъ. Этотъ новый родъ пѣнія, столь естественный, столь доходный къ душѣ, въ которомъ говоритъ сердце человѣческое, а не искусство пѣвца, какъ будто окаменилъ всѣхъ. Во время пѣнія Эмиліи, лице Порпоры постепенно измѣнялось, оно принимало всѣ отпечатки, которые голосъ ея оставлялъ въ душѣ его и онъ забылъ свою позу, забылъ общество, забылъ самаго себя: онъ плакалъ, онъ цѣловалъ руки смущеннаго ребенка; онъ не могъ произнесть слова. Потомъ онъ схватилъ ея ноты. Арія была ему совершенно неизвѣстна, она не принадлежала ни одной знаменитой оперѣ, на ней совсѣмъ не было имяни автора; но онъ перелистывалъ ее съ жадностью, восклицая ежеминутно: «*превосходно! божественно!* Но кто научилъ васъ такому пѣнію, отъ котораго кипитъ и таетъ душа?» — спросилъ онъ у пѣвицы. — Мой учитель, прекрасный учитель, прибавила она, краснѣя но съ какой-то гордостью, Господинъ Іосифъ. «А гдѣ вы взяли эту арію? Это chef-d'oeuvre!» — Это сочиненіе моего учителя, Господина Іосифа; подхватила поспѣшно Эмилія и черные ея глазки засверкали, какъ брилліянтики и вмигъ опять закрылись черною завѣсой рѣсницъ. — «Но кто же онъ? гдѣ онъ?» — Онъ бѣдный музыкантъ, въ жалкомъ положеніи, очень бѣдный! отвѣчала Г-жа Мартини, тѣмъ насмѣшливо-хладнокровнымъ тономъ, какимъ богачи всегда говорятъ о бѣдности. Порпора вынулъ записную книжку и внесъ въ нее адресъ Іосифа. Всѣ поздравляли Эмилію съ торжествомъ; Эмилія благодарила отъ души: она чувствовала, что говоритъ за своего бѣднаго Іосифа.

---

Рано утромъ, по бѣднѣйшему предмѣстію Вѣны, катилась богатая карета. Въ ней сидѣлъ человѣкъ, у котораго нетерпѣніе высказывалось въ каждомъ взглядѣ. Онъ держалъ въ рукахъ открытую записную книжку, часто высовывался изъ окна кареты и останавливалъ прохожихъ вопросами. Одни указывали вдаль, на конецъ города, другіе сомнительно качали головой и шли своей дорогой. Наконецъ карета остановилась предъ маленькимъ домомъ, съ чѣмъ то, въ родѣ мезонина, и незнакомецъ поспѣшно выскочилъ изъ кареты и вошелъ на дворъ. Окна нижняго

жилья были бережно приперты ставнями съ тяжелыми, желѣзными болтами, въ углу канура, возлѣ которой дворная собака до того была запята глоданіемъ голой кости, что не находила даже времяни полаять на незнакомца. По этому можно судить о степени ея голода Чужой оглядывался во всѣ стороны: ни души не было видно. Онъ остановился въ недоумѣніи, какъ изъ за угла дома показалась молоденькая проворная крестьяночка съ коромысломъ, на которомъ несла нѣсколько крынокъ молока и сливокъ. «Милая! не знаешь ли гдѣ живетъ, Г. Іосифъ?» — спросилъ незнакомецъ. — Какъ не знать, отвѣчала крестьянка, Г. Іосифъ, музыкантъ, — лучшій музыкантъ въ свѣтѣ; что игралъ у меня на свадьбѣ и не хотѣлъ взять денегъ? Добрый Г. Іосифъ.... а вотъ здѣсь, пожалуйте.... только не помѣшайте ему, онъ теперь занятъ: онъ поетъ, кажется, молитвы.... И она проворно провела Порпору къ низенькой двери отъ которой вилась крутая, чуть живая, лѣстница на чердакъ. Маэстро, привыкшій къ мраморнымъ ступенямъ и богатымъ коврамъ на лѣстницахъ, началъ, такъ сказать, вскорабкиваться на верхъ, придерживаясь обѣими руками за стѣны и ступеньки и нагибая голову, какъ пристяжная лошадь, чтобъ сберечь лобъ отъ ушиба объ полусгнившія стропила. Наконецъ онъ очутился у маленькой двери, за которой раздавались звуки фортепьяно и мужской голосъ. Онъ бережно отворилъ дверь. Спиной къ нему сидѣлъ молодой человѣкъ, съ зачесанными назадъ кудрями, глаза его были устремлены къ верьху: онъ фантазировалъ; руки и голосъ его быстро выполняли каждое малѣйшее движеніе души, но онъ самъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, что происходило около него. Порпора остановился. Онъ вглядѣлся во всѣ принадлежности комнаты: все было бѣдно и скудно, потомъ онъ обратился къ тому, что слышалъ и мало по малу вдавался въ таинственный міръ фантазіи, въ которомъ роскошничалъ юноша. Ему казалось, что кровля надъ ними отверзается, что всѣ предметы въ комнатѣ приходятъ въ странный хаосъ, обращаются въ дымныя облака, въ призраки тумановъ, на которыхъ онъ самъ уносится въ эѳиръ небесный. Звуки играютъ нестройными массами, но въ самой нестройности ихъ есть какая-то дивная гармонія, какъ въ придвѣчномъ хаосѣ міра. Вотъ раздалось громовое, зиждительное слово, все принимаетъ дивные образы, струны звучатъ мелодическими отголосками, то какъ журчаніе рѣкъ, то шопотомъ лѣсовъ, то затихаютъ стройнымъ щебетаніемъ птицъ, то опять разразятся громовымъ рокотомъ волкановъ Какимъ-то дивнымъ облаченіемъ божества все соединяется въ могучее цѣлое, умиляющее и потрясающее душу. Но вотъ какъ-бы отверзлись небеса, торжественные гимны ангеловъ несутся съ высоты; горнія арфы звучатъ сладостнымъ псалмопѣніемъ.... Это молитва, смѣшанная съ славословіемъ.... И вдругъ все слабѣетъ, умолкаетъ.... Руки юноши опустились въ изнеможеніи, голова тихо склонилась на грудь, вздымаемую сильнымъ біеніемъ сердца. Порпора столлъ въ оцѣпенѣніи, какъ очарованный пустынникъ, заслушавшійся райской птицы — на цѣлое столѣтіе. Импровизація Іосифа обдала его какъ-бы волшебнымъ паѣніемъ.... Медленно собиралъ онъ свои мысли и, пришедъ въ себя, бросился обнимать и цѣловать молодаго артиста. Іосифъ былъ пробужденъ изъ своего забвенія неистовыми ласками незнакомца. Онъ вскочилъ въ испугѣ.... Порпора сжималъ его въ объятіяхъ: «Кто ты, юный геній! кричалъ онъ, какъ безумный, «Кто ты! Скажи, гдѣ похитилъ ты силу поражать и увлекать сердце? Гдѣ подслушалъ ты эти торжественные гимны? О, ради Бога! скажи, кто ты?» —

— Я *Іосифъ Гайденъ*, бѣдный музыкантъ! отвѣчалъ съ изумленіемъ юноша.

Чрезъ три дня Іосифъ Гайденъ готовился къ отъѣзду въ Италію съ новымъ своимъ другомъ — Порпорой. Наканунѣ прибѣжалъ къ нему, запыхавшись, издатель музыки, у котораго онъ нѣкогда былъ, и разсыпался въ лести и подличаньи, предлагалъ ему огромную сумму и просилъ хоть нѣсколько страницъ его музыкальныхъ сочиненій. — Гайденъ отказалъ на отрѣзъ: онъ началъ печатать свои созданія семь лѣтъ спустя.

ѲЕДОРЪ КОНИ.

# ПУТЕВЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

## ВИЛЬНА и ВАРШАВА.

Письмо отъ 22 мая 1840.

И такъ, сего дня о театрѣ. Беру свои афишки (у меня есть привычка сохранять ихъ) и по нимъ разскажу, что и кого видѣлъ. Но чтобъ не откладывать, скажу кстати что-нибудь о путевыхъ впечатлѣніяхъ и нѣсколько словъ, по театральной части: о Г-жѣ Тальони.

Я гнался за цей, а она меня преслѣдовала. Вотъ какъ это было. На какой то станціи, между Петербургомъ и Лугою, я спросилъ, самъ не знаю почему, не проѣхала ли Тальони?

Какъ же, отвѣчалъ смотритель, лукаво улыбаясь, проѣхала. Вы вѣрно съ цей знакомы; если захотите, то вамъ не трудно будетъ ее догнать. Она теперь верстъ за 60 отъ насъ, а ужъ много, что за 100. Торопится. У ней проводникъ какой-то почталіонъ изъ Петербурга; ей лучше же взять васъ, знакомаго. И такъ далѣе; онъ продолжалъ говорить въ этомъ родѣ такъ охотно, что небыло средствъ остановить потока его болтовни, да и не изъ чего было хлопотать.

Подорожная прописана и ямщикъ докладываетъ, что лошади готовы. Я отправился. По станціямъ я началъ освѣдомляться, между прочимъ, отъ нечего дѣлать, давно ли проѣхала Тальони и замѣтилъ, что постепенно съ нею сближаюсь. Дорога прекрасная, ровная, какъ столъ; я мчался и гналъ лошадей, что называется и въ хвостъ, и въ гриву. Противъ Пскова, на станціи *Кресты*, я остановился въ гостинницѣ, чтобъ напиться чаю и поужинать. Эту гостинницу содержитъ псковскій портной Шитъ; можетъ быть онъ шьетъ платье и на общаго нашего друга *Ѳеоклиста Боба*, подумалъ я. Когда я спрашивалъ о Тальони, смотрители смотрѣли на меня какъ-то подозрительно, принимая вѣроятно за ревностнаго ея обожателя и поклонника, что очень можно было заключить по моему разстроенному виду. Въ дорогѣ, когда заснуть нѣкогда, развѣ вздремнешь на шарамыжку до перваго ухаба, и то подъ утомительный напѣвъ колокольчика, отъ котораго у меня и теперь зудитъ въ ушахъ. Прекрасная вещь этотъ колоколъчикъ, но онъ поетъ всегда такія пѣсни, отъ которыхъ сердце ноетъ.... Пріѣхавъ въ *Лугу*, я узналъ, что Тальони здѣсь проѣхала 5го числа

въ $4\frac{1}{2}$ часа по полудни. Надежда догнать ее начала услаждать меня. Отъ Луги до *Городно* мѣстоположеніе довольно живописное. Вправо и влѣво холмы и перелѣски. Солнце свѣтитъ ярко. Ни одного живаго существа навстрѣчу. Ровную поверхность полей, усыпанныхъ снѣгомъ, который на солнцѣ блеститъ какъ глазетъ, изрѣдка бороздятъ слѣды зайцевъ. Черезъ каждыя семь верстъ, стоятъ телеграфы. Они машутъ руками, какъ глухонѣмые, безпрестанно говорятъ что-то, но мимика ихъ для насъ не понятна. Хочу послать съ нимъ вѣсточку, но и они меня не понимаютъ. Между-тѣмъ на всякой станціи, справлялясь, я замѣчалъ, что догоняю Тальони. Наконецъ на какой-то станціи объявили мнѣ, что Тальони забрала послѣднихъ девять лошадей и я долженъ ждать. Каково было мое положеніе! Мнѣ скорѣй должно быть въ Варшавѣ, нужно еще скорѣй догнать Тальони, а она забрала всѣхъ лошадей. Она торжествуетъ, она несется впередъ, — а я дожидаюсь лошадей на станціи. Нечего дѣлать подождалъ; дождался и поѣхалъ. Опять задержка: нѣтъ лошадей! — Почему? —

Почтовыхъ бережемъ для Губернатора; обывательскихъ 9 взяла Тальони; и такъ почти на нѣсколькихъ станціяхъ сряду.

Каково! Проклиная это ужасное сцѣпленіе обстоятельствъ, я выходилъ изъ терпѣнія; бранился, кричалъ, но никакъ не могъ вытти изъ подъ вліянія Тальони. Тальони у меня была на носу, а догнать ея я никакъ не могъ, потому, что вся Европа знаетъ, какъ она легка на ногу. Ужъ счастье, что на какой-то станціи, гдѣ мнѣ предстояла подобная задержка, подоспѣлъ фельдъегерь и предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ. Тутъ я ѣхалъ шибко. Это мнѣ наконецъ надоѣло, и пріѣхавъ на станцію *Уцлы*, я потребовалъ себѣ отдѣльную повозку. *Уцлы* лежитъ на повомъ шоссе передъ Вилькомиромъ.

Какъ я былъ обрадованъ, узнавъ, что Тальони здѣсь на станціи, и мѣняетъ зимній ходъ своей кареты на лѣтній, потому, что дальше уже мало снѣгу. Съ какимъ-то почтовымъ чиновникомъ (въ мундирѣ и въ шляпѣ, по случаю проѣзда Губернатора), которому также хотѣлось увидѣть Тальони, мы подошли къ каретѣ.

Тутъ я нашелъ ужасную суматоху. Человѣкъ десять Литовскихъ мужиковъ суетились, надѣвая колеса на оси. Крикъ, брань и шумъ — безпрерывные. Гопшпуги трещатъ, колеса ждутъ пока оси подымутся въ уровень со ступицами; но одинъ неудачный, или лучше удачный, толчекъ, карета скользитъ по рычагу, колеса падаютъ: суматоха удвоивается. Я хотѣлъ отыскать глазами, кто здѣсь главный, и увидѣлъ старичка здороваго, краснощекаго. Нельзя было не полюбоваться имъ. Онъ бѣгалъ болѣе всѣхъ, распоряжался, кричалъ и неумолкая говорилъ на Французскомъ языкѣ. Были тутъ еще два франта въ усахъ, въ эспаньолкѣ и въ короткихъ дорожныхъ сюртукахъ; они ему помогали, но суетились меньше. Старикъ былъ знаменитый балетмейстеръ, отецъ Тальони, франтовъ не знаю. Карета покачивалась и крякхтѣла подъ руками работниковъ, но жалузи были опущены, и нельзя было видѣть, что дѣлается внутри. Я любовался, какъ и слѣдовало, старикомъ; почтовый чиновникъ шепталъ мнѣ на польскомъ языкѣ, передѣланномъ на Русскій: «Какъ жалко, что нельзя видѣть Папы, — карета заперта!»

Трудно было повѣрить, чтобъ Тальони осталась въ каретѣ, во время передряги. Мнѣ хотѣлось заговорить съ старикомъ, и я сказалъ ему: Не угодно ли будетъ Mme войти на станцію, ей должно быть безпокойно. Старикъ, дер-

жась руками за ось и не оставляя дѣла, поворотилъ ко мнѣ голову, поблагодарилъ меня и отвѣчалъ, что Мое уже на станціи. Я сказалъ еще нѣсколько словъ, общихъ мѣстъ, о непріятности дорожныхъ хлопотъ; перевелъ чиновнику отвѣтъ старика; крикнулъ нѣсколько разъ на рабочихъ, перевелъ имъ замѣчанье старика, что карета скользитъ по рычагу, и когда увидѣлъ, что четвертое колесо надѣто, отошелъ. Чиновникъ присталъ ко мнѣ: «Будь ласковъ, панъ, пойдемъ до залы.» Я и самъ хотѣлъ, во что бы ни стало, увидѣть Тальони, хоть однимъ глазомъ, и вошелъ въ первую комнату. На правo на диванѣ сидѣла какая-то, недурная собой и не старая, женщина, она расчесывала волосы. Я взглянулъ: это не Тальони. Я поворотилъ голову къ двери другой комнаты и увидѣлъ противъ стола на стулѣ женщину; она что-то писала. Спутникъ мой зацѣпился за дверь шпагой, застучалъ и она оборотилась къ намъ. А! это Тальони! Но какая Тальони? Едва причесанная на скорую руку, въ ватномъ капотѣ, накрытая какимъ-то тяжелымъ платкомъ, который, безъ преувеличенія, можно было назвать дорогимъ одѣяломъ или ковромъ, однимъ словомъ: Тальони — *въ прозѣ*. За дверью предо мной мелькала фантастическими тѣнями эта веселая семья, которую зовутъ однимъ словомъ Тальони. Эти сестры, которыхъ имена — Сильфида, Дѣва Дуная, Гитана, Анжела и пр. Я увидѣлъ войдя въ залу, мать ихъ. Да, она походила на ихъ мать, какъ мать всегда походитъ на дочерей. Я узналъ ее только по типическимъ чертамъ; какъ мы узнаемъ Еврея и Караима, по чертамъ, свойственнымъ ихъ племени. Я помню сцену въ послѣдней части *Мельмота Скитальца*, когда онъ, передъ смертью, вдругъ, въ нѣсколько минутъ, старѣется. Я помню, какъ холодъ пронималъ меня, когда я читалъ ее. За дверью я такъ живо воображалъ граціозную, прелестную Тальони, что, когда узналъ ее въ прозаической дамѣ, мнѣ показалось, что съ ней сдѣлалось подобное превращеніе. Она посмотрѣла на насъ и, казалось, была недовольна нашимъ приходомъ. Я пристально смотрѣлъ на нее; она закричала что-то служанкѣ и служанка пришла. Я извинился, что обезпокоилъ ее, она сдѣлала вѣжливое движеніе головой и я вышелъ. Но лицо ея осталось у меня въ памяти.

Чиновникъ сообщилъ мнѣ, что служанку ея зовутъ Лизой; онъ вслушался, когда она говорила, а я не разслышалъ ни слова. Эта мимолетная встрѣча какъ-то меня усладила; въ Петербургѣ я видѣлъ Тальони, такъ-же какъ и всѣ ее видѣли; здѣсь я одинъ ее видѣлъ. Въ театръ приходятъ смотрѣть, хоть и геніальную, но все же актрису: улыбающуюся или плачущую — по программѣ. Тутъ я видѣлъ ее дѣйствительно чѣмъ-то озабоченную. Какъ выразительно высказалась досада, что ее отрываютъ отъ дѣла, и какъ хорошъ былъ переходъ къ ужимкѣ вѣжливости на мое извиненіе!... Нѣтъ; чиновникъ тоже не видалъ ее, какъ я. Онъ замѣтилъ мнѣ, что она считаетъ, вѣроятно, сколько приходится заплатить прогоновъ и потому такъ задумалась!...

Больше я не видѣлъ ея. Лошади готовы, чемоданы уложены, — я сѣлъ и покатился. Проѣзжая мимо кареты Тальони, я увидѣлъ старика. Онъ былъ веселъ и торжествовалъ, кажется, побѣду надъ затрудненіями. Онъ меня узналъ и улыбнулся, я пожелалъ ему счастливаго пути.

Но я хотѣлъ говорить въ этомъ письмѣ о театрѣ, и, кажется, не успѣю и потому, чтобъ сказать хоть что-нибудь, пропускаю весь путь мой до Варшавы. Нѣтъ — до Вильны. Остановимся не много въ Вильнѣ.

Вечеромъ я поѣхалъ въ театръ и страдалъ ужасно. Оркестръ не дуренъ,

но какое зданіе! Холодное, съ лубочными ложами. Декорацій не замѣтилъ, а костюмы чрезвычайно странные. Но вотъ афишка. Она на русскомъ и польскомъ языкахъ, я выпишу русскую, кажется, вольный переводъ съ польскаго:

Въ воскресенье, марта 10 числа 1840 года *драматическіе* актеры будутъ имѣть честь показать на польскомъ діалектѣ комедію въ 4хъ дѣйствіяхъ, переводъ съ Нѣмецкаго, Англійской піэсы, подъ именемъ: *Рымардъ Странствующій* или *Гернгутеры* (Papa John o'Keefe).

Дѣйствующія:

Юрій Моръ, *флотный* капитанъ, Г. Асниковскій. Генрихъ, его племянникъ Г. Аппергеръ. Софія Гайнфельдъ, Г-жа Аппергеръ. Рымардъ, путешествующій актеръ, Г. Дависонъ.

Далѣе есть англичанка Марыся. Всего дѣйствующихъ актеровъ осьмнадцать. Между ними былъ одинъ любитель, который невыставилъ фамиліи, а назвался N. N. и другой любитель который всякой разъ мѣняетъ фамилію, но у него, какъ говорятъ, охота смертная, да участь горькая.... Я выписалъ имена самыхъ примѣчательныхъ изъ видѣнныхъ мною актеровъ. *Асиновскій* примѣчателенъ во первыхъ: ростомъ и дородствомъ, во вторыхъ тѣмъ, что весьма похожъ на Г. Толченова, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, онъ *тиранствовалъ* даже превосходнѣе его; въ третьихъ: своимъ камлотовымъ мундиромъ, покроя временъ семилѣтней войны, между тѣмъ, какъ нѣкоторые актеры были въ модныхъ сюртукахъ; въ четвертыхъ: своими бровями и взглядомъ, свирѣпѣе Толченовскаго; въ пятыхъ; тѣмъ, что съ Нѣмецкаго языка перевелъ переводъ съ Англійскаго и поступилъ совѣстливѣе нашихъ переводчиковъ, написавъ, что перевелъ съ Нѣмецкаго. Теперь *Аппергеръ*. Игра его довольно благородна, хотя не вездѣ вѣрна и близка къ природѣ, онъ же и Режиссеръ труппы. Г-жа *Аппергеръ*.... глаза удивительные, черные съ огнемъ, Когда она выпила и павела свои глаза на партеръ, я слышалъ, какъ кругомъ меня заговорили: «очи! очи!» Но когда она заговорила, мнѣ стало досадно зачѣмъ у нея весь огонь только въ глазахъ.... *Дависонъ*, молодой актеръ, чрезвычайно хорошъ собою. Брессанъ, отъ котораго въ Петербургѣ многіе въ восторгѣ, передъ нимъ тоже, что Паганини-Дантана предъ Аполлономъ Бельведерскимъ. Къ этому надо прибавить, что онъ играетъ съ бояшимъ жаромъ и не безъ искусства. Когда піеса кончилась, нѣсколько голосовъ крикнуло: Дависонъ. Можетъ быть, и я подтянулъ бы за ними, но меня колотила лихорадка, такъ холодно было въ театральной залѣ, хоть и каменнаго театра. Замѣчательно, что эта труппа играетъ иногда и русскія-піесы. Любопытно бы посмотрѣть. Есть въ Вильнѣ еще Нѣмецкая оперная труппа. Мнѣ говорили, однакожъ, что она упадаетъ, что лучшіе пѣвцы и пѣвицы уѣхали за границу. Не смотря на это, я узналъ, что любимая опера, которая чаще дается, есть *Роберъ*. На другой день по моемъ отъѣздѣ, возвѣщенъ былъ Волшебный Стрѣлокъ. И такъ въ Вильнѣ можно считать три труппы: Польскую, Русскую и Нѣмецкую.

Что еще писать?.... О Варшавскомъ театрѣ теперь негдѣ и некогда, напишу скоро и пришлю черезъ двѣ недѣли, Теперь скажу еще нѣсколько словъ о дорогѣ. До станціи *Межевичи* мнѣ было грустно, очень грустно. Я передѣлъ всѣ печальныя стихи и пѣсни и наконецъ затянулъ свою:

Я порой встрѣчаю радость
На безжизненномъ пути;
И томленіе, и сладость,
Будто, чувствую въ груди;

Но, я знаю: это вспышка
Въ пеплѣ бывшаго огня:
Не дыханіе, одышка
Грудь волнуетъ у меня.
И я съ гостьей доброхотной,
Несдружаясь, разстаюсь,
Лишь улыбкой мимолетной
Обмѣнюсь — и разойдусь!....

Еще два слова о Тальони. Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, она уже была тамъ. Всѣ надѣялись ее увидѣть на сценѣ, но, къ сожалѣнію, узнали, что она несошлась съ директоромъ въ цѣнѣ и отправилась въ Вѣну. Директоръ предлагалъ ей дать нѣсколько представленій, съ половиннымъ сборомъ въ ея пользу, она требовала одного, — но полнаго сбора. Жаль! а мнѣ хотѣлось, хоть разъ, опять увидѣть ее.

Въ Варшавѣ нѣсколько театровъ, главный изъ нихъ: Teatr wielki, *большой театръ*. Онъ имѣетъ два крыла, изъ которыхъ въ правомъ расположенъ и малый театръ, новый, *Размойтносци*, какъ его называютъ по польски, т. е. театръ разнообразія, veriété. Отчасти это названіе и справедливо, ибо въ Варшавѣ есть еще лѣтній театръ, въ *Крулевскихъ лазенкахъ*. Есть еще циркъ олимпійскій, также зимній, и въ видѣ амфитеатра, открытый лѣтній. Въ этимъ циркѣ уже постоянно два года даетъ свои представленія знаменитая труппа Турнье. На большомъ театрѣ даются драмы, мелодрамы, оперы и балеты, на маломъ: комедіи, водевили маленькія драмы; — это любимый здѣсь театръ. И надо отдать справедливость, талантовъ здѣсь тьма. Этотъ театръ, по многимъ обстоятельствамъ, можетъ итти въ паралель съ Французскимъ театромъ въ Петербургѣ. Но о театрахъ нужно говорить отдѣльно и много, чтобъ изъ многаго можно было понять, хоть что нибудь. Итакъ до слѣдущаго письма.

*Н. Ф.*

# РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Печальны будутъ наши новости, на нынѣшній разъ. Все потери, да утраты для искусства и для сцены! На этотъ разъ большая часть горя пала на Московскій театръ. Тамошняя труппа лишилась двухъ изъ важнѣйшихъ, талантливѣйшихъ своихъ членовъ: пѣвца *Н. В. Лаврова*, и трагика *П. С. Мочалова*. Перваго похитила неумолимая смерть въ самомъ расцвѣтѣ дарованія; второй самъ сошелъ съ блистательнаго своего поприща, утомленный двадцатидвухлѣтней дѣятельностію и трудомъ.

Объ Лавровѣ не будемъ здѣсь распространяться, мы посвятили біографіи этаго пріятнаго артиста нѣсколько листковъ слѣдующаго нумера Пантеона; объ Мочаловѣ скажемъ нѣсколько словъ.

## ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ МОЧАЛОВЪ

принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ безсознательныхъ, но дивныхъ талантовъ, которые являются рѣдко въ области искусства.

Fiunt oratores, nascuntur poetae,

сказалъ латинскій поэтъ и стихъ его можно, кажется, такъ же примѣнить къ сценѣ, какъ къ риторству и поэзіи. Трагическихъ актеровъ вообще не мѣшало бы раздѣлить на трагиковъ —

*ораторовъ* и трагиковъ — *поэтовъ*. У первыхъ все искусство, холодный, математическій расчетъ, обдуманность звука и движенія, размѣры силъ и средствъ, предусмотрѣніе эффектовъ и глубокое изученіе фактовъ и характеровъ, по извѣстнымъ данными: это архитекторы, которые создаютъ стройное, величественное зданіе по плану, напередъ начертанному и соображенному. У другихъ все природа, увлеченіе сердца, внутреннее вдохновеніе, сила собственнаго чувства, порывы страстей въ томъ видѣ, какъ ихъ испытала и предвидѣла душа; — умъ у нихъ рѣдко въ дѣлѣ. Это пѣвцы природы: они поютъ, когда сердце переполнено и пѣсня сама льется изъ гортани. Первые знаютъ себя и зрителя, они изучили слабыя струны его сердца и играютъ на нихъ, какъ на послушномъ инструментѣ; они освоились съ собственной силой и пользуются ею при всякомъ удобномъ случаѣ; они ведутъ зрителя на помочахъ, обманываютъ искусствомъ его вниманіе, и дѣлаютъ изъ него, что хотятъ: зритель чувствуетъ ихъ господство, пока онъ подъ его вліяніемъ, пока онъ прикованъ къ театральному креслу, онъ удивляется ихъ величію, онъ поражепъ ихъ отчетливой красотою. Вторые не знаютъ ни себя, ни зрителя. Они не создаютъ, по только чувствуютъ въ себѣ всѣ стихіи чужаго созданія и передаютъ ихъ такъ, какъ чувствуютъ. Они вялы, нестерпимы, гдѣ отъ нихъ требуется притворство и холодная обдуманность свѣта, по увлекательно-истинны, гдѣ заговоритъ голосъ страстей, для которыхъ нѣтъ границъ ни во времяни, ни въ пространствѣ. Тутъ они заставляютъ забыть и вымыселъ роли и обманъ сцены: зритель увлеченъ силой ихъ души, очарованъ благородствомъ вѣрнаго чувства; слова актера обдаютъ его огнемъ и холодомъ, душа потрясена до мелчайшихъ ея фибръ и зритель, забывая самъ себя, въ эту минуту, никогда не забудетъ актера, не истребитъ изъ души сдѣланнаго впечатлѣнія, не заглушитъ во всю жизнь звука, который врѣзался однажды въ его слухъ. Зритель не въ состояніи судить актера въ минуты, когда на глазахъ у него слезы, а сердце трепещетъ сладкимъ восторгомъ. Это минутное увлеченіе оправдываетъ всѣ недостатки артиста. Трагики-ораторы дѣйствуютъ такъ, какъ дѣйствовали Демосѳенъ въ Греціи, Цицеронъ въ Римѣ,— они пользуются минутой пораженія и не даютъ народу очнуться, чтобъ не охладить своего тріумфа; трагики-поэты, напротивъ, дѣйствуютъ, какъ Гомеръ и Оссіянъ, не отыскивая сильныхъ потрясеній, они зароняютъ въ души искры неугасимаго огня чувства и правды. Трагики-ораторы никогда не увлекаются сами, увлеченіе ихъ искусственное, дѣйствительнаго они болятся, потому, что оно можетъ заставить ихъ забыть обдуманные и расчитанные эффекты; трагики-поэты всегда увлекаются внутреннимъ чувствомъ, и по этому у нихъ никакая обдуманность не можетъ имѣть мѣста: всякая мысль исчезаетъ подъ лавою душевныхъ изверженій. Къ числу такихъ актеровъ принадлежалъ Мочаловъ. Онъ вполнѣ вмѣщалъ въ себѣ всѣ ихъ добродѣтели и всѣ пороки. Природа обидѣла его тѣлосложеніемъ, по за то дала прекрасное лице, способное принимать отпечатокъ каждой страсти и голосъ рѣшительно музыкальный. Когда Мочаловъ этимъ голосомъ говорилъ о любви, это была мелодія, которая сладкой струей лилась въ сердце; когда онъ говорилъ шопотомъ, шопотъ этотъ потрясалъ всю залу, это былъ ужаспый предвѣстникъ близкой бури, а когда разражалась буря въ громовыхъ сильныхъ звукахъ его органа, волосы зрителей становились дыбомъ, ибо каждый видѣлъ предъ собою не обыкновеннаго человѣка, но разъяреннаго тигра или Нерона

въ гнѣвѣ. Въ послѣдніе годы Мочаловъ употреблялъ часто во зло прекрасный свой органъ и безъ нужды тянулъ монологи, говоря ихъ на распѣвъ. Дикція Мочалова правильна, сильна и эффектна: въ разные торжественные случаи и въ блистательныя собранія Общества любителей русской словесности Мочалова приглашали, чтобъ прочесть стихи, которымъ хотѣли придать цѣну и вѣсъ. Во время игры, Мочаловъ, какъ человѣкъ дѣйствующій по внутреннему увлеченію, совершенно отдавался своей роли, до того, что забывалъ не только весь свѣтъ, но и самаго себя и за кулисами, продолжалъ быть лицемъ, которое предъ ставлялъ на сценѣ. Сильныя минуты роли были у него рѣшительнымъ самозабвеніемъ, граничившимъ почти съ помѣшательствомъ. За то, какъ изумительно прекрасенъ бывалъ онъ въ эти минуты. Увлекаясь безотчетно внутреннимъ настройствомъ души, Мочаловъ былъ не одинаковъ въ игрѣ своей: сегодня онъ превосходно выполнялъ такую-то роль, чрезъ два дня дурно. Это естественно и понятно, когда искусство актера зависитъ отъ вдохновенія, онъ не можетъ быть ровенъ всегда и во всемъ. Душа — самый чувствительный барометръ въ жизни: малѣйшее обстоятельство житейское производитъ въ немъ перемѣны и съ *ясно* опускаетъ на *пасмурно;* — а актеръ человѣкъ — по преимуществу, — ибо больше всѣхъ играетъ внутренними струнами своего сердца. За то сколько превосходныхъ *вдохновеній* имѣлъ Мочаловъ, не назову его ролей *созданіями*, — ибо онѣ были не выработаны, не отдѣланы окончательно; какъ выше сказано, онъ принадлежалъ къ трагикамъ-поэтамъ. Его *вдохновенія* были дивныя альфрески, которыя поражаютъ истиной и смѣлостью выполненія. Кто видѣлъ его въ роли *Яромира* въ «Прародительницѣ Грильпарцера», вѣрно не забудетъ громоваго: *А я!* Или стиховъ:

Разразился громъ — и легче стало мнѣ

Или:

Господь всѣхъ грѣшниковъ прощаетъ,
Отцеубійцу лишь никогда!

Роль нелѣпаго *Антони*, въ драмѣ Дюма, за исключеніемъ сцены бала, была однимъ изъ самыхъ полныхъ, самыхъ стройныхъ его *вдохновеній*, и по удивительной игрѣ судьбы или случая, онъ всегда бывалъ въ ней одинаково прекрасенъ. — Роль *Жоржа Жерлаши* въ «Игрокѣ» Дюканжа, лишила меня сна и душевнаго покоя на три дни, когда я увидѣлъ въ ней въ первый разъ Мочалова. Тутъ былъ онъ совершенство. Безумная сцена ревности во второмъ актѣ и весь третій актъ, особливо минуты, когда онъ видитъ кровь на рукѣ своей и встрѣчается съ Варнеромъ — могли оледенить кровь въ жилахъ своей убійственной истиной. Мочаловъ отлично постигалъ и чувствовалъ тѣ характеры, гдѣ человѣкъ выставленъ вѣрно, на голо, со всѣми движеніями страстей и тѣ, гдѣ онъ является лицемъ чисто-идеальнымъ, превыспреннимъ, или, лучше сказать, олицетворенной *поэтической мечтою* писателя. По этому Мочалову почти всегда удавались, характеры Шекспира и Шиллера. Въ послѣднихъ, и въ особенности въ роли *Фердинанда*, «въ Коварствѣ и Любви» — онъ былъ увлекательно хорошъ. Многіе превозносятъ Мочалова въ «Гамлетѣ.» Я не видалъ его въ этой роли и не вѣрю похваламъ въ журналахъ, которыя кажутся мнѣ преувеличенными. Думаю, что у Мочалова были мѣста блестящія, минуты восторженныя, но онъ никогда не могъ выдержать, по характеру игры своей, всей роли Гамлета. Лице это требуетъ глубокихъ соображеній, обдуманности тонкой: оно создано для Каратыгина и Каратыгинъ создалъ его превосходно. Въ новѣйшихъ драмахъ французской школы, гдѣ требуется человѣкъ современный, положительный, не фантастъ, не типъ Шекспировскій, почти во всѣхъ, за исклю-

ченіемъ Антони, Мочаловъ былъ рѣшительно не хорошъ. Онъ не въ состояніи былъ такъ-же играть характеры холодные, которые дѣйствуютъ на зрителя пластически. Такъ, на пр. роль *Людовика XI* въ «Заколдованномъ домѣ» — роль *Лейстера*, въ «*Маріи Стуартъ*» — *Велизарія*, и другія, въ которыхъ такъ хорошъ В. А. Каратыгинъ, всѣ были внѣ средствъ Мочалова. За то въ русскихъ, народныхъ характерахъ никто не долженъ вступать въ состязаніе съ Мочаловымъ. *Лапуновъ* — въ «Шуйскомъ» Кукольника, *Ролланъ Боберъ* — въ «Двумужницѣ» — *Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ*, — «*Иванъ Рябовъ*», — такія вдохновенія, въ которыхъ Мочаловъ не умретъ до тѣхъ поръ, пока артистъ сценическій можетъ жить, т. е. пока не истребится настоящее поколѣніе поклонниковъ истинно прекраснаго, слѣдовательно и его таланта. Мочаловъ еще имѣлъ одинъ, по видимому весьма ничтожный, но въ сущности, важный недостатокъ: онъ часто пренебрегалъ условіями сцены вообще и костюмомъ въ особенности. Это очень неосторожно. Для полнаго очарованія зрителя необходимо строгое выполненіе мелчайшихъ потребностей этихъ доскъ, которыя *означаютъ жизнь*. Впрочемъ, несмотря на прекрасный, рѣдкій талантъ, на колоссальную славу, Мочаловъ, кажется, пережилъ уже на сценѣ любовь публики, которая, разумѣется, теперь, когда его уже нѣтъ на сценѣ, оцѣнитъ его заслуги и дарованія вѣрнѣе и безпристрастнѣе. Упадокъ Мочалова во мнѣніи ея произошелъ отъ многихъ причинъ: отъ неумѣренныхъ похвалъ журнальныхъ, отъ излишнихъ восторговъ задушевныхъ друзей, которые въ дѣлѣ искусства, гораздо опаснѣе враговъ, отъ смѣшныхъ и ни къ чему неведущихъ сравненій его съ Каратыгинымъ, отъ многихъ причинъ побочныхъ и наконецъ оттого, что люди, ходящіе въ театръ наслаждаться творчествомъ *поэта* и *артиста*, нескромно заглядываютъ за кулисы и въ частную жизнь — *человѣка*. Что до меня касается, я никогда не забуду Мочалова, ибо онъ подарилъ меня въ жизни слишкомъ многими минутами истиннаго наслажденія; надѣюсь, что мнѣ найдется много подражателей. Во всякомъ случаѣ, въ утратѣ Мочалова Московскій театръ понесъ важную незамѣнимую потерю.

Кстати, чтобъ показать, что талантъ Мочалова имѣетъ многихъ и даже черезъ чуръ ревностныхъ поклонниковъ и не скоро забудется благодарной публикой, мы помѣстимъ здѣсь, въ заключеніе, куплеты присланные къ намъ изъ Москвы:

*Мочаловъ* — это нашъ Тальма!
Онъ сцены честь и украшенье;
Въ немъ много чувства и ума,
И искръ живаго вдохновенья!
Душъ нашихъ полный властелинъ,
Плѣняетъ онъ своей игрою,
И мы его благодаримъ —
Чего дороже нѣтъ — *слезою*!

## ПѢВЕЦЪ
## ГЕРМАНЪ БРЕЙТИНГЪ

оставилъ нашу оперу. Для насъ потеря почти столько важна, какъ для Москвы потеря Мочалова. Германъ Брейтингъ, по обширности и силѣ голоса, по необыкновеннымъ своимъ средствамъ, которыя доставили ему въ Европѣ названіе *Лаблаша между тенорами*, такой пѣвецъ, котораго трудно замѣнить. Онъ, какъ будто, нарочно созданъ для большихъ, героическихъ партій въ новѣйшихъ операхъ. Едва ли кто лучше его передастъ роль *Элеазара* въ «Жидовкѣ» — Галеви, и «Роберта» въ операхъ Маербера. Всякій другой пѣвецъ, хотя и съ лучшею методою, съ большею пріятностію въ голосѣ, но съ меньшими средствами, чѣмъ Брейтингъ, всегда проиграетъ въ

нашихъ глазахъ, мы ужъ привыкли къ полнотѣ и необъятной силѣ пѣнія Брейтинга. И пока еще явится ему намѣстникъ, мы будемъ лишены наслажденія слушать *Жидовку*, *Роберта*, *Карнавалло*, *Отелло* и много другихъ большихъ оперъ, которыя безъ него, какъ безъ ногъ, т. е. итти не могутъ. Обратимся опять къ легкой Комической оперѣ: къ *Невѣстѣ*, къ *Цампѣ* и *Фра-Діаволо* и станемъ восхищаться ея трагиками въ трагедіи. Брейтингъ ангажированъ на три мѣсяца въ Лондонъ, гдѣ будетъ участвовать, въ находящейся тамъ нынѣ, Нѣмецкой оперѣ. Оттуда, по убѣжденію Майербера, онъ намѣренъ отправиться въ Парижъ, гдѣ будетъ дебютировать въ Большой оперѣ въ *Робертѣ* и въ *Гугенотахъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ съ такимъ дарованіемъ, какъ Брейтингъ, вездѣ заслужитъ любовь просвѣщенной публики и одобреніе знатоковъ. —

---

## М. Д. ДЮРЪ

за то на русской драматической сценѣ вознаградитъ насъ за потерю Брейтинга. Она перешла изъ балета въ драму и перешла съ удивительнымъ успѣхомъ. Наставницей на этомъ новомъ поприщѣ Г-жа Дюръ избрала себѣ А. М. Каратыгину: лучшаго выбора нельзя было сдѣлать, и по прекрасному дарованію наставницы мы имѣемъ право надѣяться полнаго успѣха и отъ ученицы. Что Г-жа Дюръ имѣетъ сценическій талантъ, это она доказала уже многими прекрасными созданіями въ роляхъ *лирическихъ*; а талантъ всегда останется талантомъ, въ какомъ бы родѣ онъ ни проявлялся. Отъ всей души желаемъ ей успѣховъ; въ полномъ убѣжденіи, что она пополнитъ давно замѣтный пробѣлъ на нашей сценѣ, — недостатокъ хорошей актрисы — для молодыхъ трагическихъ героинь.

Французскій нашъ театръ сдѣлалъ такъ-же нѣсколько счастливыхъ пріобрѣтеній, особливо въ Г-жѣ Мейеръ, молоденькой и весьма миленькой актрисѣ. Объ всѣхъ вообще и объ ней, въ особенности, мы поговоримъ подробнѣе, когда короче съ ними познакомимся.

---

## ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Какъ, многія небольшія, игривенькія піески, иногда имѣющія успѣхъ на сценѣ, и могущія на минуту сорвать улыбку съ читателя, по своему созданію, не могутъ войти въ составъ *Пантеона*, не нарушая его цѣли и направленія, то *редакція* рѣшилась такія піесы, водевили, маленькія драмы и комедіи, впредь прилагать къ *Пантеону* отдѣльными брошюрками и раздавать своимъ подписчикамъ —

### *Безденежно.*

Для начала, къ этому нумеру, прилагается: —

**НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ БЕЗЪ ПАМЯТИ, НЕ ЖЕНИСЬ БЕЗЪ РАСЧЕТА!**

Анекдотическая шутка-водевиль, Ѳ. А. Кони.

Хотя эта піеска не имѣетъ особенныхъ достоинствъ, но какъ забавная шутка, увѣнчанная большимъ успѣхомъ на здѣшней и Московской сценѣ, можетъ быть принесетъ нѣкоторое удовольствіе и читателямъ, которымъ не удалось или не заблагоразсудилось посмотрѣть ее.

При этой же книжкѣ раздаются ноты:

1. **ЛУЧЬ НАДЕЖДЫ**, романсъ *А. Ѳ. Вельтмана*, музыка *Беллини*.
2. **РУССКАЯ ПѢСНЯ**, слова и мелодія *Барона Дельвига*, аранжирована *для* фортепьяно *И. А. Рупини*.

# ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

## Санктпетербургскаго книгопродавца

# ВАСИЛЬЯ ПОЛЯКОВА.

*Невск омъ проспектѣ, на углу Михайловской улицы, въ домѣ Графини Строгановой и въ Гостиномъ Дворѣ по Суконной линіи подъ №. 17 продаются вновь вышедшія книги:*

РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ КАКЪ ІАФЕТЪ ИЩЕТЪ ОТЦА, соч. капитана *Марріета*, переводъ съ англійскаго. 2 части. Спб. 1840 года; цѣна 2 руб. 50 коп. серебромъ.

ХОЗЯЙСТВЕННО – ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ о содержаніи всѣхъ родовъ огородныхъ овощей: хмѣля, табака, аниса, мака, рапса и важнѣйшихъ красильныхъ и масличныхъ произрастеній; плодовыхъ деревъ, ягодныхъ кустовъ, ананасовъ, раннихъ персиковъ, априкосовъ, вишень, сливъ и винограда; разныхъ цвѣтныхъ кустовъ и деревъ, какъ садовыхъ такъ и тепличныхъ, комнатныхъ и оранжерейныхъ, съ присовокупленіемъ правилъ о поливкѣ горшечныхъ растеній, и проч. и общаго садоваго календаря. Извлечено изъ сочиненій извѣстнаго русскаго садовода *Ивана Цигры*, переводъ съ нѣмецкаго *И. Р.—ца*. 3 части. Спб. 1840 года, цѣна 3 руб. серебр.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ УЧЕНИКА НАТУРНАГО КЛАССА, сочиненіе *А.* Башуцкаго. Очерки состоятъ изъ четырехъ тетрадей; каждая составляетъ отдѣльное по содержанію своему сочиненіе (въ двухъ или болѣе частяхъ) и сообразно съ основною мыслею и планомъ, принятыми сочинителемъ, посвящена очертанію извѣстныхъ положеній, условій и граней жизни; а потому всѣ вмѣстѣ, какъ слѣдствіе общей имъ, постепенно развиваемой идеи, могутъ быть соединены въ одно цѣлое. Приговоръ публики, суду которой подвергается первая тетрадь сихъ опытовъ, рѣшитъ изданіе или неизданіе послѣдующихъ. Отпечатанная нынѣ тетрадь *Мѣщанинъ* состоитъ изъ двухъ частей въ большую 12-ую долю листа; цѣна 3 руб. серебр.

МЕЧТЫ и ЗВУКИ. Стихотворенія Н. Н. Цѣна 1 руб. 50 коп. серебр.

О СВОЙСТВѢ и ЛЕЧЕНІИ ЧАХОТКИ ЛЕГКИХЪ, сочиненіе англійскаго доктора *Романжа*, обогащенное множествомъ любопытныхъ наблюденій, касательно пользованія этой болѣзни, новымъ механическимъ способомъ. Перевелъ съ французскаго *М. Яроцкій*. Спб. 1839 года, цѣна 3 руб. серебр.

ГОРОДЪ СТАРАЯ РУССА и ЕГО СОЛЯНО-МИНЕРАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ, въ медико-топографическомъ, физико-химическомъ и врачебномъ отношеніяхъ. Сочиненіе медико-хирурга *А. Воскресенскаго*; издано по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію. Спб. 1839 года, цѣна 12 руб.

ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ, нравственное поученіе *Генриха Берту*. Перевелъ съ франц. *Е. Вероникинъ*. 2 части. Спб. 1839 года, цѣна 7 руб.

ДѢВИЦА ВСЕВОЛОЖСКАЯ; или картины русскаго быта въ XVII вѣкѣ. Сочиненіе *В. Мирошевскаго*. Спб. 1839 года, цѣна 5 руб.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ о состояніи городовъ Россійской Имперіи, составлены въ Статистическомъ отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1840 года. Цѣна съ пересылкою 2 руб. серебр.

УЧЕБНАЯ КНИГА РОССІЙСКАГО ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ГУБЕРНІЙ и ОБЛАСТЕЙ, на общихъ правахъ состоящихъ. Составленная для ИМПЕРАТОРСКАГО Училища Правовѣденія *П. Дегаевымъ*. Спб. 1840 года, цѣна 10 руб.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ соч. *Устрялова*. Часть 4-я 1762–1812 года. Спб. 1840 года, цѣна 5 руб.

ФАРМАКОГРАФІЯ или фармакодинамическое и химико-фармацевтическое изложеніе приготовленія и употребленія новѣйшихъ лекарствъ, съ присовокупленіемъ господствующихъ нынѣ системъ врачебной науки, изданная *А. Нелюбинымъ*. Изд. 4-е, вновь разсмотрѣнное, исправленное и умноженное. 4 части. Спб. 1840 года, цѣна 25 руб.

СОЧИНЕНІЯ ВЪ СТИХАХЪ и ПРОЗѢ ДЕНИСА ДАВЫДОВА. Съ заглавною виньеткою, 2-е изданіе, исправленное и дополненное. 3 части. Спб. 1840 года, цѣна 3 руб. серебр.

ЧТЕНІЕ о РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, *Н. Греча*. 2 части. Спб. 1840 года, цѣна 3 руб. серебр.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ, соч. автора *семейства Холмскихъ*. Спб. 1840 года, цѣна 5 руб.

РУКОВОДСТВО КЪ ПОВИВАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ, соч. *В. М. Рихтеромъ*. Изд. 3-е. Москва 1840 года, цѣна 9 руб. серебр.

ФАУСТЪ, соч. *Гете*, перев. *Губера*. Спб. 1838 года, цѣна 10 руб. сереб.

Печатать позволяется. 5 Іюля, 1840. Цензоръ П. Корсаковъ.

# НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ БЕЗЪ ПАМЯТИ,

# НЕ ЖЕНИСЬ БЕЗЪ РАСЧЕТА.

**АНЕКДОТИЧЕСКАЯ ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ, ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,**

ѲЕДОРА КОНИ.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.



*Изданіе второе.*

Роздается безденежно при Пантеонѣ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ.

1840.

## ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

**Вальтеръ**, французскій прожектеръ.

**Дроллеръ**, капитанъ корабля.

**Педрилль**, трактирщикъ.

**Джина**, молодая Мексиканка.

**Аграфена Пантелеевна**, чиновница.

**Мери**, Шотландка, купеческая дочь.

**Элена**, Испанка.

**Адель**, Француженка, танцовщица.

**Клементія**, Италіянка, пѣвица.

**Типхенъ**, Нѣмка, ключница.

**Анна**, Голландка, рыбница.

**Зюлейка**, Турчанка.

**Кеттли**, Швейцарка, пастушка.

} Девять жент Вальтера.

Слуги и друзья Вальтера, жители города, матросы, судьи, крестьяне и крестьянки.

*Дѣйствіе происходитъ въ Мексикѣ, въ мѣстечкѣ Сан-Николо, въ 1827 году.*

---

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ Императорскими придворными актерами, на Александрійскомъ театрѣ, мая 6, 1840 года.

---

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 14 іюня, 1840. Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Въ типографіи А. Плюшара.

# НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ БЕЗЪ ПАМЯТИ,

## НЕ ЖЕНИСЬ БЕЗЪ РАСЧЕТА.

Театръ представляетъ морской берегъ. Направо хорошенькій домикъ съ террасами, налѣво пальмовая роща и на правомъ планѣ трактиръ, съ высокимъ крыльцомъ. — Вдали слышенъ барабанный бой.

### ЯВЛЕНІЕ I.

Педриллъ, на крыльцѣ, куритъ трубку. Дролляръ, выходитъ на берегъ изъ шлюпки.

*Дролляръ.* Богъ въ помощь, старина!.. Какъ поживаешь? Что твоя гостинница? Много ли расходу, — т. е. по вашему приходу?... Какъ дѣла идутъ?

*Педриллъ.* Слава Богу! Помаленьку.

*Дролляръ.* А Сен-Никольскія дѣвушки: ростутъ и хорошѣютъ? А бургундское? Чай постарѣло, какъ языческій идолъ?... Или не вытерпѣлъ, окрестилъ, плутишка?

*Педриллъ.* Шутникъ г. капитанъ!... А давненько къ намъ не жаловали.

*Дролляръ.* Не привелось, любезный! Все путешествовалъ по Черному морю, да тянулъ красное винцо. Что новаго у васъ?

*Педриллъ.* Чего ждать новаго въ этомъ старомъ мірѣ!

*Дролляръ.* Однако я видѣлъ на томъ берегу у васъ что-то шумно. Народу куча, жужжатъ, какъ пчелы; что тамъ случилось?

*Педриллъ.* Такъ вздоръ: хотятъ повѣсить моего сосѣда.

*Дролляръ.* Повѣсить? За что?

*Педриллъ.* Да такъ, почти что ни за что. Онъ съ дуру женился на девяти женахъ, такъ его нынче судили.

*Дролляръ.* На девяти женахъ! Создатель мой! Гдѣ жъ справедливость? Онъ въ бѣлой горячкѣ, ему надо кровь пустить, а его вѣшаютъ!

Повѣрь, что въ бѣлой онъ горячкѣ,
И потому попалъ въ просакъ!
Ему бы не далъ я потачки,
Но не повѣсилъ бы никакъ.
Онъ могъ *безъ памяти* влюбиться,
И есть такихъ примѣровъ тма;
Но чтобъ на девяти жениться,
Влюбиться надо *безъ ума.*

Да, братецъ! Ему надо обрить голову и тереть почаще льдомъ; а если его хотятъ повѣсить, такъ это просто значитъ, что ваши судьи ни бельмеса не понимаютъ въ медицинѣ, и лечатъ, какъ плохіе медики, не на животъ, а на смерть... Однако прощай! Мнѣ нѣкогда...

*Педриллъ.* Какъ! Вы ужъ въ путь г. капитанъ?... А ко мнѣ? Отвѣдайте мексиканскаго-то!

*Дролляръ.* Еще успѣемъ познакомиться. Запасусь снерва водою, а тамъ примусь за вино.... А смѣшивать и то и другое — негодится!

*Педриллъ.* Такъ съ Богомъ!... Ужо!... Я буду васъ ожидать, г. капитанъ... (*Онъ провожаетъ Дроллярa до лодки. Дролляръ отплываетъ.*)

=

### ЯВЛЕНІЕ II.

Педриллъ и Джина.

*Джина, (издали.)* Дядя Педриллъ, дядя Педриллъ!... Добрыя вѣсти! Добрыя вѣсти!

*Педриллъ.* А, вотъ и Джина! Она ходила въ магистратъ съ моей свояче-

ницей... Ну, что скажешь? Повѣсили молодца?

*Джина.* Повѣсили!... Какъ не такъ... Напротивъ, всѣ вѣшаются къ нему на шею, цѣлуютъ, обнимаютъ!... И въ самомъ дѣлѣ, онъ такой добрый, милый, услужливый... Ахъ, какъ я рада, что онъ остался живъ!

*Педрилль.* Живъ! — видно, онъ задѣлъ твое сердечко за живое... Ты что-то не даромъ распрыгалась...

*Джина.* Ахъ, Боже мой! Вотъ забавно! Еще бы мнѣ не радоваться: онъ былъ моимъ воспитателемъ... единственнымъ моимъ другомъ.

Меня еще во цвѣтѣ юной жизни
Злой рокъ отца и матери лишилъ,
Осталась я безъ крова, безъ отчизны ..
Но онъ меня, сиротку, пріютилъ!
Теперь бѣды надъ нимъ собрались тучей,
И я одна готова ихъ дѣлить;
И рада я, что Богъ послалъ мнѣ случай,
Мой долгъ ему любовью заплатить.

За то, какъ же я плакала, когда его начали судить.... Но теперь... ахъ! у насъ рѣдкіе судьи; они такъ милы, такъ справедливы... я бы ихъ всѣхъ расцѣловала... Представь себѣ, *дядя* Педрилль! Вѣдь всѣ думали, что его повѣсятъ, и самъ-то онъ тоже думалъ... и совсѣмъ было приготовился, голубчикъ мой; даже написалъ духовную... и меня въ ней не забылъ...

*Педрилль.* Какъ? Онъ включилъ тебя въ духовное завѣщаніе?

*Джина.* А какъ бы ты думалъ? Онъ отказалъ мнѣ по сту червонныхъ ежегодно.

*Педрилль.* По сту червонныхъ, и ты не повѣсилась на его мѣстѣ?

*Джина.* Можно ли такъ думать, *дядя* Педрилль!... Промѣнять любимаго человѣка на золото?... Да я скорѣй бы согласилась умереть съ нимъ вмѣстѣ.

*Педрилль, (въ сторону.)* Безтолковалъ дѣвчонка! Въ ней не будетъ проку!

*Джина.* Напротивъ, я очень рада, что онъ опять будетъ жить съ нами въ маленькомъ своемъ домѣ... Безъ него что то пусто... и признаюсь тебѣ, когда я вчера вечеромъ пошла отъ него изъ тюрьмы, мнѣ было такъ грустно, такъ грустно... я думала, что я съ нимъ больше не увижусь.

*Педрилль.* Да и у него-то, я думаю, была прекислая рожа.

*Джина.* Вотъ то-то, что нѣтъ!... Напротивъ, онъ былъ чрезвычайно веселъ, точь въ точь, какъ по воскресеньямъ, когда онъ, бывало, играетъ намъ на скрипкѣ, а мы передъ домомъ его танцуемъ.. Знаешь-ли, *дядя* Педрилль! чѣмъ мы занимались вчера вечеромъ?...

*Педрилль.* А кто васъ знаетъ!... Чужая душа потемки!

*Джина.* Мы пѣли куплеты, которые онъ сочинилъ въ тюрьмѣ и посвятилъ всѣмъ холостымъ.

*Педрилль.* Я холостой! Спой-ка, что за куплеты такіе?

Отъ адской муки и огня
Есть чудо-средство у меня!
Хотите ль — вамъ мои друзья,
Его тотчасъ открою я!

Хоть кипитъ въ васъ ретивое...
Не женитеся, друзья!
То ли дѣло холостое,
Гдѣ взять лучшаго житья!
А съ женою и забота
Налетитъ, какъ вражья месть.
Не женитесь безъ расчета,
Чтобы въ петлю вамъ не лѣзть!

Пусть я буду вамъ примѣромъ:
Я надѣялся быть меромъ,
А прослылъ здѣсь пауѣромъ
И умру дурнымъ манеромъ:

Отъ чего? — Все отъ того-же,
Что до женщинъ страстенъ я!
Что улыбка, видъ пригожій
Очаровывалъ меня!
И пришла вдругъ охота
Кандалы супруга несть:
Я въ мужья — влѣзъ безъ расчета,
И — пришлося въ петлю лѣзть.

Чтобъ не знать бѣду и горе,
Вы послушайтесь меня:
Утопитесь лучше въ морѣ,
Но не сватайтесь, друзья!

*Педрилль.* И онъ распѣвалъ, не смотря на то, что глотка его была такъ близка къ веревкѣ?

*Джина.* А теперь, я воображаю, онъ радъ безъ памяти.

*Педрилль.* Стало быть, онъ совсѣмъ отдѣлался?

*Джина.* Ахъ, нѣтъ... по крайней мѣрѣ его не повѣсятъ, а это чего нибудь да стоитъ.

*Педрилль.* Къ чему-же его приговорили? Вѣрно къ денежному штрафу?

*Джина.* Хорошо, если-бъ такъ... а то — хуже!

*Педрилль.* А, понимаю...вѣрно заставили заплатить женамъ безчестіе?

*Джина.* Хуже!

*Педрилль.* Такъ засадили лѣтъ на пять въ крѣпость?

*Джина.* Хуже!

*Педрилль.* Или на галеру, въ вѣчное заточеніе...

*Джина.* Почти, что такъ... да нѣтъ, хуже.

*Педрилль.* Хуже-то я ужъ ничего и непридумаю.

*Джина.* Ему вѣлено жить со всѣми девятью женами.

*Педрилль.* Съ девятью женами! Да откуда онъ набралъ такую кучу прекраснаго пола, и какъ онѣ всѣ здѣсь очутились?

*Джина.* Откуда? — Со всѣхъ концевъ свѣта. Ты знаешь, что онъ очень много путешествовалъ по морямъ; по своимъ торговымъ дѣламъ бывалъ онъ въ Европѣ, и въ Азіи, и въ Африкѣ; во всѣхъ пристаняхъ останавливался, для развлеченія ходилъ по улицамъ и волочился, а ты знаешь, волокитство никогда до добра не доводитъ... ну, вотъ онъ и женился девять разъ. А съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился здѣсь, купилъ домъ, развелъ плантажи и разбогатѣлъ, онъ ужъ никуда не ѣздитъ, а только разсылаетъ свои корабли... жены, какъ-то, объ этомъ узнали, и всѣ сюда съѣхались... Ахъ! если бъ ты видѣлъ, какія есть между ними преуморительныя! Старухи, молоденькія, и среднихъ лѣтъ, разныхъ націй, въ разныхъ платьяхъ... сердитыя, бранятся, шумятъ, лепечутъ всѣ по своему... смѣхъ, да и только!

*Педрилль.* И ему приказано жить съ ними вмѣстѣ?

*Джина.* Да, потому, что онѣ всѣ добровольно за него вышли; потому, что онъ женясь на нихъ, не имѣлъ въ виду никакихъ личныхъ выгодъ; потому что онѣ богаты, а онѣ всѣ бѣдны; потому что...

*Педрилль.* Почему бы ни было... Девять женъ! Творецъ мой! я чуть, было, отъ одной не повѣсился!

*Джина, (вздыхая.)* Конечно, оно нѣсколько жестоко... но чтоже дѣлать? По крайней мѣрѣ онъ не умретъ.

*Педрилль.* Да, если онѣ его не уморятъ. Но ты говоришь, что между ними есть старухи, стало быть, онъ любитель древностей...

*Джина.* Ахъ, Боже мой! Кто-жъ на своемъ вѣку не ошибался, особливо въ женской красотѣ!

*Педрилль.* Правда! правда!

Румяна, вата и бѣлилы
Старушекъ нашихъ молодятъ!
Отъ нихъ невѣсты очень милы,
А женихамъ большой накладъ!
Вотъ почему съ иной *прелестой*
Въ замужествѣ случай былъ такой,
Что молода была — невѣстой,
И постарѣла — молодой!

*Джина.* Видно и съ нимъ тоже было.

*Педрилль.* Признаюсь, домъ его будетъ настоящее Вавилонское столпотвореніе! *(Вдали слышны восклицанія, пѣсни и музыка)* Ба! Это что значитъ?

*Джина.* Это онъ! Это г. Вальтеръ съ своими женами... Главный меръ идетъ впереди... онъ вводитъ ихъ во владѣніе... вотъ, входятъ въ садовыя ворота... г. Вальтеръ съ нимъ раскланивается... провожаетъ... что-то кладетъ ему въ руку... Самъ идетъ сюда... весь народъ за нимъ...

*Педрилль.* Его ведутъ съ-какимъ-то торжествомъ; однако я не желалъ бы быть на его мѣстѣ.

=

## ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Вальтеръ и жители города. Они его окружаютъ, пожимаютъ ему руки, поздравляютъ. Онъ несетъ узелокъ и скрипку.

ХОРЪ.

Тебя мы, тебя мы сердечно поздравляемъ!
Отъ петли, отъ петли ты счастливо ушелъ!
Въ семействѣ, въ семействѣ, мы всѣ тебѣ желаемъ,
Чтобъ радость, чтобъ радость и счастье ты нашелъ!

ВАЛЬТЕРЪ.

Рѣшенье долгому процессу
Нашъ судъ сегодня произнесъ:
Здѣсь не повѣсили повѣсу,
А женамъ наклеили носъ!
Но мнѣ отъ радости запѣть-ли?
Быть можетъ, я и проигралъ:
И хоть отдѣлался отъ петли,
Да жонъ на шею навязалъ!

Благодарю васъ, друзья мои!... Я никогда не забуду вашей привязанности!.. Теперь я опять свободный человѣкъ и веселъ по прежнему! Что же дѣлать? Надо быть философомъ въ этихъ случаяхъ, особливо, когда у тебя девять женъ на рукахъ! — Ужъ если изъ судейскихъ лапъ, да изъ когтей дражайшихъ моихъ сожительницъ я вышелъ цѣлъ и невредимъ, такъ о будущемъ горевать нечего. Вы еще не разъ попляшете предъ моимъ домомъ подъ этотъ старый гудокъ... А, здравствуй, сосѣдъ! Полно морщиться! Дай руку!... Я знаю, тебѣ хотѣлось купить мой домъ и сады послѣ моей смерти... не удалось! что жъ дѣлать? Но время еще не ушло... не нынче, такъ завтра, не такъ ли?

*Педрилль.* Я радъ душевно, сосѣдъ, что ты не на висѣлицѣ.

*Джина.* А ужъ какъ я рада, г. Вальтеръ, такъ это чудо!

*Вальтеръ.* А, и ты здѣсь, милая Джина? *(Въ полголоса, отводя ее въ сторону)* Послушай, душенька, отнеси эту записку въ Мадритскую кофейную... тамъ долженъ быть одинъ пріѣзжій... спроси по адресу... да вернись поскорѣй сюда... Ты знаешь, что я тебѣ обѣщалъ вчера вечеромъ?

*Джина.* Я только хотѣла вамъ объ этомъ напомнить...

*Вальтеръ.* Послѣ, послѣ; сперва отнеси записку.

=

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Джины, и девять женъ Вальтера.

*Голландка, (отворивъ окно въ домѣ.)* Вальтеръ! Эй ты, слышишь ли? Мастеръ Вальтеръ!

*Испанка, (въ другомъ окнѣ.)* Донъ Вальтеръ!

*(Всѣ прочія жены, одна послѣ другой, показываются въ разныхъ окнахъ.)*

Г. Вальтеръ! Геръ Вальтеръ!... Любезный мужъ! Monsieur Walter!... Эй, муженекъ! . . . Мистеръ Вальтеръ! . . . Гдѣ-жъ вы?... Подите сюда!... Я васъ жду!.. Сеньоръ Вальтеръ, что жъ вы?

*Вальтеръ, (друзьямъ.)* Слышите ли? Семейное мое счастіе начинается! *(Женамъ)* Иду, мои крошечки, иду!

*Всѣ жены.* Да что жъ вы? Скоро ли? Дождемся ли васъ?

Мы ждемъ васъ цѣлый битый часъ!
Извольте, сударь, торопиться!
И къ намъ, не мѣшкая, тотчасъ
Съ повинной головой явиться.

*Вальтеръ.* Иду, иду, мои непаглядныя! *(Друзьямъ)* Нечего дѣлать, надо итти, а то онѣ и меня, пожалуй, доведутъ... чертъ знаетъ до чего. Девять противъ одного: это не ровная партія!

*Голландка.* Что-жъ ты, сударь, шутишь, что ли?... Или мнѣ къ вамъ выйти?

Меня ты изъ терпѣнья
Не выведи, нахалъ
Что тамъ за разсужденья!

Вальтеръ, въ сторону.

Чтобъ чертъ тебя побралъ!
(ей) Лишь дайте мнѣ проститься,
Я къ вамъ пути готовъ...
(*друзьямъ*) И можно ль не склониться
На этотъ нѣжный зовъ?

Однако убираться мнѣ по добру, по здорову... а то, чего добраго, она выйдетъ изъ терпѣнія, выйдетъ сюда и выйдетъ такая кутерьма, что Боже упаси!... Прощайте, друзья мои! До свиданья. (*Онѣ убѣгаетъ въ домъ; жены затворяютъ окна; друзья расходятся. Педриллъ выбиваетъ трубку и такъ же уходитъ къ себѣ въ трактиръ, бормоча:*)

Странная вещь! Чудная вещь! Непонятная вещь!

=

## ЯВЛЕНІЕ V.

*Джина,* (*прибѣгаетъ запыхавшись.*) Г. Вальтеръ! Г. Вальтеръ!... Вотъ и я...Ахъ, запыхалась... Гдѣ жъ онъ? Ахъ, Боже мой! Приказалъ мнѣ поскорѣй воротиться, а самъ ушелъ!... Онъ мнѣ вчера говорилъ, если его не повѣсятъ, такъ онъ непремѣнно возьметъ меня къ себѣ въ домъ, хоть въ служанки... теперь онъ прощенъ, и я рада безъ памяти, что буду жить всегда съ нимъ вмѣстѣ... Ахъ, я его такъ люблю! Онъ такой добрый, прекрасный человѣкъ!... Правда, работы мнѣ будетъ много, очень много... шутка ли, служить девяти барынямъ; на всѣхъ не угодишь. Но такъ и быть, для него готова я все сносить... и что ему за охота пришла жениться на девяти женахъ?— Какіе эти мужчины, право.

*Тебя любить,*
*Другъ мой, клянусь!*
*И не рѣшусь*
*Въкъ измѣнить!*
Такъ насъ они
Всѣ увѣряютъ;
Красные дни
Намъ обѣщаютъ.
Ихъ клятвамъ, подружки, не вѣрьте!
Къ мужчинамъ любовь вы умѣрьте!
Ихъ быть бѣдамъ...
И... плакать вамъ!

Да, да, любовь ихъ на одни сутки. Увидятъ другую ц — вы забыты, и клятвы куда не шли... но и съ другою тоже будетъ, что съ вами, не безпокойтесь!

Сперва они клянутся,
А подъ конецъ — смѣются.
Зачѣмъ игрою
Плохою играть?
А тамъ душою
Больною страдать!

(Слышенъ шумъ и крикъ въ домѣ Вальтера.)

Ай, ай! Что за шумъ въ домѣ? Неужели г. Вальтеръ ужъ успѣлъ поссориться съ своими женами?... Чего добраго: отъ нихъ все станется... Особливо отъ толстой Голландки, которая трещитъ, какъ спущенная мельница, и въ магистратѣ перекричала всѣхъ судей!.. Сюда идутъ... уйду поскорѣй!... Нѣтъ, спрячусь лучше за кустарникъ и погляжу, что отъ нихъ будетъ. (*Она прячется такъ, что зрителямъ видна.*)

=

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Джина, Вальтеръ выбѣгаетъ изъ дому, и всѣ жены гонятся за нимъ.

ВСѢ ЖЕНЫ.

Меня! Меня! Меня! Меня!

ГОЛЛАНДКА.

Меня должны вы слушать!

ВАЛЬТЕРЪ.

Попалъ я въ пламя изъ огня!
Онѣ меня оглушатъ!

ВСѢ ЖЕНЫ.

Меня ласкать, меня любить,
Дано вамъ повелѣнье!

ВАЛЬТЕРЪ.

Все это такъ! Да какъ же быть:
Тутъ дробное дѣленье!
Кого любить? Кому служить?
Не знаю, право, я!

ВСѢ ЖЕНЫ.

Что за вопросъ: кого любить?
Меня!... Меня!... Меня!... Меня!

*Джина.* Вотъ послѣ этого женись безъ счету!

*Вальтеръ.* Послушайте, дражайшія мои супруги. Если вы всѣ станете говорить вмѣстѣ, то мы никогда не поймемъ другъ друга. Не лучше ли вамъ объясниться порознь, по одиночкѣ, одна за другою.

*Голландка.* Вотъ еще вздумалъ, одна за другою!—Говори за мной, кто хочетъ, а я всегда первая; ты на мнѣ прежде всѣхъ женился.

*Вальтеръ.* Это правда, прелестная моя Аннета!... Къ тому же всякій и безъ того видитъ, что тебѣ принадлежатъ всѣ права *старшинства* передъ другими.

*Испанка.* Старшинства, что за важность! Мы не виноваты, что она прежде насъ состарѣлась. Главное дѣло состоитъ въ происхожденіи, и мнѣ кажется, что только я одна...

*Вальтеръ, (въ сторону.)* Ну! испанская кровь заговорила!

*Италіянка.* Какъ бы не такъ! Что за происхожденіе? Права въ супружествѣ даетъ только одна любовь, а такъ, какъ я...

*Швейцарка.* Разсказывай! Я его также люблю, какъ и ты.

*Испанка.* И я такъ-же.

*Шотландка и Турчанка.* И я!... И я!...

*Нѣмка.* И мой!

*Русская.* А я больше!

*Француженка.* Нѣтъ, я больше!

*Русская.* Анъ, я.

*Всѣ.* Нѣтъ, я! Нѣтъ, я! Нѣтъ, я!

*Голландка, (кричитъ во все горло и очень часто.)* Нѣтъ, я! Нѣтъ, я! Нѣтъ, я! Слышите-ли: я! я! я!

*Вальтеръ.* Ну, попалася потѣха!

*Джина.* Прошу покорно! Теперь всѣ отъ него безъ ума — безъ памяти; а нынче утромъ каждой хотѣлось, чтобъ его повѣсили.

ИСПАНКА.

Я пламенѣю нѣжной страстью!

ШОТЛАНДКА.

А я горю огнемъ любви!

ГОЛЛАНДКА.

А я пылаю по несчастью!

ИТАЛІЯНКА.

А у меня пожаръ въ крови!

ВАЛЬТЕРЪ.

Я очень радъ, что между вами
Горячность эту я найду...

*(въ сторону.)*

Но мнѣ, съ ихъ страстными огнями,
Все кажется, что я — въ аду!

Послушайте, безцѣнныя мои половины... виноватъ, ошибся!... Я и забылъ, что васъ у меня девять штукъ, и что любовь моя такъ раздроблена между вами, что я долженъ выразиться дробью; дражайшія мои осьмнадцатыя доли! Правосудію угодно было наградить меня вашею привязанностью и домашнимъ счастіемъ, которымъ я теперь наслаждаюсь... и я желалъ бы продолжить пріятное согласіе, которое теперь между нами царствуетъ, и потому... во-первыхъ:—прошу васъ... садитесь... *(Подаетъ имъ стулья поочередно.)* Мадамъ Анна, садитесь!—Зюлейка, прошу покорно! *(Она съ краю садится по турецки.)* Мисъ Мери! Дона Элена! Синьора Клеменція! Кеттли! Фрау-Фопъ-деръ-Вальтеръ! Ma belle Адель! Садитесь!... Грушечка, садись, моя душечька *(Онѣ всѣ садятся въ полукругъ по правую сторону, Зюлейка и Кеттли по краямъ; Вальтеръ садится передъ ними по лѣвую сторону; Джина за кустомъ позади его.)* Приступимъ къ дѣлу. — Всѣ ли вы спокойно сидите? — Всѣ. — Дражайшія, безцѣнныя и безподобныя мои подруги! Если разобрать дѣло въ строгомъ смыслѣ, то вы всѣ предо мной очень, очень виноваты... *(Общее движеніе.)* потому что вы съѣхались сюда за тѣмъ только, чтобъ вогнать меня въ петлю или свернуть мнѣ шею... По милости Божіей, я уцѣлѣлъ, и осужденъ на многолѣтнее, насильственное, семейное счастіе... но я васъ прощаю! Я готовъ съ вами жить, какъ слѣдуетъ всякому че ст

ному мужу. И такъ, забудемъ прошедшее, станемъ *(со вздохомъ)* наслаждаться настоящимъ и постараемся, сколько можно, *(почти сквозь слезы)* украсить нашу будущность.

По силѣ, данной приговору,
Я съ вами жить сердечно радъ,
И моему предстало взору
Такъ много въ будущемъ отрадъ!
Вполнѣ доволенъ я судьями!
И не ропщу на нихъ отнюдь:
Они столь нѣжными цвѣтами
*(указывая на жену)*
Усыпали мнѣ жизни путь!

*Джина.* Жаль только, что эти цвѣты немножко завяли.

*Голландка, (взявши его за подбородокъ.)* Ахъ, ты мой палимчикъ! Прелесть моя! Знаетъ, чѣмъ потѣшить, плутишка!

*Русская.* Ненаглядное мое солнышко!

*Турчанка.* Мой безцѣнный полумѣсяцъ!

*Шотландка.* Какъ ты милъ!

*Швейцарка.* Какъ любезенъ!

*Нѣмка.* Майнъ энгельхенъ!

*Француженка.* Mon coeur! Дай обнять себя!

*Испанка.* Я тебя расцѣлую!

*Всѣ.* И я, и я, и я тоже!

(Онѣ вскакиваютъ, бѣгутъ къ нему, онъ оборотится и дѣлаетъ имъ знаки, чтобъ онѣ успокоились.)

*Вальтеръ.* Остановитесь! Остановитесь!

Меня вы любите чрезмѣрно,
Я въ васъ не менѣе влюбленъ;
Но отъ любви такой примѣрной
Пришла бѣда со всѣхъ сторонъ.
И пользы въ этомъ будетъ мало,
Что съ вами я рѣшился жить,
Когда охота вамъ пришла
Меня въ объятіяхъ душить!

Присядьте! — *(Всѣ присѣдаютъ и садятся.)* Теперь о дѣлахъ домашнихъ. Чтобъ сохранить порядокъ въ домѣ, мы раздѣлимъ между собою всѣ хозяйственныя обязанности. Я беру на себя расходы. Домъ мой вы видѣли: онъ не дуренъ, не тѣсенъ; садикъ прехорошенькій — есть гдѣ разойтись; денегъ у меня довольно: вы ни въ чемъ не будете имѣть недостатка; что-жъ касается до нарядовъ, то я прошу васъ напередъ выбрать себѣ одинъ какой нибудь костюмъ, а то Сен-Никольскія швейки будутъ въ большомъ затрудненіи и на всѣхъ васъ не угодятъ. Посмотримъ, который изъ нарядовъ вашихъ и удобнѣй, и приличнѣй.

*Всѣ.* Мой!... Мой!... Мой!

*Голландка.* Врете вы, мой!

*Всѣ.* Нѣтъ, мой, мой, мой!

*Вальтеръ.* Опять споръ! Молчать, сударыни, молчать!

*Всѣ.* Какъ молчать? Вотъ новости! Не хотимъ!

*Русская.* Ахъ, мои батюшки! Ужъ и поспорить нельзя.

*Голландка.* Молчать! Да кому ты это говоришь? Да съ чего ты взялъ? Да какъ ты смѣлъ?... Будемъ говорить!

*Всѣ.* Говоримъ! Говоримъ! Говоримъ!

(Вальтеръ затыкаетъ уши; онѣ всѣ кричатъ ему надъ ухомъ.)

РУССКАЯ.

Вы намъ даете приказанья?
Такъ на зло будемъ говорить!

ШОТЛАНДКА.

Оставьте лишнія старанья!
Ну, вамъ ли насъ угомонить?

ИТАЛІЯНКА.

Чтобъ я молчала, не ругалась?
Никто не смѣетъ приказать!

ШВЕЙЦАРКА.

Я вамъ не изъ такихъ досталась,
Что помнутно говорять!

ВСѢ.

Я вамъ не изъ такихъ досталась
Что помнутно, помнутно, помнутно говорять!

*Вальтеръ, (кричитъ изо всѣхъ силъ.)* Да замолчите ли вы наконецъ, попуган со всѣхъ четырехъ концевъ свѣта!

*Джина.* Прекрасно сказано!

*Всѣ, (другъ другу.)* Слышите ли? Попуган! Попуган! Попуган!

*Вальтеръ.* Ангелъ Аннета! Прелесть Адель! Безподобная Мери! Гётлихе Тине! И вы, прелестныя Кеттли, Элена, Клеменція и Зюлейка, и ты, сладкая моя Груша! Ради Бога, будьте разсудительны: уймите свое самолюбіе и укоротите язычки! Неужели вы хотите, чтобъ я проклиналъ приговоръ судей моихъ?—Я прошу у васъ одной только милости: не кричите всѣ вдругъ и дайте мнѣ сперва все высказать!

*Голландка, (смягчившись.)* Извольте говорить, супругъ мой!

*Русская.* Говори, мой ангелъ!

*Нѣмка.* Шприхъ, майнъ шацъ!

*Всѣ.* Говорите! Говорите!

*Вальтеръ, (въ сторону.)* Насилу угомонились!... Вѣдь какъ онѣ милы, когда молчатъ! *(Вслухъ.)* И такъ посмотримъ, какъ намъ распредѣлить должности? Начнемъ съ желудка: онъ все таки играетъ главную роль въ жизни человѣческой! Кто будетъ смотрѣть за кухней?

*Шотландка.* Кто хочетъ — только не я!

*Швейцарка, Голландка и Турчанка.* И не я!—И не я!—И не я!

*Испанка.* Мое происхожденіе не позволяетъ мнѣ быть кухаркой.

*Шотландка.* А я отъ роду кушанья не стряпала.

*Француженка.* Fi donc! cela sent la cuisine!

*Италіянка.* А я не хочу; это очень скучно?

Ахъ, сжалься! ахъ, сжалься надо мною!

*Нѣмка.* А мой не хочу была служанка на другой.

*Всѣ.* И я тоже!—И я! — И я!

*Вальтеръ.* Однако, посудите сами, надо же кому нибудь этимъ заняться: отъ одной любви вашей сытъ не будешь. — Зюлейка! Помнишь ли кукарузу и сарачинское пшено, которыми ты меня угощала въ Стамбулѣ.

*Турчанка.* Мало ли что было! Я теперь разучилась ихъ готовить.

*Вальтеръ.* А ты, Клеменція? Твои макароны съ пермазаномъ и стофато были очень вкусны...

*Италіянка.* Здѣсь не Италія! *(Поетъ.)* O potess io venire, amorosa!...

*Вальтеръ.* Аннета! Тебя я взялъ съ рынка, гдѣ ты продавала разныя разности — собственноручнаго произведенія.

*Голландка.* Какъ-же! Съ чего ты взялъ рядить меня въ стряпухи!

*Вальтеръ.* Нечего дѣлать: теперь вся надежда на тебя, Груша! И будущій столъ нашъ вѣрно будетъ состоять изъ Русскихъ щей, похлебки съ лукомъ и гречневой каши...

*Русская.* Дождайся... такъ и стала вамъ стряпать!... Я сама губернская секретарша!

*Шотландка.* Вы богаты и можете нанять кухарку, только чтобъ она умѣла готовить росбифъ и плумбпудингъ, а не то, я ее сгоню.

*Вальтеръ.* Хорошо, хорошо! Я найму кухарку.

*Джина.* Понимаю; того-то намъ и надо.

*Голландка.* Давно бы такъ!

*Вальтеръ.* Но это не все, друзья мои!

*Русская.* Ну, что еще такое придумалъ, мой батюшка?

*Вальтеръ.* Платье мое носится, бѣлье рвется... Кто будетъ на меня шить, зашивать, чинить и штопать?

*Голландка.* Вотъ нашелъ штопальщицъ! Да оборони меня Господи! Я и на себя-то отъ роду ничего не штопала.

*Испанка.* И чтобъ я стала вязать чулки! Гдѣ это видано? Я Дона знаменитой династіи, и мой прапрадѣдъ, Донъ Педро-ди-Педрилло-Жуанъ-ди-Тестa-Дура-Фернандесъ-Гомецъ, былъ при трехъ дворахъ его величества главнымъ надзирателемъ за конюшнями.

*Француженка.* Я танцовала шесть лѣтъ въ Одеонѣ и въ Большой Оперѣ:

у насъ и слухомъ не слыхано, чтобъ кто нибудь этимъ занимался, а вы хотите, чтобъ...

*Русская.* Воля ваша, однако жъ и я бѣлья чинить не намѣрена.

*Вальтеръ.* Полно чиниться! Вѣдь у тебя была-же какая-то вывѣска, въ родѣ нивейной, когда я въ первый разъ познакомился съ тобой на Невскомъ проспектѣ?

*Русская.* Да, послѣ покойнаго моего Петра Терентьича я точно занималась шитьемъ мужскаго бѣлья, отъ нечего дѣлать, чтобъ не разучиться... а теперь къ какой стати стану я маршандемодничать? У меня есть мужъ.

*Вальтеръ.* Но этому вы ничего не хотите дѣлать?

*Голландка.* Ничего таки! Ничего! Знай нашихъ!

*Швейцарка.* Если бъ я одна была вашей женою, тогда я тотчасъ бы рѣшилась... но работать на своихъ соперницъ... не намѣрена!

*Всѣ.* И я тоже! И я! И я!

*Вальтеръ.* Помилуйте! Какія-же вы соперницы? Вы подруги, сотоварки, такъ сказать, однокашницы! И ты туда-же, Тинхенъ! А давно-ли ты была работницей въ домѣ Ревельскаго обойщика?

*Нѣмка.* Аллерлибстъ! — Мой тогда брала деньги... а теперь мой самъ каспожъ и катитъ другой тавай денька и орфейге!

*Джина.* Какъ вамъ это покажется?

*Голландка.* Что много толковать; ты богатъ: найми работника; пусть онъ шьетъ, гладитъ, штопаетъ, моетъ, и концы въ воду.

*Вальтеръ.* Хорошо; только я найму не работника, а работницу... (*въ сторону*) и притомъ прехорошенькую.

*Джина.* То есть — меня.

*Вальтеръ.* Сраницы сударыни! За тѣмъ ли я на васъ женился, чтобъ вы сидѣли, сложа руки? Но такъ и быть: пускай будетъ по вашему. У меня есть на примѣтѣ молоденькая сиротка; она развлекала грусть мою во время заточенія... Прекрасный случай отблагодарить ее за это: я возьму ее въ служанки.

*Джина.* Я это напередъ знала.

*Вальтеръ.* Засѣданіе конечно! Если вамъ угодно гулять — можете итти, я васъ не удерживаю.

*Джина.* Прекрасно: онѣ уйдутъ, а я останусь съ нимъ наединѣ.

*Голландка.* Вашъ долгъ, сударь, предложить намъ руку.

*Вальтеръ.* Какъ, всѣмъ! Это будетъ немного затруднительно.

*Швейцарка,* (*взявши его подъ руку.*) Я пока возьму вотъ эту.

*Француженка.* А я эту.

*Всѣ.* А мы-то что жъ? А мнѣ-то что жъ?

(*Онѣ за него рвутся.*)

*Вальтеръ.* Помилуйте!... Что вы? Что вы? Въ умѣ-ли? Развѣ у меня сто рукъ?

Вѣдь отпустили же мнѣ штучку,
Разсудку даже вопреки!
Но мнѣ вести васъ всѣхъ подъ ручку...
Немножко будетъ не съ руки!

(Въ сторону.)

Онѣ, по чести, всѣ вздурились!
Полагаюсь имъ я напрядъ!
И такъ отъ рукъ моихъ отбились,
Что подъ руку итти хотятъ.

*Всѣ.* Что тутъ много разсуждать... пойдемте!

(Онѣ схватываютъ Вальтера подъ руки, онъ у нихъ вырывается и бѣжитъ, онѣ за нимъ.)

*Голландка.* Это изъ рукъ вонъ!

*Всѣ,* (*за нимъ.*) Постой! Постой! Вотъ мы тебя!

(Всѣ убѣгаютъ, Джина выходитъ изъ за куста.)

=

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

Джина, одна, потомъ Вальтеръ.

*Джина.* Онѣ до тѣхъ поръ станутъ за него рваться, что разорвутъ его по клочкамъ. Ахъ, какъ мнѣ больно видѣть бѣднаго Вальтера въ такомъ ужасномъ положеніи! Но дай мнѣ только приняться къ мѣсту, я всѣ старанія приложу, чтобъ ему угодить, и хотя нѣсколько услады̀ть его участь...

*Вальтеръ, (возвращается весьма весело).* Джина! Джина! Ты здѣсь?

*Джина.* Ахъ, это вы, г. Вальтеръ!

*Вальтеръ.* Я оставилъ женъ своихъ въ рощѣ, а самъ прибѣжалъ къ тебѣ.

*Джина.* Развѣ вы меня видѣли?

*Вальтеръ.* Чтобъ жены на меня не косились, я поглядывалъ на тебя искоса. Ты слышала: я принялъ тебя въ домъ.

*Джина.* Ахъ, покорно васъ благодарю! (*Со вздохомъ.*) Я буду вашей служанкой...

*Вальтеръ.* Ни мало: ты будешь моей женою.

*Джина.* Какъ женою? Развѣ вы женитесь на мнѣ?... Что вы, что вы!... У васъ есть ужъ девять женъ.

*Вальтеръ.* А ты будешь послѣдней.

*Джина.* То есть — десятой?

*Вальтеръ.* Десятой и послѣдней! Клянусь честью!... Надо-же когда нибудь кончить? А такъ, какъ конецъ вѣнчаетъ дѣло, то я женюсь нарочно на тебѣ, моя Джиночка.

*Джина.* А если судьи вамъ этого не позволятъ?

*Вальтеръ.* За деньги чистыя — судьи все позволяютъ! Да впрочемъ, что мнѣ за дѣло до судей... я хочу жениться и не пойду просить у нихъ позволенія... Мы съ тобою уѣдемъ во Францію, я буду тебя любить, буду тебѣ вѣренъ, не смотря на то, что это тамъ не въ модѣ.

*Джина.* А ваши остальныя жены?

*Вальтеръ.* Пускай ихъ ищутъ себѣ мужа, гдѣ хотятъ.

*Джина.* Охота вамъ была жениться на такой кучѣ народа.

*Вальтеръ.* Оставимъ ихъ. Поговоримъ лучше объ отъѣздѣ нашемъ въ Европу... Я перемѣню имя, поселюсь въ Пикардіи, моей родинѣ... и мы заживемъ съ тобой, привѣваючи; станемъ обожать другъ друга... Джина, хочешь ли, чтобъ мы обожали другъ друга?

*Джина.* Отъ всей души хочу... но главное дѣло, какъ я съ вами поѣду?

*Вальтеръ.* Очень просто: сѣли на корабль, и поминай какъ звали. Тебя же здѣсь никто не удерживаетъ, семейства у тебя нѣтъ... А не мѣшало бы обзавестись семействомъ... Хочешь ли имѣть свою семью, Джина?

*Джина.* Ахъ! Это должно быть превесело! (*Печально.*) Да гдѣ жъ я возьму семейство?

*Вальтеръ.* На счетъ этого не безпокойся! Придетъ само собою.

*Джина.* Право? Какъ я рада, г. Вальтеръ!.. Но что обо мнѣ здѣсь скажутъ? — Къ тому-же намъ нельзя уѣхать: вы знаете, что вашимъ кораблямъ запрещено приставать къ злѣйшему порту, а на чужіе васъ принимать не велѣно.

*Вальтеръ.* Знаю: за мной смотрятъ здѣсь, какъ за контрабандой. Но... тонъ... видишь-ли бригъ на якорѣ?

*Джина.* Вижу.

*Вальтеръ.* Капитанъ его мой старинный пріятель. Онъ теперь сошелъ на берегъ; шлюпку его я видѣлъ недалеко отсюда и говорилъ съ его людьми... Онъ тотъ самый, къ которому ты относила давича записку.

*Джина.* Г. Дроляръ, такой толстенькій, веселенькій старичекъ.

*Вальтеръ.* Я жду его сюда... и если онъ согласится взять насъ съ собою, то мы нынче же вечеромъ...

*Джина.* Какъ, нынче вечеромъ?

*Вальтеръ.* Уѣдемъ отсюда. Вѣдь ты согласна?

*Джина.* Не знаю, право... я боюсь злыхъ языковъ... Къ тому-же, кто мнѣ поручится, что вы не сдѣлаете со мной того же, что и съ другими женами. У васъ ихъ будетъ десятокъ, далеко-ли до дюжины.

*Вальтеръ.* Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь честью!.. дальше десяти не пойду... И съ тобой, мой ангелочикъ... *(Онъ ее обнимаетъ и хочетъ поцѣловать.)*

=

## ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Голландка.

*Голландка.* Эй, муженекъ! Что это ты дѣлаешь?

*Вальтеръ, (опуская быстро руки и отступая на нѣсколько шаговъ.)* Кто, я? Ничего!.. А это ты, безцѣнная моя Аннета, краса семейнаго моего цвѣтника!

*Голландка.* А это что за умильная рожица?

*Джина, (присѣдаетъ;—въ сторону.)* Вотъ и начало!

*Голландка.* Что же вы не отвѣчаете, мастеръ Вальтеръ? Я васъ спрашиваю; или язычекъ отнялся?

*Вальтеръ.* Это молодая дѣвушка, которую я нанялъ для услугъ.

*Джина, (въ сторону.)* Я вамъ услужу, погодите.

*Голландка.* Да; ко мнѣ въ горничныя!.. Но за чѣмъ-же ты подошелъ къ ней такъ близко?

*Вальтеръ (въ сторону.)* Прошу покорно, съ чѣмъ подъѣхала! *(Ей.)* Кто? я! Я говорилъ ей, какъ мы будемъ жить, и въ чемъ будутъ состоять ея обязанности. Надѣюсь, что она исполнитъ мое желаніе.

*Голландка.* Надѣюсь! Надѣюсь! А то со мной будетъ имѣть дѣло: я шутить не охотница. Въ особенности, чтобъ я не видала слишкомъ дружескихъ разговоровъ между вами, а если еще разъ застану тебя съ нею, такъ я ее сгоню.

*Джина, (въ сторону.)* Этакое-зелье! Такъ на зло-же тебѣ выйду за него замужъ и уѣду.

*Голландка.* Слышишь ли? Съ нимъ не шептаться! Ты держи уменя ухо остро; я не позволю водить себя за носъ! Теперь пошла на кухню: да смотри, чтобъ у меня все кипѣло.

*Джина.* Иду, мадамъ Вальтеръ, иду:

И печь, и жарить, и варить
Тотчасъ примусь я доровольно!
Вамъ постараюсь угодить.
Божусь, вы будете довольны!
Притомъ себя вамъ упрекнуть
Не дамъ въ малѣйшей я бездѣлкѣ:
Такихъ настряпаю вамъ блюдъ,
Что будете въ своей тарелкѣ.

*(Она присѣдаетъ и уходитъ, сдѣлавши нѣсколько знаковъ Вальтеру.)*

*Вальтеръ.* Обѣдъ нашъ нынче очень скоро поспѣетъ: я велѣлъ принесть разныхъ плодовъ и шампанскаго, а дичи у меня и дома много. Обѣдъ истинно свадебный! Мы будемъ пить здоровье судей... а жаль, что я не пригласилъ ихъ обѣдать; они вѣрно порадовались бы мудрому своему приговору, когда пришлось бы имъ пить за здоровье молодыхъ.

*Голландка.* Ты все пошучиваешь, а объ этомъ не думаешь, какъ мнѣ непріятно видѣть тебя съ этими восьмью пугалами.

*Вальтеръ.* Очень думаю, мадамъ Вальтеръ, потому, что это для меня такъ-же непріятно, какъ и для васъ.

*Голландка.* Зачѣмъ же ты женился на всей этой сволочи?

*Вальтеръ.* Зачѣмъ? Зачѣмъ? Нынче утромъ я, кажется, довольно ясно отвѣчалъ судьямъ на этотъ вопросъ. Ну! Ну! Не сердись, душа моя! Вѣдь ты знаешь, для кого бьется это сердце! Для кого я остался въ живыхъ! Для кого мнѣ дорога жизнь! Для тебя, божественное созданіе! Для тебя, краса подсолнечной! Все для тебя, для тебя,

и для одной тебя! И ты осуждаешь меня! И за что же? За то, что я охотно подвергался приговору, осудившему меня вѣчно жить съ тобою, вѣчно обожать тебя!

*Голландка, (трагически.)* Хорошо, неблагодарный! Если такъ, то клянись, что ты всегда будешь любить меня больше всѣхъ другихъ уродовъ.

*Вальтеръ.* И ты этого отъ меня требуешь! — Ты, моя Аннета, мой идолъ, мой міръ, моя вселенная!

Тебѣ подобную едвали я
Найду, хотя изъѣзжу свѣтъ!
Какъ безподобна эта талья!
Какой въ лицѣ прелестный цвѣтъ!
А эта ручка пальчная!
А эти глазки, этотъ ротъ!
И признаюсь, жена такая
Хоть бы кого — съ ума сведетъ.

*Голландка.* Полно такъ-ли?..

*Вальтеръ.* Такъ, моя прелесть! такъ! *(Въ сторону.)* Какъ бы ее спровадить отсюда! Прекрасная мысль... Послушай, моя крошечка! Что, если бъ ты заглянула на кухню, а то мои восемь чучелъ и эта умильная рожица, какъ ты ихъ давича называла, перепортятъ намъ все купанье. Погода прекрасная! Вели столъ вынесть сюда, и мы отобѣдаемъ на чистомъ воздухѣ. Не такъ ли, мой китайскій розанъ?

*Голландка.* Какъ тебѣ угодно, плутишка! *(Треплетъ его по щекѣ.)*

*Вальтеръ.* О злая! Ты очень хорошо знала, что только ты одна владѣешь моимъ сердцемъ!

*Голландка.* Чудовище, тебя нельзя необожать! *(Обнимаетъ и цѣлуетъ его.)*

=

## ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Русская.

*Русская.* Прекрасно! Безподобно!.. Продолжайте! Продолжайте! Не безпокойтесь!

*Голландка.* Не безпокоиться? Передъ кѣмъ бы, смѣю спросить? Ужъ не передъ вами ли?

*Русская.* Да, хоть бы передо мной, матушка! Не забудьте, что я его законная жена, и не позволю...

*Голландка.* А я ему съ боку-припека, что ли?

*Русская.* Вы вѣнчаны по бусурмански — и я не позволю, чтобъ при моихъ глазахъ...

*Голландка.* Не позволишь?.. Такъ на же! Вотъ, на зло стану его цѣловать.

*Русская.* А я примусь его колотить.

*Голландка.* Бить моего мужа! Ахъ, негодная! Съ чего ты это взяла? Да я тебя въ живыхъ не оставлю!

*Русская.* Сунься-ка, сунься, попробуй: я тебѣ всѣ щеки обобью башмаками!

*Голландка.* Какъ, мнѣ? мнѣ! И ты смѣешь это говорить...

(Кидается на нее, засучиваетъ рукава, Вальтеръ ихъ разнимаетъ.)

*Вальтеръ, (въ сторону.)* Нашла коса на камень! *(Имъ)* Друзья мои! Прошу васъ, ради Бога!

*Голландка.* Нѣтъ, пусти меня, пусти! Я выцарапаю ей глаза!

*Русская.* Дай мнѣ подбить ей буркалы! Голландская селедка!

*Голландка.* Русская пугала!

*Русская.* Рыбница!

Голландка.

Я грубіянку проучу!

Русская.

Плевать я на тебя хочу!

Голландка.

Ахъ, ты негодное творенье!

Русская.

Все лучше васъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья!
Пошла селедки продавать!

Голландка.

А ты поди людей пугать!

Русская.

Вѣдь ты змѣя!

**Голландка.**

А ты что? — Дура!

**Русская.**

Сама ты тварь, карикатура!

**Голландка.**

Ты перестанешь-ли кричать?

**Русская.**

Молчать! Молчать! Молчать! Молчать!

**Голландка.**

Ведьма! Парка!

**Русская.**

Грубіянка!

**Голландка.**

А ты холопка!

**Русская.**

Врешь: дворянка!

**Голландка.**

Что ротъ дерешь: молчи, молчи!

**Русская.**

Ты что орешь? Молчи, молчи!

**Голландка.**

Эй, замолчи...

**Русская.**

Не замолчу!

Ты не кричи!

**Голландка.**

Кричу! кричу!

*Вальтеръ.* Что это? — Аннета! Груша! Не стыдно ли вамъ?

*Голландка.* Нѣтъ, нѣтъ! Я проучу эту негодницу!

*Русская.* Ахъ, ты винновая краля!.. Ахъ, ты фармазонка! Басурманка ты этакая...

*Вальтеръ.* Перестанете-ли?.. Аграфена Пантелѣевна! *(Отводя ее въ сторону.)* Не стыдно-ли? Съ кѣмъ связалась? А еще губернская секретарша.

*Русская.* И въ самомъ дѣлѣ... эта хамская рожа не стоитъ того, чтобъ на нее плюнуть.

*Вальтеръ, (Голландкѣ; также.)* Успокойся, Аннета! Ты видишь, что это совершенно необразованая женщина: она не знаетъ вашихъ обычаевъ... стоитъ ли съ нею спорить... и кому-же? Тебѣ! Ты такъ умна, получила такое хорошее воспитаніе... *(Въ сторону.)* на толкучемъ рынкѣ.

*Голландка.* Ты правъ, мой котикъ! Мнѣ давно пора бы плюнуть на эту дуру... *(Приседая и жеманясь передъ Русской.)* Прощайте, сударыня, г-жа губернская секретарша!

*Русская, (передразнивая ее.)* Прощайте, мадамъ, голландская вельможа!

*Голландка.* Прощайте! Ха! ха! ха!

*Русская.* Прощайте! Ха! ха! ха!

*Обѣ.* Тфу!... тфу!...

(Голландка важно уходитъ, Русская хохочетъ ей вслѣдъ.)

## ЯВЛЕНІЕ XI.

Русская и Вальтеръ.

*Русская.* Хорошъ и ты, мой голубчикъ, нечего сказать. Заставилъ меня аукаться по лѣсу, а самъ здѣсь распустился въ амурахъ съ этой голландской пугалой, прости Господи! — Прямой стракулистъ! А не ты-ли мнѣ клялся въ вѣчной вѣрности.

*Вальтеръ.* Душа моя! Я не измѣнилъ своей клятвѣ! Ты всегда занимала передній уголъ въ моемъ сердцѣ.

*Русская.* А зачѣмъ ты женился на всѣхъ этихъ чучелахъ заморскихъ?

*Вальтеръ, (въ сторону.)* У всѣхъ одинъ и тотъ-же вопросъ! *(Ей)* Другъ мой, это случилось какъ-то невзначай... я... я и самъ не-знаю какъ.

*Русская.* Неблагодарный! Чего я для тебя не дѣлала? Не я ли отдала тебѣ серебряные часы моего покойнаго Петра Терентьича, да еще и съ сердоликовой печаткой? — Не для тебя ли я заложила свое имѣніе? Не по твоей ли милости продали его съ молотка? Не для тебя ли перебралась я въ Москву и продала тамъ теткинъ деревянный домъ, у *трухмальныхъ* воротъ?.. И

чѣмъ ты мнѣ заплатилъ за всѣ эти жертвы, за всю мою привязанность?

*Вальтеръ.* Прошу, къ чему привязалась? Грушенька, вѣдь все это ты сдѣлала не для меня.

*Русская.* А для кого жъ бы? Нельзя ли узнать?

*Вальтеръ.* Имѣніе свое, состоящее изъ трехъ душъ, одного двора, коровы и козы, ты потеряла потому, что не платила должныхъ процентовъ; домъ твой проданъ затѣмъ, что строительная коммиссія велѣла его за негодностію сломать; а часы дала ты мнѣ подъ залогъ, для пріисканія тебѣ денегъ на уплату за квартиру, потому что хозяинъ грозилъ отвесть тебѣ казенное жилище.

*Русская.* Оно такъ! Но все-таки я для тебя многое сдѣлала; вопервыхъ, вышла за тебя замужъ!

*Вальтеръ.* То есть: женила меня на себѣ, хочешь ты сказать.

*Русская.* Во-вторыхъ, для тебя разсталась съ моей родимой Москвою!.. Ахъ, и теперь не могу безъ слезъ объ ней вспомнить!

И во снѣ, и на яву
Все мнѣ снится про Москву:
Какъ мила, пышна, красна,
Какъ заманчива она!
Какъ радушны люди тамъ!
Какъ привѣтливы къ гостямъ!
Какъ раскошны ихъ пиры!
Какъ тамъ юноши добры!
Какъ тамъ дѣвицы цвѣтутъ!
Какъ шампанское тамъ льютъ,
Ахъ, во снѣ и на яву
Все мечтаю про Москву!
Ай, люли! люли! люли!
Про родимую Москву —
Бѣлокаменную!

Все въ ней радостно и мило!
Все мнѣ сердце тамъ пленило:
Понедѣльникъ Ѳоминой,
И качели о Святой,
И катанье на горахъ,
И гулянье на прудахъ,
И на масляной блины,
И въ театрѣ старины:
Невидимка... что за страсть!
И Русалки третья часть.
Ахъ, во снѣ и на яву
Все мечтаю про Москву.
Ай, люли! люли! люли!
Нашу матушку Москву —
Бѣлокаменную!

*Вальтеръ.* Ты приводишь меня въ восхищеніе! Я самъ вспомнилъ о Россіи, о радушной Москвѣ, гдѣ я такъ счастливо прожилъ нѣсколько лѣтъ... Мнѣ кажется, какъ будто я еще и теперь между этими добрыми Московитянами! Какъ будто и теперь передо мною все Русскіе!

Я люблю тебя, Россія!
Благодатная страна
И обряды вѣковые,
И надежды молодыя!
Ты поэзіи полна,
Сердцу милая страна!

Я люблю твоихъ радушныхъ,
Безыскусственныхъ сыновъ!
Безъ притворства добродушныхъ,
Долгу совѣсти послушныхъ!
Ихъ огонь, живую кровь,
И къ Царямъ своимъ любовь.

Я люблю твою старушку,
Сѣдовласую Москву!
Какъ мила! Лишь дай игрушку!
По рублю играетъ въ мушку,
Копитъ сплетницу молву
И косится на Неву...
Я люблю твою Москву!

*Русская.* Ужъ какъ тебѣ угодно, а за такую любовь къ моей роднѣ, я тебя расцѣлую... Ахъ, ты мой жизнепочникъ! Душечка моя!

(Они обнимаются и цѣлуются)

=

## ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, Итальянка и Француженка.

*Француженка, (хлопаетъ.)* Bravo! Mon mari en tête-à-tête avec la petite Russe! C'est gentil! Прекрасно!

*Итальянка.* Что я вижу? Синьоръ Вальтеръ! — Что это значитъ? И вы думаете, что я потерплю...

*Вальтеръ*, (*въ сторону.*) Вотъ и другая!

*Француженка.* Mais vraiment! Это очень дурно съ твоей стороны, mon chèr, что ты оказываешь однимъ préférence, а другихъ оставляешь.

*Вальтеръ*, (*въ сторону.*) И третья!

*Италіянка.* А я васъ любила такъ пылко, такъ огненно! Жестокій мужъ! Коварный мужъ! Я въ тебѣ обманулась!.. Но мужья всѣ таковы!

*Вальтеръ.* Успокойтесь, ради Бога! Клянусь вамъ! Я люблю васъ всѣхъ одинаково (*въ сторону*), то есть: всѣхъ до одной — терпѣть не могу.

*Италіянка.* Не увѣряйте! Я знаю по опыту, что всѣ мужья варвары. Я не даромъ семь лѣтъ была примадонною на провинціяльномъ театрѣ. Всѣ оперы, въ которыхъ я играла, мнѣ это очень ясно доказали: Турокъ въ Италіи, и Отелло, и Жокондъ, и Рауль синяя борода, и даже самый Танкредъ... Ахъ, Танкредъ!.. не могу вспомнить объ немъ безъ восхищенія!.. Надо было видѣть, когда я въ первый разъ вышла въ роли Танкреда и пѣла арію: di tanti palpiti.

*Француженка.* A, *di tanti palpiti!* Charmante musique! Я танцовала подъ нее pas de deux въ балетѣ Инесъ-де-Кастро... C'était magnifique!

*Италіянка.* Меня приняли con enthousiasmo! Театръ былъ биткомъ набитъ, и когда я сдѣлала первую руладу, вдругъ раздался ужасный аплодисманъ!

*Француженка*, (*перебивая.*) А я — imaginez-vous — я была одѣта въ алый тюникъ съ золотымъ шитьемъ au diamand, на головѣ у меня былъ токъ à la giraffe, на рукахъ браслеты à la chinoise, перья à la Jocko, серьги à la Talma, и башмаки á la...

*Италіянка.* Потомъ я перешла въ другой тонъ; взяла самую верхнюю ноту и опустилась до нижней, вотъ такъ... (*Дѣлаетъ руладу.*)

*Француженка.* И когда я сдѣлала пируэтъ à la Taglioni...

*Италіянка.* Я кончила арію — и раздалось со всѣхъ сторонъ: Браво! Браво! Фора!

*Француженка.* Театръ затрещалъ, ладоши захлопали, я присѣла...

*Италіянка.* И опять: Браво! Фора!

*Француженка.* И опять: Браво! Фора!

*Италіянка.* Я начала сызнова...

*Француженка.* Я сдѣлала pas de Zefir, glissade en arriére, стала въ позу и начала...

(Италіянка поетъ, Француженка танцуетъ.)

*Вальтеръ.* Безподобно!... Чудесно!..

=

## ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, Испанка и Швейцарка.

*Испанка.* Браво! Браво! Браво!

*Швейцарка.* Танцы и пѣніе! Это безподобно!

*Испанка.* Ахъ, какъ я люблю танцы! Они мнѣ такъ живо напоминаютъ паши редуты! — Донъ Вальтеръ! Донъ Вальтеръ!

Помнишь ли въ зеленой залѣ
Въ Сан-Ильго, въ Сан-Ильго
Фанданго! Фанданго!..
Мы съ тобой, мой другъ, плясали?

Вальтеръ.

Очень помню, прелестная нюд Элена!

(Они поютъ и танцуютъ; Италіянка заливается въ рулядахъ; Француженка дѣлаетъ пируэты и антраша.)

Испанка.

Бубны, кастаньеты
Звучно дребежжатъ!
Доны разодѣты!
Блещетъ маскерадъ.

Вальтеръ.

И звучатъ напѣвы!
Пахнетъ анемонъ!
Ждутъ не долго лѣвы:
Къ нимъ подходитъ Донъ.

Испанка.

И пошли попарно,
И всѣ стали въ рядъ...

Вальтеръ.

Чтобъ подъ звонъ гитарный
Болеро плясать.

оба.

Помнишь ли въ зеленой залѣ:
Въ Сан-Ильго, въ Сан-Ильго
Фанданго, фандапго
Мы съ тобой, мой другъ, плясали?

*Швейцарка.* А помнишь ли, какъ мы съ тобой жили, когда ты путешествовалъ по Швейцаріи и зашелъ въ наши горы?

*Вальтеръ.* Въ кантонѣ Ури? Какъ не помнить! Восхитительная страна! Немножко гориста, дороги плохи... за то прекрасный полъ!.. Ахъ, что за прекрасный полъ! Что за сыръ! Что за масло! Я тамъ какъ сыръ въ маслѣ катался.

*Швейцарка.* А свѣжія сливки!

*Вальтеръ.* А свѣженькія дѣвушки!

*Швейцарка.* А свирѣлки, а рожки!

*Вальтеръ.* А слоеные пирожки!

*Швейцарка.* Голубчикъ ты мой! Все помнитъ! За это я спою тебѣ любимую твою пѣсенку: (*Музыка изъ Кеттли.*)

Въ моей странѣ — прямое наслажденье!
И люди тамъ — всѣ дружески живутъ.
Сердца и честь, вотъ наше въ чемъ имѣнье!
Они одни на все права даютъ!
Тра-ла-ла-ла.

Не ищемъ мы ни золота, ни власти;
Въ любви, въ трудахъ проходятъ наши дни!
За то у насъ не знаютъ и несчастій
И Богъ даетъ намъ радости одни.
Тра-ла-ла-ла.

Въ моей странѣ останься незнакомецъ:
Намъ удѣли безпечный свой досугъ!
И вѣрь ты мнѣ, что горъ простой питомецъ
Тебѣ всегда надежный будетъ другъ!
Тра-ла-ла-ла.

*Вальтеръ.* Прекрасно! Безподобно! Дай расцѣловать себя... (*тихо*) только чтобъ другія не видали!

*Швейцарка.* А помнишь ли по воскресеньямъ... недалеко отъ фермы... подлѣ липки...?

*Вальтеръ.* Я игралъ вамъ на скрипкѣ, а вы танцовали... помню: (*ритурнель кларнета.*)

Швейцарка.

Ты слышишь, рожочекъ
Запѣлъ надъ рѣкой!
Пойдемъ, мой дружечекъ!
Попляшемъ съ тобой!

Вальтеръ.

Изволь, моя Кеттли,
Готовъ я начать!
И весело, пѣть ли...
А надо плясать.

(Когда они подъ ретурнель оканчиваютъ танецъ, является Нѣмка со скрипкой и присѣдаетъ передъ Вальтеромъ.)

=

## ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, и Нѣмка.

*Нѣмка.* Айнъ вальцеръ! Геръ Вальтеръ!

*Вальтеръ.* Изволь, душа моя! (*Онъ играетъ на скрипкѣ, и съ нею вальсируетъ.*)

*Нѣмка,* (*поетъ.*)

Ach! Du lieber Augustin! Augustin!

=

## ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и всѣ Жены.

*Всѣ.* А я-то? А я-то! Со мной! Со мной!

*Вальтеръ* (*въ сторону.*) Ну, пошла потѣха!... Изволь плясать подъ ихъ дудку! (*Всѣ жены съ нимъ попеременно танцуютъ, каждая національный свой танецъ! Онъ переходитъ отъ одной жены къ другой, отъ одной пляски къ другой.*)

Испанка.

Бубны, кастаньеты
Звучно дребежжатъ!
Доны разодѣты!
Блещетъ маскерадъ!

**Русская.**

Здравствуй, милый мой, сердечный другъ!
Ненаглядный мой! пригожій мой,
Что не часто ко мнѣ ходить въ лугъ?
Что рѣденько ты видаешься со мной?

**Италіянка.**

Милый другъ мой, поспѣши,
И подай мнѣ руку!
Я свою, ты поплящи...
И разгонимъ скуку!

**Француженка.**

Viens, viens, mon Amour!
Pas de deux станцуемъ;
Или одинъ только туръ
Проголопируемъ!

**Швейцарка.**

Ко мнѣ, мой дружечикъ,
Дай ручку, начнемъ!
Пастушій рожочикъ
Опять вспомянемъ!

**Голландка.**

Со мной извольте вы начать!
Прочь скука и забота!
Попрыгать и потанцовать
И мнѣ пришла охота!

**Нѣмка.**

Митъ миръ... милій другъ!
Сдѣлайтъ такъ-же кругъ

**Вальтеръ.**

Нѣтъ, усталъ ужъ я!
Ты усоль меня!

(въ сторону.)

Ахъ, какъ желалъ бы я, чтобъ чортъ тебя побралъ!

**Нѣмка.**

Ахъ, какъ майнъ либстеръ мужъ, ты съ мой не танцовалъ,..

Тра-ла-ла-ла...

*Вальтеръ.* Нѣтъ!... Пустите!... Изъ силъ выбился!..Пустите меня! (*Онъ вырывается и падаетъ на скамейку. Всѣ жены къ нему кидаются и начинаютъ махать на него платками, вѣерами, фартуками и чѣмъ попало.*)

*Всѣ.* Ахъ, Боже мой! Что съ вами сдѣлалось! Вы совсѣмъ почти не танцовали!.

*Русская.* Вы ходили...

*Вальтеръ.* Да, если я почаще буду съ вами такъ ходить, такъ вы меня совсѣмъ уходите. — Я жду кредитора: мнѣ не хочется, чтобъ онъ засталъ насъ за столомъ... Г-жи Вальтеръ! Кто меня болыше всѣхъ любитъ?

*Всѣ.* Я! я! я! я!

*Вальтеръ.* Такъ пусть та сходитъ на кухню и распорядится, чтобъ намъ скорѣе давали обѣдать.

*Всѣ.* Я пойду, г. Вальтеръ!... Я! я! я! я! (*Всѣ бѣгутъ опрометью въ домъ перегоняютъ и толкаютъ другъ друга.*)

=

## ЯВЛЕНІЕ XVI.

**Вальтеръ одинъ, потомъ Дроляръ.**

*Вальтеръ.* Слава Богу! Отвязались! На этотъ разъ я дешево отдѣлался... только голова у меня все еще идетъ кругомъ! Что прикажешь съ ними дѣлать: женщины!

Преудивительное дѣло,
Какъ порознь каждая умна!
И вѣрно всякой скажетъ смѣло:
«Да это ангелъ, не жена!»
На все готова, что хотите,
И даже ловитъ каждый взглядъ!
Но ихъ, попробуйте, сведите—
И что-же выйдетъ? — Сущій адъ!

*Дроляръ.* Ба, ба, ба, ба! Вальтеръ! Ты-ли это! Бомбы, ядра и картечи! — Кой чортъ занесъ тебя сюда?

*Вальтеръ.* Не чортъ, а случай! Обними меня, старый другъ!

*Дроляръ.* Не попадай я никогда въ Мадеру; не попади мнѣ капля мадеры въ глотку, если я когда нибудь думалъ, что ты тутъ!... Сталъ на якорь недалеко отсюда, сошелъ на сушь — промочить горло, да запастись водою, сижу въ кофейной—глядь! передо мной молоденькая, красноцекая, хорошенькая дѣвушка...Я сейчасъ пріосамился и къ ней: «Чѣмъ могу служить-съ?» — Она мнѣ книксъ и подаетъ записку... и отъ кого-же? Мнѣ бы и въ голову никогда не пришло!... Отъ стараго пріятеля, стараго балагура и повѣсы!... А я думалъ, что ты живешь себѣ преспокойно въ

Амстердамѣ съ женою... обзавелся домкомъ, дѣтьми... Но скажи, пожалуйста, отъ какой крайности закинуло тебя на край свѣта?

*Вальтеръ.* Мы съ тобой не видались четыре года; съ тѣхъ поръ много воды уплыло, много я и проплылъ водою: былъ и въ Гибралтарѣ, и въ Шотландіи, въ Архипелагѣ и въ Россіи, въ Стральзундѣ и въ Неаполѣ, обошелъ всю Швейцарію и побывалъ въ Брюсселѣ и Миланѣ. А теперь поселился здѣсь: сѣю табакъ и пожинаю вино.

*Дроллеръ.* То есть ты принялся за винодѣліе. Доброе дѣло!

*Вальтеръ.* Не станемъ попусту терять золотого времени: скажи, можешь ли ты меня и жену мою взять къ себѣ на корабль?

*Дроллеръ.* Какъ! Жена твоя здѣсь? Сдѣлай милость, познакомь братецъ! — Ты можешь отрекомендовать меня, какъ старинпаго друга и пріятеля.

*Вальтеръ.* Изволь! Только ты мнѣ скажи напередъ, съ которою ты хочешь познакомиться?

*Дроллеръ.* Какъ съ которой? Развѣ у тебя ихъ дюжина?

*Вальтеръ.* Не то, чтобъ дюжина, и ты много изъѣздилъ на своемъ вѣку, и я не знаю, какой пацін женщинъты больше любишь?

*Дроллеръ.* Что ты этимъ хочешь сказать?

**Вальтеръ.**

Во всѣхъ странахъ извѣстныхъ
Красавицъ я искалъ,
И множество прелестныхъ
Образчиковъ набралъ.
Любилъ я въ Италіянкѣ
Красу лилейныхъ плечъ,
А въ пламенной Испанкѣ
Возвышенную рѣчь!
Въ Швейцаркѣ — взоръ и голосъ,
Исполненный огня!
А въ Нѣмкѣ рыжій волосъ
Обворожилъ меня.
Француженка ногами
Съ ума меня свела;
А Русская — межъ нами, —
Мнѣ по сердцу пришла!
Въ Шотландкѣ есть улыбка,
Что трогаетъ до слезъ.
Голландку-же — ошибкой
Въ реэстеръ я занесъ.
Я взялъ, что было можно,
Отъ каждой стороны,
И слилъ все осторожно
Въ *итогъ моей жены!*

*Дроллеръ.* Что за чепуху онъ говоритъ! — Дай-ка пульсъ: у тебя должна-быть морская лихорадка.

*Вальтеръ.* Нѣтъ, я здоровъ. Но ты вѣрно слышалъ о важномъ процессѣ, который нынче утромъ здѣсь рѣшили?

*Дроллеръ.* Процессъ девятиженца! — Какъ-же? Говорятъ, пострѣлу велѣно жить со всѣми девятью женами?

*Вальтеръ.* Пострѣлъ этотъ предъ тобою.

*Дроллеръ.* Ты! Ромъ и Ямайка! Мнѣ этого никогда и во снѣ не снилось!

*Вальтеръ.* А со мной случилось на яву. Ты можешь себѣ представить, что жить этакъ самъ-десятъ не слишкомъ пріятно; а потому, узнавши, что ты пристадъ здѣсь къ берегу, я и рѣшился съ одной тайкомъ уѣхать.

*Дроллеръ.* Умно и обдумано. Которую же ты хочешь увезть?

*Вальтеръ.* Молодую Мексиканку.

*Дроллеръ.* Мексиканку! — Да о Мексиканкѣ мнѣ ни слова не говорили; ея не было въ итогѣ...

*Вальтеръ.* Не мудрено: это чрезвычайное прибавленіе... она сверхъ-комплектная...

*Дроллеръ.* Повѣса!

*Вальтеръ.* Я хочу исправиться! Имѣть девять женъ, по моему, все тоже, что не имѣть ни одной, а потому я хочу жениться...

*Дроллеръ.* На десятой? — Дѣло!

**Вальтеръ**

Хочу бѣду свою поправить,
И отправляясь въ край родной,
Здѣсь девять женъ монхъ оставить,
Чтобъ жить любовію одной.
Я потерялъ въ Гимена вѣру!
Въ его дарахъ не видѣнъ прокъ;
*(показывая на домъ свой.)*

И бросивши его галеру,
(*показывая на Дроляря.*)
Возьму Амура челночокъ.

*Дроляръ.* То есть: мою шлюбку. Она стоитъ здѣсь за утесомъ, а корабль всегда къ твоимъ услугамъ! Вѣтеръ попутный — и, если хочешь, то мы хоть сейчасъ подымаемъ парусъ...

*Вальтеръ.* Надо приступить къ дѣлу какъ можно осторожнѣе: за мной присматриваютъ здѣсь сотни глазъ и берегутъ меня пуще глаза. Я даю нынче свадебный пиръ: во время суматохи, я какъ нибудь увернусь, Мексиканочкѣ своей велю быть на готовѣ, мы прокрадемся къ берегу... прямо въ шлюбку и къ кораблю, а тамъ...

*Дроляръ.* А тамъ мое дѣло. (*Слышенъ шумъ, крикъ и звонъ разбиваемой посуды.*) Ба! Это что за шумъ и стукотня!

*Вальтеръ.* Ничего! Это безмятежность моего домашняго быта. Однако ступай отсюда; я боюсь, чтобъ жены мои насъ не застали и не возъимѣли подозрѣнія.

*Дроляръ.* Ну, до свиданья, плутъ!. Ха! ха! ха! (*Крадется на цыпочкахъ, искоса поглядывая на окна дома..*)

*Вальтеръ.* Вѣрно Джина что нибудь не такъ состряпала—и заварилась каша!

=

## ЯВЛЕНІЕ XVII.

Вальтеръ и Джина.

Джина, плачетъ.

Такъ можно ль браниться ужасно?
Такъ можно ли дѣвушку бить?
И послѣ пощечинъ, куда какъ прекрасно
У этакой вѣдьмы служить!

Вальтеръ.

Скажи мнѣ, Джина, что случилось?
О чемъ ты плачешь, какъ дитя?

Джина.

Супруга ваша меня била-съ

Вальтеръ.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Не шутя?

Джина.

Да, двѣ пощечины влѣпила,
Что такъ въ груди и замеръ духъ.

Вальтеръ.

По этому ты получила
Осьмнадцать полныхъ оплеухъ?

Джина.

Такъ можно ли драться ужасно?
Такъ можно ли дѣвушку бить?
И послѣ побоевъ напрасныхъ
Не стану у вѣдьмы служить!

*Вальтеръ.* Надѣюсь, послѣ этого ты вѣрно поѣдешь со мною?

*Джина.* Куда вамъ угодно, только подальше отъ нихъ.

*Вальтеръ.* Мы сегодня же отправимся, все готово. Слушай: не ставь бутылокъ на столъ, и если я тебя во время обѣда пошлю за виномъ, такъ ты останься въ домѣ... и подожди меня.

*Джина.* Хорошо. . . я васъ буду ждать.

*Вальтеръ.* И скоро, милая моя Джина, мы съ тобой запоемъ:

Лети, лети, кораблъ, стрѣлою!
Подуйте, вѣтры, въ паруса!
Ахъ, скоро, скоро надо мною
Родныя будутъ небеса!

Джина.

Съ тобою, другъ мой, не боюся
Носить супружескихъ оковъ!
И весело я понесуся
Отъ этихъ скучныхъ береговъ!

Вмѣстѣ.

Лети, лети корабль, стрѣлою!
И проч.

*Вальтеръ.* Идутъ! идутъ!

*Джина,* (*отскакивая.*) Ахъ!

*Вальтеръ.* Притворюсь сердитымъ... (*Громко.*) Да, да, негодная! Я тебѣ говорю, что ты виновата, а жены мои правы! Онѣ всегда правы! И если тебя побили — все таки правы!... Слышишь ли ты, жены мои всегда правы!

=

## ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, и девять женъ Вальтера.

(Четыре мальчика выносятъ за ними столъ, уже совсѣмъ накрытый, и ставятъ его къ авансценѣ, налѣво.)

*Голландка.* По дѣломъ, по дѣломъ, муженекъ! Пусть нынче еще послужитъ, а завтра ей расчетъ, да и маршъ.

*Вальтеръ.* Да; мы ее завтра сгонимъ, (*въ сторону*) если она нынче сама не уѣдетъ. (*имъ*) Однако, чтожъ мы думаемъ? Пора за столъ садиться.

*Испанка.* Первое мѣсто принадлежитъ мнѣ по всѣмъ правамъ.

*Всѣ.* Нѣтъ, мнѣ! Нѣтъ, мнѣ! Нѣтъ, мнѣ!

*Голландка.* Вотъ еще! А я-то что!

*Вальтеръ.* Опять за споръ! Постойте, я сейчасъ рѣшу, кому гдѣ сидѣть. Первое мѣсто всегда дается по старшинству лѣтъ: кто изъ васъ всѣхъ старѣе?

*Всѣ.* Не я! Не я! Она! Вонъ она! Не я!

*Голландка.* И что тутъ толковать о возрастахъ! Охота вамъ переливать изъ пустого въ порожнее! Сядемъ какъ попало, да и все тутъ.

(Всѣ жены одна передъ другой присѣдаютъ.)

**Всѣ.**

Прошу покорнѣйше садиться!
И будьте здѣсь, какъ у себя!

**Вальтеръ**

Къ чему, друзья мои, чиниться:
Равно вы милы для меня.

**Испанка.**

Нѣтъ, нѣтъ! Во что бы то ни стало:
А я не сяду, какъ попало!

**Русская.**

Вы слышите, мы всѣ равны:
Къ какой же стати здѣсь чины!

**Вальтеръ.**

Или здѣсь всѣ тебя моложе?

**Испанка.**

Ахъ, нѣтъ! Зачѣмъ? Избави, Боже!

(*всѣ садятся.*)

**Француженка.**

Я противъ васъ! car mon avis:
Les vis-à-vis sont des amis!

**Италіянка.**

Прошу васъ кушать, веселиться!

**Француженка.**

Забудемъ горе и печаль!

**Русская.**

Насъ Богъ привелъ съ нимъ помириться...

**Швейцарка.**

И мнѣ его, ей Богу, жаль!

*Вальтеръ.* Джина!

*Джина.* Чего изволите?

*Вальтеръ.* А гдѣ-же вино? Ты вѣрно забыла?

*Джина.* Виновата! Я такъ заторопилась! Сейчасъ принесу! (*Уходитъ въ домъ и по временамъ выглядываетъ изъ окошка.*)

*Вальтеръ.* А, свѣжій бекасъ! Прекрасное блюдо!... Не угодно ли вамъ бекаса, мадамъ Вальтеръ.

*Всѣ,* (*подставляютъ тарелки.*) Пожалуй, душа моя!

*Вальтеръ.* Какъ? Всѣмъ? Извольте! Не правда ли, бекасъ славная птица, даромъ, что съ носомъ. Въ нынѣшнемъ году много бекасовъ; и говорятъ, что даже въ Европѣ теперь за самыми знатными столами все — дичь! — Всѣмъ ли достался?—А нашъ обѣдъ не дуренъ! Чего хочешь, того проси! Точь въ точь, какъ моя супружеская жизнь.

Нашъ столъ, отъ страннаго смѣшенья
Жаркихъ, и суповъ, и варенья,
На мой семейный бытъ похожъ,
А я, безъ всякаго сомнѣнья,
На всѣхъ прожорливыхъ вельможъ,
Къ тому жъ въ супружествѣ моемъ,
Я, какъ затѣйникъ гастрономъ,
Который долго не обѣдалъ,
За пестрымъ свадебнымъ столомъ
Отъ блюда каждаго отвѣдалъ.

*Голландка.* Да, распѣвай пѣсенки, а законы запрещаютъ отвѣдывать отъ этакихъ блюдъ... и девять женъ...

*Вальтеръ.* Понимаю, что вы хотите сказать! Это маленькая ревность, мадамъ Вальтеръ! Полно сердиться... выпьемъ

лучше за здоровье молодыхъ... вина... Она еще не пришла?... Джина! Джина!... Не откликается!... Кой чортъ она тамъ дѣлаетъ? Дона Элена, потрудись, сходи, пожалуйста!

*Испанка.* Вотъ еще! Пойду я за служанкою!

*Вальтеръ.* Такъ ты, Кеттли, сходи за нею.

*Швейцарка.* Не хочется вставать...

*Вальтеръ.* Адель?

*Француженка.* Vous-vous moquez de moi, à ce qu'il paraît?

*Вальтеръ.* Такъ поди-же ты, Аграфена Пантелеевна!

*Русская.* Вы забываете, сударь, что я благородная...

*Вальтеръ,* (*въ сторону.*) Откуда что берется!.— Тиньхенъ, сдѣлай одолженіе, хоть ты...

*Нѣмка.* Ахъ, ду майнъ либеръ Геръ Готъ! Мой не служанка.

*Вальтеръ.* По этому мнѣ самому придется итти?

*Голландка.* Самъ нанималъ, самъ и ходи за нею.

*Вальтеръ.* Извольте: я пойду! Прошу только не пенять послѣ. (*Бѣгомъ уходитъ въ домъ; Джина исчезаетъ отъ окна.*)

*Италіянка.* Нехорошо, право, нехорошо, что вы имъ такъ помыкаете!— А онъ, сердечный мой, тотчасъ и пошелъ... Чего бы стоило кому нибудь изъ васъ сходить за виномъ?

*Испанка.* Зачѣмъ-же вы сами не пошли? Вы его больше знаете, чѣмъ мы!

*Русская.* Вы меня спросите, ужъ какъ я его знаю! Прекрасный человѣкъ, мусью Вальтеръ: великатенъ, учливъ, обходителенъ и пратикуляренъ!

*Француженка.* Правда! — Au fond il est bon enfant!

*Швейцарка.* И намъ, право бы, должно поберечь его!

(Вальтеръ и Джина съ узелкомъ крадутся къ берегу и скоро исчезаютъ за утесомъ.)

*Нѣмка.* Вирклихъ варъ! Чтобъ не былъ у насъ ревности, пойдемте всѣ къ нему.

*Голландка.* И поможемъ ему справиться съ этой негодной Мексиканкой!

*Всѣ.* Пойдемте! Пойдемте!

(Всѣ вскакиваютъ изъ за стола и хотятъ итти, въ это время проплываетъ шлюпка: Дроляръ стоитъ у мачты; Вальтеръ держитъ Джину въ объятіяхъ. Вдали слышны перекаты грома.)

*Голландка, (увидавъ ихъ.)* Боже! Что я вижу? Что это значитъ?

*Русская.* Мусью Вальтеръ! Мусью Вальтеръ! Куда вы?

*Вальтеръ.* За шампанскимъ... туда, гдѣ оно растетъ и зрѣетъ. — Прощайте, новыя мои Аріадны! Я васъ покидаю — навѣки!.. навѣки!... Впрочемъ, будьте увѣрены въ моемъ расположеніи и преданности!

*Всѣ.* Какъ?... Что?... Куда?... Почему?... Зачѣмъ?...

ВАЛЬТЕРЪ И ДЖИНА.

Лети, лети, ладья, скорѣе!
Подуйте, вѣтры, въ паруса?
Забилось сердце веселѣе:
Насъ ждутъ родныя небеса?

(Вдали громъ и молніи.)

*Дроляръ.* Солнце закатилось, тучи находятъ... Ну! съ Богомъ!

(Къ публикѣ.)

Хоть мы плывемъ и вмѣстѣ съ солнцемъ,
Но я боюсь, скажу въ глаза,
Чтобъ надъ моимъ девятинедцемъ,
Не поднялася здѣсь гроза.

(*Если будутъ апплодировать въ этомъ мѣстѣ, то Вальтеръ скажетъ:* «Распусти парусъ, Дроляръ! Вѣтеръ попутный!»)

*Вальтеръ.* Супруги мои! Спокойной ночи! Пріятнаго сна!

*Джина.* Мадамъ Вальтеръ! Прощайте-съ!

(Они всѣ трое поютъ: Лети, лети, ладья, и т. д., и уплываютъ.)

*Всѣ.* Жестокій мужъ!.. Извергъ!... Вѣроломный!... Клятвопреступникъ!

*Голландка.* Держите! . . . Ловите! Схватите его!

*Всѣ.* Г. Вальтеръ! . . . Мужъ мой! Вальтеръ!

*Русская.* Творецъ мой! Они подплываютъ къ кораблю... взошли... паруса подняты!... пустились въ море!

*Всѣ,* (*падая въ обморокъ.*) Охъ! . . . Охъ!... Ихъ!... Ухъ!... Ай!

*Педриллъ,* (*выбѣгаетъ изъ своего трактира.*) Что за шумъ? . . . Что за визгъ?.. Ба! Онѣ всѣ попадали въ обморокъ!... Надо имъ помочь!... Педро!... Ніэго... хрѣну... воды!... чанъ воды!... (*Онъ схвытываетъ ведро съ водою, которое стоитъ около дома и бѣжитъ ихъ поливать.*)

*Всѣ,* (*вскакивая.*) Какъ? Что? Насъ поливать? Какъ ты смѣешь? Ахъ, ты негодяй, невѣжа! Американецъ!

(Онѣ всѣ кидаются на него, и начинаютъ бить, онъ отъ нихъ вырывается и бѣжитъ домой; онѣ его преслѣдуютъ; въ это время слышенъ сильный ударъ грома и вскорѣ видно зарево.)

*Русская.* Боже мой! это ударило въ корабль нашего мужа!

*Всѣ.* Да, да, вонъ онъ пылаетъ! . . . Ахъ, какая страсть!..

*Педриллъ.* Такъ это острякъ сосѣдъ хотѣлъ улизнуть?

(Слышны два пушечные выстрѣла, и ужасный взрывъ.)

*Педриллъ.* Ахъ! какъ ихъ взорвало!.. Вотъ тебѣ и праздникъ! Онъ думалъ уйти отъ правосудія... а отъ гнѣва Божія, братъ, не уйдешь! Впередъ наука: не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ расчета!

ВСѢ ЖЕНЫ.

(Смотрятъ нѣсколько минутъ другъ на друга, потомъ закрывая глаза платками, медленно подходятъ къ авант-сценѣ и на взрыдъ хоромъ начинаютъ пѣть.

Супругъ нашъ вѣтренъ и жестокъ!
Безъ чести, сердца и безъ правилъ!
Онъ насъ далеко такъ завлекъ,
И здѣсь безъ жалости оставилъ.
Что родъ мужской не весь таковъ,
Хоть вы предъ свѣтомъ докажите:
И чтобъ утѣшить бѣдныхъ вдовъ,
Почаще къ намъ вы приходите!

# ДѢЛОВОЙ ЧЕЛОВѢКЪ,

ИЛИ

# ДѢЛО ВЪ ШЛЯПѢ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СЪ КУПЛЕТАМИ.

СОЧИНЕНІЕ

ѲЕДОРА КОНИ.

## ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Поптелей Иванович Жучекъ.

Марья Петровна, жена его.

Сила Савичъ Горскій.

Иванъ, слуга.

---

*Дѣйствіе въ С. Петербургѣ, въ 1840 году.*

---

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Александрійскомъ театрѣ, Императорскими придворными актерами, мая 31, 1840 года.



# ДѢЛОВОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Свѣтлая веселая комната. Въ ней бюро, письменный столъ, заваленный бумагами и газетами и нѣсколькими книгами «Свода Законовъ». Маленькій диванъ, рабочій дамскій столикъ, фортепьяно и трюмо.

### ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Петровна и Сила Савичъ.

*Марья Петровна.* Романсъ вашъ прекрасенъ! Пожалуйста, пройдемте его еще разъ.

*Горскій.* Съ удовольствіемъ. Вы знаете, мы люди грѣшные, съ самолюбіемъ. Автору никогда не надоѣстъ повторять свое сочиненіе. (*Она садится за фортепьяно, онъ беретъ скрыпку*). Начинайте.

Марья Петр. (поетъ).

Рано цвѣтикъ, рано ты
Въ полѣ разпустился!
Рано съ вами я, мечты,
Въ жизни подружился!
Рано цвѣтикъ ты увялъ,
Не дождавшись лѣта!
Рано скорби я узналъ
И обманы свѣта!

Ты теперь едва цвѣтешь
И поникъ главою,
На тебя и я похожъ
Сдавленный тоскою!

Что роса и солнца жаръ:
Ты не взглянешь бодро!
И весна напрасно въ даръ
Посылаетъ вёдро!

Такъ и мнѣ теперь равно
Чтобы ни случилось!
Я желалъ, но ужь давно
Сердце остудилось!
Я мечталъ, — но тѣ мечты
Потеряли цѣну!
Я любилъ — и красоты
Я узналъ измѣну!

=

## ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Жучекъ входитъ, въ шляпѣ, съ свертномъ бумагъ въ рукахъ.

*Жучекъ.* Браво! Браво! Брависсимо.

*Горскій.* А! Пантелей Ивановичь! здравствуй!

*Жучекъ.* Здравствуй пріятель! Машинька ручку.

*Марья Петр.* Знаешь, другъ мой: это сочиненіе Силы Савича.

*Жучекъ.* Знаю! Онъ у меня лихой! На все гораздъ: и музыкантъ, и картинки на выставку пишетъ, и романсы сочиняетъ и еще кой на что остеръ... знаю! знаю!...

*Горскій.* Благодарю за похвалу!

*Жучекъ.* Однако я радъ, что ты забѣжалъ! Я хотѣлъ было посылать къ тебѣ...

*Горскій.* Развѣ что нужно?

*Жучекъ.* Очень нужное дѣло, братецъ: отобѣдай съ нами сегодня! Намъ безъ тебя съ женою скучно!

*Марья Петр.* Ахъ, да! пожалуйста.

*Горскій.* Радъ бы душею, да не могу...

*Жучекъ.* Что за вздоръ!

*Горскій.* Нѣтъ, кромѣ шутокъ Мнѣ надо съѣздить верстъ за 30-ть, въ деревню.

*Жучекъ.* Въ деревню? Въ какую деревню? Вотъ выдумалъ штуку!

*Марья Петр.* Онъ шутитъ.

*Горскій.* Ей Богу, нѣтъ! дѣло очень важное!...

*Жучекъ.* Ну, коли важное дѣло, Богъ съ тобой... удерживать несмѣю! (*въ сторону*). Знаемъ мы эти важныя дѣла: какая нибудь интрижка на мази.

*Марья Петр.* Только послушайте, вѣтренникъ! Вы не забудьте мнѣ передъ отъѣздомъ доставить арію изъ Весталки....

*Жучекъ.* Да, да, братъ! Ты не шути! И это дѣло важное. Моя Маша ждать немастерица: она пожалуй, разсердится.

*Горскій.* Я въ одну минуту слетаю въ магазинъ и чрезъ полчаса арія будетъ у васъ вмѣстѣ съ букетомъ прекраснѣйшихъ розъ.

*Жучекъ.* Охъ! ужъ вы мнѣ съ вашими аріями, дуэтами, да операми! Не понимаю, что за удовольствіе ихъ слушать, смотрѣть, и разпѣвать.

*Марья Петр.* И папаша, стыдись!

*Жучекъ.* Что тутъ стыдиться!

Не вижу въ операхъ я толку!
По мнѣ онѣ галиматья!
Поютъ себѣ всѣ безъ умолку
Солдаты, бабы и князья!
Ну воютъ точно, какъ шальные
Когда ихъ рѣжутъ или бьютъ,
А есть межъ ними записные,
Что и во гробѣ-то поютъ.

Ну гдѣ же тутъ натура? И все какіе то черти, да діаволы.

*Горскій.* Полно, Пантелей Ивановичъ, ты этаго не понимаешь.

*Жучекъ.* Толкуй себѣ! Что я невидалъ оперъ, что ли? То-ли дѣло въ старину: дадутъ бывало мѣльника: выдетъ съ топоромъ, шапка на бекрень, борода вотъ какая:

Я де мѣльникъ
Не бездѣльникъ
Ворожейка!

Или какую нибудь Русалку, да Невидимку покажутъ! Такъ ужъ есть, что посмотрѣть: любо дорого! Русалки-то и такъ и этакъ. (*Размахиваетъ руками, какъ будто плаваетъ*). А тутъ Сандунова, бывало, тоненькимъ голоскомъ:

Приди въ чертогъ ко мнѣ златой
Приди, о князь ты мой драгой!

Да вѣдь какая хорошенькая! Такъ вотъ тебя и дергаетъ. . . Такъ бы, кажется, и кинулся къ ней въ омутъ! И все это волшебное, такое понятное... А то, что вы теперь нѣмецкія-то лясы отпускаете... *Фенелла, либсте швестеръ, ди бисте фише,* смотришь, а въ афишѣ и нѣтъ ничего; чертъ ихъ разберетъ, что они тамъ болтаютъ, да руками размахиваютъ. Скука, да и только.

*Горскій.* За чѣмъ же ты ѣздишь въ театръ, когда тебѣ не нравится наша опера?

*Жучекъ.* Зачѣмъ? Всѣ ѣздятъ, братецъ? Вѣдь я тоже не кто нибудь... Надворный Совѣтникъ... Ну и жену надо потѣшить.

*Марья Петр.* Покорно васъ благодарю, что вы для меня скучаете.

*Жучекъ.* Не за что, душа моя! Я только исполняю свой долгъ, — то есть: долгъ женатаго человѣка и порядочнаго мужа.

*Марья. Петр.* Который не понимаетъ и не любитъ музыки.

*Горскій.* Однако прощайте! Мнѣ пора! Надо еще кой куда завернуть прежде отъѣзда.

*Марья Петр.* Au revoir, Горскій! Смотрите: не заживитесь въ деревнѣ, вспомните объ насъ! Прощай антимеломанъ! Пойду одѣваться... Ла-ла-ла... (*Беретъ мужнину шляпу, вынимаетъ изъ нея свертокъ бумагъ, надѣваетъ шляпу, глядится въ трюмо и уходитъ къ себѣ въ спальную, въ разсѣянности унесъ съ собой и свертокъ*). Неправдали ли, какъ я интересна?

*Горскій.* Безподобны!

*Жучекъ.* Баловница!

=

### ЯВЛЕНІЕ III.

Горскій и Жучекъ.

*Жучекъ.* Когда же мы увидимся?

*Горскій.* Завтра утромъ. Я къ ночи ворочусь.

*Жучекъ.* А понимаю. Ты вѣрно ѣдешь хлопотать объ наградѣ за свою храбрость?

*Горскій.* За какую?

*Жучекъ.* Полно прикидываться: я вѣдь знаю, какъ ты раскипятился намѣдни и вызвалъ Зубатаго на дуэль. Ты думаешь, что мы коптимъ въ Сенатѣ, да корпимъ надъ бумагами, такъ ужъ и не знаемъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ?

*Горскій.* Но я могу тебя увѣрить....

*Жучекъ.* Перестань, братецъ! Ну что скромничать! И справедливость требуетъ, чтобъ красотка тебя наградила! Ты, какъ храбрый рыцарь, защищалъ честь прекраснаго пола... хоть оно, можетъ быть, не безъ особенныхъ причинъ... Ты вѣдь старый плутъ.

*Горскій.* Нѣтъ любезный, ты ошибся. Во первыхъ, я хотѣлъ стрѣляться не за женщину...

*Жучекъ.* Чай за мужчину?

*Горскій.* А во вторыхъ...

*Жучекъ.* Да полно-же! Увѣряй другихъ, а нашего брата не надуешь! Я не даромъ секретарь Сената: въ самомъ крючковатомъ дѣлѣ концы отыщемъ!

*Горскій.* Это еще ничего не доказываетъ...

*Жучекъ.* Фу, ты какой человѣкъ!... Чтожь тебѣ такъ хотѣлось погарцовать небось? Мнѣ де молъ жизнь — копѣйка! Дерусь, да и только! Нѣтъ, братъ, Донъ-Кишоты нынче стали рѣдки! Въ 1840 году, коли дѣлаютъ добро, такъ ужъ вѣрно не даромъ. Я по себѣ знаю: попадется въ руки процессъ и видишь, кто правъ, кто виноватъ; да коли правда-то голая, такъ оно и не такъ ловко.

Не щадя души и тѣла
Обличить готовъ обманъ:
Но чтобъ чисто было дѣло,
Нуженъ, братецъ, чистоганъ.
А отъ личныхъ обязательствъ
Какъ-то къ дѣлу я лѣнивъ...
Дай наличныхъ доказательствъ,
Я, какъ чертъ, трудолюбивъ.

*Горскій.* Но я тебѣ кляпусь, что ты жестоко обманулся!...

*Жучекъ.* Обманулся! Хмъ! хмъ!... Извольте! Точно, точно, я обманулся! Гдѣ-жъ мнѣ понять?... Я вѣдь малюточка, грудной ребенокъ...

*Горскій.* Ты чудакъ! Съ тобой нестолкуешь. Прощай!

*Жучекъ.* Прощайте, тонкій человѣкъ! Небойтесь: я недогадливъ... Нѣтъ, я ничего не смыслю...

=

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Жучекъ, одинъ.

Ха! ха! ха! Этакая проказа! А лихой малой! Голова геніальная! По настоящему ему быть бы академикомъ или, по крайности, профессоромъ, а онъ вотъ только — что Титулярный! Вотъ такъ-то у насъ все... О... о... охъ... охъ! Однако пора и за дѣло приниматься! Какая скука! Тяжбы, да тяжбы и вѣчныя тяжбы! Хорошо еще, когда можно ихъ обдѣлывать по моей системѣ:

Въ мой кабинетъ за совѣщаньемъ
Идутъ отвѣтчикъ и истецъ:
Я ихъ снабжаю обѣщаньемъ
И провожу ихъ наконецъ.
А тамъ сыщу для нихъ законы
И все рѣшитъ одна статья:
Что проигралъ и *сей* и *оный*.
А выигралъ — все я, да я!

А вотъ, напримѣръ, процессъ; тутъ, какъ ни верти, все ничего путнаго не вывернешь. Мужъ ссорится съ женой, разъѣхались и просятъ дѣлежа. Конечно въ этомъ дѣлежѣ моей доли необойдутъ, да все дѣло то... не такое... чтобы.. больно явственно... всѣ на чистоту! А куда странны люди, подумаешь. Вотъ н. пр. жили въ ладу и въ согласіи тригода,— а все таки бѣсъ попуталъ! А кто виноватъ? Все барыни! барыни! барыни! да друзья закадычные! Это-то настоящіе аспиды и есть! Ну, да и мужья розини, прости Господи! Не видятъ что у нихъ подъ носомъ дѣлается! О! я увѣренъ, со мной бы никогда этого не случилось! Во первыхъ: я никуда не ѣзжу, кромѣ присутствія; во вторыхъ: я никого къ себѣ не принимаю въ домъ; никого таки формально, кромѣ просителей и Горскаго. Ну просители, чтожъ такое просители? придутъ, принесутъ тамъ бумаги, бумажки что ли, покалякуютъ, да и уйдутъ; а Горскій... Горскій свой человѣкъ, онъ у меня на глазахъ почти выросъ, чтожъ мнѣ передъ нимъ носъ подымать. Онъ же музыкантъ, и жена у меня музыкантша... бренчатъ себѣ, да распѣваютъ съ утра до ночи... Чтожъ за бѣда! Люди любятъ музыку и живутъ припѣваючи... И то правда,.. заниматься все музыкой, да музыкой — надоѣстъ; при дуэтахъ, да симфоніяхъ имъ, пожалуй, придетъ какая нибудь фантазія... И! что за чепуха лезетъ мнѣ въ голову! Ужъ не позволитъ пріятелю, короткому другу... Однако это не резонъ, дружба — дружбой, а сколько мы видимъ примѣровъ... другъ! другъ! а глядишь, на повѣрку мужъ — то и выходитъ самъ другъ... Конечно Маша меня любитъ, я у нея, какъ синій порохъ въ глазѣ... да глазамъ то этимъ не слишкомъ надо вѣрить; фальшивая монета!

Мужья со смѣтою наряду
Супружеской повѣрятъ ласкѣ:
Онѣ мужьямъ въ глаза глядятъ,
А за глазами строятъ глазки!
Нерѣдко женщины глаза
Дарятъ насъ самымъ нѣжнымъ взоромъ:
Ты думаешь — въ нихъ небеса!
Анъ тамъ сидитъ самъ чортъ съ приборомъ....

А съ нѣкотораго времени, я замѣчаю, мой Сила что-то слишкомъ сталъ лебезить около моей жены. Онъ румянъ, дюжь, досужъ... Ну, а я человѣкъ дѣловой... На всякой часъ не убережешься. Неужели у нихъ завелись шашни? А что ты думаешь? Какъ бы я хотѣлъ войти въ дѣло и узнать все пообстоятельнѣе. Да вздоръ! Онъ разсыпается передъ ней мелкимъ бѣсомъ и

отпускаетъ отборныя фразы.... это доказываетъ, что онъ только при вступленіи: при супирахъ, да сувенирахъ... до развязки еще далеко! Да нѣтъ, мой сердечный! отложи попеченіе! Я вѣдь не кто другой! Подпускай турусы, подпускай! у меня и вотъ съ чѣмъ отъѣдишь! (*показываетъ посъ*).

Какъ ни силъна его атака,
Но я поставилъ ей предѣлъ;
Хоть на питріи онъ собака,
Да я и самъ собаку съѣлъ.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Ай да процессъ, голубчикъ! Спасибо! Ты меня на умъ поставилъ! А га! га! га! Меня надувать! Нѣтъ! стара пѣсня! Тотчасъ же примемся за дѣло... (*Изъ спальни стучатъ*). Кто тамъ?

*Марья Петр.* (*Изъ спальни*). Можно войти? Это я.

*Жучекъ.* Жена! тѣмъ лучше! — Войди душенька! Войди!... Загнемъ ей закорючку, на первый случай.

=

## ЯВЛЕНІЕ V.

Жучекъ и Марья Петровна.

*Марья Петр.* Я тебѣ не помѣшала?

*Жучекъ.* Помилуй, что ты, Господь съ тобой! Да развѣ ты мнѣ мѣшала когда нибудь? Напротивъ, при тебѣ я даже совсѣмъ другой человѣкъ: откуда, что берется, все это течетъ, какъ по маслу.

*Марья Петр.* Право? Тѣмъ лучше. А я пришла тебя попросить... Ты мнѣ не откажешь, папаша? А? (*Беретъ его за подбородокъ*).

*Жучекъ.* Тебѣ отказать? Ахъ! ты моя мамуничка. Да развѣ это возможно! (*Цѣлуетъ у ней руки*). Говори, что тебѣ угодно, все мигомъ явится! Вѣрно новое платьице или шляпка, какая нибудь этакая — а ля,... Самъ слетаю къ Сихлерши... Ванька! дрожки!

*Марья Петр.* Остановп свое стремленіе! Совсѣмъ не то, ты не угадалъ.

*Жучекъ.* Что же?

*Марья Петр.* Ты знаешь, какъ рѣдко я выѣзжаю со двора...

*Жучекъ.* Ну нѣтъ, Ангелъ мой! Не такъ, чтобы очень...

*Марья Петр.* Напротивъ, очень рѣдко.

*Жучекъ.* Ну, ну, ну! Если ты такъ думаешь, я спорить не стану.

*Марья Петр.* Мнѣ хочется нынче въ театръ: нѣмцы даютъ Донъ-Жуана.

*Жучекъ.* И душенька! Охота тебѣ смотрѣть эти вздоры. Добро бы еще какой нибудь хорошій спектакль: Двумужница или Рябовъ, да Параша...

*Марья Петр.* Какъ! Донъ-Жуанъ не хорошая піеса?

*Жучекъ.* Да что въ нёмъ? Донъ-Жуанъ! И по Исторіи-то извѣстно, что онъ былъ просто Римскій полководецъ въ ботфортахъ и въ шишакѣ. Только и разницы, что тотъ говорилъ по римски, а у насъ, чай, по нѣмецки. Да какія нибудь тутъ рыцарскія сраженія, шуринпры... легко ли дѣло, что за невидаль такая?

*Марья Петр.* Э! да ты ничего непонимаешь! Я вижу, тебѣ просто не хочется ѣхать. По крайней мѣрѣ возьми мнѣ ложу, на *Бронзоваго коня*.

*Жучекъ.* Вотъ это говорятъ отличная штука. Лошадь то, чай, возмутъ настоящую, изъ дворцовой конюшни... и воды говорятъ много, цѣлое дѣйствіе, вишь ли, водяное...

*Марья Петр.* И музыка милаго моего Обера!

*Жучекъ*, (*въ сторону*). Эге! да у нея и тамъ завелся какой-то милый музыкантъ.

*Марья Петр.* Такъ ты возмешь билетъ? Непремѣнно надо ѣхать.

*Жучекъ.* А когда даютъ Конд-то?

*Марья Петр.* Завтра.

*Жучекъ.* Завтра?

*Марья Петр.* Да, завтра.

*Жучекъ.* То есть: завтрашняго числа?

*Марья Петр.* Ну да, разумѣется.

*Жучекъ.* Гмъ! мудрененько будетъ...

*Марья Петр.* Отъ чего же?

*Жучекъ.* Да оттого, милаша, что у меня дѣла съ три короба.

*Марья Петр.* Ужъ у тебя вѣчнодѣла.

*Жучекъ.* Какъ быть! Въ среду докладъ.

*Марья Петр.* Что бы я ни затѣяла, все не въ попадъ.

*Жучекъ.* И мой дружокъ!... да и потерп-то не важныя? фонтаны мы съ тобой видали, да не такіе, а важнѣйшіе, Петергофскіе, а мѣднаго копл мы и такъ можемъ каждый день видитъ....

*Марья Петр.* Какъ это?

*Жучекъ.* Да на Адмиралтейской площади, подъ монументомъ Петра. Ужъ лучше-то и на театрѣ не покажутъ.

*Марья Петр.* Такъ и быть, театромъ жертвую, за то ужъ, какъ хочешь, а въ субботу поѣдимъ на вечеръ къ Отрадинымъ; у нихъ же танцы будутъ.

*Жучекъ.* Въ субботу? Не могу, душа, не могу! Хоть зарѣжь, не могу!

*Марья Петр.* Что еще?

*Жучекъ.* Въ субботу надо хлопотать по дѣлу Голышова. Онъ сидитъ въ тюрьмѣ, и по дѣломъ, мошенникъ первой гильдіи, да мужикъ-то добрый.... Ты его знаешь, тотъ самый, что пилъ со мною кофій великимъ постомъ.... рыжій... еще привезъ восемь головъ сахару, да цибикъ чаю.

*Марья Петр.* Нѣтъ, это слишкомъ! У тебя вѣчно отговорки.

*Жучекъ.* Нельзя же, милая, оставить его въ тюремномъ замкѣ, казнѣ убытокъ, пойки идутъ, кормовыя требуются. Будь увѣрена, еслибъ не крайность меня заставляла.... да не казенный интересъ...

*Марья Петр.* Это не жизнь, а каторга!..

*Жучекъ.* Фифочка! Не будь дѣла, я бы съ величайшимъ удовольствіемъ.... Ты не можешь вообразить, какъ мнѣ самому досадно.

*Марья Петр.* Воображаю, сударь, воображаю. Да не безпокойтесь! Я и безъ васъ найду себѣ кавалера. Горскій будетъ моимъ провожатымъ.

*Жучекъ.* Ну, это еще не рѣшено....

*Марья Петр.* Какъ не рѣшено? Горскій такой услужливый и добрый, что вѣрно не откажется доставить мнѣ удовольствіе!

*Жучекъ.* А если онъ будетъ занятъ дѣломъ, — по службѣ.

*Марья Петр.* Вотъ вздоръ! Какое у него можетъ быть дѣло? онъ чиновникъ особыхъ порученій.

*Жучекъ.* Ну, такъ могутъ быть особыя дѣла.

*Марья Петр.* Для меня онъ пхъ оставитъ.

*Жучекъ.* Для тебя.... О конечно!

*Марья Петр.* Разумѣется.

*Жучекъ.* Эхъ, душенька!... Не все то золото, что блеститъ! Вотъ то-то, вы, женщины! Вамъ состроп сонные глазки, да вздохни лишній разикъ, такъ вы ужъ думаете душу за насъ положатъ....

А надежда льстива;
Такъ жжется какъ крапива
И колется, какъ ежъ!

*Марья Петр.* Что это значитъ?

*Жучекъ.* Да тоже, что у Горскаго есть свои дѣла.... поинтереснѣе вашихъ... У него своя... Охъ, вотъ, было совсѣмъ проболтался.

*Марья Петр.* Да что такое?

*Жучекъ.* Такъ, ничего... У него.... Да нѣтъ, я не могу тебѣ сказать; это, видишь ли, секретъ. Онъ конечно согласится, но я знаю, это будетъ ему очень непріятно.

*Марья Петр.* Да почему же?

*Жучекъ.* А потому.... Ахъ мой другъ! Есть вещи, объ которыхъ нельзя тебѣ сказать. Да ты и сама могла бы догадаться? Неужли не догадываешься?

*Марья Петр.* Нѣтъ.

*Жучекъ.* Экая недогадливая!.... Горскій, видишь ли, ловкій парень, не ду-

ренъ, не то, что бы очень... а такъ.... ну —

*Марья Петр.* Ну что жъ?

*Жучекъ.* Ну, разумѣется, что. На смазливенькаго мужчину посматриваютъ хорошенькія женщины... Онъ пѣтушится и строитъ имъ куры, онѣ плаваютъ лебедью и дѣлаютъ глазки, отъ глазокъ доходитъ до разговора, отъ разговора до сердца, отъ сердца до объясненій, отъ объясненій... ну и такъ далѣе... А конецъ этимъ курамъ такой, что оба, того и гляди, заваркуютъ голубками.

*Марья Петр.* Вотъ выдумалъ вздоръ какой!

*Жучекъ.* Нѣтъ, не вздоръ. Ужъ если пошло на откровенность, такъ я тебѣ скажу, что есть даже одна дама, замужняя.... красавица собой, которая тово...

*Марья Петр.* Что такое?

*Жучекъ.* Ну, то есть на тонкихъ экскузаціяхъ съ нимъ... которая, то есть въ Силѣ видитъ все благополучіе. Понимаешь?

*Марья Петр.* Чтожъ изъ этого слѣдуетъ?

*Жучекъ.* Хорошъ вопросъ: что слѣдуетъ?

Онъ около нея хлопочетъ
И отпускаетъ ей боимо....

**Марья Петр.**

А она?

**Жучекъ.**

Она хохочетъ,
Что мужу вставила бельмо.
Онъ ей исправно напѣваетъ.

**Марья Петр.**

Она?

**Жучекъ.**

Дуэты съ нимъ поетъ.

**Марья Петр.**

А мужъ?

**Жучекъ.**

Мужъ только что вздыхаетъ
И все на музыку кладетъ.

**Марья Петр.**

Да это настоящій Цампа!

**Жучекъ.**

Нѣтъ хуже — Робертъ-дьяволъ онъ...
Самъ весь горитъ, какъ будто лампа
И поджигаетъ бѣдныхъ женъ.

*Марья Петр.* Какъ это низко! Нѣтъ, послѣ этого я не хочу, чтобъ онъ ѣхалъ со мною на балъ. Пожалуй, и про меня скажутъ....

*Жучекъ.* Вотъ взоръ какой!

*Марья Петр.* Я всегда думала, что онъ скромный молодой человѣкъ, а теперь вижу....

*Жучекъ.* Въ тихомъ-то омутѣ черти и водятся. Впрочемъ, чтожъ за бѣда? Молодой человѣкъ чувствителенъ къ миловидности, имѣетъ хорошій голосъ и таланты — и пускаетъ ихъ въ ходъ.... Это ничего не значитъ, особливо для холостяка.... лишь бы не пьянствовалъ.

*Марья Петр.* Право? — Покорно васъ благодарю. Но кто тебѣ все это разсказалъ?

*Жучекъ.* Кто? Извѣстно: самъ.

*Марья Петр.* Прекрасно! Такъ онъ къ тому еще и болтунъ.

*Жучекъ.* Есть грѣшекъ: ужъ это онъ у барынь перенялъ. Представь себѣ, намедни было затѣялъ дуэль...

*Марья Петр.* За эту даму?

*Жучекъ.* Да. Я говорю, настоящій рыцарь; Робертъ-дьяволъ — да и только.

*Марья Петр.* Какой срамъ!

*Жучекъ.* Помилуй, что тутъ дурнаго? Храбрость дѣло хорошее.... это показываетъ, что онъ человѣкъ, достойный уваженія.

*Марья Петр.* Напротивъ. Вы сударь, не понимаете. Это доказываетъ, что онъ человѣкъ, котораго должно всячески избѣгать и бояться, какъ заразы. Мало того, что онъ безчеститъ женщину, которая предалась ему, можетъ быть, отъ чистаго сердца.... Нѣтъ, онъ позоритъ ее еще публично, вызовомъ, дуэлью.... Это ужасно! Непростительно!

*Жучекъ.* Ну вотъ! Ты тотчасъ готова сдѣлать изъ мухи слона.

*Марья Петр.* Это ужасно! говорю я вамъ!

*Жучекъ.* Что тутъ ужаснаго? Прелюбезный малой! Спроси у всѣхъ дамъ и онѣ тебѣ то же скажутъ.

*Марья Петр.* А я вамъ говорю, что это низко. Ужъ, пожалуйста, не защищайте! Развѣ и вы такіе же, какъ онъ.

*Жучекъ.* Нѣтъ. Однакожъ, для чего мнѣ не похвалить его. Онъ добрый малой! И собой видѣпъ и нѣженъ, даже, черезъ чуръ нѣженъ.... Не можетъ видѣть женщины, чтобы.....

*Марья Петр.* Перестаньте! довольно! довольно! Вы нисколько не думаете о чести вашей жены. Какъ можно оставлять меня съ такимъ человѣкомъ? Чтобъ онъ послѣ звонилъ по цѣлому городу.... Нѣтъ! это ужасно!... Прошу тебя, другъ мой, уволь меня отъ его присутствія... Я не могу его видѣть.

Шучекъ. Ну, вотъ! Не отказать ли для этого человѣку отъ дома? Что ты, Маша, въ самомъ дѣлѣ. Изъ пустаго каприза....

*Марья Петр.* Изъ каприза ли, — нѣтъ ли; только я вамъ объявляю, когда онъ будетъ здѣсь, я запрусь въ своей комнатѣ и ни за что не выйду....

*Жучекъ.* Ты съ ума сошла. Вѣдь онъ мнѣ пріятель: восемь лѣтъ живемъ вмѣстѣ.

*Марья Петр.* Тѣмъ хуже для васъ. А я съ нимъ знаться не намѣрена, вотъ и все тутъ.

Шучекъ. Но послушай....

*Марья Петр.* Ничего слушать не хочу... (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

=

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Жучекъ одинъ, потирастъ руками.

Лихо! лихо! ей Богу, лихо! Ай да я!
Въ силокъ попалась съ разу птица!
Теперь, любезнѣйшій дружокъ,
Для васъ обдѣлалъ, какъ лисица,
Здѣсь дѣльце важное Жучекъ!
Ужъ какъ же онъ меня обяжетъ,
Какъ явится съ букетомъ розъ,
И только, что онъ носъ покажетъ,
Ему тотчасъ натянутъ носъ.

Ужъ если насъ друзья потѣшутъ,
Ползи и жабой и ужомъ....
Не то, какъ разъ тебя причешутъ,
Гуляй — вотъ съ этакимъ хохломъ.
Оно, конечно, очень лестно,
Да, по несчастью, какъ же быть....
Хохлы ужъ нынче, какъ извѣстно,
Изъ моды стали выходить.

Ну, по дѣлу *Надворнаго Совѣтника Жучка, о женѣ его и о прочемъ*... справки наведены. Теперь слѣдуютъ только доказательства и дѣло въ шляпѣ.... Начало богатое. Надо слѣдить за ходомъ и не допустить до аппеляціи.... Ха! ха! ха! Хватъ-то мой, чай и во снѣ не видитъ, какъ я объ немъ здѣсь хлопочу. Пусть порадуется. Но теперь, какъ бы добыть свидѣтелей или доказательствъ какихъ?... Вотъ тутъ-то и запятая. Ба! чудесная мысль! Анна Парменовна мнѣ сказывала вчера, что три дня не будетъ спектакля; вѣрно и репетицій нѣтъ.... стало быть она не мечетъ артикула въ *Возстаніи*, не летаетъ въ *Тыни*... и не пляшетъ въ *Кораблекрушеніи*... Чего-же лучше.... Давай ее на сцену! (*звонитъ и садится писать:*) Охъ, женщины, женщины! невѣстами онѣ всѣ голубицы, а выдутъ замужъ — глядишь, иная станетъ такой голубушкой, что ахти мнѣ:

Невѣсты наши, чертъ возьми,
Всѣмъ женихамъ смущаютъ души:
Какъ запоютъ свой *до-ре-ми*,
А тѣ имъ и развѣсятъ уши.
А какъ сойдутся подъ вѣнцомъ
Не то послѣдствіе откроетъ:
Жена, глядишь, постъ скворцомъ,
А мужъ-такъ просто волкомъ воетъ.

Ванька! Ванька!

=

## ЯВЛЕНІЕ VII.

Жучекъ и Иванъ.

*Иванъ.* Вы изволили спрашивать, что ли?

*Жучекъ.* Кто же, болванъ! Приготовь мундиръ.... Въ общее собраніе надо ѣхать.

*Иванъ.* Да мундиръ-то, баринъ, нельзя надѣть.

*Жучекъ.* Это что за новости? Почему нельзя: что ты врешь?

*Иванъ.* Да въ прошлую субботу, какъ вы изволили кушать гдѣ то, у просителя что ли.... еще поздно такъ пріѣхали....

*Жучекъ.* Ну?

*Иванъ.* Такъ тово-съ, залитъ весь, соусомъ, альбо виномъ какимъ, кто ихъ знаетъ, не отчищается.

*Жучекъ.* Ну, что за важность, давай:

Есть правило на цѣлый міръ....
Его ты помни, не забудь же:
Чѣмъ хуже на дѣльцѣ мундиръ,
Тѣмъ, значитъ, онъ на службѣ лучше.
Въ мундирѣ ѣздить залитомъ
И я не спорю, не опрятно,
Да кто на насъ увидитъ пятна,
Когда мы залиты шитьемъ?

*Иванъ.* Какъ прикажете! А мнѣ что!

*Жучекъ.* Постой! *(Читая.)* «Гм.... не «буду, а пріѣзжай сейчасъ ко мнѣ, жены «нѣтъ дома — и возьми деньги наголубую «шаль.... Весь твой....» Готовъ биться, что какъ разъ явиться! Изъ одной шали. Вотъ! Пошли кучера.... Чтобъ верхомъ скакалъ въ Коломну.... ужъ онъ знаетъ кому; скажи только: куда молъ баринъ изъ клуба ѣздитъ. Пошелъ. А что, тамъ есть кто?

*Иванъ.* Ни какъ нѣтъ-съ. Только кунецъ, что намедни часы съ павлиномъ привезъ, дожидается....

*Жучекъ.* А, надоѣлъ! Скажи дома нѣтъ.

*Иванъ.* Да еще Сила Савичь пріѣхалъ...

*Жучекъ.* Ага, пожаловалъ!

*Иванъ.* Онъ тамъ съ барыней говоритъ, въ столовой.... *(Уходитъ.)*

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

Жучекъ, потомъ Горскій.

*Жучекъ.* Какъ бы она мнѣ тамъ не напутала.... А то ужъ удружу. Надо его поскорѣй спровадить, пока моя Анна Парменовна не нагрянула. А.... вотъ и онъ.—Ба, Сила! Ужъ воротился! Проворно, братъ. Да ты не на коврѣ ли самолетѣ путешествуешь?

*Горскій.* Нѣтъ, на дрожкахъ.

*Жучекъ.* Не ужели ужъ слесталъ въ деревню?

*Горскій.* Что ты! Развѣ забылъ, что я обѣщалъ женѣ твоей, до отъѣзда, арію изъ Весталки.

*Жучекъ.* И привезъ, спасибо другъ! И свѣжіе розы! Ахъ, славно пахнетъ.

*Горскій.* Она ея не взяла.

*Жучекъ.* Кого это?

*Горскій.* Арію.

*Жучекъ.* Что такъ. Или неправится твоя Русалка?

*Горскій.* Весталка!—И самъ не знаю.

*Жучекъ.* Да, бишь, Весталка... Я все путаю названія; такія чудныя, право!

*Горскій.* Она приняла меня такъ холодно....

*Жучекъ.* Кто? Весталка?

*Горскій.* Нѣтъ, братецъ! Твоя жена.

*Жучекъ.* Вотъ! — Что такъ?

*Горскій.* И ума не приложу. Скажи, пожалуйста, что съ ней сдѣлалось?

*Жучекъ.* Не знаю.—Кажется ничего.

*Горскій.* Она обошлась со мной такъ, что я просто былъ сконфуженъ.

*Жучекъ.* Что ты!

*Горскій.* Я изъ словъ ея замѣтилъ, что она не желаетъ, чтобъ я ѣздилъ къ вамъ въ домъ.

*Жучекъ.* Экой вздоръ.

*Горскій.* Право. Я просто незнаю чему и приписать. Я всегда почиталъ ее такою доброй, снисходительной. Я думалъ, что она женщина съ постояннымъ характеромъ.... а теперь выходитъ....

*Жучекъ.* Ничего, братецъ! Маленькій капризъ! Пройдетъ.

Ты вѣдь знаешь, что капризъ
Управляетъ цѣлымъ свѣтомъ.
Какъ ужъ тамъ, братъ, не вертись,
А сознаться надо въ этомъ.
Свой капризъ у знатныхъ баръ,
Свой капризъ у агронома,
Тотъ капризенъ, что онъ старъ,
Тотъ, что малъ доходъ отъ дома.
Есть капризы у больныхъ,
Въ городахъ, да и на дачѣ,
Есть капризы у портныхъ....
А у женщинъ кольми-паче.
По капризу музыкантъ
Уши намъ деретъ въ концертѣ....
А кричатъ, что онъ талантъ,
Вѣрьте тамъ, или не вѣрьте.
Изъ каприза — тотъ процессъ
Затѣваетъ вдругъ съ сосѣдомъ,
По капризамъ — тотъ залѣзъ,
Гдѣ бъ ему не быть и слѣдомъ.
По капризу тотъ женатъ,
Тотъ разводится съ женою;
По капризу, говорятъ,
Доктора поятъ водою.
Изъ каприза журналистъ
Пуститъ шпильку, да булавку,
Изъ каприза, хоть ты чистъ,
Выдетъ въ чистую отставку.
Изъ каприза молодежъ,
Часто хлопаетъ актрисѣ,
А жалѣетъ лишній грошъ
Дать за кресла, въ бенефисѣ.
Изъ каприза насъ подъ насъ
Распушатъ безъ церемоній....
Изъ каприза всѣ у насъ
Смотрятъ только на Тальони.
По капризу — тотъ, хоть босъ,
Сотни ухаетъ съ размаха,
По капризу паровозъ
Часто ходитъ черепахой.
И въ бостонѣ, напримѣръ,
Такъ же есть свои капризы,
Хоть кутитъ твой партенеръ,
А ты знай пиши ремизы.
Разсмотри-ка бѣлый свѣтъ,
Какъ тамъ хочешь, сверху, снизу....
А ужъ кто попалъ въ лабетъ,
Такъ, повѣрь мнѣ, по капризу.

Такъ-то и съ моей женой.

*Горскій.* Все такъ.... Но еслибъ я подалъ какой нибудь поводъ, а то нѣтъ! Кажется, я всегда велъ себя....

*Жучекъ.* И братецъ, есть объ чемъ толковать.... Плюнь, да и все тутъ.

*Горскій.* Тебѣ хорошо говорить.... а мнѣ это очень непріятно....

*Жучекъ, (въ сторону, мигнувъ.)* Ага! *(Вслухъ:)* Да что тебя такъ безпокоитъ, скажи, Бога ради?

*Горскій.* Какъ что? Да какъ же она вдругъ.... это хоть кого.... чтожъ въ самомъ дѣлѣ.... Я вѣдь.... Это всякаго озадачитъ!

*Жучекъ, (въ сторону.)* Вотъ оно что значитъ.

*Горскій.* Поставь себя на мое мѣсто.... человѣкъ не знаетъ, не гадаетъ, вдругъ на него....

*Жучекъ.* Шишки валятся? Бѣдный Макаръ!

*Горскій.* Ты шутишь, а еслибъ про тебя кто нибудь сказалъ, что ты взяточникъ, тогда, какъ у тебя, можетъ быть, и въ умѣ не было.

*Жучекъ.* А мнѣ наплевать.

*Горскій.* Ну, нѣтъ, скажешься брать.

*Жучекъ.* Ого-го-го! Много чести! Нѣтъ, любезный, я философъ въ этихъ случаяхъ. Если на всѣхъ сердится, такъ каждый день по фунту крови испортишь.... По мнѣ, кто хочетъ пой: взяточникъ, такъ взяточникъ! Вѣдь еще не поймали!

За взятки любятъ насъ бранить,
А философствовать пустится:
Такъ чѣмъ приказному и жить,
Какъ отъ другихъ не поживится.
Но секретарь себя ведетъ
Согласно съ волею Монаршей:
И самъ онъ взятокъ не возметъ...
А есть грѣшокъ — на этотъ счетъ —
Такъ развѣ что за секретаршей.

*Горскій.* Положимъ, однако все же не резонъ...

*Жучекъ.* У женщинъ нѣтъ резоновъ... сегодня такъ, а завтра совсѣмъ другое.

*Горскій.* Хорошо — завтра, да отчего-жъ сегодня....

*Жучекъ.* Отъ чего? Отъ чего? Вѣдь тебѣ по русски говорятъ — капризъ. Мы съ ней немножко повздорили... такъ, между собой... Что головой-то матаешь? Женись-ка, такъ и самъ закудактаешь, не хуже нашего... Однако я съ тобой заболтался, а у меня тамъ

ждетъ проситель... да и тебѣ вѣдь надо ѣхать въ деревню... Прощай братъ.

*Горскій.* Такъ до завтра?

*Жучекъ.* До завтра. До завтра. (*Горскій уходитъ.*)

=

### ЯВЛЕНІЕ IX.

Жучекъ, потомъ Марья Петровна.

*Жучекъ.* Я этотъ процессъ — велю въ золото переплесть... нѣтъ! Я знаю, что я сдѣлаю... Я сдѣлаю, что у меня его обѣ партіи выиграютъ. Голубчикъ ты мой! (*Цѣлуетъ бумаги.*) Онъ мнѣ точно бѣльмо скололъ съ глазу. Вотъ она исторія — то какая! Хорошо, что я еще полоспѣлъ къ развязкѣ; а то бы—ой, ой, ой! Но нашего брата не проведешь, даромъ что мы на мѣдныя деньги учились и съ нижнихъ чиновъ пошли, безъ аттестатовъ.

Другой бы вышелъ на дуэль,
Но я боюсь стрѣльбы и стали:
Вѣдь это глупо, что за цѣль:
Бацъ! бацъ! и поминай, какъ звали
Но ежели дружку отмстить,
Такъ ужъ системою моею
По русски: кашу заварить
И пусть подавится онъ ею.

(Слышенъ голосъ Марьи Петровны.)

Жена! примемся опять за дѣло. — Машинька! Что ты такъ печальна? Или не здорова?

*Марья Петр.* Нѣтъ, ничего.

*Жучекъ.* А каковъ денекъ у насъ? Вѣдь на рѣдкость...

*Марья Петр.* Да, хорошъ.

*Жучекъ.* Прекраснѣйшій! Чай на Невскій теперь все высыпало. Ты бы прогулялась.

*Марья Петр.* Нѣтъ, я не расположена къ прогулкѣ.

*Жучекъ.* Напрасно. Я бы и самъ пошелъ, да дѣла проклятыя: надо въ присутствіе ѣхать.

*Марья Петр.* Жаль.

*Жучекъ.* И очень жаль. А ты бы прошлась, право.

*Марья Петр.* Не хочется.

*Жучекъ.* Что такъ? Вѣдь такой погоды не скоро дождешься... А? хочешь пролетки: я велю заложить — въ лѣтній садъ съѣздишь... Не то, возьми — вотъ 300 рублей, пойдешь по Невскому, такъ въ Англійскій заверни, или въ Голландскій магазинъ, или въ Прусскій, или въ Итальянскій, или въ Варшавскій, или въ какой тамъ знаешь... Теперь новостей, чай, тьма тьмущая... Корабли давно пришли... Я ужъ вчера устрицы ѣлъ и съ попугаями разговаривалъ.

*Марья Петр.* Но когда я не хочу!

*Жучекъ.* Ну, какъ хочешь. — Я такъ сказалъ.— Мнѣ все равно... Только будь я на твоемъ мѣстѣ... (*Роется въ бумагахъ:*) Такъ ты не пойдешь со двора?

*Марья Петр.* Что у тебя за мысль, выгнать меня изъ дому?

*Жучекъ.* Что ты, что ты, Машинька! У меня мысль... Этого за мной никогда не водится.

*Марья Петр.* Однако, ты затвердилъ о прогулкѣ, какъ будто тебѣ надобно, чтобъ я ушла со двора.

*Жучекъ.* Мнѣ? Да по мнѣ сиди хоть цѣлый вѣкъ въ заперти. Только докторъ тебѣ еще вчера говорилъ: что нужно моціону побольше.

*Марья Петр.* Ужъ пожалуйста, не скрытничайте... Я вѣдь вижу...

*Жучекъ.* Что ты видишь?

*Марья Петр.* Да вижу, что вамъ нужно быть однимъ.

*Жучекъ.* Если такъ, нечего дѣлать: скажу на прямки. Мнѣ точно надо быть дома одному, часа два.

*Марья Петр.* А на что это, нельзя узнать?

*Жучекъ.* Тайна, матушка. Тутъ замѣшанъ одинъ человѣкъ... нельзя сказать.

*Марья Петр.* Вы можете беречь свои тайны, сударь, повѣрьте, я отъ васъ не потребую...

*Жучекъ.* Ну вотъ ты сейчасъ и разсердилась.

*Марья Петр.* Помилуйте, за что мнѣ сердиться.

*Жучекъ.* Другъ мой! я тебѣ говорю тайна чужая: долгъ мой молчать.

*Марья Петр.* Что мнѣ за дѣло до вашего долга и тайны? Оставьте меня въ покоѣ.

*Жучекъ.* Мнѣ досадно, что это тебя огорчаетъ.

*Марья Петр.* Ни мало, повѣрьте.

*Жучекъ.* Ты хочешь скрыть, да я по глазкамъ вижу, что не то... Ну, ну, изволь, ужъ такъ и быть, я тебя потѣшу.

*Марья Петр.* Не просятъ; сдѣлайте одолженіе.

*Жучекъ.* Такъ слушай-же.... И въ самомъ дѣлѣ, что скрывать отъ жены.... глупо! Вѣдь говорятъ, мужъ да жена-одна сатана, стало быть и разсказать ей все тоже, что никому не говорить....

*Марья Петр.* Я вамъ сказала, что ничего знать не хочу.

*Жучекъ.* Ну, чтожъ это? Полно! Мнѣ непріятно, что такая бездѣлица можетъ насъ разстроить.... Вотъ видишь ли, Горскій....

*Марья Петр.* Говорятъ вамъ, я не намѣрена слушать вашей глупой тайны.

*Жучекъ.* Я только хотѣлъ сказать, что Горскій.... Ты, чай, думаешь, что онъ теперь въ деревнѣ?

*Марья Петр.* Разумѣется.

*Жучекъ.* Какъ не такъ. Это просто хитрость! Онъ даже и не выѣзжалъ изъ Петербурга.... Скажу больше.... *(Озирался, въ полголоса.)* Онъ здѣсь: у меня въ кабинетѣ.

*Марья Петр.* Какъ?

*Жучекъ.* Да такъ. Что дѣлать, всѣ мы люди грѣшные! Надо помогать другъ другу....

*Марья Петр.* Въ чемъ?

*Жучекъ.* Дама, объ которой я тебѣ давича говорилъ.... красавица-то, ну извѣстная.... Но ты не хотѣла слушать?

*Марья Петр.* Ахъ, какой скучный! Ужъ началъ, такъ продолжай!

*Жучекъ.* Машинька, ты неподумай... Я вѣдь говорю объ этомъ только, чтобъ тебѣ сдѣлать угодное.... а то, какъ хочешь, я могу и....

*Марья Петр.* Говори, какой несносный!... Такъ эта дама....

*Жучекъ.* Да. Дама эта, красавица, ѣдитъ съ мужемъ въ деревню, у нихъ 1,000 душъ въ Саратовской губерніи, село Наливки,—хорошее имѣнье.... не заложено, 18,000 десятинъ пахатной, да еще лѣсу будетъ....

*Марья Петр.* Боже мой! Какое мнѣ дѣло до ихъ имѣнія! Чтожъ эта дама?

*Жучекъ.* Нѣтъ, такъ къ слову пришлось, не заложенное имѣніе, вѣдь нынче рѣдкость.

*Марья Петр.* Такъ она заложить хочетъ?

*Жучекъ.* Совсѣмъ нѣтъ. Она ѣдитъ въ Наливки, такъ знаешь,—хочешь проститься съ Горскимъ.

*Марья Петр.* Но я тутъ не вижу....

*Жучекъ.* Эхъ, нетерпѣніе!.. Погоди, такъ увидишь. Нельзя же ей итти днемъ къ холостому человѣку на квартиру.... вѣдь это загудятъ.... Ну, а у меня въ департаментѣ производится ихъ дѣло.... такъ знаешь, она и хочетъ смѣшать дѣло съ безсдѣльемъ.

*Марья Петр.* Какъ! Она будетъ сюда?

*Жучекъ.* Да.... Какъ будто посовѣтоваться.... ну а совѣтникъ-то у меня въ кабинетѣ. Понимаешь.... вотъ почему мнѣ и хотѣлось, чтобъ ты ушла со двора.

*Марья Петр.* И тебѣ нестыдно дозволять въ нашемъ домѣ....

*Жучекъ.* Ахъ, Машинька, какая ты право! Человѣкъ проситъ, да какъ проситъ, чуть не на колѣнахъ, со слезами... Все благополучіе мое, говоритъ, зависитъ отъ этаго; я, говоритъ, умру, если не позволишь; я говоритъ, застрѣлюсь... Ну, какъ тутъ отказать, сама посуди, вѣдь это уголовное дѣло! По моему департаменту.

*Марья Петр.* Прекрасно! Послѣ этаго ты по своему департаменту, Богъ знаетъ, что допустишь.

*Жучекъ.* Ну и дружба, нельзя же.... Говорятъ и жидъ изъ дружбы удавился.... а доставить пріятелю свиданіе съ дамой, не значитъ еще самому лезть въ петлю.... Еслибъ онъ зналъ, что я тебѣ все разсказалъ, тутъ просто вышла бы такая катавасія.

(*Слышенъ шумъ, подъѣхавшей коляски:*)

*Жучекъ.*, (*смотритъ въ окно:*) Вотъ она прикатила... Мое почтеніе.... милости просимъ!... Видишь, я тебя не обманулъ... Пойду ее встрѣчать. Такъ ты поѣзжай на Невскій, коли хочешь.

(*Уходитъ.*)

=

## ЯВЛЕНІЕ X.

*Марья Петр.* (*одна, стоитъ минуту въ задумчивости.*) Ужасно!... Нѣтъ, намъ надо разстаться.... Я не могу его болѣе принимать.... Не пощадить нашего дома.... Мужъ мой этого не понимаетъ, но тутъ оскорблена я.... да, я одна.... и я ему этого не прощу... И что это за красавица такая... ужъ я воображаю: хороша должна быть!

Сама не знаю, что со мной?
Такъ сердце замерло невольно.
Къ нему я холодна душой....
А все разстаться, какъ-то больно!
Къ нему привыкла я давно:
Его любила я, какъ брата!
Но, впрочемъ, чтожъ? Мнѣ все равно!
Не слишкомъ важная утрата.

Онъ страстно въ женщину влюбленъ,
Готовъ стрѣляться.... какъ нестыдно!
А онъ такъ скроменъ и уменъ....
Нѣтъ! Это черезъ чуръ обидно.
Могла-ль за дружбу ожидать
Я отъ него такой награды?
Его я стала презирать —
А если плачу,... такъ съ досады.

=

## ЯВЛЕНІЕ XI.

Марья Петровна и Горскій, который выходитъ при послѣднихъ ея словахъ.

*Марья Петр.* Что вамъ угодно?

*Горскій.* Меня удивляетъ вашъ вопросъ.

*Марья Петр.* Кажется, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вамъ бы слѣдовало понять меня.

*Горскій.* Я васъ не понимаю.

*Марья Петр.* Странно. Давно ли вы стали такъ не понятны?

*Горскій.* Я бы хотѣлъ....

*Марья Петр.* Извините! я знаю, время вамъ дорого: васъ ждутъ... очень важныя дѣла, не далеко отсюда.... и я не желала бы похищать у васъ драгоцѣнныхъ минутъ.

*Горскій.* Незнаю чему приписать такую иронію, Марья Петровна? До сихъ поръ драгоцѣннѣйшими для меня минутами были тѣ, которыя я проводилъ съ вами....

*Марья Петр.* Благодарю; вы слишкомъ вѣжливы. Но я совѣтовала бы поберечь вашъ запасъ комплиментовъ. Кто знаетъ, можетъ скоро понадобятся.

*Горскій.* Я врагъ лести и комплиментовъ: не ползалъ на службѣ, не подличалъ передъ знатью и не унижался предъ женщинами. Я говорю, какъ у меня съ души сорвется. Вашъ давишній пріемъ показался мнѣ до того страннымъ, что я рѣшился не ѣхать въ деревню, хотя это было необходимо, и узнать причину вашего гнѣва.

*Марья Петр.*, (*иронически:*) И для этаго остались въ Петербургѣ.

*Горскій.* Признаюсь, для этаго. Я не имѣлъ довольно твердости уѣхать отсюда. Можетъ быть я заслужу вашъ гнѣвъ, вашу ненависть, но я долженъ открыть вамъ мою душу. До сихъ поръ, я встрѣчался съ вами безъ всякаго особеннаго чувства, покидалъ васъ безъ сожалѣнія, можетъ быть оттого, что былъ увѣренъ, скоро опять васъ увидѣть. Сегодня хо-

лодный вашъ пріемъ напомнилъ мнѣ, что можетъ наступить минута, въ которую я долженъ буду разстаться съ вами на всегда — и — я узналъ свое сердце. Съ тѣхъ поръ я страдаю. Я перебралъ всю мою прошедшую жизнь, не нашелъ за собою никакой вины и теперь пришелъ узнать, за какое преступленіе вы меня такъ жестоко наказываете? Что значитъ ваша холодность?

*Марья Петр.* Признаюсь, Сила Савичь, ваши притензіи для меня очень странны. Вы жалуетесь на мою холодность! Да развѣ я дала вамъ право требовать отъ меня горячности, увлеченія?

*Горскій.* Но я....

*Марья Петр.* И еслибъ я точно перемѣнилась въ обращеніи съ вами, обязана ли я вамъ объяснять причины такой перемѣны?

*Горскій.* Обязаны.

*Марья Петр.* Ха! ха! ха! Это забавно, право.

*Горскій.* Вы обязаны доказать мнѣ вину мою, какъ другъ, и дать возможность оправдаться.

*Марья Петр.* Да кто вамъ говоритъ, что вы противъ меня виновны?

*Горскій.* Вы сами, перемѣнивъ со мною обращеніе. Ради Бога, скажите, что я сдѣлалъ? Отъ этаго зависитъ для меня много, больше чѣмъ вы думаете.

*Марья Петр.* Такъ вы непремѣнно хотите знать? Извольте. Вспомните о вашемъ поведеніи и скажите: можетъ ли женщина, которая дорожитъ честью, дорожить общественнымъ мнѣніемъ....

*Горскій.* Я васъ не понимаю.

*Марья Петр.* Скажу яснѣе: вашъ дуэль....

*Горскій.* Какъ! вы знаете?

*Марья Петр.* Все знаю, милостивый государь!

*Горскій.* Но могъ ли я поступить иначе? При мнѣ оскорбляли честь лучшаго моего друга, вашего мужа.... Мой долгъ былъ за него вступиться.

*Марья Петр.* За кого это?

*Горскій.* За вашего мужа. Его называли взяточникомъ.... Но вы все знаете. Меня удивляетъ только, кто могъ вамъ разсказать объ этомъ? Ужъ вѣрно не Пантелей Ивановичь, потому, что онъ самъ не знаетъ этаго происшествія, я утаилъ отъ него причину дуэля.

*Марья Петр.* Такъ вы хотѣли стрѣляться не за женщину?

*Горскій.* За женщину! Что за мысль?

*Марья Петр.* А мнѣ сказали, что за женщину.

*Горскій.* Это клевета.

*Марья Петр.* Точно? Вы не лжете?

*Горскій.* Право, нѣтъ. Для чего мнѣ скрывать отъ васъ истину? Неужели вы почитаете преступленіемъ, что я хотѣлъ пожертвовать жизнью за честь друга?...

*Марья Петр.* О нѣтъ! Но.... *(Въ сторону:)* И онъ самъ на него клевещетъ! *(Вслухъ:)* Но мнѣ однако поступки ваши нѣсколько загадочны..... Напримѣръ: эта дама....

*Горскій.* Какая дама?

*Марья Петр.* Ну, вы меня понимаете..... Дама, которая сейчасъ къ вамъ пріѣхала, въ коляскѣ.....

*Горскій.* Ко мнѣ? Въ коляскѣ?

*Марья Петр.* Не прикидывайтесь. А поѣздка въ деревню, для важныхъ дѣлъ... которую вы такъ хитро придумали.

*Горскій.* Придумалъ?—Я непремѣнно хотѣлъ ѣхать, я долженъ былъ ѣхать. Узнайте причину и вы увѣритесь.

Есть женщина, ее я всей душою
Привыкъ любить и уважать!....
Она со мной дѣлилась нищетою,
И эта женщина — мнѣ мать.
Она меня своей вскормила кровью,
Какъ птица нѣжнаго птенца....
И матери за то платить любовью
Завѣтъ Небеснаго Отца.

*Марья Петр.* Какъ! Ваша матушка?

*Горскій.* Да. Я скрывалъ это отъ васъ. Она живетъ за 30 верстъ отсюда, въ деревнѣ, у господъ, экономкою..... Вчера я получилъ письмо: моя добрая

старушка больна и, можетъ быть, нуждается въ деньгахъ.... Могъ ли я медлить?... И только боязнь лишиться вашей дружбы, удержала меня здѣсь. Теперь судите меня сами.

*Марья Петр.* По этому женщина, которую я видѣла здѣсь, пріѣзжала не къ вамъ.

*Горскій.* Клянусь вамъ, не ко мнѣ.

*Марья Петр.* Къ кому же?

*Горскій.* Не знаю.

*Марья Петр.* О! это ужасно!.... Стало быть мужъ мой, чтобъ скрыть собственную вину... Нѣтъ, это невозможно!

*Горскій.* Но я, по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ не виноватъ. Вы будете ко мнѣ великодушны.

Меня судьба и люди долго гнали:
Въ трудахъ, въ нуждѣ, сносилъ я сиротство;
Вдругъ предо мной, какъ Ангелъ, вы предстали:
Я въ васъ нашелъ и дружбу и родство.
Цѣль моего всего существованья
Была всегда васъ, какъ сестру, любить....
Поймите же теперь мои страданья,
Покинуть васъ—мнѣ тоже, что не жить!...

*Марья Петр.* Да, вы правы, Сила Савичь.... Я вижу .... Но онъ!... О! какъ онъ виноватъ передо мною!.... Еслибъ я могла увѣриться... Бѣда ему! если онъ меня обманулъ....

*Горскій.* Могу ли теперь надѣяться, что ваша дружба?....

*Марья Петр.* Постойте, тише! Сюда идутъ.... Мой мужъ.... Войдите въ мою спальню... Скорѣй, скорѣй!... *(Почти насильно его вталкиваетъ:)* Теперь я все узнаю!.....

=

## ЯВЛЕНІЕ XII.

Марья Петровна и Жучекъ.

*Жучекъ, (входитъ напѣвая:)* «*Ты меня на Русь возлелѣялъ...*» А ты, Машинька, не ушла еще со двора?

*Марья Петр.* Нѣтъ.

*Жучекъ.* Жалко. А время безподобное.

*Марья Петр.* Что, давишняя дама еще не уѣхала?

*Жучекъ.* Нѣтъ еще: сидитъ въ кабинетѣ.

*Марья Петр.* А Сила Савичь?

*Жучекъ.* Съ нею. Разсыпается мелкимъ бѣсомъ. При такомъ нѣжномъ дуэтѣ, третьяго подъ столъ..... Вотъ я и оставилъ ихъ съ глазу на глазъ.

*Марья Петр.* Такъ Горскій тамъ?

*Жучекъ.* Какъ-же. Вотъ такъ и льется, какъ рѣка.

*Марья Петр.* Точно! Ты въ этомъ увѣренъ?

*Жучекъ.* А ты сомнѣваешься?

*Марья Петр.* Нѣтъ. Но мнѣ хотѣлось бы взглянуть на нихъ, хоть въ замочную щелку....

*Жучекъ.* Что за мысль.

*Марья Петр.* Нѣтъ, право.....

*Жучекъ.* Полно, что за дурачество.

*Марья Петр.* Мнѣ очень хочется, Папаша! Пожалуйста!.. Я тихонько.

*Жучекъ.* Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, что за вздоръ... Еще не ровно догадаются... Я тебя не пущу.

*Марья Петр.* Ого! грозитъ, такъ пойду-же.

*Жучекъ.* Послушай, другъ мой, подумай хорошенько, что ты хочешь дѣлать.

*Марья Петр.* Повѣрьте мнѣ, я все обдумала и непремѣнно хочу видѣть эту женщину.

*Жучекъ.* Такъ не увидишь же.

*Марья Петр.* Нѣтъ увижу.

*Жучекъ.* Посмотримъ.

*Марья Петр.* Нечего смотрѣть. Ну,

какъ вы меня не пустите? *(Она хочетъ итти.)*

*Жучекъ.* А вотъ какъ. *(Онъ отворяетъ дверь въ спальню, вталкиваетъ ее туда, захлопываетъ половинку, запираетъ и ключъ кладетъ въ карманъ:)* Вотъ такъ-то лучше.

*Марья Петр. (Стучитъ въ дверь:)* Послушайте! послушайте! Не запирайте! не запирайте!

*Жучекъ.* Добро! добро! Посиди-ка въ заперти, коли не унимаешься добромъ. Что дѣлать, мой другъ, ты сама доводишь меня до этой крайности. Ты вѣдь гулять не хотѣла; а сидѣть дома все равно, гдѣ бы ни сидѣть... Я вотъ только съѣзжу въ Сенатъ, а тамъ тебя и выпущу.

*Марья Петр.* Отопри, ради Бога, отопри! Ты вѣдь не знаешь,..

*Жучекъ.* Знаю, знаю, все знаю, что ты хочешь сказать. Не трудись — не нужно. Я этимъ дѣлаю одолженіе другу... Хочу, что бъ ему не мѣшали, пусть онъ себѣ наслаждается бесѣдою съ милой особой... До свиданья Маманя! *(Подходя къ авансценѣ:)* Вотъ тебѣ и конецъ дѣлу! Скрѣпленъ и подписано. Какъ жена за замкомъ, а ключъ въ карманѣ, нечего болѣться пріятелей. А каково я дѣльце-то обдѣлалъ? Кругленько! — Теперь съ покойнымъ духомъ поѣду въ Сенатъ, дѣлить тѣхъ чудаковъ, что развелись. У меня бы поучились, какъ жить. Вотъ то-то и есть, что дѣло мастера боится. *(Онъ уходитъ. Нѣсколько минутъ сцена остается пустою.)*

=

## ЯВЛЕНІЕ XIII.

*Жучекъ, (опять входитъ съ портфелью и вездѣ ищетъ чего-то;)* Кой чертъ, куда я се дѣвалъ!.. *(подходитъ къ дверямъ спальни:)* Ей! Машинька! Не у тебя ли тамъ моя шляпа?

*Марья Петр.* Здѣсь.

*Жучекъ.* А бумаги въ ней?

*Марья Петр.* Въ ней.

*Жучекъ.* Дай-ка сюда!

*Марья Петр.* Отопри.

*Жучекъ.* Да ты выскочишь?

*Марья Петр.* Нѣтъ.

*Жучекъ.* Честное слово?

*Марья Петр. (съ нетерпѣніемъ,)* Честное слово.

(Жучекъ отпираетъ дверь и отходитъ къ авансценѣ:)

*Жучекъ.* Разсердилась! Надо опять поладить какъ нибудь... Подъѣхать съ разными финтифрюльками... Съ нею надо осторожно; ужъ я знаю чѣмъ взять... *(Оборачивается, передъ нимъ стоитъ Горскій, который вышелъ изъ спальни, подаетъ ему, съ поклономъ, шляпу, въ которой лежитъ свернутое дѣло.)* Это что?!!...

*Горскій.* Дѣло — въ шляпѣ.

(Жучекъ опѣшѣлъ отъ изумленія, Марья Петровна въ дверяхъ хохочетъ; занавѣсъ опускается.)

Если вызовутъ актера, играющаго Жучка, онъ споетъ къ публикѣ:

Теперь я отношусь къ вамъ,
И говорю всѣмъ велегласно:
Что если скажете вы намъ,
Что мы трудились не напрасно;
Что человѣкъ нашъ дѣловой,
Хоть онъ жену и держитъ въ лапѣ,
А все же малый съ головой,
Такъ дѣло просто будетъ въ шляпѣ.

# БЛАГОРОДНЫЕ ЛЮДИ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

П. МЕЩЕРИКОВА.

## ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сорокинъ, 7-го класса, въ отставкѣ.

Настасья, дочь его.

Ѳедосѣевъ, квартальный надзиратель.

Рябининъ, Дьячковъ, Осиповъ, Волковъ, — чиновники.

Петръ Дьячковъ, офицеръ.

Фонъ-Зейденъ, помощникъ квартальнаго надзирателя.

Женщина.

# БЛАГОРОДНЫЕ ЛЮДИ.

## ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната у Сорокина.

### ЯВЛЕНІЕ I.

Сорокинъ (*) и квартальный надзиратель (**) входятъ.

*Сорокинъ.* Милости просимъ. Пожалуйте.

*Квартальный.* Фу! Позвольте отдохнуть и съ силами собраться (*снимаетъ шпагу.*) Добраго здоровья-съ. — Жарко сегодня.

*Сорокинъ.* Устали? Ха, ха, ха! Садитесь-ка. Ну что скажете хорошенькаго?

*Квартальный.* Въ одно утро три пожара было сегодня, Василій Яковлевичъ.

*Сорокинъ.* Цсс! и все въ разныхъ мѣстахъ?

*Квартальный.* Все въ разныхъ мѣстахъ.

*Сорокинъ.* А не извѣстно отъ чего, Семенъ Семенычъ?

*Квартальный.* Да полагать должно, что отъ трубки.

*Сорокинъ.* Господи, Боже мой! сколько отъ этого пожаровъ бываетъ всякій годъ! Самое пагубное изобрѣтеніе табакъ, Семенъ Семенычъ,—клянусь вамъ, какъ честный и благородный человѣкъ. Не знаю право кто и куритъ-то...

*Квартальный.* Почему не курить. Я тоже курю, надобно только...

*Сорокинъ.* Я не къ тому говорю. Вы совсѣмъ другое дѣло. У васъ вѣрно трубка съ крышкой.

*Квартальный.* Нѣтъ-съ, это по большой части происходитъ отъ того, что курятъ въ конюшнѣ. Это все кучера, канальи.

*Сорокинъ.* Ну вотъ, скажите! — Что, много сгорѣло, Семенъ Семенычъ?

*Квартальный.* Да тамъ, гдѣ я былъ, сгорѣло не много. Между прочимъ поймали воровку.

*Сорокинъ.* Цсс! Молодая женщина?

*Квартальный.* Не такъ молода.

*Сорокинъ.* Не извѣстно кто она такая?

*Квартальный.* Разумѣется, бродяга какая нибудь.

*Сорокинъ.* Конечно, станетъ ли порядочная женщина воровать на пожарѣ. Отвели ее, Семенъ Семенычъ?

*Квартальный.* Кого это-съ?

*Сорокинъ.* А эту женщину, воровку-то.

*Квартальный.* Какъ-же! — Третьягодня сказывали мнѣ.... Ахъ! Боже мой, мы тутъ разсуждаемъ объ воровкахъ, а я и не спрошу здорова ли Настасья Васильевна.

*Сорокинъ.* Вчера опять что-то не много....

*Квартальный.* Та-та-та! Что съ ними сдѣлалось?

---

(*) Сорокинъ пожилой человѣкъ, съ лицомъ, какое бываетъ у людей, которые долго служили по счетной части.

(**) Квартальный — лѣтъ сорока, немного рябоватъ. По прiемамъ видно, что былъ въ военной службѣ.

*Сорокинъ.* Захотѣлось пить ночью. Въ горницѣ воды не было, она и подп, дура, въ сѣни босикомъ. Сегодня лучше. А, да вотъ она и сама на лицо.

=

## ЯВЛЕНІЕ II.

Настасья (*) и прежніе.

*Квартальный*, (*подходитъ къ руки.*) Папенька сей-часъ жаловался на васъ, Настасья Васильевна.

*Настасья.* За что-съ?

*Квартальный*, (*грозитъ пальцемъ.*) А зачѣмъ изволите ходить босикомъ? а?

*Сорокинъ.* Хорошенько, хорошенько ее, Семенъ Семенычъ. Въ Управу нельзя ли? ха, ха, ха!

*Настасья.* Да-съ.... это такъ.... я не нашла башмаковъ.

(*Квартальный вынимаетъ изъ-за пазухи и изъ всѣхъ кармановъ книги.*)

*Сорокинъ.* Что это? Что это за книги, Семенъ Семенычъ?

*Квартальный.* А вотъ не угодно ли почитать. Вѣдь вы любите читать, Настасья Васильевна?

*Настасья.* Да-съ.

*Квартальный.* Ну такъ вотъ вамъ и будетъ потѣха.

*Сорокинъ.* Да откуда это у васъ столько книгъ, Семенъ Семенычъ?

*Квартальный.* Видите ли, вчера привезли въ полицію мужика, который ходилъ по дворамъ и покупалъ старое платье, — вы знаете это нынѣче запрещено. Стали у него осматривать мѣшокъ: тамъ было разное платье, кофейникъ, вотъ эти книги и наконецъ серебряная вилка. Спрашиваютъ откуда эта вилка, онъ говоритъ нашелъ, — однако это что-то мудрено. Мужикъ теперь содержится, ну, а покуда кончится розысканіе объ вилкѣ, я и взялъ книги почитать.

*Настасья.* Покорно благодарю-съ; а если я не успѣю прочитать ихъ?

*Квартальный.* Успѣете, успѣете.

*Сорокинъ.* Пожалуй, я тебѣ помогу. — А какія книги, Семенъ Семенычъ?

*Квартальный.* Всякія тутъ есть. Вонъ повѣсти какія-то.... журналъ для Овцеводовъ.... Христіанское чтеніе.... Стихотворенія.

*Сорокинъ.* Ну, а чьи же стихотворенія-то?

*Квартальный.* Я вамъ говорю, что это все того мужика, у котораго нашли серебряную вилку.

*Сорокинъ.* Нѣтъ-съ, я спрашиваю чье это сочиненіе? Кто сочинилъ эти стихотворенія?

*Квартальный.* А! тутъ разныхъ сочинителей: Батюшкова есть. — Вотъ это только неизвѣстнаго.

*Настасья.* Совсѣмъ не написано чье это? и заглавныхъ буквъ нѣтъ?

*Квартальный.* Даже заглавнаго листа нѣтъ; такъ прямо и начинается.

*Настасья.* А не выставлено ли тутъ, которая часть покрайней мѣрѣ. — Позвольте (*смотритъ на корешокъ*). Ну видите ли, тутъ написано сочиненія Милонова.

*Квартальный.* Скажите, а я на переплетъ и не посмотрѣлъ. Такъ это Милонова. Постойте-ка, у меня въ кварталѣ живетъ одинъ Милоновъ; ужъ не онъ ли это сочиняетъ.

*Сорокинъ.* А хороши стихи, Семенъ Семенычъ? вы не читали?

*Квартальный.* Я такъ немножко просмотрѣлъ. Не дурно, по моему, очень не дурно. Если Милоновъ будетъ все такъ продолжать, такъ можно надѣяться, что онъ со временемъ... тово....

*Сорокинъ.* Ну давай Богъ, давай Богъ! Признаюсь вамъ, я уже очень давно не читалъ стиховъ, Семенъ Семенычъ.

*Квартальный.* Въ самомъ дѣлѣ?

(*) Настасья — дѣвушка лѣтъ 18-ти, съ пріятнымъ личикомъ. Она одѣта просто, но съ нѣкоторою изысканностію.

*Сорокинъ.* Какъ честный и благородный человѣкъ.

*Квартальный.* Ну такъ, вотъ, позабавьтесь.

*Сорокинъ.* А, что вы думаете? — Съ чего бы начать-то? Повѣсти! Ну что за повѣсти! Давайте читать стихи. Сочиненія Батюшкова. Ну вотъ и славно.

*Настасья.* Папенька, лучше Пушкина. Вонъ тутъ Евгеній Онѣгинъ, глава VII.

*Сорокинъ.* Что же мы начнемъ съ VII главы? — Ужъ лучше Батюшкова. — Читай вслухъ Настенька, вонъ хоть это, гдѣ замѣтка была. — Кто нибудь придетъ къ намъ нечаянно, подумаетъ, что у насъ литературное собраніе.

*Настасья* (*читаетъ*). Умирающій Тассъ.

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ
Душистыхъ травъ....

*Сорокинъ.* Постой-ка. Благодарила ли ты Семена Семеновича за гостинцы? — За смородину-то.

*Настасья.* Ахъ, да! Покорно васъ благодарю, Семенъ Семенычъ. Я забыла совсѣмъ, извините.

*Сорокинъ.* Экая! Вотъ если бъ я не напомнилъ. — Гдѣ вы достали такую смородину, Семенъ Семенычъ? Прекрасная, клянусь честью, прекрасная. Я одинъ фунта три съѣлъ, — какъ благородный человѣкъ.

*Квартальный.* Помилуйте, мнѣ совѣстно... Подождите, вотъ я думаю скоро принесутъ вамъ кой что, такъ ужъ это получше будетъ; ну-съ?...

Настасья (читаетъ.)

Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ
Надъ стогнами всемірныя столицы
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ

(*на улицѣ шарманка играетъ пьесу: «За горами, за долами»*).

*Квартальный,* (*вслушивался.*) Что это?... (*Поетъ съ чувствомъ подъ музыку, въ полъ-голоса.*)

На лужку росли цвѣточки,
Во кругъ ихъ ручеечки,
Блистали въ струяхъ. (*bis*)
Пташки нѣжны пѣсни пѣли,
Раздавался звукъ свирѣли,
Соловей свисталъ. (*bis*)
(*громче*) Вся природа веселилась

(*музыка перестаетъ.*)

Что жъ такъ мало?

*Сорокинъ.* У, да вы музыкантъ, Семенъ Семенычъ.

*Квартальный.* Какъ-же-съ. Ха, ха, ха!

*Сорокинъ,* (*Настасьѣ.*) Ну, что же ты? Экъ она заслушалась.

Настасья.

Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? Къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей....

*Квартальный,* (*тихонько.*) Что ваша корова нашлась, Василій Яковлевичъ?

*Сорокинъ.* Не слышу-съ. — Постой, Настенька.

*Квартальный.* Ваша корова, я говорю, не нашлась?

*Сорокинъ.* Нѣту, нѣту. — Вотъ ужъ четвертый день сегодня.

*Квартальный.* Странное дѣло. Надо вотъ еще узнать... Я постараюсь поискать ее, Василій Яковлевичъ.

*Сорокинъ.* Сдѣлайте одолженіе. Такая коммиссія право.

*Квартальный.* Хорошо, хорошо-съ.

Настасья (читаетъ).

.... течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ вмѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ божественный пѣвецъ...
Тебѣ.....

=

### ЯВЛЕНІЕ III.

Осиповъ (*) вбѣгаетъ запыхавшись и прежніе.

*Осиповъ.* Василій Яковлевичъ, Василій Яковлевичъ! Ахъ, здравствуйте Семенъ Семенычъ, и вы кстати здѣсь. — Посмотрите-ка на улицу, посмотрите какая куча народу.

(*Всѣ вскакиваютъ.*)

*Квартальный.* Въ самомъ дѣлѣ. Что же это такое? что сдѣлалось?

*Осиповъ.* Шелъ какой-то Тиролецъ съ шарманкой. Вдругъ у него отвязалась обезьяна. Чортъ знаетъ, какъ она влезла на крышку, сидитъ тамъ преспокойно, да кидаетъ во всѣхъ чѣмъ попало. Народу, народу сколько! совершенное гуляньe сдѣлалось.

*Квартальный.* Какъ же это ее не схватятъ?

*Осиповъ.* Никто не смѣетъ подойти къ ней, а Тиролецъ пьянъ: куда ему лезть на крышку. Вы не пойдете ли посмотрѣть, Настасья Васильевна? Я нарочно пришелъ сказать.

*Квартальный.* Однакоже это надобно какъ нибудь кончить. (*Надѣваетъ шпагу.*) Вотъ наше житье какое, Василій Яковлевичъ! Только что расположишься отдохнуть, да заняться литературой, а тутъ извольте ловить обезьяну. Я приду черезъ минуту. (*Настасьѣ.*) Вы не успѣете прочесть двухъ страницъ.

*Сорокинъ.* Я ужъ тоже пойду съ вами; это любопытно. — Ты не пойдешь, Настенька?

*Настасья.* Нѣтъ-съ, я лучше буду читать. Тамъ много народу, такъ еще нужно одѣваться.

*Сорокинъ.* Ну, какъ хочешь.

*Квартальный.* Впрочемъ, если угодно, я не прикажу ея трогать, покуда вы одѣнетесь.

(*) Въ коротенькомъ камлотовомъ плащѣ.

*Настасья.* Нѣтъ-съ. Покорно благодарю.

*Квартальный.* Какъ угодно-съ.

(*Уходятъ.*)

### ЯВЛЕНІЕ IV.

Настасья садится читать. Немного погодя сверху надъ окномъ раздаются звуки гитары.

*Настасья,* (*смотритъ изъ окна вверхъ.*) Сыграйте качучу.

*Голосъ Рябинина;* (*сверху.*) А! Настасья Васильевна! — Куда это пошелъ папенька?

*Настасья.* Онъ пошелъ смотрѣть, какъ обезьяна сидитъ на крышкѣ.

*Голосъ Рябинина.* А вы чтожъ не пошли?

*Настасья.* Да такъ. — Чего я не видала! Стоитъ ли того одѣваться.

*Голосъ Рябинина.* Конечно. — Что вы дѣлаете?

*Настасья.* Читаю: Умирающій Тассъ.

*Голосъ Рябинина.* Что такое?

*Настасья.* Умирающій Тассъ.

*Голосъ Ребинина.* А! Откуда это вамъ Богъ послалъ?

*Настасья.* Семенъ Семенычъ принесъ. — Ахъ, Алексѣй Петровичъ, я право боюсь, что онъ хочетъ на мнѣ жениться.

*Голосъ Рябинина.* Вотъ пустяки какіе!

*Настасья.* Нѣтъ, не пустяки. Вчера онъ прислалъ бѣлой смородины.... Ахъ, вонъ сюда смотритъ кто-то. Намъ не ловко разговаривать этакъ. Я вамъ лучше напишу обо всемъ, да выброшу въ окно.

*Голосъ Рябинина.* Вы очень скверно пишете, Настасья Васильевна: половины не разберешь. Я сію минуту.... (*Немного погодя приходитъ Рябининъ* (*).

(*) *Рябининъ* — молодой человѣкъ, съ претензіями казаться артистомъ.

Рябинин и Настасья.

*Настасья.* Ахъ, зачѣмъ вы пришли, Алексѣй Петровичъ! Папенька опять будетъ браниться: онъ не любитъ этого. Ну вотъ станьте покрайней мѣрѣ подальше, какъ будто сейчасъ вошли, а я будто читаю.

*Рябинин.* Хорошо, хорошо. — Ну чтожъ этотъ квартальный, Настасья Васильевна?

*Настасья.* Да. — Право онъ, кажется, хочетъ па мнѣ жениться. У другихъ чинятъ мостовую, а у насъ нѣтъ, у насъ и не заставляютъ; ужъ это такъ для меня можетъ быть. Вчера, я говорю, прислалъ онъ корзинку бѣлой смородины, да еще, говоритъ принесутъ что-то.

*Рябинин, (задумывается.)* Это плохо, однакожъ.

*Настасья.* Я вотъ теперь догадываюсь, папенька намѣкалъ мнѣ, что Семенъ Семенычъ прекрасный человѣкъ, благородный человѣкъ....

*Рябинин.* Ну, а вы что?

*Настасья.* А мнѣ что? Я не понимала къ чему это все. Я говорю, ужъ коли сдѣлали его квартальнымъ надзирателемъ, такъ онъ вѣрно того стоитъ. Мнѣ надо же было что нибудь сказать, а почемъ я знаю, какой онъ тамъ, благородный или нѣтъ.

*Рябинин.* Кто въ этомъ сомнѣвается! Ну, а папенька больше ничего не говорилъ?

*Настасья.* Нѣту. — Да вотъ, какъ мы третьяго дня смотрѣли парадъ, папенька, какъ будто въ шутку, говорилъ, еслибъ я была за мужемъ за какимъ нибудь полицейскимъ, такъ мы бы не стояли вмѣстѣ съ мужиками: насъ бы сейчасъ провели за веревку.

*Рябинин.* А вы что сказали?

*Настасья.* Ничего. — Вчера принесли отъ Семена Семеныча смородину, папенька почти одинъ съѣлъ всю корзинку, а мнѣ поминутно говоритъ, это вѣдь тебѣ Семенъ Семенычъ прислалъ.

*Рябинин.* А вы что?

*Настасья.* Я говорю только изъ какихъ доходовъ это. — А какая славная смородина, Алексѣй Петровичъ, кабы вы посмотрѣли! Не знаю право, гдѣ онъ купилъ такую.

*Рябинин.* Купитъ онъ! Дожидайтесь.

*Настасья.* Конечно ужъ это Богу извѣстно, гдѣ онъ взялъ ее. Вотъ мнѣ ужасно хочется знать, что такое принесутъ сегодня. Да все равно, чтобы ни принесли, (*плачетъ*) какіе бы фрукты ни были, а ужъ я не пойду за него замужъ.

*Рябинин.* Разумѣется. Что вамъ за охота! На съѣзжу сажаютъ за цьянство, за воровство, а вы то за какіе грѣхи попадете туда.

*Настасья.* Конечно. Я ненавижу этого квартальнаго, не пойду за него, какъ тамъ папенька хочетъ.

*Рябинин.* Не выходите, да и все тутъ. Вѣдь онъ самъ говорилъ мнѣ, что вы еще молоды, ну вы такъ и скажите.

*Настасья.* Другое дѣло папенька, а мнѣ что такое квартальный? Я не боюсь его.

*Рябинин.* Чего вамъ бояться!

*Настасья.* Не буду и глядѣть на него совсѣмъ.

*Рябинин.* Хорошо сдѣлаете, и не глядите.

*Настасья (кидаетъ книгу.)* Не хочу читать его скверныя книги.

*Рябинин.* И не читайте.

*Настасья.* Я рѣшительно скажу папенькѣ... Ахъ, Боже мой, ужъ онъ идетъ. Уйдите поскорѣе, Алексѣй Петровичъ.

*Рябинин.* Знаете ли что, — я не поѣду ужо на балъ, вы тоже будете дома, такъ я попросилъ бы васъ подшить мнѣ къ дѣламъ нѣкоторыя бумаги, а? у меня вотъ болитъ палецъ.

*Настасья.* Я бы очень рада, да видите ли, ко мнѣ хотѣла притти посидѣть Катерина Ивановна.

*Рябинин.* Катерина Ивановна? — Какъ нарочно вѣдь!... Знаете ли....

*Настасья.* Ахъ, подите, подите поскорѣе. — Сію минуту....
(*Настасья опять беретъ книгу. Рябининъ уходитъ.*)

=

## ЯВЛЕНІЕ V.

Сорокинъ и Настасья.

*Сорокинъ.* Поймали. — Напрасно ты не пошла, Настенька! Знаешь ли, какимъ образомъ поймали ее? Это стоитъ разсказать. Мы пришли, — народу бездна, обезьяна сидитъ на крышкѣ и чуть только кто подойдетъ близко, она и кинетъ чѣмъ попало. Вотъ Семенъ Семенычъ взялъ камышекъ, завернулъ его въ бумажку, потомъ еще разъ завернулъ и бросилъ къ обезьянѣ. Покуда она развертывала, буточникъ подкрался сзади, да и накинулъ на нее кулекъ.

*Настасья.* Ну, а потомъ что-съ?

*Сорокинъ.* Ничего. Тирольца повели было на съѣзжу съ обезьяной, однако онъ поговорилъ что-то съ Семеномъ Семенычемъ, такъ тотъ приказалъ отпустить его. Чтожъ, это очень хорошо. Семенъ Семенычъ очень умно сдѣлалъ, что отпустилъ его. Стоитъ ли изъ всякихъ пустяковъ заводить исторію, а тутъ покрайней мѣрѣ, польза... Мастеръ своего дѣла Семенъ Семенычъ! Удивительный человѣкъ: умный, благородный.... Вотъ бы тебѣ, Настенька, женишка этакого! а? Ты смотри, не упускай его. А?

*Настасья.* Какъ, папенька! Что вы? Какъ можно! Я молода еще.

*Сорокинъ.* Вотъ еще, она брыкается! Чѣмъ же онъ не женихъ, сударыня? Что онъ, развѣ не хорошъ собой?

*Настасья.* Да-съ.

*Сорокинъ.* Очень много ты смыслишь! Да чѣмъ же онъ не хорошъ? Про это нечего толковать, разумѣется, что Семенъ Семенычъ не купидонъ, однакожъ онъ все-таки бравый молодецъ, — такое благородное лицо. Ты сама не знаешь, что говоришь. Ну и притомъ его состояніе....

*Настасья.* Да что мы нищіе развѣ, папенька? развѣ одно богатство....

*Сорокинъ.* Вотъ еще? Ужъ не начиталась ли ты какихъ нибудь сочиненій покуда мы ходили смотрѣть обезьяну.

*Настасья.* Да что же мнѣ по доброй волѣ цѣлый вѣкъ быть на съѣзжей.

*Сорокинъ.* Что ты врешь такое? Тебѣ что надуютъ въ уши, то и повторяешь. Съ чего ты взяла, что Семенъ Семенычъ живетъ на съѣзжей?

*Настасья.* Ну да все равно, это за житье такое будетъ, какъ онъ поминутно станетъ уходить ловить обезьянъ, а не то....

*Сорокинъ.* Вотъ видишь ли, ты сама не знаешь, что говоришь: то онъ не хорошъ собой, то зачѣмъ поминутно станетъ уходить. Ужъ коли не хорошъ, такъ пусть его себѣ уходитъ.

*Настасья.* Да что же... Я молода очень.

*Сорокинъ.* Ахъ, замолчи пожалуйста. Ты дура, больше ничего. Затвердила: молода, молода. Я лучше знаю, молода ты или нѣтъ. — Семенъ Семенычъ такой человѣкъ, что я не видывалъ подобнаго. Ты этого не понимаешь. Коли ты хочешь знать, за него сватали невѣсту не тебѣ чета: красавицу собой, съ каменнымъ домомъ, да онъ не захотѣлъ во первыхъ потому, что у ней глаза черные, а не голубые и потому еще, что домъ очень старъ, много поправокъ нужно, а гдѣ же ему возится съ этимъ.

=

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Квартальный и прежніе.

*Сорокинъ.* А! Семенъ Семенычъ! Я сейчасъ разсказывалъ Настенькѣ объ вашихъ подвигахъ. Она такъ рада была.

*Квартальный.* Ха, ха, ха! Очень пріятно. Я замѣчаю однако, вы что-то скучны Настасья Васильевна.

*Настасья.* Ничего-съ.

*Сорокинъ.* Да вотъ сію минуту хохотала.

*Квартальный.* Если вы не такъ здоровы...

*Сорокинъ.* Ну вотъ поднте съ ней, Семенъ Семенычъ! Сама не здорова была недавно, а ѣстъ всякую всячину.

*Квартальный.* Цсс!... Напрасно. Вы не кушайте всякую дрянь. Повремените денекъ, другой. Если такъ, мы нарочно не дадимъ... *(Смотритъ на часы:)* Удивительно, право, что-это долго не несутъ?

*Сорокинъ.* Что такое-съ?

*Квартальный.* Такъ, маленькой сюрпризъ. *(Смотря въ окошко:)* Не видать.

*Сорокинъ.* Настинька, ты бы принесла трубку. У ней есть трубка, Семенъ Семенычъ, такая вотъ, что въ театрѣ смотрятъ. Не угодно-ли? все таки видѣе будетъ.

*Квартальный.* Что это, пустяки! Вотъ у меня дома есть трубка, такъ трубка. Одинъ разъ... Ну, да это большая исторія, я вамъ послѣ разскажу, какъ она мнѣ досталась. Она вотъ какая будетъ, я думаю; на ножкѣ стоитъ, можно повертывать какъ хотите.

*Сорокинъ.* Что же, вы изволите на звѣзды смотрѣть? Самое благородное препровожденіе времяни.

*Квартальный.* Нѣтъ, что мнѣ такое звѣзды! Досугъ ли смотрѣть на звѣзды! Я постановилъ эту трубку у себя въ угловой комнатѣ. Надобно вамъ заѣхать, Настасья Васильевна, кабакъ отъ меня очень далеко, въ концѣ улицы, однако я сейчасъ могу увидѣть коли будочникъ зайдетъ. Они несчастные удивляются откуда я знаю... Ха, ха, ха!

*Сорокинъ.* Это очень остроумно, ха, ха, ха! Настинька, слышишь?

## ЯВЛЕНІЕ VII.

Осиповъ (*) и прежніе.

*Осиповъ.* Ну что же, Василій Яковлевичъ. Не пора-ли?

*Сорокинъ.* Рановато еще. Да вотъ не всѣ собрались.

*Осиповъ.* Да они какъ разъ будутъ.

*Квартальный.* Куда это вы хотите?

*Сорокинъ.* Вотъ-съ ѣдемъ вмѣстѣ въ гости къ одному имянинику. Я не поѣхалъ бы совсѣмъ, не люблю когда поздно сбираются, да ужъ такъ заодно, въ каретѣ.

*Квартальный.* А куда вы это изволите ѣхать?

*Сорокинъ.* Къ Семенову-съ. старинный пріятель мой, а сынъ его служитъ вмѣстѣ съ нами.

*Квартальный.* Доброе дѣло. *(Осипову:)* Пожалуйста за меня потанцуйте.

*Осиповъ.* Хорошо-съ.

*Квартальный.* Если будетъ скучать... *(Заглянувъ въ окно:)* Наконецъ.... Что-жъ это такое?... (*Уходитъ.*)

*Сорокинъ, (смотря въ окно.)* Будочникъ. Однако жъ у него ничего нѣтъ. — Панъ Иванычъ поѣдетъ съ вами?

*Осиповъ.* Онъ сейчасъ идетъ.

*Сорокинъ.* Ну, а Рябининъ?

*Осиповъ.* Рябининъ не хочетъ.

*Сорокинъ.* Что-жъ онъ за чудакъ такой! Кто же еще поѣдетъ?

*Осиповъ.* Волковъ. Онъ наймете карету, да и пріѣдетъ въ ней сюда.

*Сорокинъ.* Хорошо, да неужъ-то мы только четверо и будемъ болтаться въ каретѣ?

*Осиповъ.* Дьячкова братъ хотѣлъ прити.

*Сорокинъ.* Все таки можно бы еще кого нибудь.

*Настасья.* Вы какой галстукъ надѣнете, папенька, черный или бѣлый?

*Сорокинъ.* Ужъ конечно бѣлый.

---

(*) Осиповъ въ новомъ вицъ-мундирѣ и пестромъ жилетѣ.

*Настасья.* Я приготовила у васъ на комодѣ.

(Приходитъ квартальный съ пасмурнымъ лицомъ.)

*Квартальный.* Это ни на что не похоже! Извините меня право, Настасья Васильевна, мнѣ такъ совѣстно, да вѣдь вы можете вообразить, что я тутъ не причиной.

*Сорокинъ.* А что такое у васъ сдѣлалось, Семенъ Семенычъ?

*Квартальный.* Вообразите, я хотѣлъ подарить сегодня Настасьѣ Васильевнѣ дыню...

*Сорокинъ.* Ну-съ?

*Квартальный.* Ну мнѣ не самому же тащить ее въ мундирѣ; я велѣлъ принести сюда будочнику, а у него на дорогѣ и украли!

*Сорокинъ.* Цсс! У бодочника-то!

*Осиповъ.* Ужъ это верхъ безстыдства.

*Квартальный.* Вотъ поди-те! Такая славная дыня была.

*Сорокинъ.* Да чего же смотрятъ обыватели, Семенъ Семенычъ? Какимъ же это образомъ?

*Квартальный.* Видите ли, будочникъ говоритъ, что онъ взялъ ее, понесъ, только идетъ мимо кабака, — у самыхъ дверей драка. Онъ положилъ ее и хотѣлъ разнимать. Тѣ и не думали драться, шутили, просто, а между тѣмъ дыня приказала клапяться.

*Осиповъ.* Такъ и пропала?

*Квартальный.* Такъ и пропала. Я просто думаю, что онъ зашелъ въ кабакъ, каналья, про дыню и позабылъ совсѣмъ, ну а тамъ разумѣется, пашлись охотники, да и взяли ее.

*Сорокинъ.* Скажите!...

*Осиповъ.* Большая дыня была, Семенъ Семенычъ?

*Квартальный.* Большая, большая, разумѣется. Я однако же это такъ не оставлю. Я разспрошу въ кабакѣ, какой народъ сбирается туда.

*Сорокинъ.* Будочника-то вы оставьте Семенъ Семенычъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ не виноватъ, можетъ быть. Онъ исполнялъ свою должность.

*Квартальный.* Какъ исполнялъ свою должность! Ему велѣно было нести дыню, а онъ сталъ разнимать драку. Развѣ это было ему приказано? Развѣ я сказалъ, вотъ какъ ты де-скать, понесешь дыню, да увидишь драку на дорогѣ, такъ разними ее? Нѣтъ это, знаете ли, какой-то духъ нынче: всякой хочетъ умничать.

*Сорокинъ.* Да ужъ простите его Семенъ Семенычъ, хоть для нея по крайней мѣрѣ; она стыдится просить. Ну что вамъ съ несчастнымъ будочникомъ.

*Квартальный.* Такъ и быть, я прощу его для васъ ужъ только, однако же все таки надо изслѣдовать это. Середи бѣла-дня воровать у будочниковъ! Воля ваша, это изъ рукъ вонъ.

*Осиповъ.* Этакъ пожалуй, когда нибудь и въ будку заберутся.

*Квартальный.* Нѣтъ ничего мудренаго. Прощайте, Василій Яковлевичъ, желаю вамъ веселиться. *(Настасьѣ:)* Будьте увѣрены, что вы не останетесь безъ дыни. *(Уходитъ.)*

*Осиповъ.* Какъ онъ раздердился.

*Сорокинъ.* Правду сказать, такъ это хоть кого выведетъ изъ терпѣнья. Ужъ вѣдь какъ нынче воруютъ...

(Слышно какъ въѣхала карета.)

*Настасья.* Папенька, кто-то къ намъ пріѣхалъ.

*Сорокинъ, (смотритъ въ окно,)* А! Владимиръ Козьмичъ! *(Кланяется:)* Милости просимъ.

*(Настасья уходитъ.)*

*Осиповъ.* Какая славная карета. Жалѣю, что не вишневая.

*Сорокинъ.* Да, да. Впрочемъ для меня это все равно, что вишневая, что голубая. Клянусь честью, все равно.

=

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

Волковъ (*), а вскорѣ потомъ Дьячковъ и прежніе.

*Волковъ.* Мое почтеніе, Василій Яковлевичъ. *(Осипову:)* Bon jour! *(смотритъ на часы:)* Какъ и скоро пріѣхалъ однако же, да, правду сказать, лошади хороши попались и карета такая спокойная.

*Сорокинъ.* Спокойствіе, это дороже всего на свѣтѣ: первая вещь здоровье, а потомъ спокойствіе.

*Волковъ.* Вотъ по этому-то я предпочитаю ѣздить въ каретѣ; тутъ нечего бояться ни пыли, ни грязи.

*Осиповъ.* Да, ужъ карета прекрасный экипажъ: жарко, такъ можно опустить стекла, холодно—опять поднять. А ужъ когда дождь, такъ и говорить нечего.

(Приходитъ Дьячковъ (**).

*Волковъ.* Votre santé?

*Сорокинъ.* А что же братецъ вашъ?

*Дьячковъ.* Не знаю, право, что онъ такъ долго. Впрочемъ, я велѣлъ его послать сюда, когда пріѣдетъ. Славная карета у васъ. Я только что хотѣлъ бриться, вдругъ и слышу вы пріѣхали.

*Волковъ.* Что же, вы успѣете еще.

*Дьячковъ.* Нѣтъ-съ, я ужъ отдумалъ; теперь бриться, такъ въ воскресенье опять понадобится, а для меня это наказаніе. Все равно, я падѣлъ полисоны.

*Волковъ.* Признаться, я когда завидую дамамъ, такъ это потому, что имъ не нужно бриться. Такъ трудно достать хорошія бритвы.

*Сорокинъ.* А вы гдѣ ихъ изволите покупать?

*Волковъ.* Въ Англійскомъ магазинѣ. Я почти все тамъ покупаю. Вотъ сейчасъ заѣхалъ, взялъ перчатки. Порядочныя перчатки.

*Дьячковъ.* Вамъ не встрѣтился ли кто нибудь, какъ вы сюда ѣхали?

*Волковъ.* Ахъ именно. Начальникъ отдѣленія встрѣтился мнѣ не такъ далеко.

*Дьячковъ.* Онъ васъ видѣлъ? Вы ему кланялись въ окошко?

*Волковъ.* Признаться вамъ, я совсѣмъ не кланялся ему. Какая надобность! Забился въ уголъ и не знаю даже, видѣлъ ли онъ меня.

*Осиповъ.* Тѣмъ-то и хорошо въ каретѣ ѣздить, что не нужно всѣмъ раскланиваться.

*Дьячковъ.* Это ужъ само по себѣ, ну а если на балъ ѣхать, что можетъ быть лучше кареты?

*Волковъ.* А знаете ли, господа, когда я бываю въ Дворянскомъ Собраніи, всегда ѣзжу на извощикѣ.

*Сорокинъ.* Цсс!

*Дьячковъ.* Это какимъ образомъ?

*Волковъ.* Да чтобъ не дожидаться два часа на подъѣздѣ. Я пріѣду на извощикѣ и поѣду на извощикѣ.

*Сорокинъ.* Что-жъ, это очень умно съ вашей стороны. А вы часто изволите быть въ Дворянскомъ Собраніи?

*Волковъ.* Не скажу, что бы часто, когда балы только, раза два въ мѣсяцъ.

*Дьячковъ.* Вы танцуете тамъ?

*Волковъ.* Нельзя. Радъ бы не танцовать, да выбираютъ, ну какъ бы то ни было, все *фрейлины* (Fräulein), какъ вы тутъ откажетесь!

*Осиповъ.* Это въ мазуркѣ вѣрно?

*Волковъ.* Да въ мазуркѣ, и въ котильонѣ.

=

(*) Волковъ — молодой человѣкъ, одѣтый по послѣдней модѣ и притомъ безъ вкуса, въ прическѣ à la мужикъ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, которыя онъ всячески старается не замарать. Осиповъ осматриваетъ его со вниманіемъ.

(**) Скромный чиновникъ, въ вицъ-мундирѣ по формѣ, съ приличными бакенбардами.

## ЯВЛЕНІЕ IX.

**Петръ Дьячковъ (*) и прежніе.**

*Дьячковъ.* Что ты такъ долго? Василій Яковлевичъ, имѣю честь рекомендовать вамъ моего брата.

*Сорокинъ.* Очень пріятно.

*Петръ Дьячковъ.* Прошу покорно познакомиться. Мы люди военные; съ нами безъ церемоній. Не опоздалъ ли я господа? Впрочемъ, я и не торопился очень: я думалъ, покуда вы станете надѣвать свои галстуки да манишки, такъ еще много времени пройдетъ. Нашъ братъ какъ разъ готовъ; надѣлъ только мундиръ да шпагу... *(Осипову:)* Какъ вы поживаете! *(Разговариваетъ съ нимъ.)*

*Дьячковъ.* Владимиръ Козьмичъ, имѣю честь рекомендовать... Петя!... Имѣю честь рекомендовать вамъ брата.

*Волковъ.* Очень радъ-съ.—Я кажется имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ вами у Косторскаго, Алексѣя Дмитрича.

*Петръ Дьячковъ.* Да-съ, я тамъ бываю.

*Сорокинъ.* У Алексѣя Дмитрича? скажите, какъ онъ поживаетъ?

*Петръ Дьячковъ.* Хорошо-съ. А вы изволите знать его?

*Сорокинъ.* Боже мой, мнѣ не знать Алексѣя Дмитрича! Да мы вмѣстѣ въ школу бѣгали; я помню даже, какъ мы съ нимъ яблоки воровали, — клянусь вамъ какъ честный и благородный человѣкъ.

*Волковъ.* Дочь его замужъ выходитъ.

*Сорокинъ.* За кого это-съ?

*Петръ Дьячковъ.* За штатскаго, за одного, Рукавицына, отецъ его въ сенатѣ чѣмъ то. Тимоѳей Ильичъ зовутъ его, кажется.

*Сорокинъ.* Тимоѳей Ильичъ! Да мы съ нимъ старинные пріятели. Я одинъ разъ его лошадью надулъ, — клянусь честью. Такъ вотъ что! Я думаю, что онъ на томъ свѣтѣ давно, а онъ чѣмъ то въ Сенатѣ. Поди-ка онъ орденовъ нахваталъ?

*Волковъ.* Да-сь, у него есть станислава въ петлицу, да знакъ отличія за XXX лѣтъ, кажется.

*Сорокинъ.* Вишь какой!

*Волковъ.* Да вотъ, я помню, недавно поздравлялъ его: онъ получилъ коллежскаго ассессора по новому положенію.

*Сорокинъ.* Знай-нашихъ! — Кланяйтесь ему пожалуйста, когда увидите. Прекрасной души человѣкъ Тимоѳей Ильичъ. Ну а сынъ его служитъ гдѣ нибудь?

*Волковъ.* Служитъ-съ. Онъ не знаю гдѣ-то помощникомъ бухгалтеріи.

*Сорокинъ.* Это похвально. Всякій молодой человѣкъ долженъ стараться быть полезнымъ своему отечеству. Я также былъ помощникомъ бухгалтера сначала. Я помню, еще меня записали на службу 11 лѣтъ, — прежде это можно было дѣлать,—такъ вотъ, милостивые государи, иной разъ, да и за-частую бывало, чѣмъ бы пятти въ должность, я пойду на щукинъ дворъ, или въ Лѣтній садъ, да и шатаюсь тамъ цѣлое утро, — увѣряю васъ, какъ благородный человѣкъ. Штатное мѣсто я получилъ лѣтъ черезъ пятнадцать. — Вообще не годится опредѣлять на службу молодыхъ людей, коли имъ не исполнилось по крайней мѣрѣ шестнадцать лѣтъ. Вотъ нынче хорошо что и нельзя раньше: у молодыхъ людей все еще тогда на умѣ удочки, западни, голуби.

*Дьячковъ.* Не пора ли намъ однако?— Который часъ, Василій Яковлевичъ?

*Сорокинъ.* 27 минутъ осьмаго.

*Осиповъ.* Неужели?

*Сорокинъ.* Какъ благородный человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь пора, я думаю.

*Петръ Дьячковъ.* Конечно; пока еще одѣнетесь. Вотъ нашему брату не долго это: мундиръ да шпагу.

*Сорокинъ.* Такъ я пойду. А что, го-

(*) Петръ Дьячковъ—офицеръ маленькій, жиденькій, носитъ очки для красы.

сюда скажите Рябинину, не поѣдетъ ли онъ: веселѣе будетъ. Въ каретѣ мѣста довольно. (*Уходитъ.*)

*Волковъ.* Про кого это говоритъ Василій Яковлевичъ?

*Осиповъ.* А вотъ съ нами живетъ одинъ чиновникъ. Онъ тоже служилъ у насъ въ департаментѣ, да вы не застали.

*Волковъ.* Ну что жъ?

*Осиповъ.* Да онъ не поѣдетъ навѣрное.

*Дьячковъ.* А можетъ быть и поѣхалъ бы?

*Осиповъ.* Ну да ужъ до того ли ему.

*Петръ Дьячковъ.* А что такое? Вѣрно онъ проигрался бѣдный, какъ и нашего брата иногда.

*Осиповъ.* Нѣтъ, не проигрался, а вотъ видите-ли въ чемъ дѣло: онъ влюбленъ въ хозяйскую дочь.

*Волковъ.* За чѣмъ же дѣло стало? чтожъ онъ не женится на ней?

*Дьячковъ.* Да у ней есть женихъ. Это хоть и не объявлено еще, однако всякій можетъ догадаться.

*Волковъ.* Ну, а ему отказали вѣрно?

*Осиповъ.* Кто его знаетъ. — Невѣста кажется скорѣй бы пошла за Рябинина.

*Петръ Дьячковъ.* Помилуйте чтожъ мѣшаетъ ему раздѣлаться съ этимъ женихомъ. По нашему бы: пафъ! пафъ!

*Осиповъ.* Ха, ха, ха! Вотъ прекрасно! Въ самомъ дѣлѣ вотъ бы его вызвать на дуэль. Да знаете ли кто этотъ женихъ?

*Петръ Дьячковъ.* Все равно кто бы онъ ни былъ.

*Осиповъ.* Да онъ квартальный надзиратель.

*Петръ Дьячковъ.* Все равно, если онъ благородный человѣкъ....

*Осиповъ.* Будь я на мѣстѣ Г. Рябинина.... А что хороша она?

*Осиповъ.* Хороша.

*Петръ Дьячковъ.* Ну а какъ, напримѣръ, лучше Асенковой, или нѣтъ?

*Осиповъ.* Въ другомъ родѣ совсѣмъ: она больше похожа на Гриневу.

*Волковъ.* Вы говорите не объявлено. Почему заключаютъ что онъ женихъ, этотъ квартальный? Что развѣ онъ всякій день ходитъ?

*Дьячковъ.* Ну хоть не всякій день ходитъ, да вотъ вчера, напримѣръ, прислалъ корзинку бѣлой смородины.... Вы можете вообразить коли квартальный пришлетъ кому бѣлой смородины, такъ ужъ это что нибудь да значитъ.

*Осиповъ.* Ну, а вотъ сегодня еще велѣлъ принести сюда дыню, только ее украли на дорогѣ.

*Дьячковъ.* Такъ вѣрно онъ по этому и шумѣлъ на дворѣ?

*Осиповъ.* Да.

*Петръ Дьячковъ.* Я, на мѣстѣ Г. Рябинина, выкинулъ бы за окно этаго волокиту вмѣстѣ съ бѣлой смородиной и съ дыней.

*Дьячковъ.* Да чтожъ толку-то?

*Петръ Дьячковъ.* Ну такъ, по крайней мѣрѣ. (*Приходитъ Сорокинъ.*)

*Волковъ.* Вы ужъ готовы!

*Петръ Дьячковъ.* Это скоро однакоже; это по нашему.

*Сорокинъ.* Я всегда такъ скоро одѣваюсь, какъ честный и благородный человѣкъ.

*Волковъ.* Для меня такъ это коммиссія: не знаешь какой фракъ надѣть, которой жилетъ....

*Петръ Дьячковъ.* Мы такъ не знаемъ этихъ хлопотъ: мундиръ, да шпагу..... (*Осиповъ надѣваетъ коричневыя перчатки.*) Вотъ вамъ хорошо, вамъ можно носить всякія перчатки, а ужъ нашему брату кромѣ бѣлыхъ, никакихъ нельзя.

*Сорокинъ.* Ну что же, господа, ѣхать такъ ѣхать. Кажется, можно безъ шинели сегодня.

*Дьячковъ.* Конечно; особенно въ каретѣ. У тебя есть шинель, Петя?

*Петръ Дьячковъ.* Есть. Я взялъ такъ, для пыли, а то бы и не нужно: что солдату дѣлается?

*Осиповъ.* Не пройтись ли намъ пѣш-

комъ немного, погода хороша. Карета сзади поѣдетъ.

*Дьячковъ.* Когда ужъ тутъ пѣшкомъ? Ступай назадъ пѣшкомъ, коли хочешь.

*Сорокинъ.* Конечно пѣшкомъ ходить очень пріятно и здорово; ну да ужъ пора.

*Осиповъ.* Ну-съ. Не забыть бы чего? (*Берутъ шляпы.*)

*Волковъ,* (*смотритъ шляпу.*) Кажется, моя шляпа? Да точно, Симиса.

*Петръ Дьячковъ.* Вотъ ужъ кто офицеръ, такъ хорошо. Моя не смѣшается: съ чернымъ перомъ ни у кого нѣтъ. (*Идутъ.*)

*Дьячковъ.* А что господа, какъ намъ лучше поднять стекло или опустить? (*Всѣ ушли.*)

=

## ЯВЛЕНІЕ X.

Наталья, проходитъ и смотритъ въ окно; потомъ, она одна, поправляетъ свой туалетъ; Женщина *, выглядываетъ въ дверь.

*Наталья.* Кто тутъ? Что тебѣ, Марина?

*Женщина,* (*Входитъ.*) Здравствуйте матушка. Я думала не здѣсь ли Прасковья.

*Настасья.* Что ваши всѣ поѣхали на балъ?

*Женщина.* Да вотъ Алексѣй Петровичъ пѣшкомъ пошелъ куда-то; на балъ-ли, нѣтъ ли, не знаю, матушка. Тѣ поѣхали съ Василіемъ Яковлевичемъ вмѣстѣ. Ужъ эти балы мнѣ, такъ не приведи Господи.

*Настасья.* А что такое?

*Женщина.* Что, матушка, только и дѣла, что платье замывай. Придутъ съ балу, у кого пуговицъ нѣтъ, у кого фалды оторваны. Вотъ вѣдь въ департаментъ ходятъ, такъ небойсь все порядочно; видно тамъ ничего не подносятъ, а только писать велятъ. Другой разъ скажешь имъ, чтобъ надѣли на балъ какое нибудь платье похуже, такъ куда! Какъ можно! Не хорошо! — Не хорошо, а драться такъ хорошо.

*Настасья.* Чтожъ ты думаешь, они дерутся на балѣ?

*Женщина.* Отъ чего же имъ платье то рвать, Настасья Васильевна? Извѣстно, молодые люди, поспорятъ сначала кто лучше танцуетъ, а тамъ, слово за-слово, глядишь и сцѣпятся.

*Настасья.* Пустяки, Марина.

*Женщина.* Какъ пустяки сударыня;— скажите на милость, матушка, Семенъ Семеновичъ, не будетъ на балѣ?

*Настасья.* Нѣтъ, онъ тамъ не бываетъ.

*Женщина.* Хоть бы будочника прислалъ, коли самъ не бываетъ. Пускай ужъ лучше кому нибудь руки свяжутъ въ самомъ началѣ, если начнется баталія.

*Настасья.* Да что ты врешь такое? что развѣ балъ не можетъ обойтись безъ баталіи?

*Женщина.* Ахъ, матушка, я какъ вспомню, такъ у меня сердце замираетъ: Алексѣй Петровичъ пошелъ, да пистолетъ съ собой взялъ.

*Настасья.* Пистолетъ взялъ? Да это такъ, можетъ быть. Онъ на балъ и не пойдетъ совсѣмъ, онъ самъ говорилъ.

*Женщина.* Слушайте вы что онъ говоритъ! Вотъ этотъ офицеръ, былъ здѣсь, тоже на балъ поѣхалъ?

*Настасья.* Ну такъ чтожъ?

*Женщина.* Это никакъ братъ Ивана Ивановича. Ужъ такой, прости Господи... По улицѣ то идетъ, видѣла я одинъ разъ, ужъ и такъ шляпу надѣлъ и этакъ. Со шпагой всегда, и такой заноза, страсти да и только, матушка. Начнетъ онъ по своему кантовать на балѣ, будетъ считать, что онъ тутъ первый, Алексѣй Петровичъ ему не уступитъ, — вотъ и пошла потѣха.

* Женщина — изъ рода такихъ, которыя и. когда замѣняютъ всю прислугу у не богатыхъ холостыхъ людей.

*Настасья.* Полно, Марина, какъ это можно.

*Женщина.* Ахъ, все можно, сударыня. Ужъ не даромъ Алексѣй Петровичъ взялъ пистолетъ съ собою.

*Настасья.* Ну перестань, пожалуйста. Ахъ, Боже мой! Катерина Ивановна... Маринушка, скажи Прасковьи, чтобъ она поставила самоваръ поскорѣе.

*Женщина.* Слышу, матушка. *(уходя)* Ахъ, Господи, Господи, дались имъ эти балы проклятые. Лукавый выдумалъ...

---

# ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната Рябинина съ товарищами.

## ЯВЛЕНІЕ I.

Дьячковъ, входитъ Осиповъ.

*Дьячковъ.* Что братъ? Вотъ жизнь то человѣческая!

*Осиповъ.* А что такое? Какая жизнь человѣческая?

*Дьячковъ.* Развѣ ты ничего не слыхалъ?

*Осиповъ.* Нѣтъ. Я только сейчасъ пришелъ домой послѣ бала. Что вы такъ рано уѣхали? Мы еще танцовали послѣ ужина. Оставляли ночевать, однако я ушелъ: поздно было, какое ужъ тутъ спанье. Иду мимо Дьяконова дома, онъ ужъ кофей пьетъ; ну я зашелъ къ нему, да и просидѣлъ до сихъ поръ. Теперь 10 часовъ, я думаю. — А что такое случилось?

*Дьячковъ.* Рябининъ приказалъ долго жить.

*Осиповъ.* Ври больше.

*Дьячковъ.* Кромѣ шутокъ.

*Осиповъ.* Ты братъ меня надуть хочешь, кажется. — Я посмотрю, тогда повѣрю.

*Дьячковъ.* Да врядъ ли увидишь его.

*Осиповъ.* Что жъ это такое?

*Дьячковъ.* Ну просто сказать, Рябининъ утопился.

*Осиповъ.* Какъ утопился? — Вотъ пустяки какіе! Ктожъ видѣлъ, какъ онъ топился?

*Дьячковъ.* Никто не видалъ, да такъ полагать должно. — Нашли на берегу Невы сюртукъ да шляпу; въ карманѣ было письмо, такъ по адресу и узнали. — Изъ полиціи приходили сегодня справляться объ этомъ, ну а Рябининъ вечеромъ ушелъ со двора и до сихъ поръ не являлся.

*Осиповъ.* Вотъ тебѣ разъ! Это жалко, однакожъ. Да развѣ не могли его вытащить?

*Дьячковъ.* Не могли. Должно быть снесло. Какой то мужикъ нашелъ сюртукъ его, и чѣмъ было созвать людей тотчасъ, да искать тѣло, онъ пошелъ объявлять въ полицію. Ну покуда-то собрались, искали баграми даже, да ужъ поздно.

*Осиповъ.* Бѣдный Рябининъ, умеръ безъ погребенія.

*Дьячковъ, (со вздохомъ).* Да и все такъ на свѣтѣ бываетъ.

*Осиповъ.* Признаться сказать, я давно примѣтилъ, что онъ какъ-то не въ своей тарелкѣ. — Квартальный оралъ такъ вчера на дворѣ изъ за дыни, ну онъ слышалъ и вообразилъ, можетъ быть, что уже все кончено. — Вотъ что значитъ эта любовь проклятая!

*Дьячковъ.* Какая къ чорту любовь! — Восемь лѣтъ все помощникъ, да помощникъ; сколько разъ обходили его. Надобно говорить дѣло. Можетъ быть, Богъ спроситъ объ этомъ Начальника Отдѣленія.

*Осиповъ.* Неужели ты думаешь Рябининъ рѣшился утопиться отъ того, что его не дѣлали столоначальникомъ?

*Дьячковъ.* Разумѣется. — Безпрестанно неудовольствія, онъ сталъ задумываться, ну и совсѣмъ потерялся. Да вотъ Соболевъ живой примѣръ: онъ зарѣзался потому, что долго не давали штатнаго мѣста.

*Осиповъ.* Да, да.—Любопытно сколько то выдадутъ Рябинину на похороны.

*Дьячковъ.* Какія еще тебѣ похороны?

*Осиповъ.* Правда. Ему не много оставалось и до знака отличія безпорочной службы.

*Дьячковъ.* Вотъ выдумалъ! сколько лѣтъ ему до знака отличія? Лѣтъ пять, я думаю.

*Осиповъ.* Ну такъ чтожъ? Успѣлъ бы и тогда утопиться. Вотъ судьба-то что называется...

*Дьячковъ.* Напрасно мы не взяли его на балъ съ собою: онъ тамъ разгуллялся бы, можетъ статься, ну а ужъ по крайней мѣрѣ на балѣ не утопился бы. Вѣдь я говорилъ.

*Осиповъ.* Да коли онъ не хотѣлъ.

*Дьячковъ.* Не хотѣль! Кабы уговорили, можетъ быть и поѣхалъ бы, а то..

*Осиповъ.* Я не понимаю, что за идея пришла ему топиться; застрѣлиться гораздо благороднѣе.

*Дьячковъ.* Можетъ быть онъ и хотѣлъ прежде застрѣлиться. Я и забылъ сказать, Марина говоритъ, что онъ, какъ пошелъ со двора, взялъ пистолетъ съ собою. Я боюсь еще, не научилъ-ли грѣхомъ братъ мой съ дуру вызвать квартальнаго на дуэль. Можетъ онъ и вызвалъ, — почемъ знать? — Можетъ квартальный приказалъ взять его, ну, а онъ убѣжалъ, да и кинулся въ воду потомъ.

*Осиповъ.* Вотъ пустяки! Да и когда твой братъ успѣлъ видѣться съ нимъ. Я помню онъ обѣщалъ пистолетъ подарить кому-то, вѣрно прежде смерти хотѣлъ исполнить.

=

## ЯВЛЕНІЕ II.

Сорокинъ, и прежніе.

*Сорокинъ.* Что, господа? Нѣтъ молодца у насъ! — Да, жаль! По человѣчеству жаль! Хорошій былъ малой. Скажите, сколько лѣтъ покойнику было?

*Дьячковъ.* 28-ой годъ, кажется.

*Сорокинъ.* Я такъ и полагалъ. — Странно только, съ нѣкотораго времяни сталъ онъ такъ задумчивъ. Признаться вамъ, господа, я чувствовалъ какъ то, что съ нимъ должно что нибудь произойти. Я какъ будто зналъ, клянусь честью зналъ, что мы лишимся его. Бываетъ иногда, можно предвидѣть...

=

## ЯВЛЕНІЕ III.

Квартальный Надзиратель, Помощникъ его и прежніе.

*Квартальный.* Миръ вамъ: я къ вамъ.

*Сорокинъ.* Ахъ, Семенъ Семеновичъ!—Скажите, несчастіе какое.

*Квартальный.* Вотъ мы за этимъ то и пришли поразвѣдать что нибудь.— Очень радъ, господа, что вы дома. Объясните тутъ по пунктамъ: не замѣчено ли за Рябининымъ признаковъ сумасшествія? Какого онъ былъ поведенія? Не замѣченъ ли въ пьянствѣ, картежной игрѣ? Не былъ ли въ долгахъ? Не обнаруживалъ ли, словами или дѣйствіями, склонности къ самоубійству? — однимъ словомъ, вы прочитайте все это и увидите сами, что дѣлать. Можетъ быть, иное тутъ и лишнее, да нужды нѣтъ: часто изъ самыхъ пустыхъ обстоятельствъ выводятся важныя послѣдствія.

*Сорокинъ*. Справедливо-съ. — Вообще замѣчено, что на свѣтѣ всѣ важныя дѣла проистекаютъ отъ маловажныхъ причинъ.

*Квартальный*. Ну да. Возмите же это. — У васъ живетъ еще какая то женщина; надо-бы и ее спросить.

*Дьячковъ*. Она ушла на рынокъ.

*Квартальный*. Все равно, послѣ. — Скажите, пожалуйста, вѣдь это комната общая ваша?

*Осиповъ*. Да-съ, тамъ еще другая.

*Квартальный*. Ну, а гдѣ лежатъ вещи, которыя принадлежатъ собственно Рябинину? Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть, не оставилъ ли онъ какой записки или объявленія о своемъ намѣреніи. Вѣдь иногда дѣлаютъ такія штуки.

*Дьячковъ*. Да вотъ этотъ шкафъ Рябинина.

*Квартальный*. Прекрасно. Не запечатано даже. Ну, ужъ я почти увѣренъ, что мы тутъ узнаемъ что нибудь. — Посмотримъ. *(Вынимаетъ изъ шкафа гитару)*. Гитара. — Господа, пожалуйста, напишите теперь, что я васъ просилъ: мнѣ надо будетъ представить рапортъ. Будьте увѣрены, что я тутъ ничего не испорчу, а за нимъ стану присматривать. Ха, ха, ха! А не то, попросите Василія Яковлевича, такъ онъ за обоими будетъ смотрѣть. Ха, ха! ха!

*(Дьячковъ и Осиповъ уходятъ)*.

*Сорокинъ*. Ни кто не осмѣлится думать...

*Осиповъ*. *(Дьячкову)*. Видишь, онъ ничего не говоритъ про дуэль.

*Дьячковъ*. Да, да.

=

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Сорокинъ, Квартальный и Помощникъ.

*Помощникъ*. Ну-съ, гитара...

*Квартальный*. Знаете ли что, Александръ Карлычь, — сдѣлаемте опись всѣмъ вещамъ Рябинина: изъ этаго можно будетъ видѣть, чѣмъ занимался покойникъ. Мы даже можемъ помѣстить это въ рапортѣ; а?

*Помощникъ*. Конечно-съ. Да ужъ кстати не отмѣтить ли на сторонѣ, карандашемъ, и оцѣнку вещей его. Не равно будетъ надобность продавать имѣніе съ публичнаго торга, такъ послѣ меньше хлопотъ. Помните, на дворѣ ужъ какой то лавочникъ говорилъ, что имѣетъ на покойникѣ претензію.

*Квартальный*. Очень умно. — Попросите-ка у господъ листикъ бумаги еще. *(Помощникъ уходитъ. Квартальный барабанитъ пальцами по гитарѣ)*.

*Сорокинъ*. Скажите, гдѣ онъ служилъ прежде, вашъ помощникъ?

*Квартальный*. Не знаю, онъ не здѣшній.

*Сорокинъ*. Иностранецъ?

*Квартальный*. Иностранецъ.

*Сорокинъ*. Что жъ, это ничего: бываютъ хорошіе люди и изъ иностранцевъ. Ахъ да, скажите, пожалуйста, что дыня?

*Квартальный*. Пропала. — Впрочемъ мнѣ обѣщали другую, сегодня или завтра... *(Помощникъ приноситъ бумагу)*. Ну-съ пишите, гитара. — Чтобы она стоила? — старая... рубля два, я думаю, съ полтиной... надо вѣдь на серебро... напишите 75 копѣекъ, а тамъ прибавятъ.

*Помощникъ*. Не мало-ли, Семенъ Семенычь? гитара семиструнная.

*Квартальный*. Семиструнная? — Ну, напишите 80 копѣекъ; — что же вы?

*Помощникъ*. Позвольте, мнѣ пришло въ голову одно обстоятельство. На семиструнную гитару вѣдь нужно больше ремонту, чѣмъ на шестиструнную: если оборвутся всѣ струны, на одну нужно семь, а на другую только шесть. Выходитъ, что семиструнная гитара не должна быть дороже.

*Квартальный*. Все это очень хорошо, однакожъ изъ семиструнной гитары можно какъ-разъ сдѣлать шестиструн-

ную, ну, а изъ шестиструнной какъ вы сдѣлаете семиструнную. — Ну да что тутъ толковать, напишите въ скобкахъ: сія гитара семиструнная. А тамъ кто какъ хочетъ. — Ну что еще?—Книга на французскомъ діалектѣ — 10 копѣекъ. — Сигарки.

*Помощникъ.* Сосчитать, Семенъ Семенычь? Тутъ полсотни будетъ. Растеряются неравно.

*Квартальный.* Въ самомъ дѣлѣ. — Дайте-ка, я лучше ихъ спрячу. Намъ довольно написать, что нашли нѣсколько сигаръ, вѣдь ужъ все равно сколько бы ихъ ни было: по крайней мѣрѣ видно будетъ, что покойникъ занимался куреніемъ. Продавать ихъ безъ бандероля нельзя, ну что онѣ—растеряются только.— Не хотите ли и вы для пробы, хоть парочку?

*Помощникъ.* Очень хорошо-съ. *(Беретъ).*

*Квартальный.* Такъ и напишите нѣсколько сигаръ. — Письмо отъ неизвѣстной особы *(всматривался въ письмо.)* Не включайте, это не нужно. *(Посмотрѣвъ значительно на Сорокина, прячетъ письмо въ карманъ).*

*Сорокинъ.* Что это такое, Семенъ Семенычь?

*Квартальный.* Такъ. Я послѣ скажу. — Початая бутылка мадеры. — Кажется мадера? А вотъ и рюмка кстати. Какой странный цвѣтъ. *(Садится къ столу и наливаетъ).* Мадера, — да мадера.

*Помощникъ.* Позвольте *(наливаетъ).* Что вы, Семенъ Семенычь! Какая мадера! Это просто хересъ.

*Квартальный.* Какъ хересъ? — Вотъ мило! *(Наливаетъ).* Полноте проказничать, Александръ Карлычь. — Пишите, початая бутылка съ мадерой.

*Помощникъ.* Что за чудо? *(наливаетъ).* Семенъ Семенычь! Что съ вами сдѣлалось сегодня, что вы не можете распознать вина? Это хересъ, не самый лучшій конечно, однако все таки хересъ, а не мадера. — Сдѣлайте милость, попробуйте хорошенько.

*Квартальный (наливаетъ).* Ну скажите, добрые люди! — Вы меня морочите, Александръ Карлычь. — Пишите же, какъ я сказалъ.

*Помощникъ.* Не могу, воля ваша, не могу. Это будетъ противъ совѣсти, противъ порядка. *(Наливаетъ еще, выпиваетъ рюмку и сидитъ съ довольнымъ и спокойнымъ лицомъ).*

*Квартальный. (наливаетъ такъ же и выпивши, стукаетъ рюмкой объ столъ).* Я пивалъ довольно, Александръ Карлычь.

*Помощникъ.* А вы думаете, что я не пивалъ?

*Квартальный. (Въ полголоса).* Я иногда бывалъ пьянъ, милостивый государь, коли на то пошло.

*Помощникъ. (Такъ же).* Тѣмъ хуже для васъ. Тутъ хвастать нечего. — Я стану пить сколько хотите, а пьянъ не буду.

*Сорокинъ.* Извините меня, господа, позвольте мнѣ капельку попробовать. Я бы вамъ сказалъ, что это, по моему.

*Помощникъ.* Ахъ, вотъ въ самомъ дѣлѣ. Сдѣлайте одолженіе... *(Хочетъ налить).* Что это? Ничего нѣтъ, кажется.

*Сорокинъ.* Точно ничего нѣтъ.

*Помощникъ.* Ну и слава Богу! Какъ же написать теперь, Семенъ Семенычъ? Початая бутылка ни съ чѣмъ?

*Квартальный.* Ну напишите просто: бутылка изъ подъ вина. — Что тамъ еще? Книга: *Жена, мужъ и любовникъ, сочиненіе Поль-де-Кока, часть 3-я*; отложите ее, можетъ быть найдутся другія.—Это что такое? Дѣло. А! Это тоже надо помѣстить въ рапортѣ.

*Помощникъ.* Нужно, я думаю, написать, какое дѣло.

*Квартальный.* Конечно. — Пишите: Дѣло XV отдѣленія, 9 стола, «о сообщеніи...» Что тутъ такое? Запачкано; ну все равно... «о сообщеніи... кому-то —

«(имяни не прочесть), — чтобы онъ по-«меньше распространялся обо всякомъ «вздорѣ». — Прописано названіе какой-то губерніи? Вы не разберете ли?

*Помощникъ.* Сантуринской, кажется.

*Квартальный.* Вотъ еще! Нисколько не похоже. Гдѣ вы тутъ нашли С? Да этакой и губерніи нѣтъ.

*Сорокинъ.* Какой это-съ?

*Квартальный.* Сантуринской.

*Сорокинъ.* Сантуринской? Точно нѣтъ. Я знаю всѣ губерніи, какія есть, — какъ честный и благородный человѣкъ.

*Квартальный.* Ну да что тутъ толковать: напишите «о сообщеніи *нѣкоторому* Гражданскому Чиновнику». До кого это касается такъ ужъ тотъ знаетъ. Такъ все и напишите, какъ тутъ.

*Помощникъ.* Это вѣдь для того, чтобы показать, что покойникъ занимался службой?

*Квартальный.* Разумѣется. А вы хотѣли, небось, продавать его въ пользу кредиторовъ?

*Помощникъ.* На скольких листахъ?

*Квартальный.* Къ чему это? не нужно ничего.

*Сорокинъ.* Позвольте мнѣ на минуточку дѣло, Семенъ Семенычъ. Что тутъ...

=

### ЯВЛЕНІЕ V.

Женщина и прежніе.

*Женщина, (плачетъ.)* Ахъ ты голубчикъ мой, Алексѣй Петровичъ! Что ты сдѣлалъ, батюшка! Водяному продалъ душеньку. Не захотѣлъ дожить до кончины. (*Рыдаетъ.*)

*Квартальный.* Полно выть, матушка. Разскажи-ка лучше намъ, не замѣтила ли ты чего нибудь за покойникомъ?

*Женщина.* Замѣтила ужъ я давно, батюшка, что не жилецъ онъ, голубчикъ.

*Квартальный.* Отъ чего?

*Женщина.* Да — ужъ какъ оно есть, такъ и будетъ, отецъ мой. Вотъ на прошлой недѣлѣ ужасно выли собаки. Я отворила окно и кричу: цыцъ, вы мерзскія; и думаю себѣ: кому это онѣ воютъ, проклятыя. На ту пору приходитъ золовка...

*Квартальный.* Не объ золовкѣ тебя спрашиваютъ. Я говорю, ты не замѣчала ли, что бы онъ этакъ, заговаривался или...

*Женщина.* Нѣту, нѣту, батюшка, нечего грѣшить. Конечно, ужъ не безъ этаго; молодые люди говорятъ тамъ пустяки какіе, а что бы онъ особенно заговаривался, такъ нѣтъ. Вчера какъ то смутенъ былъ; совсѣмъ почти не говорилъ даже. Мнѣ и не въ догадъ было, какъ пошелъ со двора, да пистолетъ взялъ; я все думаю себѣ: покойникъ на балъ сбирается.

*Квартальный.* А онъ пошелъ со двора съ пистолетомъ? Ты это точно знаешь?

*Женщина.* Какъ же, батюшка; сама видѣла я, вотъ еще Настасьѣ Васильевнѣ сказывала.

*Квартальный.* Слышите, Александръ Карлычъ?

*Помощникъ.* Слышу, слышу. Это надо писать.

*Женщина.* Третьяго дня тоже, или нѣтъ... Что у насъ сегодня? — Да, точно третьяго дня, приходила я къ нему спросить что-то, такъ ужъ онъ былъ такой насмурный, такой насмурный, и не посмотрѣлъ на меня, сказалъ только: «Ну ладно.» Я иду, да и думаю себѣ: Господи, Боже мой, что съ нимъ сдѣлалось такое? (*Плачетъ.*) Какъ теперь помню, голубчикъ мой, сидѣлъ у этаго стола, передъ нимъ на бумагѣ бѣлый порошокъ какой-то...

*Квартальный.* А! Слышите, Александръ Карлычъ?

*Помощникъ.* Можетъ быть, это онъ хотѣлъ принять ядъ.

*Квартальный.* За чѣмъ же ему принимать ядъ, коли онъ утопился?

*Помощникъ.* Ну затѣмъ, что бы скорѣе пришелъ конецъ, когда будетъ топиться.

*Квартальный.* Хорошо, да на что же ему топиться, когда онъ принялъ ядъ?

*Помощникъ.* Экіе вы, для того, что бы скорѣе кончить мученія отъ яду.

*Квартальный.* Да, конечно...

*Женщина.* Я стала, да и думаю, что онъ будетъ дѣлать такое? Онъ взялъ, голубчикъ, порошокъ, высыпалъ въ бутылку, да еще чуть ли не въ эту самую, закупорилъ ее и поставилъ въ шкафъ.

(Квартальный и Помощникъ смотрятъ другъ на друга въ изумленіи. Потомъ Квартальный нюхаетъ бутылку и рюмку; Помощникъ ходитъ по комнатѣ, выливаетъ остатки въ бутылку и, попробовавъ, плюетъ.)

*Квартальный.* Что если... Да нѣтъ... не можетъ быть... Вы ничего не чувствуете, Александръ Карлычъ?

*Помощникъ.* Нѣту. (*Съ безпокойствомъ.*) А вы развѣ чувствуете что нибудь?

*Квартальный.* Ничего. Только меня все что-то безпокоитъ. Не знаю право...

*Сорокинъ.* Не угодно ли выпить воды не много? Вы перемѣнились въ лицѣ.

*Помощникъ.* Я давича еще... странно однакожъ... Въ самомъ дѣлѣ, вы что-то очень поблѣднѣли, Семенъ Семенычъ.— Не выпить ли намъ парнаго молока, на всякой случай? Лишняя осторожность не мѣшаетъ.

*Квартальный.* Конечно.—Есть у васъ парное молоко?

*Сорокинъ.* Нѣту; вѣдь вы знаете у меня корова пропала.

*Помощникъ.* Ваша корова нашлась. Я знаю гдѣ она, да позабылъ сказать только.— Пошлите куда нибудь... Боже мой... Пускай она попроситъ у сосѣдей, да поскорѣе, пожалуйста.

*Сорокинъ.* Да, да. Сбѣгай къ этой чиновницѣ, которая торгуетъ молокомъ, да скажи: парнаго молока, де-скать, приказали попросить; что будетъ стоить отдадутъ.

*Женщина.* Къ какой-же чиновницѣ, батюшка? Много ихъ торгуетъ молокомъ.

*Помощникъ.* Все равно, къ какой нибудь, ну, шевелись проворнѣе.

(Женщина хочетъ итти.)

*Сорокинъ.* Послушай, послушай! спроси у ней по дорогѣ, почемъ она продаетъ сметану и есть ли у ней творогъ хорошій?

*Помощникъ.* Ахъ, Боже мой! что вы съ нами дѣлаете? Ступай же, говорятъ!... Дѣло идетъ о спасеніи человѣчества, а вы тутъ съ творогомъ...

*Квартальный.* Дайте хоть воды покуда.

(Женщина идетъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Рябининымъ. Она вскрикиваетъ; всѣ въ крайнемъ удивленіи.)

=

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Рябининъ (*) и прежніе.

*Рябининъ.* Что это значитъ? Что вы смотрите?—Что здѣсь такое?

*Сорокинъ.* Какимъ образомъ вы спаслись? Кто васъ вытащилъ?

Вмѣстѣ. *Квартальный.* Вы сыпали чего нибудь въ эту бутылку?

*Женщина.* Стало, вы не утопились, батюшка.

*Рябининъ.* Я не понимаю, чего вы хотите.

Вмѣстѣ. *Женщина.* Сказали, будто вы...

*Помощникъ.* Въ эту бутылку ничего .. (*Женщинѣ*) Постой.—Вы ничего не клали въ эту бутылку?

*Рябининъ.* Въ эту бутылку? Ничего не клалъ, да на что вамъ это?

*Квартальный.* Такъ, мы хотѣли... Ну теперь отлегло.

(*) Рябининъ въ гороховой шинели съ многими воротниками; въ рукахъ военная фуражка.

Вместѣ.

*Сорокинъ.* Скажите, кто васъ вытащилъ?

*Женщина.* Какъ же говорили, что вы...

*Помощникъ.* Васъ далеко снесло, вѣрно?

*Рябининъ.* Да растолкуйте мнѣ, что здѣсь такое происходитъ и чего вы хотите?

=

## ЯВЛЕНІЕ VII.

Дьячковъ, Осиповъ и прежніе.

*Дьячковъ.* Ахъ, Рябининъ! Мы услышали твой голосъ. Стало быть, не правда, что ты утопился.

*Осиповъ.* Да ужъ не съ того ль свѣта шинель у тебя? — Кто тебя вытащилъ, въ самомъ дѣлѣ?

*Рябининъ.* Что за чудо!.. Да скажите мнѣ, Боже мой, съ чего вы взяли что я утопился? Я никогда и не думалъ топиться.

*Квартальный.* Нашли вашъ сюртукъ да шляпу, на берегу Невы, на Выборгской сторонѣ, ну такъ и полагали, что вы изволили утопиться. Къ намъ въ часть дали знать объ этомъ, ну-съ меня и послали поразвѣдать обо всемъ, посмотрѣть не оставили ли вы какого нибудь извѣщенія, изъ чего можно бы узнать причину, которая понудила васъ утопиться.

*Рябининъ.* Ну, теперь я догадываюсь. Почему же узнали что этотъ сюртукъ мой?...

*Квартальный.* Въ карманѣ было письмо, такъ по адресу.

*Рябининъ.* Да, да. Теперь я понялъ. Ха, ха, ха. И смѣшно и досадно право.

*Сорокинъ.* Да разскажите намъ, что такое случилось съ вами.

*Рябининъ.* А вотъ что случилось: на балъ мнѣ вчера не хотѣлось, одному дома скучно, я и отправился на Безбородкину дачу, къ одному знакомому. Онъ скоро ѣдетъ, такъ я тутъ же взялъ съ собой пистолетъ подарить ему на дорогу. Прихожу — дома нѣтъ. Ну нечего дѣлать, я оставилъ пистолетъ человѣку его и пошелъ потихоньку домой. Иду, иду, вдругъ вздумалось мнѣ выкупаться. Мѣсто было чудесное, народу никого нѣтъ, это было въ исходѣ десятаго, ужъ смеркалось. Вотъ, хорошо-съ, только я успѣлъ положить, шляпу да скинуть сюртукъ, вдругъ откуда ни возьмись огромнѣйшая собака, и прямо ко мнѣ. Не знаю почему, мнѣ представилось, что эта собака бѣшеная, я бѣжать, собака за мной, я повернулъ въ какой то переулокъ, добѣжалъ до огорода и вскочилъ на заборъ. Собака нейдетъ прочь. Я сижу на заборѣ, не знаю ужъ, что мнѣ дѣлать, только къ счастію она вѣрно соскучилась и убѣжала. Я посидѣлъ еще немножко на заборѣ, все боялся, чтобъ она не воротилась, проклятая, — такъ она меня напугала, — и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ свой сюртукъ, да шляпу. Вообразите, — ничего нѣтъ! Я искалъ, искалъ, — нѣтъ! Больше ничего, какъ украли пока меня не было. Мнѣ ужъ тутъ не до купанья, а какъ бы только домой. Шелъ, шелъ, — погода была хоть и теплая, однако все таки неловко итти по улицѣ безъ всего — смотрю, не заперта мелочная лавочка. Я разсказалъ хозяину свою исторію и онъ далъ мнѣ на прокатъ вотъ эту шинель, которая была у него въ закладѣ, и фуражку, а въ обезпеченіе взялъ у меня часы. — Хорошо-съ....

*Осиповъ.* Да гдѣ же ты ночевалъ-то?

*Рябининъ.* Подожди. — Вотъ-съ я иду все благополучно; прошелъ ужъ больше половины дороги и вѣдь какъ нарочно ни одного извощика. Я ужасно усталъ, перепотѣлъ въ этой шинели и только что успѣлъ сѣсть на скамейку у воротъ, отдохнуть немножко, это было, я думаю въ половинѣ двѣнадцатаго, — вдругъ ѣдутъ три козака. Они спроси-

ли меня, что я за человѣкъ и что тутъ дѣлаю? Надобно вамъ сказать, что въ этомъ домѣ, гдѣ я сидѣлъ у воротъ, поминутно воруютъ, — я это узналъ послѣ. Я говорю, что я чиновникъ такой-то, иду домой изъ гостей, усталъ очень и хотѣлъ тутъ посидѣть, отдохнуть немножко. Козаки посмотрѣли другъ-на-друга съ недоумѣніемъ; въ эту минуту, какъ нарочно, распахнулась у меня шинель. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что у меня нѣтъ даже кафтана, и что я долженъ быть какой нибудь плутъ. Другой нашелъ, что и шинель моя совсѣмъ не такая, какъ бываетъ у порядочныхъ людей. Ну они и отвели меня безъ церемоніи на съѣзжую.

*Дьячковъ.* Такъ ты и ночевалъ тамъ?

*Рябининъ.* Конечно. И не знаю чѣмъ бы это кончилось еще, да къ счастію я вспомнилъ, что мнѣ знакомъ не много брандмейстеръ тамошній. Онъ поручился, разумѣется, а такъ, какъ я былъ взятъ единственно по подозрѣнію, то меня тотчасъ и отпустили.

*Сорокинъ.* Ну а видите-ли, вашъ сюртукъ нашли на берегу; не знаю мужикъ какой-то, а по этому и заключили, что вы утопились.

*Рябининъ.* Ха, ха, ха! Однако, господа, съ вашего позволенія, я умоюсь, да скину эту хламиду. *(Хочетъ итти.)*

*Помощникъ, (квартальному.)* Вы не спросили ничего, Семенъ Семенычъ, насчетъ намѣренія отравиться... есть подозрѣніе....

*Квартальный.* Да, да. Позвольте на минутку, какой это порошокъ, говорятъ, былъ у васъ третьягодня?

*Рябининъ.* Порошокъ?

*Квартальный.* Да. Вы еще сыпали его въ бутылку.

*Рябининъ.* Ахъ, вѣрно вамъ разсказала это Марина! — Это просто былъ толченый сахаръ. Ко мнѣ обѣщалъ тогда притти одинъ гость, такъ я хотѣлъ сдѣлать грогъ, сюрпризъ ему, чтобы прямо изъ бутылки наливать, для сокращенія дѣлопроизводства, да и не въ этой бутылкѣ однакожъ.

*Женщина.* Я не знала, батюшка, что такое, спрашивали меня.

*Квартальный.* Ха, ха, ха! Это забавная исторія. Ступайте, умойтесь. *(Рябининъ, Дьячковъ и Осиповъ уходятъ, женщина тоже.)*

*Помощникъ.* А какое вино, мадера или ... .

*Квартальный.* Вамъ хочется поддержать честь свою. Ха, ха, ха! Да ужъ не безпокойтесь, я ужъ могу спросить и самъ. — Ступайте съ Богомъ: вамъ больше нечего. *(Помощникъ уходитъ.)*

=

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сорокинъ и Квартальный.

*Квартальный.* Василій Яковлевичъ, я долженъ сообщить вамъ одно извѣстіе, которое, можетъ быть, покажется для васъ не совсѣмъ пріятно.

*Сорокинъ.* Какъ? что такое?

*Квартальный.* А вотъ что такое-съ. *(Вынимаетъ изъ кармана письмо.)* Давича, какъ мы разбирали вещи Рябинина, попалось мнѣ это письмецо. Мнѣ бы и надобности никакой не было, да почеркъ показался знакомый, посмотрите сами.

*Сорокинъ.* Это очень похоже на Настенькину руку.

*Квартальный.* Такъ похоже, что я, признаюсь, не могъ утерпѣть, чтобъ не прочитать. Конечно не годится читать чужія письма, ну да на моемъ мѣстѣ, особенно въ теперешнихъ обстоятельствахъ, это можно позволить. Прочитайте, не угодно-ли: это точно письмо Настасьи Васильевны.

*Сорокинъ (читаетъ въ полголоса.)*

«Вы напрасно сердитесь на меня, «Алексѣй Петровичъ, что я вчера цѣлый «вечеръ ничего почти съ вами не говори«ла, но все занималась съ квартальнымъ.

«Я тутъ ни сколько не виновата, ибо па-«пенька приказываетъ мнѣ быть пола-«сковѣе съ онымъ, поелику онъ вѣроятно «бонтся, что квартальный падуетъ-«ся за что нибудь, да велитъ починить «мостовую. Но въ другой разъ я поста-«раюсь загладить сіе. Въ доказательство, «что вы уже перестали сердиться, то «пришлите мнѣ почитать какую нибудь «книжку, для препровожденія времяни. «Я очень кашляю, ибо напилась холод-«наго квасу.» *(Задумывается.)*

*Квартальный.* Что вы на это скажете, Василій Яковлевичъ?

*Сорокинъ.* Чтожъ, коли на то пошло, я долженъ признаться давно уже примѣтилъ, что они очень дружны. Теперь ужъ это ясно, да и Рябининъ приходилъ ко мнѣ съ предложеніемъ насчетъ дочери моей.

*Квартальный.* Что же вы ему сказали?

*Сорокинъ.* Я сказалъ, что должность его еще не такъ значительна, что дочь моя слишкомъ молода, — однимъ словомъ я отдѣлался ничѣмъ, двусмысленно. Мы разстались по пріятельски, а тамъ онъ себѣ думай, что хочетъ. Еслибъ отказать рѣшительно, такъ ужъ надо бы съ нимъ совсѣмъ разойтись, ну а мнѣ этого не хотѣлось. Признаюсь вамъ, я люблю Рябинина; онъ благородный человѣкъ, ну а любовная дурь, можетъ, пройдетъ современемъ.

*Квартальный.* Ну, а скажите, давно ли это было?

*Сорокинъ.* Недѣли двѣ назадъ. Скоро послѣ того какъ я вамъ далъ слово.

*Квартальный.* Вы, можетъ быть, отказали ему для того только, что дали слово мнѣ прежде.

*Сорокинъ.* Сказать вамъ по совѣсти, такъ именно только для этого. — Что мнѣ было дѣлать? — Я поступилъ какъ благородный человѣкъ.

*Квартальный.* Василій Яковлевичъ! Позвольте мнѣ объясниться съ вами, какъ съ благороднымъ человѣкомъ. — Вы видите сами, что теперь, глядя на это письмо, я бы въ правѣ отказаться отъ вашей дочери....

*Сорокинъ.* Справедливо.

*Квартальный.* Вы хотѣли выдать ее за меня потому только, кажется, что бы сдержать свое слово, какъ прилично честному и благородному человѣку?

*Сорокинъ.* Точно.

*Квартальный.* Василій Яковлевичъ! Я очень много виноватъ передъ вами.

*Сорокинъ.* Въ чемъ же это?

*Квартальный.* Да въ своей опромстчивости....

*Сорокинъ.* Какимъ образомъ?

*Квартальный.* Помните ли, гдѣ я просилъ васъ, чтобы отдали за меня дочь свою, и гдѣ я ихъ въ первый разъ увидѣлъ?

*Сорокинъ.* Помню-съ: это было на сговорѣ у купца Строгинина.

*Квартальный.* Ну такъ помните ли, сколько тамъ пили, какъ всѣ были пьяны? Я тоже наклюкался, Василій Яковлевичъ!

*Сорокинъ.* Въ самомъ дѣлѣ?

*Квартальный.* Ну да посудите, куда нашему брату, особенно ужъ мнѣ, жениться и жить домомъ! Цѣлый день суешься, какъ угорѣлый, да и не всякая ночь пройдетъ чтобы зачѣмъ нибудь не разбудили. Все это на другой день мнѣ пришло въ голову. Я готовъ былъ итти къ вамъ извиниться, да вотъ какая то глупая гордость помѣшала: не хотѣлось признаться, что я былъ пьянъ; притомъ же я боялся, что вы не уважите этого и назовете меня не благороднымъ человѣкомъ.

*Сорокинъ.* Нѣтъ, Семенъ Семенычъ, изъ этого даже я вижу, что вы благородный человѣкъ! Позвольте мнѣ теперь поквитаться съ вами. Вы говорите, что изволили быть пьяны, когда просили руки моей дочери, — признаюсь вамъ, и я такъ же былъ пьянъ, когда согласился выдать за васъ Настеньку. Скажите сами, что можетъ быть глупѣе

этого: обѣщать кому нибудь выдать дочь свою и не спросить прежде у ней ни словечка! Я тоже опомнился на другой день, да мнѣ казалось, что когда благородный человѣкъ дастъ честное слово, такъ ужъ дѣло кончено, и если даже онъ былъ пьянъ въ это время, такъ и то не можетъ служить ему оправданіемъ.

*Квартальный.* Вы истинно благородный человѣкъ, Василій Яковлевичъ! *(Обнимаются.)*

*Сорокинъ.* Нѣтъ это вы, Семенъ Семенычъ; вы доказали.... И такъ между нами кончено насчетъ Настеньки?

*Квартальный.* Благословите-ка се, добро, за Рябинина.

*Сорокинъ, (задумывается.)* А что вы думаете? Право такъ. Надо вѣдь и то сказать, за кого же выпти ей: значительный чиновникъ не возьметъ, богатый человѣкъ тоже, да еще неизвѣстно какой лѣшій попадется, ну а Рябинина я хорошо знаю. Во всякомъ случаѣ, мы останемся съ вами пріятелями и будемъ утѣшаться, что поступили, какъ благородные люди.

=

## ЯВЛЕНІЕ IX.

Рябининъ, Дьячковъ, Осиповъ и прежніе.

*Осиповъ, (квартальному.)* Вотъ вамъ допросные пункты.

*Квартальный.* Хорошо-съ. *(Сорокинъ отводитъ Рябинина въ сторону, разговариваетъ съ нимъ шопотомъ, показываетъ письмо и, улыбаясь, грозитъ пальцемъ; послѣ того хлопаетъ его по рукѣ. Рябининъ въ восхищеніи. Оба уходятъ.)*

=

## ЯВЛЕНІЕ X.

Квартальный, Осиповъ и Дьячковъ.

*Осиповъ.* Что это значитъ?

*Квартальный.* Не знаю.

*Дьячковъ.* Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, скажите.

*Квартальный.* Право не знаю.

*Осиповъ.* Ужъ не рѣшился ли Василій Яковлевичъ выдать за Рябинина?...

*Квартальный.* И то можетъ быть.

*Дьячковъ.* Въ самомъ дѣлѣ? Да... Семенъ Семенычъ, мы думали... не сердитесь пожалуйста, — мы считали васъ женихомъ Настасьи Васильевны...

*Квартальный.* Это почему?

*Осиповъ.* Да ужъ такъ полагать должно было. Вотъ третьягодня вы прислали бѣлой смородины, говорятъ, вчера хотѣли подарить дыню, такъ мы думали, что вы тутъ навѣрно женитесь.

*Квартальный.* Да развѣ кто кому пришлетъ смородины, такъ ужъ тутъ надобно непремѣнно жениться? Коли хотите знать, мнѣ эту смородину и дыню тоже подарилъ огородникъ Вавиловъ, однако же онъ и не думаетъ на мнѣ жениться! Ха, ха, ха! Я прислалъ смородину такъ, въ подарокъ, да къ тому же я и не люблю ее, а что на имя Настасьи Васильевны, такъ это для деликатности.

*Осиповъ.* Да, ну если такъ.... А славно, кабы онъ женился.

*Дьячковъ.* Да ужъ конечно. Вотъ бы мы попировали!

*Осиповъ.* Ужъ онъ сдѣлаетъ балъ навѣрно.

*Квартальный.* Охъ пустяки, господа, балы эти: что тутъ воду толочь. То и дѣло обѣдъ! Тамъ, пожалуй, пляши себѣ, кто хочетъ. Ха, ха, ха! Правда вы молодежь, вамъ хочется попрыгать.

*Осиповъ.* А вы не танцуете, Семенъ Семенычъ?

*Квартальный.* Вотъ еще выдумали! Прежде отплясывалъ бывало, а впрочемъ, если ужъ очень нужно, такъ и теперь могу пожалуй. Знаете ли, какъ я, отдиралъ краковьякъ! Что нынче Французская кадриль! — Дрянь! — Когда танцовали съ антрашами, такъ еще нешто, — а теперь ходятъ только взадъ да впередъ, словно какъ на рынкѣ.

Какъ не надоѣстъ эта кадриль. Прежде бывало столько танцевъ, что въ цѣлый вечеръ не успѣютъ протанцовать всѣхъ.

*Осиповъ.* Вы говорите краковьякъ,— что это за танецъ такой?

*Квартальный.* Не ужъ-то вы не видали, какъ танцуютъ краковьякъ?

*Осиповъ.* Не видалъ.

*Квартальный.* Краковьякъ чудесный танецъ. Жаль, что онъ вышелъ изъ моды.

*Осиповъ.* Ну, какъ же его танцуютъ?

*Квартальный.* А вотъ видите ли: сначала кругъ, потомъ дамы дѣлаютъ... *(Напѣваетъ и показываетъ, какъ танцуютъ краковьякъ. Между тѣмъ приходитъ помощникъ и смотритъ на это у дверей.)*

=

## ЯВЛЕНІЕ XI.

**Помощникъ и прежніе.**

*Дьячковъ.* Семенъ Семенычъ, Семенъ Семенычъ.

*Квартальный, (оглянулся и видитъ Помощника.)* А! Что вы Александръ Карлычъ?

*Помощникъ.* Я хотѣлъ сказать вамъ на счетъ коровы Василія Яковлевича. Я имѣлъ подозрѣніе и третьягодня отыскалъ....

*Квартальный.* Ну такъ что жъ вы не говорите?

*Помощникъ.* Да я.... вотъ вы изволили танцовать.

*Квартальный.* Что жъ я развѣ тутъ три дня изволю танцовать? — Ну хорошо, ступайте. Я сейчасъ....

*Помощникъ.* Слушаю-съ.... *(Уходя, сталкивается въ дверяхъ съ Рябининымъ.)* Pardon!

=

## ЯВЛЕНІЕ XII.

**Рябининъ и прежніе.**

*Квартальный.* А! Можно поздравить? — Я только и ожидалъ.

*Рябининъ.* Покорно благодарю-съ.

*Дьячковъ и Осиповъ.* Поздравляемъ, поздравляемъ. *(Всеобщій восторгъ и лобзанія.)*

*Квартальный.* Дай Богъ вамъ жить да поживать, да добра наживать. — Смотрите же позовите меня на свадьбу, а не то я и самъ приду.

*Рябининъ.* Какъ-же, сдѣлайте милость. Василій Яковлевичъ приказалъ просить васъ сегодня въ бостончикъ поиграть.

*Квартальный.* Буду, всенепремѣнно. Я сейчасъ зайду къ нему.

*Осиповъ, (Дьячкову.)* Послушай, братъ, пойдемъ и мы тоже поздравить его.

*Дьячковъ.* Да, да, конечно.

*Квартальный.* Признаюсь вамъ, я его душевно уважаю, Василія Яковлевича. Вотъ ужъ, что называется, благородный человѣкъ въ полномъ смыслѣ. *(Беретъ шляпу.)*

*Рябининъ.* Онъ тоже самое говорилъ про васъ сію минуту.

*Квартальный.* Какъ мы сошлись!

# АТАМАНЪ КОСОЛАПЪ.

## *Историческая повѣсть.*

Въ одной изъ грязныхъ улицъ Углича, въ тѣсномъ, полуразвалившемся домикѣ, сидѣло нѣсколько молодыхъ посадскихъ людей. На дубовомъ столѣ стоялъ штофъ вина и пирующіе ужъ были на веселѣ. Между ними былъ замѣтенъ молодой человѣкъ, котораго рѣзкія черты показывали, что страсти давно ему знакомы. Рыжія кудри и впалые сѣрые глаза не внушали къ нему большой довѣренности, а громкій и повелительный его голосъ возбуждалъ отвращеніе, смѣшанное съ какимъ-то невольнымъ страхомъ. Этотъ юноша — былъ Волоховъ, давно славившійся въ Угличѣ дурнымъ поведеніемъ, и неоднократно замѣченный въ буйствѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ началъ надолго отлучаться изъ Углича, неизвѣстно куда. Когда онъ послѣ долгаго отсутствія, появлялся въ Угличѣ, у него не было недостатка въ деньгахъ, онъ удивлялъ своихъ товарищей роскошью. — На вопросъ: откуда достаетъ онъ столько денегъ? онъ всегда отвѣчалъ, шутя: «Нашелъ въ лѣсу кладъ.»

Молодые люди, опорожнивая штофъ, играли въ орлянку, и груды денегъ переходили отъ одного къ другому. Одному Волохову не везло; онъ сидѣлъ блѣдный, измученный неудачею. Наконецъ, ударивъ кулакомъ по столу, онъ вскрикнулъ: «Все проигралъ!» Ударъ былъ такъ силенъ, что уголъ дубоваго стола треснулъ. Волоховъ всталъ и началъ ходить по свѣтлицѣ; лице его выражало уныніе. Другіе между тѣмъ продолжали играть, нисколько не обращая вниманія на своего товарища; игра становилась часъ отъ часу азартнѣе. «Нечего дѣлать, прошепталъ Волоховъ, видно судьба ужъ того хочетъ! Надобно на все рѣшиться.» При этомъ словѣ дверь отворилась и вошелъ мужикъ исполинскаго роста; онъ не поклонился иконѣ, предъ которой теплилась свѣча въ темномъ углу, но прямо подошелъ къ Волохову и спросилъ: «Каково идетъ?» — «Плохо,» отвѣтилъ Волоховъ: «я все проигралъ.» — «Какъ! Не-ужъ-то и деньги товарищей?» — «Все,» повторилъ Волоховъ: «все, до копѣйки!» — «Это плохо,» пробормоталъ Битяговскій (имя новаго пришельца.) «Тебѣ нельзя возвратиться къ товарищамъ, онѣ не любятъ такихъ шутокъ. Вмѣсто того, чтобъ сдѣлать необходимыя для нихъ закупки на зиму, ты все промоталъ

Теперь, если ты придешь къ нимъ съ пустыми руками, тебѣ дадутъ карачунъ, какъ Сенькѣ, — дай Богъ ему Царство Небесное?»

«Что жъ дѣлать?» сказалъ изъ подголоса Волоховъ?

«Надо поправить дѣло,» возразилъ Битяговскій. Пойдемъ къ московскому Іудѣ, онъ что-то много обѣщаетъ, если мы зарѣжемъ *голубя*.»

Волоховъ подумалъ, почесалъ голову и махнувъ рукою, сказалъ на ухо Битяговскому: — «Пойдемъ, условимся съ этимъ проклятымъ лазутчикомъ, да и выберемъ время. Скоро вылѣтитъ голубь изъ золотой клѣтки, чтобъ погулять на широкомъ дворѣ. Мы его подстережемъ.» — Съ этимъ словомъ Волоховъ и Битяговскій вышли изъ свѣтлицы. — Недалеко отъ Угличкаго Собора, въ переулкѣ, въ домѣ дьячка, также была попойка, но совершенно въ другомъ родѣ. Радушный хозяинъ угощалъ стараго своего пріятеля, пріѣхавшаго по своимъ дѣламъ въ Угличъ, изъ Москвы. Передъ старыми друзьями стоялъ штофъ съ пѣникомъ, какъ скромный свидѣтель ихъ дружеской бесѣды. Штофъ замѣтно убывалъ, но за то прибывали умныя рѣчи. Не подалеку отъ нихъ сидѣла хозяйка, жена дьячка, съ дочерью. Онѣ пряли, и жужжаніе веретенъ сливалось съ говоромъ дьячка, который говорилъ безъ умолку, неутомимо подчуя своего гостя, то виномъ, то закускою. Дѣло шло братски, и дьячекъ былъ веселъ. Онъ налилъ гостю еще стаканчикъ, и дружески молвилъ: «Что, любезный куманекъ, Иванъ Петровичъ, сказать ли тебѣ, что у меня на душѣ лежитъ?» — «Говори Сидорычъ.» — «Всѣмъ ты хорошъ,» продолжалъ дьячекъ: «честная душа, ни кому ты зла не дѣлалъ; имѣешь достатокъ, благодаря Бога; находишься въ Москвѣ на Царской службѣ, тюремщикомъ; должность почетная! Уму разуму учить тебя нечего, — знаешь, какъ хлѣбъ-соль пести; всѣмъ ты братецъ, хорошъ, — одно только дурно: шея у тебя коротка.»

— «Такъ чтожъ до этого?» улыбнувшись отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: «развѣ не наставить же мнѣновую! Стало быть, такъ ужъ Богу было угодно.

«Вѣстимо такъ,» сказалъ дьячекъ, «но короткая шея — дурная примѣта. Помнишь нашего Кузьмича? Былъ на лицо здоровехонекъ, — а какъ за столомъ стукнулъ его пострѣлъ, — такъ и поминай, какъ звали!»

— «Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ.» Сказалъ съ досадой Иванъ Петровичъ, утирая вспотѣвшій лобъ.

«А помнишь Усачева? Онъ былъ похожъ на тебя; — такое же краснос лице и шея...»

— «Да перестань каркать, какъ зловѣщій воронъ. Что ты, кумъ, бѣду что ли хочешь на меня накликать? Лучше, братъ, о себѣ подумай: у тебя чай есть одно дѣлишко на душѣ.»

«А какое?» спросилъ дьячекъ.

— «А вотъ какое: ты помолвилъ свою дочку за Никиту Волохова?»

«Ну, такъ что жъ?»

— «А вотъ что, ужъ коли дѣло пошло на то, такъ и я, по старой дружбѣ, выскажу тебѣ все, что на душѣ лежитъ.»

Дочь дьячкова привстала, и въ чертахъ ея отразилось смущеніе; веретено упало изъ рукъ ея, но она и не замѣтила этого. Жена дьячка подошла къ столу, и, разинувъ ротъ, ожидала, что скажетъ Иванъ Петровичъ. Тотъ раза два откашлялся, утерся платкомъ, поправилъ волосы и началъ: — «Хлѣбъ-соль ѣшь, — а правду-рѣжь. Твой будущій зять — дурной человѣкъ. Онъ игрокъ, пьяница, буянъ, и вѣтренникъ. Любя твое семейство, я рѣшился высказать тебѣ всю правду, прошу не взыскать. Дочь твоя стоитъ счастья... Она почтительна къ родителямъ, богомольна, собой хороша, какъ же тебѣ, братецъ,

не стыдно выдавать ее за такого человѣка? О немъ весь Угличь знаетъ..»

—Вздоръ, любезный! Не всякому слуху вѣрь. Народъ злорѣчивъ, онъ хоть кого обнесетъ дурной славой. Волоховъ добрый малый, въ молодости попроказилъ, а теперь сталъ совсѣмъ иной. Пустился въ торгъ, разъѣзжаетъ по деревнямъ и самъ себѣ добываетъ копѣйку. Не ужъ-то ты думаешь, что счастье моей дочери мнѣ не дорого? Я бы вѣрно не захотѣлъ отдать ее за дурнаго человѣка...

Дьячекъ не докончилъ своего слова. Соборный колоколъ ударилъ набатъ, стаканы выпали изъ рукъ пирующихъ, женщины поблѣднѣли, какъ приговоренныя къ смерти. Этотъ набатъ возвѣстилъ какое нибудь великое народное бѣдствіе. «Боже милосердый! что такое!» вскричалъ дьячекъ. Бьютъ въ набатъ!—Что случилось въ городѣ? Помилуй насъ, Боже! И съ этимъ словомъ дьячекъ, съ женой, дочерью и своимъ гостемъ побѣжали къ собору. Народъ ужъ кипѣлъ на улицахъ, отъ говору его дрожала земля. Всѣ спрашивали, но никто не зналъ роковой причины; между тѣмъ колоколъ гремѣлъ, какъ вѣстникъ небесной опалы! Каждый звукъ его, казалось, вопилъ: «Горе тебѣ, Россія!» Народъ опрометью бѣжалъ къ собору, но отъ собора толпа брала другое направленіе и съ воплемъ стремилась въ домъ царицы, вдовы Іоанна, сосланной Годуновымъ въ Угличь. Широкій дворъ сл дворца былъ биткомъ набитъ народомъ и гулъ его то сливался въ подземный громъ, то исторгался дикимъ воплемъ: «Царевичь Дмитрій погубленъ!» Онъ съ перерѣзанною гортанью лежалъ посреди двора, возлѣ него на рукахъ женщинъ лежала, безъ чувствъ, его мать. Нянька его, Василиса Волохова, стояла возлѣ него, приговаривая нараспѣвъ: «Батюшка ты мой, что съ тобою сдѣлалось!» Но въ лицѣ ея было болѣе страха, чѣмъ горя. Чрезъ нѣсколько минутъ толпа народа тащила за ноги чей-то трупъ. Это былъ Битяговскій; въ немъ еще былъ признакъ жизни, но ликъ его былъ страшенъ; живой мертвецъ, истерзанный, пзуродованный, онъ не былъ похожъ на человѣка, но лежалъ какой-то кровавой глыбой, которую влачилъ народъ съ невыразимымъ ожесточеніемъ. Женщины вырывали клочками его волосы; глаза его были выдавлены, и висѣли на жилахъ. Надъ нимъ раздавались дикіе вопли: Злодѣй! Душегубецъ! Разбойникъ! Толпа тащила его за ноги, голова его, проломленная и обагренная, стучала по каменьямъ. Наконецъ послѣ такой ужасной пытки, народъ вздумалъ его допрашивать. «Говори, душегубецъ! Зачѣмъ погубилъ ты невиннаго младенца и много ли васъ, злодѣевъ, повинныхъ въ его святой крови?» —«Насъ трое,» прошепталъ Битяговскій: «Я, Качаловъ и Никита Волоховъ. Насъ подкупилъ... Но кто-то изъ предстоящихъ (не углицкой) не далъ ему докончить: тяжелая дубина упала на черепъ несчастнаго; вслѣдъ за тѣмъ народъ бросился на трупъ и выгъ отъ него остались одни клочья. Между тѣмъ, ревъ народа становился все сильнѣе и сильнѣе. Имя Волохова гремѣло съ проклятіями въ толпѣ. Народъ бѣгалъ по улицамъ; вламывался въ домы, но нигдѣ не могъ отыскать Качалова и Волохова. Настала ночь. На царскомъ дворѣ запылали костры; колоколъ утихъ; Угличь былъ похожъ на печальную могилу.

Въ полночь дьячекъ съ семьей возвратился въ свою свѣтлицу; бѣдная дочь его упала на колѣна предъ иконою: но ужъ не могла молиться. Мысли и чувства ея были въ ужасномъ безпорядкѣ. Она слышала послѣднія слова Битяговскаго и сомнѣнія не было. Имя Волохова было произнесено убійцей въ минуту страшнаго суда, когда ужъ онъ не могъ и не долженъ былъ лгать. Дьячекъ, молча, ходилъ по свѣтлицѣ и

потиралъ руки; жена его охала, плакала, дочь стояла на колѣнахъ съ опущенной головою. Въ глазахъ не было и признака слезъ,—всѣ онѣ глубоко замерли на сердцѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ легли спать и въ свѣтлицѣ одна только лампада теплилась предъ иконою. Дьячекъ забылъ о своей дочери и даже не благословилъ ея на сонъ грядущій. Она осталась одна и сидѣла на скамьѣ въ томъ глубокомъ унынiи, когда душею овладѣваетъ одна роковая мысль, а все остальное, какъ бы для нея не существуетъ.

Вдругъ подъ окошкомъ послышался шорохъ шаговъ,— она вздрогнула. Кто-то вошелъ на крыльцо; — вотъ тихо отворяются двери, и Никита Волоховъ сталъ у порога... «Лиза! Тише!» Было первое его слово. «Если ты подашь голосъ своему отцу, то смерть ему! Я вижу,—ты знаешь все! Что сдѣлано,—то сдѣлано. Надобно подумать о будущемъ. Ты моя суженая,—ничто насъ не разлучитъ, пди же за мной!..» Онъ взялъ ее за руку, она была холодна. Языкъ ея не могъ произнесть ни одного слова. Ноги подкосились... Волоховъ поднялъ ее, поспѣшно вышелъ, — и крался съ своей ношей по темнымъ переулкамъ. Луна нзрѣдка освѣщала его блѣдное, суровое лицо и онъ робко озирался, но никого не было. Одна только его собственная тѣнь неизмѣнно за нимъ слѣдовала. Наконецъ онъ подошелъ къ забору, возлѣ котораго стояла привязанная лошадь, отвязалъ ее, сѣлъ и быстро поскакалъ въ ближній лѣсъ; подруга безъ чувствъ лежала на его рукахъ. Онъ несся стрѣлой, — ни что его не останавливало; достигнувъ лѣса, онъ вскрикнулъ: «теперь я у себя!»

Черныя сосны заслоняли ему дорогу, но онъ бережно удалялъ сучья отъ лица Лизы, все болѣе и болѣе вдавался въ чащу лѣса; — наконецъ подъѣхалъ къ оврагу и громко свиснулъ; ему отвѣчали тѣмъ же. Онъ слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ знакомой соснѣ и спустился въ оврагъ, гдѣ былъ разложенъ костеръ, возлѣ котораго грѣлись его удалые товарищи. Они встрѣтили его братскимъ крикомъ: «Съ кѣмъ это ты, дядя Волоховъ? Какая красотка!»—«Послѣ все узнаете; — теперь не время,» сказалъ Волоховъ. «Надо ее отогрѣть: она совсѣмъ замерзла отъ страха и холода. Дайте мнѣ сладкой водки, авосьлибо она ей поможетъ.» Чрезъ нѣсколько минутъ все успуло возлѣ дымящагося костра и только заунывный крикъ филина нарушалъ нзрѣдка чуткую дремоту разбойниковъ.

---

Прошло семь лѣтъ и никто не слыхалъ о судьбѣ убійцъ Святаго Дмитрія. Мать его была заточена въ пустыню Выктомскую и Борисъ Годуновъ простеръ уже руку къ Мономахову вѣнцу. Подозрѣніе Россіи въ убіеніи наслѣдника престола, хотя и пало на Годунова, но постоянное попеченіе о благѣ народа и государственный умъ Бориса, заставили даже и враговъ воздать ему должную справедливость. По смерти набожнаго Ѳеодора, Россія провозгласила своимъ царемъ — Годунова! Теперь изъ бѣднаго Углича, опустошеннаго опалой Годунова, перейдемъ въ торжественную Москву, на ея Кремлевскую площадь, гдѣ съ полночи кипѣлъ уже народъ, ожидая вѣнчанія Годунова. Наконецъ Ивановскій колоколъ загудѣлъ, возвѣщая торжество. Народъ громкими восклицаніями встрѣтилъ и проводилъ своего избраннаго царя. Кто бы подумалъ, что этотъ восторгъ такъ скоро измѣнится въ ненависть? Но тѣнь Дмитрія уже вышла изъ гроба, и повелительный перстъ указалъ народу могучаго злодѣя... Страшный слухъ бродилъ по селамъ и городамъ. Кто-то, невидимый, нашептывалъ, что Дмитрій живъ; что онъ спасенъ какимъ-то чуд-

нымъ случаемъ; что погубленный младенецъ былъ не онъ.

Вотъ на ступеняхъ краснаго Крыльца столѣтній старецъ. Это юродивый, любимецъ черни и путь мальчишекъ. На ветхомъ лице его сіяла младенческая улыбка; онъ не принималъ никакого участія въ празднествѣ народа. Громовой крикъ: «Да здравствуетъ нашъ царь Борисъ Ѳедоровичъ!» казалось, не доходилъ до его ушей. Безсмысленно смотрѣлъ онъ на волненіе народа, и только изрѣдка улыбался, прислушиваясь къ торжественному гулу Иваповскаго колокола, бормоталъ про себя: «Славно загудѣла панахида! Славно!» — Мимо его проходилъ одинъ молодой человѣкъ; толькоонъ поверстался съ старцемъ, тотъ всталъ и лице его измѣнилось, дѣтская улыбка пзчезла и суровая дума отрзилась на пврокомъ, морщинистомъ челѣ. Онъ быстро подошелъ къ юношѣ, взглянулъ ему прямо въ лице, и пронзительный взоръ его заблисталъ молніеносным свѣтомъ. Юноша оробѣлъ, остановился и, съ потупленными очами, стоялъ предъ величественымъ старцемъ, какъ виновный предъ своимъ судьей... Старецъ указалъ на него сухимъ перстомъ и медленно въ полголоса проговорилъ: «Се азъ пойду предъ нимъ; горы сравняю, верен желѣзныя сорву и врата мѣдяные разрушу.» — Юноша вздрогнулъ и поспѣшно удалился отъ юродиваго, который между тѣмъ провожалъ его громкимъ хохотомъ, припѣвая: «Скоморохъ! Лицедей! Разстрига!» Юноша удвоилъ шаги и скрылся въ толпу народа, которая уже подбиралась къ бочкамъ вина, разставленнымъ щедротою Бориса Ѳедоровича Годунова, который зналъ чѣмъ потѣшить Русское сердце. Къ вечеру началась попойка, во всемъ смыслѣ этого слова; такая попойка, что начальникъ царской нѣмецкой стражи, Францувъ головорѣзъ, Яковъ Маржеретъ, глядя на веселье нашихъ добрыхъ предковъ, пожалъ накопецъ плечами, и съ удивленіемъ воскликнулъ: «Нигдѣ не видѣлъ я столько пьяницъ, какъ въ Россіи.» и это замѣчаніе передалъ намъ въ своихъ запискахъ, которымъ впрочемъ нельзя слѣпо вѣрить. Въ толпѣ народа опять показался тотъ юноша, (мы будемъ звать его Григоріемъ.) Онъ не домогался по головамъ православныхъ дойти до бочки, какъ нѣкоторыя сорвайцы, а стоялъ тихо и задумчиво. Къ нему подошелъ одинъ мужичекъ низенькаго роста, и дернулъ его за полу. Григорій оглянулся и увидѣлъ передъ собой чье-тознакомое лице, но сколько ни старался, не могъ припомнить, гдѣ онъ съ нимъ видѣлся. Незнакомецъ самъ вывелъ его изъ недоумѣнія, промолвя: «Клапяйся мнѣ въ поясъ. Я потѣшникъ блаженной памяти нашего батюшки царя Іоанна Васильевича.»

*Григорій.* Какъ же твое имя и отчество?

*Шутъ.* Старое свое имя я продалъ, отечество вымѣнялъ, а прозвище износилъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Я избралъ себѣ вольную жизнь, и являюсь въ иныхъ мѣстахъ отцемъ Леонидомъ.

*Григорій.* Леонидомъ! Ужъ не ты ли пресловутый инокъ Крыпецкаго монастыря?

*Шутъ.* Точно такъ, отче Григорій! Сотвори святое подаяніе на сооруженіе погорѣвшаго храма Господня; и съ этимъ словомъ Леонидъ вынулъ изъ запазухи блюдечко, и, самодовольно улыбаясь, подставилъ его къ самому носу Григорья. Григорій, засмѣясь, бросилъ ему грошъ и хотѣлъ уйти, но Леонидъ ухватилъ его за полу: «Да погоди, любезный! Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Прежде отвѣдай нашего хлѣба-соли. Есть нѣкто старикъ Богданъ-Отрепьевъ, живущій въ обители Выксенской, служкой у царицы инокини Марѳы; у Богдана Отрепьева есть сынъ Григорій Отрепьевъ, такъ ли?

*Григорій.* Чего ты отъ меня хочешь?

*Шутъ.* Выслушай и прежде отца въ петлю не суйся. Григорій Отрепьевъ человѣкъ умный и грамотный, постригся въ монахи и прикрывалъ грѣхи свои черной рясой. Такъ ли? Но это еще присказка, а сказка впереди. Выслушай! У отца Григорья бородавка на лѣвой щекѣ, какъ у покойнаго царевича. Такъ ли? Что ты побѣднѣлъ? Не бойся. Я не срѣжу у тебя этой бородавки. Григорью Отрепьеву за то, что онъ захотѣлъ быть *сосудомъ дьявольскимъ*, Чудовскіе монахи напѣвали въ лице, такъ ли? Этого еще мало. Съ тѣхъ поръ отецъ Григорій ходитъ безъ пристанища по бѣлому свѣту, въ ожиданіи Богъ вѣсть чего: либо петли палача, либо... Ты понимаешь, о чемъ я говорю?

*Григорій.* Ты самъ дьяволъ, въ образѣ человѣка!.. Чего жъ ты отъ меня хочешь?

*Шутъ.* А вотъ чего. Не добро быть единому; когда найдешь по сердцу друга, то береги его, яко зеницу ока твоего. Я, такъже какъ и ты, небесная птица, безъ теплаго крова, живу Господней благодатью. Злые люди хотятъ меня поймать и посадить въ желѣзную клетку... Отецъ Григорій! Честная душа! Будемъ горе мыкать вдвоемъ. Ты человѣкъ грамотный, я буду твоимъ меньшимъ братомъ. Ударимъ же по рукамъ?

*Григорій.* Охотно. Но я завтра на разсвѣтѣ оставляю Москву.

*Шутъ.* Я отъ тебя не отстану. Мнѣ нечего дѣлать въ Москвѣ. Здѣшніе сыщики не только днемъ—и ночью видятъ. Куда же ты замышляешь? Гдѣ будетъ наша обѣтованная земля, кипящая млекомъ и медомъ?

*Григорій.* Мнѣ нужно побывать въ обители Выксинской.

*Шутъ.* Какъ? Чрезъ темные лѣса, гдѣ свирѣпствуетъ атаманъ Косолапъ? Гдѣ нѣтъ дороги ни конному, ни пѣшему, гдѣ даже и птица безъ его соизволенія не пролетитъ?

*Григорій.* Я не изъ робкаго десятка. Что будетъ, то будетъ.

*Шутъ.* А! Понимаю! Снюхался?— Такъ и я не изъ робкаго десятка. По рукамъ, товарищъ! Завтра отправимся вмѣстѣ?

*Григорій.* Жду тебя на этой площади. Приходи на самой утренней зарѣ.

«Буду,» сказалъ отецъ Леонидъ и оставилъ Григорія. Время было ужъ близко къ полуночи. Кое гдѣ разложенные костры, лѣниво догорали. Возлѣ нихъ спали, сномъ богатырскимъ, Борисовы гости. Иные еще передвигались по площади, опираясь болѣе на руки, чѣмъ на ноги, и заглядывали въ пустыя бочки. Мало по малу площадь совершенно опустѣла, и остался одинъ только инокъ Григорій, это дивное орудіе небесной опалы, уже тяготѣвшей надъ Годуновымъ. Утренняя заря еще не показывалась и глубокое молчаніе царствовало надъ Москвою, утомленною великолѣпнымъ празднествомъ и колокольнымъ звономъ. Царь Годуновъ почивалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, ужъ какъ законный его владѣлецъ. Грозный Іоаннъ покоился вѣчнымъ сномъ, не далеко отъ Кремлевскаго дворца; а мнимый его наслѣдникъ, дерзкій и счастливый бродяга, стоялъ у царскихъ могилъ, погруженный въ бурную думу, озиралъ святый Кремль, его соборы и пышный дворецъ, куда стремились его отважные помыслы... «Борисъ, Борисъ! думалъ Гришка Отрепьевъ. «Ты теперь покоишься на царскомъ ложѣ, наслаждаясь опаснымъ плодомъ злодѣянія, и обманувъ добрый народъ, преданный древнему роду своихъ царей... Но какія-то сновидѣнія теперь толпятся у твоего изголовья? Кровавый ли трупъ младенца? Скипетръ ли Мономаховъ? Или я, ничтожный инокъ!.. Если я, то сонъ твой будетъ непонятенъ, — я и самъ не могу разгадать его. Я вижу, что замыселъ мой близокъ къ безумству, но какая-то непостижимая надежда увлекаетъ меня; въ

сновидѣніи переношусь я во дворецъ и чувствую на главѣ своей Мономахову корону... Мнѣ кажется она теперь на мнѣ... Вотъ она, унизанная драгоцѣнными камешками, холоднымъ золотомъ стѣсняетъ мое чело... Вотъ передо мной могила Іоанна... Грозный вѣнценосецъ! ты при жизни любилъ карать, не измѣнилъ себѣ и за гробомъ. Знаю, что я тебѣ чуждъ! Кто я? сынъ бѣднаго боярина, отверженный отцемъ, безумный скиталецъ, котораго все земное богатство заключено въ одномъ монастырскомъ рубищѣ... Но зарѣзанный въ Угличѣ царевичъ былъ твой сынъ; убійца его, второй Іуда, въ окровавленной рукѣ держитъ тотъ самый скипетръ, которымъ ты, Грозный Іоаннъ, повелѣвалъ въ дни твоего могущества. Вступись же! Не за меня, но за кровь своего сына. Усынови меня, хоть на нѣсколько дней! Чѣмъ внушительнѣе избранное тобою орудіе, тѣмъ торжественнѣе будетъ твоя месть. Пусть же святая Русь, хотя на одно мгновеніе, признаетъ меня твоимъ сыномъ, и скажетъ: «Дмитрій живъ! Вотъ онъ!» При послѣднемъ словѣ, чей-то странный голосъ поразилъ Отрепьева; онъ оглянулся и видитъ: близъ Собора стоитъ привидѣніе;—распущенные сѣдые волосы развѣваются по вѣтру, впалые глаза устремлены на Григорія... «Дмитрій живъ!» Завопило привидѣніе и бросилось къ ногамъ испуганнаго инока. «Дмитрій живъ! Гдѣ же онъ? Именемъ Бога, заклинаю тебя, скажи, гдѣ Дмитрій?» Отрепьевъ хотѣлъ бѣжать, но оледѣнѣлыя ноги его какъ будто срослись съ землею... Чья это тѣнь приподняла гранитный сводъ могилы, и предстала на его вызовъ?.. Но первое мгновеніе прошло и разсудокъ началъ пробиваться сквозь густой туманъ изумленія. Григорій всматривается въ черты таинственнаго существа и видитъ дряхлую старуху. Сухія руки ея были простерты, ожидая отвѣта, она была неподвижна, какъ надгробная статуя. Долгое молчаніе наконецъ прервано. Старуха приблизилась къ Григорію, но лице ея изображало уже не кроткое молчаніе, но дикую свирѣпость. Мутные глаза сверкали, губы покрытыя пѣной, дрожали отъ злобы. «Дмитрій живъ! Обманщикъ! Гдѣ же онъ? Дмитрій живъ! А это кто плаваетъ въ крови? Зарѣзанный младенецъ бьется, какъ голубь! Руки мои обрызганы его кровью.» Склонясь къ землѣ она, какъ будто всматривалась въ кого-то и буря снова начала утихать въ ея сердцѣ. «Да! я ошиблась, прошептала она и перекрестилась. Слава Богу! Это не младенецъ плаваетъ въ крови, а зарѣзанный голубь. Слава Богу, я ошиблась!... А сколько лѣтъ напрасно пострадала! Сколько слезъ-то пролила! Сколько разъ хотѣла топиться, рѣзаться, давиться! А все меня кто-то останавливалъ?.. Мой царевичъ видно ожилъ?.. Какъ мнѣ стало легко дышать! Взгляни—на рукахъ моихъ нѣтъ ни капли крови?... Старуха показывала ему свои руки, и безсмысленно улыбалась. Кто бъ ты ни былъ, добрый человѣкъ, да благословитъ тебя небо, за добрую вѣсть. Дмитрій живъ, и я не хочу больше владѣть его достояніемъ. Вотъ крестъ, мнѣ помнится, что я сняла его съ мертвеца... Блескъ дорогихъ каменьевъ соблазнилъ меня... Возьми его! — Я заклинаю тебя твоею матерью, спасеньемъ твоей души, Богомъ, заклинаю всѣмъ что для тебя свято,—возьми этотъ крестъ, и отдай его Дмитрію... Скажи ему, что его мамка Василиса Волохова прислала ему гостинецъ!.. При сихъ словахъ старуха надѣла крестъ на Отрепьева, съ громкимъ воплемъ и хохотомъ побѣжала къ рѣкѣ Москвѣ, и бросилась въ ея волны. Раза два она появлялась надъ поверхностью и каждый разъ раздавался ея крикъ: «Дмитрій живъ!..» Отрепьевъ стоялъ неподвижно; крестъ святаго Дмитрія, озаренный лупою, блисталъ на выи самозванца, а не подалеку, надъ рѣкою, еще дрожалъ кругъ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ опустился на

дно трупъ одного изъ свирѣпыхъ убійцъ невиннаго младенца...

---

На разсвѣтѣ Леонидъ сдержалъ свое слово, и оба инока направили свой путь къ пустынѣ Выксенской. Подъѣзжая къ темному лѣсу, окружающему со всѣхъ сторонъ обитель инокини Маѳы, Леонидъ началъ разсказывать о разбояхъ, объ атаманѣ Косолапѣ, между тѣмъ день вечерѣлъ, становилось темнѣе и темнѣе; песчаная, узкая дорога была стѣснена мрачными соснами, и телега съ трудомъ пробиралась, зацѣпляя то за сухой пень, то за вѣковой корень какой нибудь исполинской сосны. Наконецъ стало такъ темно, что путники должны были вести подъ узды своихъ лошадей, которыя то останавливались въ испугѣ, то всхрапывали, почуя вблизи какого нибудь хищнаго звѣря. Полуночники и летучія мыши рѣзво вились надъ телегой. Казалось, странно было имъ въ этотъ глухой часъ встрѣтить двухъ отважныхъ бродягъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и днемъ никто не проѣзжалъ, не отслужа прежде молебна своему ангелу хранителю.

---

Не далеко отъ дороги, по которой ѣхали Григорій и Леонидъ, въ глубокомъ оврагѣ горѣлъ костеръ и слышенъ былъ говоръ человѣческій. Тамъ собралась шайка удальцовъ; дикое семейство, связанное кровавыми узами убійства. Опальные граждане, которымъ грозила праведная казнь, соединились здѣсь въ одно хищное стадо, избравъ пастыря, себѣ подобнаго. Имя его, страшилище лѣсовъ,— часто повторялось въ хижинахъ. Голова его давно уже была оцѣнена правительствомъ, но Провидѣніе еще хранило ее отъ позорной сѣкиры палача. Однимъ словомъ: Косолапъ былъ атаманомъ этихъ удальцовъ. Въ глухой часъ полуночи, когда вся природа покоится мирнымъ сномъ, злодѣи обыкновенно дѣлили добычу и варили себѣ пищу въ огромномъ котлѣ, не далеко отъ дороги, на которой очередные дозорные въ то же время бодрствовали, на пагубу проѣзжающихъ. Атаманъ сидѣлъ на обломкѣ дуба, возлѣ него, опершись ему на плечо, стояла его молодая подруга, или хозяйка, какъ называли ее разбойники. Не подалеку отъ нихъ былъ замѣтенъ одинъ сѣдой старикъ, онъ задумчиво плелъ себѣ лапти, и напѣвалъ про себя пѣсни. По деревьямъ были разложены пищали, кистени и ножи. Каждый зналъ свое дерево и, по-данному знаку, въ одно мгновеніе былъ вооруженъ и готовъ къ оборонѣ. Атаманъ, прислонясь къ дереву, задремалъ, а товарищи его тихо разговаривали межъ собою.

*Сенька.* Что, братцы? день нынче не удаченъ. Дождь пробилъ насъ до костей, а проку мало; попался было одинъ нищій, да и то съ пустой сумою.

*Второй.* А ты убилъ бы и его, кабы не атаманъ.

*Сенька.* Ему вездѣ дѣло! А, правду сказать, у него курпное сердце.

*Третій.* И волчьи зубы.

*Четвертый.* Тебѣ ли, Сенька, корить атамана? вѣдь ты только и знаешь, что обирать и дорѣзывать полумертвыхъ!

*Сенька.* Мнѣ все равно, что живой, что мертвый, что полумертвый! Лишь бы деньги были за пазухой.

*Пятый.* Дѣло товарищь. По мнѣ тотъ и притаманный разбойникъ, чье сердце закалено, какъ подкова. Ну хорошо ли, что нашъ батюшка, Косолапъ, иногда плачетъ, какъ дѣвчонка? Гдѣ льется кровь, тамъ пусть высохнуть слезы!

*Третій.* За то каковъ нашъ отецъ, какъ нагрянутъ сыщики?

*Пятый.* Нечего сказать! Онъ одинъ насъ всѣхъ стоитъ. Кистень его визжитъ, какъ вихорь, съ богатырскаго размаха! На камень падетъ — камень въ дребезги! На дерево — дерево рухнетъ!

На голову — черепъ, какъ соль, разсыпется!

*Второй.* Желалъ бы знать я, что это за горе его одолѣло?

*Сенька*, (*въ полголоса.*) Всему причиной его молоденькая хозяйка. Она стосковалась по родинѣ и хочетъ выманить его изъ темнаго нашего лѣса.

*Первый.* Не удастся! Если дѣло на то пойдетъ, такъ вѣдь мы ее и въ рѣкѣ покупаемъ.

*Третій.* Давно бы пора! Эта дрянная плакса сглазила нашего сокола.

*Второй.* А что, братцы, не выпить ли намъ по чарочкѣ зеленаго вина, да не спѣть ли пѣсенку заднѣпровскую?

*Третій.* Ту, что прошедшимъ лѣтомъ перепяли мы у одного козака? дѣльно.

### ПѢСНЯ.

Стонетъ въ полѣ вихрь летучій,
Мы пируемъ у костра,
Намъ свѣтлица — лѣсъ дремучій,
Вдоль сердитаго Днѣпра.
Любо намъ на грѣшной волѣ,
Съ Атаманомъ молодцомъ!
Сивкой-буркой рыщемъ въ полѣ,
Не торгуемся съ купцомъ!
Что ты, дѣвка, призубила?
Что ты, солнышко, блѣдна?
И головку опустила,
И коса расплетена?

Круговая чаша пошла по рукамъ и ужъ запѣвало готовился продолжать пѣсню, какъ раздался женскій голосъ. Атаманова подруга печально запѣла имъ въ отвѣтъ:

Страшно, страшно въ чистомъ полѣ,
Не съ кѣмъ думы раздѣлить.
Грустно мнѣ, на грѣшной волѣ
Безпріютной пташкой жить.
Съ вами здѣсь мой часъ послѣдній
Безъ молитвы отойдетъ,
Церковь Божія къ обѣдни
Насъ, какъ мать, не соберетъ.

Разбойники замолчали, угрюмо посматривая на свою хозяйку. Атаманъ открылъ глаза, взялъ ее за руку и въ полголоса сказалъ ей: И мнѣ въ тягость эта бурная жизнь!

*Сенька.* Что братцы? Видите, какъ Атаманъ ее приголубливаетъ? А за эту глупую пѣшу, ей бы слѣдовало косу поправить! Какъ видно, нашъ Косолапъ не на шутку попался въ лапы къ своей разлапушкѣ. Онъ просто, заговоренъ!

*Старикъ.* Полно врать. Человѣка никто не заговоритъ. Можно слушать бабушкины сказки, а вѣрить имъ не надо.

*Сенька.* Нельзя заговорить? — Да видно ты отъ старости рехнулся! — Отъ какой же причины нашъ атаманъ на себя не похожъ?

*Старикъ.* А почемъ намъ знать, что онъ не задумалъ великую думу? Ты мало жилъ на свѣтѣ, мало видѣлъ, и знаешь. И я въ твои лѣта былъ такимъ же дуракомъ, какъ ты. Бывало Ермакъ Тимофѣевичъ приклонитъ буйную голову на грудь богатырскую, а я и смекаю себѣ подъ носъ: что приключилось съ Атаманомъ? Бывало Ермакъ Тимофѣевичъ выронитъ слезу горючую, а я рукой махну, да и скажу: знать онъ съ ума сошелъ!

Разбойники окружили старика и кричали ему: слушай, дѣдъ, ты у насъ въ долгу. Вѣдь не даромъ же ты словно пѣсни поешь? Не даромъ былъ первымъ пѣсенникомъ у Ермака? Ты давно обѣщалъ намъ спѣть про свою родину? Такъ пой-же: киселемъ накормимъ. Не то — киселя дадимъ!

*Старикъ.* Вотъ какъ! Ахъ, вы удалыя головы! Вѣдь и просятъ-то не по людски. Ну что теперь за пѣсни? Что вы оглохли, что ли, не слышите, какъ громъ гремитъ?

*Первый.* Пусть гремитъ! Ему не заглушить молодецкихъ пѣсень.

*Второй.* Катайся онъ по небу черному и стращай красныхъ дѣвушекъ!

*Сенька.* Сколько ему ни гремѣть, а я моей шапки передъ нимъ не скину.

Нѣтъ, братъ, скинешь, не по Сенькѣ шапка, сказалъ Ножевъ, и палкой ударилъ Сеньку по шапкѣ, которая покатилась въ глубину оврага,

при громкомъ хохотѣ честной компаніи. Сенька схватилъ было ужъ свой кистень, но ихъ розняли. Между тѣмъ старикъ подвинулся къ пылающему костру, раза три понюхалъ табаку, и запѣлъ, на перекоръ своимъ лѣтамъ, звонкимъ и пріятнымъ голосомъ:

Гдѣ ты родина? далеко!
За долами, за горой,
Тамъ, гдѣ Донъ шумитъ глубокій.
Надъ кремнистою скалой,
Видѣнъ хуторъ одинокій.
Не блеснетъ въ окнѣ огонь,
Не раздастся пиръ веселый,
И въ конюшнѣ опустѣлой
Не проржетъ хозяйскій конь.
По стѣнамъ висятъ тенета,
По почамъ сверчки кричатъ,
И широкія ворота
Не затворены стоятъ.
Мать моя въ слезахъ почила,
И меня не призвала;
Одинокая могила
Скоро лугомъ заросла.

Старикъ пріостановился. Молодость живо возобновилась въ его памяти и на глазахъ у него навернулись слезы. Но онъ зналъ все неприличіе такого чувства, тотчасъ же при бѣгнулъ къ помощи табакерки, и безъ милосердія заряжая свой носъ табакомъ, приговаривалъ: футы, Боже мой, какое зелье! Такъ глаза и щиплетъ! Православный мужичекъ, голинькой годичекъ, садится на скачекъ, потягиваетъ табачекъ....

Вотъ какъ, братцы! Теперь слушайте! Прежде мой голосъ раздавался на десять верстъ, темнымъ лѣсомъ и на двадцать. Теперь и на версту не слышно. Укатали коня крутыя горки. Нужды нѣтъ! Не робѣй же мой Соловей Будимировичъ! Слушайте, братцы! Слушайте!

Гдѣ жъ я былъ? — Я былъ далеко.
Подружился я съ ножемъ,
И въ полуночи глубокой
Сторожилъ купцовъ тайкомъ.
Чуть, бывало, скрипъ протяжный
Провѣститъ на столбовой, —
Вылеталъ боецъ отважный
На кровавый пиръ почной.
Ни моленія, ни слезы,
Ни безплодныя угрозы
Не спасали гостей.
Тихій Донъ! Въ бору дремучемъ
Пролегалъ могильный ровъ,
Въ этомъ рвѣ пескомъ сыпучимъ
Одѣвалъ я мертвецовъ.

Помню разъ, — какъ въ часъ урочный
Я добычу погребалъ,
Кто-то, мнѣ во мглѣ полночной,
Какъ тисками зубы сжалъ.
Пробѣжалъ по жиламъ холодъ,
Волосъ дыбомъ поднялся;
Но я былъ здоровъ и молодъ,
И безъ битвы не сдался.

*Первый.* Каковъ старина?

Старикъ.

Но усильемъ безполезнымъ
Тщетно я врага тѣснилъ,
Словно натискомъ желѣзнымъ,
Онъ къ землѣ меня сломилъ.
Я рвался, вопилъ, томился,
Онъ сталъ мнѣ на груди,
«Кто бъ ты ни былъ, я взмолился,
Хоть для Бога, пощади!»

Встань, живи, онъ мнѣ отвѣтилъ,
Жизнь твоя мнѣ дорога,
Въ первый разъ еще я встрѣтилъ
Чуть не равнаго врага.
Смѣлъ ты въ битвѣ рукопашной,
Какъ подкова твой кулакъ!
Побратаемся безстрашный;
Будь мнѣ братомъ — я Ермакъ.

*Сенька.* Съ Ермакомъ тягался!

*Первый.* Эхъ! кабы нашему батюшкѣ Косолапу, да съ нимъ встрѣтиться! — Сломилъ ли бы его Ермакъ.—Богъ вѣсть, а старуха на двое сказала.

*Косолапъ.* И я желалъ бы встрѣтиться съ Ермакомъ, чтобъ поцѣловать его руку. Старикъ, скажи, каковъ онъ былъ.

Старикъ, (поетъ.)

Грозенъ былъ нашъ исполинъ,
Очи — звѣзды голубыя,
Грудь могучая — въ аршинъ,
Кудри — волны золотыя.
Гаркнетъ онъ въ лѣсу глухомъ, —
Словно грянулъ Божій громъ!
И теперь еще я внемлю
Богатырскій его свистъ;
Птицы падали на землю,
На деревьяхъ вянулъ листъ.

*Сенька.* Этака буря!

*Косолапъ.* Эта буря, какъ орелъ, направила свой полетъ къ небу. Много насъ разбойниковъ на землѣ! Одинъ только Ермакъ спитъ подъ кроткимъ благословеніемъ церкви. Пой, старикъ, что нибудь про Ермака!

*Старикъ.* Православный мужичекъ, голинькой голичекъ, садится на скачекъ, потягиваетъ табачекъ. — Слушайте братцы! Слушайте! *(Поетъ.)*

Надъ матушкой Волгой,
Въ берлогѣ звѣриной
Гнѣздились не звѣри,
Не хищныя птицы, —
Но страшные гости,
Отверженцы неба,
Опальныя дѣти
Руси православной.
Ихъ мѣдныя брони,
Ножи ихъ булатны,
Пищали и стрѣлы
Не вражеской кровью
Въ бояхъ обагрялись:
Но кровію ближнихъ,
Но русскою кровью,
И кровью невинной.

*Сенька.* Лжешь, старина! Единъ Богъ святъ, а изъ людей кого ни зарѣжь, все грѣшникъ!

Старикъ.

И долго и страшно, —
Какъ Божья опала,
Свирѣпая щайка
Въ Руси бушевала.
Проскачетъ ли въ полѣ —
И поле безъ хлѣба;
Проскачетъ ли въ селахъ —
И зарево пышетъ.
*Ермакъ!* Это имя
Какъ громъ загудѣло.
Ни конный, ни пѣшій,
Не смѣлъ показаться
Близъ темнаго лѣса,
Гдѣ свилъ гнѣздо воронъ.
Одинъ только церкви
Щадилъ непощадный.
Но сердце злодѣя
Въ десницѣ Господней;
Кто первый былъ призванъ
Въ селенія неба?

*Нѣсколько голосовъ.* Варавва! Варавва.

Старикъ.

Былъ призванъ, разбойникъ!
Настанетъ часъ Божій,
И въ сердцѣ желѣзномъ
Молитва взыграетъ,
И черствое сердце
Растопить слезами!

Ермакъ Тимофеичъ
Покаялся Богу,
Палъ ницъ предъ Иконой,
И всплакался горько.
Кровавыя руки
Простеръ онъ, убійца!
Какъ снѣгъ забѣлѣлись
Омытыя руки!

Однажды, я помню,
Въ ненастную полночь
Мы спали сномъ крѣпкимъ.
Дремучія ели
Скрыпѣли, шумѣли,
И тучи багровы
Все небо одѣли,
И въ тучахъ гремѣли
Раскаты громовы!
Одинъ Атаманъ нашъ
Не спалъ и молился;
Главою позорной
Предъ небомъ смирился,
И громъ въ тучѣ черной
Отгрянулъ не даромъ,
Лѣсъ вспухнулъ нагорный,
Грозя намъ пожаромъ.

Знакъ поданъ къ тревогѣ,
Мы разомъ сорвали
Съ деревьевъ пищали,
Изъ темной берлоги
Укрылись къ дорогѣ,
И долго смотрѣли,
Какъ съ трескомъ горѣли
Знакомыя ели!

Сводъ неба былъ мраченъ,
Ударъ за ударомъ!
И лѣсъ былъ обхваченъ
Протяжнымъ пожаромъ!
Мракъ ночи осенней
Сталъ — полдень весенній;
А буря все выла,
И лаву клубила.

Ермакъ прослезился;
Онъ сталъ посреди насъ,
И громко взмолился:
«Творецъ, пощади насъ!
Мы долго скитались
Не вѣдая страха,
Топоръ нашъ кровавый
И гнусная плаха

Казались забавой.
Но кто насъ укроетъ
Отъ Божьей десницы,
И кровь съ рукъ убійцы
Невинную смоетъ?
Ударитъ часъ грозный,
Застынетъ кровь въ жилахъ,
А каяться поздно
Усопшимъ въ могилахъ.
Пусть слѣдъ нашъ багровый
Заглохнетъ травою,
И лѣсъ нашъ сосновый
Сожжется грозою.
Довольно грѣшили,
Пора намъ очнуться.
Страхъ Божій забыли,
Пора содрогнуться!
Не будемъ безъ хлѣба,
Ножи притупѣютъ,
Но милости неба
Къ землѣ не скудѣютъ!
Но жизнью проклятой
Добытое злато
Не будемъ дѣлить мы:
Московскимъ соборамъ
Должны уступить мы
Богатство, позоромъ
На гибельной волѣ
Добытое въ полѣ.

*Косолапъ.* Старикъ! Помнишь ли ты тотъ день, когда Ермакъ повелъ своихъ товарищей на царскую службу? Тотъ день, когда каждый изъ нихъ могъ сказать: я воинъ, а не разбойникъ!

*Старикъ.* Мнѣлн забыть этотъ день!.. Какъ теперь смотрю — вотъ солнце великолѣпно поднимается надъ Волгой. Вѣетъ попутный вѣтеръ, и нашъ Ермакъ въ желѣзной бронѣ, стоитъ на берегу, и лице его сіяетъ — какъ солнце. *(Поетъ.)*

Найдемъ тотъ край, хоть онъ далеко!
Нашъ путь чрезъ горы, снѣгъ глубокой,
Чрезъ степи, темные лѣса,
Тамъ рѣдко видѣнъ сводъ лазури,
Тамъ горныя бушуютъ бури,
Природы дикая краса!
Самъ Грозный подвигъ нашъ замѣтитъ,
И намъ пришлетъ свой царскій мечъ,
И хищный крикъ орловъ насъ встрѣтитъ,
Предвѣстникомъ кровавыхъ сѣчъ.
Помчимся бурною грозою,
Соединимъ Сибирь съ Москвою,
Да будетъ царь ихъ — Іоаннъ.
Загладимъ наше преступленье,
И купимъ у Москвы прощенье
Удалой шайки, Атаманъ!

*Косолапъ.* Что же вы отвѣчали Ермаку? Всѣ ли пошли за нимъ, или были и такіе, которые остались въ лѣсу доживать свой вѣкъ, въ грѣшномъ ремеслѣ, ожидая каждый день заслуженной петли.

*Старикъ.* Остался только одинъ. Печально, какъ отлученный, онъ стоялъ на скалѣ, между тѣмъ какъ мы плыли вдоль по матушкѣ Волгѣ, съ веселой пѣснью. Мнѣ еще памятны сіи слова:

Неси насъ Волга! Мы плывемъ
Въ Сибирь съ безстрашнымъ Ермакомъ.
Останьтесь здѣсь ножи лихіе,
Останьтесь здѣсь, лѣса глухіе,
Неси насъ Волга! Съ Ермакомъ
Сибирь поставимъ мы, верхъ дномъ!

«Мы не разбойники!» Воскликнулъ Ермакъ, «мы не разбойники!» Повторила его дружина, и Волга зашумѣла подъ дружными ударами нашихъ веселъ!

*Первый.* Чортъ мою душу возьми! Зачѣмъ я тамъ не былъ!

*Косолапъ.* Что, друзья, если бъ и я доставилъ вамъ случай промѣнять разбойничій ножъ на богатырскій мечъ, — вы не покинули бы своего Косолапа?

*Всѣ.* Съ тобой и въ огонь, и въ воду!

*Первый.* Скажи, старинушка, видѣлъ ли ты шайтана?

*Старикъ.* Одинъ только разъ, и то въ медвѣжей берлогѣ.

*Первый.* Каковъ онъ ростомъ?

*Старикъ.* Да вотъ съ эту сосну.

*Первый.* Съ эту сосну! — Ну не даромъ же онъ всю Сибирь заполонилъ.

*Второй.* Да и теперь былъ бы самъ большой, кабы Ермакъ не переломалъ ему ноги.

*Третій.* Ну да, вѣстимо; гдѣ ужъ спорить съ русскимъ человѣкомъ!

Ночь между тѣмъ начинала пролясняться, буря призамолкла, и съ ней вмѣстѣ и разбойничьи пѣсни.

Неутомимый пѣвецъ, Соловей Будимировичъ, уже лежалъ съ пустымъ штофомъ, и сребристая брада вдохновеннаго старца служила ему же и постелью. Возлѣ вертепа остались одни только дозорные, и медленно разхаживали во кругъ разложеннаго костра, чуткимъ слухомъ наблюдая за каждымъ шелестомъ вѣтвей, за каждымъ крикомъ пробудившейся птицы.

Московскіе сыщики слѣдили Косолапа, и онъ долженъ былъ бодрствовать и днемъ, и ночью. Онъ разсылалъ своихъ лазутчиковъ, и теперь поджидалъ одного изъ Москвы. Срокъ давно уже истекъ, а гонецъ не являлся. Каждаго удальца изъ своей шайки считалъ онъ своимъ сыномъ, и за жизнь его готовъ былъ отдать всю свою казну. Странный нравъ атамана былъ загадкою для его товарищей. Зачѣмъ жилъ онъ въ лѣсахъ, если не для корысти? Но очень ясно было видно, что разбойничье ремесло ему не по сердцу. Зачѣмъ же оставилъ онъ свою родину? Зачѣмъ принялъ на себя суровый и тяжкій долгъ атамана? Много разъ они пытались заводить съ нимъ рѣчи, но строгій взглядъ охлаждалъ ихъ любопытство. Косолапъ принадлежалъ къ числу людей, созданныхъ повелѣвать. Каждый его взглядъ, каждое движеніе отличало его отъ другихъ; а блѣдное и строгое его лицо нагоняло иногда невольный страхъ даже и на его буйныхъ сотоварищей, которые также равнодушно рѣзали человѣка, какъ поваръ курицу. Луна то скрывалась въ тучахъ, то снова появлялась на небѣ, съ высоты озаряя тихую поверхность рѣки и угрюмыя вершины голыхъ скалъ. Дозорные тихо напѣвали родныя пѣсни, (и у разбойниковъ есть родина!) какъ вдругъ вблизи послышался топотъ. «Берегись, атаманъ!» Закричалъ дозорный и въ одно мгновеніе всѣ были на ногахъ, «кто идетъ?» раздался громкій голосъ атамана — «*свой!*» И шумная радость смѣнила осторожное молчаніе.

*Косолапъ.* Что такъ долго загостился въ Москвѣ? И какія принесъ намъ вѣсти? Можемъ ли мы перезимовать въ этой берлогѣ?

*Буйницкій.* Можемъ, и безъ всякаго опасенія. Борису-пришло не до насъ.

*Косолапъ.* Ужъ не Литва ли объявила войну?

*Буйницкій.* Еще хуже.

*Косолапъ.* Ужъ не умеръ ли его Ѳеодоръ?

*Буйницкій.* Еще хуже.

*Косолапъ.* Такъ что жъ такое? Ты насъ совсѣмъ съ толку сбилъ.

*Буйницкій.* Царевичъ Димитрій воскресъ!

«Воскресъ! воскликнулъ атаманъ, и ноги его задрожали и подогнулись. Онъ бы грянулся о землю, если бъ его не подхватили подъ руки. Голова его была какъ въ огнѣ...

*Буйницкій.* Что съ тобою сдѣлалось, атаманъ?

*Косолапъ.* Ничего... старый припадокъ.... разсказывай все, что знаешь.

*Буйницкій.* Чудный человѣкъ, безъ имяни, безъ роду, явился на святой Руси. Сначала показался въ монастыряхъ и необычайныя знаменія ему предшествовали. Иногда сіяли на небѣ два солнца, иногда горѣли столпы; волки въ день въ Москвѣ заѣдали людей! О вѣдьмахъ и говорить нечего; каждая кошка была вѣдьмою. — Чудный человѣкъ именовалъ себя наслѣдникомъ Іоанна, тѣмъ самымъ несчастнымъ Царевичемъ Димитріемъ, котораго непощадно извелъ первый, изъ всѣхъ разбойниковъ: Борисъ Годуновъ. Народъ волнуется, молва растетъ не по днямъ, а по часамъ. И чего ужъ не дѣлалъ Борисъ, чтобъ предупредить несчастіе! Рѣзалъ языки говорунамъ, а все не помогало. Мнѣ одна старуха побожилась, что она своими глазами видѣла, какъ одинъ отрѣзанный языкъ на землѣ лепеталъ: «Царевичъ Димитрій живъ!» Этого еще мало. Одинъ царскій служка сказывалъ,

что по совѣту какого-то нехристя Нѣмца, Борисъ велѣлъ себѣ подать блюдо изъ телячьихъ языковъ, и что жъ? при всѣхъ думныхъ Боярахъ языки замычали: «Царевичъ Димитрій живъ!» — Лазутчики нюхаютъ и шарятъ, какъ гончія собаки, но Царевича нѣтъ какъ нѣтъ! Онъ разгуливаетъ по народу православному въ шапкѣ невидимкѣ! Да такой лихой малый, что въ огнѣ не сгоритъ и въ водѣ не утонетъ. А можетъ быть и родовой крестъ висящій на груди у него, до сей поры хранитъ его отъ Борисовыхъ поисковъ.

*Косолапъ.* А какой крестъ на груди его?

*Буйницкій.* Славный крестъ! весь осыпанъ дорогими каменьями.

*Косолапъ, (тихо.)* Это онъ!. Мнѣ памятенъ этотъ крестъ.

*Буйницкій.* Царевичъ похожъ на своего отца. Глаза голубыя и на лѣвой щекѣ бородавка.

*Косолапъ.* Нѣтъ сомнѣнія! это онъ.

*Буйницкій.* По всѣмъ розыскамъ онъ идетъ въ пустыню Выксинскую, на свиданіе съ своей матерью, и нашихъ рукъ не минуетъ...

*Косолапъ.* За каждый волосъ его, вы отвѣчаете мнѣ жизнію! Все спокойствіе мое зависитъ отъ вашего усердія! Охраняйте жизнь Царевича; бодрствуйте надъ нимъ, какъ львица надъ своимъ дѣтищемъ! Всю мою казну отдамъ тому, кто спасетъ его.

Разбойники стояли вокругъ своего атамана и, не зная къ чему отнести его приверженность къ Царевичу, поглядывали другъ на друга. Вдругъ на дорогѣ раздался крикъ, и всѣ устремились за Атаманомъ, который не бѣжалъ, а летѣлъ къ тому мѣсту.... Косолапъ прибѣжалъ на дорогу и увидѣлъ двухъ путниковъ. Одинъ изъ нихъ блѣдный, какъ мертвецъ, молился, стоя на колѣнахъ; другой между тѣмъ боролся съ разбойникомъ, сторожившимъ на дорогѣ. Молодой путникъ уже одолѣвалъ своего соперника, и готовился нанести ему послѣдній ударъ, какъ Атаманъ предупредилъ его, и сильною рукою повергнувъ его на землю, поднялъ тяжелый кистень.. и рука его опустилась. Разбойники между тѣмъ прибѣжали, окружили Атамана и въ одинъ голосъ воскликнули: Царевичъ Димитрій! Они узнали Отрепьева по кресту, блестящему на груди его. Григорій всталъ и, скрывая свое изумленіе, спросилъ ихъ: Такъ и вы меня знаете? «Знаемъ!» завопила шайка, «какъ не знать законнаго царя!» — Леонидъ хотя ужъ и пересталъ молиться, но все еще стоялъ на колѣнахъ. Замѣтя однакожъ, что дѣло беретъ хорошій оборотъ, онъ пододвинулся поближе, и принялъ на себя благочестивый видъ того смиреннаго инока, которому нечего бояться, потому что жизнь его въ рукѣ Божіей. А Косолапъ стоялъ, съ опущеннымъ кистенемъ, не смѣя взглянуть на Отрепьева, какъ преступникъ, ожидающій смертнаго приговора.

Вы знаете меня, сказалъ Отрепьевъ, но я васъ не знаю. Кто же вы и чѣмъ здѣсь промышляете?

Разбойники молчали и отвѣчать имъ было трудно. Въ Царевичѣ видѣли они земнаго бога — судію неумолимаго. Они боязливо посматривали на атамана ожидая отъ него защиты. Когда Отрепьевъ, возвысивъ голосъ, спросилъ ихъ въ третій разъ: чѣмъ вы промышляете? Косолапъ тихо подошелъ къ нему, сталъ на колѣни и сказалъ: *Разбоемъ!* — Разбоемъ! повторили его товарищи, и слѣдуя примѣру своего атамана, такъ же стали на колѣни передъ Самозванцемъ. Ужасный промыселъ! сказалъ Отрепьевъ, отворотясь отъ нихъ. «Жить разбоемъ! И гдѣ же? На Руси православной! Гдѣ столько полей плодородныхъ, столько степей не воздѣланныхъ и столько добрыхъ людей! А вы, несчастные, неужели не нашли себѣ иного средства къ пропитанію?

Не нашли, Царевичъ! завопили разбойники.

Ложь! сказалъ атаманъ. Мы не искали инаго средства. Вольная жизнь насъ соблазнила, а ножемъ легче добывать кормъ, чѣмъ плугомъ.

*Отрепьевъ.* Тотъ не вовсе еще утратилъ совѣсть, кто съ повинною головою кается Богу и Царю. Встань, атаманъ.

*Косолапъ.* Каюсь Царю, чтобъ примириться съ Богомъ. Позорная жизнь мнѣ надоѣла. Лучше, во сто кратъ лучше, единожды погибнуть на плахѣ, нежели изнывать каждый день и ожидать казни заслуженной. Сколько разъ хотѣлъ я притти въ Москву и всенародно объявить: я тотъ самый атаманъ, чья голова оцѣнена, и кого вы ищете... Но видно часъ мой не наставалъ и я былъ удержанъ невидимою рукою.

*Отрепьевъ.* И хорошо сдѣлалъ, что не выдалъ своей головы. Кто теперь сидитъ на святомъ тронѣ Мономаховомъ? Чѣмъ онъ лучше тебя? Ты, хоть просто, разбойникъ, выдаешь себя разбойникомъ и бродишь по лѣсамъ, какъ звѣрь, не зная другой родины, кромѣ сырой берлоги. А тотъ лицемѣръ, съ такимъ же желѣзнымъ сердцемъ, какъ и ты, надѣлъ на себя святую порфиру, вмѣсто ножа держитъ скипетръ и губитъ людей, устраняя отъ себя и позоръ, и опасность. Нѣтъ, не Борису казнить тебя. Ужъ, если суждено тебѣ погибнуть, то вмѣстѣ съ нимъ, на одной плахѣ и отъ суда наслѣдника грознаго Іоанна.

*Косолапъ.* Сбылись мои надежды! И я не прошу твоей пощады. Димитрій! я предъ тобой вдвойнѣ виновенъ: какъ разбойникъ и какъ твой мощный недругъ. Знай, я тотъ самый Волоховъ, двоюродный братъ твоей мамки Василисы... Она выдала, а я зарѣзалъ подмѣненнаго младенца. Я хотѣлъ пролить Царскую кровь — этого довольно. Не чѣмъ оправдаться! Ни раскаяніемъ, ни десятилѣтнимъ страданіемъ!.. Дѣлай со мной, что хочешь. Вотъ мой ножъ, мой кистень — кладу ихъ у ногъ твоихъ. Мы въ лѣсу, каждое дерево — висѣлица. Поясъ мой будетъ веревкою.. скажи — и я самъ подойду и положу повинную голову въ петлю. — Онъ умолкъ; разбойники тѣснились у ногъ Отрепьева; зубы ихъ стучали, какъ отъ лихорадки. Иной цѣловалъ ноги Самозванца, другой ловилъ его руки... Одинъ Косолапъ стоялъ предъ своимъ судіею, съ лицемъ, выражавшимъ безстрашное раскаяніе. Отрепьевъ подержалъ ихъ въ недоумѣніи и наконецъ молвилъ, отцевскимъ голосомъ: Свидѣтельствуюсь Богомъ, что мнѣ легче простить тебя, какъ моего недруга... Теперь я вспомнилъ твое страшное имя... Ты самый тотъ Косолапъ, кто нѣсколько лѣтъ и огнемъ, и ножемъ терзалъ свою родину... Но лежачаго не бьютъ и повинную голову мечь не сѣчетъ, топоръ не рубитъ. Первую вину снимаю съ твоей головы, вторую: выкупи самъ.

*Косолапъ.* Чѣмъ? — Готовъ на все!

*Отрепьевъ.* Ермакъ былъ такимъ же злодѣемъ какъ и ты, но бросивъ ножъ началъ служить Россіи, не щадилъ ни трудовъ, ни казны, ни живота своего — и въ церквахъ поютъ ему вѣчную память. Молись Богу, Волоховъ! Онъ умудритъ и тебя. Развѣ свергнуть убійцу и лицемѣра со трона Мономахова, не столь же полезно для Россіи, какъ обрести новое царство, гдѣ больше звѣрей, чѣмъ народу? Я былъ челомъ Россіи — хотя я Царь ей, а она — моя отчина. «Ненавидитъ душа моя гордаго нищаго,» говоритъ Царь и пророкъ Давидъ, — и я усмирилъ въ моемъ сердцѣ строптивость Іоаннову. Приманивать къ себѣ ложью не хочу — я не имѣю злата — мнѣ не надобна Нѣмецкая дружина. Если Русскіе не забыли Мономахова племени, если они до сей поры не промѣняли на раба законнаго своего Царя, то я одинъ выйду противъ Годунова, съ отцовскимъ знаменемъ: оно соберетъ къ себѣ моихъ дѣтей и вѣрноподдан-

ныхъ! — Моя надежда — Богъ, мое наслѣдство — Россія, мой врагъ — Борисъ! Святая Русь не безъ добрыхъ людей! Они станутъ за правую сторону, и сдерутъ съ волка овечью шкуру! — Горе Борису! завопили удальцы, Прольемъ за тебя нашу кровь до послѣдней капли!

«Позволитъ ли Царь, намъ грѣшнымъ, отстаивать его святое дѣло?» сказалъ атаманъ, повѣся голову.

*Отрепьевъ.* Отецъ простилъ заблудшаго сына. Слѣдуя божественному примѣру, и я подаю тебѣ мечъ. Употреби его на гибель враговъ законнаго Царя, а я именемъ Россіи даю тебѣ слово, что она проститъ тебя и полюбитъ, какъ Ермака.

Косолапъ въ душевномъ волненіи, не могъ произнести ни одного слова. Разбойники предались безумному восторгу; иные кричали изъ всѣхъ силъ, другіе валялись по песку, какъ собаки предъ хозяиномъ. Иные залезли на высокія сосны и съ вершины ихъ восклицали: Да здравствуетъ Димитрій! — Тучи галокъ и воронокъ поднялись съ своего ночлега, и смѣшали свое карканье съ дикими воплями удалой шайки. Отрепьевъ съ Косолапомъ пошли въ берлогу, укрыться отъ дождя и заснуть до солнечнаго восхода. За ними слѣдовали и одумавшіеся разбойники. Они не кричали, не гаркали, не свистали, какъ въ старые годы; но шли степенно, говорили тихо и благопристойно. Не знаю, на долго ли, а желѣзныя сердца ихъ смягчились, — какъ устрицы послѣ грома. На утро было положено: отцу Леониду дожидаться Лжедимитрія въ ближайшей корчмѣ. Косолапъ долженъ былъ распустить свою шайку по Россіи, съ тѣмъ, чтобъ его товарищи раздували мятежъ на Годунова; сборнымъ же ихъ мѣстомъ была назначена Литовская граница; куда и Лжедимитрій хотѣлъ явиться, послѣ свиданія съ Царицей инокиней, затѣянной Борисомъ въ Выксинскую пустыню. Это свиданіе было полезно Самозванцу, — оно еще больше внушило къ нему довѣріе, а въ послѣдствіи — было ему и необходимо, когда народъ въ Москвѣ требовалъ удостовѣренія вдовы Іоанна.

---

Осень наступала, и Выксинская пустыня, весной и лѣтомъ печальная, стала еще мрачнѣе. Полуобнаженными лѣсами играли бури. Этихъ бурь не знаютъ жители столицъ, это не тѣ, которыя изрѣдка затворяютъ ставни ихъ оконъ, но вольные жильцы степей необозримыхъ. Быстрый полетъ ихъ не встрѣчаетъ преградъ каменныхъ, лишь изрѣдка, онѣ скользятъ по кремнистому челу утесовъ, гордо поднимаются въ высоту и огромный песчаный столпъ, взвившійся изъ-подъ воздушныхъ стопъ ихъ, — мчится передъ ними предтечею, какъ шакалъ, передъ львомъ. Вѣковые лѣса, завидя ихъ, не-хотя нагибаютъ свои надменныя вершины, какъ бы ожидая пощады. Звѣри хищныя прячутся въ логовища, а хищныя птицы безстрашно вылетаютъ на встрѣчу и гордымъ зыкомъ привѣтствуютъ возлушныхъ наѣздниковъ. Иногда вихорь, бесѣдуя съ темною осеннею ночью, бушуетъ, воетъ и мчится изъ края въ край. Въ дали протяжный отголосокъ медленно повторяетъ громовые раскаты, и горы, какъ будто оживая, передаютъ другъ другу несловесныя рѣчи, коими привѣтствуетъ ихъ таинственное небо. Кажется, природа, наскуча здѣсь безмолвіемъ той однообразной пустыни, гдѣ нѣтъ слѣдовъ человѣческихъ, съ восторгомъ внимаетъ, взамѣну словъ, глухому реву сердитыхъ волнъ, и робкому трепетанію полузавялыхъ листьевъ. Зимою бѣдная пустыня бѣлѣется, какъ снѣжный океанъ; обнаженные оставы лѣсовъ стучатъ безлиственными вѣтвями, пасмурное небо сливается вдали съ

блѣдноснѣющимся снѣгомъ, а зимнія, навислыя облака, какъ будто гуляютъ по землѣ. Въ эту дикую пустыню сослалъ Годуновъ вдову Іоанна. Келья царственной отшельницы была тѣсна и темна. Дубовыя лавки и столы составляли все ея украшеніе. Гнилая перекладина едва держала навислый потолокъ, и поминутно грозила паденіемъ. Разбитая слюда оконъ, была заклеена тряпицами. Таково-то было житье той, которая покоилась прежде въ пышныхъ палатахъ Кремлевскаго дворца! — Инокиня Марѳа, углубленная въ свою любимую думу: *отмстить Борису* — сидѣла въ сѣняхъ своей кельи и медленно, дряхлыми перстами, кружила веретено, заготовляя себѣ на зиму посконное платье. Вдали шелъ кто-то съ посохомъ въ рукѣ и вдругъ поворотилъ прямо къ хижинѣ.... Это былъ не добрый знакъ для Марѳы. Зная злокозненность Бориса и явленіе Самозванца — она давно уже ждала гонца изъ Москвы. Вѣрнаго служки ея, Богдана Отрепьева не было дома; онъ дряхлыми руками рубилъ — или ближе къ дѣлу — подпиливалъ топоромъ вѣковыя сосны и дубы, какъ новый богатырь Илья Муромецъ; но тотъ вырывалъ пнѣ, какъ буря, а нашъ Богданъ подтачивалъ, какъ червь, мелкій лѣсъ, заготовляя на зиму, а крупный свалпвая въ груду, съ той цѣлью, чтобъ лѣтъ въ тридцать, срубить, — если Богъ поможетъ, — хорошенькую свѣтлицу для своей Царицы, взамѣнъ той вѣтхой лачуги, которая ходенемъ ходила въ бурю. Инокиня, перекрестясь, сложила руки, и ждала, — что съ ней будетъ. Между тѣмъ незнакомецъ подходилъ ближе и ближе, и наконецъ, скинувъ почтительно шляпу, спросилъ: можно ли ему видѣть Царицу?

*Марѳа.* Царицу!... Царица — Марія Годунова, она въ Москвѣ. А здѣсь живетъ бѣдная инокиня Марѳа.

*Григорій.* Царицу инокиню желаю видѣть. Если положатъ голову мою на плаху, и тогда назову Іоаннову вдову — Царицей.

*Марѳа.* Если такъ, то войди въ мою келью. — Я — вдова Іоанна.

Григорій воздалъ ей поклонъ до земли. «Царица! — Земныя радости не вѣчны, не вѣчно и земное горе. Торжество злодѣя не прочно, а кровь выкупается кровью. Не отъ Бориса присланъ я, но отъ его смертельнаго врага, нашего Царевича Димитрія.

*Марѳа.* Царевича! Ужъ не вздумалъ ли онъ соблазнить и меня своими сказками. Не надѣятся ли его друзья, что я промѣняю память моего сына, на безроднаго бродягу?

*Григорій.* Не буду спорить съ тобой, былъ ли подмѣненъ Царевичъ, или нѣтъ, спасенъ ли онъ, или погубленъ. Кому знать эту истину, какъ не тебѣ? — Но Русскимъ нуженъ предлогъ, нуженъ искусный кормчій, который управлялъ бы кораблемъ на бурномъ морѣ. Имя законнаго наслѣдника есть то святое знамя, куда стекаются сыны православной Россіи. Успѣхъ нашъ не вѣроятенъ; мятежъ горитъ въ сердцѣ государства, и скоро по одному мановенію нашего Димитрія — Борисъ слетитъ съ трона, куда заползъ онъ неправдами и убійствомъ. Димитрій меня прислалъ къ тебѣ. Царица! Онъ молитъ тебя, какъ рабъ твой, усыпови его на гибель Борисову! Съ твоимъ благословеніемъ онъ одинъ противустанетъ могучему врагу.

*Марѳа.* Что значитъ благословеніе бѣдной инокини!

*Григорій.* Всё! — Это благословеніе убѣдитъ Россію.

*Марѳа.* Если ты присланъ за тѣмъ, чтобы склонить меня на сторону обманщика, — то едвали ты успѣешь. Одинъ только безумецъ повѣритъ успѣхамъ вашего Димитрія. Когда и гдѣ бывало, чтобы бѣглый дьяконъ, разстрига, бродяга — свергнулъ Царя, хотя и злодѣя, но все таки — злодѣя умнаго, хитраго

и счастливаго. Что за прибыль мнѣ не сбыточному сумасбродству пожертвовать и памятью моего сына и собственною честью? Теперь, заточенная въ пустыню, бѣдная, безпомощная вдова, на старости лѣтъ живущая трудами рукъ своихъ, — я въ самомъ несчастіи неосрамила моего Іоанна! Россія, безчувственная къ моимъ слезамъ, не имѣетъ права презирать меня. Но что будетъ со мною, если я признаю моимъ сыномъ бродягу, а его послѣ выведутъ на площадь и всенародно высѣкутъ кнутомъ? Какъ послѣ это, встрѣчусь я за гробомъ съ моимъ супругомъ и несчастнымъ сыномъ!

*Григорій.* Не признавай теперь сыномъ нашего Димитрія, — это было бы неосторожно съ твоей стороны. Но нашъ Царь молитъ тебя объ одномъ: если Россія признаетъ его, и Литва будетъ на его сторонѣ, — назовешь ли ты его своимъ сыномъ? За эту милость онъ отблагодаритъ тебя головой Борисовой. Инокиня печально улыбнулась, подумала, и сказала: » Просьбу вашего Димитрія нетрудно исполнить. Начатое имъ дѣло такъ нелѣпо, такъ мало обѣщаетъ успѣха, — что нѣтъ никакой надобности съ нимъ спорить. Я увѣрена, что чрезъ нѣсколько дней вашъ Самозванецъ самъ исчезнетъ, какъ мыльный пузырь. И такъ, отнеси ему мой отвѣтъ: когда Россія и Литва его признаютъ, — и если онъ принесетъ мнѣ голову Годунова, — истребитъ весь его родъ, — то я признаю его моимъ сыномъ.» — Прощай Царица, сказалъ Отрепьевъ, поклонившись до земли, — больше намъ ничего непужно. Смертный приговоръ Годуновымъ тобой подписанъ, и дни ихъ сочтены.

Григорій удалился, а Инокиня стояла неподвижно, и глаза ея слѣдили въ отдаленіи призракъ чуднаго незнакомца. Казалось ей, все что они ни говорили, была одна только шутка. Какой-то бродяга дастъ ей торжественный обѣтъ истребить родъ Годуновыхъ; и говоритъ съ такой самонадѣянностью, какъ будто ужь онъ сидитъ на Мономаховомъ тронѣ, и у ногъ его лежатъ Годуновы въ цѣпяхъ, ожидая казни! Какая нелѣпость! Но отъ чего же, на перекоръ разсудку, надежда нашептываетъ ей о близкой мести? Жадно углублялась въ любимую свою мечту, инокиня, какъ бы въ неповидящемъ изступленіи, развивала предъ собою грядущія событія. И вотъ Московскій Кремль отгрянулъ знакомыми ей колоколами. Воздвиглись святыя хоругви; — народъ тѣснится на площадяхъ; — громовое его восклицаніе снова убѣждаетъ ее,—что она Царица. А вотъ на площади висѣлица: — на ней трупъ Бориса, а — вотъ и другая: — на ней трупъ Ѳеодора; — вотъ и третья, и четвертая, — на нихъ Ксенія и Марія Годуновы... Какой дикій, необузданный восторгъ! Ея бѣдная келья казалась ей тѣсною, и она прохаживалась въ ней, какъ тигрица въ клѣткѣ. Вдругъ она остановилась, и взглянула на икону, возлѣ которой лежалъ ножъ, — тотъ самый, которымъ Битяговскій зарѣзалъ ея сына, и въ торопяхъ бросилъ его на тѣло своей жертвы. Инокиня подошла къ иконѣ и долго смотрѣла на нее... Какія черныя думы толпились въ ея воображеніи? Но на лицѣ ея, блѣдномъ и изуренномъ, не было ничего замѣтно, и глаза ея были устремлены на ножъ, на которомъ еще сѣрѣлась заржавленная кровь ея несчастнаго младенца...' Въ это мгновеніе, столь тяжелое для ея сердца, вошелъ старикъ Богданъ, и она очнулась отъ своего изступленія. Онъ принесъ ей другую вѣсть: — Борисъ прислалъ гонцовъ, и повелѣлъ ей быть въ Москву. — Должно покориться необходимости. Но Царскій указъ разрушилъ всѣ ея надежды, и снова бродяга самозванецъ предсталъ въ ея думахъ — шутомъ въ лохмотьяхъ. Вотъ наконецъ и кибитчика потащилась къ Москвѣ отъ пустыни Выксинской. Внутри, она обита войлокомъ, а

снаружи прикрыта рогожей. Колесы по ступицу вязнутъ въ пескѣ, и тощія клячонки, не много по выше дворовыхъ собакъ, напрягая жилы, покрываются пѣной отъ усталости. Тщетно молодой ямщикъ, разпѣвая заунывныя пѣсни, поднимаетъ немилосердый кнутъ, — онѣмѣлыя клячи не чувствуютъ его ударовъ. Уже и такъ, нѣсколько верстъ досужая кибитка, какъ говорится — на одномъ только кнутѣ ѣдетъ. Позади слѣдуетъ шагомъ верховой конвой, и старикъ Богданъ плетется пѣшкомъ, жалѣя чужихъ лошадей. Подъ задернутой рогожей сидитъ инокиня Марѳа. О чемъ-то теперь мечтаетъ она? О какой-то прогулкѣ изъ Москвы къ Сергіевской Лаврѣ. Тогда лихіе кони несли ее, какъ вихорь; вельможи сопровождали ея колесницу и ожидали мановенія ея руки. Самъ грозный Іоаннъ скакалъ по правую сторону и не могъ насмотрѣться на ея ясныя очи! — Инокиня выставила голову изъ-подъ рогожи, и спросила въ полголоса: «Богданъ, помнишь ли ты мою прогулку въ Троицкую Лавру, въ 1581 году?» — Богданъ собравъ послѣднія силенки, подбѣжалъ къ кибиткѣ, и скинувъ почтительно шляпу, отвѣчалъ: «Какъ непомнить, матушка Царица. Я былъ тогда въ числѣ тѣлохранителей. Время бываетъ переходчиво; потерпится, слюбится.

*Марѳа.* А долголи мнѣ еще терпѣть?... Спроси Богданъ, чья это могила въ сторонѣ отъ дороги.

*Ямщикъ.* А Богъ ее вѣдаетъ. Говорятъ-ста какой-то опальный бояринъ былъ удаленъ по указу Грознаго, и здѣсь закопанъ.

Инокиня, молча, смотрѣла на одинокую могилу, заросшую травою, и осененную деревяннымъ крестомъ, на которомъ сидѣлъ воронъ, и печально каркалъ, какъ-бы напоминая страшную опалу Іоаннову, обрушенную можетъ быть, на голову невиннаго страдальца. «Царица! Сказалъ Богданъ, сверставшись съ могилою и трижды перекрестясь; вотъ памятникъ гнѣва твоего супруга. Кто-бы здѣсь ни былъ зарытъ, злодѣй или праведникъ, все равно; и Царь судія, и осужденный рабъ уже предстали небесному Судіѣ: — и онъ ихъ разсудитъ. Намъ ли, грѣшнымъ скитальцамъ роптать на Всевышняго? Развѣ мы вѣчные гости на землѣ? Куда ни оберись — вездѣ тлѣніе. Тамъ — царскій гробъ, — здѣсь гробъ раба; тамъ почіетъ сномъ могильнымъ богачъ, — здѣсь нищій спитъ тѣмъ же сномъ.... Сами мы при жизни бродимъ по могилахъ, а все, забывая небо, думаемъ о землѣ, какъ будто смерть у насъ не за плечами?»

Тпру! Закричалъ ямщикъ, слава тебѣ Господи, вотъ мы и у ночлега. Вылѣзай матушка Инокиня, да отогрѣйся на палатяхъ. Вѣдь тебѣ разомъ запрягутъ новыхъ лошадей, да и потащатъ къ Москвѣ. Борисъ Ѳедоровичъ шутить не любитъ».

«Не любитъ шутить! шептала Марѳа, между тѣмъ какъ Богданъ помогалъ ей освободиться изъ тѣсной кибитки. «Не любитъ шутить!» Это одно слово подѣйствовало на нее сильнѣе всей набожной проповѣди старика Богдана. —

Корчма была почище внутри, чѣмъ снаружи, не вопримѣръ политикѣ Годунова, дубовые столы были вымыты, какъ будто въ ожиданіи дорогихъ гостей. Хозяйка суетилась и бѣгала изъ угла въ уголъ, потчивая Инокиню то тѣмъ, то семъ, и тайкомъ отъ конвоя, распрашивая о Царевичѣ Димитріѣ. На теплыхъ палатяхъ лежалъ нашъ старый знакомецъ отецъ Леонидъ. Онъ, исполняя приказъ Григорія, тотчасъ явился въ корчму пообѣдалъ плотно, какъ слѣдуетъ истому русскому человѣку, потомъ выспался, и теперь изъ-подъ лобья поглядываетъ на конвой, намѣреваясь лоскорѣе отсюда убраться. Но судьба располагала инымъ образомъ. У воротъ раздался стукъ, хозяйка выглянула изъ

окна — и съ ужасомъ вскрикнула: Московскіе лазутчики! —

Леонидъ привсталъ, — такіе гости были ему всегда не по сердцу. Между тѣмъ застучали еще сильнѣе, и хозяйка проклиная неизвѣстныхъ гостей, побѣжала отпереть имъ ворота. Вотъ они вошли, помолились иконѣ, поклонились Инокинѣ, и сѣли на скамью, озирая и корчму, и всѣхъ находящихся въ ней православныхъ. Скоро вниманіе ихъ пало на смиреннаго Леонида, который одинъ, въ темномъ уголку, сидѣлъ какъ котъ, на печкѣ. Кто этотъ странникъ, спросили лазутчики хозяйку, и получили въ отвѣтъ: а я почемъ знаю! Мало ли кто бываетъ въ корчмѣ, — всѣхъ будешь знать, такъ скоро состарѣешся. И то правда, сказали лазутчики. Эй, почтенный, подика сюда, — поголкуемъ! Но Леонидъ сидѣлъ, какъ будто непонимая, что рѣчь относится къ нему. Почтеннѣйшій! повторили лазутчики, тебѣ на печкѣ хоть и тепло, а надо слѣзть, дѣлать нечего. Повѣдай-ка намъ, отъ куда ты и куда пробираешься? Повидимому, ты долженъ быть изъ иноковъ богомольцевъ, а нашъ Батюшка Царь крѣпко натвердилъ намъ, чтобъ мы непропускали ни одного изъ вашей братьи, не пошарпвъ у него въ пазухѣ. — Леонидъ спустился съ своей высоты, и низко поклонился на всѣ стороны. Какъ тебя зовутъ, почтенный отецъ, спросилъ одинъ изъ лазутчиковъ, озирая его съ ногъ до головы. Тутъ вспомнилъ Леонидъ наказъ самозванца называться Григорьемъ Отрепьевымъ въ случаѣ опасности. До сей порыонъ и неподумалъ объ этомъ странномъ наказѣ; можетъ быть на досугѣ, онъ бы и понялъ, что это не совсѣмъ было для него выгодно; но теперь, окруженный сыщиками, онъ совсѣмъ потерялся, глядѣлъ на всѣ стороны, и самъ не зная для чего, машинально вымолвилъ: я Григорій Отрепьевъ, инокъ Чудовскаго монастыря.

Разстрига! Воръ! Еретикъ! Колдунъ! Завопили сыщики, обралованные своей находкой. Тебя-то намъ и надо! — И бѣдный Леонидъ не успѣлъ оглянуться, какъ очутился, на дорогѣ, и скакалъ къ Москвѣ, сопровождаемый сильнымъ конвоемъ, какъ преступникъ государственный. Инокиня и старикъ Богданъ поглядывали одинъ на другаго; наконецъ Марѳа спросила: ужъ не сынъ ли это твой?

*Богданъ.* Кажись такъ. — Что нибудь опять напроказилъ, окаянный!

Хозяйка подошла и въ полголоса ему сказала: молчи, старый лупь, а не то и тебѣ достанется. Лукавый просилъ тебя родить такого сына, который мутитъ всю Русь и выдаетъ себя за Царевича. Инокинѣ между тѣмъ заложили лошадей, и скоро кибитка понеслась къ Москвѣ. Богданъ сидѣлъ на облучкѣ, повѣся сѣдую голову. «Ахъ! онъ окаянный!» думалъ старикъ — «тянетъ ножку не по одежкѣ! — Этаку кашу заварилъ!...»

---

Но возвратимся къ Косолапу. Онъ не могъ уснуть всю ночь, такъ сильно было волненіе его души. Все бытіе его обновилось, одна мысль, что онъ будетъ служить подъ знаменемъ своего Царя, — наполняла его восторгомъ, и проливала цѣлительный бальзамъ на застарѣлыя раны сердца. Возлѣ него сидѣла подруга, и раздѣляла его счастье. Въ первый разъ Косолапъ увидѣлъ въ ея очахъ ту самую любовь, которая составляла его блаженство, когда Лиза была его невѣстой въ Угличѣ. Послѣ его злодѣйства, она, казалось совершенно къ нему измѣнилась! Ни драгоцѣнныя наряды, — ни жемчуги, ни золото не могли развлечь ея унынія; она съ ужасомъ видѣла въ нихъ новыя злодѣйства: — отвергала ихъ; вмѣстѣ съ ласками атамана. Косолапъ, терзаемый совѣстью, желалъ имѣть друга въ своей женѣ, — но всегда находилъ одну только несчастную рабу, безъ раздѣленія ис-

полнявшую его желанія. Послѣ, когда мысль возвратиться къ честной жизни, начинала иногда появляться въ его словахъ, — ему казалось, что его печальная подруга становилась внимательнѣе къ его страданію. Но теперь она вся принадлежала ему! Она, покоилась на его широкой груди, нѣжно впивалась очами въ его очи, — и каждое слово ея звучало отголоскомъ прежней любви. Косолапъ блаженствовалъ, и живо представлялъ ей то время, когда онъ будетъ низвергать цѣлые ряды на полѣ битвы. И за святое дѣло, (говорилъ онъ) не мудрено безстрашно встрѣтить смерть. Горько-безъ покаянія умереть въ разбоѣ, но на полѣ битвы, за Царя и отечество, эту смерть я встрѣчу, какъ ангела хранителя. Скажи мнѣ, милая Лиза, гдѣ будешь ты, когда я стану подъ знамена Димитрія? — Я объ этомъ только и думаю, отвѣчала его подруга. До сей поры я не рѣшалась открыть тебѣ моего намѣренія, но теперь, кажется, во мнѣ достанетъ твердости.

Мы, милый другъ, не должны болѣе жить для земнаго счастія. Грѣхъ твой такъ великъ, что всякая радость замедляетъ твое искупленіе. Я, въ цѣломъ мірѣ, одна всегда любила тебя, — и буду любить до гроба. Кому же, какъ не мнѣ, дорожить спасеніемъ твоей души? — Безцѣнный, единственный другъ мой! Отпусти меня въ монастырь. Тамъ я буду день и ночь молиться за тебя!

Косолапъ печально взглянулъ на нее сжалъ ея руку, и долго молчалъ, глядя, какъ слезы капали съ ея длинныхъ рѣсницъ. Наконецъ онъ ей сказалъ тихимъ голосомъ.

Я это предвидѣлъ. Мнѣ, свирѣпому убійцѣ и атаману не должно быть съ ангеломъ. Тотъ только имѣетъ право жить съ любимой подругой, кто свято исполнялъ обязанности добраго гражданина. А я — хищный звѣрь! Мои руки не пощадили даже и невиннаго младенца! Я это предвидѣлъ. Да! вижу всю необходимость этой разлуки, — долженъ надѣть на себя душевныя вериги. — Но... теперь еще рано! Не оставляй меня такъ скоро! Моя душа еще не окрѣпла, я еще за себя не ручаюсь. Что будетъ со мною, если кровавые призраки снова воскреснутъ въ моемъ воображеніи, а я безъ тебя осиротѣю? Когда у меня не будетъ друга, чтобъ раздѣлить мою тоску? О, нѣтъ! Моя добрая Лиза! Ангелъ хранитель мой, безъ котораго я всю жизнь былъ бы разбойникомъ. Помедли! Дай мнѣ прежде побывать хоть въ одной битвѣ; совершить хоть одинъ хорошій подвигъ... тогда... простимся! Я прощусь съ тобой не такъ, какъ съ молодой женой, а какъ съ вѣрнымъ другомъ, моимъ благодѣтелемъ! Я тогда упаду къ твоимъ ногамъ; — я покрою ихъ поцѣлуями, и оболью ихъ благодарными слезами! — Но теперь — я не могу съ тобой проститься! Ты должна быть со мной, или милосердый Богъ снова меня покинетъ!

Я остаюсь — сказала Лиза, упавши въ его объятія. Я не оставлю тебя, безъ твоего соизволенія.

«Славно», сказалъ старикъ пѣсенникъ, подходя къ нимъ. Славно! Такъ и надо. И я этакъ когда то цѣловался! — Бывало губы такъ и прилипаютъ... Но послушай Косолапъ; — я пришелъ къ тебѣ съ дурной вѣстью. Говорятъ въ ближней корчмѣ Царевичъ поймалъ...

Боже милосердый! Воскликнулъ Косолапъ. Коня моего! Коня, пищаль, кистень!... Скорѣе! — Мы вырвемъ его изъ рукъ убійцъ!...

*Старикъ.* Но съ кѣмъ ты пойдешь? — Товарищи въ разбродѣ, пока мы ихъ соберемъ — упустимъ время.

Косолапъ между тѣмъ ужъ осѣдлалъ своего коня. Онъ даже и позабылъ проститься съ своей женой, которая подавая ему кистень, обливалась слезами... Но Косолапъ былъ занятъ одной мыслью. Всѣ его надежды были основаны на судьбѣ Царевича. Если онъ погибнетъ,

то Косолапъ снова разбойникъ. Чрезъ минуту онъ уже скакалъ по лѣсу, свисталъ, звалъ товарищей, но никто не явился. Тогда онъ рѣшился одинъ — преслѣдовать Московскій конвой, чтобъ умереть или спасти Царевича. Лишь только онъ выѣхалъ изъ лѣса, на дорогѣ поджидалъ его Сенька. Этотъ разбойникъ съ неудовольствіемъ видѣлъ, что буйная жизнь его кончилась. Онъ никакъ нехотѣлъ умереть, безъ личной для себя пользы, на полѣ битвы; и потому рѣшился предать своего атамана въ руки сыщиковъ, чтобъ добыть тѣмъ себѣ прощеніе. Косолапъ обрадовался, увидя одного товарища: это обнадежило его, что и другіе не далеко. Онъ разсказалъ ему, что случилось и поскакалъ съ нимъ вмѣстѣ по дорогѣ. Когда они начали подъѣзжать къ мосту, Сенька поѣхалъ сзади и вынулъ свой кистень, но сердце его сильно билось. Казалось, рука его не смѣла подняться на атамана, которому онъ столько лѣтъ повиновался... Между тѣмъ они приближались къ мосту; Сенька свиснулъ и изъ-подъ мосту выбѣжало человѣкъ десять. Косолапъ тотчасъ призналъ въ нихъ Московскихъ сыщиковъ и уже наложилъ руку на свой тяжелый кистень, какъ незапный ударъ по затылку оглушилъ его и онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Сыщики тотчасъ бросились къ нему, обезоружили его, заковали въ кандалы, и положили въ телегу, обагреннаго кровью и почти бездыханнаго. Они помчались до ближней корчмы, усилили свой конвой, боясь нападенія отъ Косолаповой шайки — и привезли его, чуть живаго, въ Москву.

Скоро слухъ распространился въ народѣ, что Царевичь пойманъ и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки. Косолапъ также былъ предметомъ всеобщихъ толковъ. Народъ толпился день и ночь у острога, надѣясь какъ нибудь, сквозь тюремныя рѣшетки увидѣть лице знаменитаго атамана. Не много спустя, инокиня Марѳа также возбудила всеобщее любопытство. Всѣ хотѣли знать, чѣмъ кончится эта чудная драма. Вообще расположеніе народа было не въ пользу Бориса, ему ежедневно доносили, что народъ жалѣетъ о судьбѣ его врага и никакъ не хочетъ признать его бѣглымъ дьякономъ. Наконецъ телега съ конвоемъ примчалась и Борисъ потребовалъ къ себѣ самозванца. Ему хотѣлось взглянуть на предпріимчиваго бродягу, который отнялъ у могучаго вѣнценосца послѣдній сонъ. Самозванца ввели въ комнату и прежде чѣмъ Годуновъ успѣлъ взглянуть на него, ужъ онъ бросился къ его ногамъ. Борисъ безъ гнѣва, тихо и величественно, какъ Царь, спросилъ его:

Кто научилъ тебя называться Царевичемъ Димитріемъ?

Никогда и не думалъ! Отвѣчалъ подсудимый, приподнявши голову и глядя на Бориса, который едва взглянулъ на Леонида, узналъ въ немъ Іоаннова шута и, съ удивленіемъ отступивъ назадъ, вскрикнулъ: это Митка! Многіе изъ бояръ также узнали стараго потѣшника и не знали, къ чему отнести такой странный случай. Между тѣмъ Леонидъ продолжалъ молить себѣ пощады, стоя на колѣнахъ:

«Православный Царь, Борисъ Ѳеодоровичь! Богъ свидѣтель мнѣ, что я, окаянный грѣшникъ, никогда и не думалъ выдавать себя, въ Бозѣ почивающимъ Царевичемъ Димитріемъ!

Какъ же ты попалъ на его мѣсто? Спросилъ Годуновъ.

«Притащили, ни за что, ни про что! Сдружился я съ однимъ лукавымъ инокомъ Чудовскаго монастыря, Григорьемъ Отрепьевымъ, а онъ и научилъ меня прозываться своимъ поганымъ имянемъ. Я опростоволосился, великій государь, и потерпѣлъ въ чужомъ пиру похмѣлье.»

*Борисъ.* Зачѣмъ же ты скрывалъ свое имя?

*Леонидъ.* Виноватъ, Государь; я хотя и постригся плотію, но не постригся духомъ: боялся попасться въ руки къ отцу игумену и потому иногда шатался по міру въ кафтанѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ. Смилуйся! вспомни хотя старую мою службу! Богу и тебѣ извѣстно, какъ я при царѣ Иванѣ шпынялъ неуклюжихъ бояръ, но задѣлъ ли твою милость, хоть единожды? Нѣтъ, Борисъ Ѳеодоровичъ, не царь нашъ, а отецъ родной! Глядя на тебя, я всегда говаривалъ: Мишка дуракъ! Не плюй въ колодезь, — воды выпить годится. Смилуйся, православный Государь!

*Борисъ.* Гдѣ же ты попался въ руки сыщиковъ?

*Леонидъ.* Лежалъ на палатяхъ, въ корчмѣ, какъ вдругъ на меня нагрянули твои черти и завопили: попался мошенникъ! воръ, плутъ, еретикъ, разстрига! Я не успѣлъ еще и опомниться, какъ ужъ меня помчали по столбовой дорогѣ, приговаривая: съ горки на горку, дастъ батюшка царь на водку! И я въ два дни явился предъ тобой, какъ листъ передъ травой! — Отпусти душу на покаяніе!

*Борисъ.* Гдѣ же ты познакомился съ Отрепьевымъ?

*Леонидъ.* Не далеко пустыни Быксинской, насъ перехватили разбойники. Они взяли сторону самозванца и онъ переговаривалъ о чемъ-то съ инокиней Маѳой.

*Борисъ.* За это извѣстіе ты прощенъ. Будь же достоинъ моей милости. Ты лично знаешь разстригу и потому свидѣтельствуй о немъ въ народѣ, — ты будешь за это награжденъ.

*Леонидъ.* Обличу мошенника на чемъ свѣтъ стоитъ!

Борисъ далъ знать, чтобъ всѣ удалились, и велѣлъ представить къ себѣ Инокиню и Косолапа. Свиданіе съ Маѳой было для него тяжело. Онъ угрюмо ходилъ взадъ и впередъ, и казалось, заранѣе обдумывалъ свои рѣчи. Наконецъ двери отворились. Инокиня вошла и остановилась. Годуновъ, сколь ни искусно владѣлъ собою, но на этотъ разъ не могъ скрыть душевнаго волненія. Инокиня пристально смотрѣла на него, злоба отражалась на ея блѣдномъ лицѣ. Годуновъ наконецъ прервалъ молчаніе.

«Клевета очернила меня въ глазахъ моего народа, добраго, но легковѣрнаго.... Я этимъ обязанъ тебѣ. Вдова Іоанна беретъ сторону какого-то бродяги — и къ стыду своему — признаетъ его своимъ сыномъ.... Вспомни, что ты была супругой великаго вѣнценосца!

*Маѳа.* Моя ненависть докажетъ тебѣ эту истину.

*Борисъ.* Тебѣ ли признавать сыномъ бѣглаго дьякона?

*Маѳа.* Русскій народъ невѣритъ твоей сказкѣ. Правда, сынъ мой долго скитался изъ одной обители въ другую, но въ этомъ я виновна. По моей волѣ онъ скрывался, и по моей волѣ идетъ теперь въ Москву, за своимъ достояніемъ.

*Борисъ.* За топоромъ палача?

*Маѳа.* Нѣтъ! — За Мономаховымъ скипетромъ. Не проливай напрасно крови, — твое усиліе тщетно. Судьба твоя ужъ рѣшена: не усидѣть тебѣ на нашемъ тронѣ! Уже ли ты до сихъ поръ не знаешь, что Россія отъ тебя отложилась? Прислушайся къ ея грозному шопоту!... Скоро настанетъ время, этотъ шопотъ разразится торжественнымъ громомъ и тогда все будетъ поздно. Если ты прозорливъ, то предупреди несчастіе. Теперь ты еще съ честію можешь уступить свой вѣнецъ законному наслѣднику. Мы сожжемъ позорное угличкое слѣдствіе и сынъ грознаго Іоанна, можетъ быть, изъ состраданія къ твоимъ дѣтямъ — тебя помилуетъ!

*Борисъ.* Безумная женщина! Сынъ твой спитъ на угличкомъ кладбищѣ. А вотъ и старый твой знакомый.

При этихъ словахъ дверь отворилась и Косолапа ввели, скованнаго цѣпями. Инокиня, увидя его, съ ужасомъ перекр-

ла на другую сторону; она узнала въ немъ Волохова.

*Годуновъ.* Атаманъ Косолапъ, ты одинъ изъ убійцъ Царевича. Изъ излишняго усердія ко мнѣ, безъ моего вѣдома, ты рѣшился на злое дѣло и лишилъ меня племянника, котораго я любилъ, какъ отецъ своего сына. Прошедшаго возвратить нельзя, но ты, если хочешь облегчить свое наказаніе, долженъ теперь подать голосъ въ томъ дѣлѣ. Вдова Іоанна отвергаетъ память своего сына, а изъ пустой ненависти ко мнѣ, хочетъ увѣрить меня и Россію, что сынъ ея живъ. Усовѣсти ее!

*Косолапъ.* Іоаннова вдова исполняетъ свой долгъ. Отвергнетъ ли мать своего сына, когда мы, чуждые ему люди, готовы за него пролить нашу кровь до послѣдней капли? Твой презренный лазутчикъ соблазнилъ тогдашнюю голодную бѣдность золотомъ. Но Богу не угодно было сдѣлать меня цареубійцей, и Онъ сохранилъ для Россіи Наслѣдника Іоаннова. Могучій злодѣй — покайся! вспомни страшный судъ, который тебя ожидаетъ за гробомъ. Казни меня, какъ разбойника — я заслужилъ эту казнь и приму безъ ропота; но помни на своей земной высотѣ — что ты грѣшнѣе меня.

*Борисъ.* Я велю задать тебѣ Іоаннову пытку! —

*Косолапъ.* Меня трудно испугать. Я вынесу цѣлый адъ, но не отступлюсь отъ моего Царевича. Ты же давно опротивѣлъ намъ, русскимъ. Ты простой боярин, а посягнулъ на достояніе Мономахово. Залетѣла ворона въ высокія хоромы!

*Борисъ.* Отведите его въ тюрьму. А завтра, приготовься къ казни.

*Косолапъ.* Я прошу себѣ духовника.

*Борисъ.* Въ этомъ я не откажу и честному человѣку, не только атаману разбойниковъ.

Косолапа отвели въ острогъ. Инокиня удалилась въ келью, а Годуновъ оставшись одинъ, сидѣлъ задумавшись. Ему подали письмо отъ самозванца; онъ торопливо распечаталъ его и прочелъ:

«Россія моя. Литва и Запорожцы стоятъ подъ моимъ знаменемъ; со всѣхъ концовъ Россіи ко мнѣ стекаются мои дѣти вѣрноподданные. Дай отчетъ мнѣ, твоему Государю. Забываю все и, преклоняя гнѣвъ на милость, повелѣваю тебѣ не медленно постричься, такъ же какъ и другому рабу, а твоему сыну: Ѳедькѣ Годунову. Женка твоя Маѳка, и дочь Аксіотка могутъ жить въ мірѣ. Послѣдняя славится своею дѣвическою лѣпотою и мы обѣщаемъ ей нашу царскую милость.

Димитрій, царь всея Россіи.»

Годуновъ презрительно улыбнулся, прочитавши обидное письмо, изорвалъ его — и ни кому не сказалъ о немъ ни слова. Это письмо было послано съ Литовской границы, но Литва только еще по темному слуху знала о появленіи Димитрія. Не смотря на то, самонадѣянный самозванецъ уже смѣло ставилъ ее подъ свое знамя и безсильный, не имѣя еще ни войска, ни казны, грозилъ могучему Годунову. Казалось, сама судьба, избравши своимъ орудіемъ ничтожнаго бродягу, нашептывала ему заранѣе обо всемъ, что таилось подъ туманнымъ покровомъ грядущаго.

Между тѣмъ дѣлались приготовленія къ казни. Многіе граждане рѣшились переночевать на площади, чтобъ не упустить случая потѣшиться смертной казнію. Народъ съ незапамятныхъ временъ всегда любилъ это кровавое зрѣлище. Косолапъ въ цѣпяхъ бродилъ по своему острогу, ожидая духовника. Онъ уже приготовилъ себя къ страшной мысли: умереть на плахѣ. Но ему жаль было, что онъ умретъ не простившись съ той, которая для него была дороже самой жизни. Въ этой грустной думѣ сидѣлъ онъ на соломѣ, приклонясь головою къ стѣнѣ. Вдругъ блеснулъ фонарь и вошелъ тюремщикъ, старый

нашъ знакомецъ, Иванъ Петровичъ, который нѣкогда пировалъ съ дьячкомъ углицкимъ. Онъ былъ пораженъ, какъ громомъ. Въ этомъ страшномъ разбойникѣ онъ узналъ своего стараго знакомца, всѣ нервы его потряслись — и онъ грянулся о землю. Предсказаніе дьячка торжественно сбылось: короткая шея не сошла даромъ съ рукъ Ивану Петровичу. Онъ лежалъ уже мертвый у ногъ Косолапа, который еще разспрашивалъ его, удивлялся почему онъ вдругъ замолчалъ.

Наконецъ, убѣдившись во внезапной смерти своего товарища, Косолапъ началъ думать о спасеніи. Онъ бросился къ дверямъ но они были заперты, — узникъ подошелъ къ мертвецу, обыскалъ его, и нашелъ два ключа. Однимъ онъ отперъ свои цѣпи, а другимъ острогъ и чрезъ минуту былъ уже на свѣжемъ воздухѣ. Заря начинала показываться и народъ бѣжалъ по улицамъ, пробираясь къ площади, гдѣ уже палачь столлъ въ красной рубашкѣ и кругомъ была разставлена стража. Скоро вся Москва узнала о побѣгѣ атамана Косолапа. Полагали, что онъ задушилъ тюремщика, чтобъ убѣжать изъ тюрмы. Косолапъ днемъ скрывался въ лѣсахъ, или во рвахъ; а ночью продолжалъ свой путь, къ знакомымъ ему лѣсамъ, гдѣ онъ оставилъ свою подругу и товарищей. Но тамъ разыгрывалась другая трагедія. Разбойники, едва только узнали о бѣдѣ, постигшей ихъ атамана — и собрались у своей берлоги. Начали съ того, что перебили всѣ свои котлы, потомъ разбили сундуки своей хозяйки и, въ первый разъ ни чѣмъ не воспользовавшись, всѣ ея драгоцѣнности бросили въ волны, при неистовомъ крикѣ: злодѣйка! плакса! ты погубила нашего батюшку, Косолапа!—Но они еще не смѣли поднять руки на подругу своего атамана и обратили всю свою свирѣпость на старика. Проклятый скоморохъ! Это ты своими пѣснями околдовалъ нашего Косолапа! Безъ тебя до сихъ поръ мы бы жили по братски въ своемъ родимомъ лѣсу! Ты всякій день, какъ неотвязный комаръ, жужжалъ намъ про Ермака! — А что намъ до него? Намъ и здѣсь было хорошо! Какая нужда намъ: Борисъ ли сидитъ на Московскомъ тронѣ, или Димитрій; у разбойниковъ нѣтъ родины, коли попался въ руки къ сыщикамъ, то и терпи, какъ умѣешь. Все равно, по чьему указу ни повѣсятъ! — Также будешь болтаться на веревкѣ, между небомъ и землею! — Давай же намъ отвѣтъ за голову атамана! — Тебѣ эта потѣха даромъ съ рукъ не сойдетъ! — Ты у насъ запоешь другую пѣсню! — Разбойники окружили старика, который однако жъ ни сколько не потерялъ присутствія духа и оправдывался какъ умѣлъ, — но голосъ его былъ заглушенъ неистовыми ругательствами, которыми со всѣхъ сторонъ его осыпали. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ было ухватить его за бороду, но старикъ попятился и ударилъ его довольно сильно кулакомъ и такъ, что тотъ пошатнулся. Шалишь, старикъ—шалишь! Завопила толпа — твое время прошло; гдѣ ужъ тебѣ драться! — Подика-ка лучше вотъ на эту скалу, да послушай, какъ поютъ черти въ черномъ омутѣ! — Его провели на скалу, онъ столлъ уже на одинъ только шагъ отъ смерти, но былъ совершенно покоенъ; ни одного вздоха, ни одного торопливаго, блуждающаго взгляда! Наконецъ, при страшномъ воплѣ, и неистовомъ хохотѣ, его столкнули въ рѣку, онъ съ размаху очутился прямо на ея песчаномъ днѣ. Оглушенный бурнымъ паденіемъ, онъ съ трудомъ могъ собрать свои чувства; руки его держались за песчаное дно, холодная вода облегла его со всѣхъ сторонъ и приподнимала къ верху. Онъ однакожъ избралъ другое средство къ спасенію; опытный пловецъ, онъ бы могъ вынырнуть и переплыть рѣку,

довольно быструю, но не широкую. Опасаясь, что недруги его замѣтятъ и проводятъ залпомъ изъ своихъ пищалей, онъ началъ ползти къ берегу по песчаному дну и, какъ скала, съ которой его столкнули, была къ нему ближе, чѣмъ противуположный берегъ, то онъ и рѣшился взять это направленіе; скоро руки его схватились за осоку, онъ выставилъ изъ воды свою сѣдую голову, и перекрестился.... На скалѣ былъ слышенъ бурный говоръ; толпа приступала къ несчастной подругѣ Косолапа и требовала новой жертвы; одинъ изъ шайки, уже накладывалъ руку на длинную ея косу, но его остановили. — «Не срамить жену атамана, а столкнуть честно! — кричали удальцы; и вслѣдъ за этимъ раздался женскій крикъ и жертва упала въ волны; луна зашла за тучу, и стало такъ темно, что злодѣи ни какъ не могли видѣть ея послѣдняго боренія; но старикъ, сидя въ осокѣ, уже поджидалъ ея. Едва она упала въ воду, онъ бросился къ ней на помощь, схватилъ ее за руку и не допустилъ погрузиться на дно. Должно было переплыть на другую сторону, чтобъ быть въ совершенной безопасности. Старикъ надѣялся на свое искусство, но боялся что лѣта и сила ему измѣнятъ, однакожъ рѣшился на отважный подвигъ и поплылъ съ своей ношей вдоль рѣки, перебивая накось; наконецъ ему удалось выбиться изъ стрежня и онъ пошелъ бродомъ до самаго берега. Лиза очувствовалась и, видя себя внѣ опасности, благодарила небо и своего избавителя. Они сѣли подъ крутой берегъ и дрожали отъ холода. Старикъ набралъ тростинку и обложилъ имъ свою сопутницу, ей стало потеплѣе, она отъ изнеможенія скоро уснула. На скалѣ раздавались пѣсни и хохотъ до самой утренней зари, наконецъ все смолкло, и одно только разнообразное плесканіе волнъ нарушало ночную тишину. Поутру Лиза рѣшилась дойти до ближайшей деревни и попросить себѣ помощи. Цѣлью всѣхъ ея желаній былъ монастырь. Она со слезами прощалась съ своимъ избавителемъ и звала его съ собою, но онъ не хотѣлъ оставить знакомой рѣки. Ему должно было, во что бы нистало, побывать на той скалѣ, съ которой онъ уже сдѣлалъ однажды опасный скачекъ. И какъ бы вы думали, за чѣмъ? — У него тамъ осталась подруга его жизни, единственный, неизмѣнный другъ, дѣлившій съ нимъ и радость и горе: балалайка. Конечно онъ могъ бы себѣ достать другую, но эта была подарена ему Ермакомъ, на память его дружбы и старикъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ нею. Мнѣ жизнь моя ни по чемъ, говорилъ онъ; эти головорѣзы не могутъ даже испугать меня. Я вѣдь не ихъ поля ягода! Я былъ правою рукою Ермака, такъ ужъ гдѣ имъ со мной тягаться! Дайте срокъ, только настанетъ ночь, я у нихъ изъподъ носу утащу мою балалайку и докажу этимъ подлецамъ, что я Соловей Будимировичъ.

Прошло нѣсколько дней и по вечерамъ уже не раздавались въ лѣсу разбойничьи пѣсни. Безъ атамана, несогласіе и распри разстроили дружескую шайку; она мало по малу разошлась на всѣ четыре стороны. Иные пошли къ Литовской границѣ, гдѣ уже самозванецъ воздвигъ свое счастливое знамя. Старикъ сдержалъ свое слово; презирая опасность, онъ однажды ночью переправился на другую сторону, въ знакомый лѣсъ и между деревьевъ крался къ той долинѣ, гдѣ прежде было ихъ сборное мѣсто. Вездѣ было тихо; не видно было пылающаго костра, не слышно было человѣческаго говора. Старикъ вышелъ на долину и сердце его забилось, какъ у юноши, передъ свиданіемъ съ своей милой.... Найду ли я мою балалайку, думалъ Будимировичъ, приближаясь къ знакомому дереву....

Если Богу угодно будетъ порадовать меня на старости лѣтъ, то толстую свѣчку его святому угоднику, Іоанну Дамаскину.... Онъ подошелъ, взглянулъ на сучекъ, и.... о радость! Вотъ она! Какъ будто ожидаетъ своего хозяина. Старикъ протянулъ руку и малодушная рука дрожала отъ радости. Но вдругъ возлѣ него раздался громкій свистъ; этотъ рѣзкій, пронзительный свистъ могъ принадлежать только одному человѣку и старикъ тотчасъ призналъ его.... «Косолапъ! Косолапъ!» Кричалъ онъ, подавая голосъ, — и вскорѣ атаманъ вышелъ на долину и старикъ бросился въ его объятія. Гдѣ же моя жена? мои товарищи? спрашивалъ Косолапъ, безпокойно озирая долину и уже предчувствуя случившееся несчастіе. Старикъ разсказалъ ему все, какъ было. Сначала сильное горе овладѣло душею Косолапа, но послѣ утѣшительная мысль, что подруга его внѣ опасности — укрѣпила его мужество. Грустно было ему однакожъ думать, что въ этомъ мірѣ, можетъ быть, онъ уже никогда не встрѣтитъ своей Лизы! При жизни раздѣленъ съ ней, какъ за гробомъ, онъ не пожметъ ея руки, не услышитъ ея голоса!... При этой мысли атаманъ плакалъ, какъ ребенокъ, а старикъ и не думалъ, утѣшать его, но прислонившись къ печальной соснѣ, онъ извлекалъ разсѣянной рукою заунывные аккорды и молча смотрѣлъ на задумчивую луну, которая медленно плыла въ высотѣ, освѣщая высокія неподвижныя вершины вѣковыхъ сосенъ.... Такъ прошла вся ночь, никто не спалъ, великолѣпное солнце взошло и вся природа оживилась. Атаману возвратилось его мужество, малодушные его слезы, вмѣстѣ съ утреннею росою, какъ будто вознеслись къ небесамъ. Онъ весело говорилъ: «Къ Литвѣ, старикъ! къ Литвѣ! Тамъ ужъ вьютъ знамена нашего Царевича. Какъ онъ обрадуется, при встрѣчѣ съ нами! Какъ милостиво простретъ онъ намъ свою царскую руку; мы облобызаемъ ее и новый огонь мужества прольется въ наши жилы! — Горе тебѣ, Годуновъ! Вскорѣ ты увидишь разницу между наемнымъ рабомъ, который для какихъ нибудь личныхъ выгодъ сражается за своего господина, — и вѣрнымъ сыномъ отчизны, который отдаетъ и жизнь, и имущество, за одно благословеніе своей родины! Онъ одинъ — сила исполинская! А взоръ его пылая мужествомъ, нагонитъ, страхъ на цѣлые полки! — Въ Литву! Въ Литву! — А ты, моя Лиза! молись за меня! Гдѣ бъ ты ни была — на землѣ или на небесахъ: — ты ни гдѣ меня не забудешь! — Старикъ любовался одушевленнымъ лицемъ своего атамана, и самъ молодѣлъ. Скоро оба они были уже на дорогѣ къ Литвѣ. Косолапъ, боясь возбудить подозрѣніе, былъ безоруженъ; а старикъ плелся за нимъ, съ мирнымъ посохомъ и съ балалайкою за спиною.

---

Годуновъ очнулся отъ своего бездѣйствія, но уже было поздно. Мнимое презрѣніе его къ бродягѣ не оправдалось счастливымъ успѣхомъ, онъ съ горестію видѣлъ всюду или мятежъ, или двуличную тишину. Сердце его, недовѣрчивое и въ дни счастія, теперь всюду предчувствовало измѣну. Слухъ о доблестяхъ Самозванца распространился по Россіи, какъ язва, губительная для Бориса. А Годуновъ, вмѣсто рѣшительныхъ мѣръ, изобрѣлъ еще одно бѣдное средство: пѣть вѣчную память убіенному Царевичу и народъ еще болѣе озлобился его лицемѣрствомъ. Давно ли, говорили граждане, при Царѣ Ѳеодорѣ онъ лишилъ Царевича Димитрія царской почести, запретивъ провозглашать его имя въ церквахъ, придравшись къ тому, что онъ не законный плодъ седьмаго брака, а теперь самъ ублажаетъ его опустѣлую могилу

фарисейскими панихидами. Второе распоряженіе также было неудачно. Борисъ велѣлъ, чтобъ и всѣ слуги патріаршіе и монастырскіе, годные для ратнаго дѣла, спѣшили къ войску. Насмѣшливый русскій умъ и здѣсь не упустилъ случая потѣшиться надъ тѣсными обстоятельствами Бориса; «эти церковные служки (говорили на площадяхъ зубоскалы) вѣроятно выдутъ на ратное поле подъ начальствомъ бѣглаго дьякона Гришки Отрепьева, о которомъ Борисъ выдавалъ намъ свои грамоты, думая, что легко обмануть народъ православный.... Грозный часъ опыта наступалъ. Нельзя было дольше медлить, Самозванецъ съ каждымъ шагомъ по русской землѣ, увеличивалъ свои мирныя завоеванія. Войско Годунова, подъ начальствомъ Князя Мстиславскаго, двинулось къ Новгородской крѣпости, которая одна противилась Лжедимитрію, уже среди страны ему подвластной. Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ-то наконецъ судьба рѣшитъ столь важную тяжбу между Борисомъ, Царемъ всей Россіи, и бѣглымъ чудовскимъ дьякономъ. Передовые посты Лжедимитрія, подъ начальствомъ Косолапа, стояли близъ Трубчевскаго, и съ нетерпѣніемъ ожидали дня роковой битвы, который былъ уже не далекъ. Нетерпѣливый Самозванецъ, избалованный безпримѣрнымъ счастіемъ, не хотѣлъ въ засадѣ выжидать непріятеля, но самъ, съ 12 тысячами сподвижниковъ, пошелъ на встрѣчу сто тысячному войску Годунова и былъ бы жестоко наказанъ за свою самонадѣянность, если бъ слѣпое счастіе не бодрствовало надъ нимъ, какъ мать надъ любимымъ своимъ дѣтищемъ. Битва была упорная. Узнавъ, что Московскіе полки подошли ночевать къ одной деревнѣ, Отрепьевъ хотѣлъ зажечь ее и въ расплохъ нагрянуть на сонныхъ. Но Московская стража замѣтила его движеніе и Князь Мстиславскій придвинулъ свое войско къ непріятелю. Лжедимитрій повелъ свою конницу долиною, чтобъ стремительнымъ нападеніемъ разрѣзать Московское войско, но опытный вождь угадалъ и это движеніе, и двинулъ правое крыло съ иноземною дружиною къ нему на встрѣчу. Самозванецъ бился какъ отчаянный, сломалъ дружину иноземную, кинулся на Московскую пѣхоту, которая стояла близъ деревни съ огнестрѣльнымъ снарядомъ и не трогалась, въ какой-то мирной дремотѣ, и вдругъ громомъ изъ сорока пушекъ и двѣнадцати тысячъ ружей огромила Разстригу: всадники его попадали и съ конями, не большее число уцѣлившихъ бѣжало, куда глаза глядятъ, нѣмцы, съ своимъ: Hilf Gott! гнали, разили бѣгущихъ и едва было не отбили знамя Лжедимитрія, съ надписью. «Съ нами Богъ, ни кто же на ны!» — Но это знамя было вѣрено надежнымъ рукамъ: Косолапъ, съ своей малочисленной дружиной, защищалъ его съ такимъ самоотверженіемъ, что наконецъ безстрашный атаманъ палъ окруженный мертвыми тѣлами, какъ огромнымъ валомъ. Видя однакожъ, что число одолѣваетъ храбрость, онъ сорвалъ знамя и спряталъ его подъ мѣдный свой нагрудникъ; и самъ израненый, упалъ на груду тѣлъ, близъ своихъ соотварищей, изъ которыхъ ни одинъ не сдался, и ни одинъ не убѣжалъ. Ночь остановила кровопролитіе; полагали что и Лжедимитрій былъ убитъ; войско Московское отошло верстъ за семь — на покойный ночлегъ, послѣ торжественной битвы, оставя долину смерти попеченію волковъ и хищныхъ птицъ. Гробовое молчаніе царствовало на той долинѣ, гдѣ за часъ предъ этимъ, рѣшалась участь Россіи и при громахъ и воплях двѣ противузаконныя власти оспоривали другъ у друга святое достояніе Мономаха. Ти-

хая полночь алмазными звѣздами съ мирной высоты озаряла ужасное позорище, груды тѣлъ бѣлѣлись, разбросанныя по долинѣ. Уже по холмамъ раздавались и злородные крики хищныхъ птицъ, и протяжный вой волковъ, дѣлившихъ бѣдные остатки людей..... Возлѣ одной груды двое раненыхъ сидѣли, опираясь на руки. Луна озаряла ихъ блѣдныя лица, на которыхъ уже былъ видѣнъ отпечатокъ приближающейся смерти. Одинъ изъ нихъ — Косолапъ, другой — пѣсенникъ Ермака, Соловей Будимировичъ. Онъ, на перекоръ своимъ лѣтамъ, не отставалъ отъ своего атамана и дѣлилъ съ нимъ всѣ опасности. И теперь, смерть, кажется, назначаетъ имъ одну могилу. Косолапъ подалъ ему руку и спросилъ: живъ ли ты, мой другъ?

*Старикъ.* Еще живъ, но совсѣмъ ужъ изнемогъ отъ раны. Мнѣ семдесятъ лѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ спорить съ желѣзомъ.

*Косолапъ.* Тебѣ обязанъ я той честью, что умираю теперь какъ воинъ, на полѣ битвы, за своего царя. Ты своими разсказами о Ермакѣ, вдохнулъ и въ меня спасительную мысль: примириться съ Богомъ и отчизной. Благодарю тебя!

*Старикъ.* Видно такъ ужъ Богу было угодно. Жаль только, что правая сторона не устояла и Царевичъ разнапа голову!

*Косолапъ.* Моя совѣсть покойна. Я бился на смерть! Вся дружина моя легла на полѣ чести, но намъ измѣнили наемники.

*Старикъ.* А какъ увѣренъ былъ въ нихъ Царевичъ!

*Косолапъ.* Какой ужъ тотъ воинъ, кто продалъ себя за деньги. Мнѣ всегда были противны эти шумливые твари. Какое хвастовство! Въ пріятельскихъ пирушкахъ порядочный человѣкъ не будетъ выказывать своей смѣлости: а имъ тутъ-то и раздолье! — поглаживаютъ усы, да отбиваютъ пяткали. . . нѣтъ далеко имъ до русской твердости, какъ кулику до Петрова дня! —

*Старикъ.* Луна вышла изъ тучи и озарила твое лице... Какъ ты блѣденъ!.. Нѣтъ, ужъ и тебѣ не встать!... Помнишь ли ты одну пѣсню?

*Косолапъ.* Какую?...

Старикъ взялъ свою балалайку, висѣвшую у него за спиной, извлекъ окровавленными перстами, нѣсколько заунывныхъ аккордовъ и началъ тихимъ прерывающимся голосомъ:

«Припекастъ свои раны кровавыя.
Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкій лукъ,
А въ ногахъ его стоитъ добрый конь.
Онъ, кончаясь, говоритъ коню,
Какъ умру я мой добрый конь,
Ты зарой мое тѣло бѣлое,
Среди поля, среди чистаго,
Побѣги потомъ... во святую русь...
Поклонись... моимъ отцу и матери...

Голосъ старика слабѣлъ, замиралъ и вдругъ умолкъ... «Что же ты не докончилъ пѣсни? — Товарищъ! Товарищъ!...» Звалъ его Косолапъ, но товарищъ его спалъ ужъ вѣчнымъ сномъ, въ оцѣпенѣлой рукѣ держа свою неизмѣнную балалайку... Косолапъ подползъ къ нему, долго смотрѣлъ на его мертвый ликъ, на которомъ было замѣтно — не смертное страданіе, но тихое спокойствіе вожделеннаго сна; только по кровавымъ пятнамъ, запекшимся на его сѣдой бородѣ, можно было догадаться, что пѣвецъ умеръ ратной смертью. Косолапъ перекрестилъ мертвеца и молвилъ: съ пѣснями жилъ, съ пѣснями и умеръ! кажется, и моя смерть ужъ недалеко... встрѣтимъ же ее молитвой... можетъ быть она несетъ мнѣ благословеніе Божіе... Другъ мой! молишься ли ты теперь за меня?... Бодрствуй! молись!... Часъ послѣдній мой настаетъ... меня призываютъ на страшный судъ... Самозванецъ, оставленный своими приверженцами, не смѣлъ, но не извѣст-

нымъ мѣстамъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ его врагами, пробраться далѣе и рѣшился провести всю ночь въ полѣ, въ лѣсу, возлѣ котораго происходила несчастная битва. Онъ услышалъ въ дали послѣднюю пѣсню старика, походившую на стонъ раненаго, этотъ голосъ былъ какъ бы знакомъ ему и онъ тихо подошелъ къ той грудѣ мертвыхъ, гдѣ лежалъ Косолапъ... но знакомый голосъ ужъ умолкъ; а луна выглянула изъ тучъ и онъ узналъ старика...

Бѣдный скоморохъ! воскликнулъ Отрепьевъ; Косолапъ вздрогнулъ, услыша голосъ своего мнимаго-царевича, и приподнялъ голову; но тотъ не замѣчалъ его, продолжалъ:

Мнѣ слышится еще чей-то стонъ?... Кто нибудь еще умираетъ! Смерть теперь бродитъ по этимъ долинамъ и добиваетъ мертвыхъ, а голодные волки стаей ее преслѣдуютъ, ожидая со стола ея подачи!... Какъ, однакожъ, страшны оцѣпенѣлые лики этихъ мертвецовъ? Какъ жалка ихъ бѣдная участь! Я покрайней мѣрѣ гибну за самаго себя, а эти глупцы за кого погибли?

Изумленный Косолапъ слушалъ надгробную рѣчь и едва переводилъ дыханіе...

Что еслибъ они узнали, (продолжалъ самозванецъ) за кого они пролили свою кровь? Оставили на сиротство своихъ женъ и дѣтей!... Григорій Отрепьевъ, бѣглый разстрига заставилъ ихъ плясать подъ свою дудку!... Ха, ха, ха! — Какъ глупы эти люди! — О чемъ они хлопотали? Вотъ ужъ въ чужомъ пиру похмѣлье!

«Предатель! разстрига! Сюда! закричалъ ему Косолапъ, приподнявшись на ноги. Такъ вотъ ты чѣмъ платишь намъ за нашу кровь! Мало того, что ты столько честныхъ людей заставилъ взять сторону гнуснаго обманщика,—ты еще смѣешься надъ своими жертвами, какъ будто ты ни когда не встрѣтишься съ нами за гробомъ!

Косолапъ снова обезсилѣлъ и упалъ на землю, а Отрепьевъ, удивленный нечаянной встрѣчей, стоялъ молча, ожидая новыхъ упрековъ; но гнѣвъ Косолапа взялъ другое направленіе; ему снова возвратилось могильное спокойствіе, онъ вынулъ сохраненное знамя и бросилъ его Самозванцу.

«Возьми, презрѣнный бродяга, свое узорочное лохмотье; — оно тебѣ пригодится!—Иди своей дорогой, до поры до времяни — но знай: отольются волку овечьи слезы! — Не говори мнѣ ни-слова! Все кончено между нами!—Я умираю за тебя, какъ собака за хозяина; но собака чувствуетъ благодарную привязанность къ своему хозяину, а ты отравилъ мои послѣдніе часы и я тебя прошу объ одной только милости: оставь меня! удались! твое присутствіе возмущаетъ мою грѣшную душу; изъ воина я снова становлюсь свирѣпымъ разбойникомъ и сожалѣю только о томъ, что раны мои не позволяютъ мнѣ задушить тебя въ желѣзныхъ моихъ когтяхъ! — Прочь! долой съ глазъ моихъ! Я хочу умереть покойно! —

Отрепьевъ не хотѣлъ нарушить послѣдняго желанія Косолапа и сожалѣя о своемъ неумышленномъ признаніи, удалился отъ бѣдной груды мертвецовъ, оставя Косолапа въ послѣдней борьбѣ со смертію...

Неумолимая судьба уже начала преслѣдовать Косолапа и въ его предсмертные часы, съ адскимъ хохотомъ, озаряла его свѣтомъ пустыни. Изъ воина, умирающаго за отчизну, онъ сталъ жалкимъ сообщникомъ того бродяги, который самъ паругался надъ нимъ и на краю гроба смутилъ его отлетающую душу. Косолапъ ждалъ смерти, изнывая въ страданіяхъ, но она всю ночь, казалось, бродила возлѣ него, а не являлась на зовъ страдальца. Занялась на небѣ заря и онъ услышалъ церковный благовѣстъ... онъ взглянулъ въ ту сторону, отъ куда долеталъ къ нему вѣстникъ молит-

вы и на горѣ началъ отличать бѣлѣющееся зданіе... это долженъ быть монастырь!... Силы его оживились и онъ поплелся къ высокой горѣ, опираясь на обломокъ копья; уже ясно ему было видно зданіе... Косолапъ спѣшилъ, но силы ему измѣняли. Тяжелыя ноги едва передвигались. Изъ глубокихъ ранъ его вытекала послѣдняя кровь и слѣдъ его алѣлся по осенней травѣ. Наконецъ онъ достигнулъ подошвы горы, и прилегъ, въ изнеможеніи. Рѣзкій звукъ колокола потрясалъ его слабѣлыя нервы, онъ съ каждымъ ударомъ, невольно вздрагивалъ. «Время дорого! Спасеніе мое не далеко... поспѣшимъ, удвоимъ наше рвеніе...» И онъ снова потащился на гору. Ноги его скользили по камнямъ, онъ иногда невольно подавался назадъ, хватаясь за кустарникъ и испытывалъ адскія мученія. Запекшіяся раны, касаясь острыхъ каменьевъ, снова растворялись, внутри ихъ пылалъ мучительный огонь. Бредъ горячки началъ овладѣвать страдальцемъ, онъ, съ ужасомъ озирая подъ собой глубокій оврагъ, видѣлъ въ немъ что-то страшное, не земное... Кто-то холодными когтями хватался ему за ноги и съ хохотомъ увлекалъ его въ низъ... Но снова самопознаніе ему возвращалось, онъ влекся къ святому монастырю, какъ къ мирной и послѣдней своей пристани... Наконецъ вотъ онъ у-ворота, и сильно ударивъ въ кольцо, припалъ къ землѣ, почти безъ чувствъ... Ворота отворились; одна молодая послушница выглянула и съ воплемъ бросилась на помощь къ Косолапу... Прежде онъ узналъ бы этотъ голосъ, но теперь мстительный рокъ отказалъ ему въ послѣднемъ утѣшеніи. Тщетно Лиза звала его, обнимала, цѣловала его руки,—онъ безсмысленно смотрѣлъ, не признавая своего друга. Судьба при жизни поставила между ними неодолимую преграду. Взгляни, шепталъ онъ, взгляни—цѣлый лѣсъ стоитъ смирно, а эта проклятая сосна, на которой я вѣшалъ мой кистень не хочетъ отъ меня отвязаться! Всюду преслѣдуетъ меня, киваетъ мнѣ своей вершиной и нашептываетъ какія-то страшныя мысли!... Слышишь—она хохочетъ!... Что это? ни гдѣ нѣтъ спокойствія, — вездѣ смертельная тоска! Дайте мнѣ крови, я пить хочу! — Я весь сгорѣлъ!.... Крови!.... Крови!.... А это что?... Отверзается могила... выходитъ младенецъ..... какъ онъ страшно улыбается!.... Вотъ Московскій Кремль отгрянулъ ему колоколами.... народъ закипѣлъ, какъ муравейникъ.... кто это смотритъ на меня изъ-за плеча? — съ козлиной бородой? съ рогами!.... мнѣ холодно.... холодно.... я кругомъ обложенъ мертвецами!... Взгляни — вездѣ кровь!.., Вездѣ вопли!... гроба!... А это кто, въ дурацкомъ колпакѣ?... При звукѣ бубенъ, подъ вопли раненыхъ, и по колѣно въ крови — онъ пляшетъ въ присядку!...»

Игуменья вышла за ворота и съ ужасомъ увидѣла раненаго воина въ объятіяхъ своей послушницы. Что это такое? вскрикнула она; съ кѣмъ ты здѣсь, дочь моя? Кто этотъ несчастный? твой родственникъ?

«Это мужъ мой, отвѣчала Лиза вполголоса.»

«Мужъ!... Развѣ долженъ быть у тебя мужъ?.. Иди въ свою келью, ты сама незнаешь, что говоришь. Лиза повиновалась.»

Игуменья была престарѣлая, богомольная женщина. Всѣ уважали правоту души ея и даже любили ее, не смотря на ея наружную строгость. Между тѣмъ всѣ толпились близъ Косолапа, котораго монастырскіе служки перенесли на на широкій дворъ и положили на травѣ. Бредъ горячки до конца не оставлялъ его. Безобразныя видѣнія толпились у его изголовья; то иногда онъ отвѣчалъ имъ громкимъ хохотомъ, то, стиснувъ кулакъ, грозилъ имъ.... Предъ смертію

онъ замѣтно сталъ притихать; наконецъ замолчалъ и только изрѣдка изъ устъ его вырывались какія-то нелѣпыя слова. Ни одного прекраснаго воспоминанія не пробудилось въ его душѣ, оставляющей землю. Ни одной прощальной молитвы не пролепеталъ его нѣмѣющій языкъ; онъ погасъ въ совершенномъ разстройствѣ души, смерть наконецъ, какъ будто изъ состраданія, погасила смрадный свѣтильникъ его жизни.....

Бѣдный трупъ его, обвили савановъ, положили въ гробъ и поставили на ночь подъ сводами угрюмаго монастыря. Игуменья позвала къ себѣ провинившуюся послушницу, которая съ трепетомъ вошла и ожидала рѣшенія своей судьбы....

«Монастырь есть Святое мѣсто, куда приходятъ спасать свою душу отъ соблазновъ міра. Я вижу, что ты съ другой цѣлью навѣстила насъ; тебѣ, можетъ быть, недоставало пропитанія; ты не хотѣла трудами рукъ своихъ снискивать честный хлѣбъ, и потому рѣшилась укрыться въ монастырь, гдѣ поютъ и ѣдятъ даромъ, безъ труда.. Но ты ошиблась! Я не потерплю этого!» -Игуменья грозно взглянула на Лизу, но блѣдное, разстроенное ея лице возбудило въ ней нѣкоторое состраданіе, она продолжала, уже не столь суровымъ голосомъ:

Ты при всѣхъ, забывши свой обѣтъ и уваженіе ко мнѣ, отвѣчала: это мой мужъ! Поняла ли ты, легкомысленная, все неприличіе этого слова? ты посвятила себя Богу, отреклась для Него, и Его Святымъ Имянемъ, отъ земли,— ты давно ужъ умерла для родства и дружбы.... Не плачь! Я тебѣ даю урокъ ради спасенія твоей души.... ты еще молода, мірской искуситель еще тебя не покинулъ.... а я ужъ сорокъ лѣтъ въ монастырѣ... слушайся меня, я тебѣ зла не желаю.... Перестань плакать! говорила игуменья, постепенно смягчая свой голосъ, и раздѣляя сердцемъ печаль своей дочери, она мысленно ужъ винила себѣ въ излишней строгости, но, не желая выказать своего чувства, однѣми ласками старалась ободрить подсудимую. Приди ко мнѣ, дочь моя, ободрись! я знаю, что ты сирота безпріютная; мнѣ жаль тебя, неужели ты думаешь, что у меня каменное сердце? не должно намъ, посвятившимъ себя Небу, забывать своего долга. Не плачь!... успокойся!...

Лиза, видя ея состраданіе, цѣловала ея сухія руки и снова оживала стѣсненною душою.

Я, какъ духовная мать твоя, должна наложить на тебя покаяніе. Приготовься нынѣшней ночью читать псалтырь надъ покойникомъ, но помни мой совѣтъ, мою къ тебѣ просьбу,— если ты хочешь загладить свой грѣхъ, то отжени отъ себя всѣ земные помыслы; да ни одно воспоминаніе о минувшемъ, не смутитъ твоего чтенія.. Прощай, дочь моя! — Вотъ тебѣ мое благословеніе!—Иди съ миромъ! и молись, да невпадеши въ напасть.

Игуменья сама ввела ее въ монастырскую церковь, посреди которой стоялъ гробъ; ободрила ее, еще разъ повторила свои наставленія, потомъ сдѣлавъ три поклона до земли,— удалилась въ свою келью.

Лиза осталась одна. Слабый свѣтъ лампады освѣщалъ огромное зданіе, смерть, казалось, наполняла своимъ присутствіемъ всѣ его мрачные своды. Скоро голосъ монахини, однообразно раздался въ пустотѣ.... Слѣдуя совѣту своей духовной матери, Лиза удалила отъ себя все, что могло отвлечь ее; она не глядѣла на печальный гробъ, но пристально смотрѣла въ священную книгу, старалась душею углубляться въ каждое слово, въ каждую божественную мысль тѣхъ великихъ людей, которые изъ глубины отшельническаго уединенія завѣщали людямъ вѣковыя

истины, столь утѣшительныя для несчастныхъ. Такъ прошла половина ночи, твердость души юной отшельницы снова начала колебаться, подъ бременемъ тяжелаго испытанія. Воспоминаніе, какъ нѣжный, заботливый другъ, предстало къ ней, и тихо, нашептывало ей о давно минувшихъ радостяхъ. Голосъ ея прерывался и скоро совсѣмъ замолчалъ; склоня голову на руку, она стояла задумчиво, погруженная въ тяжкую грусть. То вспоминала она свою добрую мать, ея ласки, ея надежды на близкое счастье своей дочери; то, казалось, добродушный отецъ трепалъ ее по щекѣ, не отказывая ей ни въ чемъ, какъ любимицѣ своей души. Скоро мысль перенеслась и къ другой эпохѣ жизни, когда въ сердцѣ ея пробудилось лучшее чувство нашего бѣднаго земнаго существованія: любовь. Она живо припоминала тосчастливое время, когда страстно любимый юноша предупреждалъ всѣ ея желанія; когда въ одномъ его взглядѣ, въ одномъ словѣ обрѣтала она блаженство — выше всѣхъ земныхъ сокровищь... Глаза ея невольно обратились къ безмолвному гробу.... вотъ тотъ, кого она любила такъ страстно; кому жертвовала она всѣмъ, чѣмъ только можно жертвовать на землѣ. Онъ теперь въ трехъ шагахъ отъ нея, но ужъ вѣчность стала между ними, съ ея безнадежной разлукой. Неужели, думала Лиза, мнѣ не должно съ нимъ проститься? Его скоро засыплютъ холодною землею, а я и не взгляну въ послѣдній разъ на милыя его черты?... Неужели это великій грѣхъ предъ милосердымъ Богомъ? Не самъ ли онъ соединилъ нашу судьбу, указалъ намъ итти вмѣстѣ по терновому пути жизни? За что же теперь Онъ лишитъ меня бѣдной моей отрады, отдать моему другу послѣднее цѣлованіе?.... Мнѣ ли навсегда разстаться съ нимъ, не взглянувъ на него? Какъ онъ любилъ меня! Какъ увѣренъ онъ былъ, что бѣдная молитва моя за него, дойдетъ къ престолу нашего Судіи.... Лиза горько плакала, глядя на гробъ и, казалось, ей изъ-подъ савана кто-то говорилъ: «Не покидай меня, моя Лиза! Я прощусь съ тобой не такъ какъ съ молодой женой, но какъ съ вѣрнымъ другомъ, моимъ благодѣтелемъ! Я тогда упаду къ ногамъ твоимъ и оболью ихъ благодарными слезами!...» Этотъ знакомый голосъ взялъ ее къ гробу, она подошла, — едва дышала — сердце ея сильно билось — ноги дрожали — и вотъ рука ея простерлась къ савану.... вдругъ въ далп послышался шорохъ шаговъ, — Лиза бросилась отъ гроба, схватила псалтырь и не могла прочесть ни одного слова, — голова ея кружилась, и — казалось ей — своды на нея падали... пурпурная занавѣса опустилась на ея неподвижныя очи и все зданіе какъ будто пылало, при громѣ и землетрясеніи.... Она склонила голову на псалтырь и погрузилась въ самозабвеніе, — между тѣмъ утренняя заря уже начинала розовыми лучами бродить по великолѣпному золотому Иконостасу, свѣжій, живительный вѣтерокъ повѣялъ въ растворенныя рѣшетчатыя окна; Лиза очнулась, въ церкви ни кого еще не было; она снова принялась за чтеніе, скоро настоятельница явилась на благовѣстъ къ заутрени. Она милостиво подошла къ своей послушницѣ, благословила ее — и сказала тихо: я довольна тобой. Но чтобъ и тѣни грѣха не было на твоей душѣ — приказываю тебѣ исполнить послѣднее мое слово: когда отпоютъ вѣчную память и всѣ, слѣдуя христіанскому обыкновенію, подойдутъ проститься съ мертвецомъ, ты одна должна остаться на своемъ мѣстѣ.

Началась обѣдня, а за ней панихида. Вскорѣ раздались надгробные напѣвы и трогательнѣйшій изъ нихъ: пріидите братія! Всѣ медленно подвинулись къ мертвецу, и тѣ, которые

при жизни ни гдѣ даже невстрѣчались съ нимъ и были совершенно ему чужды — равнодушно цѣловали холодное его чело; а та, для которой онъ жилъ, съ кѣмъ дѣлилъ онъ всѣ радости и все горе, — стояла по одаль, не смѣя даже взглянуть на него.... Игуменья не сводила очей съ молодой бѣлицы. Лиза едва дышала, глаза ея были устремлены на иконостасъ, хотя душа ея, въ эту минуту, была чужда молитвы. Она стояла неподвижно, безъ думъ, безъ соображеній. Горе стѣснило всѣ способности ея души и превратило ее въ надгробную статую. А подруги ея любопытно смотрѣли на страдалицу, замѣчали каждую черту на ея блѣдномъ лицѣ, каждое ея движеніе; онѣ ждали чѣмъ это все кончится; не ужъ-то она все вынесетъ? Она или упадетъ безъ чувствъ, или по крайней мѣрѣ хоть зарыдаетъ!» Но ни того ни другаго не было. Только по смертной блѣдности ея лица, игуменья догадалась, какъ тяжело было для нея это мгновеніе и сжалилась надъ нею. Гробъ уже хотѣли заколачивать, но она дала знакъ помедлить, — и сама пошла къ Лизѣ. Приближаясь къ ней, участіе ея возросло и старуха сколько ни силилась скрыть душевное волненіе, но не могла, она въ первый разъ измѣнила себѣ и голосъ ея задрожалъ, когда она сказала Лизѣ: подойди — простись!» — При этомъ неожиданномъ словѣ, силы измѣнили бѣдной Лизѣ, она приклонилась къ стѣнѣ и долго съ опущенною головою, стояла молча; подруги окружили ея и повторяли: тебѣ позволено проститься! Развѣ ты не слыхала? Что же ты медлишь? Скоро гробъ заколотятъ! — При этомъ словѣ Лиза очнулась — и пошла неровнымъ шагомъ, какъ больной, въ первый разъ испытывающій свои силы, послѣ тяжелой болѣзни. Лиза медленно склонилась къ мертвецу и пристально всматривалась въ знакомыя черты. она молча поцѣловала его и горячія слезы скатились на ледяное чело мертвеца.... ее взяли подъ руки — и отвели въ сторону. Скоро новая могила зачернѣлась въ оградѣ монастырской и всѣ разошлись по своимъ кельямъ.

Игуменья сидѣла въ своей свѣтлицѣ, задумчиво перебирая четки; Лиза вошла и бросилась къ ея ногамъ. Игуменья долго не могла понять ни одного ея слова; такъ торопливо, такъ не связно она лепетала сквозь слезы и рыданія. Она цѣловала ея руки, ноги, изъявляя ей свою благодарность, за послѣднее ея слово: подойди — простись!» — Эта неожиданная милость превзошла всѣ ея надежды и она въ своемъ восторгѣ, походила то на ребенка, то на сумасшедшую. Инокиня, разумѣется, забросала ее совѣтами, да нельзя же было требовать чтобъ семидесяти-лѣтнее сердце раздѣляло вполнѣ горячку юной души. Иногда несчастный впадаетъ въ странное чувство; преслѣдуемый судьбою, обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, онъ совершенно отдѣляетъ себя отъ людей; даже самолюбіе его оставляетъ, онъ уже не смѣетъ мечтать о другѣ, объ утѣшеніи и находитъ странное наслажденіе въ уничиженіи самого себя. Онъ бродитъ въ толпѣ людей, какъ нищій, какъ сирота; и если въ это мгновеніе кто нибудь мимоходомъ броситъ на него взоръ сожалѣнія, или ободритъ его однимъ ласковымъ словомъ, — то несчастный считаетъ это милостію свыше; въ смѣшномъ, въ дѣтскомъ восторгѣ онъ бросается къ ногамъ своего мимаго благодѣтеля и, самъ не зная за что, цѣлуетъ ноги своего ближняго....

Инокини всегда замѣчали на новой могилѣ какой-нибудь цвѣтокъ, бережно прикрытый травою. Одна только Игуменья, слабыми своими глазами, не могла разсмотрѣть его. Но доносчи

ковъ не было; у каждой отшельницы была своя завѣтная печаль, — такъ мудрено ли, что онѣ умѣли цѣнить чужое горе? — Прошли десятки лѣтъ, много совершилось перемѣнъ на святой Руси, — погибъ родъ Годуновыхъ и память Самозванца пронеслась съ шумомъ. Ужъ и надменные Ляхи были выгнаны изъ Москвы и новый Царь правозглашенъ Русскимъ народомъ, — а на могилѣ разбойника, все еще каждой весною алѣли разсыпанные цвѣты.... Въ мірѣ было одно существо, которое сохраняло его память. Несчастные, почти всегда, долговѣчны на землѣ.

**Д. СТРУЙСКІЙ.**



# СТИХОТВОРЕНІЯ

## И

# КУПЛЕТЫ.

### СНЫ.

Illusion! fatale amie,
Qu'il est divin, ton court sommeil!

*Jean Polonius.*

So hat in Träumen mich umschwebt
Das göttergleiche Ideal!

*J. Casper.*

Люблю я въ сумракѣ ночномъ
Мои живыя сновидѣнья!
Когда надъ пасмурнымъ челомъ
Они сплетаются вѣнкомъ,
Рукою нѣги и забвенья!

Красою дивною полны,
Богаты тайными дарами,
Свѣтлѣй небесъ, живѣй волны,
Подъ вдохновеніемъ луны,
Они слетаются роями:

Вотъ заредѣла ночи мгла,
Все заблистало, заиграло,
И туча съ неба уплыла,
И вся природа ожила,
Стряхнувши тлѣнья покрывало.

И вотъ крылатымъ легіономъ
Несется призракъ вдалекѣ,
Сопровожденный лирнымъ звономъ,
Какъ Серафимъ предъ вѣчнымъ тропомъ,
Съ волшебной арфою въ рукѣ.

Вѣнцемъ трехзвѣздным озаренъ,
Ты ль это, мнѣ знакомый, геній?
Я понялъ арфы дивный звонъ:
Какъ сладко въ душу льется онъ,
Потокомъ звучныхъ вдохновеній!

Затьми же спутниковъ собой!
Пускай умолкнутъ ихъ напѣвы!
Спахни свой отблескъ неземной
И облекись передо мной
Въ земную прелесть юной дѣвы!

Ты мнѣ послушенъ: вотъ она
Моя мечтательныя дѣва!
Какъ чаша лиліи — бѣлна,
Какъ облакъ мысліа — томна,
И обольстительна, какъ Эва!

Алѣютъ розаны ланить,
Уста пылаютъ, сердце бьется,
Слезою нѣги взоръ блеститъ,
Струею локонъ съ плечъ бѣжитъ
И въ кудри змѣйчатыя вьется.

Ея эѳирной красотой
Я безотчетно околдованъ,
Очьми къ очамъ ея прикованъ,
И сверхъестественной мечтой
И упоенъ, и очарованъ!...

—

Дивна битва чувствъ и слова,
Въ обаяніи чудесъ;
И душа пахнуть готова,
То порывами земнаго,
То напѣемъ небесъ.

Нетерпѣньемъ бьются жилы,
Упоеньемъ рвется грудь,
И порывомъ тайной силы
Я весь — въ объятьяхъ милой
Въ нѣгѣ млѣнья утонуть.

Но ударъ... и мигомъ ока
Разлетѣлся чудный сонъ!
И, подъ мощной дланью рока,
Надъ пучиной одинокой
Я испугомъ пробужденъ.

Такъ и жизнь намъ льетъ надежды
Изъ таинственныхъ утробъ:
Къ нимъ летятъ слѣпцы—невѣжды...
Вотъ коснулись:—вскрылись вѣжды,
Что жъ подъ радугой одежды?
Тлѣнье, прахъ и вскрытый гробъ.

Ѳ. Конн.

=

## ДВѢ СЛЕЗЫ.

Тихо вѣялъ вѣтръ игривый
На Эдемскія поля,
И покоилась лѣниво,
Въ красотѣ своей стыдливой,
Первобытная земля.
Чудной нѣгой все дышало,
Славословило Творца,
И чего-то ожидало
Для земнаго первенца.
Только онъ одинъ, угрюмой,
Въ райскихъ пажитяхъ блуждалъ
И волнуемъ тайной думой,
Безотчетно тосковалъ.
Вдругъ, мечтами утомленный,
Палъ на лугъ цвѣтущій онъ
И объялъ его мгновенно
Сладострастно-тихій сонъ.
Долго спалъ онъ; вотъ проснулся
Передъ нимъ стоитъ жена,
Онъ къ устамъ ея коснулся,
И припала вмигъ она.
И слились они душею
Влажны, томны ихъ глаза,
И невольно той порою
Заблистала въ нихъ слеза...

Мнѣ зрится, мнѣ зрится другое мгновенье
И страшно, и больно, и холодно мнѣ,
И волосы дыбомъ, и въ сердцѣ томленье,
Какъ въ ночь при зловѣщемъ, пугающемъ снѣ.
Смѣнился видъ чудный — свинцовыя тучи
Впервые на небо грядой налегли,
И громъ оглушительный, съ молніей жгучей,
Впервые пронесся надъ твердью земли.
Природа уныла: лишь молньи сверкаютъ,
Затмилося солнце, природы краса,
Лишь буйные вѣтры по волѣ гуляютъ,
Съ укоромъ на землю глядятъ небеса.
Все мрачно... свершилось, увы! преступленье!
Ужасно наказанъ за грѣхъ человѣкъ!
И жители райскіе Ангеломъ мщенья
Изъ родины изгнаны дивной на вѣкъ!
И горько, и больно изгнанникамъ бѣднымъ
Подернулись влагой страдальцевъ глаза,
И вновь по ланитамъ, изсохшимъ и блѣднымъ,
Скатилась украдкой вторая слеза.

И съ тѣхъ поръ когда отрада
Насъ нежданно посѣтитъ,
И запретная награда
Насъ согрѣетъ, оживитъ—
Въ это чудное мгновенье
Какъ вольнѣе намъ дышать!
Мы въ залогъ за наслажденье,
За любовь и умиленье,
Ради вѣчность запродать!
Какъ восторгомъ затуманитъ
Чувство счастія глаза, —
Въ эту пору только канетъ
Первобытная слеза.
Но когда, съ упавшимъ духомъ,
Въ одиночествѣ порой,
Мы внимаемъ чуткимъ слухомъ
Гласу скорби роковой;
Какъ на сердцѣ, словно камень,
Грусть тяжелая лежитъ
И завѣтный, чудный пламень
Загашая, холодитъ;
Въ часъ безсонной, долгой ночи
Мы бесѣдуемъ съ собой; —
И кропятся мигомъ очи
Ѣдкой, жгучою слезой:
Та слеза тлетворнымъ ядомъ
Въ сердце быстро потечетъ,
И безвѣріемъ, и хладомъ,
Какъ отравой, обольетъ.

Д. Сушковъ.

=

## ЗИМА.

*Сельская картина.*

На обнаженныя вершины,
На злакъ развѣнчанныхъ долинъ,
Зимы суровой властелинъ
Нагналъ волнистыя рябины;
Задернулъ тучей небеса —
И вѣчно-шумные лѣса
Одѣлъ въ маститыя сѣдины;
На усыпленныя поля
Накинулъ саванъ погребальный:
И скинула уборъ вѣнчальный
Осиротѣлая земля!
Въ вѣнцѣ изъ тучь, въ туманной ткани,

И въ небеса вперяя взоръ,
Какъ заповѣданныя грани
Бѣлѣются вершины горъ.
Когдажъ ложится тьма ночная
И зимній вечеръ настаетъ,
То поселянка молодая
Пѣснь заунывную поетъ;
И слышны въ пѣсняхъ юной дѣвы:
Преданья грозныя войны,
То сердца стройные напѣвы,
То отголосокъ старины.
На посидѣлкахъ съ балалайкой
Солдатъ, раздолье давъ уму,
Сѣется съ молодой хозяйкой
И хвалитъ въ запуски зиму.

А. Башиловъ.

=

## РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ты не пой соловей
На ракитѣ густой;
Сладкой дроби не лей
Голосокъ заливной!

Не гляди по ночамъ
Ко мнѣ мѣсяцъ въ окно,
Не буди молодца
На свиданье итти!

Подъ ракитой густой
Больше мнѣ не сидѣть
И при блѣскѣ луны
Въ очи ей не глядѣть!

Намъ подъ пѣснь соловья
Сладкихъ слезъ ужъ не лить
И въ безмолвьи ночномъ
Не вздыхать, не любить!

Мой жилецъ не земной,
Онъ, какъ Божья роса,
Разлучился со мной,
Улетѣлъ въ небеса!

Все ракита стоитъ,
Льется мѣсяца свѣтъ,
Соловей мой свиститъ,
Только дѣвицы нѣтъ!

О! Не пой соловей
На ракитѣ густой!
Не свѣти мнѣ съ небесъ
Мѣсяцъ мой молодой!

М. Воскресенскій.

=

## НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Подслушанная *природнымъ* поэтомъ *Парижанинымъ*.

Про тебя ль это, красна дѣвица,
Рѣчь не добрая да не хорошая,
Что сгубила ты добра молодца,
Что не зельями, не кореньями,
Что сгубила ты красотой своей:
Черныхъ очекомъ съ поволокою,
Грудью бѣлою, лебединою,
Станомъ, поступью, что ль павлиною!
«Люди добрые, льзя-ли вѣру нять,
Что сгубила я добра молодца?
Ахъ! не я, не я, а головушка,
Голова моя, молодецкая,
Моя волюшка безъ отецкая,
Зелено вино, да брага пьяная
Загубили добра молодца!
Не краса моя, не румяная!»

=

## КУПЛЕТЫ.

1.

Вся наша жизнь — колода картъ;
Слѣпое счастье ихъ тасуетъ,
Иному въ помощь и азартъ,
Другой — съ игрой; а вѣкъ пасуетъ!
Одинъ — будь сказано не въ гнѣвъ —
Все въ гору лѣзетъ — черезъ *горку*;
Другой четверкой пикъ, иль трефъ
Завелъ лошадочекъ четверку!
Къ иному — ходитъ ералашъ,
Другаго — *короли* не любятъ...
А пуще всѣхъ игра — марьяжъ —
Ахъ, какъ въ ней часто *дамы* губятъ!

2.

Найтъ Климъ породой очень малъ,
Про это кто жъ у насъ не знаетъ?
Онъ прежде пыль съ столовъ сметалъ,
А нынче пыль въ глаза пускаетъ?
Сберегъ онъ даже то крыло,
Чѣмъ обметалъ столы, безъ скуки,
И такъ какъ Климу повезло,
Онъ перья дергаетъ по штукѣ,
Ихъ чинитъ, пишитъ ими вздоръ..
Свѣтъ въ Климѣ многое теряетъ:
Крыломъ — онъ чистилъ всякой соръ,
Перомъ — онъ чистое мараетъ!

3.

Какъ Зефиреткина больна,
Къ ней ѣздитъ докторъ въ день два раза,
И говорятъ всѣ, что она
Занемогла съ дурнаго глаза...
У Зефиреткиной супругъ
Имѣетъ глазъ одинъ стеклянный,
Не отъ неголь ужь и недугъ?
Не онъ ли зглазилъ окаянный?
Для стариковъ всѣхъ дорога
Жена — красотка молодая;
Спросите — скажутъ вамъ вздыхая:
«*Для стариковъ всѣхъ-до-рога!*»

**М. Воскресенскій.**

=

## ЭПИГРАММЫ И ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

I.

### ЗНАМЕНИТОМУ ПИСАТЕЛЮ.

Напрасно называешь
Писателемъ себя!
Я это докажу: бумагу ты *марaешь*,
Бумага въ свой чередъ *марaетъ* и тебя.

II.

### СМѢХЪ и СЛЕЗЫ.

Смотря комедію Дудулькинъ вѣчно плачетъ,
Трагедію смотря, смѣется вѣчно онъ.
Всѣмъ чудно кажется,.. а это просто значитъ—
Какъ *эхалокъ* смѣхъ его, какъ плачь его *смѣшонъ*!

III.

### ДУРАКЪ и УМНЫЙ.

Въ бесѣдѣ дружеской и шумной
Всегда молчитъ чудакъ Парменъ:
Онъ очень *глупъ*, когда онъ *умный*,
А если *глупъ*-такъ онъ *уменъ*.

**Ѳ. Копи.**

IV.

### НА ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

*Ромео и Юліи* — Шекспира, переведенной съ Французскаго.

Вотъ *Ромео* вамъ разборъ:
Изъ себя нашъ трагикъ вышелъ,
Изъ терпѣнья зритель вышелъ,
Переводчикъ въ ложу вышелъ,
А изъ пьесы вышелъ вздоръ!

**А. Писаревъ.**

V.

### УМЪ и ДЕНЬГИ.

Съ умомъ богатство рѣдко дружны,
Но оба въ свой чередъ пригодны для услугъ:
Я умнаго люблю, когда мнѣ нуженъ другъ,
А богача, — когда мнѣ деньги нужны.

VI.

### ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Кто дѣлать лишь добро старался цѣлый вѣкъ;
Въ несчастіи былъ твердъ, а въ счастьи не гордится,
Тотъ истинно *великій человѣкъ*,
Хоть бы и въ наборъ рекрутскій не годился.

**А Писаревъ.**

VII.

### ПЕРВЫЙ и ПОСЛѢДНІЙ ПЛАЧЪ.

Ты плакалъ, другъ, на свѣтъ родясь,
А окружавшіе смѣялись:
Живи, чтобъ умеръ ты-смѣясь,
А всѣ кругомъ-въ слезахъ остались.

**Ѳ. Копи.**

# ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

# ДОНА-ЖУАНА.

### АРТИСТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ

## *Гофмана.*

Оглушающій шумъ, многократныя восклицанія: *піеса начинается!* пробудили меня отъ сладостнаго сна. Вслушиваюсь: оркестръ строится, гудятъ басы, — вдругъ грянули литавры, трубы взяли дружный аккордъ, протяжное *ut* понеслось изъ гобоя, скрыпки, въ разладъ, поютъ на всѣ тоны: протираю глаза. Чорти, что ли шутитъ надо мною, или я брежу еще отъ вчерашней попойки? Нѣтъ, я въ тойже комнатѣ гостинницы, въ которой вчера остановился, весь избитый отъ дороги. Надъ самымъ моимъ носомъ, виситъ красный снурокъ колокольчика. Дергаю изо всей силы. Является слуга.

— Ради самаго Бога, что значитъ эта нестройная музыка? Ужъ не концертъ ли кто нибудь даетъ у васъ въ домѣ?

«Ваше Превосходительство! (Надо замѣтить: за общимъ столомъ я пилъ шампанское.) Развѣ не изволите знать, что гостинница смѣжна съ театромъ! Эта дверь, закрытая обоями, ведетъ въ коррндоръ, а изъ него, прямо въ ложу подъ *№* 23. Эта ложа для иностранцевъ.»

— Какъ? Ложа для иностранцевъ?

«Да, сударь, небольшая ложа для двухъ, много, трехъ особъ; ее обыкновенно оставляютъ, для почетныхъ посѣтителей. Она возлѣ самой сцены, съ рѣшетками, внутри убрана зелеными обоями. Если вашему превосходительству угодно... Сегодня даютъ Дона-Жуана, оперу славнаго Моцарта. Цѣна мѣсту талеръ и восемь грошей; мы поставимъ ихъ вашему превосходительству на счетъ...» Послѣднія слова онъ произнесъ, отворяя дверь ложи. При одномъ только названіи Дона-Жуана, я успѣлъ собраться и пройти корридоръ. Театръ былъ обширенъ, убранъ со вкусомъ и великолѣпно освѣщенъ. Ложи и партеръ полны зрителей. Съ первыхъ аккордовъ увертюры, я убѣдился, что оркестръ превосходный. Если пѣніе, подумалъ я, будетъ хотя нѣсколько соотвѣтствовать музыкѣ, я могу надѣяться, что испытаю всѣ наслажденія, которыя обѣщало мнѣ великое произведеніе Моцарта. Въ andante, ужасы страшнаго, подземнаго regno all pianto (царство плача) привели меня въ содроганіе и трепетомъ наполнили душу. Живые, игривые звуки трубъ, послѣ седьмаго такта allegro, раздались въ моемъ слухѣ, какъ неистовые крики преступника, мнѣ мнилось, я видѣлъ злобныхъ демоновъ, возникающихъ изъ

мрака глубокой ночи, а за ними призраковъ, въ восторгѣ и въ упоеніи пляшущихъ на зыбкой поверхности бездны. Борьба человѣческой природы съ невѣдомыми силами, которыя обольщаютъ насъ, чтобъ погубить,—живо представилась моему уму. Наконецъ, буря утихла и занавѣсъ поднялся. Недовольный, дрожа отъ холода, въ короткомъ плащѣ, Лепорелло, въ темную ночь, приближается къ павильону и начинаетъ: пѣть «Notte e giorno fatigar.» А! по италіянски! Сказалъ я: Ah! che piacere! Стало быть, я услышу всѣ аріи, всѣ речитативы, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они родились въ воображеніи великаго художника и въ какомъ онъ намъ ихъ передалъ! Донъ Жуанъ выбѣгаетъ на сцепу; за нимъ Дона Анна, удерживая виновнаго за плащь. Она могла бы быть легче, стройнѣе, величественнѣе. Но какая голова! Какіе глаза! Глаза, которые мечутъ во всѣ стороны электрическія искры любви, ненависти, гнѣва, отчаянія! Волосы густыми кольцами развѣваются надъ лебединой шеей; и бѣлый—утренній нарядъ, закрываетъ, какъ туманомъ, тайныя ея прелести, на которыя нельзя смотрѣть безопасно. Что за голосъ! Послушайте, какъ она поетъ: «non spegar se non m'uccidi!» Среди грома инструментовъ, молніями, вырываются адскіе звуки: напрасно Донъ-Жуанъ старается освободится отъ нея. Но желаетъ ли онъ этого въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ не отталкнетъ онъ могучею рукою слабую женщину? Зачѣмъ не бѣжитъ отъ нея? Преступленіе ли, только что содѣянное, лишаетъ его силы, или борьба, возженная въ его душѣ ненавистью и любовью, истребила въ немъ мужество? Старикъ отецъ заплатилъ жизнію за безразсудное намѣреніе сразиться ночью съ обольстителемъ. Донъ Жуанъ и Лепереллo выходятъ вмѣстѣ на авансцену. Донъ Жуанъ сбрасываетъ плащь и остается въ пурпуровомъ атласномъ колетѣ, великолѣпно вышитомъ золотомъ. Какое благородство, какая мужественность въ его осанкѣ! Лице его смѣло, взоры быстры и проницательны; на устахъ дышетъ сладострастіе; странная игра мускуловъ чела его, придаетъ ему сатанинское выраженіе, которое возбуждаетъ легкій трепетъ, но не уменьшаетъ красоты его лица. Смотря на него, невольно подумаешь, что глаза его имѣютъ волшебное свойство обворожать и что женщины, которыя разъ испытали могущество взора этого человѣка, уже не могутъ разлюбить его и сами невольно стремятся къ довершенію своей погибели. Лепорелло, высокій и худощавый, въ камзолѣ съ пунцовыми и бѣлыми полосами, въ сѣромъ плащѣ, въ шапкѣ съ краеными перьями, — расхаживаетъ по сценѣ большими шагами. Черты его лица представляютъ странное смѣшеніе простодушія, тонкости, насмѣшливости и веселости. Сейчасъ можно видѣть, что этотъ старый плутъ, достойный слуга и сообщникъ Дона Жуана. Оба они счастливо успѣли перелѣзть черезъ стѣну и убѣжали. Приносятъ факелы. Являются Дона Анна и Донъ Октавіо, маленькій человѣкъ, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, причесанный, разкрашенный, со всѣми вычурными пріемами щеголя. Какъ женихъ Доны Анны, онъ безъ сомнѣнія живетъ въ одномъ съ нею домѣ, иначе онъ не явился бы такъ скоро на зовъ. Онъ тотчасъ услышалъ шумъ, могъ немедленно прибѣжать и можетъ быть, спасти отца; но сперва ему надо было приняряднтся; а можетъ быть, прекрасный юноша боялся и ночнаго холода. «Ma qual mai s'offre, o Dei, spettacolo funesto agli occhi miei!» (Боже! какое ужасное зрѣлище представляется моимъ взорамъ!) Въ звукахъ этого дуэта и речитатива, выражается что-то сильнѣе самаго отчаянія, при видѣ ужаснаго преступленія. Худощавая Дона Эльвира, въ которой вид-

ны еще слѣды поразительной красоты, но красоты уже увядшей, приходитъ жаловаться на измѣнника Дона Жуана. Въ ту самую минуту, какъ сострадательный Лепереллo, замысловато замѣчаетъ, что она говоритъ, какъ книга, (parlacome un libro stampato), я вдругъ почувствовалъ, что сзади меня кто-то стоитъ. Отворить дверь и помѣстится въ глубинѣ ложи, — было очень легко. Это чрезвычайно огорчило меня. Я такъ былъ счастливъ, сидя одинъ въ моей ложѣ; я могъ безъ помѣхи наслаждаться божественнымъ созданіемъ Моцарта, такъ прекрасно исполненнымъ; свободно отдаваться всѣмъ впечатлѣніямъ, которыя оно возбуждаетъ; углубится совершенно въ самаго себя! Одно слово, одно безсмысленное восклицаніе, самымъ непріятнымъ образомъ, могло вывесть меня изъ состоянія восторга. Я рѣшился не обращать никакого вниманія на моего сосѣда и, совершенно отдавшись представленію, не говорить ни слова, даже не смотрѣть на него. Склонившись головой на руку, такъ, что товарищъ мой оставался позади меня, я устремилъ взоры на сцену. Такъ все соотвѣтствовало прекрасному началу. Маленькая Церлина, живая и влюбленная, любезничая очень мило, утѣшала бѣднаго простака Мазетто. Донъ Жуанъ, въ отрывистой и сильной аріи: «Fin ch'han dal vino» изливалъ свое презрѣніе къ тѣмъ, кого употреблялъ орудіемъ своихъ удовольствій. Игра мускуловъ въ лицѣ, превосходно выразила его мысль. Явились маски. Ихъ молитва, въ чистыхъ аккордахъ трехъ голосовъ, возносилась къ небу. Открылся задній планъ сцены. Раздались восклицанія радости и звонъ стакановъ. Поселяне и маски, привлеченные праздникомъ Дона Жуана, начали танцы, составляли прекрасныя оживленныя группы. Между тѣмъ, три маски, которыя замышляли мщеніе, подошли ближе. Все приняло торжественный видъ; потомъ, опять началась пляска и продолжалась до той самой минуты, когда Церлина спасена, а Донъ Жуанъ съ обнаженною шпагою сильно устремляется на противника, выбиваетъ изъ рукъ его шпагу и прокладываетъ себѣ путь сквозь толпу, которая приходитъ въ смятеніе.

Давно уже казалось мнѣ, что я слышу за собою свѣжее, нѣжное дыханіе и что-то похожее на шелестъ шелковаго платья; я подозрѣвалъ присутствіе женщины; но погруженный въ поэтическій міръ гармоніи, не хотѣлъ отвлекаться отъ своихъ мечтаній. Когда опустился занавѣсъ, я обернулся. Нѣтъ, не достанетъ словъ для выраженія моего удивленія: Дона Анна, въ томъ самомъ костюмѣ, въ какомъ я видѣлъ ее на сценѣ, стояла предо мною, устремивъ на меня взоръ, полный души и огня. Я оставался безгласенъ и смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ смущенія и испуга. На ея устахъ, (покрайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось) мелькнула насмѣшливая улыбка, въ которой я, какъ будто, видѣлъ отраженіе моей глупой фигуры. Я чувствовалъ необходимость говорить съ нею, а между тѣмъ удивленіе, скажу даже, ужасъ, оковалъ мой языкъ. Наконецъ, почти невольно, у меня вырвались слѣдующія слова: — Какимъ образомъ, сударыня, я васъ вижу здѣсь? Она отвѣчала мнѣ на чистомъ тосканскомъ нарѣчіи, что если я не понимаю по италіянски, ей должно будетъ отказаться отъ удовольствія со мною разговаривать, потому что она говорила только на этомъ языкѣ. Слова ея были исполнены нѣжности, и раздавались въ моемъ слухѣ, какъ самое пріятное пѣніе. Въ то время, какъ она говорила, выраженіе ея темно-голубыхъ глазъ, становилось сильнѣе; каждый взглядъ ихъ заставлялъ трепетать меня всѣми членами. Безъ сомнѣнія, это была Дона Анна. Мнѣ и въ голову не приходила возможность оспо-

рывать ея двоякое присутствіе въ моей ложѣ и на сценѣ. Съ какимъ удовольствіемъ я бы передалъ здѣсь разговоръ, который между нами происходилъ, но всѣ слова, — кажутся мнѣ слишкомъ грубы, безцвѣтны, всѣ выраженія слишкомъ тяжелы, чтобы изобразить легкость и прелесть тосканскаго нарѣчія.

Когда она говорила о Донѣ Жуанѣ и его роли, мнѣ казалось, что всѣ тайныя сокровища этого геніянаго произведенія разкрывались предо мною; что я въ первый разъ проникнулъ въ міръ, мнѣ до того незнакомый. Она сказала мнѣ, что музыка была ея жизнью, и что часто, въ то время, какъ она пѣла, ей казалось, что предъ нею разкрывались чувства, до тѣхъ поръ скрытыя въ глубинѣ ея сердца.

«Да, тогда я понимаю вдохновеніе,» говорила она съ блистающимъ взоромъ и одушевленнымъ голосомъ; «но все вокругъ меня остается холодно и мертво; и когда, вмѣсто того, чтобъ понять мою душу, мнѣ апплодируютъ за трудную руладу или блестящую фіоритуру, — мнѣ становится такъ больно, какъ-будто бы желѣзныя руки давили мое сердце.»

— Но вы меня понимаете; я знаю: царство чудеснаго, царство воображенія, міръ небесныхъ ощущеній для васъ доступны...

«Какъ, божественная женщина! Ты... вы меня знаете?...» Она улыбнулась, и произнесла мое имя.

Раздался звонокъ за кулисами. Мгновенная блѣдность разлилась по лицу Доны Анны; она приложила руку къ сердцу, какъ будто почувствовала въ немъ внезапную боль и сказавъ глухимъ голосомъ, бѣдная Анна, вотъ самыя ужасныя для тебя минуты!» Исчезла изъ ложи.

Первый актъ очаровалъ меня; но послѣ этаго чуднаго произшествія, музыка стала производить на меня дѣйствіе совсѣмъ новое и несравненно могущественнѣе прежняго. Я будто ощущалъ давно ожидаемое исполненіе моихъ мечтаній, самыхъ милыхъ, осуществленіе моихъ самыхъ тайныхъ предчувствій. Когда пѣла Дона Анна, я носился въ морѣ нѣги и наслажденій: глаза мои смыкались противъ воли: я чувствовалъ ощущеніе поцѣлуя на губахъ моихъ; но это ощущеніе имѣло всю силу и всю продолжительность самаго гармоническаго звука. Финалъ «Gia la mensa è preparata.» (Уже готовъ пиръ,) былъ исполненъ съ самою необузданною веселостію. Донъ Жуанъ сидѣлъ и кокетничалъ съ двумя дѣвушками; пробки вылетали одна за другою, вмѣстѣ съ необузданными духами, которые трепетали отъ негодованія, чувствуя свое иго. Сцена происходила въ небольшой комнатѣ съ готическимъ окномъ, въ самую темную, глубокую ночь. Въ то время, какъ Эльвира припоминала невѣрному всѣ его клятвы, на небѣ сверкали молніи, слышны были глухіе раскаты грома: вдругъ за дверью раздастся сильный ударъ. Эльвира и молодыя дѣвушки убѣгаютъ: посреди ужасныхъ воплей адскихъ духовъ, приближается каменный колоссъ, предъ которымъ Донъ Жуанъ кажется пигмеемъ. Земля дрожала подъ стопами гиганта. Донъ Жуанъ, среди бури, грома и страшнаго воя демоновъ, произноситъ свой роковой возгласъ и часъ погибели его наступилъ. Статуя исчезаетъ. Густой смрадъ наполняетъ залу. Наконецъ, онъ рѣдѣетъ, сквозь него мелькаютъ ужасные образы: Донъ Жуанъ борется въ адскихъ мученіяхъ съ толпою демоновъ. Вдругъ, раздается оглушающій трескъ. Донъ Жуанъ и демоны исчезаютъ, неизвѣстно, какимъ образомъ. Лепорелло лежитъ безъ чувствъ въ углу залы. Какъ утѣшительно послѣ того появленіе другихъ лицъ, которыя тщетно ищутъ Дона Жуана. Кажется, самъ зритель освобождается тогда отъ власти адскихъ силъ. Вотъ, является и Дона Анна! Какъ измѣнилась она! Смертная блѣд-

ность покрываетъ ея лице; блескъ очей потухъ, голосъ дрожитъ и прерывается. Но тѣмъ восхитительнѣе была она въ небольшомъ дуэтѣ, съ своимъ кроткимъ возлюбленнымъ, который хочетъ праздновать свадьбу, когда небо освободило его отъ опасной обязанности мстителя.

Хоръ увѣнчалъ дѣло смѣлымъ исполненіемъ. Я убѣжалъ и заперся въ моей комнатѣ, въ самомъ восторженномъ расположеніи духа, въ какомъ только мнѣ быть случалось. Но скоро меня позвали ужинать; я безотчетно пошелъ за общій столъ.

Общество было многочисленно, представленіе Дона Жуана служило предметомъ разговора. Вообще, хвалили италіянскихъ артистовъ и очарованіе ихъ игры. Не смотря на это, не большія насмѣшливыя замѣчанія, брошенныя въ разговоръ, доказали мнѣ, что ни одинъ изъ присутствующихъ, даже и неподозрѣвалъ глубокой мысли, заключенной въ этой дивной оперѣ. Донъ Октавіо, очень понравился, Дона Анна играла слишкомъ страстно. «На сценѣ,» замѣтилъ *Никто*, «должно умѣрять свои порывы, чтобы не поражать слишкомъ сильно. Этотъ *никто* понюхалъ табаку и громко одобрилъ своего сосѣда, увѣрявшаго, что италіянка была, впрочемъ, чрезвычайно красивая женщина, но слишкомъ мало заботилась о своемъ туалетѣ, потому, что въ главной сценѣ прическа ея была въ безпорядкѣ и чрезвычайно ее портила. Другой сталъ напѣвать арію: «*Fin ch'han dal vino.*» Одна дама замѣтила, что Донъ Жуанъ былъ слишкомъ мраченъ и что онъ не умѣлъ придать себѣ видъ вѣтренника. Впрочемъ, очень хвалили шумное исполненіе финала. Утомленный всею этою болтовнею, я убѣжалъ въ свою комнату.

Мнѣ было тѣсно, я задыхался въ скучной комнатѣ гостинницы. Около полуночи, мнѣ послышался шумъ у двери, закрытой обоями. — Кто мѣшаетъ мнѣ еще разъ посѣтить мѣсто этого страшнаго приключенія? Можетъ быть, я опять ее увижу! Мнѣ не трудно перенести туда столикъ, и двѣ восковыя свѣчи. Бѣгу... Въ эту минуту, слуга принесъ мнѣ пуншъ, который я велѣлъ для себя сдѣлать. Видя, что моя комната пуста, а маленькая дверь отворена, онъ вошелъ въ ложу и бросилъ на меня двусмысленный взглядъ. Повинулся данному мною знаку, онъ ставитъ чашу на столъ и удаляется, оборачиваясь ко мнѣ съ вопросомъ на устахъ. Я облокотился на край ложи и сталъ смотрѣть на пустую залу, которая, при волшебномъ свѣтѣ моихъ двухъ свѣчей, представлялась въ странномъ, фантастическомъ видѣ. Вѣтеръ, проникая въ полуразтворенныя двери, волновалъ занавѣсь. Что, если онъ поднимается? Если д. Анна опять мнѣ явится? Д. Анна! вскричалъ я невольно. Мое восклицаніе изчезло въ пустомъ пространствѣ, но оно пробудило духовъ, спящихъ въ инструментахъ оркестра. Они издали слабый и чудесный звукъ и будто шопотомъ повторили милое имя. Я не могъ оградить себя отъ тайнаго ужаса, который, впрочемъ, имѣлъ свою прелесть.

Теперь, я болѣе владѣю своими ощущеніями и чувствую себя въ состояніи, любезный Теодоръ, передать тебѣ, что я постигнулъ въ удивительномъ созданіи божественнаго генія. — Только поэтъ понимаетъ поэта; только души, посвященныя въ таинства храма, угадываютъ то, что навсегда остается тайною для непосвященныхъ. Если разсматривать поэму д. Жуана, не стараясь разгадать въ ней мысли болѣе глубокой, если обращать вниманіе на вымыселъ, который служитъ ей предметомъ, то съ трудомъ можно понять, какимъ образомъ Моцартъ изобрѣлъ на такую тему подобную музыку. Гуляка, который чрезъ мѣру любитъ вино и женщинъ, безразсудно приглашаетъ на пиръ каменную статую старика, котораго онъ убилъ,

защищая собственную жизнь! Право, тутъ не видно большой поэзіи и, согласитесь, такой человѣкъ вовсе не стоитъ, чтобы адскія силы приняли на себя трудъ приходить за нимъ на землю; онъ не стоитъ, чтобы статуя оживотворилась и сошла съ своего мраморнаго коня, для возвѣщенія ему небеснаго гнѣва; чтобы для того гремѣли громы, блистали молніи.

Вѣрь мнѣ, Теодоръ, природа одарила д. Жуана, какъ любимаго сына, всѣмъ, что возвышаетъ человѣка надъ толпою, обреченною страданіямъ и труду; она осыпала его всѣми дарами, которые приближаютъ человѣка къ Божеству; она предназначила его блистать, побѣждать властвовать. Она чудесно устроила его сильное, совершенное тѣло; заронила въ его грудь искру того огня, который зараждаетъ глубокія мысли; онъ получилъ въ удѣлъ душу глубокую, умъ быстрый и живой. Но неизбѣжнымъ и самымъ ужаснымъ слѣдствіемъ нашего паденія было то, что врагу человѣческаго рода оставлена власть истреблять человѣка чрезъ самаго человѣка, внушая ему безграничныя желанія, жажду того, чего онъ не можетъ достигнуть. Эта борьба божественнаго начала и демонасть борьба жизни умственной и жизни вещественной. Желанія, порожденныя могучею организаціею д. Жуана, повергли его въ упоеніе; пламя, безпрестанно разжигаемое, заставило кипѣть его кровь и влекло его къ чувственнымъ удовольствіямъ; въ нихъ, онъ искалъ, надѣялся найти удовлетвореніе и все напрасно.

На землѣ не существуетъ ничего, чтобы столько возвышало человѣка въ его собственной мысли, — какъ любовь; ея безпредѣльное и таинственное вліяніе озаряетъ мракъ нашего сердца, но вмѣстѣ и повергаетъ его въ смятеніе. Можно ли удивляться, что д. Жуанъ надѣялся любовію утолить желанія, которыя терзаютъ его грудь и что тутъ-то искуситель и разставилъ ему свои сѣти. Онъ вложилъ въ д. Жуана мысль, что любовью и ея наслажденіями и на землѣ можно достигнуть того обѣтованнаго намъ счастья, котораго образъ напечатлѣнъ въ душѣ нашей, къ которому стремимся мы желаніемъ съ самаго перваго дня нашего бытія и которое роднитъ насъ съ небомъ. Мѣнялъ безпрестанно одну красавицу на другую, наслаждался ихъ прелестями, до пресыщенія, вѣчно думалъ, что обманулся въ выборѣ и снова надѣялся найти идеалъ, къ которому стремится, д. Жуанъ наконецъ изнемогаетъ подъ тяжестію удовольствій вещественной жизни. Презиралъ, болѣе нежели кто нибудь, людей, онъ долженъ былъ возненавидѣть эти призраки, которые долгое время считалъ своимъ верховымъ благомъ и въ которыхъ онъ такъ жестоко обманулся. Каждая женщина, которою онъ обольщалъ, не была уже для него предметомъ наслажденія, но дерзкимъ упрекомъ человѣческой природѣ и ея Творцу. Глубокое презрѣніе къ общепринятому образу воззрѣнія на жизнь, надъ которою онъ ставилъ себя всѣхъ выше; злая и неистощимая насмѣшка надъ счастіемъ, по понятіямъ толпы; презрѣніе къ спокойствію и безмятежности тѣхъ, которымъ не дано въ удѣлъ чувствовать необходимости выполненія высокихъ назначеній нашей божественной природы, — все побуждало его жестоко играть участію этихъ кроткихъ, покорныхъ и нѣжныхъ созданій и употреблять ихъ цѣлію своихъ развращенныхъ склонностей. Всякій разъ, когда ему удавалось похитить милую невѣсту, нарушить спокойствіе согласнаго семейства, онъ считалъ это побѣдою, одержанною надъ природою. Похищеніе д. Анны и обстоятельства, которыя его сопровождали, было, въ этомъ родѣ, самою блистательною побѣдою, на какую только онъ могъ надѣяться.

Дона Анна поставлена въ противоположность д. Жуану высокими совершенствами, которыми въ равной степени надѣлила ее природа.

Подобно ему, она одарена красотою тѣла и души; но она сохранила чистоту духовную; адъ могъ погубить ее только на землѣ и какъ скоро зло это было совершенно, мщеніе должно послѣдовать неизбѣжно.

Д. Анна создана, чтобы извлечь его изъ глубины отчаянія, которое влекло его къ пагубнымъ желаніямъ; но онъ узналъ ее слишкомъ поздно; онъ можетъ только совершить сатанинскій замыселъ ея погибели. И ничто ее не спасетъ! она падаетъ! Когда д. Жуанъ является, въ началѣ дѣйствія, преступленіе уже совершено. Адскій огонь, пылающій въ его душѣ, дѣлаетъ всякое сопротивленіе безполезнымъ. Онъ одинъ, могъ возбудить въ ней сладострастное упоеніе, которое вверглоее въ его объятія. Послѣ паденія, всѣ пагубныя слѣдствія ея проступка совершаются въ одно время. Смерть отца, убитаго рукою д. Жуана; бракъ ея съ холоднымъ, ничтожнымъ изнѣженнымъ Октавіо, котораго она прежде какъ казалось, любила; любовь, которая пожираетъ ее съ той минуты, какъ она ей отдалась, все даетъ ей чувствовать, что одна смерть д. Жуана можетъ возвратить ей покой, но что этотъ покой будетъ для нея смертію. По этому, она безпрестанно возбуждаетъ своего безстраснаго жениха къ отмщенію; она сама преслѣдуетъ измѣнника; она получаетъ нѣкоторое спокойствіе только тогда, когда видитъ его добычею вѣчнаго мщенія. Она не хочетъ уже уступить желаніямъ своего жениха нетерпѣливо жаждущаго союза. (Lascia, o caro, un anno ancora, allo sfogo del cor mio!) О милый, дай только годъ отдохнуть этому бѣдному сердцу!» Но ей не суждено пережить этаго года и д. Октавіо не увидитъ въ своихъ объятіяхъ ту, которая запечатлѣна пламенною страстію д. Жуана.

Какъ живо и какъ сильно ощущалъ я всѣ эти впечатлѣнія, въ продолженіе аккордовъ, служащихъ аккомпаньементомъ первому речитативу и разсказу о ночномъ похожденіи! И въ самой сценѣ д. Анна, во 2-мъ актѣ, которая для тѣхъ, кто судитъ поверхностно, относится только къ д. Октавіо, для меня заключаются таинственные аккорды, выражающіе волненіе ея души; и какъ же понимать иначе слова, сказанныя, можетъ быть, безъ намѣренія поэтомъ:

Forse un giorno il cielo ancora sentira
Pieta di me!

(Быть можетъ, когда нибудь, небо и сжалится надо мною!)

Бьетъ два часа. Электрическое сотрясеніе овладѣваетъ мною. Я чувствую сладостное благоуханіе араматовъ Италіи, которые, вчера, заставили меня подозрѣвать присутствіе моей сосѣдки. Непонятное ощущеніе, которое я могъ бы выразить только пѣніемъ, наполняетъ мою душу. Вѣтеръ съ шумомъ стремится въ залу; струны фортепьяно въ оркестрѣ потрясаются.... Боже! мнѣ мнится, я слышу, въ отдаленіи, на крыльяхъ незримаго оркестра голосъ Анны; она поетъ: «Non mi dir, bell'idol mio!» Отверзись, далекое и невѣдомое царство, отчизна душъ! Рай, полный очарованій, гдѣ небесная, невыразимая грусть отраднѣе безпредѣльной радости и всѣхъ упованій, разсѣянныхъ на землѣ! Дай мнѣ проникнуть въ сферу твоихъ восхитительныхъ видѣній! Пусть мечты, которыя, то наполняютъ меня ужасомъ, то являются вѣстниками блаженства, въ то время, какъ сонъ оковываетъ мое тѣло свинцовыми узами, пусть онѣ освободятъ мой умъ и умчатъ его въ эѳирные предѣлы!»

—

*Разговоръ за общимъ столомъ.*

*Разсудительный человѣкъ, постукивая по крышкѣ табатьерки:* Жаль очень, что намъ не скоро удастся слышать оперу, такъ хорошо исполненную! А все это отъ проклятаго напряженія!

*Смуглый человѣкъ.* Да, да! и я тоже говорю! Роль д. Анны никогда не проходила ей даромъ! Вчера, она была, какъ въ изступленіи. Сказываютъ, что въ продолженіе всего антракта, она лежала безъ чувствъ, а послѣ сцены 2-го акта, съ нею сдѣлался нервическій припадокъ.

*Неизвѣстный.* О, разскажите, какъ это случилось.

*Смуглый.* Да, да, нервическій припадокъ и столь сильный, что ее невозможно было унесть изъ театра.

*Я.* Ради Бога, скажите, неужели этотъ припадокъ такъ опасенъ? И скоро ли мы увидимъ Синьору?

*Разсудительный, (взявъ понюшку табаку.)* Ну, это трудно; потому что Синьора скончалась, прошедшею ночью, ровно въ 2 часа.

*Пер.* **Е. Д....я.**

# НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ

# ЛАВРОВЪ,

## РУССКІЙ ПѢВЕЦЪ И АКТЕРЪ.

*(Біографія.)*

Прекрасное недолговѣчно на землѣ!

Я думаю, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ, управленія труднѣе, многосложнѣе, замысловатѣе управленія большимъ театромъ. Кулисы имѣютъ свою политику, свою финансовую систему, свою дипломатику, свои сухопутныя, и если не морскія, такъ заморскія силы, свои интриги, интрижки, свои бюджеты и компликацію, которая гораздо запутаннѣе веревокъ, колесъ и проволокъ надъ и подъ сценою. Хорошій директоръ театра стоитъ добраго министра. Его изученію и управленію подлежатъ и внутренная и внѣшная часть театра: артисты и публика. Онъ долженъ проникнуть во всю глубину своего мишурнаго царства, постичь въ полнѣ свою картонную и холстинную природу и совершенно освоиться съ характеромъ, потребностію и направленіемъ — зрителей, пишущихъ, дѣйствующихъ, поющихъ, играющихъ и даже предстоящихъ людей. Это не шутка! Для этаго человѣку нужны только: сила душевная, долготерпѣніе камня, проницательность базилиска, предвидѣніе календаря, заботливость крота, трудолюбіе пчелы, крѣпость дуба, расторопность кузнечика и любовь къ искусству, чуть ли не безумная. Словомъ, хорошій директоръ театра долженъ вмѣщать въ себѣ всѣ добродѣтели животнаго, растительнаго и бездушнаго царствъ. Вотъ почему въ цѣломъ мірѣ считаютъ такъ мало хорошихъ директоровъ. Къ этому малому числу однакожъ, безспорно, принадлежалъ нашъ незабвенный Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ, директоръ Московскаго театра, драматическій писатель, славный актеръ и чтецъ, любитель и знатокъ искусства, артистъ въ душѣ, умной баринъ и благороднѣйшій человѣкъ. Вамъ, можетъ быть, страннымъ покажется, что намѣреваясь говорить о покойномъ пѣвцѣ Лавровѣ, я повелъ рѣчь о Кокошкинѣ, и въ противность пословицы, начавъ *за упокой*, *свелъ на плясовую?* Что дѣлать! Видите ли, въ нынѣшнее двадцатилѣтіе ничего небыло и нѣтъ, истинно прекраснаго и прикосновеннаго къ Московскому театру, съ чѣмъ бы тѣсно не связывалась память о Кокошкинѣ, что бы не было произведеніемъ или плодомъ его заботъ, его ума и любви къ искусству. Заговорите ли вы о Щепкинѣ, Рязанцовѣ, Мочаловѣ, Сабуровѣ, Живокини, Львовой-Синецкой, Рѣпиной, Вер-

стовскомъ, Писаревѣ, Ротчевѣ, Павловѣ, — и словомъ, обо всякомъ талантѣ значительномъ, развившемся въ Москвѣ, при или на театрѣ, вы должны непремѣнно начать, ab ovo, т. е. съ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, ибо онъ или отыскалъ и отличилъ ихъ въ толпѣ, или образовалъ совѣтомъ и одобреніемъ, или побудилъ ихъ къ труду и творчеству. Такъ и объ Лавровѣ нельзя заговорить, не вспомня о Кокошкинѣ.

Однажды утромъ, (это было въ 1824 году) Ѳедоръ Ѳедоровичь сидѣлъ въ зеленомъ шелковомъ сюртукѣ въ роскошной своей залѣ, на Знаменкѣ, и прослушивалъ новую роль одной изъ молодыхъ и талантливѣйшихъ актрисъ Московскаго театра. Онъ поправлялъ ея ошибки, поясняль положеніе и характеръ лица, которое она представляла, и съ жаромъ и одушевленіемъ самъ читалъ стихи ея роли. Слуга доложилъ, что какой-то русскій купецъ желаетъ говорить съ его превосходительствомъ. — «Проси!» — отвѣчалъ Какошкинъ, у котораго ни для кого не было отказа и который лаской и вѣжливостью умѣлъ привязать къ себѣ всякаго съ первой встрѣчи. Вошелъ молодой человѣкъ, высокаго роста, съ бѣлокурой, курчавой головою и чрезвычайно привлекательною, благородной физіогномісй. Онъ нѣсколько разъ поклонился Е. П., но Е. П. занятое эфектнымъ мѣстомъ роли, въ пылу декламаціи, не замѣчало вошедшаго незнакомца, и его низкихъ поклоновъ. Незнакомый остановился у дверей и сталъ пристально слѣдить за интересною сценой, которая передъ нимъ разыгрывалась. Кокошкинъ хлопоталъ, вставалъ, дѣлалъ жесты, показывалъ позы, сердился, хвалилъ, порицалъ и, сядясь въ свое кресло, иногда роняль нечаянный взглядъ на незнакомца, который теперь въ свою очередь ничего не замѣчалъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ роли молодой трагической актрисы. Кокошкинъ сталъ пристальнѣй всматриваться въ гостя: въ осанкѣ его было какое-то благородство, въ пріемахъ довольно свободы. Онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ жестомъ, за каждымъ движеніемъ молодой актрисы и лице его представляло, какъ-бы, зеркало ея душевныхъ волненій: всѣ мускулы его были въ движеніи, а глаза то разгорались огнемъ, то закрывались вѣждами, губы тихо повторяли за нею каждое слово. Кокошкинъ молча улыбнулся. Вѣрный взглядъ его уже проникъ въ глубину души пришельца, онъ тотчасъ понялъ цѣль его посѣщенія, мѣрялъ его глазами и осматривалъ съ ногъ до головы, быстро соображая въ умѣ, какое амплуа могъ бы онъ занять на его сценѣ и въ какихъ роляхъ его прекрасная физика можетъ выказаться съ большей для артиста выгодой. Когда актриса кончила свою роль и вѣжливо поблагодарила директора за его назидательный урокъ, Ѳ. Ѳ. обратился къ незнакомцу.

— Что, мой милый! сказалъ онъ ему съ улыбкой, нравится тебѣ, какъ она читаетъ свою роль?

«Отмѣнно хорошо!» отвѣчалъ съ простодушнымъ чувствомъ молодой купецъ.

— Вѣрно и ты хочешь поступить въ актеры?

«Я пришелъ умолять объ этомъ В. П. Примите меня на театръ: чувствую неодолимую охоту попробывать свои силы и думаю, что могъ бы играть нѣкоторыя трагическія роли. У меня есть и голосъ.»

— Голосъ для пѣнія, но вѣрно нѣтъ голоса, который бы замолвилъ за тебя словечко и потому ты прямо пришелъ ко мнѣ?

«Я надѣялся, что В. П.... Я... много слышалъ....»

— Умно сдѣлалъ, мой милый. Человѣкъ съ талантомъ всегда долженъ итти прямо. Истинное дарованіе говоритъ само за себя, ему непужно протекціи. Но что побуждаетъ тебя вступить на помосты сцены изъ сословія, которое

съ закоснѣлымъ предубѣжденіемъ смотритъ на званіе актера, признавая въ немъ только потѣшника, гаера, и не понимая его художническаго призванія? Можетъ быть нужда?...

«О, нѣтъ, В. П. Я имѣю нѣкоторый достатокъ, небольшой, правда, но могу жить безбѣдно. Я сынъ мѣщанина, родился въ Веглугѣ, въ 1802 году, учился въ здѣшнемъ коммерческомъ училищѣ; нынѣ торгую лѣсомъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ, во время Макарьевской ярмарки, я въ первый разъ увидѣлъ театральное представленіе. Давали «*Эдипа въ Аѳинахъ*.» Съ тѣхъ поръ душа моя неспокойна, какое то тайное чувство влечетъ меня на сцену. Я такъ глубоко постигаю судьбу несчастнаго Царя, что могъ бы, кажется, передать каждое его страдальческое чувство....»

— А не помнишь ли ты чего нибудь наизусть изъ его роли? спросилъ директоръ.

«Какъ-же, я знаю всю роль, отъ перваго до послѣдняго слова.»

— Прочти-ка.

И молодой человѣкъ застѣгнулъ еще двѣ пуговицы своего долгополаго, синяго, купеческаго сюртука, выставилъ одну ногу, *въ смазномъ, нѣмецкомъ сапогѣ*, съ высокимъ голенищемъ и кисточкой, и началъ, нараспѣвъ декламировать сцену Эдипа съ Полиникомъ:

Ты зри главу мою лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!

Онъ зажмуривалъ глаза, по временамъ сильно вскрикивалъ и махалъ руками. Странно было видѣть Эдипа, въ гостиподворскомъ костюмѣ, съ самыми смѣшными и неумѣстными жестами, уморительно шагающаго и жмурящаго глаза, которыя онъ по временамъ открывалъ, когда непомнилъ стиха или сбивался въ метрѣ, и передъ нимъ серіозную фигуру директора, внимательно слѣдившаго за каждымъ звукомъ его голоса, съ хладнокровной миной, даже безъ малѣйшей улыбки, и только изрѣдка нюхавшаго табакъ изъ золотой табатерки.

— Хорошо, хорошо! сказалъ онъ наконецъ. Только, милый, тебѣ надо поучиться. Ты припятъ. Приходи чрезъ два дни и узнаешь дальнѣйшія мои распоряженія. Ты и пѣть умѣешь?

— Я два года пѣлъ басовые голоса въ Новоспасскомъ монастырѣ, по своей охотѣ, не знаю хорошо ли, прибавилъ онъ робко.... многіе хвалятъ....

— Тѣмъ лучше, милый. Лишній талантъ въ актерѣ тоже, что лишнее масло въ кашѣ: имъ ничего не испортишь.

Молодой человѣкъ откланялся, директоръ пожалъ ему руку и ласково проводилъ до дверп залы.

Этотъ юноша былъ Николай Владимировичь Лавровъ.

Чрезъ два дня онъ опять явился. Кокошкинъ велѣлъ ему очистить квартиру въ своемъ домѣ, который, мимоходомъ сказать, былъ истинной консерваторіей артистовъ всѣхъ родовъ; онъ нанялъ учителей музыки, танцованія и фехтовальнаго искусства, которые должны были окончательно образовать Лаврова *для* сцены. Самъ онъ ежедневно занимаясь съ своимъ кліентомъ, старался очистить въ немъ понятія объ искусствѣ сценическомъ, образовать его вкусъ, развить способности, дать направленіе его средствамъ. Такъ прошло около года, Лавровъ показывалъ необыкновенную дѣятельность и трудился *для* своей цѣли съ истинно юношескимъ увлеченіемъ.

Руины большаго Петровскаго театра, построеннаго нѣкогда Медоксомъ и служившія ему какъ бы надгробнымъ памятникомъ, заботами Кокошкина и Князя Дмитрія Владиміровича Голицына принимали великолѣпный видъ. Превосходное зданіе было уже очищено отъ лѣсовъ, на немъ гордо показался изваянный Аполлонъ на четверкѣ бѣлыхъ коней. Величественныя колонны его

фасада украсили обширную площадь, по окраинамъ которой развели цвѣтники, а въ срединѣ готовились построить фонтанъ. Только внутри зданія еще раздавались звуки молота и пѣсни рабочихъ, свидѣтельствовавшія, что храмъ музъ еще не совсѣмъ созданъ. Наконецъ и они умолкли и пышное объявленіе возвѣстило открытіе его: *Торжествомъ музъ*, прологомъ, сочиненнымъ по этому случаю М. А. Дмитріевымъ. Нельзя себѣ представить того впечатлѣнія, которое произвела на присутствующихъ великолѣпная, небъятная зала, ярко освѣщенная и сверху до низу унизанная народомъ. Роскошь и простота ея вмѣстѣ поражали и плѣняли зрѣніе. Она была отдѣлана такъ, какъ нынѣ отдѣланъ нашъ Петербургскій Оперный театръ. Оркестръ грянулъ, голубой пологъ занавѣса, на которомъ красовалась Аполлонова лира, въ сіяніи, поднялся неподвижной стѣной. Между дебрей и развалинъ храма искусствъ явился Геній Россіи, призывая Музъ съ Парнасса для возстановленія разрушеннаго храма и жертвенника русской славѣ:

Да грянетъ праведной хвалою
*Миролюбивому герою*,
Который древній мечь побѣдъ
Извлекъ для блага полвселенной
И изумилъ *свободой* свѣтъ,
Дотолѣ *силой* изумленный.

Музы являются на его призваніе и Геній, принимая дѣвъ памяти, прекраснымъ, звонкимъ, повелительнымъ своимъ голомъ восклицаетъ:

Воздвигнитесь, разрушенныя стѣны!
Возстань, упадшій рядъ столповъ!

И вотъ въ туманѣ облаковъ скрываются развалины и появляется новый блистательный храмъ, который музы украшаютъ своими дивными дарами.

Заря любви и просвѣщенья
Взошла изъ мрака и забвенья!

Каждая изъ музъ кладетъ свое благословеніе на жертвенникъ русскаго искусства. Талія освѣщаетъ его именами *Фонъ-Визина*, *Княжнина* и *Капниста*; Мельпомена славою *Озерова*; Полигимнія развертываетъ на немъ свою памятную хартію и указываетъ на

*Тихій вѣкъ Елисаветы*,
На кроткій и блаженный вѣкъ,
Когда Астреи древней лѣты
Вкусилъ вторично человѣкъ....
И слуха восхищенныхъ Россовъ
Коснулся пѣснью *Ломоносовъ*,
Какъ лебедь, слышный въ облакахъ.

Указываетъ на другой славный вѣкъ:

Гдѣ царства падали предъ русскими орлами;
И въ бурныхъ свѣтъ паукъ сіялъ на Россіянъ!
Гласъ благодарныхъ музъ съ твоимъ величьемъ равенъ!
Тебя безсмертью обрекли
Два Генія, съ небесъ низшедшіе къ землѣ,
*Екатерина и Державинъ!*

Эрато ставитъ на алтарь свою лиру, посвященную Аполлону и поетъ прекрасный

**ГИМНЪ:**

Когда съ Авророй золотою,
Изъ волнъ лазоревыхъ морей,
Восходитъ солнце надъ землею
Въ вѣнцѣ пылающихъ лучей —
Бѣгутъ, лѣтятъ ночныя тѣни!
Весь міръ воскресъ для наслажденій.

Такъ изъ небеснаго чертога,
Когда, оставя образъ бога,
Сошелъ на землю Аполлонъ:
Въ восторгѣ лавры трепетали,
Сердца для жизни воскресали,
Весь міръ былъ въ радость облеченъ!

Свѣтлый голосъ вдохновенья
Въ души нѣжныя проникъ,
Принялъ сладость пѣснопѣнья
Ихъ младенческій языкъ!
Съ звукомъ лиры обомлѣла
Грудь невинности младой,
Страсть живая закипѣла
Благодатною мечтой.

О Аполлонъ! Тобой искусства
*Для* счастья смертнаго даны!
Пусть съединятъ отнынѣ чувства
Тобой избранные сыны!
Да будетъ съ лавромъ воздаянья
Имъ нѣжный миртъ переплетенъ!
И да лелѣютъ ихъ мечтанья,
Какъ благотворный жизни сонъ!

Но вдругъ раздастся громъ и небесная гармонія. Самъ Аполлонъ, тронутый торжествомъ юныхъ жрицъ своихъ, при лирномъ звонѣ, спускается къ нимъ на облакѣ. Онъ не касается стопою до земли, онъ останавливаетъ полетъ свой на воздухѣ, какъ посредникъ между земною страстью и небесными восторгами; онъ паритъ надъ храмомъ и своими жрицами благодѣтельнымъ божествомъ, отъ чистаго обаянія котораго все расцвѣтаетъ весною, загорается жизнью. — О, какъ онъ хорошъ! Богъ солнца и искусства! Какъ величественно стоитъ онъ на лучезарной ауреолѣ своей, какія прелестныя, стройныя формы! А это лицо, одушевленное жизнью и страстью! Бѣлокурыя кудри вьются до плечъ, голосъ его-сладкій звукъ органа, поющаго гимнъ славы! Если вы видали когда нибудь дивное изваяніе Аполлона Бельведерскаго, то вѣрно почитали его прелестной мечтою художника, вымысломъ красоты, недосягаемой въ формахъ вещественнаго міра? — А между тѣмъ Аполлонъ въ *Торжествѣ музъ* — былъ живымъ осуществленіемъ Аполлона Бельведерскаго — безъ всякаго преувеличенія! Да, это онъ, богъ красоты и свѣта, во всемъ своемъ величіи! Онъ явился, какъ дивное существо на театрѣ, прозвучалъ нѣсколькими стройными стихами, очаровалъ зрителей, и опять исчезъ въ туманѣ облаковъ, прежде чѣмъ они могли очнуться отъ забвенія и привѣтствовать въ немъ актера. — Актеръ этотъ былъ тотъ самый купецъ, торговавшій лѣсомъ, съ которымъ мы познакомились въ кабинетѣ Кокошкина.

Стало быть объ Лавровѣ нельзя сказать, какъ о всякомъ другомъ артистѣ, что онъ *вышелъ* на сцену въ *такой-то роли*. Лавровъ слетѣлъ на сцену, богомъ искусства, и исчезъ съ нея такъже, какъ и явился. Объ другомъ актерѣ можно бы, пожалуй, сказать: *онъ упалъ съ облаковъ;* къ Лаврову это выраженіе не шло, ибо съ этой роли, онъ твердою ногою сталъ на сцену и торжествовалъ на ней до самой кончины. Таковъ былъ первый его дебютъ, на возобновленномъ, роскошномъ театрѣ, на пиру искусства, на праздникѣ Московской публики!

Вскорѣ потомъ Лавровъ вышелъ въ роли *Эдипа*. Здѣсь показалъ онъ всю гибкость и силу своего таланта. Онъ игралъ слѣпца Эдипа, совѣмъ не такъ, какъ представляли его до тѣхъ поръ на Русской сценѣ. Это былъ не *герой;* неистовствующій въ рубищѣ, не царь владычествующій въ дебряхъ и лѣсахъ; нѣтъ, это была жертва слѣпаго рока; бѣдный скиталецъ, сохранившій подъ своими лохмотьями не память своего прежняго величія, которое онъ не цѣнитъ, но только длинный рядъ страданій, едва переносимыхъ для человѣка. Когда онъ упрекалъ сына въ неблагодарности и казалъ ему окровавленныя ноги, и державныя руки, которыя долженъ былъ простирать за милостыней, вы слышали какъ бы стонъ сердца, раздиравшагося на части. Этой скорби старика нельзя было утолить ни утѣшеніемъ, ни слезой участія, ни самымъ тропомъ. Голосъ этого старика падалъ на самое дно души, лице его, то плачущее, то оживленное негодованіемъ, такъ и врѣзалось въ память. Раскаяніе Полинника, безчеловѣчнаго сына и брата, хладнокровнаго злодѣя, послѣ этой сцены становилось естественнымъ. Въ немъ начиналъ пробуждаться голосъ природы, а природа горнило, въ которомъ расплавливается даже платинная душа злодѣя. Сцена, въ которой Эдипъ

ласкаетъ дочь свою Антигону, этотъ превосходный идеалъ Софокла, этого полубога добра и чувствительности въ образѣ женщины, заставляла плакать весь театръ отъ умиленія. Лавровъ былъ превосходенъ въ ролп Эдипа. Его величественный ростъ, благородство осанки, естественная, но твердая походка, составлявшія столь яркій контрастъ съ костюмомъ, показывали въ немъ еще развѣнчанное Величество и внушали къ нему невольное уваженіе. Послѣ Эдипа Лавровъ производилъ на меня такое-же сильное впечатлѣніе только въ роли Патріарха Іакова: въ операѣ Мегюля, «Іосифъ прекрасный,» гдѣ онъ въ одно и тоже время поражалъ величественной простотой игры своей, упоительнымъ голосомъ и силою чувства, которымъ было проникнуто каждое его слово. Лавровъ игралъ много трагическихъ ролей, болѣе пли мѣнѣе удачно, но не было у него роли, объ которой бы можно было сказать: Лавровъ ее испортилъ. — Вскорѣ потомъ, Лавровъ сдѣлался любимцемъ Московской публики и самъ страстно влюбился въ молодую, талантливую пѣвпцу того времени, Дарью Матвѣевну Сабурову, сестру извѣстнаго актера Сабурова. Съ этихъ поръ онъ болѣе предался операѣ, голосъ его образовался прекраснымъ, звучнымъ баритономъ. Онъ былъ такъ обширенъ, (въ двѣ октавы: отъ верхняго до нижняго *соль*,) что Лавровъ могъ пѣть и высокія теноровыя партіи и довольно низкія басовыя. Первымъ порядочнымъ учителемъ музыки, котораго уроками пользовался Лавровъ, былъ Антополпни. Но это продолжалось не долго. Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, бывшій тогда еще главою театра, какъ истинный покровитель искусства и таланта, пожелалъ развить еще болѣе дарованія Лаврова и намѣревался отправить его, для усовершенствованія въ Германію и Италію. Къ несчастію доброе намѣреніе великодушнаго вельможи не исполнилось. Обстоятельства измѣнились: въ театральномъ управленіи произошелъ значительный переворотъ, оно вышло изъ подъ вѣдомства Генералъ-Губернатора — и Лавровъ, сдѣлавшійся необходимымъ для сцены, долженъ былъ остаться. Когда Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, утомленный трудомъ, сложилъ съ себя званіе дпректора, Лаврова совершенно перевели въ оперу, т. е. велѣли ему исключительно пѣть на сценѣ; Средствъ къ музыкальному образованію, къ выработкѣ голоса, къ пріобрѣтенію хорошей методы у него было не много. И вотъ. одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ голосовъ въ Россіи, можетъ быть въ цѣлой Европѣ, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ голосовъ, которымъ не могли налюбоваться италіянскіе артисты, бывшіе въ Москвѣ, остался почти, какъ самоцвѣтный камень въ рудѣ своей, безъграни и полигуры.

Лавровъ участвовалъ почти во всѣхъ операхъ, поставленныхъ съ тѣхъ поръ на Московской сценѣ; и къ несчастію, въ операхъ легенькихъ, по большей части комическихъ, гдѣ таланту не гдѣ и не въ чемъ развернуться. Особенно хорошъ онъ былъ въ роли *Цампы*, въ которой и Петербургская публика имѣла случай ему апплодировать, прошедшимъ лѣтомъ. Лавровъ страстно любилъ музыку, и часто изъ любви къ ней жертвовалъ личными своими выгодами. Въ то время, какъ товарищи его старались заманить къ себѣ публику курчавою, длинною афишкою, съ громкими названіями піесъ, съ раздѣленіями и подраздѣленіями, Лавровъ вынималъ изъ подъ спуда серіозныя творенія великихъ музыкальныхъ геніевъ. Такъ давалъ онъ въ свой бенефисъ: *Донъ-Жуана*—Моцарта; *Вампира*—Маршнера; и другія большія оперы. Въ *Вампирѣ* — онъ самъ былъ очень хорошъ, не смотря на то, что эта партія написана довольно низко. Много помогали для

успѣха Лаврова, его прекрасная фигура и талантъ драматическій, которые не всегда встрѣчаются у оперныхъ пѣвцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, соединеніе хорошаго пѣвца, съ отличнымъ актеромъ — въ одно лице, — вещь весьма трудная. Одинъ мѣшаетъ другому. Въ этомъ отношеніи Гримъ и Дидеротъ, приходившіе въ восторгъ отъ методы пѣнія и декламаціи у древнихъ, совершенно правы. У Грековъ и Римлянъ, какъ извѣстно, авторъ піесы часто самъ всходилъ на помосты и читалъ или пѣлъ предъ публикой свое произведеніе. Знаменитый Ливій Андроникъ однажды представлялъ какое-то новое свое сочиненіе. Народу оно такъ нравилось, что бѣднаго автора заставляли повторять многія мѣста и аріи. Кончилось тѣмъ, что къ половинѣ піесы, авторъ—актеръ истощилъ всѣ силы и не могъ продолжать представленія. Тогда онъ позвалъ раба, и поставя его предъ музыкантами, велѣлъ декламировать свою роль, а самъ сопровождалъ ее только мимикой и жестами. Новость понравилась и вошла въ употребленіе: пѣвецъ всегда съ тѣхъ поръ становился ниже просценіума, на которомъ дѣйствовалъ мимъ; оба исполняли свое дѣло, какъ нельзя лучше и піеса всегда шла хорошо. — Въ 1772 году Гримъ, влюбленный въ этотъ способъ передавать оперу, напечаталъ даже въ одной изъ своихъ критикъ: «Игра на театрѣ есть одно изъ тѣхъ дѣйствій, которыя наиболѣе утомляютъ человѣка, усилія актера въ продолженіе времяни вредятъ голосу пѣвца; а пѣвецъ въ свою очередь, занимаясь обработкою и усовершенствованіемъ голоса, вредитъ труду актера. Такимъ образомъ усилія актера и пѣвца перекрещиваются (se croisent) и уничтожаютъ другъ друга.» — Это едва-ли не справедливо. Но Лавровъ умѣлъ прекрасно сочетать свои два таланта, хотя его усплія были гораздо значительнѣе, чѣмъ у каждаго другаго артиста, ибо онъ въ своей дѣятельности не имѣлъ не только руководителя, но даже и подлинника. Прелесть его пѣнія состояла въ необыкновенной сладости и чистотѣ голоса; а главный недостатокъ въ томъ, что рѣдко можно было разслушать слова, которыя онъ пѣлъ. Это происходило отъ дурной методы, или, вѣрнѣе сказать, отъ отсутствія всякой методы пѣнія. Но въ его манерѣ произношенія звуковъ музыкальныхъ, было что-то удивительно пріятное. Каждая его нота заронялась въ душу слушателя, оттого, что въ ней было много металлическаго, упоительно-прекраснаго. Не смотря на преимущества его товарищей, запимавшихъ теноровыя партіи, Булахова и Бантышева, выполненіе Лаврова всегда выигрывало предъ нимп сто процентовъ — и его пѣніе находило болѣе отголосковъ въ сердцахъ. На примѣръ, въ операѣ: «*Аскольдова могила*,» Верстовскаго, большая часть пѣнія и эффектовъ покоится на тенорѣ (и Бантышевъ былъ въ ней очень хорошъ), басу дана только одна значительная арія, и Лавровъ спѣлъ ее такъ, что опа сдѣлалась лучшею, украшеніемъ цѣлой оперы. Лаврова почти никогда не упрекали въ его недостаткахъ, потому, что онъ старался и довольно, удачно умѣлъ, скрывать ихъ.

Я не слыхалъ Лаврова въ *Велизаріи*— Беллини, говорятъ, что это была послѣдняя и блистательнѣйшая его партія.

Въ жизни гражданской, Лавровъ былъ самый общежительный и милый человѣкъ, чуждый всякаго притворства и претендательности. Не думаю даже, чтобъ Лавровъ былъ съ кѣмъ нибудь не въ ладахъ, не только что въ ссорѣ. Онъ обсуживалъ людей въ глубинѣ сердца, и презиралъ ихъ въ тиши. Онъ былъ прикосновенъ къ театру только тогда, какъ выходилъ на сцену, но боялся слишкомъ короткаго сближенія съ закулиснымъ міромъ, чтобъ не остыть къ искусству. Онъ не являлся съ поклонами тамъ, гдѣ они нужны, не расточалъ лести тамъ, гдѣ ее требовали,

не входилъ въ интриги даже и въ то время, когда отъ нихъ зависѣли житейскія выгоды. Чтобъ отдалить свой бытъ совершенно отъ дрязгъ театральныхъ, отъ наглой изнанки сцены, онъ даже уговорилъ жену, совершенно оставить сценическое поприще, когда съ нею столкнулись на немъ нѣкоторые претендательные таланты. — Въ обществѣ, Лавровъ былъ любезенъ и обязателенъ до крайности. Стоило только показать видъ, что его пѣніе можетъ доставить пріятную минуту, и онъ уже сидѣлъ за фортепьяно, и безъ просьбъ и отговорокъ развивалъ свой золотой голосъ блестящей капителью или звучалъ имъ сладко, какъ рѣка звучитъ волнами по долинѣ.

Однимъ словомъ, Лавровъ былъ истинный, *урожденный* артистъ, любилъ свое искусство всею силою души и вѣрно развилъ бы его до возможнаго совершенства, еслибъ при своихъ природныхъ средствахъ, имѣлъ къ тому всѣ способы и пособія. Прекраснѣйшей чертою души Лаврова — было чувство благодарности. Въ бытность его у меня, прошлымъ лѣтомъ, онъ, въ присутствіи одного изъ извѣстныхъ, петербургскихъ музыкантовъ и нѣсколькихъ литераторовъ, разсказывалъ повѣсть своей жизни. Съ какимъ теплымъ чувствомъ относился онъ о Кн. Д. В. Голицынѣ! Съ какой искренней благодарностью благословлялъ онъ память Ѳ. Ѳ. Кокошкина, которому, какъ онъ выражался, обязанъ былъ праотеннымъ бытіемъ своимъ и настоящимъ благосостояніемъ! Другая прекрасная черта въ немъ была та, что онъ чувствовалъ и сознавалъ свои артистическіе недостатки, сожалѣя о невозможности ихъ исправить. Я помню, съ какимъ восторгомъ онъ иногда утромъ приходилъ говорить мнѣ объ талантахъ Петрова или Ферзинга, которыхъ наканунѣ видѣлъ въ какой нибудь сферѣ. Ни чувства соперничества, ни зависти въ немъ не было: онъ восхищался ими отъ полной души. Такое самоотверженіе, такое пренебреженіе мелочныхъ расчетовъ самолюбія — по истинѣ большая рѣдкость въ артистѣ, у котораго все бытіе, слава, мечты и наслажденія имѣютъ источникомъ и основаніемъ — одно *самолюбіе*.

Нынѣ Лаврова не стало: онъ умеръ въ слѣдствіе простуды, отъ нервической горячки: Вотъ, что пишутъ изъ Москвы о его кончинѣ, къ одному молодому здѣшнему литератору:

«За двѣнадцать дней до смерти, Лавровъ восхищалъ еще Московскую публику своимъ пѣніемъ, и публика съ восторгомъ принимала его; не думая и не подозрѣвая, что она слышитъ пѣснь лебединую.»

Но нѣтъ, не лебединая была эта пѣсня! Лебединую пѣснь слышали друзья его, окружавшіе его болѣзненный одръ. Боже мой! Какіе звуки! Какъ онъ сладко пѣлъ, этотъ умирающій лебедь, пожираемый огнемъ разрушительной болѣзни. Въ бреду горячки, онъ весь былъ погруженъ въ море звуковъ и гармоніи. Его энергическій баритонъ перешелъ въ самый сладкій, самый мягкій теноръ: и угасающій пѣвецъ превратился въ живаго, дивнаго импровизатора. Страшно, но вмѣстѣ отрадно было слушать его! Эти дивные звуки вызывали слезы изъ глазъ и сердце замирало, терзаемое страданіемъ и въ то же время упоенное дивнымъ наслажденіемъ. Это были послѣднія земныя пѣсни, отъ которыхъ вѣяло уже небомъ. Въ памяти его одинъ за другимъ носились различные мотивы, но ни одинъ изъ нихъ не сохранился въ цѣлости: — онъ, какъ будто бралъ тему и варьировалъ ее въ своей импровизаціи, и всѣ эти, по видимому, разорванные звуки, составляли что то цѣлое, глубокое, никогда прежде неслыханное. Это было вдохновенное, полное, художественное созданіе, въ которомъ выражалась борьба между духомъ и тѣломъ, жизнію и смертью, небомъ и землею.

Въ послѣдній разъ запѣлъ онъ молитву изъ *Іосифа* и съ нею на устахъ испешелъ въ хоръ ангеловъ, къ лучшему бытію — въ вѣчность!

Миръ, добрая память и благословеніе артисту!

Говорятъ, будто *друзья* покойнаго Лаврова успѣли на лету записать его предсмертныя импровизаціи и намѣрены *издать ихъ въ свѣтъ*. — Невѣрю! *Друзья* не способны на такой хладнокровно варварскій поступокъ! Какъ! Положить на ноты *предсмертныя страданія друга*, издать въ свѣтъ *послѣдній вздохъ* человѣка, который насъ любилъ, это все равно, что вскрыть грудь человѣку, чтобъ посмотрѣть на предсмертное движеніе сердца! Не вѣрю! Такихъ друзей благородный, добрый Лавровъ не заслуживалъ и не имѣлъ. Это могли сдѣлать *не друзья*, а *промышленники*, движимые меркантильными видами, которые и смерть человѣка съ извѣстностью хотятъ обратить себѣ въ пользу!—Истинныхъ друзей Лаврова поступокъ ихъ вѣрно привелъ бы въ справедливое негодованіе.

**ѲЕДОРЪ КОНИ.**



# ЕЩЕ ОДНОГО НѢТЪ!

*(Некрологъ.)*

Смерть не разбираетъ своихъ жертвъ. Сегодня скоситъ мирнаго земледѣльца, котораго извѣстность ограничивалась домашнимъ кругомъ; завтра — генія, котораго слава облетѣла міръ, изъ конца въ конецъ. Смерть шутя коснется человѣка, шутя столкнетъ его въ могилу, ей и горя мало на какое чело она возложитъ тяжкую десницу, на чело увѣнчанное короной, лавровымъ вѣнкомъ или миртомъ и васильками. Она не спроситъ у міра: «Нуженъ или нѣтъ этотъ человѣкъ?» Она, какъ злодѣй, руководимый личной выгодой, губитъ безъ разбора. Недавно коснулась она своей неумолимой рукой высокаго художаваго старика, давно лелеявшаго ее въ груди своей, носившаго ея образъ въ наружныхъ формахъ тѣла. Она коснулась...

> И цѣпь разумныхъ тварей міра
> Укоротила на звѣно?..

Это звѣно — драгоцѣнное, незамѣнимое, звѣно въ цѣпи прекраснѣйшихъ явленій человѣчества; этотъ старикъ былъ — Николо Паганини!

Угасъ величайшій геній современнаго музыкальнаго міра, непостижимый волшебникъ, котораго смычекъ дѣлалъ, что хотѣлъ изъ звуковъ, приводилъ въ движеніе души, умѣлъ брать на человѣческомъ сердцѣ всѣ аккорды, какіе только могло издавать оно, попеременно волнуемое то восторгомъ, то мукою, то ужасомъ, то умиляющимъ спокойствіемъ, то всѣми потрясеніями вмѣстѣ, смѣшанными въ дикую, оглушительную бурю, какую обыкновенно подымаютъ въ глубинѣ души разнохарактерныя страсти, заговорившія въ одно время.

Паганини въ подруги жизни выбралъ скрыпку. Онъ дѣлилъ съ ней радость и печали, истому сердца и порывы вдохновенія. Онъ познакомился съ нею безъ всякаго посредства: онъ ни у кого не учился. Казалось, какой-то демонъ или добрый геній посвящалъ его въ завѣтныя тайны его искусства. Безобразный, худой, неуклюжій, какъ самая скрыпка, къ которой только и шла его странная фигура, онъ сросся съ нею въ одно цѣлое и его бурная душа перешла изъ безжизненнаго тѣла въ живой инструментъ. Сначала онъ жилъ бѣдно, никѣмъ не замѣчаемый, окруженный какою-то таинственностію, которую любилъ во всю жизнь, и которая много ему помогла въ началѣ его поприща. Наконецъ смычекъ его запѣлъ во всеуслышанье. Онъ потрясъ души, намагнетизировалъ ихъ какимъ то совершенно новымъ чувствомъ, упоилъ небывалымъ эстетическимъ наслажденіемъ. Изумленная Европа заговорила о чудѣ музыкальнаго міра — о Паганини.

Въ послѣдствіи, когда слава его распространилась, высокое мѣсто въ рядахъ геніевъ было опредѣлено, когда золото сыпалось безъ счета въ его карманы, а первостепенные вельможи не стыдились пожимать его костлявую руку и даже за честь почитали называться его друзьями, онъ сохранилъ тѣ же

привычки и странности, какія имѣлъ въ началѣ безъизвѣстнаго своего существованія. Къ нимъ присоединилась еще страсть, странная, несвойственная генію — скупость. Онъ по прежнему жилъ скромно, чуждался общества и копилъ деньги, окруженный всегда непроницаемымъ мракомъ таинственности. Огромное богатство его росло на равнѣ со славою, и трудно рѣшить, чѣмъ онъ дорожилъ болѣе.

Лѣта и опытность остудили въ немъ восторгъ, съ которымъ онъ принималъ сначала бѣшенный энтузіамъ и рукоплесканія толпы. Онъ увидѣлъ, что не нужно родиться геніемъ, не нужно усилій ума и напряженныхъ трудовъ, для пріобрѣтенія земной славы, что ее купить можно гораздо дешевле, средствомъ доступнымъ каждому: — *золотомъ*, и слава потеряла для него цѣну. Столько же скупой на свой геній, какъ и на деньги, Паганини таилъ его, какъ кладъ, какъ свои червонцы, и ни съ кѣмъ недѣлился своимъ талантомъ. Подъ старость вложилъ онъ скрыпку въ футляръ и съ тѣхъ поръ не вынималъ ея оттуда ни для кого, кромѣ коронованныхъ главъ. Только слухъ вѣнценосцевъ казался ему достойнымъ его волшебной скрыпки!

При всѣхъ странностяхъ и невыгодныхъ качествахъ Паганини — человѣка, Паганини—скрыпачъ явленіе необыкновенное, носящее всѣ признаки генія великаго и самостоятельнаго. Ему принадлежитъ въ музыкѣ созданіе скрыпки: онъ пробудилъ въ природѣ новые звуки, дотолѣ скрытые въ тайникахъ ея. До него существовалъ этотъ инструментъ; на немъ играли; но это были мертвые, въ порядкѣ расположенные звуки, безъ страстей; они только ласкали слухъ мелодической гармоніей, стройнымъ сочетаніемъ аккордовъ, то тихихъ и продолжительныхъ, то громкихъ и быстрыхъ. Онъ влилъ въ скрыпку душу, расположилъ по струнамъ ея всѣ органы внутренней жизни человѣка, такъ, что каждая изъ струнъ выражала которую нибудь изъ страстей его. Произвольно онъ бралъ то одну, то другую струну и исторгалъ звуки не только обворожающіе слухъ, но доступные душѣ, говорящіе понятно сердцу, какъ будто давно родные ему, давно затаившіеся въ немъ. Однимъ словомъ: онъ научилъ скрыпку говорить языкомъ человѣческимъ. Не это ли подало Бальзаку мысль написать его *Тобія Гуарнеріуса*, гдѣ сынъ заключаетъ въ скрыпку душу своей матери и каждый разъ, какъ только онъ коснется струнъ, она отвѣчаетъ ему или воплемъ отчаяннаго мученія или кроткой жалобой и мольбами...

Но Паганини — умеръ. Звуки божественной музыки его умолкли, умолкли — навсегда. Онъ не имѣлъ предшественниковъ и не будетъ имѣть послѣдователей. Явились Гаумапы, Оле-Булл и другіе, которые болѣе или менѣе подражаютъ ему, но можно ли подражать голосу человѣческому, не умѣвши говорить. Они переняли только трудности его искусства, лепетъ его скрипки и всѣ усилія ихъ болѣе или мѣнѣе походятъ на фарсъ. Послѣдователей у него быть не можетъ, потому что онъ ни кого не училъ и не передалъ ни кому своего искусства. Скупецъ и на краю гроба не измѣнилъ своей страсти, онъ схоронилъ свой кладъ въ душѣ, унесъ его съ собой въ могилу. Онъ правъ передъ свѣтомъ, правъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, — онъ оставилъ своему сыну въ наслѣдство — милліоны, это вѣрнѣе, нужнѣе въ жизни... Но правъ ли онъ передъ искусствомъ, святымъ и высокимъ, которому всѣмъ обязанъ, и милліонами и славой, на алтарь котораго, какъ жрецъ долженъ былъ принести свой талантъ? Что чувствовалъ этотъ человѣкъ, въ послѣднія минуты жизни, святыя минуты перехода отъ смерти — къ безсмертію, отъ суетности—къ небу отъ грѣховъ—на судъ Бога? Не раская-

вался ли онъ въ своей святотатственной эгоистической скупости, но жалѣлъ ли что не передалъ завѣтнаго сокровища души, на которое имѣетъ права міръ, въ наслѣдіе міру? или безчувственно и гордо смѣялся онъ, какъ отецъ, въ гнѣвѣ лишившій наслѣдства единственнаго сына?... Паганини унесъ въ могилу тайну своего дивнаго искусства и долго а можетъ быть и никогда міръ не услышитъ его волшебной музыки!...

Паганини давно уже страдалъ застарѣлой чахоткой. Онъ испытывалъ всевозможныя воды и климаты, всѣ животворныя вины, всѣ цѣлительныя травы, собралъ наилучшихъ докторовъ со всей Европы, платилъ деньги безъ счета, ничто не помогло — смерть взяла свое. Мая 27 онъ скончался, въ Ницѣ, держа еще въ рукахъ свою драгоцѣнную *Кремонскую скрипку* — и утопляя взоры во вдохновенно-прекрасную итальянскую луну. —



# ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ 124 нумерѣ *Сѣверной Пчелы*, подъ рубрикой *журнальная мозаика*, помѣщена довольно странная выходка противъ *Пантеона Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ*, который *одна* политически-литературная газета недавно еще такъ выхваляла и котораго редакторъ прежде былъ ея фельетонистомъ, но по выходѣ второй книжки *Пантеона*, отказался отъ этой чести. Замѣчанія сдѣланныя *Сѣверной Пчелой* такъ куріозны, что нельзя не подѣлиться ими съ нашими читателями и не сказать противъ нихъ нѣсколько словъ. Вотъ, что говоритъ мозаика: «Въ *Пантеонѣ* перевели (*) *извѣстную* піесу: Le Gamin de Paris, *Жозефъ, Парижскій мальчикъ*. Въ Парижѣ много *мальчиковъ*: неужли каждый изъ нихъ gamin? Не обижайте Парижанъ, по напрасну. Gamin есть уличный *бродяга* (?!!?!) незрѣлаго возраста, а между тѣмъ въ Парижѣ есть прекрасные и премилые мальчики? И почему же этотъ *мальчикъ* съ *пальчикъ* (вѣроятно острота?) названъ Жозефомъ, а не *Осипомъ* или *Оськой*? (опять острота!) По Русски нѣтъ ни *Жака*, ни *Жозефа*.» — Все это ясно показываетъ, что достопочтеннѣйшій Ѳ. В. Булгаринъ, завѣдующій литературною частью С. Пчелы, далѣе заглавія не знакомъ съ піесой, о которой пишетъ. Иначе онъ вѣрно бы убѣдился, что этотъ *Жозефъ* есть дѣйствительно *прекрасный* и *преблагородный* мальчикъ, а не *бродяга* т. е. инымъ словами, *воръ* и *мошенникъ*, какъ онъ — изволитъ полагать. Слѣдовательно ему совсѣмъ не-нужно было съ такимъ жаромъ вступаться за честь французовъ, которыхъ, мы Русскіе, никогда не обижали, и писать статью противъ хорошаго перевода одной изъ лучшихъ современныхъ піесъ французскаго репертуара. Что въ Россіи нѣтъ ни *Жака*, ни *Жозефа*, такъ-же справедливо, какъ и то, что во Франціи нѣтъ ни *Осипова*, ни *Оськи*. А какъ въ піесѣ, о которой говорится, дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, а не въ Чухломѣ, и главное лицо ея образованный Французъ, а не герой со Щукина двора, то онъ могъ только называться *Жозефомъ*, а ужъ никакъ не *Оськой*. Странное дѣло, что въ томъ же фельетонѣ С. Пчелы, гдѣ даются такія остроумные совѣты на счетъ перевода собственныхъ именъ, пишутъ нѣсколькими строками ниже: «*Фанни Эльслеръ*, пріѣхавшая въ Нью-Іоркъ...» и проч. За чѣмъ же *Фанни*, а не *Фенечка* или *Федосья*, Господа Совѣтники? Далѣе въ *Мозаикѣ*, сказано: «Въ статьѣ: о *балахъ въ Россіи*, въ Пантеонѣ заставляютъ г-жу Ментенонъ жить въ *монастырѣ* Сенъ-Сирѣ, и давать тамъ *балы*, хотя (это *хотя* здѣсь очень хорошо!) Сенъ-Спръ никогда не бывалъ *монастыремъ*: онъ просто женское учебное заведеніе.»

—Начнемъ съ того, что статьи: «о *балахъ въ Россіи*» — въ *Пантеонѣ* не было и нѣтъ. И какимъ бы образомъ г-жа Ментенонъ и Сенъ-Сиръ попали на

(*) Т. е. надлежало бы сказать: помѣстили переводъ одного изъ лучшихъ писателей нашихъ для сцены *П. С. Ѳедорова.*

*балъ* въ *Россію*? — Но есть статья редактора: *Исторія баловъ и маскерадовъ*, въ которой дѣйствительно говорится и о г-жѣ Ментенонъ, и о Сен-Сирскомъ *монастырѣ*, но ни слова не сказано о томъ, что она въ немъ давала *балы*. Достопочтеннѣйшій Ѳ. В. Булгаринъ опять правъ: Сен-Сиръ *никогда не былъ монастыремъ*: онъ просто женское учебное заведеніе, которое однакожъ называлось *монастыремъ*. Не угодно ли ему заглянуть въ *мемуары Людовика Расина*, тамъ онъ найдетъ нижеслѣдующее:

«Madame de Brinon, première supérieure du couvent de Saint-Cyr, aimait les vers et la comédie, et au défaut des pièces de Corneille et de Racine, qu'elle n'osait faire jouer, elle en composait de détestables, à la vérité.» Это значитъ: «Г-жа де Бринонъ, первая настоятельница Сен-Сирскаго *монастыря*, любила стихи и комедію, и за недостаткомъ піесъ Корнеля и Расина (Жана), которыхъ она не смѣла давать, она сама сочиняла комедіи, по истинѣ — предрянныя.» Мало этого, пусть достопочтеннѣйшій г. Булгаринъ развернетъ: Разсказъ г-жи Амабль Тастю: *о представленіи Эсѳири въ Сен-Сирскомъ монастырѣ*; тоже найдетъ онъ и въ сочиненіяхъ *Боало* и въ *письмахъ* самой *гжи Ментенонъ* (*). А ежели ему не вѣроятнымъ кажется, что въ Сен-Сирѣ давались публичные спектакли, (**), то онъ можетъ прочесть предисловіе къ *Эсѳири* самаго Жана Расина, гдѣ почтенный старикъ говоритъ: «Я думаю, не мѣшаетъ здѣсь упомянуть, что всѣ мужскія лица въ *Эсѳири* были такъ же выполнены воспитанницами Сен-Сирскаго *монастыря* и притомъ безъ нарушенія приличій ихъ пола. Это было для нихъ тѣмъ легче, что древніе наряды Персовъ и Евреевъ состояли изъ длинныхъ тюниковъ, ниспадавшихъ до земли.»

Довольно ли этаго? Присей вѣрной оказіи, мы можемъ дать добрый совѣтъ доброй С. Пчелѣ: если, кто нибудь вздумаетъ у насъ напечатать, что *такая то дѣвица была въ Смольномъ монастырѣ*, Пчелѣ не слѣдуетъ колоть его вкось и вкривь и доказывать, что это *женское учебное заведеніе*, а не *монастырь*; а то, чего добраго, этакъ она, пожалуй, попадетъ опять въ просакъ, а что и того хуже, въ водевиль Коровкина: *Такъ, да не такъ*! отъ чего да сохранитъ Аллахъ всякаго человѣка!

Въ заключеніе *Мозаика* С. Пчелы прибавляетъ: «Много кое-что (не *чего ли*?) забавнаго, въ томъ же родѣ, можно встрѣтить въ *Пантеонѣ*; придетъ время, и мы отдадимъ полный, подробный и *безпристрастный* отчетъ о *Пантеонѣ*.» — Какъ мы слышали, *время это придетъ* при открытіи новой *подписки* на *Пантеонъ*. Ждемъ его съ нетерпѣніемъ и напередъ увѣрены, что найдемъ въ этомъ *безпристрастномъ* отчетѣ С. Пчелы *много кое-чего забавнаго*, въ томъ же родѣ. Только ради Бога, господа, хоть для *приличія*, прочитывайте напередъ то, чему вы кладете рѣзкій и рѣшительный приговоръ, право, оно нисколько не повредитъ *безпристрастію* вашего отчета!

*Редакторъ Ѳ. Кони.*

(*) Зри: L'art épistolaire.

(**) О томъ, что тамъ давались *балы*, въ *Пантеонѣ* ни слова не сказано.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 5 іюля, 1840. Ценсоръ *П. Корсаковъ*.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинград... льная
имени ... АРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ



Decoration du 3.e acte d'Ines de Castro. (Theatre Italien.)



*Porret fec.*

ГОФМАНЪ.

# ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ

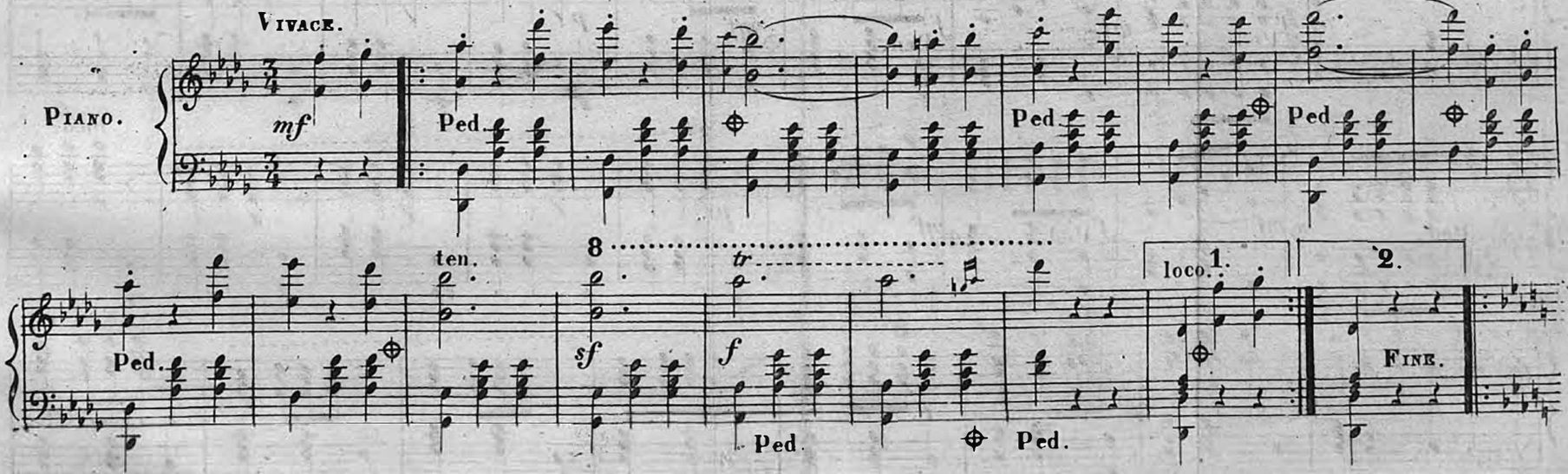
## № 6.

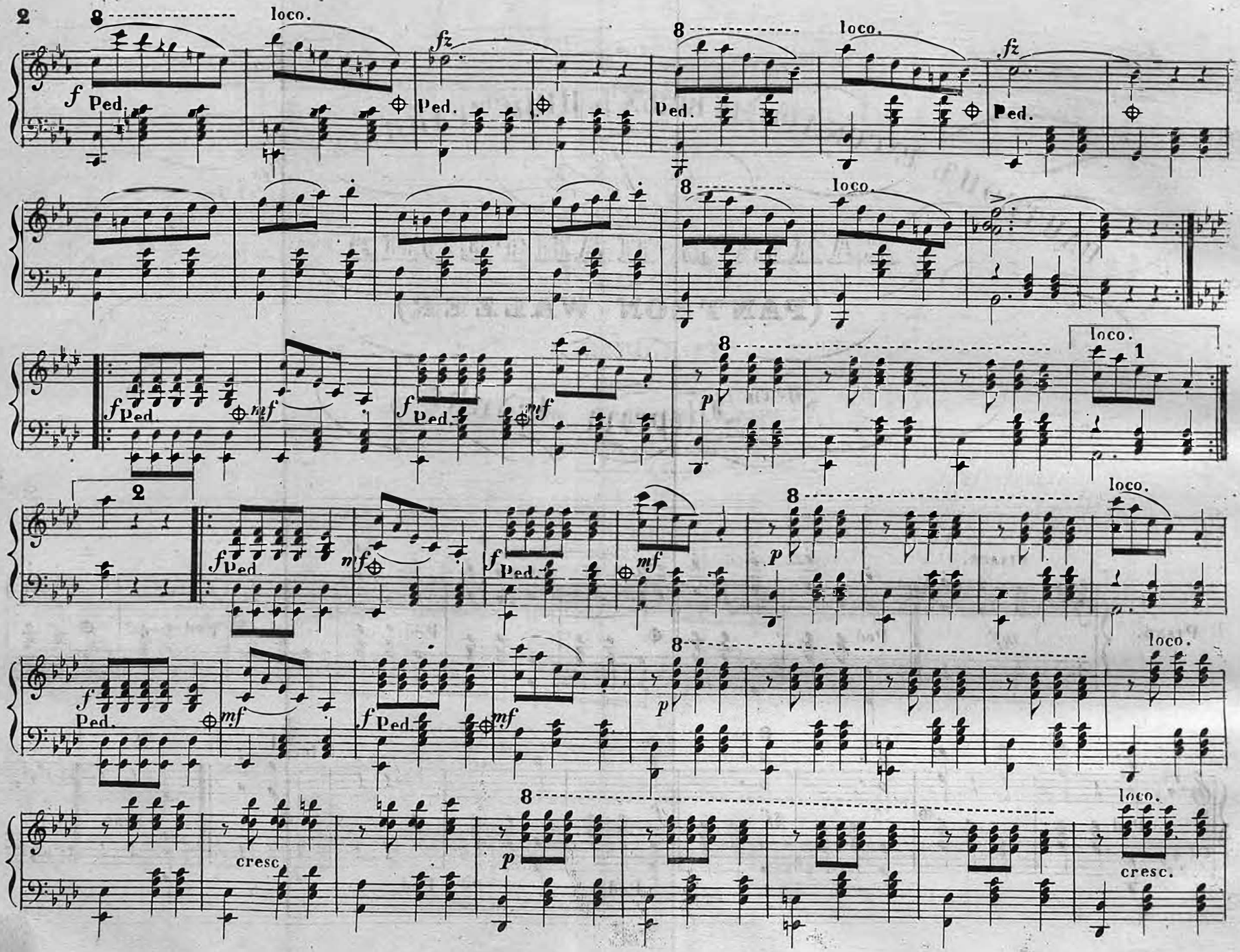
# ВАЛЬСЪ ПАНТЕОНА

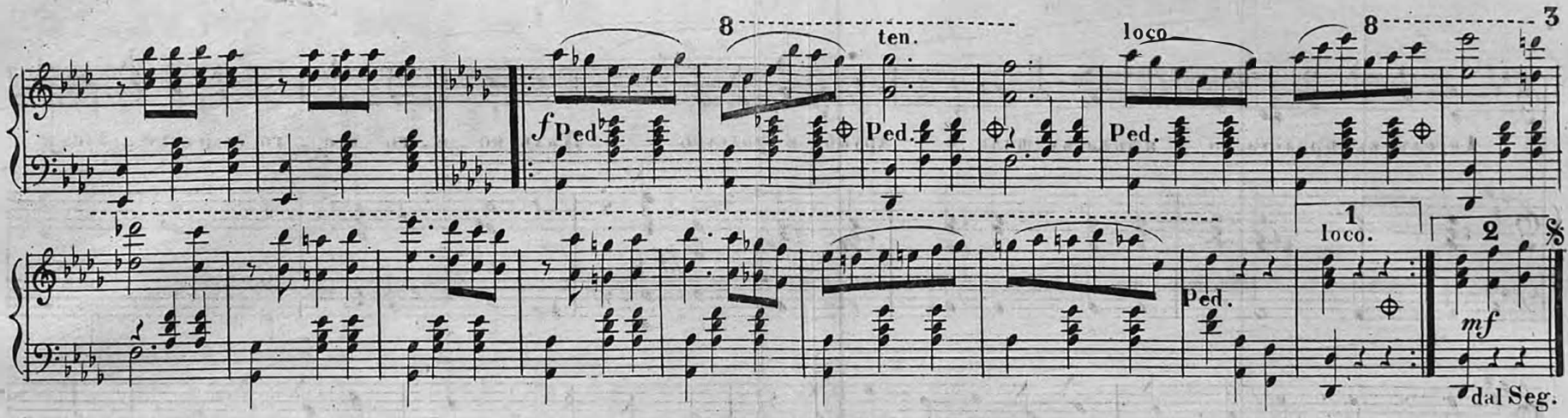
## (PANTEON-WALZER)

сочиненія

Іоси Терезы Гёдике.




2
8
loco.
fz
f
Ped.
mf
p
cresc.
1
2

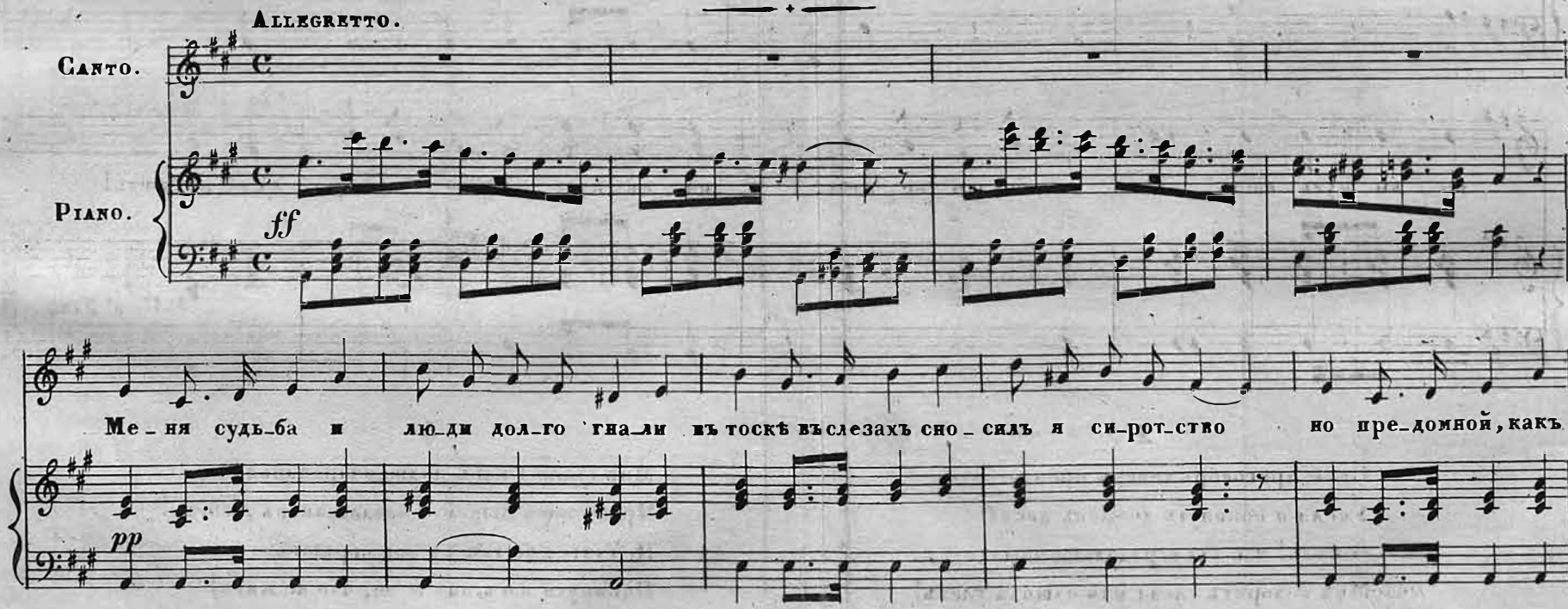


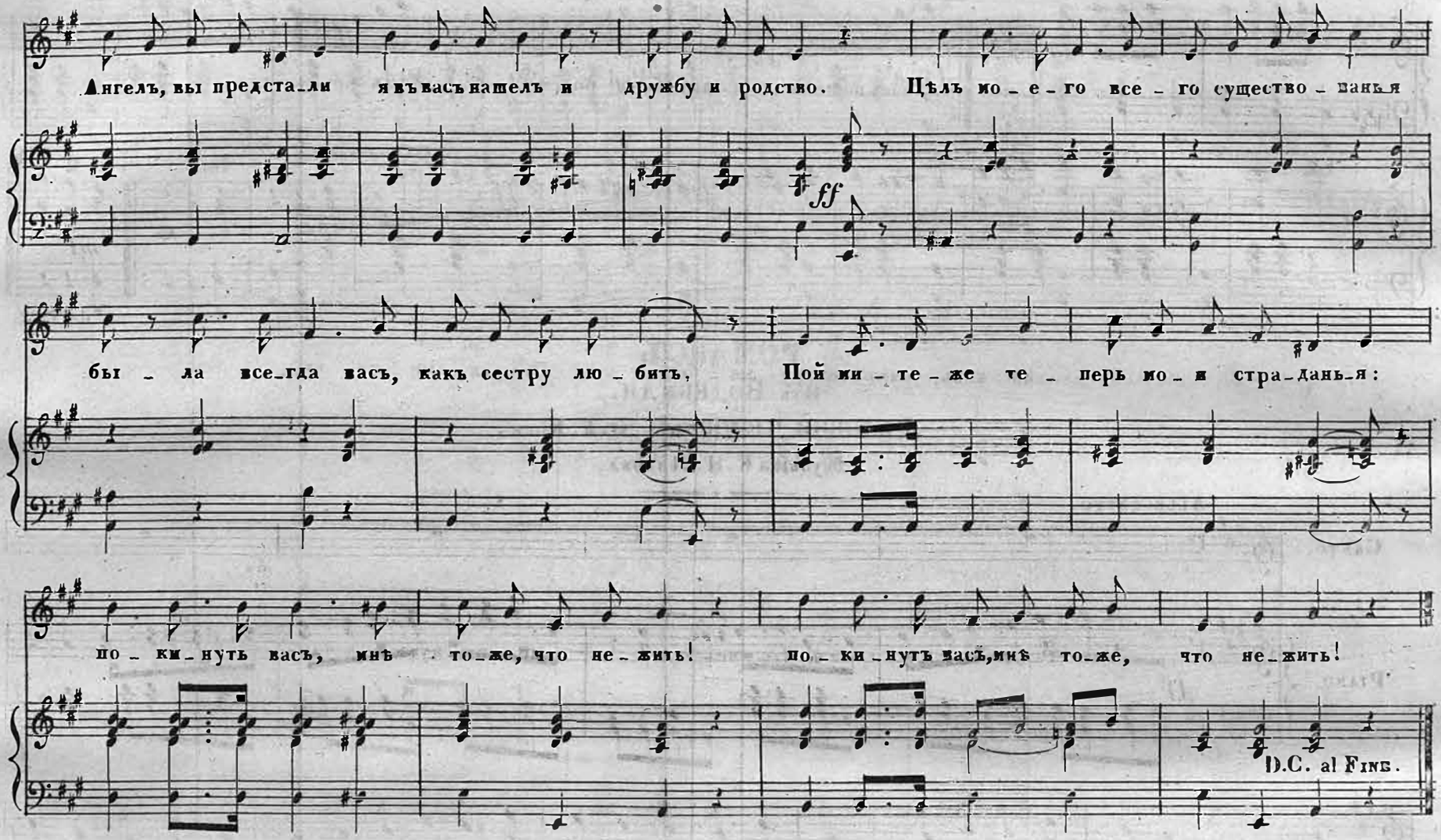

# РОМАНСЪ

## Изъ Водевиля:

## „ Дѣловой человѣкъ „ Ѳ. А. Кони,

### Музыка К. Н. Лядова.






**2**

Свой приговоръ теперь произнесите:
Ужели я покинуть долженъ васъ?
О нѣтъ! что вы страдальца пощадите,
Мнѣ говоритъ слеза изъ вашихъ глазъ!

**3**

Мнѣ стала жизнь полна очарованья!
Чрезъ васъ людей я началъ вновь любить!
Поймите-же теперь мои страданья:
Покинуть васъ, мнѣ тоже, что не жить!

# ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ

# ПАНТЕОНА

## РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

### I. ПРОЙЗВЕДЕНІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ:


1. КАРЛЪ VII, КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Александра Дюма*, переводъ *В. С. Межевича.*
2. ЖОЗЕФЪ, ПАРИЖСКІЙ МАЛЬЧИКЪ, комедія-водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, соч. *Баяра и Вандербурха*, переводъ *П. С. Ѳедорова.*
3. ФИПЪ, волшебная трилогія въ стихахъ, соч. *Кн. А. А. Шаховскаго.*
4. ДѢЛОВОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, или ДѢЛО ВЪ ШЛЯПѢ, комедія съ куплетами, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Ѳ. А. Кони.*
5. БЛАГОРОДНЫЕ ЛЮДИ, комедія въ 2 дѣйствіяхъ, соч. *П. И. Меншикова* (автора Очерковъ канцелярской жизни.)


### II. ИСТОРІЯ ТЕАТРА:


1. Исторія театра, *Кн. А. А. Шаховскаго:*
   Статья первая: ТЕАТРЪ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.


### III. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:


1. ОБОРОТЕНЬ, повѣсть *А. А. Александрова (Дуровой.)*
2. МАКАРЪ ОСИПОВИЧЪ СЛУЧАЙНЫЙ, повѣсть *П. А. Перепельскаго* (псевдонимъ.)
3. АТАМАНЪ КОСОЛАПЪ, историческая повѣсть *Д. Ю. Струйскаго.*


### IV. БІОГРАФІИ И НЕКРОЛОГИ:


1. РУССКІЙ ПѢВЕЦЪ И АКТЕРЪ НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ЛАВРОВЪ. Біографія соч. *Ѳ. А. Кони.*
2. ЕЩЕ ОДНОГО ПѢТЪ! Некрологъ Никколо Паганини.
3. К. А. КАВОСЪ. Некрологъ.


### V. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ СТАТЬИ:


1. ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ: I. ВЫСОКІЙ ГЕНІЙ ИЗЪ НИЗКАГО СОСТОЯНІЯ. Статья *Ѳ. А. Кони.*
2. ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ДОНА-ЖУАНА, фантастическій разсказъ *Гофмана.*


### VI. ПЕРЕПИСКА И ПУТЕШЕСТВІЯ:


1. ПУТЕВЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. I. Вильна и Варшава. *И. Ѳ. Ф.*

## VII. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:

1. СОНЪ СТРАДАЛЬЦА, *Г. Алексѣева.*
2. ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ НОВОЙ ТРАГЕДІИ:
   КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ. }
   ПЛАЧЬ НАДЪ МОГИЛОЙ. } *В. И. Ивельева.*
3. ЛУЧЬ НАДЕЖДЫ, романсъ *А. Ѳ. Вельтмана.*
4. СЧАСТЬЕ, куплеты *П. С. Ѳедорова.*
5. ЗАБУДЬ! ЗАБУДЬ! *А. А. Мардинскаго.*
6. ТУДА! стансы, *Кн. Кропоткина.*
7. ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА, *Гр. Е. П. Рос — ной.*
8. ОФЕЛІЯ, *П. А. Некрасова.*
9. РУССКАЯ ПѢСНЯ, *Барона Дельвига.*
10. КУПЛЕТЫ на заказной бумажникъ, *А. И. Писарева.*
11. Я БЫ ХОТѢЛЪ! *П. Ѳ. Фермора.*
12. НОЧЬ ПОЭТА, *Ѳ. И. Менцова.*
13. СНЫ, фантазія, *Ѳ. А. Кони.*
14. ДВѢ СЛЕЗЫ, *Ѳ. П. Сушкова.*
15. РОМАНСЪ, *М. И. Воскресенскаго.*
16. КУПЛЕТЫ, *его же.*
17. НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.
18. ЗИМА, *А. А. Башилова.*
19. ЭПИГРАММЫ И ЧЕТВЕРОСТИШІЯ, *А. И. Писарева и Ѳ. А. Кони.*

## VIII. КРИТИЧЕСКІЕ РАЗБОРЫ:

1. ПѢВЕЦЪ КОНТИ.
2. ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ МОЧАЛОВЪ. *Ѳ. А. Кони.*

## IX. НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ И СМѢСЬ:

Новый пуффъ. М. Д. Дюръ, драматическая актриса. *Аввв Гурычъ Сишкинъ.* Актеръ *Мартыновъ.* Новости театровъ: русскаго, французскаго, нѣмецкаго. Разныя разности и статьи отъ *редакціи Пантеона.*

## X. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. КАРТИНКИ:

1. *Декорація кладбища* изъ новой оперы. *Инеса-де Кастро* въ Парижѣ, писана декораторомъ *Фери*, гравирована *Бертю.*
2. Портретъ *Гофмана*, вырѣзанный въ Парижѣ *Норретомъ.*
3. *Гравированная обертка* на II часть Пантеона, виньетки къ *Карлу VII*, къ *Дѣловому человѣку*, къ *Высокому генію изъ низкаго состоянія.*

II. МУЗЫКА:

1. *Лучь надежды*, романсъ *А. Ѳ. Вельтмана*, музыка *Беллини.*
2. *Русская пѣсня*, слова и мелодія *Барона Дельвига*, аранжирована *И. А. Рушки.*
3. *Вальсъ Пантеона*, соч. г жи *Терезы Гедике.*
4. *Романсъ*, изъ комедіи: *Дѣловой человѣкъ Ѳ. А. Кони*, музыка г. *Лядова.*

*Безденежно* прилагается піеса:

*Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ расчета*, анекдотическая штука водевиль *Ѳ. А. Кони.*

*Въ книжныхъ магазинахъ Санктпетербургскаго книгопродавца*

ВАСИЛЬЯ ПОЛЯКОВА,

*на Невскомъ проспектѣ, на углу Михайловской улицы, въ домѣ Графини Строгановой, и въ Гостиномъ дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 17, продаются вновь вышедшія книги:*

**ПУТЕШЕСТВІЕ КО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ**

**въ 1850 году.**

Сочиненіе автора «Писемъ о Богослуженіи», «Писемъ о спасеніи міра» и проч. Изданіе четвертое, дополненное новою статьею: «О предѣлахъ Апостольскаго Патріаршаго Іерусалимскаго Престола и о подвластныхъ ему Епархіяхъ, составлено, по повелѣнію Блаженнѣйшаго Патріарха Аѳанасія, письмоводителемъ его, монахомъ Анѳимомъ, въ Іерусалимѣ 1838 г. въ двухъ частяхъ. Спб. 1840 г.

*Того же автора:*

**ПУТЕШЕСТВІЕ**

**КО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ РУССКИМЪ**

**и**

**ВОСПОМИНАНІЕ О ПОСѢЩЕНІИ СВЯТЫНИ МОСКОВСКОЙ**

ГОСУДАРЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ,

Спб. 1840 г. Изданіе 3-е, дополненное статьями: Осиповъ монастырь, Новгородъ, Кремль, въ одной книгѣ. Ко всѣмъ тремъ частямъ приложено 6 плановъ Святыхъ мѣстъ. Цѣна за три части, съ 6-ю планами, 4 руб. серебр., съ пересылкою въ города 5 руб. серебромъ.

# ДНИ БОГОСЛУЖЕНІЯ

## ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСТОЧНОЙ КАѲОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ шести частяхъ; вновь вышедшая въ большую 8-ю д. л. до 70-ти печатныхъ листовъ. Содержаніе: Часть первая: Праздники Господни и Пресвятыя Богородицы. Часть вторая: Праздники Святыхъ, праздники мѣстные и гражданскіе. Часть третья: Дни Седмицы. Часть четвертая: Дни постные. Часть пятая: Недѣли Великопостной Тріоди. Часть шестая: Недѣли Цвѣтной Тріоди и недѣли вит Тріоди. Спб. 1840 года. Цѣна 5 руб. серебр. съ пересылкою.

## КНИЖКА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

*начинающихъ учиться Нѣмецкому языку.*

Составленная К. Г— де.

Спб. 1840 г. Цѣна 30 коп. серебромъ.

## ПУТЕШЕСТВІЕ МАРШАЛА МАРМОНА,

Герцога Рагузскаго, въ Венгрію, Трансильванію, Южную Россію, по Крыму и берегамъ Азовскаго моря, въ Константинополь, нѣкоторыя части Малой Азіи, Сирію, Палестину и Египетъ. Перев. съ Франц.; изд. К. Полевымъ. 4 т. М. 1840 г. Цѣна 20 руб.

## ПОРТРЕТЪ ПРИНЦЕССЫ

## МАРІИ ГЕССЕНЪ-ДАРМШТАДТСКОЙ,

литографированный съ оригинальнаго портрета, присланнаго въ С. Петербургъ изъ Гессенъ-Дармштадта и находящагося у Флигель-Адъютанта Полковника С. А. Юрьевича. Портретъ сей отпечатанъ на лучшей Петергофской бумагѣ. Ц. 5 р. ас.

*Подписка принимается на второе изданіе книги:*

# ОПИСАНІЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

## въ 1812 году,

по Высочайшему Повелѣнію сочиненное Генералъ-Лейтенантомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Изданіе второе, въ четырехъ частяхъ, въ большую 8 долю листа, до 80 печатныхъ листовъ, на хорошей веленевой бумагѣ, съ генеральною картою театра войны и 95 картами и планами.

*Цѣна 30 руб. асс., съ пересылкою 35 руб.*

Книга сія отпечается въ теченіи нынѣшняго лѣта.

*У него жъ, Полякова, продаются слѣдующія книги:*

*ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ А. Язвинскаго*, украшенный 1500 портретами Государей, Королей и другихъ знаменитыхъ людей. Цѣна съ текстомъ 10 руб. сереб. съ перес. 40 руб. асс. тетрадь съ спихроническими таблицами (1500 портретовъ) выдается при подпискѣ.

*БАСНИ ИВАНА КРЫЛОВА*, въ 8 книгахъ, съ портретомъ автора и виньетою, гравированными на стали въ Англіи, напечатанные на лучшей веленевой бумагѣ, съ политипажными виньетами Спб. 1840 г. Цѣна 5 руб. ассигн.

*НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЗООЛОГІИ*, или *Уроки*, содержащіе въ себѣ Анатомію, Физіологію, Классификацію и нравы животныхъ. Соч. *Мильна Эдуардса*. Перевелъ съ Франц., съ дополненіями, *П. А. Ловецкій*. 4 части, съ политипажами. М. 1839 г. Цѣна 20 руб.

*ПУТЕШЕСТВІЕ*, чрезъ Южную Россію, Крымъ и Одессу, въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ, въ 1836 и 1837 годахъ. *Н. С. Всеволожскаго*. 2 тома. М. 1839 г. Цѣна 15 руб.

*ОЛЬГА*, бытъ Русскихъ дворянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Сочиненіе автора *Семейства Холмскихъ*. 4 части. Спб. 1840 г. Цѣна 4 руб. серебр.

*КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ* и Нижегородскій гражданинъ Мининъ, или освобожденіе Москвы въ 1612 году. Историческое сказаніе XVII вѣка. Въ

двухъ частяхъ. *И — на Г — х — ва.* М., 1840 г. Цѣна 5 руб. ассигн.

*ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АЗІИ*, составленное на Французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйріе (Eyriès), украшенное гравюрами. Переводъ *Е. Корша.* М., 1840 г. Цѣна 25 руб. ассигн. Пять частей выдаются, а на шестую билетъ.

*КНИЖКА*, заключающая въ себѣ полныя свѣдѣнія о всѣхъ потерянныхъ и утраченныхъ, по разнымъ случаямъ, билетахъ Государственнаго Коммерческаго Банка. Съ открытія его (1 Января 1818 г.) по 1 Мая 1839 г. Спб. 1839 г. Цѣна 10 руб. ассигн.

*ПОДРОБНЫЯ СВѢДѢНІЯ*, о Волжскихъ Калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ *Н. Нефпдьевымъ*. Спб. 1834 г. Цѣна 5 руб. ассигн.

*ЗАПИСКИ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА, А. Глаголева*, съ 1823 по 1827 годъ. 4 части. Спб. 1837 г. Цѣна 20 руб. ассигн.

*БЕСѢДЫ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ* въ удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ о Сельскомъ Хозяйствѣ, составленныя *Борисомъ Волжинымъ*. Выпускъ первый: Хлѣбопашество, съ 6-ю литограф. чертежами. Выпускъ второй: Скотоводство, съ 5-ю литограф. чертежами и 18-ю рисунками, изображающими разныя породы скотовъ. Спб. 1839 г. Цѣна за оба выпуска 10 руб. асс.

*ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ѲАДДЕЯ БУЛГАРИНА.* Новое сжатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное. Съ портретомъ автора и снимкомъ съ его почерка. 1839 — 1840 г. Цѣна 40 руб. При подпискѣ первый томъ выдается.

*САМОУЧИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА*, по методѣ *А. Ф. Язвинскаго*, изданный изобрѣтателемъ методы. 3 части. 1840 г. Цѣна 15 руб. ассигн.

7932.6974

Печатать позволяется. Спб. 9 іюня, 1840. Цензоръ *П. Корсаковъ.*

